

**ҚР БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҚР МӘДЕНИЕТ МИНИСТРЛІГІ
ҚАЗАҚСТАН ӘЛЕУМЕТТАНУШЫЛАРЫ ҚАУЫМДАСТЫҒЫ**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РК
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РК
АССОЦИАЦИЯ СОЦИОЛОГОВ КАЗАХСТАНА**

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RK
MINISTRY OF CULTURE OF THE RK
ASSOCIATION OF SOCIOLOGISTS OF KAZAKHSTAN**

**Түркітiлдес елдер әлеуметтанушыларының
V Конгресс материалдарының жинағы
ТҮРКІТІЛДЕС ЕЛДЕР ДАМУЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ СТРАТЕГИЯЛАРЫ**

**V Türk Dünyasi Sosyologlar Birliđi Kongress materyalleri
TÜRK DÜNYASI ULUSLARARASI
STRATEJİNİN GELİŞTİRİLMESİ**

**Сборник материалов V Конгресса социологов
тюркоязычных стран
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН**

**NATIONAL STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT
OF TURKISH-SPEAKING COUNTRIES
Collection of materials of the V Congress of Sociologists
of Turkic-speaking countries**

г. Алматы, 25–26.04.2014 г.

АЛМАТЫ 2014

УДК 316(063)
ББК 60.5
Н 35

Главный редактор:

Президент Ассоциации социологов Казахстана,
доктор социологических наук, профессор
М.М. Тажин

Редакционная коллегия:

член-корреспондент НАН РК,
доктор социологических наук, профессор
З.К. Шаукенова (отв. редактор)
доктор социологических наук, профессор *С.Т. Сейдуманов*
доктор социологических наук, профессор *Г.С. Абдирайымова*
доктор социологических наук, профессор *Ш.Е. Джаманбалаева*
доктор социологических наук, профессор *Г.О. Абдикерова*
доктор социологических наук, профессор *Н.У. Шеденова*
кандидат социологических наук *С.А. Амитов*
кандидат социологических наук *Ю.В. Кучинская*
докторант PhD *Н.Ж. Биекенова*
докторант PhD *А.А. Кокушева*

Н 35 Национальные стратегии развития тюркоязычных стран: материалы V Конгресса социологов тюркоязычных стран. (Алматы, 25–26 апреля 2014 г.). – Алматы, 2014. – 586 с.

ISBN – 978-601-304-006-6

Материалы V Конгресса социологов тюркоязычных стран включают статьи зарубежных и казахстанских ученых, посвященные вопросам национальных стратегий развития тюркоязычных стран.

Сборник адресуется ученым, преподавателям, магистрантам и докторантам PhD, специализирующимся в области социологии и социально-гуманитарных наук.

**УДК 316(063)
ББК 60.5**

ISBN – 978-601-304-006-6

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2014
© Ассоциация социологов Казахстана,
2014
© Тажин М.М., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧАСТНИКИ

РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН

Гулиев Р.М., Гулиева С.К.

РОЛЬ СУДЕБНЫХ РЕФОРМ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 9

Abulfez Süleymanov (İ)

KÜLTÜRLER ARASI REKABET VE MİLLETLEŞME SÜRECİNDE
BAĞIMSIZ TÜRK CUMHURİYETLERİNİN SOSYOLOJİK
DİNAMİKLERİ..... 20

ВЕНГРИЯ

Тамаш П.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАЦИИ, СОЦИАЛЬНАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НОВАЯ КУЛЬТУРА НЕРАВЕНСТВА
В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ..... 30

ГЕРМАНИЯ

Кайзер М.

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В РАЗВИТИИ..... 35

КЫРГЫЗСТАН

Исаев К.

КЕМ МЫ, ТЮРКИ, БЫЛИ, КЕМ СТАНЕМ, И ВОПРОСЫ
СОЦИОЛОГИИ..... 42

Нурова С.С.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ..... 51

Омуралиев Н. А.

ЛОКАЛЬНЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
В КЫРГЫЗСТАНЕ..... 56

Малтабаров Б.А.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ
В КЫРГЫЗСТАНЕ..... 68

Жунушова С.О. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	78
Казаккызы Н. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА.....	87
Сырзабаев С. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО «КЫРГЫЗА» В ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ТЮРКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	99
Шайылдаева А.К. ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ.....	108
Шаршембиева Т. С. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КЫРГЫЗСТАНА (на примере домов-интернатов для пожилых людей).....	116
Усенова К.Б. ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ НА УРОВНЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ.....	126
РОССИЯ	
Тощенко Ж.Т., Романовский Н.А. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	134
Мансуров В., Юрченко О. СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ.....	152
Федоров В.В. ИССЛЕДОВАНИЕ БУДУЩЕГО: КАК ЭТО ДЕЛАЮТ В РОССИИ.....	172
Задорин И.В. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ.....	177
Калугина З.И. РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	183
Талалаева Г.В., Бабаева Е.Н., Тетерин Ю.В. АКТУАЛЬНОСТЬ НАСЛЕДИЯ АЛЬ-ФАРАБИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	189

Волкова Т.П.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: ИЗМЕРЕНИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОСОБЕННОСТИ..... 195

Мореханова М.Ю., Рубцова В.Н., Муханбетчина М.С.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН..... 203

Нечипоренко О.В., Чемчиева А.П.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА..... 210

РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН (РФ)

Галиев Г.Т., Гришина Т.В., Попов Ю.Н.

БЫТЬ ЛИ ТЮРКСКОМУ МИРУ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫМ?..... 218

Гимаев И.З.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ..... 223

Егорышев С. В.

ОБ ОПЫТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ..... 228

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН (РФ)

Ясавеев И. Г.

ФИНСКИЙ ОПЫТ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ..... 237

Сагитова Л. В.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, НАЦИОНАЛЬНЫЕ МАСС-МЕДИА И НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ МОДЕРНИЗАЦИИ..... 247

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

Hayati Tüfekçiođlu, Veysel Bozkurt, Birol Yeşilada

TÜRK DİLLİ ÜLKELERDE DİNİ DEĞERLER..... 257

Eyüp Zengin

SOSYAL SERMAYE ÖLÇÜTLERİ VE TÜRKİYE 276

<i>Mustafa Çağlayandereli</i> SIVİL TOPLUM KÜRESEL ÇEVRE SORUNLARININ ÇÖZÜMÜ İÇİN BİR ARAÇ ÖNERİYOR! ÖRNEK OLAY: NEVADA-SEMIPALATINSK ANTI-NÜKLEER HAREKETİ	287
<i>Hayati Beşirli</i> YOUTH AND YOUTH POLITICS IN TURKEY	310
<i>Cahit Gelekçi</i> ULUSLAR ARASI İŞGÜCÜ GÖÇÜ KAPSAMINDA BELÇİKA'DA TÜRK NÜFUSUNUN OLUŞUM SÜRECİ VE GÜNÜMÜZDEKİ DURUM	320
<i>Ayşegül Aydıngün</i> WHY TURKIC SPEAKING COUNTRIES NEED A SECULAR STATE?.....	331
<i>Esra Işık</i> A DISADVANTAGED CHILD GROUP: WORKING CHILDRENS IN ISTANBUL STREETS.....	343
УЗБЕКИСТАН	
<i>Каххаров А.Г.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН (ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ).....	355
КАЗАХСТАН	
<i>Абдрашева Б.Ж., Кендирбекова Ж.Х., Баймуканова М.Т.</i> ХАЛЫҚ ТАРИХЫНДАҒЫ РУХАНИ ДӘСТҮРДІҢ ҚОҒАМДЫҚ - ӘЛЕУМЕТТІК МӘНІ.....	367
<i>Абишев М.А.</i> СУВЕРЕННЫЙ КАЗАХСТАН – ЛИДЕР ДВИЖЕНИЯ ЗА БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР	375
<i>Айдарбекова А.С., Қағазшай Ә.Қ.</i> ТІЛДІК ҚҰНДЫЛЫҚ – ҚОҒАМДЫҚ-ӘЛЕУМЕТТІК ҚҰБЫЛЫС РЕТІНДЕ.....	384
<i>Асылханова Г. Ж.</i> РОЛЬ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА КАК ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА.....	392
<i>Аташ Б.М.</i> ТҮРКІЛІК РУХАНИ ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯЛАУДЫҢ ҒАЛАМДЫҚ ДЕҢГЕЙДЕГІ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ.....	399

Ерболаева А.А., Турманова Ж.Е. ТҮРКИЯДА ОРТА АЗИЯ МЕМЛЕКЕТТЕРІН ЗЕРТТЕУ ҮШІН ҚҰРЫЛҒАН ҰЙЫМДАР ЖАЙЛЫ.....	406
Есенова Д.К. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВЕННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	414
Есимова А.Б., Валитова З.Х. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.....	420
Ешпанова Д.Д., Курмангалиева Г.К. КАЗАХСТАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ТЮРКСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ.....	428
Кадыржанов Р.К., Фазылжанова А. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА.....	437
Калдыбаева Т.Ж. СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО: СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ И ПРОБЛЕМЫ.....	451
Комаров О.Е. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (опыт социологических исследований в Павлодарской области).....	459
Қарабаев Ш.Қ. ЖАЛПЫҒА ОРТАҚ ЕҢБЕК ҚОҒАМЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ НЕГІЗДЕРІ.....	468
Мұсаева Н.Р., Мұсаев Р.А. «МӘҢГІЛІК ЕЛ» - ТҮРКІ ӨРКЕНИЕТІНІҢ ТӨЛ ТУЫНДЫСЫ.....	478
Нақытбаева Ж.А. ЗАМАНАУИ ТҮРІК ӘЛЕУМЕТТАНУЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....	485
Оспанова А.А., Есалиева Е.И. ҚАЗАҚСТАН МЕН ТҮРКИЯ АРАСЫНДАҒЫ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ МҮШЕЛ ЖАСЫ.....	494
Садвокасова А.К. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТТРАНЗИТНЫЙ ПЕРИОД.....	502

Смағамбет Б.Ж.	
КӨНЕ ТҮРКІ ӘДЕБИ МҰРАЛАРЫ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАДЫ	511
Сатершинов Б.М., Сейтахметова Н.Л.	
ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН В СТРАТЕГИИ ТОЛЕРАНТНОГО СО-ТВОРЧЕСТВА ИСЛАМСКОГО И ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА....	519
Утешов С.К., Чинасилова А.М.	
ПСИХОЛОГИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	526
Шлымова Г.Е.	
ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	535
Jamanbalayeva Sh.	
AL-FARABI UNIVERSITY EXPERIENCE IN SHAPING CORPORATE CULTURE.....	544
Junussova Zh.	
«MANGILIK YEL» ASTHE NATIONAL IDEA OF THE ESTABLISHED STATE.....	551
Maulsharif M.	
GRADUATES OF SECONDARY SCHOOLS IN KAZAKHSTAN ON DECIDING THE FUTURE COURSE OF LIFE.....	558
Nurbekova Zh.	
KAZAKİSTAN'DA GİRİŞİMCİLİK: KISA TARİHİ.....	564
Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет.....	571
Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.....	573
Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.....	575
Қазақстан әлеуметтанушылары қауымдастығы	577
Ассоциация социологов Казахстана	580
Association of Sociologists of Kazakhstan	583

ЗАРУБЕЖНЫЕ УЧАСТНИКИ

РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН

РОЛЬ СУДЕБНЫХ РЕФОРМ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Р.М. Гулиев,

*президент Азербайджанской социологической ассоциации,
директор Института социологических исследований
Азербайджанской Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики, доктор
социологических наук, профессор*

С.К. Гулиева,

*преподаватель кафедры социальных наук Бакинского Лицея
«Терегги», кандидат социологических наук*

Азербайджан, также как и другие постсоветские государства, приступил к созданию демократических институтов, принял ряд законов, определяющих место и роль различных ветвей власти и гражданского общества в управлении государством. Одновременно в стране осуществлены действия, направленные на переход общества к новым экономическим отношениям, основанным на принципах свободного предпринимательства и рынка.

Однако сам факт функционирования демократических институтов еще не позволил создать подлинно демократические,

правовые отношения в обществе. Последствия коммунистического режима, проявляющиеся в полном отсутствии правового сознания и правовой культуры населения, традиционном представлении о власти только как о коррумпированном авторитаризме очень мешают подлинной демократизации общества и актуализируют поиск наиболее эффективных путей активизации участия граждан в деятельности демократических институтов.

Все эти процессы мы попытались проанализировать применительно к одной из важнейших ветвей власти-судебной системе.

Целью исследования являлось изучение качества, надежности и доступности судебных услуг, выявление существующих проблем в судебной системе, анализ успешности проведения судебных реформ, осуществляемых в Азербайджане и разработка системы эмпирических показателей и методики, по которым может быть оценен ход осуществления реформы судебной системы и эффективность управления им в будущем.

В ходе исследования были опрошены как лица, оказывающие судебные услуги (судьи и работники аппарата судов и структур судебного управления), так и люди, пользующиеся судебными услугами (управляющие предприятий и представители основного населения).

Респонденты отметили, что существующая ныне процедура правосудия не в полной мере способствует обеспечению процессуальных гарантий независимости судей, обеспечению открытости разбирательства дела в суде, реализации принципа презумпции невиновности, обеспечению состязательности и равноправия обвинения и защиты в судебном разбирательстве, всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела в судебном процессе, участием граждан в судопроизводстве.

Результаты опроса показывают, что большинство судей и работников аппарата судов не удовлетворены уровнем зарплаты, правовой базой обеспечения правосудия, институциональной структурой судебной системы, существующей процедурой судопроизводства, размерами и состоянием помещений судов, техническим оснащением судов, материальным обеспечением судов, социальным обеспечением судебных работников.

Работники полиции юстиции посетовали на имеющиеся трудности в исполнении судебных решений. Они выразили недовольство низким уровнем зарплаты судебных исполнителей, слабую техническую оснащенностью полиции юстиции, отсутствием специализации судебных исполнителей и ограниченностью их возможностей для исполнения конкретных видов судебных решений и для осуществления надзора за исполнением решений. Работники полиции юстиции отметили, что указанные трудности связаны в первую очередь с неподчиненностью судебных исполнителей конкретным судебным органам, а также с тем, что зачастую стороны судебного процесса бывают не согласны с решениями судов и не принимают их сторонами в качестве легитимных и справедливых.

Как показали результаты проведенного опроса, большинство опрошенных считают, что экономические реформы не смогут увенчаться успехом, а частное предпринимательство не сможет развиваться без правовой основы и совершенной судебной системы, способных эффективно защитить права частной собственности, осуществлять контроль за выполнением договорных обязательств, защитить права экономических субъектов, создать стабильные условия для деятельности отечественных и иностранных инвесторов и способствовать налаживанию рыночных отношений.

Однако, как показали результаты опроса, на практике целый ряд обстоятельств ограничивает доступ к этой системе, в том числе такие обстоятельства, как количество и местонахождение судов, затраты, связанные с рассмотрением дел в суде, недостаточное знакомство населения с важнейшими законами и их слабое представление о существующей судебной системе.

Проведенный опрос позволил установить, что одним из основных факторов, препятствующих развитию частного сектора, является недостаточное знание законов предпринимательскими кругами. Многие граждане недостаточно информированы относительно своих предусмотренных законом прав и не осознают потенциально полезную роль судебной системы в демократическом обществе. Одним из важных факторов, ограничивающих использование судебной системы является тот

факт, что население недостаточно хорошо знакомо с законами и процедурами работы судебных органов.

Одной из причин, по которым судебная власть не может в полной мере удовлетворить спрос на услуги, является то, что этот спрос искусственно занижен в силу недоверия населения к судебной системе. Другой причиной, снижающей спрос на судебные услуги, является недостаточный экономический рост, не способствующий росту потребности в разрешении экономических споров. Очевидно, что наблюдающаяся тенденция к активизации коммерческой деятельности и успешное проведение экономических реформ будет способствовать повышению спроса на услуги судебной системы.

Результаты опроса показали, что как судебные работники, так и предприниматели и население в целом одобрительно относятся к тому, что в стране проводится судебная реформа и с заинтересованностью наблюдают за ходом ее осуществления. Однако респонденты отмечают, что реформа судебной системы зачастую проводится формально и сводится в основном к декларированию новых принципов, провозглашению законов инструкций. При этом, по мнению большинства респондентов, сущность судебной системы мало изменилось, она по-прежнему не соответствует требованиям демократии, свободного предпринимательства, не является гарантом соблюдения основных прав и свобод граждан.

Существующая в Азербайджане судебная система пользуется доверием со стороны лишь небольшой части населения и предпринимателей. В настоящее время 77.7% населения не доверяет судебной системе страны. Только 24.2% представителей основного населения и 35.5% руководителей предприятий когда-либо пользовались услугами судов.

Респонденты указали на следующие факторы, ограничивающие желание людей пользоваться судебными услугами :

- Несовершенство законов;
- Низкая квалификация судей;
- Коррупция в судах;
- Бюрократические преграды при рассмотрении судебных дел;

- Невозможность добиться исполнения принятых судебных решений.

Данные опроса о знаниях респондентов относительно прав граждан, гарантированных Конституцией Азербайджанской Республики приводятся ниже.

Только 11,1% основного населения и 30,3% руководителей предприятий знают о судебных гарантиях защиты прав и свобод личности.

17,0% основного населения и 31,5% руководителей предприятий знают о своих правах на получение юридической помощи.

13,3% основного населения и 29,3% руководителей предприятий знают о недопущении изменения подсудности.

16,4% основного населения и 34,0% руководителей предприятий знают о презумпции невиновности.

14,6% основного населения и 26,3% руководителей предприятий знают о недопущении повторного осуждения за одно и то же преступление.

13,3% основного населения и 27,3% руководителей предприятий знают о праве повторного обращения в суд.

12,3% основного населения и 28,3% руководителей предприятий знают о недопущении принуждения к даче показаний против родственников.

14,6% основного населения и 33,0% руководителей предприятий знают о праве получать разъяснения о правах гражданина и причинах действий правоохранительных органов при задержании, заключении под стражу и привлечении к уголовной ответственности.

13,3% основного населения и 30,3% руководителей предприятий знают о праве пострадавшего требовать возмещения ущерба.

11,1% основного населения и 25,3% руководителей предприятий знают о свободе от ответственности за деяние, которое в момент совершения не признавалось правонарушением.

О том, что подозреваемому, обвиняемому и подсудимому законодательством Азербайджана гарантировано право на защиту, согласно данным опроса, знают 31.1% респондентов основного

населения и 57.5% респондентов из числа руководителей предприятий.

Наличие этого обстоятельства во многом объясняет причину недовольства людей функционирующей судебной системой. Проводимая в стране судебная реформа мало что изменила в этом деле. Поэтому неудивительно, что только 31,6% основного населения и лишь 33,5% руководителей предприятий довольны ходом осуществления судебной реформы.

Респонденты считают, что для более успешной реализации судебной реформы необходимо усиление законодательной поддержки со стороны Милли Меджлиса, развитие демократии и прав человека в стране, развитие частной собственности и рыночных отношений, создание новой правовой базы судебных реформ, создание новой совершенной системы отбора и назначения судей, повышение правовой культуры населения и руководителей частного сектора и повышение доверия населения и руководителей частных структур к судебной системе.

Респонденты ожидают, что в результате усилий по реализации судебной реформы будут достигнуты высокое качество, надежность, эффективность, доступность и объективность судебных услуг, справедливость рассмотрения дел в судах и независимость судей. Респонденты надеются, что работа по совершенствованию судопроизводства приведет к искоренению коррупции в судах, рационализации процедуры и соблюдению сроков рассмотрения дел, повышению эффективности контроля за судопроизводством и оказанием судебных услуг, качественному и своевременному исполнению судебных решений.

В ходе опроса судьи, работники аппарата судов, руководители предприятий и представители основного населения отметили следующие недостатки, наблюдаемые ими в реализации судебной реформы:

- При принятии законов о судебной реформе не проводится тщательный анализ их финансовых и институциональных последствий;
- Проекты законов недостаточно приведены в соответствие с действующим законодательством;

- Принимаются законы, содержащие ссылки на законодательные акты, которые еще не приняты или не исполняются;
- Принимаются законы, не содержащие конкретных механизмов реализации их в судебной практике;
- Не созданы основы новой институциональной структуры и административные учреждения, обеспечивающие работу судебной системы;
- Порядок назначения, увольнения судей и наложения дисциплинарных взысканий недостаточно эффективен для того, чтобы обеспечить независимость судебной власти;
- Полномочия по осуществлению надзора за судебной системой, которыми наделена прокуратура противоречат принципу независимости судебной власти;
- Вмешательство прокуратуры в рассмотрение гражданских и административных дел, продолжающееся в настоящее время, противоречит принципу равенства сторон в процессе судопроизводства.

Опрошенные судьи и работники аппарата судов обратили внимание на то, что успешной работе новой институциональной структуры, управляющей процессом реформы судебной системы препятствует нехватка средств для финансирования судебных реформ. По мнению опрошенных предпринимателей и представителей основного населения, успешной работе структур, управляющих процессом судебных реформ мешает отсутствие у некоторых судей заинтересованности в реформировании судебной системы.

В ходе проведения опроса многие респонденты, как судьи и работники судебного аппарата, так и потребители судебных услуг – предприниматели и представители обычного населения высказали достаточно много предложений, которые, на их взгляд, могли бы усовершенствовать существующую ныне судебную систему, способствовать более эффективной реализации судебных реформ и повысили бы спрос населения и предпринимателей на услуги судебной системы.

В своих предложениях респонденты связывают повышение спроса на судебные услуги с одной стороны с улучшением

экономической ситуации в стране, развитием рыночных отношений и предпринимательской деятельности и, с другой стороны, с реформированием правовых, институциональных и процедурных основ судебной системы и совершенствованием системы подбора и аттестации судей, повышением их квалификации.

Респонденты высказали интересные предложения, направленные на обеспечение более тесных контактов между предприятиями и физическими лицами с одной стороны и судебной системой с другой стороны с целью улучшения судебных услуг. Респонденты предложили создать в стране региональные центры бизнеса и права, способные консультировать предприятия и население по вопросам получения судебных услуг, содействовать созданию юридических фирм, сфокусированных на защиту прав частного предпринимательства и населения.

По мнению опрошенных руководителей предприятий для рассмотрения коммерческих споров между предприятиями следует создать внесудебные альтернативные методы разрешения споров, такие как коммерческий арбитраж, посредничество, примирение сторон и переговоры. С этой целью, по мнению предпринимателей, необходимо:

- создать правовую основу, обеспечивающую развитие системы альтернативного разрешения споров;
- создать методiku и разработать процедуру коммерческого арбитража, посредничества и примирения сторон;
- подключиться к Нью-Йоркской конвенции, гарантирующей взаимное признание решений, принимаемых судебными органами стран-членов этой конвенции.

Изучение мнений руководителей предприятий, представителей основного населения, а также судей и работников судебного аппарата, проведенный в ходе опроса, анализ их суждений и предложений позволил выявить наиболее острые проблемы, связанные с работой судов и оказанием судебных услуг, определить пути расширения доступа населения и деловых кругов к услугам судов, что поможет дальнейшему улучшению судебной системы и станет предпосылкой более эффективного проведения в жизнь задач судебной реформы в Азербайджане.

ЛИТЕРАТУРА

- Məhkəmələr və hakimlər haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 310-IQ, 10.06. 1997. www.genprosecutor.gov.az
- Məhkəmə-Hüquq Şurası haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 818-IIQ, 28.12. 2004. www.genprosecutor.gov.az
- Konstitusiyaya Məhkəməsi haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 561-IIQ, 23.12. 2003. www.genprosecutor.gov.az
- Məhkəmə və hüquq mühafizə orqanları işçilərinin dövlət müdafiəsi haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 586-IQ, 11.12. 1998. www.e-qanun.az
- İcra məmurları haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 782-IQ, 28.12. 1999. www.genprosecutor.gov.az
- Məhkəmə nəzarətçiləri və məhkəmə icraçıları haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 782-IQ, 28.12.1999. www.e-qanun.az
- Məhkəmə qərarlarının icrası haqqında» Azərbaycan Respublikasının Qanunu. 409-IIQD, 24.12. 2002. www.e-qanun.az
- Abel, Richard L. (1980) «Redirecting Social Studies of Law» in 14 Law and Society Review 803-29.
- Atkinson, J. Maxwell and Paul Drew (1983) Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Courtroom Settings. London: Macmillan.
- Aubert, Vilhelm (1994) Continuity and Development in Law and Society (Oslo, Norwegian University Press).
- Banakar, R. and Travers, M. (2005) «Law, Sociology and Method» in Theory and Method in Socio-Legal Research, pp. 1–25. Edited by Banakar, R. and Travers, M. (Oxford: Hart Publishing, 2005).
- Black, D. (1976) The Behavior of Law (New Haven, Conn. : Yale University Press).
- Cotterrell, Roger (2007) «Sociology of Law» in Encyclopedia of Law and Society: American and Global Perspectives (Thousand Oaks: SAGE).
- Dalberg-Larsen, Jorgen (2000) The Unity of Law: An Illusion (Berlin, Galda + Wilch Verlag).
- Deflem, Mathieu (2008) Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition (Cambridge: Cambridge University Press).
- Ehrlich, Eugen (1936) Fundamental Principles of the Sociology of Law. Cambridge, MA: Harvard University Press (orig. 1912 Grundlegung der Soziologie des Recht).
- Ferrari, Vincenzo (1990) ed., Developing Sociology of Law. A World-Wide Documentary Enquiry (Milano, Giuffrè).
- Gessner, Volkmar and Ali Cem Budak (1998) Emerging Legal Certainty: Empirical Studies on the Globalization of Law (Onati International Series in Law & Society).

Hammerslev, Ole (2007) *Encyclopedia of Law and Society: American and Global Perspectives* (Thousand Oaks: SAGE).

Hunt, Alan & Wickham, Gary (1994). *Foucault and law: Towards a sociology of law As Governance*. London: Pluto Press.

Luhmann, Niklas (2004) *Law As a Social System*, translated by Klaus A. Ziegert (Oxford University Press).

McBarnet, Doreen (1981) *Conviction: The Law, the State and the Construction of Justice* (Macmillan).

Nonet, Philippe and Philip Selznick (1978) *Law and Society in Transition. Toward Responsive Law*. New York: Octagon Books.

Podgórecki, Adam (1991) *A Sociological Theory of Law*. Milano: Dott. A. Giuffre Editore.

Podgórecki, Adam (1973) *Knowledge and Opinion about Law*. London: M. Robertson.

Selznick, P. (1969) *Law, Society and Industrial Justice* (New York, Russell Sage Foundation).

Teubner, Gunther (1996) *Global Law Without a State*, Dartmouth.

Tomasic, Roman (1987) *The Sociology of Law* (London, SAGE Publications).

Travers, M. (1997) *Law in Action: The Reality of Law: Work and Talk in a Firm of Criminal Lawyers* (Aldershot: Ashgate).

Trevino, A Javier, ed, (2008) *Talcott Parsons: On Law and the Legal System* (Newcastle: Cambridge Scholars Publishing).

Ziegert, Klaus A. (1979). «*The Sociology behind Eugen Ehrlich's Sociology of Law.*» *International Journal of Sociology of Law* 7: 225-73.

THE ROLE OF THE COURT-REFORMS IN TRANSFORMING AZERBAIJAN SOCIETY

R. Guliyev,

President of the Azerbaijanian Sociological Association, Director of the Institution of Sociological Researches of the Academy of Public Administration under the President of Azerbaijan Republic, Doctor of Sociological Science, Professor

Both in the judicial system and in the minds of the population, there are still problems with the past communist regime in modern Azerbaijan. The conducted surveyed allowed to show the character and the essence of this problem and identify the ways of improving the judicial system in the country in line with the requirements of a democratic society.

The majority of the surveyed believe that democratic transformation of society cannot be successful and private enterprises cannot develop without legal base and perfect judicial system that are capable of effective protection of private property rights, control after execution of the agreed responsibilities, protection of the rights of economical subjects, creation of stable conditions for the activity of native and foreign investors and foster creation of market relations.

One of the reasons for the judicial power not to be able fully satisfies demand for the services is the fact that this demand is artificially lowered because of the distrust of the population to the judicial system. The other reason that lowers demand for the judicial services is lack of economical growth, which doesn't foster growth of the need in resolution of economical arguments. It is evident that the observed tendency for activation of the commercial activity and successful implementation of the economical reforms will foster increase of demand for the services of the judicial system. Study of the opinions of enterprise managers, representatives of the general population and judges and employees of the court machinery, analysis of their judgments and proposals allowed to reveal the most relevant problems related to the work of courts and render of the judicial services, to determine the paths for extension of population's and business sector's access to the judicial services, which will help to further improve the judicial system and will become a cause of the more effective implementation of the goals of the judicial reform in Azerbaijan.

KÜLTÜRLER ARASI REKABET VE MİLLETLEŞME SÜRECİNDE BAĞIMSIZ TÜRK CUMHURİYETLERİNİN SOSYOLOJİK DİNAMİKLERİ

*Doç. Dr. Abulfez Süleymanov(lı)***
Üsküdar Üniversitesi Türkiye, Sosyoloji PhD

Giriş

1990'lı yılların başında Sovyetler Birliği'nin **çözülmesiyle**, bu sistem içinde yer alan Orta Asya ve Kafkasya Türk Cumhuriyetleri bağımsızlıklarını kazanarak, sosyalist idari ve ekonomik sistemden, demokratik ve serbest piyasaya dayalı ekonomik sisteme dönüşüm sürecine girmişlerdir. Geçiş ekonomileri olarak adlandırılan bu ülkeler hem ekonomik hem de sosyal bakımdan eşzamanlı bir biçimde bir dönüşüm gerçekleştirmek durumunda kalmışlardır. Piyasa ekonomisine yönelimin doğurduğu sancılı transformasyon, sosyal altyapıdaki değişim ve devletin ideolojik öncüllerinde farklılaşma ülkelerin nüfus dinamiklerinde çarpıcı bir değişime ve sorunlara neden olmaktadır. Bir yandan sosyalist yaşamdan bariz biçimde ayrılan yeni hayat algısı; öte yandan serbest piyasa ekonomisine geçiş olgusu toplumsal yapı, kültür ve düşünce tarzına yeni açılımlar getirmiştir. Bu anlamda, Türk dünyasındaki sorunların tespiti, çözümü, bununla birlikte sadece sorunların değil aynı zamanda; mevcut küresel dinamikler etkisiyle baş gösteren değişim ve dönüşümün tarihsel temelli yeni Türk kültürel çevresinin teşekkülünde etkin olarak kullanılması için yöntem ve tekniklerinde geliştirilmesi ve her bir toplumsal yaşam alanının araştırma nesnesine dönüştürülerek çözümlemesinin yapılması sorunların karşısında daha cesur tavır alınmasını da beraberinde getirecektir.

* Türk Dünyası Sosyologlar Birliği Başkan Yardımcısı

Bu çalışmada Türk cumhuriyetleri'nin bağımsızlıktan bu güne geçen süre zarfında geçirdikleri sosyo-ekonomik dönüşüm süreci sosyal, ekonomik ve kültürel boyutları ile incelenmekte, bu sürecin iç ve dış toplumsal dinamiklerden kaynaklanan temel sorunları üzerinde durularak bu sorunların günümüz şartlarında ne oranda aşılabileceği tartışılmaktadır.

Milletleşme Sürecinin Dinamikleri

Sovyetler Birliği'nin sistemli politikası sonucunda Türk boyları, bazıları boy isimlerine göre bazıları da sâdece yaşadığı coğrafyalara göre yeni bir ayrışma ve milletleşme sürecinin içine girmişlerdir. Özellikle dil konusundaki basit farklılıkların uzun süreli çalışmalar sonucu her bir kavim için farklı bir edebi dil belirlenmiş, yeni milletler inşa edilmeye çalışılmıştı. Öte yandan Sovyet yönetiminin izlediği «böl-parçala-yönet» planlı politikaları sonucunda, günümüzde Türkistan coğrafyasında yaşayan Türk boyları, aralarındaki tarihi, coğrafi birliğe, kültürel ve dilsel benzerliklere rağmen, kendilerini ayrı milletler olarak tanımlamakta ve kendi boy adlarını Türk adının alternatifi ve eşiti bir ad konumuna yükseltmiş bulunmaktadır.

Bağımsızlığı takiben, milletleşme süreci, bölge ülkelerinde bir devlet politikası olarak yürürlüğe konmuştur. Milletleşme politikasının temel amacı, Sovyetler Birliği'nin yıkılışından sonra ortaya çıkan kimlik ve ideoloji boşluğunu doldurmak ve milli birliği ve homojenliği sağlamaktır. (Süleymanlı, 2006: 315) Milli devlet dilinin gelişimi, milli tarih yazımı, devletin sembollerinde milli öğelerin kullanılması, Sovyet döneminde değiştirilen yer adlarının aslına uygun bir şekilde iade edilmesi, Sovyet döneminde idam edilen aydınların fikri mirasının canlandırılması, şehirlerde inşa edilen yeni binaların mimarisinde milli öğelere ağırlık verilmesi, eğitim ve diğer propoganda araçlarıyla milli değerlerin yeniden canlandırılmaya çalışılması bu sürecin somut örneklerini oluşturmaktadır. Fakat bu süreç hiç de kolay işlememektedir. Nitekim inşa halindeki milli kimlik süreci, üç temel sebepten dolayı, farklı kültürlerin etkisine açıktır. Birincisi, bölge coğrafi olarak farklı kültürlerinin kesişim noktasında yer almaktadır. Bu süreç içerisinde vukubulan kültürler-arası rekabet, Orta Asya'daki güç mücadelesinin gözardı edilemeyecek bir boyutudur (Kuru, 2002:75) İkincisi, Sovyetler Birliği'nin çöküşünden sonra, bölgenin bir çok ülkesinde bir kimlik krizi ve kültürel boşluk doğmuştur ve

бөйлеce фaрклы кyльтyрлерiн еткiсiне ачық хaле гелмiштiр. Son oлaрк дa, гyнyмyзде кyреселлешме, yзеллiкке де хызлa гелiшен ve сннр тaннмaнaн илетiшiм тeкнoлoгiлерi сayesiнде, кyльтyрлер-арасы илетiшiмi ve еткiлешiмi артнрмaктaдыр. Bunun sonucunda нyфусун yayгын бир бiчимде yabancы кyльтyр акнмларннын тек yynlly бир еткiсiне мaруз кaлдыгы гyзленмектедiр. Bu бaғламда, инсанларн беғени ve илги аланларннын, yзеллiкке son yллarda, ciddi бир деғишiм ve дyнyшyм сyрeцинде гeчтiги, bu сyрeцин Бaты кyльтyрy referанслы yeni adet ve алышканлыклар дoғурдyгy сyйлeneбилir.

Milletleşmenin önünde diğер önemli bir engel bu yлкelerde Sovyet öncesi süreçte ve kısmen Sovyet döneminde de kendini gösteren ve çeşitli adlarla isimlendirilen aşiretçiliğин, bölgeciliğин (Kuzey-Güney ayrışması gibi) ve klan siyasetinin etkisinin günümüzde korunarak devam etmesidir. Nitekim siyasi ve toplumsal yaşamın bir çok alanında kişinin klan ve bölgesel aidiyeti, sahip olduđu aile-akraba bağıları, dayanışma gruplarının ona olan desteğı, ait olduđu siyasi elite olan sadakati ve bağılılığı karar unsurlarındandır. Bu tutumun özellikle oy verme davranışlarında, yönetici elitlerin belirlenmesinde, siyasi gücün ve kaynakların dağılımındaki etkisi önemlidir. Bazı araştırmacılara göre bölge insanının kendilerini tanımlarken kullandıkları öncül kimlikleri ait oldukları aşiret ve bölge temelinde oluştuđu için de millet olma ve bunun getireceğı birlik duygusu daha küçük alt kümelerde sınırlı kalmıştır. (Öraz 2012: 233) Dolayısıyla yetmiş dört yılın ardından kazandıkları bağımsızlıkları ve akabinde kurdukları devletleri de bu ikili yapının etkilerini pek çok açıdan hissetmektedir. Aynı zamanda bu durum toplumsal dayanışma ruhunu olumsuz yönde etkilemektedir.

Öte yandan, milli kimliğин yeniden inşası doğrultusunda bu yлкelerde yapılan icraatların daha ziyade meselenin sadece biçimsel/görsel boyutu ile sınırlı kaldığı gözlenmektedir. Halbuki esas olan, bu yлке insanlarının aralarında varolan/varolduğuna inanılan dayanışma duygusunun ve bundan kaynaklanan toplumsal aidiyet ve yeni bağımsızlığını kazanmış devletlerine sahip çıkma duygusunun gerçekleştirilebilmesi ve bu bağlamda biçimsel simgelerin gerçekten ulusu temsil edecek anlamlar kazanmasıdır. Kısacası, buralardaki esas sorun, simgesel/biçimsel uluslaşmadan ziyade, özsel/bilişsel bir uluslaşmanın gerçekleşmesidir. (Kurubaş, 2006: 123)

Orta Asya Türk Cumhuriyetleri'nde Geçiş Ekonomileri Uygulamasının Sonuçları

Bir toplumun kültürel gelişim süreçlerini o toplumun ekonomik, sosyal ve siyasal kurumlarından ayrı düşünmek mümkün değildir. O halde, Türk cumhuriyetlerinin içinde bulunduğu ekonomik ve sosyal koşullara bakmamız yararlı olacaktır.

Orta Asya Türk Cumhuriyetleri, 1990'lı yılların başlangıcından itibaren uzun süren merkezi planlı ve dışa kapalı modelden, piyasa mekanizmasının hâkim olduğu dışa açık bir modele geçme hususunda ekonomik dönüşüm programları başlatmışlardır. Bu ülkelerde yaşanan dönüşüm sürecini belki diğer geçiş ekonomilerinden bazı noktalarda farklı şekilde ele almakta fayda bulunmaktadır. Zira bu ülkeler, gerek SSCB'nin oluşturulması sürecindeki zorlama birlikteliğin sosyal, kültürel ve dinsel açıdan daha sancılı geçmesi; gerekse SSCB tarihi boyunca yaşanan kültürel yabancılaştırma dayatmaları, ekonomik olarak doğal kaynak deposu olarak görülmesi nedeniyle, dağılma sonrasında yaşanan dönüşüm sürecinde farklı sıkıntılarla karşılaşmışlardır.

Bu açıdan bakıldığında, Orta Asya Türk Cumhuriyetleri, bağımsızlıklarını ilan etmelerinden itibaren mücadelelerini sürdürmede yolun bir kısmını tamamlamışlardır. Ekonomilerini merkeziyetçilikten kurtarmada, uluslararası bağlantıları gerçekleştirmede, üretim ve ticarete konu olan malları çeşitlendirmede dikkati çeken reformlar gerçekleştirmişlerdir. (Güngör, 2001: 510) Ancak, diğer geçiş ekonomileri ile karşılaştırıldıkları zaman, daha alınması gereken çok yol olduğu görülmektedir. Bütün cumhuriyetlerde farklı hızlarda süren özelleştirme temelinde bir liberalleşme çabası görünse de, hem ani yoksullaşmanın yol açtığı sorunlar, hem de özelleştirmelerin göstermelik kalması bu çabaları zora sokmaktadır. (Kurubaş 2006: 129) Bilhassa sosyalist sistemden miras kalan gelir dağılımındaki dengesizlikler yeni düzende kendisini daha belirgin bir şekilde ortaya koymaktadır. Nitekim BM İnsani Gelişme İndeksine göre Orta Asya Cumhuriyetleri orta insani gelişmişliğe sahip ülkeler arasında yer almaktadırlar. Bu cumhuriyetlerde gelir dağılımı bozuk ve kişi başına düşen gelir düzeyi düşük ülkeler sırasında yer almaktadır. Bu nedenle söz konusu cumhuriyetler öncelikle gelir dağılımındaki bozukluğu gidermeli ve yoksulluk sınırı altında yaşayan nüfusun toplam nüfusa

oranını azaltabilecek dinamikleri geliştirebilmektir. Bu dinamiklerin gelişmesinin önünde ise sosyalist sistemin kalıntılarının kültürel olarak toplumun içerisine yerleşmesi en büyük engel olarak görülmektedir. (Yüce 2006:20; Aydingün 2013: 1011)

Diğer taraftan bu ülkelerin sahip olduğu doğal kaynak zenginliği (özellikle petrol ve gaz), SSCB'nin oluşumu aşamasında tamamen bir dezavantaj; dağılma ve dönüşüm sürecinde ise kısmen avantaj ve kısmen de dezavantajlar yaratmıştır. Sovyetler Birliği'nin dağılmasının ardından özellikle Hazar havzası Türk cumhuriyetlerinin (Azerbaycan, Kazakistan, Türkmenistan) petrol ve doğal gaz zenginliği ekonomilerinde değişimi gerçekleştirmek için gerekli kaynakları sağlamak ve geçiş döneminin sıkıntılarını hafifletmek için önemli bir kaynaktı ve bölge ülkeleri bu kaynakları kullanarak bir takım ekonomik reform ve yatırımları gerçekleştirmeyi başardılar. Örneğin bu kaynaklara sahip olmayan Kırgızistan ekonomik yatırımları gerçekleştirmede mali sıkıntılarla karşılaştığını söyleyebiliriz. Fakat öte yandan ekonomik gelişmenin sadece doğal kaynakların ihracı üzerine kurulmuş olması ülke rezervlerinin tükenmesi , tüketici bir toplum haline gelmesi ve sosyal adalet ilkesinin aksine olarak nüfusun yalnız küçük bir grubunun faydalanması, çoğunluğun yaşam düzeyinin düşmesi sonucunu doğurmaktadır. Dolayısıyla ekonomilerini sadece doğal kaynaklara ve tek sektöre dayandıran ülkelerin hem iç hem de dış ilişkilerde bağımsızlıklarını zedeleme ihtimali yüksektir. Aynı zamanda ekonominin sadece enerji sektörüne bağımlı olması bazı sosyo-ekonomik olumsuz sonuçlar da doğurabilecektir. Enerji sektörüne vasıflı işgücü ve araçların akımı diğer sektörlerin gelişim potansiyelini olumsuz yönde etkileyecektir. (Bulut 2013, 399) Bu anlamda doğal kaynak zenginliğinin yarattığı ulusal ve yönetsel düzeydeki sonuçları da gerek sosyal, gerekse siyasal yapılanma göstergelerinin yorumlanmasında ve değerlendirilmesinde dikkate almak gerekmektedir (Demir, 2002: 171).

Sosyo-ekonomik Dönüşüm Sürecinin Toplumsal Kurumlar ve Katmanlar Üzerine Etkisi.

Yeni sosyo-ekonomik yapının oluşumu ve beraberinde yeni bir dünya görüşünü getiren piyasa ekonomisi, doğal olarak, Sovyet dönemindeki sosyalist ekonominin şartlarından doğan hayat tarzına nispetle yeni ve değişik bir yaşam, insan ve toplum anlayışının ortaya

çıkmasına yol açmıştır. Bu durum, Türk topluluklarında toplumsal yapıyı, kültür ve dünya görüşünü de derinden etkilemiş, daha da ötesi, çağdaş dünyada cereyan eden ve Türk dünyasında da kendini gösteren küresel değişimler temel kurumsal dönüşümlere de yol açmıştır.

Yukarıda ana hatlarıyla ortaya koyduğumuz gelişmeler, toplumun değer ölçülerinin yeni dönemin taleplerine uygun bir biçimde değişime maruz bırakmıştır. Bu değişimden en fazla nasibini alan ise aile kurumu olmuştur. Sovyet döneminde milli ve dini asimilasyon politikalarına karşı Türk topluluklarının en önemli güç kaynaklarından biri olan aile kurumu, özet bir biçimde ifade etmeye çalışırsak, çok farklı kanallar aracılığıyla (televizyon programları, diziler, internet vd.) geleneksel aile yaşamını değiştirmiş, aile değerleri sisteminde dönüşümler yaşanmasına neden olmuştur. Ailenin her türlü etkilenmenin odağında bulunması, gerçekte toplumsal değişimin aile özelinde ortaya çıkan bir aşaması olarak kabul edilmelidir. Bu ülkelerde ailenin dayandığı temel değerler, özellikle ekonomik yönü, onun sosyal statüsü ve yaşama geçirilen çeşitli fonksiyonları günümüzdeki sorunsal alanı teşkil etmektedir. Aile yapısında ve onun ihtiva ettiği değerlerde önemli değişimler yaşanmaktadır. Sosyal bir kurum olarak aileye ilişkin olumsuz yaklaşımlar hemen hemen tüm Türk topluluklarında boşanmaların sayının çoğalmasında, evlilik dışı doğum oranların artmasında ve geleneksel aile değerlerinin yıkılmasında kendini hissettirmektedir. Türk toplumlarının aile yapısında dönüşümlerin araştırılması ve yeni sosyo-kültürel durum çerçevesinde modernlikle gelenekselliğin karşılaştırılması yeni olana doğru bir değişim geçirdiğini göstermektedir.(Süleymanov, 2009: 215-218).

Yoğun sosyal ve kültürel dönüşümlerin etkileri, toplumun bütün katmanları açısından önemlidir. Ancak bu sürecin, sosyo-kültürel ve sosyo-psikolojik etkileri, toplumun bilhassa genç kuşakları üzerinde daha yoğun olarak hissedilmekte ve gözlenmektedir. Küreselleşmenin olumsuz etkileri ve teknolojinin değiştirdiği iletişim alışkanlıkları gençlik üzerinde olumsuz etkiler meydana getirmektedir. Farklı kültürlerin değerlerini sorgulamadan benimseme, ortaya çıkan yeni durumlara hemen uyum sağlama, hızlı tüketim özellikleri ve bitmek tükenmek bilmeyen enerjileriyle gençler, bu ülkelerde küresel popüler kültür araçlarının en büyük hedef kitlesi halindedirler. Nitekim

gençliğin önemli bir bölümünü pop sanatçılığı, mankenlik, futbolculuk gibi şöhretli meslekleri kendilerine uygun meslekler olarak idealize etmeye başladıkları görülmektedir. Gelecekte gençlerdeki bu kişilik yapılanmasının ve yaşayış tarzının bireyler, aileler ve toplumun geleceği için ciddi bir tehdit olduğu düşünülmektedir. Zira eğer bir toplumda uzun süren kronik toplumsal sorunlar varsa, o toplumun sosyal ve kültürel değerler sisteminde ve buna bağlı olarak da insan ilişkilerinde ciddi rahatsızlıklar ortaya çıkar. Sosyolog İsmail Doğan bu rahatsızlıkların iki şekilde ortaya çıkabileceğini söyler : birincisi bireyin topluma yabancılaşması diğeri toplumun bireye nasıl davranacağını dikte ettiği bir toplumsal ilişkiler ağı. (Doğan, 2002:267) Bu bağlamda Türk Cumhuriyetlerindeki durumu değerlendirdiğimiz zaman bireyselleşme ve yabancılaşma süreçleri sonucunda kimlik arayışları içinde olan bir gençliğin ortaya çıktığı görülmektedir. Bu olumsuz sonucun ortaya çıkmasında günümüz yaşam koşullarının ve dünyanın gelmiş olduğu noktanın etkisi çok fazladır. Kısa zamanda şöhret olma ve para kazanma arzusu, gençlerin kendi niteliklerini geliştirmeden, kendine ve yeteneklerine emek vermeden, kendilerini beslemeden yaşamalarına neden olmaktadır.

Gençlik bir toplumun geleceği ve en büyük kaynağıdır. Gençlerin iyi bir eğitim alarak yetişmeleri milli ve manevi değerlerine sahip çıkarak iyi birer yurttaş olmaları bu ülkelerin bağımsızlığının bekası açısından son derece önem arz etmektedir. O nedenle genç kuşakların yeni dünyaya ve değişimin getirdiği yeni değerlere sancısız ve sıkıntısız adapte olmalarını sağlayacak nitelikte projelerin üretilmesine ciddi ihtiyaç bulunmaktadır.

Sonuç

1980’li yılların sonunda sosyalist anlayışın iflas etmesi ve SSCB içinde bulunan Orta Asya Türk Cumhuriyetleri’nin merkezi planlama ekonomilerinin piyasa ekonomisine dönüşme sürecine girmeleriyle birlikte, bu ülkelerde ekonomik ve sosyal yaşamın her alanında yeni bir dönem başlamıştır. Sovyet dönemindeki sosyalist ekonominin şartlarından doğan hayat tarzına nispetle yeni ve farklı bir yaşam, insan ve toplum anlayışı ve dünya görüşünü beraberinde getiren piyasa ekonomisi, Türk topluluklarında toplumsal yapıyı, kültür ve ekonomilerini derinden etkilemiş bulunmaktadır. Eski değer ve normlar sorgulanırken yerine yenileri konulmaya çalışılmaktadır. Ancak, bu-

nun kısa zamanda gerçekleşmesi pek kolay görünmemektedir. Nitekim küreselleşmenin ve kültürel yozlaşmanın etkisiyle toplumsal kurumlar ve katmanlarda ortaya çıkan sorunlar, eski dönemin kültürel ve ideolojik mirası bu süreci zorlaştıran etkenlerdir. Aynı zamanda bu dönemde toplumun temel taşı olan aile yapısında, bağımsızlık sürecinin lokomotifleri olan gençlik üzerinde bir takım kaygılandırıcı gelişmeler yaşanmaktadır. Bu sorunların çözümü bütün Türk topluluklarının bizzat kendi özgür iradeleri ile katılım sağlayacaklar platformlar ve geliştirecekleri sivil toplum hareketleri merkezli yeni dayanışma odaklarının teşekkülüne mümkündür.

KAYNAKÇA

AKDIŞ, M. «Orta Asya Türk Cumhuriyetleri İle Ekonomik, Sosyal, Kültürel İlişkiler-Bölgeye Yabancı İlgisi ve Beklentiler», <http://makdis.pamukkaleedu.tr/mak5htm>, 09.12.2002

AYDINGÜN, A. (2013) «Sovyet Sonrası Kazakistan'da Toplumsal ve Siyasal Dönüşüm: Kısa bir Değerlendirme» Yeni Türkiye Dergisi, Sayı:53-54(Türk Dünyası Özel Sayısı)

BAL, H (2004) «Geçiş Ülkelerinde Yolsuzluk ve Kayıtdışı Ekonomi: Kırgızistan Bavul Ticareti Örneği», İşletme ve Finans Dergisi, 72-92, Sayı: 219.

BULUT, C. SÜLEYMANOV, E. HASANOV, F. (2013) «Azerbaycan'ın Piyasa Ekonomisine Geçiş Sürecinde Karşılaştığı Sorunlar ve Çözüm Arayışları», International Conference on Eurasian Economies St. Petersburg – Russia 17-18 September 2013, Ed. Sarı,S. Beykent University <http://www.eecon.info/books/eecon2013.pdf>

DOĞAN, İ. (2002) Sosyoloji, İstanbul: Pagem Yayıncılık

DEMİR, M, (2002) «Kazakistan'da Geçiş Ekonomisi Uygulamaları Ve Piyasa Ekonomisine Geçiş Süreci», Dış Ticaret Dergisi, Sayı: Özel Sayı, 158-179,.

KURU, A (2002) 'Between the state and cultural zones: Nation-building in Turkmenistan,' *Central Asian Survey*, Vol 21, No 1,

KURUBAŞ, E. (2006) «SSCB Sonrası Türk Cumhuriyetlerinde Yeni Uluslaşma Süreçleri Üzerine Bir Değerlendirme» , Uluslararası Hukuk ve Politika Cilt 2, No: 5 ss.112-133,

GÜNGÖR, B. 2001 «Post-Komünist Geçiş Sürecinde Dünyada ve Orta Asya Türk Cumhuriyetlerinde Ekonomik kalkınma Çabaları ve Sonuçları», *Türk Cumhuriyetleri(der.E.G.Nascali)*, Sota yay., Haarlem, s.505-516

SÜLEYMANLI, E (2006), Azerbaycan Türkleri Milletleşme Sürecinde. İstanbul Ötügen Yay.

SÜLEYMANLI, M (2013) Küreselleşmenin Azerbaycan Kültürüne Yansımalarına Dair http://www.gunaskam.com/tr/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=1

SÜLEYMANOV, A., (2009) «**Çağdaş Türk Toplumlarında Aile ve Evlilik İlişkileri**», Sosyal Siyaset Konferansları, 58 kitap, 197-217, İstanbul

SÜLEYMANOV, A., (2009) Türk Dünyasında Düşünce Sorunları ve Sosyal Bilimler. Fourth International Conference of The Asian Philosophical Association (İCAPA 2009), The Path To Alliance of Civilizations Through The Asian Community, 4-6 November 2009 İndonesia, ss.91-97

MACKELLAR, Landis, Wörgötter, Andreas, Wörz, Julia., (2000) «Economic Development Problems of Landlocked Countries», Transition Economies Series, No.14, Institute For Advanced Studies, Vienna, January

DEMİR
ÖRAZ, S. (2012) «Kırgız Siyasi Hayatında Aşiretçilik Ve Klan Siyaseti», *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi / XII/1 (Yaz)*, s.211-238)

YÜCE, Mehmet , ÖZBEK, M. (2006) «Orta Asya Türk Cumhuriyetlerinde Sosyo-Ekonomik Boyutlarıyla Yoksulluk Olgusu Üzerine Bir Değerlendirme», **AKADEMİK BAKIŞ Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler E-Dergisi** ISSN:1694 – 528X Sayı: 10 Eylül 2006

COMPETITION BETWEEN CULTURES AND SOCIOLOGICAL DYNAMICS INDEPENDENT TURKIC REPUBLICS IN THE PROCESS OF NATIONBUILDING

Doç.Dr.Abulfez Süleymanov(t)

Uskudar University, Turkey, Candidate of Sociological Sciences

With the collapse of the Soviet Union in the early 1990s Turkic republics of Central Asia and the Caucasus which were the part of the Union received their independence and embark on the path of transformation from socialist command economic system to democracy and market economy system. These so-called transition countries have been forced to implement parallel social and economic transformation. Painful transformation generated by the reorientation towards a market economy, reforms in the social infrastructure and differentiation of ideological priorities of these states led to a dramatic change in the dynamics of population growth. This paper considers a process of socio – economic transformation of the Turkic republics in the period after the acquisition of their independence from social, economic and cultural points of view. It also examines the difficulties generated by the internal and external social dynamics of this process and possible ways to overcome

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НЕЗАВИСИМЫХ ТЮРКСКИХ РЕСПУБЛИК В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

Сулейманов Абульфаз

Университет Ускудар, Турция, кандидат социологических наук

С распадом Советского Союза в начале 1990-х годов находящиеся в его составе тюркские республики Центральной Азии и Кавказа, получив свою независимость, встали на путь трансформации из социалистической командно-административной экономической системы в систему демократии и рыночной экономики. Эти так называемые страны с переходной экономикой были вынуждены осуществить параллельную трансформацию как с социальной, так и экономической точки зрения. Болезненная трансформация, порожденная переориентацией к рыночной экономике, преобразования в социальной инфраструктуре и дифференциация в идеологических приоритетах государств привели к резкому изменению динамики роста населения. В этом исследовании с социальной, экономической и культурной точек зрения рассматривается процесс социально-экономической трансформации тюркских республик в период после обретения ими независимости, а также исследуются проблемы, порожденные внутренними и внешними социальными динамиками этого процесса, и возможные пути их преодоления.

ВЕНГРИЯ

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАЦИИ, СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НОВАЯ КУЛЬТУРА НЕРАВЕНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ*

Тамаш Пал

*Профессор университета Корвинус,
доктор социологических наук, профессор, (г. Будапешт)*

* Приносим свои извинения. Текст данного доклада будет размещен позднее.

ГЕРМАНИЯ

ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В РАЗВИТИИ*

Кайзер Маркус

профессор университета Триер, доктор социологии

* Приносим свои извинения. Текст данного доклада будет размещен позднее.

КЫРГЫЗСТАН

КЕМ МЫ, ТЮРКИ, БЫЛИ, КЕМ СТАНЕМ, И ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

К.И. Исаев,

*профессор социологии, Народный учитель Кыргызстана,
президент Социологической ассоциации Кыргызстана,
доктор философских наук*

Тюркский мир подобен реке, текущей в беспредельном, бесконечном пространстве и времени. Как сказал один из мудрецов Древнего Востока: «и явится поколение, и уйдет поколение, а мы улетим» на волнах времени, потому что наша жизнь тоже течёт подобно времени.

И куда бы ни текла река жизни: она несёт вместе с собой чрезвычайно ценное сокровище – знание, опыт для будущих поколений, язык, культуру и традиции. Будет проходить время, постепенно будут меняться племена и народы, но их духовная жизнь, традиции отражённые в их языке и культуре останутся неизменными. Мир – океан, время – ветер, подобный волнам поколений, сменяющих друг друга.

Тюркские народы за свою более чем пяти тысячелетнюю жизнь то убывали, то прибывали, но как бы ни тлели, не иссякали, как бы ни убавлялись – становились сильнее. Древние тюрки дали человечеству образцы многих и многих цивилизаций, на тюркских языках составлены неиссякаемые источники культуры духовных ценностей и верований, «строили государства, начали традиции, привели в порядок». Турецкие учёные Текин Альп,

Полат Койа, великий казахский мыслитель Олжас Сулейменов, русские учёные Л.Н.Гумилёв, В.В.Бартольд и другие в XX веке в своих научных трудах опубликовали что древние шумеро-эламская, хеттская, эгейская цивилизации были созданы древними тюрками и они распространили достижения своих культур. Древние тюрки приручили лошадь и других животных, окультурили сельскохозяйственные продукты и многие растения, создали и развили до высокой степени кочевую цивилизацию, распространили её на широких пространствах Евразии. «Конь – крылья тюрка. Подобно тому, как птица летит куда захочет, так и тюрки летят на своих конях куда захотят» (Махмуд Кашгари). Роль древних тюрков в истории человечества была исключительной, «сложные формы общественной жизни социальных институтов тюрков: эль, удельно-лестничная структура, религиозная иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко выработанного мировоззрения, способного противостоять идеологическим системам соседних стран вызывает всевозрастающее удивление» пишет автор глубокого исследования «Древние тюрки» Л.Н. Гумилёв. К сожалению, в последующие века тюркские материальные и духовные памятники были уничтожены, а сами тюрки оклеветаны и преданы забвению. Теперь, уже в XXI веке, объединяясь и всё более сближаясь, наступает эра возрождения тюрков. Быть достойным этого – святая обязанность каждого тюрка.

Великие каганаты, империи и державы тюрков, которые переворачивали мир, потрясали землю: Великий каганат Хуннов, Великий каганат Кёктюрков, Уйгурский каганат, Кыргызское Великодержавие, Империя Чынгыз-хана, Империя Эмира Тимура, Османская империя– были сердцем Евразии. Великая Степь – была территорией, созданной, развитой и занимаемой тюрками. Она простиралась от Великой китайской стены до Карпат, с юга – граничила с Афганистаном и Ираном, а с севера – с тайгой (непроходимыми лесами) Сибири.

На широких пространствах Евразииначиная со II века до нашей эры и до 20-х годов XX века нашей эры влияние тюрков «с львиными сердцами» было очень сильным. Назидание Мете – первого кагана империи хуннов – самого первого государства

тюрков: «Земля – основа государства, разве можно её отдать другим? Землю создал для каждого народа Великий Тенгри. Будет земля – будет народ, будут условия для создания государства» были, как доказывает седая история, одним из основных правил в управлении государствами последующих тюркских каганов, ханов и султанов. В начале XXI века это завещание возрождает историческую память тюркских народов, даёт осознание себя, веру в старания нового строительства нашего исторического здания, веру каждому тюркскому народу в сегодняшних условиях и завтрашних – в условиях глобализации.

Последние два века (XIX-XX) за исключением анатолийских тюрков, были сложными и трудными и для тюркского мира и для каждого тюркского народа. Османская империя, сохранявшая до XIX века свои внешние очертания и включавшая в себя многие европейские народы, начала слабеть и постепенно утрачивать территории. Османское государство стало слабеть экономически и политически. В техническом отношении во многих отраслях, и в культурном плане не достигало даже прежнего состояния. В результате всего этого в сравнении с Европой отстало по всем направлениям. Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, закончилась в 1918-ом. Союзные государства, куда входила Османская империя, проиграли войну. Ещё во время войны, точнее сказать, в 1915-ом году Англия, Франция и Россия по Лондонскому договору поделили между собой турецкие территории, к ним также присоединилась и Италия. В таких условиях турецкий народ должен был, создавая национальные организации, предпринять различные мероприятия для сохранения национальной независимости и целостности родины. Для объединения созданных турецких организаций, спасения всего турецкого народа был избран один вождь-гений и этим вождём стал Мустафа Кемаль Паша. История побед и построения невиданного до этого национального государства турецкого народа, испытавшего горечь поражения в Первой мировой войне, распада территорий, понесшего огромные потери из-за захватнической политики европейских государств очень ясно, понятно и всесторонне изложена в книге Мустафы Кемаля «Нутук кеп» (Путь новой Турции. 1919-1927 г.г.).

Мустафа Кемаль Ататюрк – мудрый и дальновидный деятель, искуснейший политик, человек, рожденный в XX веке для счастья турецкого народа, архитектор, основатель и первый президент невиданного до этого в новой истории Турецкого государства – вместо побеждённой в войне и оккупированной (захваченной) Османской империи основал Турецкую Республику, укрепил и заложил основы развития в будущем, всесторонне обосновал стратегию и тактику свободного, независимого и последовательного развития.

Благодаря неимоверной воле, неиссякаемой энергии и уму Мустафы Кемала Ататюрка, исламская религия, бывшая в течение 625 лет религиозной основой Османской империи, была отделена от государства и светскость государственной власти Турецкой Республики была определена как открытие её истории, новое стратегическое направление развития в будущем.

Положения и новые политические понятия о том, что Турецкое государство республиканское, национальное, народное, гражданское и революционное были включены в Конституцию и направлены на гражданственность государства.

Качества Мустафы Кемала Ататюрка как прозорливого, глубоко мыслящего и стратега-политика вместе с приданием турецкому народу чувства «ощущения себя как нации» дало возможность основания цивилизованного общества на основе национального самосознания, формирующего национальное единство, национальную целостность, им были научно обоснованы установление и стратегия развития а также претворение в жизнь турецкого национального языка и национальной истории. Таким образом, прозорливый лидер анатолийских тюрков Ататюрк вместо многовековой империи, включавшей в себя Малую Азию, Северную Африку и Османскую империю, основал государство «Турецкая Республика», проводил мудрую внутреннюю и внешнюю политику, и уже в XX веке как независимое государство превращается в активный объект международной политики, члена Организации Объединённых Наций и межгосударственных блоков, полностью защищает свои национальные интересы. После кончины Ататюрка лидеры появившихся в Турецкой Республике политических партий, продолжили его плодотвор-

ную деятельность, стали широко известны в мире как свободное тюркское государство. В начале XXI века Турецкая Республика показывает завидные темпы ускоренного развития.

В 1932 году на собрании, посвященном 10-летию Турецкой Республики в своей речи, посвященной будущему народов мира и, особенно, оказавшихся в различных условиях тюркских народов, показал свою мудрость и прозорливость. Он предсказал, что как и Османская империя Советская империя тоже распадётся. В той стране много наших братьев. Они по духу, языку, культуре и истории родственны нам. Вы, турки, должны быть готовы помочь им когда они обретут свободу. Как и было предсказано, в августе 1990 года Советское государство рассыпалось. Были созданы пять новых независимых тюркских государств – республики Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, в которых проживает 144,9 млн. тюрков. В составе Российской Федерации есть автономные республики Башкортостан, Татарстан, в Сибири, Поволжье, на Кавказе более двадцати тюркских этносов. В Украине живут крымские татары, в Молдове – турки – гагаузы. Всего проживает 52,5 млн. тюрков.

В Китайской Народной Республике проживают турки-уйгуры, тюркские этносы – казахи, кыргызы и др. по неполным данным в мире проживают около 35 тюркских этносов в различных географических и политических условиях.

В составе СССР подвергся модернизации и кыргызский народ. В процессе этого народы должны были пережить согласие, в котором господствовали «потребность» и «необходимость». Последнее привело кыргызский народ к ассимиляции почти наполовину. Все традиционные устои ассимилированного народа пришли в столкновение с исконным образом жизни и вместе с этим также и содержанием. В такой процесс конформизма были вовлечены прежде всего духовные ценности кыргызского народа. Такое положение в некоторых случаях приводило к искусственно созданным, ложным, извращенным результатам. Традиционные институты, обычаи, традиции и старое мышление, в целом традиционная культура рассматривалась как препятствие в общественном развитии, интерес науки, общества был особо прикован к процессу модернизации. А традиционные элементы

рассматривались как оппозиция модернизации и начали называться неприятными словами и неприятными терминами. При рассмотрении с такой стороны, процессы модернизации всегда обвиняли традиционную культуру, обессиливали и старались вытеснить её из жизни общества. В таком случае национальные традиции должны были исчезнуть или рассматривались как явления, невыдерживающие современных условий жизни и неспособные ужиться с ними. Традиционные явления культуры из-за активности модернизационных процессов, рассматривались как исчезающие и остаточные.

Но разве седая история не доказала, что с ликвидацией национальных традиций и выбиванием почвы, защищающей социальный организм можно привести его к медленной, но верной гибели? Коммунистическая идеология, господствовавшая в СССР, национальные духовные ценности народов в составе СССР приспособляла под себя, и после вытеснения национальных мотивов, стремилась использовать как идейно-политическое оружие для претворения своей политики в жизнь. В конце, СССР не достигла ставившей своей целью эры коммунизма. Став жертвой созданной самим СССР социалистической идеологии, без каких-либо врагов пришедших извне, в девяностых годах XX века изжило само себя.

С распадом советской империи в конце XX века вновь появившиеся тюркские государства – Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан став членами Организации Объединенных Наций, превратились в объекты международных отношений. Каждая из них предприняла действия для достижения лучших условий и качества жизни для своего населения путем развития экономики, приспособленной к местным условиям и социального развития. В формировании нового Азербайджанского государства и его успешном развитии труд достойного лидера Гейдара Алиева достоин быть особо отмеченным.

Из тюркских государств Центральной Азии президент Казахстана Нурсултан Назарбаев – становится лидером не только казахского, но и настоящим дальновидным лидером всех тюркских народов. За двадцатилетие независимости Казахстан под руководством Н. Назарбаева достиг огромных социально-эко-

номических успехов, выработал модель межэтнического единства, обеспечил на деле равенство прав и возможностей, качество жизни и безопасности всех граждан. Ассамблея народа Казахстана уже стала по-настоящему общегражданским, надполитическим и общенародным институтом. Эти исторические достижения Казахстана дало президенту – лидеру Н.Назарбаеву право предложить «Стратегию Казахстана-2050: один народ – одна страна –одна судьба». Он объясняет эту формулу так: «Один народ» – это единые для всех национальные интересы; «Одна страна»- это наша единая для всех Родина; «Одна судьба» – это трудности и победы, которые мы прошли вместе! Это наша общая перспектива- благополучный и процветающий Казахстан! 17 января 2014 года в Послании народу Казахстана предложил конкретный план реализации «Стратегии-2050», который обеспечит вхождение Казахстана в число 30 развитых стран мира! Только так мог поступить великий национальный лидер родного Казахстана. Мы гордимся им – как настоящим лидером тюркского мира!

Как, куда, с какими политически обособленными или организованными силами будет развиваться тюркский мир в XXI веке? Когда и как тюрки обретут истинно свою историю? Эти вопросы интересуют не только тюркский мир, соответствующие государства и этносы. В решении этих вопросов в интересах, желаниях и запросах тюрков мира есть и политические силы, противодействующие или незаинтересованные в гармоничном (взаимно приспособленном) развитии их отношений.

В последней четверти XX века в мировом развитии начало проявляться и охватывать мир политико-экономическое направление «глобализм» и «глобализация». Конечно, полезно различать эти два понятия. «Глобализм» в научном понимании объективный ход, итог и совокупность развития мировой науки, новой техники и технологии. Чтобы тюркский мир не отстал от прогресса, необходимо коренным образом улучшить образование в школах и высших учебных заведениях, профессиональную подготовку, поднять на качественно новый уровень – неотложная необходимость времени. «Глобализация» это проводимая Соединенными Штатами Америки и странами Западной Европы

американизация, западизация и политика установления силой Западного превосходства над странами Азии и Африки, и в том числе тюркского мира, которые ищут пути самостоятельного развития (Э. Гидденс, Ульрих Бек). Такая политика, суммирующая жадность приведёт «западизированные страны» к неизбежному краху, и даже к катастрофическому краху» (А.А. Зимовьев).

«Глобализм» и «глобализация» начавшиеся в XXI веке в условиях диалога многообразных цивилизаций такие понятия и явления как «тюркский мир», «тюркские народы», «тюркская цивилизация» и «идентификация» должны по-новому исследоваться, уточняться и при анализе их похожести, судьбоносных вопросов социолог не должен оставаться в стороне – и это веление времени. На повестку дня XXI века особо ставятся вопросы исторические, социальные, гражданской, национальной памяти, самопознания.

«Кем мы были», «кто мы сейчас» и «кем будем в будущем»; «как чувствуют себя тюркоязычные люди в различных социально-политических условиях» изучение таких животрепещущих вопросов давно назрели как необходимость для изучения социологической наукой и методами. Это в условиях господства в XXI веке унификации и универсальности, когда ближние и дальние американские, атлантическо-европейские, африканские соседиревниво следят за укреплением тюркского мира и тюркской цивилизации, бесспорно, в формировании достойного психологического климата безгранична роль интеллигенции тюркских народов, социально-гуманитарных и социологических наук. Вопрос, возможно, в согласованных, целенаправленных действиях.

Прошло девять лет как создана «Тюркская социологическая ассоциация», проведение исследований теоретических, практических по «тюркскому миру», «тюркской цивилизации» по единой межгосударственной Программе и подготовке предложений давно назревшие вопросы. Но, «Тюркская социологическая ассоциация» имеет название, а сущность не чувствуется: не слышно, не видно. Есть попытки организациисовместных экономических, культурных, политических объединений тюркских государств, стремление в согласии и дружбе решать общие вопросы. В этом отношении Социологическая

ассоциация Казахстана в 2009 году учредила международный социологический научно-аналитический журнал «Аалам таануу».

Эта инициатива для вновь складывающегося тюркского мира явилась очень необходимой и мы её восприняли ещё и как знак настоящего лидерства Республики Казахстан. Министерство образования и науки Республики Казахстан совместно с Социологической ассоциацией Казахстана организовали V конгресс-социологов тюркоязычных стран и было бы очень закономерно, если бы по вышеупомянутому журналу было принято решение, наполняющее журнал соответствующим содержанием. Мы не скрываем своего глубокого убеждения, что такая постановка вопроса полностью соответствует авторитету Республики Казахстан, который объективно поднимается на лидерский уровень в тюркском мире.

Түйін

Мақала авторы ХХІ ғасырдағы жаһандандуды «түркі әлемі», «түркі ұлттары», «түркілік өркениет» және «теңдестіру» ұғымдарымен байланыстыра отырып, жаңаша қарастырады. Осының бәрі шетте қалмай уақыт талабына сай ұқсастықтары анықталады.

Summary

The author of the article examines concepts «Globalism» and «globalizations» beginning in an eyelid in the conditions of dialogue of the varied civilizations such concepts and phenomena as the «turkic world», «turkic people», «turkic civilization» and «authentication», must be newly investigated, specified and at the analysis of their likeness must not remain aside – and this dictate of time.

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

С.С. Нурова,

*заведующая кафедрой философии и теории социальной работы
ИСРиП КР, доктор социологических наук, профессор*

В научном мире Кыргызстана общепризнано, что становление социологии в республике неразрывно связано с именем выдающегося кыргызского ученого А.Табалдиева. Об этом говорится в работах К. Исаева, [1] К.Бектурганова [2], Б.Малтабарова [3], А.Тишина [4], С.Нуровой [5] и др. Наше обращение к этой теме вызвано желанием внести свою лепту в этот вопрос, ведь всякое новое имеет много разных сторон и нюансов. К тому же, становление социологии в Кыргызстане пока не стало предметом самостоятельного специального научного исследования.

Прежде всего, считаем необходимым подчеркнуть, что современное развитие социологии возникает не на пустом месте. Как бы мы не открещивались от марксизма, мы не можем отрицать его позитивной содержательной стороны. Не случайно в советский период марксистской социологией считался исторический материализм – составная часть марксистской философии наиболее близкая к социологии, поэтому именно на базе этой кафедры, когда ее возглавлял А. Табалдиев, возникла первая в республике социологическая лаборатория, как тогда мы ее называли. Об этом хорошо написал А.Тишин в уже упомянутом учебном пособии «Краткий курс лекций по социологии». Этого не отрицает и К.Исаев, известный во всем мире социолог современного Кыргызстана. По его словам в

статье, опубликованной в Интернете, 1 социология, как термин, научное понятие и метод изучения социальной реальности появилась в Кыргызстане в 60-х годах XX столетия в публикациях талантливого исследователя, ученого от бога Асанбека Табалдиева. Как известно, первые массовые социологические исследования в нашей республике начали проводиться под руководством А. Табалдиева.

Асанбек Табалдиев – видный ученый-энциклопедист, философ, социолог, публицист, доктор философских наук, член-корреспондент Академии наук Кыргызстана, родился в январе 1935 года в селе Жерге-Тал Тянь-Шанского района Нарынской области. Свою судьбу он связал с Кыргызским университетом с юности: после окончания исторического факультета он был оставлен лаборантом кафедры философии КНУ, потом учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию и с 1964 по 1974 год возглавлял кафедру философии, а потом исторического материализма, пока его не перевели в Кыргызскую советскую энциклопедию заместителем главного редактора, а с 1975 года главным редактором. Против своей воли и желания он был оторван от любимой работы и многочисленных учеников., его школы. Этот одаренный человек очень рано в 40 лет ушел из жизни в расцвете своих творческих сил и огромных потенциальных возможностей, но успел сделать многое и оставил светлую и благодарную память о себе. В этом контексте можно отметить несколько работ по социологической проблематике, опубликованных в 60-е годы: «Новый человек и свободное время», «Размышление о традициях», «Культура быта», опубликованные на кыргызском языке.

В 1966 году А. Табалдиев одним из первых в Советском Союзе открыл при КГУ социологическую лабораторию. Сотрудники этого научного центра и молодые преподаватели кафедры стали его аспирантами, число которых превысило 20 человек, и составили основной костяк его научной школы, среди которых его первые аспиранты: Карыпкулов Аман стал действительным членом Академии наук Кыргызстана. Будучи заведующим отделом науки в ЦК Кирг. ССР, он открыл социологический отдел на телевидении, который функционировал до последнего времени и внес свой вклад в пропагандирование социологии. В

1995 году после восстановления статуса социологической науки в Кыргызстане появился первый доктор социологических наук, тоже из первых аспирантов А.Табалдиева. Среди его учеников ныне 5 докторов, более 10 кандидатов наук.

Особенность научной школы А. Табалдиева была в том, что, хотя большинство его учеников писали диссертации по социологии, как и многие другие фактически социологи, но получали ученые степени кандидатов и докторов философских наук, так как тогда социология еще не получила своего статуса как самостоятельная наука и входила в структуру философии. Так, кандидатская диссертация Ачыловой Р. была по проблеме семьи, тема кандидатской диссертации Нуровой С. «Закономерности развития малых народов в социалистическом обществе /на примере Кыргызстана и Казахстана/», Артыкбаева М. «Преодоление культурно-бытовых различий в социальной сфере социалистических наций»/1974/, Бектурганова КК. «Формирование информационной системы управления сельских регионов» получил звание кандидата философских наук по шифру Прикладная социология. Докторская диссертация Артыкбаева «Социологические проблемы совершенствования единого социалистического образа жизни народов Советского Союза» (1986). Этот список можно было бы и продолжить.

Лабораторией социологических исследований КГУ было проведено много разноплановых исследований методом опроса, об этом будет идти речь впереди. Но в основном тогда изучались межнациональные отношения, ныне это проблематика этносоциологии, по этой проблеме была защищена докторская диссертация А. Табалдиева на тему: «Диалектика двух тенденций в развитии и взаимоотношениях наций советского общества», и готовились несколько кандидатских, а позже и докторских диссертации его аспирантами. Тогда же по результатам социологических исследований была написана коллективная монография объемом более 35 п.л., сигнальный экземпляр которой с большим энтузиазмом и вдохновением мы правили, но книга, наш общий труд, так и не вышла в свет, а мы еще долго надеялись, что где-то в подвалах Главлита (цензурного органа советского времени) она ждет своего часа...

Говорить об истории становления социологии без упоминания имени Рахат Ачыловой невозможно. Хотя ее научным руководителем был Харчев, один из видных российских социологов, и она защитила кандидатскую диссертацию в Ленинграде, но она считается представителем табалдиевской школы и внесла большой вклад в развитие социологии в Кыргызстане. Именно она была заведующей первой социологической лаборатории в Кыргызстане под непосредственным патронажем Табалдиева. У нее своя школа, она подготовила 12 кандидатов и докторов наук.

В Кыргызстане социология вначале формировалась на эмпирическом уровне в деятельности социологической лаборатории и первыми социологами по праву могут считаться ее сотрудники: Ачылова Рахат, Тишин Алексей, Иваков Аваз, Сиротин и другие.

Особо можно остановиться на вкладе в становление социологии Тишина А.И., который уже в 1976 году подготовил и успешно защитил в Институте социологических исследований АН СССР (г. Москва) кандидатскую диссертацию на тему: «Проблемы применения математических методов в социологических исследованиях национальных отношений». Фактически это была работа по социологической науке, но она тогда еще не восстановила своего статуса самостоятельной науки. В результате продолжения фундаментальных социологических исследований, по их данным появились работы: «Выявление и решение социальных и производственных проблем возведения каскада Нырывских ГЭС» (в 1979-1985 г.г) и «Районная печать Киргизии: пути ее развития (в 1988-1991 г.г.)

После защиты докторской диссертации в 1996 году Тишина избрали заведующим кафедрой социологии Кыргызского национального университета. По его инициативе в КНУ была вновь открыта подготовка социологов-специалистов и магистрантов по четырем специализациям и возобновилась работа социологической лаборатории.

Большую роль в становлении и развитии социологии в Кыргызской Республике сыграли российские и казахстанские ученые. После восстановления социологии как самостоятельной

науки многие кыргызстанские ученые обучались в аспирантуре в Москве и защитили там и в Ленинграде свои кандидатские диссертации. Это Ачылова Р., Ибраева Г., Бектурганов К.Б., Асанбеков М.К., Шаршембиева Т.С. и другие.

Не менее важную роль в формировании и развитии социологической школы сыграли казахские ученые. Многие получили там ученые степени кандидатов наук, в их числе и первый доктор социологии в Кыргызстане, получивший звание почетного академика Казахской социологической академии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев К.И. Социология в Кыргызстане и Кыргызстан в социологии <http://sak2010.com/index.php/ru/2011-06-20-23-03-29/42-2011-10-04-06-46-59>
2. Бектурганов К.Б. О становлении и развитии социологии в Кыргызстане // Социс. – № 10 (294). – М., 2008.
3. Малтабаров Б.А. Исторический путь становления и развития социологии в Кыргызстане // Вестник БГУ. – № 3, Бишкек. – 2008.
4. Тишин А.И. Краткий курс лекций по социологии. Бишкек. – 1998.
5. Нурова С.С. Институализация социологии в Кыргызстане (персоналии) // Вестник БГУ № 3 (26). Бишкек, 2013.

ЛОКАЛЬНЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Н.А. Омуралиев,

директор Центра методологии науки и социальных исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор социологических наук, и.о. профессора

Регион Центральной Азии, включающий в себя такие республики, как Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан, считается одним из самых взрывоопасных на территории бывшего СССР. Для этого региона, находящегося на стыке Европы и Азии, на стыке христианства, мусульманства и буддизма, характерной чертой является многонациональный состав его населения.

Межэтнические отношения в Кыргызстане сегодня чрезвычайно многогранны и характеризуются динамизмом и противоречивостью. Особенностью их развития является то, что они определяются не только сосуществованием различных этнических образований, взаимодействием формальных и неформальных общественно-политических структур, но и совокупностью геополитических, экономических, социально-демографических, внешнеполитических, конфессиональных и целого ряда других факторов объективного и субъективного характера.

По нашему мнению, в Центральной Азии в целом и в Кыргызстане в частности в тесном клубке переплелись следующие группы проблем и противоречий:

1) **геополитические:** а) проблема укрепления своей независимости; б) проблема выбора старых, традиционных и новых

стратегических партнеров; в) косвенное или прямое вмешательство третьих стран, вплоть до вооруженной агрессии и т.д.;

2) **цивилизационные** – известное этнокультурное и этнопсихологическое различие: а) в образе жизни азиатских и европейских народов; б) в образе жизни оседлой, земледельческой и кочевой, скотоводческой цивилизаций в рамках, например, кыргызов и узбеков – родственных тюркоязычных народов и т.д.;

3) **демографические** (исторически сложившаяся демографическая ситуация в регионах, в местах компактного проживания этнических групп);

4) **конфессиональные:** а) борьба за сферы влияния между мусульманским духовенством и другими религиями; в последнее время основные традиционно распространенные в республике религии – мусульманство и православие – ведут позиционную борьбу с новыми религиозными течениями, такими как, например, секта Муна, кришнаиты и т.д.; б) в то же время наблюдается разногласия внутри мусульманского течения и усиливается влияние исламского фундаментализма и т.д.;

5) **территориальные** – проблемы, связанные со спорными пограничными участками территории: а) между Кыргызстаном и Узбекистаном; б) Кыргызстаном и Таджикистаном; в) Кыргызстаном и Китаем; д) проблемы анклавов и т.д.;

6) **водно-земельные** (можно выделить также в особую группу периодические конфликты, связанные с распределением водно-земельных ресурсов, которые всегда обостряются с наступлением весенних полевых работ особенно в Ферганской долине);

7) **миграционные:** а) процессы внешней – отъезд русскоязычного, а в последнее время и кыргызоязычного населения за пределы страны; б) и внутренней миграции, преимущественно молодежи в города и т.д.;

8) **субэтнические:** – борьба за власть между: а) различными политическими силами; б) территориальными кланами; в) родоплеменными объединениями и т.д.;

9) **политические:** а) формирование партий по национальному или религиозному признаку; б) использование национальных и религиозных факторов в политической борьбе и т.д.;

10) **интеграционные:** во-первых, как недостаточная интеграция между странами региона; во-вторых, как недостаток механизмов полноценного включения этнических групп: а) в политическую, б) экономическую, в) другие сферы жизни каждой страны [1]:

Практически все перечисленные группы проблем и противоречий в той или иной мере присутствуют в общественной жизни Кыргызстана, и достаточно трудно подразделить их на внешние и внутренние, основные, непосредственные и поводы – так они сильно переплетены и взаимосвязаны друг с другом.

Аналогичного мнения придерживаются практики. Так, Р. Кадырова, президент фонда «За международную толерантность», отмечает, что кыргызская часть Ферганской долины признается учеными-политологами регионом с высоким уровнем конфликтогенности. Факторами дестабилизации являются: кризис безопасности; наличие спорных территорий между тремя государствами; проблемы с делимитацией и демаркацией границ; спор из-за скудных природных ресурсов – воды, земли, газа; наркотрафик; возрастающая милитаризация региона; религиозный экстремизм; рост уровня криминогенности; вопиющая бедность; высокий уровень миграции; отсутствие или сознательное сокрытие объективной информации; высокий уровень недоверия к властным структурам и т.д. Таким образом, к сожалению, в Ферганской долине имеются все возможные факторы нестабильности [2]. В виде простого перечисления было выделено более 15 проблем.

Еще более жестко обозначают свои позицию ученые юга Кыргызстана. Так, Д.А. Омукеева и Д.Ж. Эрмеков, изучая и анализируя этническую сферу на юге республики, попытались обозначить группу рисков и проблем взаимодействия этнических сообществ, присутствующих сегодня и остающихся без внимания со стороны государственных структур, институтов гражданского общества, которые могут приобрести тенденцию к росту, углублению и расширению. К числу актуальных рисков Д.А. Омукеева и Д.Ж. Эрмеков относят [3]:

- статусную борьбу двух крупнейших этносов юга, которая в советское время была скрыта, а в постсоветское время перешла в открытую политическую, экономическую, социокультурную

борьбу за лидерство между кыргызами и узбеками в масштабах всей республики;

- притязания на «первичность», «автохтонность», характерное для узбеков и кыргызов юга Кыргызстана;

- муслирование в этнических сообществах кыргызов и узбеков вопроса о неверном осуществлении советским руководством национально-государственного размежевания 1924 года;

- нерешенность проблем, связанных с приграничными территориями;

- распространение среди узбекского этноса неверной информации о том, что на территории Кыргызстана более 50% населения – узбеки, а на юге более 60% населения – узбеки, что дает повод лидерам узбекского этноса ставить вопрос о предоставлении узбекам юга автономии;

- требования лидеров узбекского этноса о 60% представительстве в органах государственной власти и правоохранительных органах;

- моноэтнизация отдельных областей, районов, сельских населенных пунктов, городских кварталов (либо только кыргызы, либо только узбеки, либо только турки и т.д.), что ведет к росту этнонационализма, ксенофобии, формированию образа «врага» в лице представителя «не своего» этноса;

- политизация населения республики, формирование религиозно-конфессиональной нетерпимости, рост этноконфессионального экстремизма и межэтнического терроризма;

- рост регионализма: он – «с юга» или «с севера» или из нашей области, района, города, села, квартала и т.д., который характерен как для кыргызов, так и для узбеков;

- родоплеменное расслоение, проявление райбализма – «я и мой народ», «я и мой клан» и т.д. Деление населения на «своих» и «чужих», «коренных» и «пришлых»;

- потеря высококвалифицированных специалистов, отток востребованных трудовых рабочих рук (как после событий июня 1990 г., так и после событий июня 2010 г.);

- сужение сферы применения русского языка – большая часть молодого поколения кыргызов и узбеков, а также представители других этносов не знают языка межнационального общения;

- демографическая ситуация: снижение роста рождаемости у кыргызов, повышение роста рождаемости у представителей других этносов;

- дисбаланс интересов этнических групп региона – дискриминационный доступ разных этнических групп к жизнеобеспечивающим ресурсам;

- нарушение прав и свобод по этническому признаку;

- неконтролируемая внутренняя и внешняя миграция населения Кыргызстана, потеря приграничных земель;

- отчуждение этносов, особенно малочисленных, «уход в себя» социальная апатия, поиск душевного равновесия в религии, потеря политической активности;

- имеющаяся дискриминация в кадровой политике по этническому признаку;

- проблемы, связанные с языковой политикой государства.

Всего – около 20 наиболее существенных рисков и проблем в развитии этносферы региона, которые были вчера, имеются сегодня и которые будут углубляться и расширяться в будущем, если государство, гражданское общество не найдут действенных механизмов единения этнических сообществ, повышения уровня межэтнического доверия и стимулирования процессов межэтнической консолидации.

Как отмечают Д. Омукеева и Д. Эрмеков, случившиеся межэтнические противостояния в республике, особенно крупные и кровопролитные межэтнические конфликты на юге страны, должны напоминать и государству, и гражданскому обществу о том, что нельзя «разыгрывать» этническую карту в любых удобных ситуациях (политических, экономических, личных и т.д.) [4].

В качестве основы конфликтов между кыргызами и узбеками, как считает молодая ученая с юга Кыргызстана С. Ибраимова, были и остаются определенные цивилизационные различия, так как кыргызы и узбеки принадлежат к общностям с сильными традиционалистскими признаками [5].

Необходимо отметить, что более жесткая позиция ученых юга Кыргызстана обусловлена жесткостью позиций всего населения юга, дважды пережившего трагические события и убедившегося

на горьком личном опыте, что те же проблемы, которые были озвучены еще 20 лет назад, практически не решены. И сегодня существует опасность, что эти же проблемы будут усугубляться, пока не приведут к рецидиву и повтору трагических событий как в масштабах всей страны, так и в отдельных регионах.

Как правильно отметил В.А. Харченко, реальные этнополитические процессы протекают не только на уровне отношений между государствами, регионами, экстерриториально организованными этническими группами, но и на уровне полиэтничных сообществ небольших поселений (городов и сельских районов), что требует дополнить проблематику этнополитической конфликтологии серьезными и систематическим изучением межэтнических конфликтов микроуровня [6].

Данные конфликты оказывают непосредственное влияние на состояние систем макро- и мезоуровня, т.е. этнополитические процессы на уровне внутригосударственного региона и на общегосударственном уровне, в отдельных случаях, могут привести к их качественному преобразованию: изменению политико-правового статуса региона, выходу отдельных территорий из состава государства и даже к распаду государства.

В то же время понятийный инструментарий, позволяющий ввести данный вид конфликтов в определенную типологию, до недавнего времени отсутствовал. В.А. Харченко предложил восполнить этот понятийный пробел, обозначив новый тип внутригосударственного конфликта – локальный межэтнический конфликт (ЛМК) [7], развернутая характеристика которого представляется весьма эвристичной:

- ЛМК непосредственно связаны с региональными конфликтами, выступая формой проявления назревающих региональных конфликтов, и обусловлены динамичным изменением этнического состава населенных пунктов;

- в основе ЛМК лежат нерешенные проблемы в экономической (распределение собственности, земельные и трудовые отношения), политической (представительств в органах власти, формы политического участия), социальной (включая миграцию и демографию), духовно-культурной (образование, культура, язык и религия) сферах. ЛМК, как правило, протекают

в форме межобщинных этнических столкновений, доходящих до силовых, и носят очень динамичный характер;

- ЛМК отличаются составом субъектов, в качестве которых выступают администрации муниципальных образований, представители местных силовых структур, объединения старожильческого (коренного) населения, формальные и неформальные этнические объединения (диаспоры), местные СМИ и работники образовательных учреждений;

- территориально ЛМК охватывают небольшие географические пространства (небольшие городские и сельские поселения – муниципальные образования), но вовлекают в свою орбиту практически все население этих районов;

- ЛМК возникают в городах и районах, принимающих значительное число мигрантов и характеризующихся быстрой сменой этнического состава населения [8].

Анализ локальных и региональных конфликтов выступает необходимым условием стабилизации ситуации на этом уровне социальной жизни, поскольку способствует разработке и обеспечению реализации научно обоснованной политики по предупреждению, прогнозированию и урегулированию конфликтов, в особенности насильственных и деструктивных. Кроме этого, он способен оказать благотворное влияние на стабилизационные процессы и в общенациональном масштабе (как и наоборот), тем самым превращаясь в важную исследовательскую и практическую задачу.

С периода достижения независимости Кыргызская Республика пережила несколько тяжелых потрясений, включая мартовскую 2005 года и апрельскую революции 2010 года, свергнувшие семейно-клановые режимы первого и второго президента Кыргызской Республики, повлекшие за собой кардинальные перемены в общественно-политической жизни страны и замену президентского правления на парламентское.

В этот же период произошло несколько локальных межэтнических конфликтов в Чуйской области, два крупных межэтнических конфликта между кыргызами и узбеками в 1990 и 2010 гг. в Ошской и Джалал-Абадской областях.

Так, в с. Искра Чуйского района Чуйской области с 31 января по 6 февраля 2007 года произошел конфликт между дунганями и

кыргызами. Освещение данного конфликта в СМИ и реальные причины весьма разнятся. Так, проведенные в данном айыльном округе фокус-группы показали, что поводом для разгоревшегося межэтнического столкновения стал конфликт между ребятами-дунганцами, приближенными к хозяевам игорного зала – этническим дунганам, и девочками кыргызской национальности, которым захотелось поиграть в сетевые компьютерные игры. Кыргызские девочки получили от дунганских мальчиков дерзкий отрицательный ответ и насильно были вытолканы из помещения игорного зала. За обиженных девочек кыргызской национальности заступились около 10 мальчиков русской национальности, которые в этот момент тоже находились в зале; дунганские ребята их избили, продемонстрировав тем самым «кто в доме хозяин». За побитых русских мальчиков заступились кыргызские ребята постарше, и пострадало помещение компьютерного клуба. Так и закрутился конфликт, впоследствии названный межэтническим, хотя там перемешались:

- гендерные понятия – «запрет» на посещение девочками компьютерного игорного зала;
- социальные – расслоение общества на богатых хозяев и бедных игроков;
- психологические – стремление психологического превосходства над ровесниками других национальностей на основании близости к хозяевам зала;
- межэтнические – объединение русских и кыргызских ребят против дунганских мальчиков на основе социальной справедливости и протеста против притеснений.

Хронология событий показала, что вместо того, чтобы вызвать на помощь правоохранительные органы и локализовать конфликт, хозяева клуба вызвали на подмогу криминальных лиц дунганской национальности, один из которых, чтобы разогнать возмущенную толпу кыргызов, произвел целенаправленный выстрел и ранил лошадь одного из всадников. Выстрел произвел обратное действие – кыргызы, возмущенные применением огнестрельного оружия со стороны дунганской криминальной группировки, начала активные действия против всего дунганского населения села. В результате 6 человек были ранены, 32 человека арестованы или находились под следствием. 70 дунганских семей

в разгар столкновений выехали из села, но потом вернулись. Было сожжено несколько стогов сена и один сарай с сеном. 30 домов пострадали от погромов, в них были выбиты стекла. 11 домов пострадали особенно сильно: в них были выбиты стекла, разбита мебель и двери, пострадала штукатурка от ударов ломami. Но ни один дом не был сожжен [9].

В ответ на запрос о событиях в с. Искра Чуйской области МВД КР сообщило, что 5 февраля 2006 года примерно в 17-30 часов в с. Искра по ул. Биянху на автодороге «Бишкек-Торугарт» из автомашины был осуществлен целенаправленный выстрел во всадника, в результате произведенного выстрела пуля попала в левое бедро коня. В результате принятых мер была задержана автомашина, в салоне которой находились четверо лиц дунганской национальности. При досмотре машины были обнаружены и изъяты: пистолет марки ПМ с 6 патронами и 3 боевые гранаты РГД-5. Об этом факте широкая общественность через СМИ извещена не была, и большинство жителей страны остались в неведении и недоумении по поводу причин возникновения данного конфликта.

Чтобы предотвратить дальнейшее нагнетание обстановки и предотвратить возможные межэтнические столкновения, сотрудники ОВД в ночное время суток вынуждены были выставить на въезде в село блокпосты и установить круглосуточное патрулирование. Помимо этого по инициативе Чуйской районной госадминистрации в селе были организованы сельские сходы с участием актива района, аксакалов, авторитетных лиц, представителей национальных диаспор по недопущению и предупреждению межнациональных конфликтов. В результате неоднократных проведенных профилактических мероприятий межнациональная обстановка в с. Искра стабилизировалась [10].

26 апреля 2009 года в с. Петровка Московского района Чуйской области произошло столкновение между кыргызами и русскими, с одной стороны, и курдами – с другой. Поводом послужил акт педофилии со стороны насильника курдской национальности по отношению к малолетней русской девочке и последовавшей смерти ее бабушки от этого потрясения, а также отказа районных органов внутренних дел возбудить по данному делу уголовное преследование. Возмущенные актом педофилии

местные жители кыргызы и русские взяли на себя функции восстановления справедливости и начали активные действия против всего курдского населения села. В результате столкновения пострадало порядка 80 человек. Погромам подверглись 15 домов. Были выбиты стекла и двери, разрушены заборы и хозяйственные постройки. Некоторые курдские семьи, боясь погромов, временно покинули свои дома. Брошенные дома подверглись мародёрству. Впоследствии насильник был осужден судом, а руководство районного органа внутренних дел было уволено [11].

19 апреля 2010 года в с. Маевка, на окраине Бишкека, имели место массовые беспорядки, спровоцированные сторонниками свергнутого президента, под предлогом захвата земельных пахотных участков, прилегающих к столице страны и принадлежащих туркам-месхетинцам. В результате беспорядков погибло 4 человека, более 40 граждан пострадали, было подожжено 11 домов, 4 из них сгорели полностью. В домах было имущество: мебель, ковры, одежда, бытовая техника – все уничтожено, разграблено или сломано. Погромщиками было самовольно захвачено 857 гектаров пахотных земель, принадлежащих жителям Маевки, и распределено под строительство индивидуального жилья. Загублены посевы под урожай. Впоследствии действиями правоохранительных органов и добровольной народной дружины захваченные земли были возвращены законным владельцам, а зачинщики погромов арестованы, под суд было отправлено 5 человек, вина их была полностью доказана. Один из них, Аширов Исабай, был осужден к 7 годам лишения свободы [12].

Произошло еще несколько малых межэтнических конфликтов, причинами которых выступали различные основания: от возмущенных действий по защите детей от педофила, до явной провокации со стороны сторонников бывшего президента К.Бакиева.

Анализируя происшедшие локальные межэтнические конфликты, можно прийти к выводу, что в разных ситуациях и разных конфликтах участвуют различные движущие силы; причины, вызвавшие конфликты, разные и интерпретируются они тоже по-разному. Явно видно, что теоретическое объяснение происшедших событий не укладывается в рамки какой-то одной

парадигмы, здесь необходимо применение полипарадигмального подхода.

В случае с конфликтом в с. Искра более всего подходит применение теории «**коллективного действия**» **Ч. Тилли**, явно было видно, что кыргызская часть населения действовала сообща и в целях достижения определенных коллективных интересов, в частности – в стремлении «наказать» дунганскую сторону за неправомерное использование «криминальной» составляющей при разрешении конфликта.

В случае с конфликтом в с. Петровка также действует концепция «**коллективного действия**» **Ч. Тилли**, где кыргызское и русское население объединились и выступили против курдской диаспоры, которая не осудила педофила – курда по национальности, а, наоборот, попыталась его защитить и поддержать.

В случае с конфликтом в с. Маевка в качестве теоретического объяснения причин конфликта более всего подходит **теория депривации и теория человеческих потребностей**, когда пробакиевские силы смогли столкнуть наиболее обездоленные слои кыргызских внутренних мигрантов на погромы и захват в пригороде столицы пахотных земель, принадлежащих лицам турецкой национальности.

Во всех этих случаях наблюдаются стихийные действия толпы, что очень даже хорошо описывается **концепцией психологии толпы Г. Лебона**.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Омуралиев Н.А. Ферганская долина: центр дружбы или источник разногласий? // Будущее государств Центральной Азии: вместе или...? Материалы региональной конференции. – Бишкек, 2001. – С. 179-181.

2. См.: Кадырова Р. Предупреждение лучше лечения // Салам, Азия! – 2002. – февр.

3. См.: Омукеева Дж.А., Эрмеков Д.Ж. Анализ этнической сферы юга Кыргызстана: риски и проблемы взаимодействия этнических сообществ // Взаимодействие государства и гражданского общества в предотвращении и урегулировании межэтнических конфликтов в Кыргызстане: Сб. материалов научно-практ. семинаров. – Бишкек, 2011. – С.74-78.

4. См.: Омукеева Дж.А., Эрмеков Д.Ж. Указ. раб. – С. 78.
5. См.: Ибраимова С.С. Историко-культурные аспекты межэтнических конфликтов (политологический анализ событий 1990 и 2010 гг.): Автореф. ... дис. канд. полит. наук. – Бишкек, 2012. – С.13.
6. См.: Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана). – Бишкек, 2011. – С. 59.
7. Харченко В.А. Политическое управление локальными межэтническими конфликтами: теоретическая модель и технологии ее реализации: Дис. ... канд. полит. наук. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2003. – С. 45–46.
8. См.: Харченко В.А. Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана). – Бишкек, 2011. – с. 59-60.
9. См.: Пятый, шестой и седьмой периодические доклады Кыргызской Республики о выполнении Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации / Сост.: Н.А. Омуралиев / МИД КР. – Бишкек, 2011.
10. См.: Письмо МВД КР //Текущий архив ЦМНиСИ НАН КР/ Дело № 06.12
11. См.: Пятый, шестой и седьмой периодические доклады Кыргызской Республики о выполнении Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации / Составитель Омуралиев Н.А. – Бишкек, МИД КР, 2011 г.
12. Пятый, шестой и седьмой периодические доклады Кыргызской Республики о выполнении Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации / Сост.: Н.А. Омуралиев / МИД КР. – Бишкек, 2011.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Б.А. Малтабаров,

*заведующий кафедрой социологии Бишкекского гуманитарного
университета им. К. Карасаева, вице-президент
Социологической Ассоциации Кыргызстана, кандидат
социологических наук*

Проблема религиозной идентичности в Кыргызстане связана с необходимостью выборов новых алгоритмов сосуществования различных социо-культурных организмов. Как показывает опыт прошлого, во время переходного периода, народных бедствий, краха привычных социально-политических идентификаций, долгое время насаждаемых всеми каналами официальной пропаганды, воцарения идеологической неразберихи и отсутствия мобилизационной общегосударственной идеи – резко возрастает роль традиционных этнокультурных – национальных и религиозных – идентичностей.

В социологическом энциклопедическом словаре – идентичность (лат. *identificare* – отождествлять, позднелат. *identifico* – отождествлять) – рассматривается как соотнесенность чего-либо с самим собой в связанности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве. Идентичность – представляет собой процесс непрерывного поиска и постоянного развития своего истинного «Я». Социально-групповой аспект идентичности представляет собой социальный капитал освоенных с момента рождения и находящихся в постоянном динамическом движении групповых отношений и идентификации в социуме [4, 344].

В системе идентичностей ситуативные (социальные политические) отличаются как от примордиальных (гендерных, расовых), так и от традиционных, долговременных (этнических, религиозных) идентичностей не только своей длительностью, но и механизмом формирования. В первом случае превалируют сознательные, рациональные факторы, во втором – естественные (неизменные пол и раса), в третьем – немалую роль играет сила исторической инерции; к осознанному выбору представителей данной этноконфессиональной общности добавляются подсознательные инстинктивные установки, приводящие в действие механизм воспроизводства этноконфессиональных традиций и предпочтений [3, 13].

Религиозная идентичность представляет собой наднациональную систему охватывающую личности, языки, национальности, целые государства различными политическими, экономическим и социальными системами. На современном этапе развития социума перед социологами Кыргызстана встает ряд новых задач, связанных с переосмыслением проблемы личности, общества и их взаимоотношения с исламом в условиях социальных изменений. В частности, актуализируется вопрос о влиянии социокультурной трансформации постсоветского периода на процессы религиозной идентификации личности и общества в условиях глобализации основанных на принципах рыночных отношений в современном Кыргызстане. В иерархии идентичностей культурном пространстве Кыргызстана основную составляющую играет религия. Религия как наднациональный доминат, утвердившаяся в сознании большинства народов, быте, во всей культуре в качестве «своей» и «с молоком матери» передается все новым и новым поколениям.

Исторический выбор, массовость и долговременность исконных этнокультурных устоев, мы относим целые народы к определенной культуре – мусульманской. Согласно переписи населения проведенной Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики в 2009 г. в Кыргызстане, такие этнические общности, как кыргызы, казахи, турки, татары, дунгане, уйгуры, узбеки, азербайджанцы и др. (всего 24 этносов), составляют более 90% от общего числа населения

республики, которые традиционно считают себя приверженцем ислама [2]. Период демократических преобразований нашего общества, дали мощный толчок в развитии религиозных организаций не только традиционных ислама и православия, но и новых религиозных движений. Рост количества культовых объектов, где верующие могли справлять свои религиозные обряды, развитие многополярности ислама становление духовной образовательной системы, вовлечение религиозных организаций в общественные процессы, все это способствовало более полному удовлетворению духовных потребностей верующих. В 1993 г. был создан руководящий орган мусульман Кыргызстана – Муфтият, переименованный с декабря 1996 г. в Духовное управление мусульман Кыргызстана ДУМК (состоящим из 25 человек членов Совета Улемов). В структуре управления ДУМКа имеются 9 казыятов, из них 7 областные Казыяты и 2 Казыята г. Бишкек и г. Ош. В настоящее время ДУМКа объединяет 1943 исламских организаций, в том числе 9 высших религиозных учебных заведений, 50 медресе, 47 фондов, центров и объединений ислама, а также 3 миссии зарубежных конфессий [5].

Православия в Кыргызстане придерживаются в основном, такие этнические группы, как русские, украинцы и белорусы, которые составляют более 9% от общего числа населения Кыргызстана [2]. Православные христиане объединены в Епархию Русской Православной Церкви (РПЦ). В состав Епархии входят 39 церквей, 1 женский монастырь. Религиозные объекты православия находятся по всей республике, кроме Нарынской области. РПЦ в Кыргызстане имеет 43 храма и приходов, которые находятся: 1 – в г. Бишкек, 4 – в Джалал-Абадской области, 11 – в Иссык-Кульской области, 4 – в Ошской области, 3 – в Таласской области и 20 в Чуйской области. Почти при каждом храме и приходе функционируют воскресные школы, в г. Кара-Балта, Чуйской области расположен женский монастырь.

В целом, в современном Кыргызстане на данный период осуществляют свою деятельность 2 445 организаций, из них 1 097 – исламской конфессии, 378 – христианской, 12 общин бахаи, одна община иудейская и одна буддистская [6].

Для выявления религиозной идентичности и процесса религиозной идентификации населения Кыргызстана автором

статьи под руководством Президента Социологической Ассоциации Кыргызстана, профессором К. Исаевым в 2012 г. был проведено социологическое исследование на тему: «Социальная идентичность народов тюркского мира в цивилизационных процессах: «на примере Кыргызстана». В данном исследовании было опрошено 2000 респондентов по общереспубликанской выборке. Согласно данного исследования, в современном Кыргызстане среди населения наблюдается рост религиозного самосознания. Религиозность респондентов определялась на основе их личной самоидентификации. Об уровне и степени религиозности в определенной мере можно судить по уровню религиозной активности респондентов. В связи с этим мы задавали вопросы, которые касаются ими выполнения религиозных обрядов и предписаний, какую религию считают своей, почему эту религию считают своей, как часто посещают религиозные места и т.д.

Для социолога религиозность – прежде всего доступное наблюдению поведение человека в широком смысле слова, которые включены в эту деятельность. Исходя из эмпирических данных, социология в области изучения религии стремится к познанию реальных, конкретных связей, взаимодействий, институтов, проникая в сущность социальных явлений, постигая их природу, раскрывая до самых первооснов религию как социального феномена, справедливо отмечает российский социолог религии В.И. Гараджа [1, 348].

Социологи Кыргызстана в соответствии с ответами на вопросы выделили категории респондентов, демонстрирующие, во-первых, высокую, те, кто полностью исполняют религиозные предписания и обряды, во-вторых, среднюю, те, кто не в большей мере исполняют религиозные предписания и обряды, и в третьих те, кто представляет низкую степень религиозной активности и в четвертых те, кто не исполняет обряды и религиозные предписания.

В ходе социологического исследования респондентам был задан вопрос: «Верите ли, Вы в Бога?», ответы респондентов распределились следующим образом, Да, верю в Бога, ответили 95,2% опрошенных, колеблюсь между верой и неверием считают, каждый третий респондент (3,6%). Затруднились ответить на данный вопрос 0,4% и 0,7% респондентов ответили, что не верят в Бога (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Верите ли Вы в Бога?

Варианты ответов	Количество ответивших респондентов	Ответы в процентах
<i>Да</i>	1905	95,2
<i>Колեблюсь между верой и неверием</i>	73	3,6
<i>Нет</i>	14	0,7
<i>Затрудняюсь ответить</i>	8	0,4
Всего	2000	100

Данное социологическое исследование продемонстрировало высокую степень религиозности респондентов, которая определялась исполнением религиозных предписаний, так, 50,4% респондентов полностью исполняют религиозные предписания. Соблюдают в значительной степени 33,8% и соблюдают, но не в достаточной степени 11,4% респондентов. Каждый 50 респондент (2%) совсем не соблюдают религиозные предписания и 2,4% респондентов затруднились ответить на этот вопрос (см. таблицу 2).

Таблица 2

Выполняете ли Вы религиозные предписания?

Варианты ответов	Количество ответивших респондентов	Ответы в процентах
<i>Полностью соблюдаю</i>	1008	50,4
<i>Соблюдаю в достаточной степени</i>	675	33,8
<i>Соблюдаю, но не в достаточной степени</i>	227	11,4
<i>Совсем не соблюдаю</i>	41	2,0
<i>Затрудняюсь ответить</i>	49	2,4
Всего	2000	100

Приверженность к религии, скорее, является результатом социализирующих практик в жизни индивида, поэтому мы задали следующий вопрос: «Какую религию Вы считаете своей?». Результаты социологического исследования показывают, что 90,4% респондентов, считают «своей» религией ислам, 9,0% опрошенных, ответили христианство и 0,6% респондентов отметили другое (см. таблицу 3).

Таблица 3

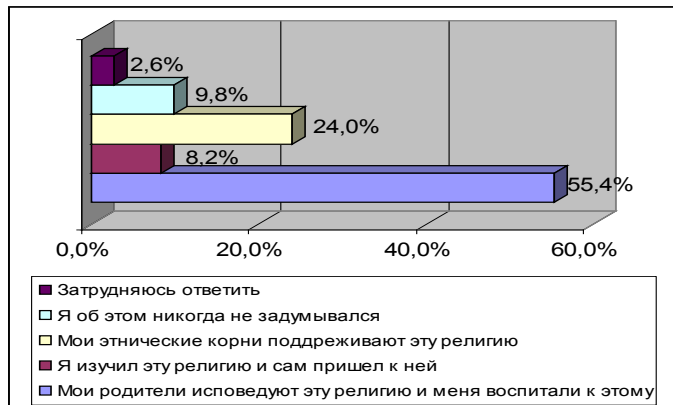
Какую религию Вы считаете своей?

Варианты ответов	Количество ответивших респондентов	Ответы в процентах
<i>Ислам</i>	1807	90,4
<i>Христианство</i>	181	9,0
<i>Другое</i>	12	0,6
<i>Всего</i>	2000	100

После определения респондентом своей религии, мы задали следующий вопрос «Почему Вы эту религию считаете своей?». Более половины (55,4%) респондентов считают, что их родители исповедовали эту религию и их воспитали к этому. Семья как социальный институт общества социализирует религию среди членов данного сообщества. Приверженность к религии, скорее, является результатом социализирующих практик в жизни индивида, то есть этничность является маркером религиозной принадлежности, поэтому каждый четвертый опрошенный (24,0%) ответил, что их этнические корни подреживают эту религию. Я изучил эту религию и сам пришел к ней ответили 8,2% респондентов. Я об этом никогда не задумывался, считают 9,8% опрошенных и затруднились ответить на данный вопрос 2,6% респондентов (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Почему Вы эту религию считаете своей?

По результатам социологического исследования, частота посещаемости религиозных мест следующая: раз в неделю посещают каждый четвертый респондент (24,0%), один раз в месяц посещают каждый десятый опрошенный (11,8%), один раз в полгода 9,7% и один раз в год 49,6% респондентов посещают религиозные места и 4,9% опрошенных ответили, что они никогда не посещают их (см. таблицу 4).

Таблица 4

Как часто Вы посещаете религиозные места?

Варианты ответов	Количество ответивших респондентов	Ответы в процентах
<i>Один раз в неделю</i>	480	24,0
<i>Один раз в месяц</i>	237	11,8
<i>Один раз в полгода</i>	192	9,7
<i>Раз в год</i>	993	49,6
<i>Никогда не хожу</i>	98	4,9
<i>Всего</i>	2000	100

Существует ли в повседневной жизни соблюдение предписаний религии и надо ли её обязательно знать, чтобы выявить эту проблему, мы задали респондентам вопрос: «Думете ли Вы, что знание религии и четкое соблюдение ее предписаний является обязательным условием Вашей повседневной жизни?»

Результаты опроса показывают, что 55,4% респондентов считают, «Да, обязательно» и 35,9 – «Возможно», знание религии и четкое соблюдение ее предписаний является обязательным условием Вашей повседневной жизни. 4,6% респондентов считают совсем не обязательно и 4,1% респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. таблицу 5).

Таблица 5

Думете ли Вы, что знание религии и четкое соблюдение ее предписаний является обязательным условием Вашей повседневной жизни?

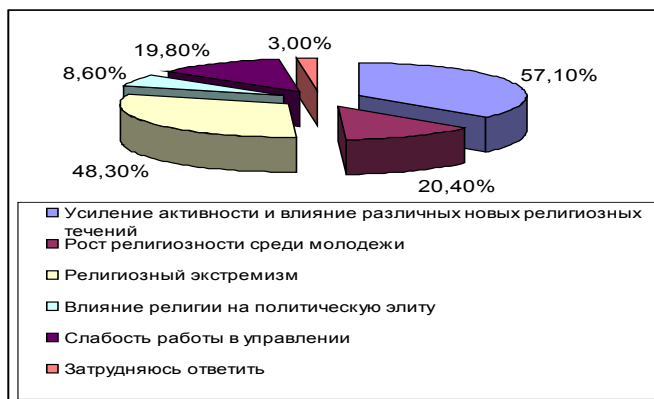
Варианты ответов	Количество ответивших респондентов	Ответы в процентах
<i>Да, обязательно</i>	1107	55,4
<i>Возможно</i>	718	35,9
<i>Совсем не обязательно</i>	91	4,6
<i>Затрудняюсь ответить</i>	84	4,1
Всего	2000	100

В заключении, мы респондентам задали открытый вопрос: «Какие религиозные проблемы Вас беспокоят?». На данный вопрос, опрошенный мог дать ответ до трёх вариантов. Поэтому, по результатам социологического исследования наибольшее количество ответов вызвал у 57,1% респондентов, которых волнует проблема усиления активности и влияния различных новых религиозных течений. По мнению 48,3% опрошенных их очень волнует проблема религиозного экстремизма и каждого пятого респондента (20,4%) проблема роста религиозности среди молодежи. Слабая работа в управлении, ответили 19,8%

респондентов и затруднились ответить на данный вопрос 3,0% респондентов (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Какие религиозные проблемы Вас беспокоят?

Таким образом, религиозная составляющая исторического процесса является не только важной сферой, но и взаимодействующей с экономической, социальной и политической сферами общественной жизни Кыргызстана. Данная проблематика неразрывно связана с современными трансформационными процессами в условиях глобального развития, которые коренным образом влияют на традиционные идентичности. Религиозная идентичность выступает как наднациональный доминант, утвердившаяся в сознании большинства народов Кыргызстана, в их быте, во всей культуре и передается от поколения к поколениям на протяжении тысячелетий. Поэтому глубина и характер влияния религиозной идентичности на другие идентичности зависит от особенностей различных групп населения современного Кыргызстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гараджа В.И. Социология религии: Учебн. Пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.

2. Демографический ежегодник КР: 2008-2013– Б.: Нацстатком КР, 2013 – 319 с.

3. Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах)/ Отв. Ред. М.П.Мчедлов. – М, 2008.– 415 с.

4. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абущенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1012 с.

5. www.knews.kg

6. www.vb.kg/244183

Түйін

Мақалада діни бірдейліктің және діни бірдейлестірудің өтіп кету үдерісінің актуализациялауының мәселесі қазіргі Қырғызстанда қарастырылады. Автор, жалпы республикадағы (N=2000) діншілдіктің және діни ресми өкімнің орындалуының деңгейін Қырғызстанның халқының нақты социологиялық зерттеу нәтижелеріне сүйене отырып анықтады.

Summary

The problem of religious identity and update process flow religious identity in modern Kyrgyzstan. The author, based on the results of a specific sociological study conducted by the nationwide sample (N = 2000) revealed a level of religiosity and performing religious prescriptions population of Kyrgyzstan, defined and identified range of issues related to religious identity.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. О. Жунушова,

*доцент докторант кафедры социологии КНУ
им. Ж. Баласагына, кандидат социологических наук*

Молодёжь в любом обществе является самой здоровой и инновационной частью населения, что выгодно отличает её от других групп людей. Но молодые люди очень быстро воспринимают как положительные, так и отрицательные перемены в обществе. Следовательно, перед обществом тюркоязычных стран и особенно в Центральной Азии стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несут страны из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в экономическое, политическое, духовное пространство. Молодежь – это не только будущее, она «живое настоящее», и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение представляет содержание и характер будущего.

Содержание данной статьи следует раскрыть с помощью таких понятий как: «молодежь», «элита», «религиозная элита», и поэтому целесообразно на наш взгляд дать краткие определения содержаниям вышеперечисленных понятий. Так, *если обратиться к определению молодежи, то: «Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастных особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, их специфических интересов и ценностей» [1, с.35].*

Понятие элита (от франц. elite – лучший, отборный) вошел в научный обиход на рубеже XIX-XX вв. В широком социологическом контексте им обозначается *высший, относительно замкнутый слой общества, контролирующий его основные экономические, политические и культурные ресурсы*. При рассмотрении элиты применительно к сфере управления и координации религиозных отношений ученые оперируют термином: «религиозная элита».

Таким образом, теоретически многогранны интерпретации термина элиты. Одни полагают, что подлинность элиты обеспечивается знатным происхождением, другие причисляют к этой категории самых богатых, третьи – наиболее одарённых. Считается, что вхождение в элиту – это личные заслуги и достоинства человека, в то время как Г. Моска и В. Парето считают, «что для включения в элиту, прежде всего, важна социальная среда, из которой вышел человек, а только потом личная симпатия или антипатия лидера» [2, с.18-19].

В современных условиях вхождение в слой элиты происходит, противоречиво и как пишет О. Ю. Маслов: «...что собой представляют национальные элиты в начале XXI века и в какой степени их можно назвать национальными? Что общего между элитами различных стран мира, не входящими в «золотой миллиард»? Нынешние элиты сегодня – это сообщества граждан, практически полностью отделивших свою судьбу и судьбу своих семей от судьбы своего народа и своего государства. Отрыв национальных элит от собственных народов – это естественно исторический процесс в рамках экономической глобализации. А «цветные» революции – это смена части элит. Причем «новая» элита становится инструментом дальнейшего продвижения экономической глобализации» [3]. Это высказывание применительно в целом к содержанию политической и экономической элиты России, и оно вполне соответствует положению дел и в Кыргызстане. В этом контексте состояние исламской интеллектуальной мысли в странах Центральной Азии в Кыргызстане в частности остается крайне низким. В первую очередь практически отсутствует единая позиция, глобальная сплоченность на основе принципа «умеренности».

С приобретением независимости республик, с пробуждением национального самосознания людей появилась и свобода вероисповеданий в открытом виде. Во многом обеспечение новых реальных условий демократизации общества, создание прочной основы свободы совести, согласно нормам прав человека, за годы независимости способствовали полноценному развитию религий и религиозных конфессий в республиках. Практически только в 90-е годы XX века резко и существенно изменилась сама структура конфессионального пространства Центральной Азии. Как-то неожиданно, но прочно вошел в общественную жизнь народов Центральной Азии ряд доселе неизвестных конфессий, во многом чуждого для менталитета региона. Особенно в начале XXI века в республиках Центральной Азии, с возникновением ряда религиозных течений, наступила в некоторой степени угроза самому традиционному исламу. Страны становятся многоконфессиональными. «Парад суверенитетов, приобретение независимости, политические свободы в республиках, создавали необходимые условия и для смены религиозной ситуации. Свобода вероисповедания граждан привело и к неограниченной свободе веры. В результате чего на территории стран Центральной Азии появилось очень много религиозных течений, учений, общин, секты и религиозные партии экстремистского и террористического толка. К примеру, только на сегодняшний день по территории Кыргызстана насчитывается более десятки религиозных конфессий» [4,с.49-51, 5,с.202]. И поэтому проблемы формирования религиозной элиты в среде молодежи в современных условиях и интеграция молодых людей в различные религиозные организации, порой религиозные секты являются самым актуальным вопросом сегодняшнего дня.

С поддержки зарубежных миссионеров, многие молодые кыргызстанцы ежегодно обучаются и получают религиозное образование за рубежом. Причем большинство из них обучались и обучаются в Египетском университете «Аль Азхар», Пакистане, Сирии. Они и в последующем становятся духовными лидерами, религиозной элитой страны. Какие характерные черты этих движений и направлений – это, отрицание Сунны и признание Корана как единственного авторитетного источника божественного

откровения. Их «нетрадиционность» проявляется в первую очередь и в том, что они стараются отвергнуть в исламе все, что происходит от людей, давая приоритет только и исключительно Корану. Чем же опасны эти так называемые «нетрадиционные» направления в странах Ближнего Востока? Они формировались как общественно-политические организации, главным центром которых был египетский университет Аль-Азхар. Это партия «Хизб-ут Тахрир», движение «Братья-мусульмане», «Ихван аль-муслимин» и другие. «Эти религиозные организации появлялись в качестве ответа на непростую политическую обстановку в регионе, связанную с возникновением Израиля, кризисом колониализма, национально-освободительными войнами и распространением социализма. В ряде случаев общественно-политические движения, возникшие на основе «нетрадиционного ислама», играли значимую роль в национально-освободительных движениях, но в других случаях превращались в деструктивную силу, подрывающую и разрушающую мусульманское общество» [6]. В современных условиях именно «нетрадиционные» направления ислама в процессе организации массовых митингов являются идейными лидерами во всем мире. Между традиционным и «нетрадиционным» лагерями ислама идет жесткая полемика по поводу того, являются ли партии, движения и митинги приемлемыми для мусульман. Главная опасность «нетрадиционных» исламских организаций и движений в том, что, в их идеологии видное место занимает джихад, означающий войну с неверными, легко переходят от мирной деятельности к вооруженным акциям и терроризму, экстремизму. К примеру: «Партия исламского освобождения» («Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами») официально не ведет агрессивную деятельность и ратует за возрождение халифата путем применения политических мер, в то же время запрещает своим последователем каким-либо образом участвовать в политической жизни страны, аргументируя это тем, что таким образом они будут принимать законы, придуманные неверными, а не Всевышним. Такое положение чревато тем, что готовые к борьбе новобранцы, не имея доступных политических инструментов для осуществления своих целей, могут в перспективе взяться за оружие. Итак,

сегодня «в обществе накопился сгусток отрицательной энергии, являющийся следствием социальной усталости от несбывшихся надежд и обманутых ожиданий, отчаяния и тревоги за будущее. В свою очередь, эти причины привели к состоянию разобщенности, своеобразной «войне всех против всех», фрагментации общества, то есть к такому состоянию общества, когда множество его фрагментов постоянно враждует и борется друг с другом. Люди во все большей степени перестают считаться друг с другом, а единственным методом решения проблем становится метод прямого действия – через протест, причем чаще всего с применением разных форм насилия. Причем этот метод становится постоянным, регулярным и повседневным» [7].

Так радикальный ислам по отношению к нашей республике и молодежи можно определить и характеризовать как «импортный продукт», который находит благоприятную почву в среде бедных слоев населения. Находясь на периферии мусульманского мира не только географически, но и духовно, кыргызский этнос, составляющий большинство населения страны, обладает рядом специфических черт, накладывающих определенный отпечаток на характер и религиозность молодежи.

Президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О реализации решения Совета обороны КР о государственной политике в религиозной сфере». В Указе отмечается, что в рамках реализации Национальной стратегии устойчивого развития КР на период 2013-2017 годы. «Наибольшую озабоченность вызывает ситуация в среде мусульман республики, которая осложняется в результате целенаправленной поддержки со стороны зарубежных центров определенных кругов в Кыргызстане. Отдельные исламские фонды, оказывая финансовую поддержку, продвигают идеологию фундаментализма и экстремизма. Положение усугубляется отсутствием противодействия со стороны Духовного управления мусульман Кыргызстана, его структур в регионах, ослаблением позиций традиционного ислама в стране. Более того, отдельные имамы и казы на местах поддерживают идеи религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир» и деятельность членов организации «Таблиги Джамаат», известных в нашем регионе как «дааватисты».

«Сложность ситуации в религиозной сфере требует кардинального пересмотра принципов и методов государственно-конфессионального взаимодействия, внесения изменений и дополнений в соответствующее законодательство с целью предотвращения религиозной нетерпимости, радикализма, утверждения веротерпимости и повышения уровня осведомленности об основных религиозных учениях. Особого внимания требует повышение качества светского и религиозного образования, его нынешнее состояние создает условия для искаженного толкования основ ислама и других вероучений. Зачастую религиозной деятельностью, проповедью занимаются малообразованные люди, которые, называя себя священнослужителями, духовными лицами, активно пропагандируют среди молодежи чуждые народу Кыргызстана ценности, образ жизни, культуру и даже одежду, проповедают необходимость трансформации страны в исламское государство» [8].

Национальная стратегия устойчивого развития КР на 2013-2017 годы ставит задачу повышения эффективности политики в религиозной сфере в качестве одного из условий стабильного развития государства.

Но следует сказать, что религиозная идентичность молодежи за годы независимости изучались и изучаются социологами, религиоведами. Так, в 2010 году социологической лабораторией КНУ им. Ж. Баласагына проводилось социологическое исследование среди молодежи Кыргызстана, на предмет социального самочувствия молодежи, в целом, и, в частности, отношение молодежи к религии. Так, на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим?» основная часть, т. е. 62% опрошенных молодых людей ответил, что они себя считают верующими, 7% опрошенных ответили, нет, и 31% затруднились ответить на вопрос. На вопрос «Исполняете ли Вы все религиозные предписания и обряды?» 20% – ответили, что исполняют все религиозные предписания и обряды, 28% – ответили да, но не все религиозные обряды и предписания, 40% – ответили, нет, и 12% – вообще не ответили на этот вопрос. На вопрос: «Как часто Вы ходите в мечеть (церковь)?» 20% – молодых респондентов ответили, что они постоянно ходят в мечеть (церковь); 23% –

ответили, что ходят иногда; 52% – ответили, что не посещают мечеть (церковь); 5% – не ответили на заданный вопрос.

Следует сказать что в условиях нестабильности, массовой идеологической и ценностной дезориентации при резкой девальвации предшествующих ценностей коллективизма, особенно в молодежной среде, стали актуальными радикальные идеи, как наиболее простые, доходчивые и формально конструктивные, обещающие быстрые положительные изменения. Системный кризис порождающий неуверенность в завтрашнем дне, невостребованность обществом молодых людей, как правило, не обладающих серьезными профессиональными навыками, в производственном общественно-полезном труде являются весьма благоприятной почвой для крайних политических движений, в том числе религиозной. Еще одним из главных факторов втягивания молодежи в различные «нетрадиционные» исламские религиозные организации – это разобщенность этносов, проживающих на трансграничных территориях, их взаимное недоверие и вражда позволяют исламистам играть на противоречиях и активизировать свою деятельность. Внутри стран Центральной Азии трайбализм, землячество проецируемый и внедряемый в систему политических отношений, будучи деконсолидирующим фактором, оказывает дестабилизирующее воздействие на политическую жизнь и стабильность в странах и, конечно, способствует развитию радикализма опосредованно.

«Исламский ренессанс: проведенное в 2012 году анкетирование среди студентов подтверждает, что почти треть респондентов также не против вмешательства религии в политику. Кстати, по результатам анкетирования уже сейчас 38,4% студентов готовы отдать свои голоса за верующего претендента или партию, уделяющую внимание вопросам религии» [9]. Таким образом, религиозный рынок в целом в Центральной Азии сегодня очень насыщенный, свои миссионерские деятельности проводят среди молодежи различные радикальные, фундаменталистские и сектантские организации. Сегодня актуальными становятся вопросы: а) целенаправленное и расширенное распространение идей традиционного ислама; б) организовать работу по обязательной постановке на консульский

учет граждан республик, выезжающих за пределы страны для получения религиозного образования, содействовать процессу возвращения граждан в свои страны; в) разработать Концепцию преподавания истории религиозной культуры в республиках с учетом освещения вопросов истории мировых религий, культур, основ толерантности и осуществить комплекс мер по реализации данной Концепции в рамках программы школьного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социология молодежи: Учебник. /Отв. ред. В. Т. Лисовский. – СПб., 1996. – с. 335.
2. Парето В. Трансформация демократии, М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 207, с. 19 – 20.
3. Маслов О. Ю. Российская элита начало XXI века в оценках современников и будущее российской элиты// Независимое аналитическое образование 09.10.2006. взято из интернет – источников, (08.02.2014) <http://www.polit.nnov.ru/2006/10/09/roselitotsid/>
4. Ислам в Кыргызстане: тенденция развития. Государственная комиссия при Правительстве Кыргызской Республики по делам религии. – Бишкек, 2004. -с.49-51; Слово Кыргызстана. 2006, 11 августа.
5. Мамаюсупов О. Вопросы (проблемы) религии на переходном периоде (Научный доклад председателя Государственной комиссии при правительстве Кыргызской Республики по делам религии). – Бишкек, 2003. -с. 202-222.
6. <http://www.nomad.su/>. Время использование 8. 02 2014.
7. Анар Мусабаева: В Кыргызстане митинги будут служить механизмом «выпускания пара». До поры до времени <http://ipp.kg/tu/news/2711/>.
8. Указ президента «О реализации решения Совета обороны КР о государственной политике в религиозной сфере» от 7 февраля 2014.
9. «Молодежь и ислам». Социологическое исследование. Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева совместно с Госкомиссией по делам религий. – Бишкек: 2012 № 13.

Түйін

Макалада қазіргі кездегі Орталық Азия түркітілдес елдерінің жастары арасындағы діни элитаның қалыптасуы мәселелері қарастырылған.

Summary

This article describes the issues and problems of formation of the religious elite in youth. Unconventional Islamic religion became widespread among the youth threaten its scale. On the territory of the Central Asian countries in particular in Kyrgyzstan appeared many religious movements, exercises, communities, sects and religious parties and extremist terrorist wing. In this Islamic intellectual thought is still very low.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА

Н. Казаккызы,

*докторант Кыргызского государственного университета
им. Ж. Баласагына, кандидат политических наук, доцент*

Проблема элит в современном Казахстане и Кыргызстане достаточно актуальна. Например, в политическом процессе Кыргызстана мы можем наблюдать кризис элит в 2005 г., а также 2010 г. На современном этапе существует острая необходимость изучения этого явления. В первую очередь это: формирования, развития и функционирования политической элиты. Изучение этой проблемы внесет определенный вклад в процесс консолидации и стабильности кыргызстанского общества.

Актуальность изучения формирования новой управленческой элиты в Кыргызстане связана с инициативой самой элиты Кыргызстана. В интервью Радио «Азаттык» глава государства заявил о своем намерении представить общественности концепцию, о смысле которой он сказал вполне исчерпывающе и недвусмысленно: *«Мы хотим собрать лучших представителей молодежи, чтобы взрасти будущую элиту страны».*

Каковы же проблемы, возможности и перспективы формирования новой политической элиты в Казахстане и Кыргызстане. Для этого в статье анализируются стратегические документы двух стран, в первую очередь «Стратегия «Казахстан-2050» и «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы».

В «Стратегии «Казахстан-2050»» в III разделе пункте 5 «Дальнейшее укрепление государственности и развитие казахстанской демократии» ставится целью сформировать новый тип государственного управления. Он должен отвечать новым задачам служения обществу и укрепления государственности. Для этого необходимо, во-первых, дальнейшее совершенствование системы государственного планирования и прогнозирования. Для решения этой задачи требуется произвести «перезагрузку» стратегических документов, разработать Концепцию внедрения в стране государственного аудита на основе самого передового мирового опыта, создать многоуровневую систему антикризисного реагирования. Во-вторых, необходимо провести децентрализацию управления. Суть идеи децентрализации заключается в предоставлении прав и необходимых ресурсов для принятия решений от центра к региональным органам власти, который требует обеспечения их финансовыми и кадровыми ресурсами. Согласно Стратегии общество и граждане должны быть непосредственно вовлечены в процесс принятия государственных решений и их реализацию. Для этого была утверждена Концепция развития местного самоуправления. Она позволит, согласно стратегии, повысить качество управления на аульном, сельском уровне и расширит участие граждан в вопросах местного значения. В-третьих, предстоит сформировать профессиональный государственный аппарат, через введение усовершенствованных методик отбора и профессиональной подготовки.

В Казахстане начал действовать закон о новой системе госслужбы. Который обеспечивает усиление антикоррупционных мер, повышение прозрачности отбора госслужащих, внедрение принципа меритократии.

Предполагается создание Национальной комиссии по кадровой политике. Согласно концепции будет сформирован принципиально новый класс профессиональных управленцев – корпус «А», ответственный за реализацию конкретных направлений государственной политики. В корпус «А» в первую очередь войдут ответственные секретари и руководители аппаратов акимов областей, председатели комитетов, акимы

районов и городов. Должен быть подготовлен проект указа о квалификационных требованиях к претендентам в корпус «А».

Государственный служащий должен продвигаться по карьерной лестнице поэтапно, переходя от одной ступени в иерархии власти к другой, совершенствуя свои навыки и повышая свой профессиональный уровень. Агентства по делам государственной службы должна обеспечить карьерного роста государственных служащих.

Особый акцент необходимо сделать, согласно стратегии, на повышении качества государственных услуг. Задача – отойти от односторонне-властных подходов во взаимоотношениях госаппарата с населением к эффективному и оперативному оказанию госуслуг гражданам. Отмечается необходимость проект закона «О государственных услугах».

В-четвертых, госаппарат должен выстроить новую систему взаимодействия с бизнес-сообществом. Государственный служащие не должны вмешиваться в бизнес. Для этого необходимо, во-первых, гарантировать де-факто незыблемость права частной собственности. Во-вторых, гарантировать защиту договорных обязательств. Обязанность государства – предоставлять гражданам максимальные возможности для реализации их деловой активности. Согласно стратегии необходимо начать очередной этап модернизации национальной правовой системы [1].

Какого же стратегического подхода при рассмотрении вопроса о формировании новой управленческой элиты придерживается «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы»? В главе второй Национальной стратегии рассматриваются проблемы формирования и обеспечения законности в пункте 2.6. рассматриваются вопросы повышение эффективности и обеспечение прозрачности государственного управления. Укрепление взаимодействия власти с гражданским обществом.

Как отмечается в Национальной стратегии слабым остается кадровый потенциал государственного управления и местного самоуправления. Профессионализм, компетентность и нравственно-ценностные ориентиры определенной части

государственных и муниципальных служащих не соответствуют предъявляемым требованиям.

Основная цель Стратегии в области государственного управления – это восстановить доверие граждан к институтам власти: законодательной, исполнительной, судебной. Стоит задача:

- создать работоспособную систему государственного управления;
- модернизировать государственный аппарат, в том числе правоохранительные органы и судебную систему страны;
- повысить качество предоставления государственных услуг главному потребителю – гражданам Кыргызстана;
- преодолеть негативные явления в государственном управлении, включая коррупцию, недостаток профессионализма и ответственности, дублирование функций, а также клановость и регионализм;
- обеспечить оптимальное управление не только материальными активами государства, но и нематериальными, гуманитарными активами: выработкой норм, правил, проектов, стратегий и их реализацией.

Согласно Национальной стратегии на данный момент остаются неурегулированными многие аспекты взаимоотношений между ветвями государственной власти, а также органами исполнительной государственной власти и органами местного самоуправления.

Стоит задача совершенствования законоприменительной практики в государственных и муниципальных органах, поскольку имеющиеся прогрессивные законодательные нормы зачастую не исполняются. Поэтому предусматриваются меры по повышению правовой грамотности государственных и муниципальных служащих, совершенствованию системы их обучения.

Будет продолжена работа по подготовке и осуществлению Административно-территориальной реформы, целью которой является создание эффективной и сбалансированной системы управления страной и регионами. Полномочия местных органов власти будут укрепляться параллельно с усилением

их подотчетности и подконтрольности до достижения баланса, необходимого для эффективного управления и оказания качественных и своевременных услуг населению регионов.

Государственные органы и органы местного самоуправления должны осуществлять свою деятельность под пристальным наблюдением гражданского общества. Усиление взаимодействия с гражданским обществом, приобщение граждан и их объединений к обсуждению и принятию согласованных решений, постоянное информирование общественности о своей работе должны стать неотъемлемым элементом деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Предусматриваются также меры для обеспечения взаимодействия государственных органов и гражданского общества (в том числе бизнес-сообщества) относительно выработки и достижения стратегических целей и путей развития страны. В целях повышения транспарентности государственного управления будет совершенствоваться роль общественных экспертных советов и общественных наблюдательных советов при государственных органах.

Как отмечается в Национальной стратегии, необходимо на законодательном уровне и на уровне административной практики установить приемлемые методы взаимодействия органов власти с гражданским обществом. В целях обеспечения прямой и обратной связи необходимо внедрить методы участия граждан в оценке качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг, взяв на вооружение лучшие международные и национальные практики.

В Национальной стратегии отмечается роль Интернета в деятельности государственных органов, планируется создания современной системы «электронного правительства» в целях эффективного и менее затратного администрирования, совершенствования демократии и повышения ответственности власти перед народом.

Одной из приоритетных задач в Национальной стратегии ставится формирование основ единой системы государственной службы. В первую очередь это создание компактного и

профессионального государственного аппарата, способного эффективно исполнять функции государства, ориентированного на предоставление качественных услуг населению, устойчивого перед коррупцией и пользующегося доверием общества.

Одно из приоритетных направлений Национальной стратегии является обеспечение повышения потенциала кадров государственной и муниципальной службы, создание единой базы данных и системы стимулирования профессионального роста работников государственного и муниципального управления, а также на законодательном уровне регламентировать механизм ротации управленческих кадров в целях исключения коррупционных и трайбалистских проявлений [2].

Таким образом, образовательный процесс, в стратегических документах Казахстана и Кыргызстана, занимает важнейшее место в формировании и функционировании управленческой элиты. Повышение качества элиты напрямую связано с качеством образования в той или иной стране и, непосредственно, с качеством образования, получаемого элитой.

Термин «элитное образование» используется в литературе неоднозначно, порой в разных смыслах. Прежде всего, элитным называют образование высокого качества (в англоязычной литературе – high quality education). Однако это не единственное значение, которое вкладывается в это понятие. Этот термин используется помимо этого и в ином смысле. Под ним понимают также образование, нацеленное на подготовку элиты – политической, экономической, культурной. Порой под термином «элитное образование» имеется в виду образование для элиты, для выходцев из высших привилегированных классов и страт общества. Получается, элитарное образование, во-первых, это образование для узкого круга, предназначенное для выходцев из знатных («элита крови») и наиболее состоятельных семей (элита богатства). Во-вторых, используется по отношению к такому типу высококачественного образования, которое носит открытый характер, то есть им охвачены дети, отличающиеся высокими интеллектуальными способностями, являющиеся выходцами из любых социальных слоев, классов, групп, где критерием отбора являются не знатность, богатство или связи, но именно

интеллектуальные и иные качества личности, ее таланты.

Прежде, чем обратиться непосредственно к элитному образованию, нельзя не отметить некоторые общие сдвиги в развитии современных образовательных систем. Прежде всего, следует отметить рост финансовых вложений в образование в мире в целом, и особенно в наиболее динамично развивающихся странах. Причем, рост отмечается не, только в абсолютных цифрах, но и в процентах к ВВП. Нетрудно обнаружить прямую зависимость между размерами финансирования образования теми или иными странами и темпами их социально-экономического развития; то есть вложение в образование оказываются наиболее эффективными с точки зрения социально-экономического прогресса. И, соответственно, действует и обратная зависимость. Стоило, например, Бразилии на некоторое время уменьшить бюджетные ассигнования на образование, как это сказалось на замедлении темпов ее экономического развития. И потребовало коррекции национальной стратегии. Увеличение расходов на образование касается и ряда развивающихся стран, берущих пример в этом отношении с «азиатских тигров».

К сожалению, с этой общемировой тенденцией контрастирует политика в области образования в Кыргызстане, тратящая очень мало финансовых средств в этом направлении. Если мы возьмем опыт послевоенной Японии, экономическая разруха не привела к ослаблению внимания к образованию, а скорее обострила внимание к нему. И образование подрастающего поколения оказалось одной из точек опоры, позволившей Японии совершить в 70-х-80-х годах прыжок в постиндустриальный мир.

В той же Японии важнейшим элементом всякого, и в особенности элитного образования в этих странах является воспитание в молодых людях высоких нравственных качеств. Этическое и эстетическое воспитание занимает важное место в школьных программах, образовательный процесс ориентируется на воспитание таких нравственных ценностей, как чувство долга, трудолюбие, самосовершенствование личности, уважение к другим людям, особенно к старшим, к культурным традициям. В рамках этой традиции поощряется воспитание предприимчивости, но оно выступает, прежде всего, как средство

самореализации личности (богатство как таковое занимает в системе этих ценностей более низкое место). Мощным технологическим рывком в 60-е – 80-е годы Япония в немалой степени обязана вниманию проблемам образования, прежде всего, элитного (отметим тут роль Токийского университета).

Потребности информационного общества требуют гармонически развитого человека, развитого не только интеллектуально и физически, но и нравственно, это общество нуждается в людях, получивших широкое гуманитарное образование, в гуманитарной элите. Не случайно, и в США с их прагматической ориентацией в последние десятилетия в учебных планах школ, колледжей, университетов гуманитарные дисциплины занимают все более важные позиции. Следует отметить, что эта – мировая тенденция – гуманитаризации образования.

Сокращение ассигнований на образование сопровождается «утечкой мозгов», невысоким качеством массового (неэлитного) образования, застоём в таком важном показателе развития образования, как число студентов на тысячу человек населения (в Кыргызстане численность студентов в 2012 составляло 239208 человек). В настоящее время в Соединенных Штатах свыше пятнадцати миллионов студентов обучаются в более чем 3700 вузах; если прибавить сюда разветвленную систему образования для взрослых, то более половины американцев охвачено разными формами образования [3].

Посмотрим на данные об образовании в России и США в динамике. В 1950 г. СССР тратил на образование 10% национального дохода против 4% в США. В 1988 г. мы видим уже обратную ситуацию: 7% в СССР и 12% в США. А уже в 1992 г. эта цифра опустилась ниже 4%. В середине 90-х годов на нужды науки тратилось в России 0,52% от ВВП, тогда как в Израиле – 3,5%, в Японии – 3,05%, в США – 2,75% [4].

В Кыргызстане расходы на образование из государственного бюджета в 2010г. увеличилась по сравнению с 2006г. в 2 раза. За последние 5 лет в расходах государственного бюджета республики, доля расходов, направляемая на образование, была довольно значительной в среднем от 19 до 26%. Вместе с тем, если

в 2006–2007 гг. отмечался ее стабильный рост, то в последующие три года произошло снижение. Доля расходов на образование к ВВП увеличилась с 5,5% в 2006 г. до 5,8% в 2010г., но снизилась по сравнению с 2007 г. на 0,4% пункта. Основная доля расходов на образование приходится на среднее образование – в среднем 60% и высшее профессиональное образование – 16%. Валовые затраты на исследования и разработки в Кыргызстане составляет – 448846,5 тыс. сом. в 2011 году [5]. Известно, что ассигнования на образование – это вложение в будущее страны, а уменьшение этих ассигнований – мина замедленного действия под будущее той или иной страны. Образование должно стать одним из важнейших приоритетов в ее социальном развитии.

В Кыргызстане формирование элитного образования еще предстоит. Мы можем рассмотреть особенность формирования элитного образования на примере Соединенных Штатов. Первые элитные школы стали возникать в английских колониях на восточном побережье Северной Америки, главным образом, в Новой Англии, в XVII веке. Естественно, в качестве образца рассматривались знаменитые английские элитные школы – Итон, Хэрроу, Винчестер. Возникают и первые университеты, такие, как Гарвард (основан в 1636 г. как колледж, реорганизован в университет в начале XIX века; это, безусловно, самый знаменитый из американских университетов, который подготовил более 2,5 тысяч признанных национальных лидеров). Возникают Йельский, Колумбийский, Принстонский и другие университеты. Образцом, моделью служили знаменитые английские университеты – Оксфорд, Кембридж. Все эти университеты, а также такие средние учебные заведения, как Сент-Марк, Сент-Поль, Гротон, Сент-Джордж, носили элитный характер: учащиеся и студенты были выходцами из аристократических семей американских колонистов Новой Англии, а затем и других районов восточного побережья Северной Америки. С обретением независимости США число учебных заведений быстро увеличивалось.

Американские public schools принципиально отличаются от школ с аналогичным названием в Англии, где, собственно, и возник этот термин, где он означает привилегированную

полузакрытую школу интернатского типа, обычно с высокой платой за обучение. В США этот термин имеет иное значение, соответствующее его этимологии: public – общественный; под ним имеется в виду бесплатная школа, спонсируемая государством, штатом, местными органами власти. Такие школы зародились в Соединенных Штатах в первые десятилетия XIX века. Их организаторы вдохновлялись идеей общей школы, обслуживающей плюралистическое общество [4].

Но в условиях глубокой классовой дифференциации общества, наличия классов и социальных групп с разными ценностными ориентациями а, главное, разными финансовыми возможностями, идея общей школы выглядела достаточно утопичной и сменилась концепциями, в большей мере отражающими реальную ситуацию в американской образовательной системе. Появился термин parentocracy (власть родителей), который означает зависимость того, в какую школу поступит ребенок – в элитную или массовую – от социального положения родителей, от их финансовой состоятельности.

Из частных школ только незначительное их количество является подлинно элитными. Это наиболее престижные дорогостоящие школы для выходцев из высших страт общества. Их называют также «подготовительными» школами (prep. schools), некоторые из них – именные школы (named schools), названные обычно по имени их основателя. Высокая плата и замаскированная дискриминация в практике приема позволяет не пропускать туда детей из менее престижных семей. Здесь преподают высококлассные педагоги, в старших классов порой – профессора, в классе всего несколько учеников, преподаватели их хорошо знают, подход к ученику – строго индивидуальный, учитываются его интересы, запросы; тут не только обеспечивается обучение по лучшим академическим программам, тут обучают хорошим манерам, в этих школах завязываются светские знакомства, полезные в дальнейшей жизни. Ученикам стараются дать всестороннее развитие, и интеллектуальное, и физическое (в школе есть роскошные бассейны, поля для гольфа, теннисные корты). Подавляющее большинство выпускников «подготовительных школ» поступают в элитные университеты. Именно эти «socially elite» (в нашей

терминологии элитарные) школы вызывают наибольший интерес социологов образования [5].

К самым престижным элитным университетам относятся университеты «Лиги плюща» – Гарвард, Йель, Принстон, Колумбия, Пенн (Пенсильванский ун-т), Дартмут, Корнелль, Браун. Степень, полученная в них, производит впечатление на потенциального работодателя и обеспечивает допуск к «сильным мира сего». В целом те, кто окончил частные университеты, имеют более престижную и высокооплачиваемую работу, чем те, кто посещал государственные университеты.

Как писал еще Р. Миллс в своей известной книге «Властвующая элита», для искателя элитной позиции, для стремящегося быть «подлинным аристократом», недостаточно просто окончить Гарвард или Йель. Важно, какой Гарвард или Йель ты закончил. Под «настоящим» Гарвардом имеется в виду тот или иной аристократический клуб при этом университете – «Порселайн» или «Флай», под «настоящим» Йелем – «Фэнс» и т.д. В элитных учебных заведениях складывается специфическая элитарная субкультура, поддерживаемая фамильными связями, закрытыми школами, клубами.

Как мы видели выше, элитное образование – часть общей системы образования, зависящая от него. Поэтому для элитного образования небезразлична позиция общества, государства по отношению к образованию в целом, общая политика государства в области образования в целом и элитного образования в частности.

Опыт развития мировой системы образования в последние десятилетия показывает, что в этой области должна проводиться гибкая система управления этим процессом (часто не прямая, а косвенная – в виде влияния), где отсутствует жесткая централизация, где нужно добиваться баланса правительственных программ образования и региональных, местных программ. Особенно деликатным должно быть отношение государства к элитным учебным заведениям: учет их специфики, помощь им, в том числе финансовая, при их максимальной автономии.

Национальные программы развития образования включают в себя контроль за академическим уровнем образования, за

уровнем менеджмента в образовании, педагогический контроль, сфокусированный на искусстве обучения, профессиональный контроль – анализ выпускников вузов с точки зрения учета требований «потребителей», поощрение разнообразия форм и методов обучения. Общая задача политики в области образования должна быть нацелена на вклад ее в социальное и экономическое процветание общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегии «Казахстана 2050» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан//http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-natsii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstana.
2. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы. Бишкек, «Алтын Тамга», 2013. – с.196-200.
3. Statistical Abstract of The United States, Wash., 1999. p. 194, 209.
4. Карабущенко П. Л. Политическое образование для становления элит // Полис – 2000. – № 4. – 2000, – С. 178-179.
5. См.: Equality and Inequality in Educational policy. Ed. by Dawtrey L., Clivtiand, 1995.
6. См.: Equality and Inequality in Educational policy. Ed. by Dawtrey L., Clivtiand, 1995.

Түйін

Мақалада Қазақстан мен Қырғызстандағы стратегиялық құжаттарда жаңа басқару элитасының қалыптасуы туралы сұрақтар қарастырылады.

Summary

This article discusses issues of forming a new managerial elite in the strategic documents of Kazakhstan and Kyrgyzstan

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО «КЫРГЫЗА» В ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ТЮРКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С. Сыргабаев,

заведующий отделом социологических и маркетинговых исследований Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева, кандидат социологических наук, и.о. доцента

Этническая идентичность является одним из проявлений такого многоаспектного явления как социальная идентичность личности. В свою очередь этническая идентичность может формироваться из нескольких составных компонентов. Таковыми могут выступать принятие определенных групповых представлений (образов), понятий, стереотипов о конкретной национальности, об ее ментальных особенностях.

Так, что же подразумевают кыргызстанцы под образом современного «кыргыза»? Как складывается матрица межэтнических взаимоотношений в социуме? Каким образом одни этносы соотносят себя с другими этническими группами в полинациональном Кыргызстане, и в целом с тюркским миром? Попытаемся ответить на этот круг весьма сложных вопросов, основываясь на данных социологического исследования.*

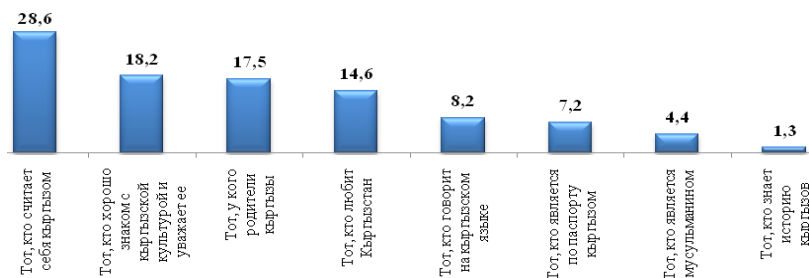
* Далее приводятся данные социологического исследования, проведенного в рамках проекта «Социальная идентичность народов тюркского мира в цивилизационном процессе: на примере Кыргызстана» в 2012-2013 гг. В ходе исследования было опрошено 2000 чел., проживающих в семи областях Кыргызской Республики. Выборка исследования являлась квотной, и репрезентировала генеральную совокупность по критериям: пол, возраст, образование, национальность и область проживания. Автор настоящей статьи являлся членом рабочей группы по реализации данного исследовательского проекта.

Трагический межнациональный конфликт, имевший место в 2010 году на юге республики, актуализировал вопросы взаимоотношений между этносами. Вывел на новый уровень необходимость осмысления роли кыргызского народа (в ипостаси «титულიй нации») в постсоветском Кыргызстане в качестве интегрирующего фактора, этноса, способного сплотить вокруг себя национальные меньшинства. Безусловно, в реализации этой исторической миссии немаловажное значение имеет менталитет, так называемый национальный характер кыргызского народа. Однако, в каком образе сегодня предстает современный кыргыз в глазах многонационального народа Кыргызской Республики, и собственно самих кыргызов?

Диаграмма 1

Кого бы Вы отнесли к понятию «кыргыз»?

(данные в%)

Анализ социологических данных показал, что основными «точками» координат, с помощью которых идентифицируется понятие (этнос) «кыргыз» для опрошенного массива является суждения «тот, кто себя считает кыргызом», «тот, кто хорошо знаком с кыргызской культурой и уважает ее», «тот, у кого родители кыргызы» и «тот, кто любит Кыргызстан». Сопоставление эмпирических данных свидетельствует, что самоидентификация кыргызов, то есть распределение мнений самих респондентов-кыргызов по данному вопросу практически аналогично с центральной тенденцией, которая наблюдается в вышеприведенной диаграмме 1.

Таблица 1

Какие материальные ценности, исторические памятники ассоциируются у Вас с «кыргызом»? (данные в%)*

<i>Калпак (головной убор)</i>	74,4
<i>Боз уй (юрта)</i>	68,3
<i>Элечек (женский головной убор, тюрбан)</i>	20,2
<i>Эпос «Манас»</i>	64,1
<i>Озеро Иссык-Куль</i>	29,2
<i>Минарет «Бурана»</i>	6,1
<i>горы «Сулайман Тоо»</i>	13,3
<i>Другое: Ала-Тоо, Ч.Айтматов и др.</i>	2,1

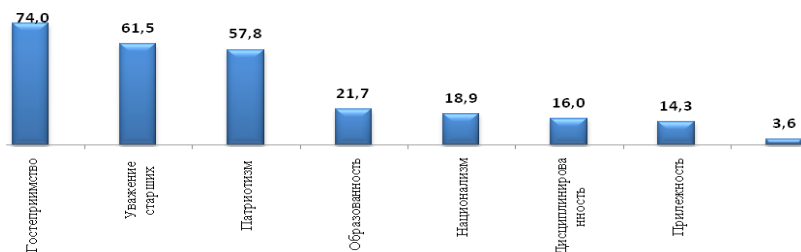
*респонденты при ответе выбрали более одного варианта

Данные, приведенные в таблице 1, дают возможность еще больше конкретизировать особенности этнической идентификации кыргызов. Так, кыргызы в массовом сознании ассоциируются, прежде всего, с калпаком (национальным головным убором), юртой и эпосом «Манас».

Далее, согласно мнению опрошенных, тройку наиболее положительных черт национального характера кыргызского народа формируют «гостеприимство», «патриотизм» и «уважение старших».

Диаграмма 2

Назовите положительные черты, присущие кыргызскому народу? (данные в%)*

* респонденты при ответе выбрали более одного варианта

Диаграмма 2 отражает распределение мнений всего массива опрошенных. Однако, насколько отличается самооценка кыргызов от других национальностей? К примеру, от мнения узбеков (занимающих второе место после кыргызов по численности в составе населения республики). Сравнительный анализ данных в ракурсе отдельных этносов показал, что национальная саморефлексия кыргызов практически мало отличается от оценок, данных респондентами-узбеками (имеет место небольшая вариация в пределах до 8–9%). Так, кыргызы считают себя более «гостеприимными», «образованными», «прилежными» и больше «уважают старших». Узбеки, напротив, считают кыргызов более «патриотичными», «дисциплинированными», а также «националистами».

Как известно, наряду с положительным всегда присутствует отрицательное. Согласно результатам исследования, самооценка кыргызов-респондентов на фоне оценок представителей других этносов является весьма реалистичной и объективной. Кыргызы «признаются» в своей «ленивости», «завистливости» и считают их наряду с другими национальными меньшинствами наиболее негативными чертами национального характера.

Далее респондентам был адресован открытый вопрос о том, с представителями каких национальностей хотели бы жить. Следует отметить, что на распределение ответов преимущественно влияла сама структура выборки исследования, где кыргызы составили 72,6%. Так, согласно результатам исследования, наиболее предпочтительными этносами с точки зрения совместного проживания являются русские (59,7%), турки (20,9%), и казахи (18,3%). Вместе с тем 9,0% опрошенных не хотели жить рядом с представителями других национальностей кроме своей. Примерно такой же доле респондентов все равно с кем находиться вместе.

Следующий вопрос имел более «глобальный» характер и был направлен на выявление идентификации респондентов в рамках понятия «тюркского мира». Насколько они чувствуют свою причастность к тюркской цивилизации? Распределение мнений показывает, что респонденты достаточно в позитивном русле идентифицируют себя с «тюркским миром»: суммарная

доля положительных ответов (т.е. так или иначе считающих себя членом «тюркского мира») равна 66,0 процентам.

Диаграмма 3

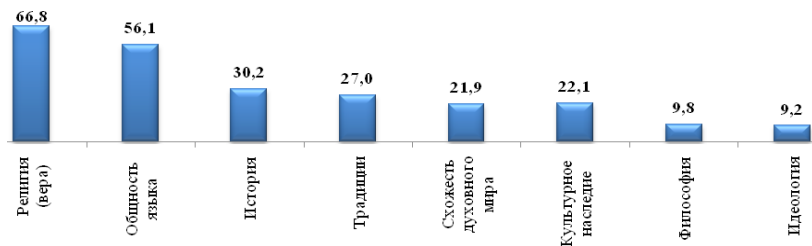
Считаете ли Вы себя членом «тюркского мира»?
(данные в%)

В качестве наиболее сильных культурных универсалий для народов, имеющих тюркские корни, респонденты отмечают «религию» и «общность языка». Значение таких культурных компонентов как «традиции», «схожесть духовного мира», «история» и др. находятся примерно на одинаковом уровне.

Диаграмма 4

Что Вы понимаете под культурными общностями народов, имеющих тюркские корни? (данные в%)*

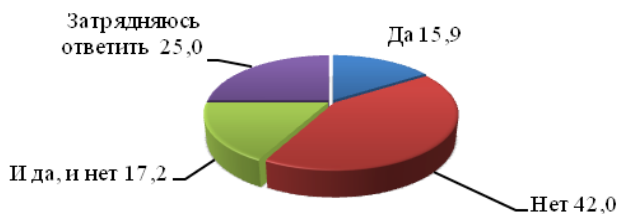
* респонденты при ответе выбрали более одного варианта

Согласно доминирующему мнению опрошенных между тюркскими народами преобладают «экономические», «культурные» и «дружественные» связи. Вместе с тем политическая составляющая и научная сфера также относятся к значимым интеграционным факторам, способствующим международным взаимоотношениям.

Язык во все времена являлся главным инструментом коммуникации и мощным интеграционным компонентом на всех уровнях взаимоотношений: от межличностного до масштабов цивилизации. В этом аспекте представляет интерес: есть ли сегодня необходимость в каком-то общем средстве общения, то есть языке? В этом вопросе респонденты проявляют отсутствие единодушия, нет очевидной доминанты мнения, а также велика доля тех, кто затруднился с ответом. Распределение мнений респондентов наглядно иллюстрирует следующая диаграмма.

Диаграмма 5

Есть ли потребность у тюркских народов в общем языке в будущем? (данные в%)

Само понятие (словосочетание) «тюркская цивилизация» является для большинства граждан новой и не знакомой. На это четко указывают результаты исследования. Согласно полученным данным 57,0% опрошенных не обладают информацией о тюркской цивилизации; 43,0% ответили положительно.

Примерно такой же расклад мнений наблюдался при ответе на следующий вопрос, который звучал так: «Существовала ли тюркская цивилизация?». Так, 43,3% респондентов считают, что

«существовал»; 51,0% ответили «не знаю»; 5,6% уверены, что такой цивилизации и вовсе не было.

При ответе на вопрос «Есть ли будущее и тюркской цивилизации? преобладающее большинство (56,0%) проявили оптимистичный настрой и посчитали, что будущее у тюркской цивилизации есть. Для этого она «должна объединиться, так как тюркские народы являются мусульманами». Не знают ответа на этот вопрос 39,9% опрошенных, а 4,1% придерживаются мнения, что у этой цивилизации «нет будущего».

Таким образом, в разрезе социологических данных мы попытались взглянуть на образ современного кыргыза в массовом сознании жителей Кыргызской Республики. Исследование наглядно демонстрирует, что понятие национального образа тесно переплетается с еще более сложной категорией «этническая идентичность». Конечно, в рамках вышеприведенного анализа дать всеобъемлющие и однозначные ответы на поставленные вопросы невозможно. Тем не менее, обозначим ряд выводов, сделанных на основе социологических данных, которые мы рассмотрели в рамках настоящей статьи:

1. В понятие «кыргыз» респонденты относят преимущественно «того, кто считает себя кыргызом», «того, кто хорошо знаком с кыргызской культурой и уважает ее», а также «того, у кого родители кыргызы». Самоидентификация кыргызов-респондентов практически совпадает с доминирующим мнением опрошенного массива. В массовом сознании кыргызы ассоциируются главным образом с колпаком, юртой и эпосом «Манас».

2. В качестве наиболее положительных черт национального характера современных кыргызов являются «гостеприимство», «патриотизм» и «уважение старших». Их наиболее сильными антиподами выступают «леность», «завистливость» и «трайбализм» (родоплеменные отношения, клановость). Сравнительный анализ показал, что кыргызы в самооценке национального менталитета проявляют объективность, честно «признавая» свои сильные и слабые стороны.

3. Наиболее предпочтительными этническими группами для кыргызов в аспекте совместного жития являются русские.

Русским отдают предпочтение и узбеки, которые являются второй после кыргызов основной категорией, сформировавшей выборку социологического исследования. Далее этот список дополнился турками и казахами. Им кыргызы отдают большее предпочтения, нежели представителям узбекской национальности.

4. Как известно, тюркская цивилизация в качестве глобальной единицы в современном мире стала себя позиционировать относительно недавно. Само понятие и словосочетание «тюркская цивилизация» только начинает внедряться в повседневный лексикон, а также в международную терминологию. Безусловно, это обстоятельство накладывает свою печать на слабой осведомленности рядовых граждан. В таком контексте им трудно выстраивать свое отношение к такому явлению как «тюркская цивилизация», о чем свидетельствует значительная доля не сумевших ответить на поставленные вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социол. исслед. – 2009. – №5.
2. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004. – 140 с.
3. Де Фреде Э. Культура, цивилизация и идентичность // Полис. – 2012. – №5. – С. 17-23.
4. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские. Этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. Магун В.С., М., 2006.
5. Коротеева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., ИЭА РАН, 1994.
6. Костина А.В. Национально-культурная идентичность в ситуации диалога культур // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». -2011. -№6 (ноябрь-декабрь).
7. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического исследования / Отв. ред. М.К.Горшков, Н.Е.Тихонова. –М.:Наука, 2005. -396 с.
8. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.

Түйін

Мақалада негіз эмпиризмдік социологиялық деректер қазіргі «қырғыз» бейнесі, Қырғыз Республикасы халқының бұқаралық бейнесінде қарастырылады. Автор ұлттық этникалық призма арқылы талдайды.

Summary

In this article based on empirical sociological data, the image is considered modern Kyrgyz in the mass consciousness of the population of the Kyrgyz Republic. Author analyzes the national representation in the prism of ethnicity and, more broadly, Turkic identities.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК УСЛОВИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА В КЫРГЫЗСТАНЕ

А.К. Шайылдаева,

главный специалист отдела социологических и маркетинговых исследований Бишкекского Гуманитарного Университета имени К. Карасаева, кандидат социологических наук

Процессы демократизации позволили Кыргызстану далеко продвинуться в области нормативной и правовой поддержки гендерного баланса, но практическая реализация принятых норм и обязательств все еще остается проблематичной. В настоящее время вырос уровень домашнего насилия, во много раз участились факторы многоженства, ранних браков, сексуального домогательства на рабочем месте, появился такой новый вид гендерного насилия, как торговля женщинами с целью трудовой и сексуальной эксплуатации. Другим индикатором, отношения к статусу женщин в обществе является «кража невест», к которому, в качестве преступления, и правоохранительные органы, и население, в целом, относятся снисходительно. Из-за экономической зависимости, неработающих механизмов выплаты алиментов и невозможности в одиночку содержать семью и детей, многие женщины вынуждены сохранять нежелательный для себя брак или принимать унижительное положение второй-третьей («младшей» или «старшей» жены). В таких семьях уровень психологической напряженности очень высок и риск гендерного насилия также серьезно возрастает.

Результаты собственных социологических исследований 2010 года в селах Нарынской, Иссык-Кульской, Чуйской областях

Кыргызстана еще раз подтвердили всю серьезность изучаемой проблемы [1].

Вопросе участвовали респонденты в возрасте от 18 лет и старше. Общее количество составило 700 человек. В количественном отношении выборка полностью репрезентативна, так как согласно таблице репрезентативной выборки В. И. Паниотто с допущением 5% ошибки, для генеральной совокупности 100 тыс. и более, количество выборочной совокупности составляет 400 человек. Кроме того в исследовании выделены квоты по признакам пола, образования и региональных особенностей. Это улучшает качество и надежность результатов. Объемы выборочной совокупности составили по Нарынской области – 185 человек, по Иссык-Кульской области – 315 человек, по Чуйской области – 200 человек. Также был проведен экспертный опрос из числа глав айыл окмоту. Их общее количество составило 15 человек, т.е. по каждому региону по 5 респондентов. Кроме этого, было проведено углубленное интервьюирование, в котором участвовали 48 респондентов, от каждой области по 16 опрошенных. Выборка также репрезентативна, как по половым, так и демографическим признакам. Анкета состоит из 30 вопросов, где исследуются актуальные проблемы современных сельских женщин.

Изменения социально-экономических условий повлекли за собой и изменения характера взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В решении многих семейных вопросов в традиционной кыргызской семье лидирующую позицию занимали мужчины. Однако наблюдающаяся в последние десятилетия деловая активность женщин и постепенное изменение статуса «кормильца семьи» в сторону женской половины обуславливают и переход к новому витку взаимоотношений между полами. Нас интересовал вопрос: «Как, по Вашему мнению, современная женщина строит свои отношения с мужчинами?». Результаты опроса показали, что 30% из общего числа опрошенных считают женщин свободными при решении определенных вопросов и часто занимающими лидирующие позиции; 43,3% – выразили мнение о том, что эти отношения строятся на основе равных прав, обязанностей и возможностей для самореализации; 26,8%

– отношения определяются желаниями и запросами мужчины. Примечательно, что мужчины и женщины по-разному смотрят на одни и те же процессы, происходящие в обществе.

Из 45 депутатов горкенеша Бишкека всего 12 – женщин, что составляет 27%. Об этом сообщила главный специалист отдела социального развития, поддержки семьи и детей мэрии Лидия Мухамедшина. При этом, по ее словам, должно быть не менее 30% представителей одного пола или не более 70%. В подведомственных структурах мэрии распределение работников следующее: 43,2% женщин и 56,8% мужчин. Но в числе руководителей на 1 января 2014 года числится только 25% женщин. «Наблюдается дисбаланс на уровнях принятия решений – в этой сфере число работников-мужчин значительно превышает число женщин [2].

Интересна аргументация своих ответов на вопрос о поле руководителя, в пользу своих предпочтений, которую дают сельские мужчины и женщины. В таблице №1 ранжированы эти ответы. Мужчины-респонденты более категоричны в своей оценке возможности женщин совмещать домашние обязанности с функцией руководителя или начальника в системе управления. В местных сообществах существуют предубеждения в пользу руководителей / начальников мужского пола в силу их природных качеств.

Примечательно, что общим предметом волнения населения трех областей являются экономические проблемы. Утверждение о том, что решение экономических проблемы лучше знают мужчины, которые сосредоточены в органах управления (мужчины – 52%, женщины – 4,3%). Социальные проблемы (30,4%), здоровье (28,3%) и образование (37%) – это сфера деятельности женщин, сосредоточена в гражданском секторе. Проблемы в сфере реализации экономических возможностей отражаются не только на независимости и уровне жизни самих женщин. Они оказывают системное влияние на многие важнейшие сферы жизнедеятельности. Перегруженность женщин в работе отражается на том количестве времени и внимания, которое они уделяют развитию и воспитанию детей, включая вопросы их образования. По результатам международной оценки достижений

учащихся PISA*, Кыргызстан оказался на последнем месте, как в 2006, так и в 2009 году. По данным Национальной оценки результатов обучения (2008 год, 2010 год), более половины учащихся не справляются с элементарными заданиями, и уровень их ответов не отвечает государственным стандартам. Одной из причин низкой успешности школьников является недостаточная подготовка к школе, которая в свою очередь обусловлена отсутствием внимания и родительских навыков по развитию способностей ребенка. При этом актуализация поддерживающей роли отцов в этой деятельности так и не стала на сегодня нормой для семейных взаимоотношений.

Таблица 1

Аргументация в пользу мужчин-управленцев населения

Ответы	Мужчины	Женщины	Всего
<i>Мужчине по природе присущи качества руководителя</i>	6,6%	6,6%	13,2%
<i>Мужчина должен руководить всеми, у них это хорошо получается</i>	8,2%	7,7%	15,9%
<i>Мужчины умнее</i>	9,9%	3,8%	13,7%
<i>Мужчины физически сильнее и приказы выполняются из-за боязни наказания или угрозы</i>	8,2%	2,2%	10,4%
<i>Не знаю почему, просто привык</i>	7,7%	6,1%	13,8%
<i>Просто не хочу, чтобы мной руководила женщина</i>	6,1%	4,4%	10,5%
<i>Не так хорошо смотрится, когда, женщины отдают приказы</i>	9,9%	-	9,9%
<i>Мужчинам больше доверия</i>	7,2%	5,4%	12,6%
Итого:	63,8	36,2	100%

* В 2009 году Кыргызстан во второй раз принял участие в международном сравнительном исследовании функциональной грамотности 15-летних учащихся PISA (Programme for International Student Assessment).

Как видно из таблицы №1 в пользу руководителей-мужчин имеются аргументы не только у респондентов мужчин (64%), но и 36,2% женщин также считают, что руководитель-мужчина предпочтительней. У респондентов из местных сельских сообществ существуют свои стереотипы. Отметим сразу, что у женщин респондентов почти в два раза меньше предубеждений. Другими словами, женщины-респонденты уже не так категоричны в своих предложениях. Приведенные данные показывают, что у местных сообществ в исследуемых селах достаточно широко распространены такие предубеждения, как природное предназначение мужчин быть лидерами в силу их ума или физической силы, или просто привычки сообщества видеть их лидерами, которое они интерпретируют как «больше доверия к мужчинам лидерам».

Возникновение этих явлений в жизни страны, а также преобладающее отношение к ним являются ярким подтверждением того, что проблемы дискриминации, в том числе дискриминации по гендерному признаку, не признаются публично. В Кыргызстане не выполняется четверть запланированных мер по достижению гендерного равенства. Об этом сообщили во время проведения семинара «Мониторинг реализации Национального плана действий по достижению гендерного равенства на 2012–14 годы». В данном плане отмечено 5 приоритетных направлений: расширение экономических возможностей женщин, развитие системы функционального образования, искоренение дискриминации, продвижение гендерного паритета и регуляторная политика. На эти приоритеты предусмотрено 118 мер, из которых только 9 мер успешно выполняются, 53 – частично выполняются, 30 – не выполняются вообще. Из общего числа 26 мер не входит отчетный период. «Наиболее тревожная ситуация складывается с реализацией приоритетного направления по расширению экономических возможностей женщин – более половины мероприятий вообще не реализуются на текущий период», – отметили в министерстве социального развития [3]. Основной причиной невыполнения запланированных мер отсутствие финансовых средств.

Непризнание существующей проблемы оказывает влияние не только на гендерные аспекты реализации равных прав и

возможностей, но и на существование дискриминации по другим основаниям, таким как возраст, этническая принадлежность или ограничение возможностей здоровья. Вопросы дискриминации замалчиваются и отсутствие их обсуждения приводит к тому, что ни общественное сознание, ни практика судебных и правоохранительных органов не готовы к изменению профессиональных, культурных и социальных норм в этой сфере.

Таким образом, пренебрежение гендерными аспектами не только в сфере трудовой активности, но в повседневной жизни ведет к углублению социальных и экономических проблем. В итоге, каждое новое поколение сталкивается с новым ухудшением ситуации в области образования и здоровья, что в свою очередь ведет к ограничению возможностей для получения достойного заработка и реализации своего потенциала. Это происходит из-за отсутствия не только специализированных профессиональных навыков, но и общих навыков, которые обеспечивают экономический успех, карьерный рост и культуру здоровья. В таких условиях резко возрастает роль неформального функционального образования, так как существенное количество информации и необходимых жизненных навыков, сегодня очевидно уже не могут быть получены в школе.

Статус мужчины – «кормильца семьи» — в последние годы, ввиду возросшей деловой активности женщин, в значительной мере поколеблен, поэтому неудивительно, что почти половина опрошенных мужчин считают, что отношения мужчин и женщин должны строиться на основе равных прав, обязанностей и возможностей для самореализации; женщины, в большинстве своем полагают, что им принадлежат лидирующие позиции в определении характера взаимоотношений между полами. Брак и семья для женщины, независимо от пола, места проживания, социального статуса и уровня образования, остаются непреходящей ценностью.

Необходимо отметить, что в результате общественного развития и социально-экономической трансформации в современном кыргызском обществе наметились изменения гендерных стереотипов. Страна вступила в период «постсоциалистического патриархатного ренессанса»,

реставрируя стереотип, предписывающий женщине роль хранительницы домашнего очага, а мужчине – роль кормильца семьи. Реставрация данных стереотипов сыграла существенную роль в усугублении экономического неравенства между полами в сфере занятости, выражающегося, в первую очередь, в дискриминации и профессиональной сегрегации. Таким образом, в настоящий момент проблема гендерного равенства остается для Кыргызстана актуальной. Это не только вопрос недостаточно развитой экономики или политической нестабильности: многие эффективные решения в этой сфере не принимаются просто из-за недостатка политической воли и низкого уровня гендерной чувствительности, как среди представителей власти, так и среди всего населения страны. Несмотря на значительные достижения, реализация равных прав и возможностей женщин и мужчин сегодня требует активной работы и постоянного внимания, в первую очередь со стороны государства.

Можно говорить о том, что по многим показателям женщины чувствуют себя увереннее, чем это представляется мужчинам. Тем не менее, в ответах женщин наблюдается некоторый конформизм перед патриархальными нормами, предписывающими им реализовываться, прежде всего, в семейной сфере. Ввиду этого, даже обладая достаточным профессиональным потенциалом, женщины оставляют его недоиспользованным. Мы не можем говорить однозначно, «плохо» это или «хорошо». Для тех, кто стремится к равноправию во всем и везде, безусловно, это «плохо». Но многие женщины, воспитанные в духе патриархальных традиций, почитания и уважения мужчины только по факту его биологической принадлежности, довольствуются сложившейся ситуацией. Несмотря на то, что во многих семьях женщины стали основными кормильцами, номинально главенство отводится мужчине, что не противоречит национальным традициям и позволяет сохранить авторитет отца в семье. Многие нормы поведения, которые декларируют большинство опрошенных, компромиссны, но сохранились и поддерживаются тендерные границы, очерчивающее материнское предназначение женщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шайылдаева А.К. Особенности социальных проблем сельских женщин Кыргызстана // “Spoleczenstwo i Polityka”(“Общество и политика”). – г. Пултуск (Польша), 2012. – №1 (30). – С.236-242.
2. http://www.knews.kg/society/45006_v_gorkeneshe_bishkeka_ne_soblyudaetsya_gederniyu_balans/ 12 февраля 2014 г.
3. http://www.knews.kg/society/39809_v_kyrgyzstane_ne_vyipolnyaetsya_chetvert_zaplanirovannyih_mer_po_dostizheniyu_gedernogo_ravenstva/ 14 ноября 2013 г.

Түйін

Бұл мақалада гендерлік теңдіктің әлеуметтік теңдікті қалыптастырудың шарты ретіндегі ерекшелігі қарастырылады. Әлеуметтік-экономикалық жағдайлардың өзгеруінің ерлер мен әйелдер арасындағы өзара қатынастар сипатын өзгертетіндігі сипатталады.

Summary

This article discusses the nature of economic category of «employment» as a relationship between people about effective and freely elected by the application of labor with its mechanism of state regulation and social protection of workers. In this economic systematized form of female employment, the social characteristics of the existing essential and appropriate a certain stage of development of society.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КЫРГЫЗСТАНА

(на примере домов-интернатов для пожилых людей)

*Т.С. Шаршембиева,
Кыргызско-Турецкий университет «Манас»,
кандидат социологических наук, доцент*

В 1935 г. в США был принят законодательный акт «Закон по социальной безопасности» и в данном документе впервые было упомянуто термин «социальная защита», затем этот термин был применен в законодательном акте Новой Зеландии [1].

В последующем рамки данной категории были значительно расширены при разработке и принятии конвенций и рекомендаций Международной организации труда по социальному страхованию и обеспечению, гарантированию минимальных доходов работающим при наступлении нетрудоспособности, а также в области охраны труда и заработной платы.

Сегодня понятие «социальная защита населения» включает в себя социальные гарантии, мероприятия и учреждения, обеспечивающие предоставление оптимальных условий жизни, удовлетворение потребностей, поддержание жизнеобеспечения и деятельностного существования личности, различных социальных категорий и групп.

Помимо этого, сюда относятся: совокупность мер, действий, средств государства и общества, направленных против ситуаций риска в нормальной жизни граждан, таких как болезнь, безработица, старость, инвалидность, смерть кормильца и другие.

Термин «Социальная защита населения» акцентирует свое внимание и на такие моменты, как комплекс государственных

мер социально-экономического и правового характера по обеспечению гарантированного государством минимального уровня материальной поддержки социально уязвимых слоев населения в период экономических преобразований (переход к рыночным отношениям) и связанного с этим снижения их уровня жизни.

Система социальной защиты предназначена осуществлять поддержку и помощь нуждающимся в этом группам населения и отдельным гражданам с помощью нормативно-правовых, экономических, социально-психологических, организационно-технических средств и рычагов.

Как известно, основным объектом системы социальной защиты в первую очередь являются нетрудоспособные граждане. Это пожилые люди, инвалиды, дети и др. Социальная защищенность этих людей зависит от социальной политики страны. Где-то социальная политика очень хорошо разработана и функционирует на удовольствие своих граждан, а где-то она не до конца продумана или пока в сыром виде и соответственно она не может работать во благо народа.

В любом случае, данная система под влиянием различных реформ, условий находится в динамике и требует совершенствования системы.

В 2011 году постановлением Правительства Кыргызской Республики была утверждена Стратегия развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2012-2014 годы [2]. Целью данной стратегии является построение эффективной и справедливой системы социальной защиты в стране.

Каждое государство старается обеспечить своих граждан определенным уровнем материального благополучия, социальной защитой населения и развивать социальное согласие и солидарность в обществе.

Любая система социальной защиты предусматривает то, что каждый член данного общества не оставался вне системы социальной защиты и мог получить социальную поддержку со стороны государства и общества. Но это не означает, чтобы государство стало попечителем, и решало проблемы каждого члена общества, ведь внутри государства есть люди, которые на самом

деле нуждаются в поддержке государства и которые подлежат социальному обеспечению.

После распада Советского Союза среди стран СНГ Кыргызстан одним из первых приступил к реформированию системы социальной защиты, и оно длилось в течение 3- лет. В результате республика стала пользоваться новой моделью социальной защиты населения, где акцент делается на адресный подход к наиболее уязвимым группам населения и тем, кто на самом деле имеют право на адекватные выплаты.

В настоящее время Кыргызстан социальную защиту населения реализовывает с помощью шести инструментов [3]. Это:

- ежемесячное пособие малообеспеченным семьям, имеющим детей (далее – ЕПМС);
- ежемесячное социальное пособие для нетрудоспособных граждан (далее – ЕСП);
- пенсии нетрудоспособным гражданам;
- денежные компенсации взамен льгот;
- социальные услуги, предоставляемые уязвимым категориям населения;
- выплаты по социальному страхованию работающим гражданам.

В Кыргызстане государственные пособия получают 418 тыс. 500 человек. С начала 2013 года на выплату пособий из средств республиканского бюджета были профинансированы денежные средства на более 3 млн. сомов, что на более 35% больше, чем в предыдущем году.

Получателями ежемесячных пособий малообеспеченным семьям, имеющим детей (ЕПМС), являются 345,1 тыс. человек или 6% от численности постоянного населения республики. Это говорит о том, что в Кыргызстане по сравнению с 2012 годом средний размер ЕПМС увеличился на более 53%, и составило более 470 млн. сомов в связи с повышением размера гарантированного минимального дохода с 370 до 580 сомов (210 сом или 56,8%) с 1 ноября 2012 года.

Также 73,4 тыс. человек или 1,3% от численности населения получают ежемесячное социальное пособие (ЕСП). По сравнению с аналогичным периодом прошлого года средний

размер ЕСП увеличился на 18,8% (2 тыс. 409,8 сомов), в связи с повышением ЕСП лицам с ограниченными возможностями здоровья с детства на 1 тыс. сомов с 1 декабря 2012 года.

С 1 ноября 2013 года повышен размер гарантированного минимального дохода (ГМД) с 580 до 640 сомов. В целом в 2013 году на выплату ЕПМС с учетом повышения размера ГМД потребовался 2 млн 232 тыс. 900 сомов [4].

Среди тех людей, которые являются объектом системы социальной защиты – это пожилые люди и они требуют пристального внимания со стороны государства и общества. Кыргызская Республика в 2002 году стала участником Международного Мадридского плана действий по проблемам старения и тогда наша республика взяла на себя ответственность, что в дальнейшем создадут все возможные условия для пожилых людей. Это касается безопасности и достойных условий жизни, чтобы они могли чувствовать, как раньше и быть полноправными гражданами страны.

Затем в августе 2011 года вступил в силу Закон Кыргызской Республики «О пожилых гражданах в Кыргызской Республике», который определил пожилыми гражданами лиц, достигших: мужчинами – 63 лет, женщинами – 58 лет [5]. Сегодня пожилые люди составляют чуть более 8% от всего населения республики.

На сегодняшний день в стране проживает 444,4 тыс. пожилых граждан, что данное соотношение не меняется на протяжении последних 4-х лет, хотя по абсолютному количеству пожилых их численность растет.

В настоящее время средний размер пенсии пожилым гражданам (пенсия по возрасту) составляет 4500 сомов или 99% от прожиточного минимума пенсионера. Размер социального пособия для пожилых граждан составляет 1000 сом./мес.

Насколько выполняется обязательство государства, где оно обещало достойную жизнь нашим пожилым? Поэтому вопросу мы проводили социологическое исследование среди домов-интернат для престарелых г. Бишкек и Чуйской области республики. Но, прежде чем, говорить о результатах исследования хотим привести некоторые сведения по государственным учреждениям социально-бытового обслуживания пожилых, куда относятся

дома-интернаты для престарелых, психоневрологические интернаты, центры социального обслуживания.

Дома-интернаты предоставляют пожилым гражданам возможность находиться в них постоянно или временно, в т.ч. предусматривается недельное и дневное пребывание.

В системе Министерства социального развития (Минсоцразвития) Кыргызской Республики функционируют 13 домов-интернат, из них 3 для престарелых граждан, в которых находятся на полном государственном обеспечении около 900 пенсионеров. Ежегодно на содержание домов-интернат из государственного бюджета расходуется более 18 миллионов сом, ежемесячное содержание одного подопечного государству обходится более 2,5 тысяч сом. А также Минсоцразвития рассматривает вопрос об увеличении в два раза размера нормы питания для подопечных, на что государству дополнительно потребуется 20 миллионов сом.

Для временного содержания престарелых одиноких граждан, оставшихся без определенного места жительства, в столице открыт приют «Коломто», где ежемесячно пребывает более 100 человек. В Ленинском районе города Бишкек работает дом престарелых на 40 человек. Сузакский дом-интернат для престарелых- 140 человек. В городе Бишкек имеется пансион «Ардагер» для пожилых, в который ежемесячно получают путевки 60 человек от Бишкекского городского управления социальной защиты. В пансионе пожилые граждане получают бесплатное питание и курс общеукрепляющей терапии. В ходе нашего исследования в качестве примера принимали участие два дома-интерната г.Бишкек, это дом-интернат пожилых людей по улице. Абая 57, который рассчитан на 300 человек и дом-интернат пожилых людей по улице. Интергельпо 8, вместимостью на 60 мест. В фокусе этих двух домов-интернат мы провели анкетирование и глубинное интервью. Респондентами являются проживающие в интернате и глубинное интервью проводилось среди сотрудников интерната. Фокус исследования в основном был направлен на такие моменты, как социальное, экономическое и психологическое положения, основные стрессоры пожилых людей.

Когда респондентов спросили, как они себя чувствовали, когда первый раз сюда поселились, то ответы в основном (72%) говорили о том, что они вначале чувствовали себя одинокими, а со временем многие привыкли к образу жизни и чувствуют себя нормально. Но, тем не менее, из 72% респондентов 44% до сих пор чувствуют себя одинокими. Среди опрашиваемых нашлись люди, которые абсолютно хорошо себя чувствуют, как раньше жил у себя дома и они составляют от всего числа респондентов 46%.

Исходя, из вышеизложенного можно отметить, то, что говорили респонденты это закономерность. Ведь любой человек на новом месте всегда чувствует себя одиноким, со временем человек привыкает на новые обстоятельства и условия, и кажется, что жизнь потихоньку наладилась или они вынужденно принимают реальность как должное. Чувство одиночества было у 40% мужчин и у 32% женщин. Возможно, такой выбор объясняется психологической особенностью мужчин. Многие из них всегда находятся в детстве в опеке матерей, затем их заменяют жены и когда остаются один на один с окружающим и еще в незнакомом месте, это для них огромный стресс. А в настоящее время в том же состоянии остались 24% мужчин и 20% женщин.

Во время опроса 54% проживающих в интернате отметили, что когда они впервые сюда приехали к ним хорошо относились сотрудники домов-интернатов, такого мнения сейчас у 72% опрошенных. Но среди респондентов есть люди (20%), которые считают, что к ним плохо относятся в домах-интернат. До этого говорилось в целом о взаимоотношениях между проживающими и сотрудниками домов-интернат. В ходе опроса, нами также было выявлено, как сложилось взаимоотношение между проживающими. По мнению респондентов (68%), когда они впервые сюда поселились, не было никаких трений или плохого отношения со стороны старожил, а в момент опроса такого мнения придерживались уже 76% респондентов.

Все же 16% респондентов считают, что когда они первый раз сюда приехали, со стороны других постояльцев было плохое отношение, а сегодня в таком же мнении остались около 8% респондентов. Но это объясняется тем, что все они жили раньше у

себя дома. Каждый у себя как хотел, так и жил, поступал: говорил, смеялся, спал, сколько хотел, их вещи никто не трогал и т.д., но здесь уже они не одни и им приходится считаться с мнением, требованием других. Поэтому все это происходит на бытовом уровне и это перевести на более масштабный уровень не стоит.

Для того, чтобы проанализировать социально-психологическое состояние пожилых людей нами были заданы некоторые вопросы, относительно того, нравится им жить в доме-интернат, довольны ли они теми, условиями, которые у них есть в настоящее время. 50% респондентов отметили, что им нравится здесь жить, и наоборот 34% опрошиваемым не нравится находиться в интернате. Конечно, такому ответу есть разные причины, в том числе могут быть и условия, созданные в интернатах. По мнению многих респондентов (54%) условия в интернатах очень хорошие и они довольны ими. 26% опрошенных отметили, что они довольны условиями интерната только частично, а 18% отметили, что вообще не довольны. В ходе исследования респонденты показали, по каким критериям они положительно оценивают условия жизни в интернате. Например, они довольны тем, что в интернате еда в изобилии (32,1%), их устраивает хорошее, чисто человеческое отношение сотрудников интерната и те праздники, мероприятия, которые они организуют для жителей интерната (21,4%). Пожилые люди с большой благодарностью отметили и бытовую сторону интерната, они довольны тем, что не платят за жилье, постельные принадлежности и комнаты всегда чистые (16,1%) и теплые (12,5%), что им разрешают работать в саду (12,5%), но меньше всего их устраивают медицинское обслуживание (3,6%) и убогий книжный фонд библиотеки (1,8%). По их мнению, в библиотеке практически нет новых книг, газет и журналов почти не видят. Проанализировав положительные ответы респондентов, можно сказать, что их больше всего устраивают бытовые и психологические условия, созданные в интернате.

Как выше упомянуто, участники опроса не только положительно оценили условия жизни в интернате, но оценили и отрицательно. По каким критериям они дали такую оценку? Ровно половина респондентов (50%) отметили, что в интернате

очень мало и плохо готовят еду. В основном еду готовят в воде и без мяса, соответственно невкусная еда получается и из-за того, что они живут в полуголоде им приходится самим покупать. По мнению некоторых респондентов, сотрудники интерната не соответствуют своим должностям, грубят, не знают свою функцию (16,7%), такую же оценку получили и следующие ответы: маленькая площадь в комнатах и сотрудники интерната занимаются поборами. Очень печально то, что обобрать и так бедных людей во всех отношениях. Среди отрицательных оценок можно найти и такие ответы, как «плохое отношение между постояльцами интерната» (22,2%) и постоянное присутствие чувства одиночества (5,6%).

Если проанализировать, то можно отметить, что в ответах респондентов можно увидеть дилемму, касающуюся достатка и качества питания и отношение сотрудников к постояльцам интерната. Это говорит о том, что на это есть ответы, причины. Например, на счет питания, со стороны государства на одного постояльца интерната выделяется на один день всего лишь 60 сом, если перевести это на доллары, то это приблизительно 1,5 долларов будет. Когда в магазинах 1 л. обезжиренного молока стоит ~ 70 -80 центов, 100гр. говядины стоит около одного доллара и т.д. И отсюда вывод, о каком качестве питания можно говорить. В каждой комнате живут по 3-4 человека. А ведь взрослый человек имеет же право на наличие своего угла, изолированной территории и находится там.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить следующее:

- условия жизни в домах-интернат не совсем соответствуют современным требованиям и не удовлетворяют социальные потребности проживающих в них пожилых граждан;
- у 53,1% пенсионеров размер пенсии ниже потребительского минимума, что не может полностью удовлетворить минимальные жизненно важные потребности пожилых граждан (полноценное питание, лечение и сохранение здоровья).;
- отсутствуют системы инспектирования качества предоставляемых социальных услуг пожилым гражданам (аккредитация и лицензирование);

- очень слабо работает система обучения и повышения квалификации социальных работников;
- слабо взаимодействуют государственные органы на всех уровнях с гражданским сектором по вопросам развития социальных услуг.

Рекомендации

1. Необходимо разработать реальную социальную политику, которая может обеспечить благополучие всех граждан Кыргызстана, в том числе и пожилых людей, особенно одиноких людей, которые очень нуждаются в поддержке государства и всего общества;

2. Необходимо найти альтернативные пути государственному пенсионному Фонду, которые могли бы оказать соответствующие услуги и которые могли бы обеспечить наших граждан в старости лет достойной пенсией;

3. Не обходить стороной дома-интернаты для пожилых людей. Самому государству взять управление и уделить больше внимания им, оказать материальную и моральную поддержку. Найти альтернативных источников финансирования, сотрудничать с ними;

4. Необходимо переаттестовывать социальных работников и только пригодных людей для данной профессии допустить к работе с уязвимым слоем населения;

5. Создать условия для эффективной работы социальных работников: увеличение размера заработной платы, для повышения квалификации организовать курсы, организовать стажировки. Обмен опытом и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.ngpedia.ru/id177940p1.html>
2. <http://www.mlsp.kg>
3. Турдубаева. э, (2010). Насилие над пожилыми людьми. Решение проблем. Бишкек.:130б
4. <http://www.knews.kg/society/38539/>
5. <http://erkintoo.kg>

Түйін

«Тұрғындарды әлеуметтік қорғау» түсінігі әлеуметтік кепілді, жақсы өмірмен қамтамасыз ететін шаралар өткізуді, түрлі әлеуметтік топтың жағдайын қамтамасыз етуін қолдануды айқындайды.

Мақалада Бішкек қаласы мен Шу облысының қарттар үйінде жүргізілген социологиялық зерттеулердің нәтижесі көрсетілген.

Summary

Today, the concept of «social protection» includes social security, events and institutions to ensure the provision of adequate living conditions, needs, sustain livelihoods and activity of personality, various social categories and groups.

In this article, published the results of the survey conducted in nursing homes for the elderly in Bishkek and Chui region.

In a paper on the problem studied are recommendations.

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ НА УРОВНЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

К.Б. Усенова,

*ученый секретарь Центра методологии науки
и социальных исследований Национальной Академии наук
Кыргызской Республики*

Ассамблея Народа Кыргызстана (АНК), является организацией, объединяющей этнокультурные объединения различных этнических групп в Кыргызстане. Основной заявленной целью АНК является укрепление межнационального мира, единства и стабильности в стране. Организация существует с 1994 года и с момента ее создания АНК играет важную роль в гражданском обществе. Однако полностью потенциал АНК далеко не реализован. Более того, ставится под сомнение вопрос о способности АНК мобилизовать организации – члены АНК для исполнения основных целей АНК. Организация сталкивается с необходимостью проведения серьезной реструктуризации и усилий по реформированию для того, чтобы оставаться актуальной.

Сегодня в составе Ассамблеи народа Кыргызстана находятся: 32 объединения, в том числе 3 региональных объединения:

В состав **Ошского** областного отделения входят – 14 областных объединений и 5 узбекских районных НКЦ.

В состав **Жалал-Абадского** отделения входят – 8 объединений.

В Чуйской области в состав Общественного объединения «Дом Дружбы г. Токмак» входят 15 объединений, создан Совет этнического развития, председателем которого является мэр г.Токмак. Кроме того, в г. Кара-Балта работает Региональный

Совет национально-этнических диаспор «Содружество», объединившая 14 филиалов этнических объединений АНК.

АНК неоднократно проявляло инициативы по созданию областных региональных отделений в Чуйской, Таласской, Иссык-Кульской, Баткенской областях.

Так, в результате встречи с Аппаратом Президента Кыргызской Республики был разработан план мероприятий по реализации предложений этнических объединений Ассамблеи народа Кыргызстана. Одним из пунктов Плана (п.8) являлось создание областных, районных, городских подразделений АНК, с приданием статуса консультативно-совещательных органов при местных органах власти. Но к сожалению, в настоящий момент реализация данного пункта осуществлена только в Таласской области, где идут предварительные работы по открытию Таласского отделения АНК (исх.№07-15-1/399 от 2.03.2012 г.).

В Чуйской области существуют Советы этнического развития (СЭР) в гг. Токмак и Кара-Балта, но жизнь доказывает актуальность открытия таких отделений во всех регионах республики, поэтому нужно продолжить практику создания и деятельности Советов по этническому развитию при местных органах власти (областных, городских кенешах, аил окмоту).

Существует интересный документ, а именно Положение «О комиссии по связям с регионами Президиума Совета Ассамблеи народа Кыргызстана», в котором говорится, что Положение определяет порядок деятельности комиссии по связям с регионами Президиума Совета Ассамблеи народа Кыргызстана, которая осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, Уставом Ассамблеи и Положением.

Взаимодействие комиссии с региональными отделениями АНК осуществляется через заместителей председателей областных отделений АНК, которые ответственны за эффективную работу по связям с регионами.

Комиссия создается для улучшения взаимодействия с региональными отделениями Ассамблеи; а также обеспечения благоприятных условий для эффективной деятельности членов Ассамблеи в регионах.

Комиссия осуществляет следующую работу:

- поддерживает взаимосвязь с отделениями АНК в Ошской, Жалал-Абадской областях, а также с СЭРОм в г. Токмок и Кара-Балта.
- проводит мероприятия по консолидации усилий отделений в реализации общих задач и целей АНК.
- проводит встречи, круглые столы с членами АНК в регионах, а также лидерами национально-культурных центров в других областях республики по реализации целей и задач АНК.
- вносит предложения по активизации деятельности и улучшения работы АНК в регионах.

Отношения между центральным аппаратом и региональными отделениями АНК ранее регулировались «Положением об Ошском отделении Ассамблеи народа Кыргызстана», утвержденное Председателем Ассамблеи народа Кыргызстана С.Бегалиевым от 4 марта 1997 г., в котором отмечается, что Ошское отделение Ассамблеи народа Кыргызстана (сокращенное название ООАНК) – массовое общественное объединение, ставящее своей целью всемерное содействие укреплению межнационального согласия, гражданского мира и единства народа Кыргызстана.

ООАНК осуществляет свою деятельность как общественная организация на всей территории Ошской области в соответствии с Конституцией и Законодательством Кыргызской Республики, настоящим Положением, а также рядом международных документов.

Создание ООАНК обусловлено многонациональным составом населения Ошской области, принадлежности его к различным религиозным конфессиям. ООАНК призвана:

- реализовывать интересы национальных меньшинств, образующих вместе с кыргызами народ Кыргызстана, согласовывать их с интересами кыргызов – этнического большинства населения Ошской области;
- способствовать всему тому, что сближает все этносы Кыргызстана, приобщению их к общечеловеческим гуманистическим ценностям;
- предупреждать конфликтные ситуации, препятствовать проявлению конфронтации и экстремизма в межнациональных отношениях.

Для реализации своих целей и задач ООАНК:

- способствует внедрению в общественное сознание понимания общности исторических судеб и долговременных интересов этносов, образующих народ Кыргызстана, содействует взаимодействию и взаимообогащению их культур;
- оказывает содействие в деятельности национально-культурных общественных формирований;
- содействует на основании соответствующих демократических процедур и международных стандартов осуществлению права национальных меньшинств на участие в общественной и государственной жизни, особенно в решении вопросов, касающихся защиты их интересов;
- создает различные организации исследовательского, просветительского, культурного и правозащитного характера в целях сохранения и развития этнической, языковой, культурной самобытности национальных меньшинств, а также учреждает в этих целях печатные издания.

ООАНК имеет право:

- реализовывать и разрабатывать, а в случае необходимости и вносить на рассмотрение облгосадминистрации, областного Кенеша меры, направленные на сохранение и развитие духовного, нравственного и физического здоровья каждого этноса, этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств, их языка, самосознания, нравов и обычаев, решение особых проблем кыргызов в области сохранения культурного наследия, развития родного языка;
- изучать и вносить в органы местного самоуправления предложения по решению этнических и межнациональных проблем;
- представлять интересы этносов проживающих в Ошской области, в международных негосударственных организациях, занимающихся национальными вопросами;
- реализовывать все другие права, предоставленные общественным объединением, законодательством Кыргызской Республики.

В целом, примечательно, что хоть и Положение было утверждено Председателем Совета АНК, но в нем не выстраивались отношения подчинения регионов центру, а

создавалась полноценная организация для полноценной работы в своей области.

Так, в 2012 году в южном регионе совместно с региональными отделениями был проведен круглый стол «Деятельность Ассамблеи народа Кыргызстана в укреплении межнационального диалога» с участием лидеров национально-культурных центров Ошской и Жалал-Абадской областей, местных активистов, представителей научного сообщества. Общее обсуждение вопросов, касающихся деятельности членов АНК в регионах, позволило глубже понять и искать пути выхода из проблем, с которыми сталкиваются руководители этнических сообществ на местах. На круглом столе нашли точки соприкосновения для общей работы неправительственные организации и научные работники южного региона.

В связи с изменениями и дополнениями в Устав АНК на Внеочередном VII – ом Курултае народа Кыргызстана вышло Постановление государственной администрации Ошской области от 10.04.2012 года № 20 «Об утверждении нового состава Совета Ошского отделения АНК» в составе 28 человек. При этом отмечается, что главам районных администраций пересмотреть состав Консультативно-совещательного совета при районных государственных администрациях по укреплению межнационального согласия.

Есть соответствующие постановления районных государственных администраций об утверждении нового состава Консультативно-совещательных советов по укреплению межнационального согласия:

- Ноокатской районной государственной администрации Ошской области от 17.05.2012 года № 67 в количестве 13 человек и планом работ;

- Узгенской районной государственной организации Ошской области от 24.04.2012 года № 60 в количестве 13 человек и информацией о проделанной работе;

- Араванской районной государственной организацией Ошской области от 10.07.2012 года № 82 в количестве 17 человек;

- Кара-Суйской районной государственной организацией Ошской области от 11.05.2012 года № 60 в количестве 15 человек.

При этом, например, в Кара-Суйском постановлении есть еще пункт, согласно которого Главам местных самоуправлений пересмотреть состав консультативно-совещательного Совета при айыл окмоту по укреплению межнационального согласия.

Кроме того, есть Постановление Мэрии города Ош от 10.07.2009 года № 872 «О создании Консультативно-совещательного Совета при мэрии г.Ош по укреплению межэтнического согласия», в котором утверждается Положение о Консультативно-совещательном Совете при мэрии г.Ош по укреплению межэтнического согласия и состав этого совета в количестве 14 человек.

Проблемы:

Согласно данным документам вроде-бы выстроена система ответственных за обеспечения межэтнического согласия на областном, районном, даже и на уровне айыльных округов, где-то проходят реальные мероприятия, но системной, планомерной работы по снижению межэтнической напряженности в регионах не наблюдается. Необходимо обучение региональных представительств АНК современным методам работы в сфере межэтнических отношений, выявления проблем и превентивном оперативном вмешательстве в случае угрозы открытого конфликта.

Во время фокус-групп в Ошской и Джалал-Абадской области были озвучены следующие предложения:

Большинство политических функций регионы отдали в центр.

Практически все отмечали, что необходимо повысить статус АНК, что Президент КР должен возглавить АНК, либо Председатель АНК должен быть советником Президента. Как варианты: если Президент возглавит АНК, то можно заместителей избрать из представителей различных этносов. Либо АНК придать государственный статус. Усилить кураторство Отдела при аппарате Президента.

Одновременно повысить статус национальных культурных центров (ЭОО).

Было бы хорошо ввести квоту АНК в ЖК, тогда можно было бы пролоббировать принятие закона о национальных меньшинствах.

Необходимо ускорение принятия концепция государственной национальной политики.

По взаимоотношениям центра и региона:

Усилить взаимосвязь региональных АНК и центральных АНК;

Усилить структуры АНК в областях (региональный аспект);

Обязать местные органы самоуправления (областные администрации, мэрии) оказывать помощь АНК;

Создать региональные отделы при правительстве на местах;

Создать АНК во всех А/О, районах, городах;

Создать фонд Поддержки гражданских инициатив.

Проводить часто тренинги и семинары по данной теме

Обмен опытом на международном уровне и на региональном уровне.

По проблемам финансирования и материально-технического снабжения:

Выделили здание для Ассамблеи, но никаких условий для работы нет;

Финансирование материально-техническое база (компьютер и т.д.);

Необходимо финансирование национальных культурных центров;

Повысить заработную плату для сотрудников АНК.

Учитывая сохраняющуюся напряженность межэтнической ситуации в республике АНК КР считает создание региональных отделений Ассамблеи в других областях республики, вплоть до аил окмоту весьма актуальным вопросом дня. В связи с чем, АНК вносило следующие предложения по повышению их статуса:

по примеру соседней Республики Казахстан, предлагаем руководство областным отделением АНК возложить на губернатора с приданием статуса консультативно-совещательного органа;

открыть отделения АНК на районном уровне и уровне аил окмоту, соответственно ответственность за межэтнические отношения будут нести аким района и глава аил окмоту.

При формировании консультативного совета, учесть представленность активной молодежи, женщин, местных лидеров, пользующихся влиянием в обществе.

Выводы:

АНК необходимо усилить работу по формированию региональных подразделений, не только областных, но и районных на базе созданных консультативно-совещательных советов при областных и районных администрациях. А уровне айылных округов формировать Советы этнического развития.

Тогда и структура делегатов Курултаев будет оправдана, поскольку 400 делегатов формируемых из числа местных органов власти будут представлены членами консультационно-совещательных советов областных и районных администраций и Советов этнического развития – то есть на Курултай попадут делегаты действительно работающие в этой сфере, не просто так спущенные по разнарядке властей, а заинтересованные в сохранении межэтнической стабильности и мира и согласия.

Такое широкое представительство на Курултае поможет более тщательному качественному избранию членов Совета АНК и ее Президиума.

Түйін

Макалa Кыргыз Республикасындагы этносаралык катынастарды баскарудун аймактык механизмин ашып көрсетеді. Жергілікті билік деңгейінде, ауылдық аймаққа дейін этностық даму кенесі (СЭР) түрінде институционалдандыруды құру ұсынылады.

Резюме

Статья Усеновой К.Б. «Основные механизмы управления межэтническими отношениями на уровне местных органов власти» освещает региональные механизмы управления межэтническими отношениями в Кыргызской Республике. Предлагается создание институционализация механизмов на местных уровнях власти, вплоть до айылного округа в виде Советов этнического развития (СЭРов).

РОССИЯ

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ж.Т. Тощенко,

*член-корреспондент РАН, гл. редактор журнала РАН
«Социологические исследования», декан и зав. кафедрой
социологического фак-та Российского государственного
гуманитарного университета*

Н.А. Романовский,

*зам. гл. редактора журнала РАН «Социологические
исследования», Профессор РГГУ, доктор исторических наук,
профессор*

Факторы динамики современной социологии. Динамика развития социологии в современном мире* есть не что иное как результат взаимодействия социологии с современным миром. Анализ этих тенденций предполагает понимание и объяснение процессов в самой социологии, с одной стороны, и импульсов влияния современного мира на социологию, - с другой. Говоря об «импульсах», мы имеем в виду феномены типа глобализации, модерна и постмодерна, терроризма, финансово-экономический кризис и т.д., если брать только общемировые проблемы, не национальные, не менее сильно воздействующие на социологию

* Эти и другие положения нашей статьи формулируются в сознании того, что развитие социологии в мире и в нашей стране существенно идет аналогичными путями.

всякой страны. К ним, помимо уже названных, можно отнести события, потрясающие мир или отдельные страны, характер политического режима в конкретной стране, затрудняющий, запрещающий или стимулирующий социологические исследования, успехи смежных наук, порой далеких от социологии. Такого рода импульсы мы лишь обозначаем и учитываем. От детального описания взаимодействия социологии с феноменами из этого ряда мы, однако, воздержимся как по соображениям объема текста, так и в силу того, что их изучение требует междисциплинарного анализа, в котором социология не всегда играет партию первой скрипки.

Что касается процессов в самой социологии, мы предлагаем взгляд, аналогичный феноменологическому подходу ко всякому общественному явлению - через призму повседневной, реальной жизни и реальных практик социологов. Деяния людей нашей профессии образуют прошлое и настоящее социологии. Современную социологию можно представить себе как безбрежный поток создаваемых, организуемых людьми статей, журналов и книг, конгрессов, конференций, съездов, круглых столов, исследований, преподавания и т.п. У его истоков находятся усилия ученых, ресурсное обеспечение проводимых ими эмпирических исследований, доведение полученных результатов до общественности и властей. Остальные факторы, влияющие на интенсивность и эффективность развития социологии (впрочем, социология, может быть, не развивается, а лишь спонтанно *эволюционирует* или движется в обратную от эволюции сторону - *деволюция*), мы пока оставляем вне поля анализа, чтобы обращаться к ним непосредственно при показе тенденций развития/эволюции социологии в современном мире. На собственно социологическую сторону повседневности рассматриваемой отрасли научного знания мы обратим основное внимание.

В повседневности социологической жизни решающим двигателем развития/эволюции социологии выступают бесчисленные взаимодействия потребностей общества, процессов в нем с индивидуальными и групповыми усилиями

ученых*. На первом плане стоит не придумывание учеными «чего-то новенького» в теории или методах, а понимание и объяснение современной динамики происходящего в мире. Но возможно ли отделить в этом множестве происходящего в мире преходящее от сущностного?

В начале XXI в. положительный ответ на данный вопрос, по крайней мере у авторов данного текста, не вызывает сомнения. Исторически новое состояние источниковой базы науки, быстрота и достоверность информирования благодаря новым информационным технологиям дают ученому приемлемую степень возможности оперативного «текущего» анализа динамики современной социологии** в мире. Тот, кто анализирует процессы в социологии, имеет возможность постоянно отслеживать – хотя бы в общих чертах - усилия отдельных социологов – теоретиков и эмпириков, тенденции публикаций, тематики книг и статей, вектор работы международных и национальных сообществ социологов, авторских и исследовательских коллективов, журналов, конгрессов съездов и других профессиональных форумов, школ и т.д. Естественна при этом концентрация внимания на позициях и подходах тех, кто данные вопросы ставит на повестку дня социологических сообществ, хотя бы «по долгу службы». Мы имеем в виду руководителей мировой, континентальных, национальных социологических ассоциаций. Так отечественный социологический конгресс 2008 г. задумывался как обращение к проблемам взаимодействия социологии и общества [1]. Девиз Международной социологической ассоциации к очередному конгрессу отразил озабоченность лидеров МСА динамикой роста социологии, ее роли в обществе (*sociology on the move*; букв. – социология в движении) [2]. В США «президентский» доклад на последней ежегодной конференции посвящался трудностям в сфере занятости и положению работающих [3], и т.д.

Течение жизни, повторим, накладывает решающий

*Наш взгляд противостоит учебникам истории социологии, выстроенным вокруг личностей классиков социологии, их теорий и трудов. Не следует упускать из виду, что «гиганты» прошлого, прежде всего, стремились понять и объяснить окружающую их жизнь

** Здесь мы обозначаем эмпирическую базу предлагаемых в нашей статье суждений и заключений.

отпечаток на развитие социологии и жизнь сообщества социологов. Некоторые еще недавно популярные концепции отошли на задний план - конец истории, транзит, глобализация, общество модерна и др. Почему? Сейчас все рассматривается и будет во все возрастающей мере рассматриваться через призму проявлений кризиса и поиска того нового, что готовится занять место привычного. То есть, практический (в эмпирической реальности) поиск решений новых (часто коренящихся в основательно забытых старых) и по-новому встающих перед человечеством проблем - основа динамики социологии.

Современный этап истории человечества остро ставит в повестку дня проблему устройства мира, взаимоотношений людей в ключевых сферах жизни: труд, деньги, власть, ресурсы и т.д., - на иных экономических, политических, межчеловеческих, культурных, социальных основах. В этом же ряду поиск решений проблем новых поколений, новых миллиардов людей на планете, нового положения на целых континентах. Идет поиск путей, способов, точек приложения сил (включая силы социологов) для постижения этого мира. Природа понимающей и объясняющей (не ищущей более, как в XIX в., надчеловеческих законов общества) социологии привлекает людей, ставящих острые вопросы и стремящихся находить на них ответы. Социология все больше стремится опираться на межстрановые, межкультурные, междисциплинарные исследования, на мультипарадигмальные методологии. Расширяющаяся основа социологического теоретизирования оптимально соответствует новой ситуации.

Процессы эволюции социологического знания

Исследовательская тематика современной социологии безбрежна. Она охватывает все стороны человеческой общественной жизни. Весьма приблизительно ее формулируют названия околостатематических, проблемных комиссий и секций Международной социологической ассоциации, десятки названий секций, сессий и круглых столов последнего Всероссийского социологического конгресса. Тем не менее, социологическое воображение и освоение новой жизненной реальности генерируют все новые проблемы и темы для исследований. Частично это результат географической «экспансии» социологии

- у каждой страны свои социальные особенности, исторический опыт и традиции, которые умножаются различиями между континентами, странами, укладов общества, религий и т.д. Многое здесь никогда социологами не исследовалось, и это стимул для поиска, для сравнений. Частично новые аспекты в социологию привносит человек, варьируя нормы, предпочтения, ценности, цели своих действий. Иногда осваивается тематика, не мыслимая для Европы, например: убежденность в наличии среди живущих ныне людей ушедших из жизни предков [4]. Но и «европейская» тематика, например, социология человеческого тела [5], требует в иных аудиториях серьезных разъяснений.

Социология растет во времени. Развитие исторической социологии, *историзация* социологии [6] привели к интеграции исторического измерения в анализ социологами современных социальных реальностей. Соответственно социологическое знание приобрело фундамент, уходящий вглубь истории, позволяя проводить компаративные исследования не только во времени, но и в пространстве. Лишь один пример - исследование американским социологом Ч. Тилли «европейских революций» во временном диапазоне 500 лет – с 1492 по 1992 г. [7]. Нет нужды убеждать читателя, сколь важны такие сравнения.

Процесс «экспансии» стимулируется необходимостью исследовать актуальные – не просто новые - аспекты национальной, этнической и региональной конкретики и на этой основе обогащать социологическое знание. Например, немецкие социологи в 2008 г. подготовили специальный тематический выпуск профессионального журнала, посвященный миграции, интеграции, идентификации, аккультурации мигрантов [8]. Рост в пространстве и времени проблематики уже сейчас в ряде случаев создает проблему пересмотра теорий и подходов в социологии, сложившихся на материале европоцентристских или североатлантических по эмпирической и сущностной составляющих. Неоспоримо, что актуальность неотделима от специфики ситуации в социологии конкретных регионов, континентов, стран. В социологии стран, традиционно именуемым «Западом», на первом плане могут стоять исследования многообразия религий, их новое место в обществе,

мультикультурализм, протесты и напряжения в массе мигрантов, урбанизация, проблемы образования, равенства мужчин и женщин. Потрясающие Францию этнические бунты осени 2005 г. способствовали избранию президентом МСА на 2006-2010 годы французского социолога Мишеля Вевёрки. Тематика его трудов обращена к острым вопросам современного западного общества: неравенства, расизм, антисемитизм, насилие, гражданские права меньшинств, мигранты, конфликты на этой почве. Социологи Востока, Африки, Латинской Америки разрабатывают актуальные для своих стран темы: массовый голод, нужда, болезни, безработица, а также социально-экономическое развитие, последствия урбанизации и индустриализации, борьба с коррупцией и др. [9]. Для социологов этих стран популярные в «североатлантических» странах темы постмодерна, массовой интернетизации, *блогсферы*, феминизма или гражданского общества, - явно второстепенны по значимости.

Появление новых объектов исследований и масштабы перемен в современном социологическом знании связаны с воздействием научных открытий в отраслях знания, иногда весьма далеких от наук гуманитарных, социальных. *Biological variable* – биологическая переменная все больше интересует социологов. Возможности оплодотворения «ин-витро» (в пробирке) вообще совершенно по-новому ставят проблему продолжения рода человеческого, меняя жизненные стратегии реальных людей. Социология тела человека - своеобразное следствие достижений эволюционной биологии, биотехнологий, медицины (трансплантология и др.), генетики. Название книги «Почему наши гены значат больше, чем вы думаете» говорит само за себя [10]. О преемственности современной социологии с социологией второй половины XIX в. напоминают появившиеся в научном обиходе понятия неodarвинизм, неозволюционизм. 50 лет назад никому бы не пришла в голову мысль, что на развитие социологии может заметно влиять химия. Но лауреат Нобелевской премии (за достижения в этой области знания) И.Р. Пригожин (1917, Москва - 2003, Брюссель) продемонстрировал применимость идей синергетики в социальных науках. Междисциплинарность современной социологии стимулирует

создание институтов, специализирующихся на передовых, продвинутых междисциплинарных социальных исследованиях. Нельзя не сказать, что отечественные социологи, в частности, поставили на обсуждение проблемы новые, такие как социозкономика - синтез социологических и экономических наук, социология катастроф (на материале Е.М. Бабосова о пострадавшей от Чернобыля Белоруссии). Есть новые акценты во взаимодействии географии с социологией (говорят о социальной и о гуманитарной географии [11]). Растет интерес к проблематике регионов на уровне мира, континентов, стран.

Последние 20-30 лет знаменовались рядом «поворотов» в социологии, поворотов интереса, внимания социологов к новациям в смежных науках и дисциплинах: философии, культурологии, истории, семиотике, лингвистике и др. «Повороты» плодотворно повлияли не только на социологию. Ее партнеры по взаимодействиям испытали на себе весьма благотворное влияние социологии, хотя бы в плане применения отработанных социологами методик и техник. «Открытость» социологии к другим дисциплинам становится важным ресурсом приращения научного знания.

Взаимодействия наук, рост их интеракции не упростили «пограничные» взаимоотношения социологии со смежными отраслями знаний. Социология - в своей значительной части – сущностно обращена к человеку, его взаимодействиям с себе подобными, к его общественной природе, его повседневной жизни. Информацию, относящуюся к этому предмету, генерируют многие науки. Нередко в силу этого ряд социологов на своем научном пути подпадали под воздействие философии, экономики, психологии, политологии, экологии, физиологии. С другой стороны, и социологию «упрекают» в империализме, - в претензиях быть царицей всех общественных наук. Сама социология встречается с опасностью быть поглощенной другими науками, особенно психологией, когда социальное анализируется исключительно в терминах отчуждения, фрустрации, аномии, деструкции, эксклюзии и т.п. По экономическим наукам за последние годы были присуждены Нобелевские премии за труды, частично, даже во многом построенных на идеях и данных социологии.

В дисциплинарном поле социологии власти достигнуто понимание важности анализа ее разновидностей таких, как теократия, технократия, этнократия и т.д. Накопление данных привело к дополнению набора понятий в сфере, например, социологии медицины. Появился в России журнал «Социология медицины». Социологию медицины (и частично физкультуры) дополняет специализация на социологии здоровья, здорового образа жизни.

Но появились субдисциплины, нечетко связанные с социологией, претендующие на роль обособленной науки. Из социологии выделилось изучение общественного мнения, практики полстеров – специалистов по замерам выборных кампаний и прогнозированию их исхода. Такие тенденции грозят социологии утратой определенности; но они могут вылиться и в уточнение, поиск предмета, объекта. Часть обществоведов прогнозирует создание интегрированной «социальной науки» (среди социологов это Э. Гидденс и И. Валлерстайн [См.: 12]). Другие делают попытки движения к междисциплинарной интеграции в форме метасоциологии или социальной теории [13]. Синтез, интеграция разных теоретических подходов в социологии и соседних с ней дисциплинах, как тенденция, отражены в утверждениях о происходящем в настоящее время «преодолении дисциплинарности», постдисциплинарном веке социологии [14]. В условиях России эти тенденции отражены попытках упрочения таких исследовательских полей как рискология, регионология [15], кратология, конфликтология и другие. Иногда эти дисциплины сопровождаются прилагательным - «социальная».

На уровне крупных социологических теорий прирост в современной социологии относительно невелик. Такие теории вообще редкость в истории нашей науки. Накапливаемый социологами разноплановый эмпирический материал по странам и континентам пока ведет к уточнениям понятий, сущности отдельных аспектов социальной реальности. Происходящие в этом контексте подвижки иногда носят программный характер: многообещавшая некогда социология феминистская (подробно см. у Дж. Ритцера [16]), отражая утверждение женщин-социологов в профессиональном сообществе и в

большой политике, науке в остатке дала лишь гендерный подход. Обратный пример: социальная практика подтверждает актуальность проблем межкультурных контактов и конфликтов. В этой сфере теоретические построения Дж. Александера дали «культуральную социологию» [17]* на месте некогда широко распространившихся “культурных исследований” (“культурный поворот»). Утверждая культуру как независимую переменную в исследованиях общества, Александер полагает возможным выходить этим путем и на фундаментальные проблемы, и на специфику всякого общества. Идеи Александера реализуются в выходящем с марта 2007 г. журнале «Cultural Sociology». В тематике его публикаций парадигмы и методология социологического анализа культуры; соотношение культуральной социологии, традиционных культурных исследований и других дисциплин; социология производства, распределения и потребления культуры; современные силы и тренды в культуре; культурная креативность и инновации; воспроизводство культур; социология искусства и эстетики; визуальные, речевые и слуховые культуры; социология медиа-культур; класс, раса, этничность и культура; гендерные культуры; «высокие» и «низкие» культуры; культура повседневности; локальные, региональные, национальные, интернациональные и транснациональные культуры; вкусы и жизненные стили; культурная власть и др. [18].

Напротив, что называется «под раздачу» попала теория рационального выбора (ТРВ) – ее подвергли резкой критике. Прав был В.П. Култыгин, ограничив ареал ее популярности Соединенными Штатами и Скандинавией [19, с. 27], в отношении которых еще можно говорить о «рациональности выбора». Споры о ТРВ даже среди социологов Голландии, не самой нерациональной страны, шли лет десять, а сложившийся полемический материал вышел отдельной книгой. Дж. Александер подчеркивал шаткие основания теории рационального выбора, ее внутренние противоречия и допущения [20]. В рамочном анализе Э. Гофмана рациональность - лишь одним из

* Термин *культуральная социология*, при некотором неблагозвучии, предпочтителен, на наш взгляд, для отграничения от социологии культуры (тем более, культурной социологии).

выбираемых актором «фреймов» действия. Для культуральной социологии рациональность выбора многовариантна, в то время как ТРВ выстроена в западном смысле в рамках модерна. Многие решительно не приемлют само представление о современном обществе как рациональном продукте выбора граждан, индивидов. История нашей страны такие сомнения подтверждает. От рационального выбора лета 1941-го до сих пор веет могильным холодом; судьбы России 1990-х трудно понимать как выбор, тем более, рациональный, и т.д. [См.также: 6, с. 8-9] Эпизод с этой теорией - один из примеров научной критики социологами мифов и манипуляций (со стороны некоторых политиков) якобы достоверными (научными) данными.

Социологи в последние годы стали менять знак плюс на знак минус в оценках ряда фундаментальных для определенных идеологии и политики социальных теорий. Несомненен «прилив» в критике глобализации, модерна. Глобализация в виде, когда имеют место попытки придать ей роль ведущей научной характеристики современности, встретила жесткое сопротивление. Не один год звучат мнения, что глобализация – это старая теория модернизации в новой одежде. Глобализацию целенаправленно превращали в эквивалент неолиберализма с приватизацией, нерегулируемыми рынками, в политическое орудие определенных кругов США и других развитых стран. Модерн, и глобализации стали «множиться». Модерн стал поздним, слабым, множественным и т.п., глобализация стала глокализацией, множественной глобализацией, глобо-локализацией, «другой», даже «гробализацией» [21] и др. «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (1927-2009) социологи-марксисты переделали в «столкновение глобализаций» [22] с негативными последствиями для многих сфер общества. Смена акцентов в девизе всемирного Дурбанского конгресса социологов «Качество жизни в глобализирующемся мире» также показательна: фактически на конгрессе говорили о деградации качества социальной жизни. Такой перенос акцентов отразил неудачу попыток представить глобализацию продолжением универсального общества «модерна». Конгресс ориентировал на детализацию и *контекстуализацию* анализа социетальных процессов в конкретных странах, отразив

амбивалентное отношение социологов к реалиям глобализации как якобы будущему всего мира.

На конгрессе говорили и о разорении, вызываемом рыночной стихией. Такая подвижка значима не только по научным соображениям. Все больше социологов в реальной жизни наталкиваются на болезненные последствия глобализации: массовые социальные эксклюзии, депривации, - бедность, голод, насилие (межэтническое, религиозное). И. Валлерстайн сделал объектом критики глобализации американские ценности, которые нередко лежат в основе ее [23]. Волна критики не миновала и такие новации современной социологии как постмодерн, общество рисков и др. В них критики обнаружили стремление некоторых социологов принижать роль классовых факторов, социальных неравенств и несправедливостей.

Переходя к тенденциям в эволюции методики социологических исследований, сошлемся на мнение Б.З. Докторова*, на протяжении многих лет отслеживающего подвижки в этом разделе социологической науки. Он не видит пока (более того – на обозримый период в несколько десятков лет) оснований говорить о конце «гэллаповских» методик, сложившихся с 1930-х годов: опросы, интервью, фокус-группы, модели и т.п. Существенную, но не качественную перемену принесли с собой новые информационные технологии. Сейчас «гэллаповские» методы все чаще применяются «при поддержке» интернета и мобильной связи, вытесняя личные – лицом-к-лицу – техники снятия информации. Сущность же «гэллаповской» методики: выборки, выборочные опросы, пределы точности, временные интервалы и др. сохранили значимость [24, а также выступление Б. Докторова в Институте социологии РАН, февраль 2009 г.].

В плане методологических стратегий** (их можно рассматривать и как мета-теоретические рамки) современной социологии больших подвижек в последние десятилетия не произошло. По-прежнему доминируют три подхода, три крупных, ведущих парадигмы

*Подтвержденное, в частности, замерами электоральных настроений в период выборов президента США в 2008 г.

** Аналоги этого понятия - формулировки «дизайн исследования», «стратегия исследования».

социологии как основа усилий современных социологов: социологический номинализм, социологический реализм и социологический конструктивизм. Эти три парадигмы ориентируют исследователя–социолога на поиск одного из трех – отдельных один от другого и неразрывно связанных – объектов исследования, производных, в свою очередь, от понимания сущности, природы социальной реальности: а) общество, социальные системы (структуры) и т.д.; 2) индивид, личность, группы и т.п.; 3) взаимозависимости, взаимодействия как микро- так и макро- объектов и их производных. Выделение названных парадигм обеспечивает движение по пути эффективного применения всего набора классических и современных социологических теорий, накопленных методов и приемов исследований.

Парадигма социологического конструктивизма связана с «социологией жизни»; последняя позволяет наиболее полно реализовывать гуманистический потенциал нашей науки. Ряд примеров из практики исследований выявили важные, порой неожиданные взаимозависимости. При этом диапазон «находок» простирался от теоретической парадигмы и социологических теорий, методологических стратегий, до методик и техники сбора, оценки, анализа и обобщения полученных исследовательских данных.

Отсюда и сближение некогда известных полярных пониманий предмета социологии и подходов к ее дисциплинарному, методическому инструментарию. Мы имеем в виду недавно бушевавшие страсти при встречах качественников и количественников. Сейчас такого рода споры угасли. Найден некоторый *modus vivendi* - способ сосуществования. Отдельной проблемой представляются усилия приверженцев «компьютационной» социологии. Представление о методологической стратегии этого направления в социологии читатель может получить по ряду книг и статей А.А. Давыдова. Интересна и такая деталь: Дж. Александер на конгрессе в Дурбане руководил исследовательской секцией «Социокибернетика и системная социология», вероятно желая оценить перспективы интеграции «социокибернетики» (компьютационной социологии) с неофункционализмом, системной социологией.

Дискуссии о роли социологов в современном обществе - знаковые для современной социологии. Исходный импульс им придал (как ответ на неолиберальную политику президента Буша) Майкл Буравой, в 2004 г. президент Социологической ассоциации США, выдвинув своего рода лозунг - «За публичную социологию!» [25]. Разделив функции нашей науки профессиональную, критическую, прикладную и публичную, он связал свой призыв со стремлением придать новый импульс росту социологии, включая финансирование, популярность среди студентов и аспирантов, влияние на власть имущих и т.д. Первоочередным объектом внимания «публичных социологов» США он назвал острую для развитых стран и России проблему бесправия и эксплуатации мигрантов. В ноябре 2005 г., выступая в Москве, тогдашний президент МСА П. Штомпка говорил об общественной активности социологов [26]. Дурбанский конгресс МСА в выборе своим президентом Мишеля Вевёрки учитывал его активное «социологическое вмешательство («интервенцию»)), частности, во время мигрантских бунтов во Франции ноября 2005 г.

Майкла Буравого избрали вице-президентом МСА по связям с национальными социологическими ассоциациями. Он в этом качестве объехал многие страны, пропагандируя свою позицию и знакомясь с опытом в данной области. В Москве прошли дискуссии по общественной роли социологии с его участием [27]. В центре форума МСА в Барселоне (сентябрь 2008 г.) стояла проблема «Социология и общество в XXI веке», о чем с участниками форума говорили М. Кастельс, К. Кэлхаун, М. Вевёрка и др. [28]. Важные материалы на эту тему опубликовал журнал МСА. В выступлениях на эту тему - при общей поддержке идеи активизации общественной роли социологии - обнаружилось, как минимум, оттенки мнений. М. Вевёрка акцентирует мастерство социологов в представлении («демонстрации») ими результатов своих исследований [29]. Действительно, от этого во многом зависит воздействие социологических находок на общественное мнение. М. Буравой, развивая свою позицию, указал на острую проблему современного мира – положение «*депривированных*» (subaltern [30]), - возможно наш перевод этого понятия не

единственный)* групп. Это массовое социальное явление во всем мире близко к тому, что в XIX в. обозначали словами - пролетариат, трудящиеся классы, угнетенные массы. Э. Гидденс ограничился общим призывом «К оружию!», использованию «социологического воображения» и обращению к самым актуальным проблемам современности [31]. Дж. Александер отстаивает приоритеты гражданского общества, «гражданской сферы», наращивание потенциала демократии. Об этом он говорил в Москве во время Всероссийского социологического конгресса. Президент МСА Вевёрка, вице-президент Йоас и председатель оргкомитета Всемирного конгресса социологов (Швеция, июль 2010 г.) Ю. Бьёрнберг в повестку дня поставили в проблематику войн и насилия, устойчивого развития, резкой социальной поляризации в мире и др. [2]. Была и резкая критика выступлений за публичную социологию.

Обнаружившиеся оттенки мнений по поводу точек приложения «публичной социологии» понять нетрудно. На эти дебаты наложил отпечаток мировой финансовый и экономический кризис. Бывший президент МСА И. Валлерстайн может торжествовать: его прогнозы кризиса капитализма вообще и капитализма в США, перехода к новому экономическому устройству мира, кажется, сбываются [32]. «Диагноз времени» у Валлерстайна таков: «Можно уверенно утверждать, что нынешняя система не выживет. Но нельзя предсказать, какой новый строй придет ей на смену. Выбор будет результатом бесконечного множества отдельных действий. Но рано или поздно установится новая система. Она будет не капиталистической, но может быть гораздо хуже (более поляризованной и иерархичной) или намного лучше (относительно демократичной и относительно эгалитарной). Выбор новой системы – предмет крупнейшего политического противоборства во всем мире нашего времени. Что касается кратко- и среднесрочных перспектив, ясно, что происходит повсюду. Мы движемся в мир

* Это слово сложно адекватно перевести на русский язык. Но у него есть синоним - inferior – неполноценный. По смыслу subaltern - это а) реально неполноценные люди, б) считающиеся неполноценными, в) стигматизированные (у нас - мигрант, лицо кавказской национальности, и т.п.), г) малоимущие, социально не способные двигать вперед нужные им самим и стране перемены. Депривация – тоже состояние, весьма близкое.

протекционизма – забудьте о так называемой глобализации. Мы идем к намного большей прямой роли правительств в производстве. Даже США и Британия частично национализируют банки и умирающие крупные предприятия. Мы идем к правительствам популистского перераспределения, что может принять форму или левоцентристской социал-демократии или крайне правого авторитаризма. И мы идем к острому социальному конфликту внутри стран...» [33].

В России профессиональный конгресс социологов прошел под девизом «Социология и общество: пути взаимодействия», наверняка под влиянием дискуссий о публичной социологии. Но получилось так, что больше всех на эту тему говорил президент МСА М. Вевёрка. Реакция конгресса на слова главы Администрации Президента России С.Н. Нарышкина, например, о важности анализа разворачивавшегося в мире кризиса оказалась весьма вялой – и это в конце октября 2008 г.! Прогностический потенциал отечественных социологов оказался нее на высоте.

Однако дебаты о взаимодействии российской социологии и общества, о его эффективности идут. ***Публичность социологии заключается в наступательной, активной позиции социологов***, и такая активность, по нашему мнению*, должна стать неременной чертой усилий отечественных социологов. В них настоятельное требование наращивания созидательной силы социологического знания. Такая постановка вопроса базируется на том, что социология как наука отличается от других тем, что как никакая другая ***олицетворяет обратную связь*** между народом и властными структурами, участвуя в корреляции намеченной политики в той или иной сферах государственной, политической и экономической жизни. Авторы данной статьи, обсуждая данную проблему в контексте российских условий, высказались за акцент на профессиональной публичной социологии. Нужна активная роль, исследования социологов по важным социальным проблемам. По аналоги конкретизации лидерами мировой социологии повестки дня дебатов о публичной социологии, социологи России могли бы выдвинуть повестку для своей страны.

* Мы заявили свою позицию по данному вопросу в статье «За публичную профессиональную социологию» - Социол.исслед. 2009, № 4.

В России социологической науке есть что сказать обществу и властям страны, ее регионов. Фактически создали определенный «задел» для вынесения на суд общественности ключевых проблем российского общества. На этой основе может быть сформулирована «повестка дня» - первоочередные рекомендации для социологической общественности, «публики», властей. Диапазон охваченных проблем простирался бы от места России в современном мире, перестройки мировой экономики и т.п. до специфики сознания и поведения россиян, облика социальных групп, комплекса социетальных отношений. Конечно, наши предложения по «повестке дня», как и вся представленная картина развития современной социологии, условны. Но наши, пусть вероятностные и умозрительные конструкции, возможно, вызовут возражения, обсуждение и станут эвристическим ориентиром отслеживания значимых событий и процессов в мировом сообществе социологов, интеграции получаемых данных в социальные действия отечественных ученых-социологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. III Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: пути взаимодействия. 21-24 октября. М.: РАН, 2008
2. <http://www.isa-sociology.org/congress2010/priorities.htm>
3. Kalleberg A. Precarious work, insecure workers: employment relations in transition. 2008 Presidential address // American sociological review. 2009. V. 74. No. 1.
4. Матсине М. Поиск методологических альтернатив // Социол. исслед. 2008, № 5, с.26-36.
5. Тело человека – новые горизонты социального познания? // Социол. исслед. 2006. № 4. С. 16- 25; Owen T. Genetic-Social Science and the Study of Human Biotechnology // Current Sociology. 2006. V. 54. No. 6. Pp. 827-850; Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории социальное // Социол.исслед. 2002, № 9; и др.
6. Романовский Н.В. Историзация – закономерность развития социологической теории // Социол. исслед. 2008, № 10, с.3-13.
7. Tilly C. European Revolutions, 1492 – 1992. Oxford, 1993.
8. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 48/2008. Migration und Intergration. Kalter F. (Hrsg).

9. Current Sociology, 2006. V. 54. No. 1. Special issue: The idea of autonomous sociology: Reflections on the state of the discipline; Ky A. Парадокс – гражданское общество без гражданства // Социол. исслед. 2003. № 12; Брисеньо-Леон Р. Вызов для социологии: ситуация в Латинской Америке // Социол. исслед. 2003. № 7; и др.

10. Hamer D., Copeland P. Living With Our Genes: Why They Matter More Than You Think. L.: Macmillan. 1999.

11. Основы регионоведения. Опыт разработки лекционного курса: Учеб. пособие. Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 2003; Каримова А.Б. Регионы в современном мире // Социол. исслед. 2006. № 5; Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск. 1999; Бородкин Ф.М. Взаимодействие социологических и экономических наук. Что впереди? // Социол.исслед. 2005. № 12; Бабосов Е.М. Катастрофа как объект социологического анализа // Социол.исслед.1998. № 9; и др.

12. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS.19093. V.1. № 1. С. 69-73; Валлерстайн И. Наследие социологии, будущее социальной науки // Хрестоматия по общей социологии. Сост. В.П. Култыгин, А.Г. Кузнецов. М.: Научная книга. 2004. С. 206.

13. Например - Дж. Ритцер: Ritzer G. Metatheorizing in Sociology. Lexington, Mass.: Lexington Books. 1991; Idem. Explorations in Social Theory: From Metatheorizing to Rationalization. 2001.

14. The Dialogical Turn. New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. Camic S., Joas H., eds. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. 2004

15. Основы регионоведения. Опыт разработки лекционного курса: Учеб. пособие. Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 2003; журнал «Регионоведение», выходящий в Саранске и др.

16. Ритцер Дж. Современные социологические теории. М.- СПб и др.: Питер. 2002. С. 357-414.

17. Alexander J.C., Smith P. The Strong Program in Cultural Sociology // Handbook of Sociological Theory / Turner J., ed. NY: Kluwer, 2001; The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology. Alexander J. ed. Oxford – N.Y.: Oxford Univ. press. 2003; и др.

18. <http://www.sagepub.com/journalsProdDesc.nav?prodId=Journal201779>

19. Alexander J. Shaky foundations. The presuppositions and internal contradictions of James Coleman's Foundations of Social Theory // Theory and society, 1992. V. 21, No. 2, p. 203.

20. Култыгин В.П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социол.исслед. 2004, № 1

21. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. Ed. by M. Featherstone, S. Lash,

R.Robertson. L.: Sage. 1995. Pp. 25-44; Ritzer G. The Globalization of Nothing. L.-NY.-New Delhi: Sage. 2004; Martin D., Metzger J.-L., Pierre P. The Sociology of Globalization. Theoretical and Methodological Reflections // International Sociology. 2006, V. 21. No. 4; и др.

22. Huntington S.P. Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Shuster. 1996; Kiely R. The Clash of Globalizations: Neo-Liberalism, the Third Way and Anti-Globalization. Leiden and Boston: MA.: Brill 2005 - Historical materialism Book Series. Vol.8.

23. Wallerstein I. America and the World. The Twin Towers as Metaphor – <http://www.ssrc.org/sept11/essays/wallerstein.htm>

24. Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения, Судьбы творцов. М.: Центр социального прогнозирования. 2008.

25. См.: Burawoy M. For public sociology // Am. Sociological Review. 2005. V. 70. No. 1. P. 4-28.

26. Штопка П. Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах (тезисы доклада). М.: Сообщество профессиональных социологов. Ежегодная конференция «Современная российская социология в контексте общественных тенденций». 25-26 ноября 2005 г.

27. Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.

28. Morato A.R. Welcome and Introduction to the Forum Programme Sociological research and public debate. 1st ISA Forum of Sociology. Barcelona 2008 / Programme, P. 9.

29. Wiewiorka M. Some considerations after reading Michael Burawoy's article 'What is to be done?' Theses of the degradation of social existence in a globalizing world // Current sociology. 2008. V. 56, № 3, p. 395-388.

30. Burawoy M. Rejoinder: For a subaltern global sociology? // Current Sociology. 2008. V. 53, № 3, p. 435-444.

31. Гидденс Э. К социологическому сообществу // Социол. исслед. 2007. № 9. С. 4-5 (оригинал «A call to arms») - опубликован в британской газете «Гардиан» 26 ноября 2006 г.).

32. Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: concepts for comparative analysis // Comparative Studies in Society and History. 1974. V. 16. No.4, pp. 387-415; Wallerstein I. The Decline of American Power: The US in a chaotic world. NY: New press. 2003.

33. <http://www.binghamton.edu/fbc/cmpg.htm> - Заметки И. Валлерстайна по текущим событиям: 1 февраля 2008 г. «2008: Провал неолиберальной глобализации» 15 октября 2008 г. «Депрессия: долгосрочный взгляд».

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП: ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

В.А. Мансуров,

доктор Института социологии РАН, президент Российского общества социологов, доктор философских наук (г. Москва)

О. Юрченко О.

Современное российское общество отличается гибкая и динамичная социально-профессиональная структура. За последние десятилетия разрушилась тесная взаимосвязь между политическим, экономическим и культурным стратификационными измерениями. Привнесение логики рынка в российскую реальность привело к рассогласованию социального статуса многих профессиональных групп, но в то же время открыло для них новые возможности для осуществления групповой социальной мобильности, переопределения собственного статуса в государственном секторе и конструирования новых позиций на рынке труда. В связи с этим актуальным становится вопрос об адекватных методологических схемах, которые позволят точно описать особенности социального статуса различных профессиональных групп, а также технологии увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способы их преобразования в реальные рыночные возможности.

Советские социологи в исследованиях профессиональных групп в основном опирались на три теоретических подхода:

1. стратификационный, в рамках которого профессиональная структура рассматривалась как средство для изучения иерархии престижа или социального расслоения общества [1];

2. функционалистский, где профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определенных социально-значимых функций [2];

3. социально-психологический, где на первый план выдвигались «внутренние» характеристики профессиональной группы, такие, как сложность труда, его творческий характер и призвание индивидов. Особое внимание уделялось профессионалам как отдельным индивидам, их мотивации и отношению к труду, вопросам ответственности, дисциплинированности и инициативности [3].

Несмотря на разнообразие подходов, такие важные измерения социального статуса, как властные и экономические ресурсы профессиональных групп, по понятным причинам политического характера, выпадали из социологического анализа. Другим серьезным научным пробелом было отсутствие возможности изучать способы и стратегии коллективной восходящей мобильности. В постперестроечной России социологи компенсировали недостаток исследований, направленных на изучение экономического статуса профессионалов [4; 5]. В то же время, по-прежнему мало изученными остаются: объем властных полномочий профессионалов, специфика их взаимоотношений с государством и потребителями их услуг, а также стратегии профессионализации, под которыми мы понимаем групповую восходящую мобильность*. Для изучения этих вопросов работники сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН обратились к западной социологии профессий. В наших исследованиях мы рассматриваем профессионалов с точки зрения их групповых интересов, как социальные общности, которые могут закрывать доступ посторонним, не членам профессии, к определенным рыночным преимуществам и социальным благам [7].

* Для того чтобы не возникало терминологической путаницы, необходимо обратить внимание на то, что в отечественной социологии, под профессионализацией чаще всего понимается процесс профессионального роста индивида: обучение профессии или профессиональная самореализация, как одна из форм жизненной самореализации [6].

В этой статье представлены основные теоретические подходы западной социологии профессий, проведена хронологическая ревизия концепций «профессия», «профессионализация» и «депрофессионализация», а также показано, что теоретические подходы этого научного направления могут быть адаптированы к российским реалиям и использованы для проведения межкультурных сравнительных исследований. В западных работах большее внимание уделялось исследованию элитных профессий интеллектуального труда, которые рассматривались как корпоративные акторы, которым удалось достигнуть статуса «свободных» профессий и сохранить относительно высокую власть и независимость даже под давлением государственной бюрократии и организованного капитала. Это научное направление зародилось в работах основателя структурного функционализма Э. Дюркгейма в 1893 году. В его работе «О разделении общественного труда» профессиональные группы были выделены в качестве важнейших социальных институтов, которые обеспечивают органическую солидарность в обществе, создают и поддерживают положительные социальные образцы поведения, а также выступают как посредники между отдельными индивидами и государством [8]. Именно разделение труда и профессии воссоздают моральное единство общества, в которых традиционные верования утратили былую силу и привлекательность.

В первой части статьи рассмотрены теоретические концепции социологии профессий периода расцвета этого направления, который произошел в англо-саксонских странах в эпоху господства структурного функционализма. Когда в духе дюркгеймовской традиции, исследователи уделяли основное внимание элитным профессиональным группам, которые играли важную позитивную роль в общества. Во второй части представлены конфликтологические воззрения на профессию социологов неомарксистов и неовеберийцев: изучение профессионалов в системе производственных отношений и на рынке труда. В третьей части проанализирован вопрос о границах применимости западных теоретических моделей для проведения эмпирических исследований в России.

Функционалистский взгляд на профессию

На этапе становления западной социологии профессий многие исследователи стремились к детальному теоретическому разграничению между высокостатусными социально значимыми профессиями («professions») и прочими родами занятий («occupations»). Изначально научное разделение на «профессии» и «не-профессии» зеркально отражало особенности исторических реалий англо-саксонского мира, где термин «профессия» указывал на престижность работы и ее ориентированность на служение обществу [9]. В соответствии с устоявшейся языковой традицией, в категорию традиционных «профессий» попадали врачи, юристы, церковные служители и преподаватели вузов* [10]. Кроме почетного престижного титула, эти профессиональные группы отличались от других родов занятий незначительным вмешательством в их самоуправление со стороны государства, а также высоким доходом и престижем.

Во всех современных индустриальных странах социальные институты государства и социально значимых профессий развивались взаимосвязано и оказывали непосредственное влияние на становление друг друга [11, 12]. Исторически сложилось так, что традиционные профессии в Англии и Северной Америке получили право на саморегулирование раньше, чем где бы то ни было в мире. Например, в Великобритании традиционные профессии врача и юриста получили право на автономию под монаршим патронажем. Королевский колледж врачей был сформирован в XVII веке, веком позже они получили право на создание профессиональных ассоциаций с широким спектром полномочий, включая контроль над обучением специалистов и лицензированием собственной деятельности. Таким образом, границы вмешательства в дела профессионалов со стороны либерального государства оказались четко очерченными [13]. Хотя сегодня и в Англии и в Северной Америке взаимоотношения между государством и профессионалами складываются несколько иначе, основной вектор их развития – в сторону уменьшения власти профессионалов и усиления

* Далее по тексту под традиционными профессиями («professions») мы понимаем именно эти профессиональные группы

контроля со стороны государства и потребителей услуг [14, 15]. Тем не менее, степень независимости англо-саксонских традиционных профессионалов по-прежнему выше, чем их коллег в континентальной Европе и России [16].

Первые англо-американские социологи профессий в качестве объекта исследования выбирали традиционные профессии и пытались ответить на вопрос, какими уникальными характеристиками, помимо университетского образования, они обладали. Почему именно этим социальным группам удалось приобрести и сохранить высокий статус в обществе. Исследователи сосредоточились на поиске «сущностной выжимки» феномена традиционных профессий, посредством поиска их отличительных черт [10]. В этих работах зародился атрибутивный подход социологии профессий или «теория черт». Авторы этого направления использовали полученный набор профессиональных критериев для создания «идеального типа» профессии в понимании М. Вебера [17]. По большей части подобные «перечни» характеристик были теоретически не взаимосвязаны. Кроме того, в процессе поиска отличительных черт и попытке связать их между собой, социологи неизбежно «овеществляли» идеальный тип и трактовали абстрактную концепцию так, как будто это был реально существующий феномен [18]. Фактически ставился знак равенства между традиционными профессиями и «идеальным типом».

Поиск идеальной модели профессии осуществлялся в контексте парадигмы структурного функционализма. Хотя не все авторы «теории черт» формально относили себя к этому направлению, тем не менее, оно настолько доминировало в конце 1950-х гг., что часто под самой дисциплиной «социологией» понимался функционализм [19]. Традиционные профессии рассматривались как наиболее стабильные, эффективные и, в основном, аполитичные институты современного общества. Ключевая фигура в социологии профессий Т. Парсонс писал в статье для «Энциклопедии социальных наук»: *«Профессиональная группа («profession») становится единственным наиболее значимым компонентом в структуре современных обществ. Сначала она вытеснила «государство»*

в ранее употреблявшемся значении этого термина, а недавно – «капиталистическую» организацию экономики. Именно повсеместное появление профессиональных групп, а не особого статуса капиталистического или социалистического способа организации труда является значимым структурным развитием общества двадцатого века» [20]. Т. Парсонс утверждал, что только сбалансированность интересов капиталистической экономики и традиционных профессий могут гарантировать устойчивый нормативный социальный порядок.

Классическим примером наиболее полного определения «идеального типа» профессии в период структурного функционализма можно считать список из двадцати трех характеристик Дж. Миллерсона, составленный им на основе анализа работ двадцати социологов, занимавшихся этой проблематикой [21]. Несмотря на впечатляющий перечень, автору не удалось разделить профессиональные черты на неотъемлемые, структурные атрибуты статуса и на случайные, присущие отдельным индивидам или объясняющиеся преходящими историческими фактами [18, 22]. На основе анализа работ авторов, черпающих вдохновение в функционализме, мы выделяем три основных интегративных характеристики, которые формируют «идеальный тип» профессии [21, 23, 24, 25, 26]:

- *Профессиональные специальные знания и опыт.* Практическая деятельность профессионалов основана на абстрактном, теоретическом знании, которое приобретает в результате длительного обучения и подтверждается документально. В результате профессиональное мнение остается неясным обывателю, но обладает для него авторитетом [27].

- *Профессиональная этика.* Деятельность профессионалов должна быть направлена на социально значимые цели, акцент делается на служении обществу. Альтруизм может быть не свойственен индивидуальному профессионалу, но для группы является необходимым внутренне присущим качеством [28]. Разработанный этический код закрепляет доверие обывателей к профессиональной группе.

- *Профессиональная автономия* в принятии решений, которые имеют непосредственное отношение к практике,

содержанию образования, входу в профессию и исключению из профессии. Функционалисты рассматривали эту характеристику как «иммунитет», производный от профессиональных знаний и этики. Позднее социологи стали справедливо утверждать, что профессиональная автономия должна быть оправдана посредством внутреннего саорегулирования профессии (контроль коллег и профессиональной ассоциации) и внешней со стороны потребителей услуг и государства [29].

Авторы более поздних работ социологии профессий не отвергали того факта, что вышеперечисленные черты формируют идеальный тип профессии, однако они в большей мере были заинтересованы в изучении стратегий, используемых профессионалами для достижения высокой социальной позиции [30]. Тогда как функционалисты не придавали значения активности социальных субъектов, а полагали, что существует структурный «естественноисторический процесс профессионализации», под действие которого попадают практически все «белые воротнички», которые все в большей мере приобретают определенные «профессиональные черты» по образу и подобию традиционных профессий [31]. Процесс профессионализации рассматривался как реакция со стороны профессиональных групп на потребности общества.

Все рода занятий, обделенные статусом профессии, рассматривались с точки зрения их потенциала профессионализироваться, то есть приблизиться к идеальному типу профессии [32]. В результате в социологической литературе появилась идея «профессионального континуума», на котором размещались все рода занятий, начиная от простых групп физического труда, которым было свойственно наименьшее число профессиональных черт, заканчивая «зрелыми» традиционными высокоинтеллектуальными профессиями или «идеальным» типом профессии (Гуд). В социологический лексикон вошли концепции: «практически-профессия», «полу-профессия», «недо-профессия», «не-профессия» (работники физического труда) и другие [33]. Помимо зрелых профессий, чаще всего выделялись: (1) «новые» профессии: инженеры, химики, бухгалтеры, а также представители естественных и социальных наук; (2) полу-

профессии или «помощники профессионалов» – медсестры, фармацевты, социальные работники; (3) формирующиеся профессии: менеджеры и управленцы частными предприятиями и компаниями [32].

В 1970–гг. теоретические подходы социологии профессий начинают меняться. Наибольшим сомнениям подвергается идея альтруизма профессионалов. Примеры коррупции, несоответствия профессиональной деятельности полученному сертификату все чаще становятся предметом внимания со стороны широкой общественности. В свою очередь меняется научный социологический климат: происходит смещение акцента с функционалистской на конфликтологическую модель объяснения социальной реальности, и на авансцену выходят неовеберянцы и неомарксисты. Социологи функционалисты начинают рассматриваться как «жертвы обмана», которые приняли идеологию профессиональных групп за «чистую монету», не проверяя, насколько провозглашаемый идеал ориентации на бескорыстное служение соответствует действительности [34]. Исследователи задались вопросом о том, почему традиционным профессиям удалось достичь своего нынешнего высокого социального положения в западном обществе и вопросом, действительно ли отличающие их характеристики являются неотъемлемыми и неизменными.

Конфликтологический взгляд на профессии

Неомарксисты: профессия в классовой системе.

Неомарксисты утверждали, что все профессиональные группы являются участниками процесса государственного строительства и поляризации классов. Спорным оставался только вопрос, к какому классу – буржуазии или пролетариата – стоит относить традиционные профессии. Исследователи, которые причисляли профессионалов к классу пролетариата, были убеждены что традиционные профессии, равно как и новые профессии, находятся в состоянии «пролетарианизации» или «депрофессионализации» [35, 36, 37]. Утверждалось, что «белые воротнички» испытывают все возрастающее экономическое, техническое и организационное отчуждение от результатов своего труда. При этом «депрофессионализация» определялась

как процесс потери со стороны профессий интеллектуального труда возможности осуществлять контроль над местом расположения, содержанием и значением собственного труда, а также подчинением труда требованиям капиталистических производственных отношений.

Неомарксисты закономерно обратили внимание на вопрос о рестратификации общества, а также об изменениях в объеме властных полномочий традиционных профессиональных групп. Так, Мак-Кинли и Арчес выделили семь основных властных прерогатив, которые профессионалы утратили в капиталистическом обществе. В целом, речь идет о потере контроля над: (1) критериями «входа» в профессию, принятием решений, каким должно быть количество студентов; (2) процессом обучения; (3) условиями и содержанием труда; (4) объектами труда, под которыми понимаются клиенты; (5) орудиями труда (например, у врачей это могут быть медикаменты и медицинское оборудование); (6) средствами труда, недвижимостью и (7) уровнем вознаграждения [36]. Эта концепция также прослеживается в ранних работах известного социолога профессий М. Ларсон, где она пишет о том, что врачи испытывают все возрастающее экономическое, организационное и техническое отчуждение от результатов своего труда [38].

Важно отметить, что многие неомарксисты полагали, что традиционные профессиональные группы не только не теряют контроля над средствами производства, но, напротив, монополизируют их. Поэтому их следует относить к представителям класса буржуазии или считать частью этого класса [36]. Так, например, утверждалось, что главной задачей врачебной профессии является контроль над сознанием собственных клиентов с целью поддержания капиталистического социального порядка. Соответственно, врачи не готовы помогать своим пациентам в должной мере, так как они получают высокое вознаграждение за осуществление контроля и надзора за обывателями по «заказу» буржуазии. Интересы профессионалов воспринимались как непосредственно связанные с интересами доминирующего капиталистического класса, а сами профессионалы как группы сговора и эксплуатации.

Авторам этого направления не удалось избежать методологических сложностей. Неомарксисты рассматривали не только профессиональные группы, но и любое современное капиталистическое государство как средство для обслуживания интересов капиталистического класса. Этот аргумент трактовался как неподдающаяся обсуждению аксиома, и в таком контексте получалось, что профессиональные группы «обречены» воспроизводить капиталистические производственные отношения. Эту методологическую интерпретацию нельзя считать реалистичной. Во-первых, ее опровергают эмпирические исследования, которые наглядно демонстрируют, что элитные традиционные профессиональные группы, такие, например, как врачи и юристы, обладают властной автономией. Во-вторых, основной недостаток теоретических наработок этого направления заключается в том, что неомарксисты оперируют телеологическим пониманием государственной системы, как неизменно действующей в интересах правящего класса и капитала [39].

Отдельно необходимо отметить, что неомарксисты и функционалисты, рассматривали профессиональные группы исключительно как элементы структуры, которые просто отвечают на складывающиеся социальные изменения. В основе развития активистского подхода в социологии профессий лежит интерпретативная социологическая парадигма, акцентирующая внимание на действии, на процессах социальной реальности и их конструировании [18]. В работах неовеберянцев акцент смещается в сторону изучения активности профессионалов, которые преследуют свои цели, используя все имеющиеся в их распоряжении ресурсы. В их работах профессионализация начинает рассматриваться как процесс, инициированный самими индивидами.

Неовеберянцы: профессия как монополия. Представляется, что с методологической точки зрения неовеберянский подход к изучению профессиональных групп обладает наибольшими аналитическими преимуществами. На сегодняшний день его можно считать ортодоксией западной социологии профессий [15]. Сильная позиция этого подхода

заключается в том, что высокий статус традиционных профессий воспринимается как сформированный в результате особых исторических и социально-политических условий. Неовеберинский анализ выдвигает на первый план задачу описания мобильности профессиональных групп в терминах концепции социального закрытия, введенной научный оборот М. Вебером. Данное понятие описывает процесс, при помощи которого социальные группы действуют в собственных интересах, обеспечивая относительно небольшой группе избранных широкие возможности на рынке труда. Профессиональные группы рассматриваются как внутренне солидарные группы интересов, организуемые для расширения своих возможностей пользоваться культурными и социальными привилегиями. В соответствии с подходом М. Вебера, в основе определения «профессии» лежит понимание профессиональных групп как статусных, то есть как коллективы, имеющие схожий стиль жизни, общую моральную систему, схожий язык и культуру [17, 40].

В рамках неовеберинского подхода традиционные профессии определяются как группы интересов, которым удалось занять монополистическую позицию на рынке услуг здравоохранения, юридических услуг, образования и науки. Итак, под профессионализацией традиционных профессий неовеберинцы понимают развертывание своего рода механизма, который позволил представителям этих профессий в значительной мере отгородиться от влияния развивающегося национального государства, организованного капитала и менеджериального контроля. Так М. Ларсон, одна из первых и наиболее известных исследователей этого направления утверждает: *«Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономические вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации»* [38, с. 66].

Опираясь на неовеберинскую и другую «деятельностно-активистскую» социологическую литературу, авторы

выделили несколько определяющих аспектов процесса профессионализации [7, 9, 11, 38, 40]. Мы сознательно отходим от подхода «теории черт», в котором также предпринимались попытки выявить определенные стадии процесса профессионализации. Отличие данной схемы в том, что мы понимаем, что выделенные нами этапы могут произойти, а могут и не иметь места в процессе коллективной восходящей мобильности. Кроме того, они могут осуществляться в различной последовательности. Тем не менее, данная схема позволяет операционализировать «профессионализацию» как стратегию, выбранную профессиональной группой для осуществления контроля над условиями труда посредством исключаящего социального закрытия в странах с рыночной экономикой и плюралистической социальной средой. Обзор теоретических работ по вопросу позволяет выделить следующие ключевые этапы профессионализации, того пути который прошли «старые» традиционные профессиональные группы в англо-саксонских странах, и который затем был в какой-то мере перенят «новыми» профессиями в этих же странах и в континентальной Европе:

1. *Выделение собственной уникальной области знания и трансформация ее в социальные почести.* Большинство социологов по-прежнему справедливо полагают, что высокий престиж и социальная значимость традиционных профессий и в англо-американском контексте и в континентальной Европе базируются на специфике их профессионального знания. Оно является абстрактным, систематизированным, кодифицированным и обобщенным [42], а кроме того, «ценностно-окрашенным» [43]. Халидей утверждает, что «нормативные» профессии, – те которые опираются на авторитет науки и «приписывают» социальные нормы и стандарты – обладают наибольшим авторитетом в социуме. Традиционным профессиям удалось перевести экспертные знания в монополию на рынке труда посредством государственной поддержки и формирования стандартизированной системы образования. Сегодня этот путь стал возможным для большого количества профессиональных групп. В результате этого рыночная монополия традиционных профессий начинает подтачиваться,

так как развивается образовательный «надрынок», на котором в качестве культурного капитала выступают образовательные дипломы и сертификаты* [43].

2. *Формирование идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональной этике, альтруистическом служении обществу.* Определенная версия изложения событий, преподнесения фактов, вне зависимости от их истинности или ложности, является идеологизированной, если она позволяет обладающей властью группе поддерживать и воспроизводить собственный властный ресурс. В случае профессиональной группы, идеология выстраивается на утверждении собственной компетентности (знаний и навыков) и респектабельности, которые подразумевают высокий уровень социально-экономических вознаграждений для поддержания соответствующего стиля жизни. Идеология имеет высокую значимость как для создания внутренней сплоченности, так и для внешнего позиционирования группы, без которого невозможно ее принятие общественностью. Профессиональная идеология не только вдохновляет и обязывает к определенному типу поведения, но и оправдывает привилегии профессионалов, ввиду их служения наиболее значимым социальным целям.

3. *Создание профессиональных организаций, ассоциаций.* Группы, стремящиеся к восходящей мобильности, должны сформировать группу, способную (1) стандартизировать и контролировать распространение экспертного знания; (2) лоббировать интересы группы, добиваться государственной поддержки. Именно профессиональные организации чаще всего вступают во взаимодействие с непрофессиональной средой: рынком, государством, системой образования и клиентами. Группа в целом представляет собой слишком «объемный» социальный феномен, сегменты которого сложно стыкуются и взаимодействуют. В связи с этим особое значение приобретают профессиональные ассоциации, своего рода элита группы,

* Механизм формирования «надрынка», по оценке Р.Коллинза, основан на том, что присвоение каких-либо рыночных возможностей всегда сопровождается тем, что инструменты присвоения сами становятся предметом обмена и купли-продажи.

способные организовать совместные коллективные действия, во имя сформулированных чаще всего ими же коллективных интересов группы, направленных на поддержание или изменение места группы в социальной иерархии.

4. *Практика социального закрытия группы.* Для высокого статуса профессиональной группы очень важно, чтобы она была немногочисленной. Так, профессионализирующиеся группы стремятся овладеть механизмом социального закрытия, которое в современном обществе невозможно без заключения «регулятивной сделки» с государством, санкционирующим ограничение доступа в группу, посредством передачи самим профессионалам права контролировать процесс распространения экспертного знания, а также права монополизировать рынок услуг: назначать цены и устанавливать стандарты практики.

5. *Контроль реализации профессионального проекта.* Высокая социальная позиция профессиональной группы не является стабильной и фиксированной [9]. Как утверждалось в книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»: «Если ты хочешь оставаться на одном и том же месте, надо бежать в два раз быстрее» [цит по: 40]. Так, и любой профессиональной группе, которой удастся добиться относительно высокого социального положения, необходимо закрепить определенную нишу в системе социальной стратификации, посредством (1) поддержания определенного образа группы в глазах общественности; (2) регулирования поведения членов группы через механизм позитивных и негативных санкций. Наиболее важным элементом на данном этапе становится принятие группы обществом как достойной высокого статуса. Именно потребители услуг, посредством спроса или его отсутствия, накладывают существенный ограничитель на властные полномочия профессионалов.

Данную теоретическую модель наш сектор применял в эмпирических исследованиях по изучению процесса профессионализации ортодоксальной и альтернативной медицины в России [44]. В то же время, важно отметить, что неовеберийский подход в социологии профессий также имеет свои ограничения. Одной из проблем является то, что

неоуберианцы часто воспринимают государство одностороннее, как пассивный элемент, то есть как систему, способствующую процессу профессионализации в либеральных государствах и препятствующую ей – в централизованных [45]. Другим упущением неоуберианского анализа в контексте социологии профессий является то, что многие ключевые авторы мало апробировали собственные теоретические схемы на практике. Хотя это замечание справедливо также и для всех других обсужденных выше теоретико-методологических подходов социологии профессий.

Практика исследований социологии профессий

Когда теоретическая социология профессий приобрела популярность в континентальной Европе, исследователи задались вопросом, существуют ли в их странах эквиваленты англо-американских традиционных профессий и «профессионализации». В эмпирических работах многие использовали идеальный тип профессии в качестве отправной точки и в фокусе анализа оказывались выделенные еще в рамках «теории черт» атрибуты такие, как профессиональное знание, этика и автономия. Первые сложности, которые выявила практика исследований, были связаны с изучением объема властных полномочий и автономии профессиональных групп от вмешательства со стороны государства. Приходит понимание того, что сами понятия «профессии» и «профессионализации» тесно связаны с типом общественно-экономической системы и историческими особенностями ее развития [46]. В результате было предложено выделять два «идеальных типа» профессии: (1) англо-американский, который описывает относительно «свободных» специалистов, самостоятельно контролирующих собственные условия труда, и (2) континентальный, который определяет административную элиту профессиональной группы* [43]. Для каждой группы исторически сложились различные пути завоевания социального престижа.

МакКлеланд, в свою очередь, ввел в социологический оборот термины, раскрывающие специфику исторических особен-

* В рамках такой теоретической схемы российский «идеальный тип» профессии сопоставим с континентальной моделью Р. Коллинза.

ностей процесса профессионализации: (1) «профессионализация изнутри», под которой понимается успех группы с точки зрения активного самостоятельного использования рыночных возможностей для восходящей мобильности; (2) «профессионализация сверху», когда на процесс эскалации статуса группы наибольшее значение оказывают внешние акторы [47]. И в том и в другом случае группы опираются на профессиональную идеологию, направленную на приобретение социального авторитета и контроля [45]. Когда профессиональная группа прибегает к использованию идеологии «изнутри», то обычно приобретает возможность саморегулирования деятельности. Ситуация с «профессионализацией сверху» другая: полученный эффект чаще всего сводится не к контролю над рабочей ситуацией, а к приобретению менеджериальной власти. При этом если группы стремятся к «профессионализации сверху», ее цели так же, как и в случае «профессионализации изнутри», могут носить политический характер и быть направленными на переопределение взаимоотношений между профессионалами и потребителями их услуг, а также государством.

Несмотря на историческую специфику профессиональных групп, основанных на абстрактном теоретическом знании, они играют важную роль в социальной структуре современных государств и выполняют схожие функции по производству, получению и сертификации знания в широких функциональных сферах, на основе выдачи индивидам официальных аттестатов об образовании. Невеберовский подход позволил концептуализировать рода занятий, основанные на высшем специализированном образовании, как универсальные узнаваемые группы интересов, которые стремятся к контролю над рынком труда посредством практик «социального закрытия» и/или которые хотят приобрести влияние в рамках государственного сектора для достижения восходящей мобильности [48]. Важной характеристикой и англо-американских, и европейских, в том числе российских, социально идеализированных профессиональных групп является то, что исторически им удалось перевести редкие ресурсы одного порядка – особое профессиональное знание и навыки – в социальные вознаграждения и сформировать статусные группы.

Исследования социологии профессий имели ограниченную релевантность для России в советский период. На сегодняшний день западные теории профессий и профессионализации уже привлекли внимание отечественных социологов [46, 49, 50, 51]. При этом в фокусе внимания оказываются самые различные профессиональные группы, начиная от врачей, юристов, менеджеров, представителей бизнес-элиты, заканчивая социальными работниками и специалистами традиционной медицины. Эти эмпирические исследования подтверждают, что западные теоретические схемы могут эффективно применяться в контексте российской действительности, если во внимание принимаются социально-структурная и историческая специфика нашего общества. Использование категориального аппарата западной социологии профессий позволяет существенно расширить эвристические возможности исследований профессиональных групп, а также раскрывает новые возможности для межкультурного сравнительного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1996.
2. Подмарков В.Г. Человек в мире профессий // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 60.
3. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М., Аспект-Пресс, 2003
4. Социальная стратификация российского общества / Монография (под ред., предисл. Голенковой З.Т.). – М.: Институт социологии РАН / Летний сад, 2003. – 368 с. [0]
5. Шкаратан О.И. Социально-экономическое положение и поведение профессионалов и менеджеров в сфере занятости. Препринт WP1/2006/03. Серия WP1 (Институциональные проблемы российской экономики). – М.: ГУ ВШЭ, 2006.
6. Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс. Вестник РУДН. 2003. № 4-5. С. 258-269.
7. Parkin, F. 'Strategies of social closure in class formation', in Parkin, F. (ed.) The Social Analysis of the Class Structure, London: Tavistock, 1974
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., Наука, 1991.

9. Freidson, E. (2001) *Professionalism: The Third Logic*, Chicago: University of Chicago Press. 10. Dingwall, R. and Lewis, P. 'Introduction', in Dingwall, R. and Lewis, P. (eds) *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*, London: Macmillan, 1983

11. Johnson, T. (1972) *Professions and Power*, London: Macmillan.

12. Moran, M. (1999) *Governing the Health Care: a Comparative Study of the United Kingdom, the United States and Germany*, Manchester: Manchester University Press.

13. Saks, M. (1995) *Professional Regulation and the State: the Response of the Medical Profession to Unorthodox Medicine in Britain and the United States*. Paper presented at the annual conference of the Society for the Advancement of Socio-Economics, Washington D.C.

14. Fulder, S. and Munro, R. (1981) *The Status of Complementary Medicine in the UK*, London: Threshold Foundation.

15. Saks, M. (2000) 'Professionalisation, politics and CAM', in Kelner, M., Wellman, B., Pescosolido, B. and Saks, M. (eds) (2000) *Complementary and Alternative Medicine: Challenge and Change*, Amsterdam: Harwood Academic Publishers.

16. **The Anglo-American and Russian Sociology of Professions: Comparisons and Perspectives.** Allsop, Saks, Mansurov, Luksha, Sweden, Vol. 2. № 2. 2004

17. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 658.

18. Berger, P. and Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality*, New York: Free Press.

19. Wallace, R.A. and Wolf, A. (1995) *Contemporary Sociological Theory*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

20. Parsons, T. (1968) 'Profession', in Shills, D. (ed.) *International Encyclopaedia of the Social Science* Vol. 12, London: Macmillan and Free Press. p. 536-47

21. Millerson G. *The Qualifying Associations*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1964.

22. Hall R. H. *Theoretical Trends in the Sociology of Occupations* // *Sociol. Quart.* 1983. Vol. 24 № 1.

23. Parsons, T. (1949) 'The professions and social structure', in Parsons, T., *Essays in Sociological Theory*, Glencoe: Free Press.

24. Greenwood, E. (1957) 'Attributes of a profession', *Social Work*, 2 (3): 45-55.

25. Goode W. *Community Within a Community: the Professions* // *Sociological Perspectives on Occupations*. Illinois: F.E. Peacock Publishers, 1972.

26. Barber B. 'Some Problems in the Sociology of the Professions' // *Daedalus*. 1963. № 92, 4.
27. Haug, M. R. and Sussman, M.B. (1969) 'Professional autonomy and the revolt of the client', *Social Problems*, 17 (Fall): 153-161.
28. Ritzer, G. (1973) 'Professionalism and the individual', in Freidson, E. (ed.) *The Professions and Their Prospects*, Beverly Hills: Sage.
29. Allsop, J. and Saks, M. (eds) (2002) *Regulating the Health Professions*, London: Sage.
30. Cant, S. and Sharma, U. (eds) (1996) *Complementary and Alternative Medicine: Knowledge in Practice*, London: Free Association Books.
31. Caplow, T. (1964) *The Sociology of Work*, New York: McGraw Hill Book Company.
32. Carr-Saunders, A. M. and Wilson, P. A. (1933) *The Professions*, London: Frank Cass.
33. Etzioni, A. (ed.) (1969) *The Semi-Professionals and their Organisation: Teachers, Nurses and Social Workers*, New York: Free Press.
34. Roth J. Professionalism: The Sociologist's Decoy // *Sociology of Work and Occupations*. 1974. № 1(1), p. 6-23.
35. Braverman, H. (1974) *Labour and Monopoly Capital: the Degradation of Work in the Twentieth Century*, New York: Monthly Review Press.
36. Navarro, V. (1986) *Crisis, Health and Medicine: a Social Critique*, London: Tavistock.
37. Oppenheimer, M. (1973) 'The proletarianisation of the professional', in Halmos, P. (ed.) *Professionalization and Social Change*, Sociological Review Monograph no. 20, Keele: University of Keele.
38. Larson M. *The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis*. Berkeley, London, University of California Press, 1977.
39. Elston, M.A. (1991) 'The politics of professional power: medicine in a changing health service', in Gabe, J., Calnan, M. and Bury, M. (eds) *The Sociology of the Health Service*, London: Routledge.
40. Macdonald K. *The Sociology of Professions*. L.: Sage, 1995.
41. Abbott, A. (1988) *The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour*, Chicago: University of Chicago Press.
42. Halliday, T.C. (1987) *Beyond Monopoly: Lawyers, State Crises and Professional Empowerment*, Chicago: University of Chicago Press.
43. Collins R. Market Closure and the Conflict Theory of the Professions // Burrage M., Torstendahl R. (eds) *Professions in Theory and History*. L.: Sage, 1990.
44. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Конструирование новых статусных позиций в процессе профессионализации/ Модернизация

социальной структуры российского общества // Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 139-156.

45. Evetts, J. (2003) 'Reinterpreting professionalism: as a discourse of social control and occupational change', in Svensson, L. and Evetts, J. (eds) *Conceptual and Comparative Studies of Continental and Anglo-American Professions*, Goteborg: Goteborg University.

46. Шабанова М.А. Новое поколение российского бизнес-сообщества: особенности профессионализации и адаптации. Социологические исследования. 2006. № 12. С. 28.

47. McClelland, C. (1991) *The German Experience of Professionalisation*, Cambridge: Cambridge University Press.

48. *Rethinking Professional Governance: International Directions in Health Care* by Ellen Kuhlmann and Mike Saks, 2008.

49. Абрамов Р.Н. Российские менеджеры: Социологический анализ становления профессии. М.: КомКнига, 2005.

50. Романова П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе, под ред. Мансурова В.А., 2007.

51. Saks, M. and Yurchenko, O. *The Social Integration of Complementary and Alternative Medicine in Health Care in Russia. Knowledge, Work and Society*, Sweden, Vol. 6. 2006.

**ИССЛЕДОВАНИЕ БУДУЩЕГО:
КАК ЭТО ДЕЛАЮТ В РОССИИ***

В.В. Федоров

*генеральный директор Всероссийского центра изучения
общественного мнения (ВЦИОМ), почетный Академик
Академии социологов Казахстана, почетный член Астанинского
клуба политологов, кандидат политических наук*

* Приносим свои извинения. Текст данного доклада будет размещен позднее.

И.В. Задорин*

Председатель Правления АНО «Социологическая мастерская Задорина», исполнительный директор Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор»

* Приносим свои извинения. Текст данного доклада будет размещен позднее.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

З.И. Калугина,

*главный научный сотрудник Института экономики
и ОПП СО РАН, доктор социологических наук (г. Новосибирск)*

Главной целью, которая должна быть достигнута республикой Казахстан к 2050 году, является создание общества благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда, – говорится в «Стратегии «Казахстан-2050». В Казахстане сформирована современная модель рыночной экономики, основанная на частной собственности, свободной конкуренции и принципах открытости. Эта модель основывается на активной роли государства в привлечении иностранных инвестиций, диверсификации национальной экономики, формировании базовых условий для предпринимательской деятельности, современной налоговой системе. За 15 лет, минувших с момента принятия Стратегии-2030, Казахстан вошел в число динамично развивающихся стран мира. В рейтинге Всемирного экономического форума Казахстан занимает 51 место среди наиболее конкурентоспособных стран мира. Социальная политика Казахстана основывается на социальных гарантиях и личной ответственности граждан [1].

Экономисты называют 20-е и 21-е столетие эпохой человеческого капитала в связи с тем, что, во-первых, экономическая отдача от человеческого капитала превышает отдачу от капитала физического, а во-вторых, обладание человеческим капиталом многократно усиливает конкурентные

позиции его владельцев на рынке труда и повышает их социальный статус. Как и любой другой исчерпаемый ресурс, человеческий капитал требует определенных затрат на воспроизводство и развитие. Основными видами вложений в него считаются образование, охрана здоровья, миграция, воспитание подрастающего поколения. Выгоды от инвестиций в человеческий капитал многообразны [2].

За период с 2000 по 2011 год индекс развития человеческого капитала в Казахстане вырос с 0,657 до 0,745. В настоящее время Казахстан входит в число стран с высоким уровнем человеческого развития и занимает 68 место в мире, уступая более развитым странам по всем частным индикатором человеческого развития [3]. Развитие человеческого капитала становится важнейшим фактором экономического роста и социального прогресса во всех странах мира, включая Россию и Казахстан.

Однако в каждом обществе существуют социальные риски развития человеческого капитала. В отличие от опасностей, которые вызываются природными катаклизмами, социальные риски – это неизбежные продукты принятия решений, прежде всего в сфере социальной политики, т.е. это возможные негативные последствия проводимой социальной политики.

На примере России рассмотрим портфель социальных рисков развития человеческого капитала. К ним относятся: ресурсный дефицит воспроизводства человеческого капитала; низкие социальные расходы государства, не компенсирующие недостаток индивидуальных вложений в развитие человеческого капитала; несправедливая распределительная политика государства, обусловившая гигантское социальное расслоение общества и определившая узость среднего класса в социально-экономической структуре населения как опоры трансформационных процессов; неэффективная институциональная система, не стимулирующая инвестиционную деятельность бизнеса и модернизацию действующих производств.

Проанализируем социальные риски развития человеческого капитала в России. Наши расчеты, выполненные по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, показали, что в 2010 г. более трети россиян имели среднедушевые

денежные доходы ниже минимального потребительского бюджета, а значит, – не располагали достаточными ресурсами даже для восстановления своего человеческого потенциала. На этом фоне говорить о формировании человеческого потенциала адекватного задачам современного общества речи быть не может и, судя по характеру проводимой в стране социальной политики, никаких прорывов в этом направлении ожидать не приходится.

Главной причиной ресурсного дефицита воспроизводства человеческого потенциала в России является низкая оплата труда, которая остается одним из главных источников формирования доходов россиян. Чтобы исправить данную ситуацию средняя номинальная заработная плата, по мнению известных экономистов, должна быть увеличена как минимум в два-три раза. Существенное повышение производительности труда на основе расширения высокотехнологического сектора экономики, а, соответственно, и сегмента высококвалифицированного высокооплачиваемого труда может быть достигнуто при наличии институциональных условий, стимулирующих активную инвестиционную деятельность отечественного и иностранного бизнеса.

Между тем согласно данным официального прогноза, среднегодовой ежегодный прирост инвестиций в основной капитал в 2011-2013 гг. составит 7%, что существенно ниже минимально необходимого уровня не только для реализации стратегии опережающего развития, но и для поддержания простого воспроизводства основных фондов. При этом запланированное к концу прогнозируемого периода увеличение нормы накопления до 21,9% неудовлетворительно, ибо данная величина в полтора раза ниже сложившейся в экономике нормы сбережений и свидетельствует о существенном недоиспользовании инвестиционного потенциала. Неудивительно, что даже к концу прогнозируемого периода объем инвестиций в основной капитал будет оставаться почти на 20% ниже, чем в 1991 г., т.е. перед стартом постсоветских преобразований. Соответственно неизбежно отставание России не только от стран «золотого миллиарда», но и от группы стремительно прогрессирующих стран «развивающегося» мира.

Неравенство в доходах вызывает неравенство в уровне, структуре и качестве потребления, что наглядно видно на примере дифференциации энергетической ценности питания (в крайних группах она различается в 1,6 раза) и уровне потребления рекреационных и образовательных услуг разных доходных групп населения. Если в первой доходной группе (с наименьшими доходами) затраты на отдых и культурные мероприятия составляли 2,9% совокупных расходов семьи, то в пятой (с наибольшими доходами) – расходы на эти цели составляли 8,8%. Соответственно затраты на образование варьировались по доходным группам в пределах от 0,8 до 2,3%. Между тем финансовая нагрузка на население при получении профессионального образования за годы реформ резко возросла. Если в 1995/1996 учебному году доля студентов, обучающихся на платной основе в государственных высших учебных заведениях, составляла 13% от общей численности студентов, то в 2009/2010 учебном году – 62,7%, а в средних специальных учебных заведениях соответственно 12,2 и 30,7%. Иными словами, в России неравенство доходов сочетается с неравенством возможностей – создание социальных лифтов – одна из ключевых задач, поставленных В.Путиным.

Социальные же расходы государства, которые могли бы компенсировать недостаток вложений граждан в развитие человеческого капитала, явно недостаточны. По данным ежегодного Доклада по человеческому развитию, за период 2006-2009 гг. Россия тратила на образование и здравоохранение по 5,4% от ВВП, в то время как в США расходы на эти цели были на уровне 16,2%, во Франции – 11,7, в Германии – 11,3, в Канаде – 10,9, в Норвегии – 9,7, в Японии – 8,3% от ВВП. В среднем по группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития государственные расходы на образование составили 11,9% ВВП, а общие расходы на здравоохранение – 11,2%. В группе стран с высоким ИЧР, куда входит и Россия, эти расходы были на уровне соответственно 6,5 и 6,7%. По мнению академика Глазьева, именно сейчас критически важно провести модернизацию и кардинально поднять заработную плату. Замедление этих мер может сделать невозможным реализацию инновационного сценария развития страны.

Сложившаяся система оплаты труда в коммерческом и государственном секторах экономики, а также проводимая государством политика формирования и распределения доходов привели к невиданному социальному расслоению общества. С годами пропасть между богатыми и бедными в современной России только увеличивается: коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) вырос с 8,0 в 1992 г. до 16,5 в 2010 г. В результате примерно половина общей величины доходов сосредоточена в пятой наиболее обеспеченной группе населения, примерно столько же приходится на все остальные группы.

Отсутствие прогрессивной шкалы налогообложения с физических лиц лишь усиливает пропасть между бедными и богатыми россиянами и делает социальную структуру общества архаичной, характерной особенностью которой является узкий слой среднего класса. При этом он сосредоточен в основном в Москве и Санкт-Петербурге, а в сельской местности его доля не превышает 3-5% населения. Перспективы развития среднего класса связываются с широким доступом к предпринимательскому доходу. Однако такими возможностями располагают, согласно оценкам экспертов, не более 8% российских семей, а в развитых странах – 20-25% семей. При этом за период 1995-2010 гг. в РФ доходы от предпринимательской деятельности снизились с 16 до 9,3%. Негативная динамика характерна и для доходов от собственности: по России в целом они практически не изменились и составили в структуре доходов 6,5-6,3%. Это означает, что общая экономическая среда в России не создает преференций для развития предпринимательства. Между тем расширение среднего класса – это важный результат и фактор развития общества.

Таким образом, ресурсная необеспеченность воспроизводства человеческого капитала россиян, делает иллюзорными надежды на модернизацию экономики и социальный прогресс вследствие отсутствия спроса на квалифицированный труд и условий для развития главной производительной силы – человека.

Вызовы времени требуют новаторской государственной политики, позволяющей противостоять рискам и неравенству.

Главным ориентиром современной социальной политики должен стать подъем материального благосостояния населения до уровня, достаточного для индивидуального инвестирования в здоровье, образование, культуру и предполагающего смену индивидуальных мотивационных ориентаций с выживания на развитие. Государственные вложения в развитие социального сектора должны соответствовать задачам комплексной модернизации экономики и общества и отвечать критериям постиндустриального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://ppt4web.ru/obshhestvoznaniya/strategija-kazakhstan-.html>
2. Р. Капелюшников. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики, 2013, №1, с. 27-47; №2. – С.24-46.
3. Доклад о человеческом развитии. 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех [Электронный ресурс] // http://www.australia-russia.ru/files/users/file/HDR_2011_RU_Summary.pdf

АКТУАЛЬНОСТЬ НАСЛЕДИЯ АЛЬ-ФАРАБИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г.В. Талалаева,

доктор медицинских наук, профессор

Е.Н. Бабаева, Ю.В. Тетерин,

*магистранты Уральского федерального университета
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Современная эпоха характеризуется быстрой модернизацией моделей поведения человека. Два взаимопроникающие и в то же время альтернативных процесса – глобализация и глокализация – создают причудливый орнамент интеграции национальной молодежи в единое информационное, экономическое и социальное пространство современного мира.

Эффективной интеграции молодого поколения быстро развивающихся стран в мировое пространство способствует не только психологическая пластичность и профессиональная мобильность молодых специалистов, выпускаемых из стен университетов. На наш взгляд, основой успешной интеграции молодых национальных кадров в глобальное информационное пространство и мировое научное сообщество являются коммуникативные навыки молодых ученых, а также их приверженность общечеловеческим ценностям, которые бережно сохраняются человечеством и проносятся сквозь века, несмотря на войны, конфликты и социально-экономические потрясения, которыми богата история всех народов.

Высшие учебные заведения Уральского региона традиционно уделяют большое внимание личностным качествам своих выпускников. Оценка этих качеств осуществляется совместно

с учеными Уральского отделения Российской академии наук [1], сохранение и развитие творческого потенциала студентов является приоритетным направлением работы кафедры организации работы с молодежью Института физкультуры, спорта и молодежной политики, входящего в состав Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина [2].

В последние годы администрация и сотрудники университета значительно активизировали контакты с зарубежными коллегами и партнерами для обеспечения студентам университета широкого доступа к современным достижениям и немеркнущим сокровищницам мировой научной мысли. Так, в 2013 году Уральский университет с лекциями и чтением авторских учебных курсов посетили представители ряда университетов, в том числе Университета Пенсильвании, Индианы, Калифорнийского госуниверситета в г. Декерсфилд, Университет Святого Петра (Нью Йорк), Университет Вашингтон, Университет штата Висконсин, Университета Боулдер (США).

В расширяющихся международных контактах для уральской высшей школы большой интерес представляет педагогический и научно-исследовательский опыт преподавателей Казахского национального университета имени аль-Фараби, в котором по данным Интернета активно проводятся гендерные и этнопсихологические исследования, анализируются проблемы международных отношений, глобального развития, международной и региональной безопасности; успешно действует Центр «Культурное наследие Аль-Фараби» [3].

Авторы данной статьи согласны с концепцией деятельности Центра «Культурное наследие Аль-Фараби», в соответствии с которой приоритетными направлениями деятельности Центра на современном этапе является целостное исследование комплекса идей аль-Фараби, направленных на единство и взаимопонимание культур и народов в свете формирования нового интегрального мировоззрения, востребованного эпохой глобализации [4].

Интеллектуальное наследие Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Тархан ибн Узлаг аль-Фараби, философа, математика, теоретика музыки, одного из крупнейших

представителей средневековой восточной философии сегодня, в эпоху глобализации, актуально «Трактатом о добродетельном городе». Трактат описывает структуру, иерархию общественной жизни успешно развивающегося города, цели развития и мотивы поведения его жителей. По мнению ученого в добродетельных городах господствует добро и справедливость, осуждаются несправедливость и зло, люди стремятся к достижению истинного счастья для всех жителей. Добродетельным городам философ противопоставляет невежественные города, правители и жители которых не имеют представления об истинном счастье и не стремятся к нему, а уделяют внимание только телесному здоровью, наслаждениям и богатству. Мы полагаем, что приведенные формулировки аль-Фараби актуальны и сегодня. Можно предположить, что в условиях глобализации разделение молодого поколения планеты на когорты, склонные к добру и к насилию, предопределяет дальнейшую траекторию развития отдельных территорий и регионов, станет основой разделения глокализационных процессов на прогрессивные и деструктивные.

Учение аль-Фараби содержит в себе глубокие методологические разработки, которые сегодня позволяют творчески оценить взаимодействие глобализационных и глокализационных процессов, выделить ключевые факторы развития современного мира. Для современных специалистов в области социального менеджмента в учении аль-Фараби, безусловно, актуальны представления о причинно-следственных связях в объектах окружающего нас мира, в вариативном характере этих связей, возможности однозначных (детерминированных) и множественных, опосредованных влияний причин на вызываемые ими последствия. По мнению ученого всё сущее связано между собой отношениями причины и следствия, характер связей зависит от типа наблюдаемых объектов. Объекты окружающего мира представлены двумя типами: необходимо сущие и возможно сущие. К первому типу относятся вещи, из сущности которых с необходимостью вытекает их существование, ко второму типу относятся вещи, существование которых не вытекает с необходимостью из них

самих и требует определённой внешней причины для своего существования. Причинам, определяющим существование вещей присуща множественность, каскадной и иерархичность. Разные по масштабам причины запускают неодинаковые по значимости события: первые причины формируют мироздание и образуются вторые причины, которые создают небесные тела и формируют причины третьего уровня. Третьей причиной является космический разум, который заботится о космосе как «разумном животном» и стремится довести его до совершенства. Остальные причины связаны с реальными земными предметами. По мнению современных исследователей, выделение гражданской науки и ее проблематики в качестве отдельной науки со стороны аль-Фараби может считаться одной из первых попыток придания нравственно политической проблематике самостоятельного статуса. Гражданская философия аль-Фараби, по сути, рационалистична и отличается своим гуманизмом, верой в возможности человеческого разума, в пре образовательную способность человека, в возможность достижения совершенства и счастья. Она оптимистична. Гражданская философия аль-Фараби призывает человека действовать, искать, познавать, совершенствоваться ради достойной жизни в этом мире, а не ожидать апатично своей участи. Гражданская философия аль-Фараби свидетельствует о том, что мировоззрение, лишённое таких качеств как этичность, всегда будет оставаться немощным мировоззрением, которое никогда не сможет породить энергию, необходимую для обоснования и поддержания идеалов культуры развития общества [5].

Анализируя готовность уральской молодежи к интеграции в глобальное пространство, мы постарались применить концептуальные положения учения аль-Фараби к постановке и интерпретации социологических исследований. Мы провели опрос студентов Уральского федерального университета, школьников города Екатеринбурга, специалистов в области социального менеджмента. Респондентам было предложено провести ранжирование своих личных качеств, выделить черты личности, способствующие развитию патриотизма, а также обозначить желаемые черты, которые, по их мнению, необходимы

для успешной интеграции в международное сообщество коллег. В настоящее время данные опроса проходят статистическую обработку. Предварительные результаты заключаются в том, что портреты личности респондентов, составленные на основе самооценки, не совпадали с составленными этими же респондентами, портретами людей, успешных для региональной и международной деятельности. Иными словами, по мнению респондентов, их текущее состояние существенно отличалось от теми же самими описанных возможных состояний, в которых они проявляли бы себя как патриоты мест постоянного жительства и как граждане мира, живущие в открытом обществе. На наш взгляд, полученные результаты заслуживают пристального внимания специалистов в области социального менеджмента. Основной целью дальнейших исследований является задача выделения ключевых и второстепенных черт личности, обеспечивающих оптимальный баланс глокализационных и глобализационных тенденций в конструировании сценариев жизни молодежи, а также поиск механизмов активизации тех дремлющих черт личности, которые гарантируют наиболее эффективное включение молодого поколения в глобальные интеграционные процессы. Несомненно, что международное взаимодействие профессорско-преподавательского состава университетов будет способствовать более успешной интеграции молодежи в формирующееся глобальное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Талалаева Г.В. Популяционные аспекты самосохранительного ведения. Екатеринбург: Издательство «Гощицкий», 2008. – 140 с.
2. Талалаева Г.В., Лопаева Н.С. Технологии формирования здорового образа жизни: краткий курс лекций. – Екатеринбург: ООО Издательство «УМЦ УПИ», 2011. – 59 с.
3. Казахский национальный университет имени аль-Фараби: Научные направления [Электронный ресурс]. Путь доступа: http://www.kaznu.kz/ru/8016/page/Departments/Faculty_of_Philosophy_and_Political_ScienceScientific-Research_Work_/Scientific_Directions_
4. Казахский национальный университет имени аль-Фараби: Проект Аль-Фараби [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://www.kaznu.kz/ru/9691/page>

5. Диноршоева З.М. Гражданская философия аль-Фараби. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. Душанбе, 2006. 50 с. [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://www.dissercat.com/content/grazhdanskaya-filosofiya-al-farabi#ixzz2uhRq72nV>

Түйін

Мақала авторлары «әл-Фарабидің мәдени мұрасы» орталығының жұмыс концепциясымен келісе отырып, осы концепцияға сай әл-Фараби ойларының жиынын біртұтас түрде зерттеуде жаһандану жағдайындағы қажеттіліктерді жаңа интегралдық дүниетанымды қалыптастыра отырып қарастырады.

Summary

The authors of this article agree with conception of activity of Center «Cultural heritage of Аль-Фараби», in accordance with that priority directions of activity of Center on the modern stage is integral research of complex of the ideas of Аль-Фараби, sent to unity and mutual understanding of cultures and people in the light of forming of the new integral world view highly sought by the epoch of globalization.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: ИЗМЕРЕНИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОСОБЕННОСТИ

Т.П. Волкова,

доцент кафедры «Управление в социальных и экономических системах» Уральского государственного университета путей сообщения, кандидат философских наук (г. Екатеринбург)

Характеристика любой нации обычно начинается с экономики и обозначается различными понятиями: «уровень жизни», «образ жизни», «народное благосостояние», а также категорией «качество жизни». В словаре современной западной социологии термин «качество жизни» определяется как «направление в американской и западноевропейской социологии, возникшее в середине 60-х гг. XX века в США на базе расширения понятия социальных индикаторов»[1,с.128]. Качество жизни, как правило, рассматривается по всем сферам и аспектам существования человека. «Качество жизни» – категория, с помощью которой в экономике характеризуют существенные обстоятельства благосостояния и жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека. Современное государство может существовать и развиваться только при условии, что его экономическая политика ориентируется на рост уровня и качества жизни граждан.

Существенный вклад в формирование научных представлений о качестве жизни внесли М.Вебер, Э.Мейо, А.Маслоу, Д.Макгрегор, Ф.Герцберг, Дж. Гэлбрейт, которые, прежде всего, учитывали, что качество любого объекта или процесса может быть установлено только по отношению к некоторому эталону, нормами, стандартами, правилами, обычаями, традициями. Не случайно российские исследователи отмечают, что качество

жизни как социально-экономическая категория характеризуется степенью удовлетворения потребностей человека, определяемой по отношению к соответствующим нормам, обычаям, традициям, а также по отношению к уровню личных притязаний [2].

Отметим, что показатели, с помощью которых оценивается уровень и качество жизни, можно разбить на количественные и качественные. Количественные включают ВВП, или национальный доход на душу населения, уровень дохода и его распределение в обществе, уровень потребления различных материальных благ и услуг по классам товаров, уровень занятости и т.п. Качественные показатели содержат показатели условий труда, быта и досуга человека.

Напомним, что в мировой практике, по линии ООН используется концепция качества жизни. Она известна, достаточно давно, как впрочем, и шведская модель (ООН -1961 г.; шведская модель -1970-е гг.). См. обобщающую Таблицу 1.

Таблица 1

**Состав компонентов качества жизни
в различных концепциях**

Компоненты качества жизни		
Концепция ООН	Шведская модель	Концепция России
1. Здоровье	1. Труд и условия труда	1. Характер и условия труда
2. Потребление продуктов питания	2. Экономические возможности	2. Уровень обеспеченности реального потребления материальных благ и услуг
3. Образование	3. Политические возможности	3. Состояние обеспеченности людей благами духовной жизни и охраны здоровья
4. Занятость и условия труда	4. Школьное обучение	4. Показатели, характеризующие конечный результат уровня жизни на основе взаимодействия всех факторов:

5. Жилищные условия	5. Здоровье и использование медицинской помощи	-установленная законом и фактическая продолжительность трудовой деятельности;
6. Социальное обеспечение	6. Социальные возможности (формирование семьи и семейных отношений)	-продолжительность жизни населения в целом и по различным его группам
7. Одежда	7. Жилище	
8. Отдых и свободное время	8. Питание	
9. Права человека	9. Свободное время и его проведение	

В настоящий момент, к сожалению, не существует единого методологического подхода к оценке качества жизни населения и к составлению единого рейтинга стран мира. В той или иной степени, с использованием разной методологии качество жизни оценивается структурами ООН – в частности, ЮНЕСКО; Всемирной организацией здравоохранения; Всемирным банком; International Society for Quality-of-Life Studies; Social Indicators Research Centre и целым рядом популярных СМИ, научных изданий, общественных, научных, консалтинговых организаций. Рассмотрим основные международные индексы качества жизни.

Авторитетное издание International Living ежегодно публикует Мировой рейтинг по качеству жизни, оценивая страны по девяти критериям: 1) прожиточный минимум, 2) культура, 3) экономика, 4) окружающая среда, 5) свобода, 6) здоровье, 7) инфраструктура, 8) безопасность и риск, 9) климат.

Высокий уровень доверия к ООН и к её специализированным структурам, включая ПРООН, а также методологические основания сделали, например, ИЧР (или ИРЧП) одной из самых авторитетных классификаций, характеризующих общественное развитие. ИЧР измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического

дохода её граждан, по трём основным направлениям, для которых оцениваются свои индексы: 1. Индекс ожидаемой продолжительности жизни: здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении. 2. Индекс образования: доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения. 3. Индекс валового национального дохода: достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС). Эти три измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых представляет собой совокупный показатель ИЧР в диапазоне от 0 до 1. В дополнение к используемому ИЧР, который является сводным показателем, опирающимся на среднестрановые статистические данные и не учитывающим внутреннего неравенства, были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учётом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности. Итоговый рейтинг ранжирует все государства на основе ИЧР (или ИРЧП), и они классифицируются на четыре категории:

1. Страны с очень высоким уровнем ИЧР.
2. Страны с высоким уровнем ИЧР.
3. Страны со средним уровнем ИЧР.
4. Страны с низким уровнем ИЧР.

Наибольшие трудности при расчёте Индекса связаны с необходимостью получения сравнимых показателей при отсутствии необходимой социальной статистики во многих развивающихся странах, а по ряду разделов – и в некоторых странах с переходной экономикой. В 2011 году рейтинг по ИРЧП (таблица 2) охватывал 187 государств и территорий.

Таблица 2

Рейтинг стран мира по итогам расчёта ИРЧП

Место в рейтинге	Страна	ИРЧП
1	Норвегия	0,943
2	Австралия	0,929
3	Нидерланды	0,910
4	Соединенные Штаты Америки	0,910
5	Новая Зеландия	0,908
6	Канада	0,908
7	Ирландия	0,908
8	Лихтенштейн	0,905
9	Германия	0,905
10	Швеция	0,904
66	Россия	0,755

Отметим, что для измерения качества жизни недостаточно статистических показателей, даже очень подробных и достоверных, – необходимы субъективные оценки соответствия этих параметров потребностям людей. В связи с этим большую значимость приобретает здесь социологический опрос.

Социологическое сопровождение изучения уровня и качества жизни работающего населения, позволяет нам показать реальную картину отдельных профессиональных групп российского общества. В нашем случае, это рабочие крупного машиностроительного предприятия. Настоящие материалы представлены по ОАО «Уралмашзавод», где мы недавно провели социологический опрос работников механического цеха №178 (сплошной опрос), получив следующие данные.

Среди опрошенных были представлены токари-расточники, токари-карусельщики, фрезеровщики, сверловщики, мастера ПДО, начальники и мастера производственных участков, конструкторы, помощники мастера, специалисты отделов, начальник цеха, заведующий складом и др. категории работников.

Цель нашего исследования заключалась в выяснении не только дифференциации доходов по профессиональным группам, но и в условиях и основных затратах, характеризующих уровень и качество жизни работающих. Вместе с тем, была сделана попытка в отнесении названных лиц к среднему классу, малообеспеченным, бедным или крайне бедным слоям населения. Выборка не была территориально-гнездовой, она носила сплошной характер и охватывала всех работающих механического цеха «Уралмашзавода», и поэтому выводы, полученные нами, считаем, репрезентативны, могут быть распространены на других работников.

Отметим, что основным источником дохода, по мнению респондентов, является заработная плата (100%), вместе с тем, 12,9% указали на случайный заработок; 2,8% - имеют доход по совместительству; 1,7% имеют доход от подсобного хозяйства; 0,6% отметили пенсию и всевозможные пособия.

На вопрос: «Есть ли у Вашей семьи дополнительные источники дохода?» 22,7% ответили утвердительно; 55,8% отрицают это, а 21,5% затруднились с ответом.

К работникам цеха № 178 был адресован вопрос о личном доходе в среднем за месяц, который по нашим расчетам оказался в 2010 г. 12,1 тыс.руб. (прожиточный минимум по Свердловской области для трудоспособного возраста на период опроса 2 квартал 2010 г. составлял 5907 руб.).

Обратимся к вопросу о расходах, который нас также очень интересовал. Результаты выглядят следующим образом: «общая сумма расходов Вашей семьи в среднем за месяц» – 14,6% ответивших от 6,1 до 10 тыс.руб.; 18,0% указали от 10,1 до 15 тыс. руб.; 38,2% отметили от 15,1 до 20 тыс.руб.; 25,3% подчеркнули от 20,1 до 25 тыс. руб.; и всего лишь 1,7% расходуют от 25,1 до 30 тыс.руб. Другими словами, если бы в семье трудился один человек, то расходы не покрывают доходов.

Значительный интерес представляют расходы на питание. В нашем исследовании по опросу в семье они составили в среднем 10 тыс.318 рублей. Отметим, что отвечая на 10-й вопрос анкеты, 51,9% респондентов тратят примерно, треть своего дохода на питание; 34,3% ответивших от 31 до 40%; 8,9% – 20 процентов дохода; более 50% тратят на питание лишь – 1,1% рабочих.

Более половины, 52,7% ответивших оценивают свое материальное положение как удовлетворительное; 38,1% как хорошее; 3,6% неудовлетворительное. По всей видимости, первые и последние и составляют категорию «бедных». Поэтому и будущее в оценках респондентов, оказывается не намного лучше 46,3 и 22,2% соответственно.

Каковы же ресурсы выживания работников ОАО «Уралмашзавод» сегодня. Ответы следующие: 54,6% - нормальный денежный доход; 15,5% – приработки; 10,3% – автомобиль; 9,3% – сад, личное подсобное хозяйство; 6,2% – сбережения; 3,09% - помощь родственников ; 1,03% собственное дело.

Опрашивая респондентов, мы выяснили, что у 52,5% были длительные задержки заработной платы; у 47,5% – переход на сокращенную рабочую неделю. 2010 год характеризовался затяжным экономическим кризисом, больно ударившим, в т.ч. и по машиностроительному комплексу. В нашем опросе приняли участие 78% рабочих; 11,6% служащих; 5,2% специалистов; 5,2% руководителей механического цеха ОАО «Уралмашзавод». Социологическое исследование походило в напряженной социальной обстановке.

Российские ученые осуществляют интегральный расчет качества жизни, включая частные индексы. Такие как, индекс материального уровня жизни, медицинского обеспечения, индекс потребления продовольственных товаров, индекс жилищных условий, индекс условий труда и занятости, индекс санитарно-гигиенических условий на работе и экологической среды на производстве, индекс образования и культуры и многое другое.

Методики по формированию частных и общих индексов качества жизни с применением интегрального метода представления данных, позволяет измерить множество разных явлений качества жизни, путем суммирования свести в одну шкалу [3]. Значительную роль играет здесь и мониторинг качества жизни различных работающих профессиональных групп, и достоверные данные Госкомстата РФ [4]. Следует отметить, что поиск новых подходов и представлений о качестве жизни требует своего дальнейшего рассмотрения, развития и прогнозирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная западная социология. Словарь. М.,1990.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: учебник / Б.М.Генкин. М.: Норма, 2009.
3. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни, проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009.№1.
4. ГоршковА.В. Экономика России: вчера, сегодня, завтра. Челябинск: Изд-во Челяб.гос.ун-та, 2013.

Summary

This article discusses the controversial methodological problems and quality of life, analyzes international indices, social indicators, their comparison by countries, the results of a sociological survey of the quality and standard of living of are large machine factory in the Urals.

**РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

М.Ю. Мореханова,

*заведующая лабораторией Института аграрных проблем РАН,
кандидат социологических наук*

В.Н. Рубцова,

*ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем
РАН, доктор экономических наук*

М.С. Муханбетчина,

*старший преподаватель Евразийской академии,
Института «Евразия»*

Стратегическая цель развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан заключается в обеспечении продовольственной безопасности населения страны. Решение ключевой задачи представляется невозможным без эффективного использования имеющихся в стране природных, экономических, социальных ресурсов, повышения качества жизни населения, минимизации социально-экономического неравенства сельских территорий и их последующего устойчивого развития.

Достижение стратегической цели планируется на основе модернизации и инновационного развития аграрной экономики Казахстана. Под модернизацией понимается обновление материально-технической базы аграрной экономики Казахстана и социальных услуг. Инновационное развитие сельского хозяйства предполагает использование инновационных технологий ведения сельского хозяйства, применения инновационной техники,

новых условий организации труда, формирование рабочих кадров, способных в зависимости от нужд аграрной экономики, оперативно менять профессию или повышать квалификацию по имеющейся профессии.

Однако условия формирования социальных страт, способных принять полноценное участие в модернизации и инновационном развитии сельских территорий, изучены недостаточно. Формирование и бесперебойное функционирование аграрной экономики не представляется возможным без функционирования полноценных территориальных систем сельского образования и здравоохранения, обеспечивающих и поддерживающих существование и воспроизводство конкурентоспособного человеческого капитала.

В рамках современной теории человеческого капитала, отправным пунктом которой считается институциональная экономическая теория, впервые была установлена взаимосвязь между имеющимся у человека запасом знаний, навыков и профессиональной подготовки с определенными экономическими выгодами. В середине пятидесятых годов двадцатого века американским экономистом Дж. Минсером были разработаны основные положения теории, объясняющей распределение доходов в обществе уровнем профессиональной подготовки людей, их получающих. Позже Дж. Минсером было проведено исследование взаимосвязи сроков обучения, опыта работы и доходов лиц и установлена прямо пропорциональная зависимость между этими показателями [1]. В ходе развития теории человеческого капитала был сделан вывод о наличии тесной взаимосвязи между уровнем образования, показателями здоровья, длительностью и качеством обучения, наличием профессионального опыта и конкурентоспособностью трудовых ресурсов в целом.

Этот вывод позволил рассматривать системы образования и здравоохранения как существенные факторы инновационного социально-экономического развития сельских территорий. По мнению ученых-экономистов Казахстана, в структуре инвестиций в человеческий капитал главными являются инвестиции в систему образования, обеспечивающую

воспроизводство трудовых ресурсов и потенциала аграрной экономики Республики Казахстан.

Казахские исследователи проблемы взаимосвязи накопления человеческого капитала с конкурентоспособностью трудовых ресурсов отмечают, что в процессе обострения конкурентной борьбы, конкуренции на международных рынках продовольствия, а также интенсификации процессов модернизации и инновационного развития в сфере национальных экономик, а также в мировом масштабе, как следствие глобализации, значение накопления человеческого капитала существенно возрастает[2].

Основная стратегическая цель Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы была представлена как повышение конкурентоспособности национальной системы образования и накопление человеческого капитала посредством обеспечения доступности образования высокого качества для устойчивого роста экономики [3]. В Программе развития образования Казахстана с позиций отраслевого подхода изложены цели развития системы образования Казахстана, обоснованы направления и механизмы включения системы образования республики Казахстан в европейскую зону высшего образования.

Исследование проблемы формирования эффективного стратегического управления инновационным развитием ведущих элементов сельской социальной инфраструктуры как существенного ресурса устойчивого развития сельских территорий Республики Казахстан, привело к выводу о недостаточном использовании этого ресурса. Функционирование системы профессиональной подготовки специалистов и менеджеров аграрной экономики несколько отстает от требований рынка труда динамично развивающейся аграрной экономики, вступая в противоречие с ее потребностями. Установлено, что негативными факторами, снижающими эффективность управления профессиональной подготовкой специалистов и менеджеров для аграрной экономики, являются: недостаточный уровень информированности управляющих структур о стратегиях, ориентированных на изменение профессии и повышение квалификации; несформированность научных представлений

о социальных характеристиках лиц, проживающих в сельской местности, которые желают освоить новую профессию или повысить квалификацию; отсутствие в управляющих структурах механизмов, отслеживающих потребности динамично развивающегося рынка труда аграрной экономики и информированных о социальных стратах, готовых включиться в этот процесс. Для получения сведений о социальных ресурсах рынка труда инновационного развития аграрной экономики в 2013 году в сельских поселениях Республики Казахстан было проведено социологическое исследование.

Практическая задача проведенного социологического исследования была сформулирована как уточнение объекта социальной образовательной политики в сельских территориях Республики Казахстан посредством выявления социальных критериев и приоритетов формирования системы профессиональной подготовки, позволяющих уточнить методологию разработки национальных и региональных программ профессиональной подготовки специалистов и менеджеров для аграрной экономики Республики Казахстан.

Для проведения социологического исследования « Анкета сельского жителя» были выбраны два населенных пункта, приблизительно одинаковых по природным условиям ведения сельского хозяйства, но существенно различающиеся по показателям социально-экономического развития. Первое поселение, Чапаево, расположено в Акжайыкском районе Западно – Казахстанской области. Аграрная экономика развивается по направлениям ведения зернового хозяйства и животноводства. Чапаево имеет более высокие показатели развития аграрной сферы, чем село Жымпиты. Второе село, Жымпиты, расположено в Сырымском районе Западно – Казахстанской области. Основные сферы хозяйственной деятельности – производство зерна и мясо-молочной продукции. Показатели хозяйственной деятельности ниже, чем в Чапаеве. В возрастной структуре населения больше жителей зрелых возрастных групп; меньше молодежи, чем в Чапаеве. Село в меньшей степени обеспечено объектами социальной инфраструктуры.

В селах Чапаево и Жымпиты опрошивалось трудоспособное население. Для проведения социологического исследования была произведена пропорциональная выборка по Домовым книгам по полу, возрасту, образованию, семейному положению населения и сформирована репрезентативная выборочная совокупность. Шаг выборки составил 1:10. Результаты социологического исследования показали, что существенное различие между жителями «благополучного» и «неблагополучного» сельских поселений наблюдается в показателе количества лиц, желающих получить новую профессию. В Чапаеве выразили желание получить новую профессию 29,0 процентов респондентов, а в «неблагополучном» Жымпиты их оказалось 80,0 процентов. Исследование социальных признаков лиц трудоспособного возраста, желающих освоить новую профессию в благополучном и неблагополучном по социально-экономическим показателям сельских поселениях Казахстана показало, что показатели ориентированности на освоение новой профессии при разбивке респондентов по полу существенно не различаются. Аналогичные сравнения респондентов по возрасту позволили выявить закономерность, согласно которой максимальное число желающих освоить новую профессию в благополучном сельском поселении в возрастной группе от 30 до 45 лет (62,9 процентов); в сельском поселении с неблагополучными признаками максимальной является та же возрастная группа. Изучение социальной страты желающих освоить новую профессию по уровню образования, позволило прийти к выводу о том, что желание освоить новую профессию чаще проявляется у респондентов, имеющих высшее и незаконченное высшее образование как в благополучном, так и неблагополучном сельском поселении; при этом группа респондентов, имеющих среднее специальное образование в неблагополучном поселении значительно превышает аналогичную группу в благополучном Чапаеве. Напротив, желающих получить новую профессию в Чапаеве с образованием, полученным в ПТУ, ТУ, СПТУ почти в два раза превышает аналогичную группу по образованию в с. Жымпиты.

Результаты социологического исследования позволили сделать вывод о том, что существенным социальным ресурсом

реализации инновационных процессов в сельской местности Казахстана являются мужчины и женщины в возрасте от 30 до 45 лет, имеющие высшее и незаконченное высшее образование, семейные.

Социальным ресурсом реализации эффективной политики подготовки кадров для аграрной экономики является также сельские жители, планирующие повысить свою квалификацию по имеющейся профессии. Исследование социальных признаков этой социальной страты, проживающей как в благополучном по социально-экономическим показателям поселении, так и неблагополучном поселении, по полу, позволяет считать, что серьезных различий по полу у желающих повысить собственную квалификацию, не меняя профессии, не наблюдается. Как и в предыдущем случае, чаще других стремятся к повышению собственную квалификацию, не меняя профессии, респонденты от 30 до 45 лет.

Самый высокий удельный вес желающих повысить свою квалификацию как в Чапаеве, так и в Жымпиты, среди участников опроса, имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Группировка респондентов, ответивших на вопросы анкеты, по их семейному положению доказывает, что наличие семьи у респондента является существенным стимулом повышения квалификации. Так, среди ответивших на вопросы нашей анкеты, как в благополучном, так и в неблагополучном поселении среди лиц, имеющих семью, процент желающих повысить квалификацию значительно выше, чем среди неженатых (незамужних); вдов и вдовцов.

Предложенные пути совершенствования методологии разработки национальных программ образования позволяют повысить эффективность их реализации за счет включения в Государственные программы образования мер по приоритетному обеспечению доступности непрерывного профессионального образования лицам, проживающим в сельской местности. Как это следует из результатов социологического исследования, высокий инновационный социальный потенциал имеется в сельских поселениях с наличием крупных социальных групп населения в возрасте от 30 до 45 лет, имеющих высокий уровень образования,

семейных, желающих получить новую профессию или повысить квалификацию по имеющейся профессии. В региональных программах к числу мер, активизирующих реализацию инновационных процессов в аграрной экономике можно отнести доведение информации о реальных возможностях изменения профессии и повышения квалификации до лиц в возрасте от 30 до 45 лет, имеющих высокий уровень образования. Для этого необходима организация в местных органах управления служб (или групп внутри имеющихся служб), отслеживающих потребности в определенных профессиях динамично изменяющегося в условиях инновационного развития аграрной экономики рынка труда и сельских территорий, учитывающих ориентации местных жителей на изменение профессии или повышение квалификации. Одной из задач таких служб должно стать целенаправленное доведение до представителей потенциальных участников инновационных процессов информации о рабочих местах, нужных профессиях и возможностях их получения в удобной для населения форме. Существенным источником получения информации о нуждающихся в получении новой профессии и повышении квалификации по имеющейся профессии, могут стать социологические исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mincer J. Schooling, Experience and Earnings, Columbia University Press. 1974. P. 5-370.
2. Кемельбаева С.С. Некоторые аспекты отдачи от образования в Казахстане. Электронный источник, код доступа <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2010/00267.htm>
3. Государственная программа развития образования республики Казахстан на 2011-2020 годы. Электронный источник, код доступа <http://ru.government.kz/resources/docs/doc18>

Түйін

Мақала мемлекеттік білім бағдарламаларының аталуын көтермелеудегі социологиялық зерттеулер рөлін негіздеуге арналған.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

О.В. Нечипоренко,

*ведущий научный сотрудник Института философии и права
СО РАН, доктор социологических наук, (г. Новосибирск)*

А.П. Чемчиева,

*старший научный сотрудник Института археологии и
этнографии СО РАН, кандидат философских наук
(г. Новосибирск)*

Глобализация, являясь одной из ведущих тенденций развития мирового сообщества, оказывает влияние как на экономические и политические процессы, так и на взаимоотношения в культурно-цивилизационной сфере. Она ставит перед государствами, культурами и цивилизациями задачу вписаться в современные процессы, имеющие глобальный характер, сохранившись как целостность путем эволюции национальных/ локальных систем ценностных ориентиров и моделей социально-экономического взаимодействия.

Одной из наиболее дискуссионных и актуальных проблем общественных наук становится проблема социального кризиса в условиях глобализации. Глобальный социальный кризис, понимаемый как процесс накопления противоречий между общественными и индивидуальными нормами и ценностями, проявляется в виде кризиса идентичности и легитимации, дисфункции социальных институтов, недостаточном внимании к проблематике т.н. «общественных благ», игнорировании или недооценке представлений о справедливости, укорененных в ло-

кальном историко-культурном контексте. Неудовлетворительная динамика факторов, отражающих социально-экономическую безопасность населения (неблагополучная ситуация с доходами, социальной защитой, здравоохранением, условиями труда, в сфере правопорядка и правосудия) определяет низкое значение индикаторов социального капитала, социальной активности и сплоченности населения (особенно сельских сообществ и малых городов), характеризующихся процессами деинституционализации, неразвитости гражданских ассоциаций, дезинтеграции и атомизации социума, коррупцией, формированием социальных сетей клиентистского типа, анклавными связями-«оковами» этнических, конфессиональных сообществ. Разнопорядковые факторы, запускающие процессы социальной эксклюзии, блокируют полноценный доступ к институтам и общественным отношениям, препятствуя самореализации и ограничивая жизненные возможности.

В основе новых подходов к преодолению этих проблем лежит произошедшая во многих странах в последние годы переоценка социально-экономических ценностей, а следовательно, и политических целей. Это значит, что ориентирами социальной политики должны быть не столько материальные ценности, сколько проблемы доверия, социальной сплоченности, самоуправления, гражданственности. Экономические, социологические, политологические исследования показывают, что общества, основанные на доверии и сотрудничестве, способствуют реализации человеческого потенциала [6, 2]. В экономической литературе все шире признается тот факт, что социальные связи и доверие играют важную роль в поддержке экономического развития [1].

Поиск новых технологий государственного управления и выбор направлений наиболее эффективного государственного инвестирования, как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочной перспективе актуализирует разработку научно обоснованных концепций устойчивого развития с мобилизацией нематериальных ресурсов общества, ключевым из которых является социальный капитал, конвертируемый при определенных условиях в экономический капитал.

Одной из главных целей «Стратегии «Казахстан – 2050» является социальная безопасность и благополучие граждан как гарантия стабильности в обществе. Решение этой трудной и очень серьезной задачи обуславливает актуальность системного анализа концепта «социальный капитал», его вариативности, уровня и качества, способов его регулирования, воспроизводства и накопления. Исследование социального капитала и взаимосвязи его изменений с социальным развитием (с экономическим ростом и стабилизацией социальной сферы) является актуальной темой современной мировой науки, хотя лежащий в основе таких исследований особый феномен современной социально-экономической действительности стал объектом изучения сравнительно недавно.

Исследования западных (мировых) практик показывают, что социальный капитал является не только фактором эффективности экономической деятельности на уровне отдельных социальных групп и сообществ, но и катализатором общественного прогресса, как принципиально новый ресурс, способный привести общество к более эффективному развитию [4]. Поскольку общий успех или неуспех преобразований в обществе в значительной мере предопределяется их ходом на местах, важным является изучение социального капитала в рамках малых сообществ: особенностей и способов социального взаимодействия, способов регулирования, воспроизводства и накопления социального капитала и т.д.

С точки зрения глобализационного подхода, анализ процессов изменения социального капитала реформируемого общества основывается на посылке, согласно которой его развитие определяется двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной глобальной среды, во-вторых, влиянием формирующихся рыночных отношений, обуславливающих кардинальное преобразование сложившегося образа жизни.

Глобализация, представляя собой переход социальных изменений на уровень их пространственной референции, вызывает процесс структурной перестройки социального

пространства, причем в процесс трансформации вовлекаются территории, относящиеся как к цивилизационному центру, так и к «мировой периферии». Изменение соотношения глобальных и локальных элементов мирового социума происходит в трех направлениях:

- Экономическая дифференциация (реструктуризация экономик, рыночная специализация отдельных регионов и территорий в рамках глобализованной экономики, упадок традиционных форм организации экономики);

- Изменение трудовых и жизненных стратегий индивидов, теряющих прежнюю пространственную локализацию. В сельской местности данная тенденция проявляется в росте значения неаграрной занятости, как проявление диверсификации социально-экономической активности домохозяйств и изменения сельского образа жизни. В городском социуме данная тенденция проявляется, в первую очередь в интенсификации миграционных процессов;

- Поляризация социально-экономического пространства, проявляющаяся в разделении (сегментации) относительно однородного социально-экономического пространства на кластеры инновационных изменений, образующие «архипелаговую» структуру и деградирующие территории (модель «экономического сжатия»).

Практически все исследователи социального капитала отмечают его тройственную структуру: нормы, доверие, сети. Эти элементы связаны друг с другом: сети необходимы для передачи информации, налаживания контактов, они способствуют распространению норм взаимодействия, нормы и доверие укрепляют и содействуют расширению сетей и контактов и снижению транзакционных издержек при взаимодействии.

Являясь одним из ключевых элементов адаптационного потенциала общества, социальный капитал формируется в результате взаимодействий различных субъектов социальных отношений, и структурирует эти отношения. С помощью теории социального капитала концептуализируется ценность особых форм солидарности. Отличие его от других нематериальных форм состоит в том, что он «располагается» в структуре

связей между акторами и представляет собой характеристику взаимоотношений. Если стратификация может быть измерена через различия в доходах и благосостоянии, то для измерения социального капитала необходимо учитывать силу связей, а также качественное разнообразие включенных в эти сетевые взаимодействия индивидов.

Социальный капитал, так же, как физический и человеческий, обладает определенными качествами и функциональным значением, находящим отражение как в экономической, так и в социальной сферах. Кроме того, как и любой другой, социальный капитал имеет свойство возрастать, или, напротив, обесцениваться, при этом реальный характер социальный капитал приобретает лишь в том случае, если установлена связь между наличием этого ресурса и возрастанием других видов капитала, прежде всего экономического.

Структура социального капитала включает три уровня. Микро-уровень характеризуется формированием «образований жизненного мира» — неформальных соседских, родственных, дружеских сетей, обеспечивающих доступ к ценным ресурсам (политическим, административным, информационным, финансовым и др.), положительно влияющим на субъективное и объективное благосостояние индивидов.

На мезо-уровне социальный капитал выступает как ресурс, принадлежащий социальной группе (этнические, конфессиональные группы, общественные организации). Постоянные социальные связи создают дополнительные коммуникационные каналы, в которых генерируются ценные отношенческие ресурсы.

На макро-уровне социальный капитал характеризуется как «собственность» социума в целом. Социальные сети, являющиеся основой этого, макро-уровневого, социального капитала, структурируют публичное пространство общества, повышают эффективность общественного контроля за деятельностью государственных организаций, берут на себя отдельные функции государственных органов (например, в сфере социальной защиты), способствуют распространению социально-полезных ценностей, артикулируют и согласовывают интересы социальных

групп, распространяя образцы социально активного поведения, генерализованное доверие и, таким образом, легитимируют, контролируют и совершенствуют деятельность политических и административных институтов. В этом смысле социальный капитал – достояние, ресурс общества в целом.

Изменения в уровнях социального капитала отражают более долгосрочные изменения в нормах, ценностях и моделях социальных взаимодействий. Смещение общественной активности в направлении неформальных типов социальных связей, которые становятся более индивидуальными и краткосрочными, распространение новых ценностей, ориентированных на автономию и независимость, могут иметь нежелательные эффекты, например отсутствие сопричастности к своему сообществу, распространение девиантных форм социального поведения, миграционный отток. Разрушение общих ценностей и социальных целей ведет к разрушению доверия и снижению социальной активности.

Американский политолог Р. Патнэм, основным предметом исследования которого является зависимость между развитием сетей горизонтальных взаимосвязей, гражданской активностью и качеством развития регионов, рассматривает социальный капитал и гражданское общество как основные предпосылки для общественного благосостояния и развивает идею социального капитала как общественного блага, фокусируя внимание, прежде всего, на внешних, общественных, а не на частных эффектах социального капитала [5]. Подход Патнэма преобладает в современном научном дискурсе, рассматривающем социальный капитал в качестве позитивного ресурса, коренящегося в структурах массового сознания (ценности и доверие) и в структурах организованного и устойчивого (межиндивидуального, межгруппового, межинституционального) взаимодействия (социальные сети).

В настоящий момент во многих странах практические исследования социального капитала осуществляются по единой методике в форме специально разработанных программ или специализированных модулей в уже существующих проектах (например, в программах исследования Всемирного

банка). Оценка состояния развития социального капитала строится на основе данных, характеризующих уровень жизни населения, параметры деятельности индивидов в ассоциации и степень их доверия к различным институтам и другим людям, поскольку социальный капитал непосредственно влияет на функционирование демократических институтов и является одним из основных показателей развития гражданского общества. Один из способов оценки социального капитала, предложенный Ф. Фукуямой, основан на измерении социальных дисфункций [3]. По его мнению, существует прямая взаимосвязь между состоянием социального капитала и социальными отклонениями, между уровнем доверия, гражданского единства и уровнем преступности и прочих антиобщественных проявлений. При таком подходе внимание сосредоточено на долгосрочных изменениях в установках и ценностях, рассматриваемых в качестве показателей изменений социального капитала.

Оценка уровня и качества социального капитала позволяет корректировать стратегические планы реализации социальных инноваций с учетом существующих социальных возможностей и ограничений. Уровень и качество социальных связей в обществе отражает сочетание конкретных экономических, культурных и институциональных условий, при этом социальный капитал не является их производным, а выступает в качестве одного из изменяемых системных элементов (зависящим от других переменных) – в отличие от неизменяемых элементов социальной системы (природно-географические условия), или с трудом поддающихся трансформации (ценности, культура). Таким образом, уровень и качество социального капитала общества поддается изменениям со стороны внешних корректирующих воздействий, направленных на оптимизацию социальных процессов в обществе, в связи с чем возрастает актуальность и практическая значимость исследования факторов, влияющих на вариативность изменения социального капитала, являющегося значимым ресурсом прогрессивно-инновационной адаптации социума.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 13-23-02001)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 93-138.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 121–138.
3. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
4. Marsden P.V. Interpersonal Ties, Social Capital, and Employer Staffing Practices // Social Capital: Theory and Research / Nan Lin, Karen Cook, and Ronald S. Burt (eds.). – New York: Aldine De Gruyter, 2001.
5. Putnam, R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – NY: Simon and Schuster, 2000.
6. Vandergaag M. The Resource Generator: social capital quantification with concrete items / M. Vandergaag, T. Snijders // Social Networks. – 2005. – Vol. 27, Issue 1. – P. 1-29.

РЕСПУБЛИКА БАШКИРТОСТАН (РФ)

БЫТЬ ЛИ ТЮРКСКОМУ МИРУ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫМ?

Г.Т. Галиев,

доктор социологических наук, профессор

Т.В. Гришина,

доктор экономических наук, профессор

Ю.Н. Попов,

доктор экономических наук, профессор

Быть ли тюркскому миру конкурентоспособным, зависит от многих факторов и, прежде всего, от наличия природных, финансовых и человеческих ресурсов.

Что касается природных ресурсов, то здесь не может быть ни каких сомнений: тюркский мир – самый богатый в мире по запасам природных ресурсов, запасы эти огромны, также располагает и значительными финансовыми ресурсами.

Однако еще большую значимость в наше время в сравнении с природными и финансовыми ресурсами имеют человеческие ресурсы. Именно они, а вернее, их использование, могут сыграть определяющую роль для будущего тюркского мира. Собственно говоря, конкурентоспособность человеческих ресурсов это предмет нашего обсуждения.

Проведенный анализ теории и практики конкурентоспособности позволяет, как нам представляется, сделать вывод: в силу коренных изменений, происшедших за последние полвека в экономике и предпринимательстве, конкурентоспособность

как социально-экономическая категория становится основным индикатором в оценке эффективности развития тюркского мира.

Во-первых, в процессе социализации рыночной экономики конкурентоспособность обрела социальную составляющую, что заставляет пересмотреть многие аспекты нынешней системы управления в тюркском мире.

Во-вторых, в значительно более сложной и противоречивой экономике нашего времени уже недостаточно определять эффективность корпоративной деятельности только прибылью и производительностью труда, т.е. экономическими категориями.

В-третьих, в современной экономике все большую роль начинают играть социальные факторы и основным критерием оценки эффективности предпринимательской деятельности должна стать конкурентоспособность как социально-экономическая категория.

В-четвертых, значение прибыли ни в коей мере нельзя отрицать, но она становится вторичной по отношению к конкурентоспособности: если предприятие конкурентоспособно, то у него будет и прибыль.

В-пятых, конечно, можно получать прибыль без всякой конкурентоспособности; однако эти методы, как правило, носят временный характер и часто связаны с теневым или социально безответственным бизнесом (примером тому могут быть «финансовые пузыри», порнобизнес, коррупционные сделки).

В-шестых, если прибыль связана преимущественно с тактикой «сиюминутной выгоды», то конкурентоспособность является одним из главных условий долгосрочного и устойчивого развития, т.е. важнейшей составляющей корпоративной стратегии.

В-седьмых, в сфере социально-трудовых отношений появились новые инструменты (аудит конкурентоспособности, социальные технологии регулирования отношений между наемным трудом и капиталом).

Рассматриваемая нами концепция о конкурентоспособности, как основном индикаторе эффективности хозяйствующих субъектов, позволяет внести новые элементы в систему регулирования социально-трудовых отношений в тюркском мире [1]. Мы обосновываем ряд положений:

Первое – во всей многовековой истории отношений между наемным трудом и капиталом прибыль играла роль разъединяющего фактора: всякий раз, когда наемные работники и их профсоюзы требовали повышения заработной платы, они встречали упорное сопротивление со стороны предпринимателей, справедливо считавших прибыль своей собственностью. Поэтому, когда заходит разговор о распределении прибыли, неизбежно проявляется конфронтационный (антагонистический) характер отношений между собственниками и наемными работниками;

Второе – достижение конкурентоспособности способствует нахождению баланса интересов между всеми участниками корпоративной деятельности – в ней заинтересованы и собственники, и менеджерский корпус и рядовые работники. Таким образом, конкурентоспособность как индикатор хозяйственной деятельности создает благоприятную почву для ведения диалога и достижения; социального консенсуса.

Третье – появилась возможность и необходимость в системе регулирования социально-трудовых отношений использовать аудит конкурентоспособности, который является формой социального аудита [2];

Четвертое – интегрирование аудита конкурентоспособности в систему социального партнерства позволяет придать этой системе новый импульс в ее развитии и осуществлять аудиторское обследование конкурентоспособности на корпоративном, отраслевом, региональном и национальном уровнях;

Пятое – социализация конкурентоспособности позволяет включить в комплекс индикаторов аудиторского обследования такие показатели, как социальные инвестиции, социальная ответственность, лояльность, репутационный имидж и другие нематериальные показатели;

Шестое – рассмотрение конкурентоспособности в контексте социальной рыночной экономики заставляет поставить под сомнение наши традиционные представления о «рабочей силе», «купле и продаже труда».

Рассмотрение теоретических аспектов конкурентоспособности неизбежно заставляет задуматься над вопросом: а что необходимо сделать практически для того, чтобы

конкурентоспособность тюркского мира смогла бы сыграть свою обновленную роль в социальном рыночном хозяйстве? Предлагаемая нами модель социальной составляющей конкурентоспособности может быть претворена в жизнь, если на макроэкономическом уровне удастся:

- создать систему государственного индикативного планирования, в которой среди основных стратегических целей будет достижение конкурентных преимуществ;

- осуществлять государственную социальную политику, соответствующую конституционному положению о социальном государстве и ориентированную на расширенное воспроизводство человеческих ресурсов – решающего фактора конкурентоспособности;

- внедрить аудит конкурентоспособности в систему социального партнерства и тем самым придать ей новый импульс в ее развитии, подобная система способствовала бы сохранению политической и социальной стабильности в тюркском мире.

Практическое значение нашей концепции проявляется и на микроэкономическом уровне, и, прежде всего, в сфере социальной технологии:

- это выдвигание конкурентоспособности в качестве основной задачи предприятия заставляет коренным образом изменить всю систему управления, в частности, показатели финансово-экономического характера (рентабельность, финансовые инвестиции, амортизация основных фондов и т. п.) должны дополняться такими индикаторами, как: социальные инвестиции, удельный вес инновационного продукта, уровень социальной ответственности, репутационный имидж предприятия и т.п.;

- это ориентация на достижение конкурентоспособности меняет традиционную (конфронтационную) систему внутрикорпоративных отношений: между акционерами, менеджерским корпусом и рядовыми работниками, т. е. ведет к возникновению объективной основы для сотрудничества, признанию общей социальной ответственности;

- это появление объективной необходимости в использовании аудита конкурентоспособности, как эффективного инструмента регулирования социально-трудовых отношений [3].

В завершении, мы отмечаем что не хотели бы быть категоричными в наших суждениях о роли конкурентоспособности в судьбах тюркского мира, но это основа развития человеческих ресурсов, занятости и человеческого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Т.В. Социальная ответственность профсоюзов: как ее понимать? – М.: Человек и труд. 2010, № 3.
2. См. Галиев Г.Т., Патрушев. Социальные технологии. Ресурсы. Аудит, (в 2-х томах). – Уфа: «Гилем». 2011.
3. Попов Ю. Н. Социальные измерения конкуренции М.: Труд и социальные отношения. 2010. – № 1.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

И.З. Гимаев,

*ректор Института повышения квалификации,
кандидат социологических наук*

Ключевые слова: национальная стратегия, социологические сообщества, исследовательские центры, механизмы воздействия.

Национальная стратегия – комплекс государственных мер, направленный на возрождение, развитие и продвижение национального самосознания, содержащий социальные, духовные, моральные, культурные общественные ориентиры и затрагивающий все сферы общества.

Отличием от других стратегий и программ (военной, экономической, политической) является то, что в ее основе находятся такие общечеловеческие и общепризнанные понятия как народ, человек, государство, закон, суверенитет, культура, природа, духовность. Т.е. понятия, в той или иной мере присутствующие в более «профессиональных» стратегиях, доктринах, программах. Национальная стратегия носит объединяющий, главенствующий характер развития государства, нации, общества. Такой национальной стратегией в России является Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года «Стратегия-2020».

Если отбросить патристическую пагетикку о богоизбранности, самобытности, духовности и планетарности народа, то мы увидим, что в первую очередь национальная стратегия направлена

на национальное самоопределение населения на исторически сложившихся территориях и в конкретное историческое время.

Социологические сообщества являются одним из факторов, оказывающих воздействие на формирование и реализацию национальной стратегии, наряду с такими факторами как религия, язык, менталитет, историческое наследие, культура, климат и пр.

В нашем понимании социологическое сообщество – это форма научного сотрудничества социологов по какому-либо принципу (территориальному, научному, образовательному) для формирования научного знания о чем-либо. Обычно выражается в форме ассоциаций, конгрессов, форумов, институтов. Национальные социальные сообщества (такие как Российская ассоциация социологов, Ассоциация региональных социологических центров) призваны развивать науку на «местном», национальном уровне, объединив социологов и ученых других наук вокруг каких-либо социальных явлений, проблем, задач.

Социальные сообщества более высокого уровня представляют собой высшую форму научного сотрудничества и имеют сложную организационную структуру, объединяют собой национальные ассоциации социологов. Например, International Sociological Association (ISA), образованная в 1949 году под эгидой ЮНЕСКО. Раз в четыре года ISA проводит Всемирный социологический конгресс, где обсуждаются социальные, политические проблемы мирового развития, теории и методологии социологических и политических исследований. Каждый Всемирный социологический конгресс в своей повестке имеет определенную тематику, подсказанную порой историческими или политическими событиями в мире. Конгрессы представляются нам одной из важнейших форм научного сотрудничества социологических сообществ. Сам факт проведения научных конгрессов говорит о сформированности научного знания, о завершенном этапе его институционализации и востребованности в обществе.

В данной статье нас интересует влияние национальных социологических сообществ на формирование и реализацию национальных стратегий.

Совершенно очевидно, что социология осуществляет концентрированное движение вперед нашего комплексного понимания социального мира и тем самым создает этот мир в его различных формах и вариантах [1]. Социологические сообщества, являясь одним из факторов формирования и реализации национальной стратегии, оказывает непосредственное воздействие на этот процесс.

Главным инструментом, оказывающим влияние на формирование и развитие национальной стратегии, является механизм формирования и управления общественным мнением.

Государственный институт власти активно используют социологические сообщества для выработки в обществе «необходимого» понимания политических процессов, внешних угроз, внутренних преобразований, отчетливо осознавая, что результаты социологических исследований и их публикация в открытых источниках действительно влияют на общественное мнение: могут его корректировать, придать нужный вектор или вовсе изменить понимание ситуации. Пример: формирование в сознании нации наличия внешней угрозы национальной безопасности России (военной, экономической, информационной и пр.).

Существуют различные механизмы воздействия на социологические сообщества. Один из них – законодательно-принудительный, когда некоммерческие организации признаются «иностранными агентами» или же в срочном порядке обязуются перерегистрироваться в оные, прекрасно понимая всю палитру негативного восприятия данного термина. И проблема для власти состоит не в том, что социологические сообщества осуществляют социологический срез существующей действительности, а в том, что публикация результатов социальных исследований действительно влияют на формирование общественного мнения. Пример: воздействие на электоральные ожидания общества.

По силе и глубине воздействия на реализацию национальной стратегии формирование и регулирование общественным мнением можно сравнить с информационно-психологическими войнами, где объектом является массовое сознание, а навязывание чуждых идей происходит любыми методами. В том числе искусственным

созданием аналитических центров, исследовательских институтов, экспертных сообществ, оказывающих информационные, аналитические, исследовательские, консалтинговые услуги во всех сферах деятельности человека и государства. Как правило, они носят в своем названии слово «независимое», но, по сути, являются коммерческими, ангажированными организациями, зависящими от «технического задания заказчика», государственных (отечественных или иностранных), частных грантов, бюджетных дотаций. Созданные при научно-исследовательских и образовательных центрах, такие социологические сообщества неизбежно попадают в сферу интересов органов государственной власти, которые помимо мониторинга общественного мнения привлекают их к созданию и разработке национальных стратегий. Так, исследовательская группа «ЦИРКОН», созданная при Институте социологии Российской академии наук, принимала активное участие в разработке Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года «Стратегия-2020», подготовленной по заказу российского правительства в 2011 году. Такие ведущие отечественные исследовательские центры как Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) стал базовой социологической организацией предвыборного штаба Президентов Российской Федерации Б. Н. Ельцина и В. В. Путина в 1999 - 2000, 2004 гг. Основным заказчиком и потребителем результатов исследований Фонда является Администрация Президента РФ. **Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)**, регулярно проводящий социологические и маркетинговые исследования на основе опросов общественного мнения, является 100% государственной компанией, созданной еще постановлением президиума ВЦСПС СССР, и отвечающий всем требованиям «заказчика». Как бы ни позиционировали себя социологические сообщества, существует их прямая зависимость от органов государственной власти, коммерческих структур, финансов, дотаций, грантов. Незрелость рынка и экономических отношений приводит к зависимости социологических сообществ от «заказчика» и его «технического задания». Решением данной проблемы является энергично развивающаяся система

региональных социологических сообществ. С начала 1990 года образованно более 450 региональных организаций, которые представляют собой отдельное остроконкурентное сообщество [2].

Наличие собственных региональных компаний и представительств, постоянная работа с населением, издательская деятельность - наличие собственных печатных изданий, публикация в зарубежных средствах массовой информации, активная деятельность в сети Интернет, участие в отечественных и зарубежных конференциях, конгрессах и симпозиумах, сотрудничество с зарубежными социологическими сообществами, научно-исследовательская деятельность – это та инфраструктура, благодаря которой социологические сообщества являются мобильным, действенным, многофункциональным инструментом формирования и реализации национальной стратегии, активным инструментом объективного анализа современных тенденций развития сообществ и поиска путей решения социальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский Н.Е. Общие проблемы социологии и общая социология как проблема. Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 2. С. 146-158.

2. Яковлев А.А., Задорин И.В. В профессиональном социологическом сообществе не хватает независимых экспертов. Экономическая социология. Том 14, № 4. С. 10-26.

ОБ ОПЫТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

С.В. Егорышев,

*Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
(г. Уфа)*

Проблемы эффективности образования всех уровней всегда составляли предмет особой заботы органов муниципальной власти. Конечно же более пристальному вниманию на местах уделяли организации дошкольного и общего среднего образования, в какой-то мере справедливо полагая, что среднее профессиональное и высшее профессиональное образование должны в большей мере волновать региональные и федеральные властные структуры.

Вместе с тем, вопросы организации образования этих уровней и работа соответствующих образовательных учреждений постоянно находились в поле зрения местной власти.

С повышением роли местного самоуправления, связано с проведением в стране административной реформы, внимание муниципалитетов к вопросам развития образовательной сферы также возросло. Свидетельством этому является проводимая сегодня на местах целенаправленная работа по совершенствованию управленческой деятельности в структурах местной власти.

Одним из основных направлений повышения эффективности местного самоуправления и муниципального управления служит совершенствуемый механизм обратной связи, важнейшим элементом которого становится социологический мониторинг.

Несмотря на то, что понятие «мониторинг» вошло в научный оборот достаточно давно и означает систему сбора информации, регулярное наблюдение за теми или иными явлениями, действиями, процессами, состояниями [1, С. 188].

Типология мониторинга определяется характером наблюдаемого объекта. В том случае, когда объектом систематического мониторинга выступает социальная сфера и составляющие ее элементы, включая образовательную сферу, функционирование образовательных учреждений и взаимодействие всех участников образовательного процесса, мониторинг называется социальным.

Основу социального мониторинга составляет социальная информация, поэтому социальный мониторинг может дифференцироваться в зависимости от источника этой информации [2, С. 46, 56]. В связи с этим выделяют мониторинг материалов средств массовой информации, мониторинг писем и иных письменных обращений; мониторинг статистических, правовых и других видов документов, мониторинг общественного мнения.

В силу того, что социальная информация имеет статистический и социологический характер, а ее сбор осуществляется статистическими и социологическими методами, мониторинг может быть статистическим или социологическим.

Под социологическим мониторингом понимается проводимое в определенном временном интервале систематическое наблюдение, организованное в виде научного исследования по заданным и повторяющимся показателям состояния и динамики оценок общественным мнением различных социальных групп актуальных проблем общественной жизни на конкретной территории [3].

Социологический мониторинг входит в систему информационно-аналитического обеспечения того или иного субъекта управления, а по отношению к социальному управлению в целом социологический мониторинг является одновременно и инструментом обратной связи в управлении и средством повышения его эффективности, включая управление в сфере образования.

Социологический мониторинг в сфере образования представляет собой многоуровневую систему наблюдению. Подобные исследования проводятся во многих странах. Осуществляется такой мониторинг и в России, где в наблюдениях участвуют как само Министерство образования и науки Российской Федерации, так и исследовательские институты и лаборатории.

К сожалению, результаты этих мониторинговых исследований не всегда становятся предметом внимания и интереса как органов управления образованием регионального и местного уровней, так и широкой образовательной общественности, оставаясь часто плодом раздумий самих исследователей.

В качестве положительного примера можно привести опыт проведения мониторинговых исследований на муниципальном уровне администрацией городского округа город Уфа.

Мониторинговые исследования проводятся ежегодно, начиная с 2002 года, по соответствующей программе, которая включает в себя 12 наиболее актуальных проблем жизнедеятельности города, включая систему образования. К проведению мониторинга привлекаются ведущие социологические центры и лаборатории, функционирующие как самостоятельно, так и на базе научно-исследовательских и образовательных организаций, включая негосударственные.

Систематически поступающая социологическая информация, отражающая состояние общественного мнения уфимцев о проблемах образования в городе позволяет выявлять динамику состояния тех сторон системы образования, которые интересуют городские власти.

Исследование охватывает всех участников образовательного процесса. Это обучающиеся их родители и воспитатели дошкольных образовательных учреждений, учащиеся и педагоги общеобразовательных школ, студенты и преподаватели ссузов и вузов, родители учащихся и студентов.

При сопоставлении поступающую от этих категорий респондентов информации и сравнении ее по годам выявляются те проблемы в функционировании системы образования в городе, на которые необходимо, прежде всего, обратить внимание,

которые требуют решения на муниципальном уровне, а также определить эффективность уже предпринятых ранее мер.

Возможности социологического мониторинга системы образования проявляются, во-первых, в том, что мониторинговые исследования позволяют определять состояние и динамику потребностей различных категорий населения в образовательных услугах, наметить перспективные, с точки зрения общественного мнения, направления совершенствования деятельности образовательных учреждений.

Во-вторых, мониторинговые исследования дают возможность систематизировать и сопоставить между собой содержащиеся в общественном мнении оценки, определить при этом динамику их сменяемости.

В-третьих, мониторинг системы образования способствует выявлению и устранению «узких» или проблемных мест в системе образования города.

В-четвертых, данные, полученные в процессе мониторинга, служат основой для выработки управленческих решений и принятия практических рекомендаций, которые становятся более обоснованными и целенаправленными.

В-пятых, мониторинговые исследования позволяют выявлять, апробировать и дополнять социальные критерии и показатели эффективности функционирования системы образования в условиях муниципалитета.

И, в-шестых, результаты мониторинга являются добротной основой для работы органов управления образованием по информированию населения и формированию компетентного общественного мнения в отношении вопросов образования.

Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что в сфере всех уровней образования в городе имеются нерешенные проблемы, которые характеризуют особенности современного развития образовательной сферы не только на муниципальном, или даже региональном уровне, но и на уровне федеральном.

Таким образом, мониторинг эффективности функционирования системы образования на уровне муниципалитета способствует решению одновременно двух задач: познавательной и прикладной. С точки зрения

познавательной задачи поступающая информация позволяет под углом зрения соотношения общего и особенного исследовать состояние, противоречия и тенденции развития образовательной среды в целом и по уровням ее организации.

С точки зрения содержания прикладной задачи результаты мониторинга позволяют органам управления образованием определить сферу своих интересов и возможностей в решении практических задач развития системы образования на уровне муниципалитета, а также увидеть результаты решения этих задач.

Общеизвестно, что весьма острой в стране является проблема обеспеченности детей детскими дошкольными образовательными учреждениями. Усилия по минимизации этой проблемы прилагаются существенные. Но до сих пор в Уфе 65,2% опрошенных в 2011 году родителей указывают на то, что их дети не имеют пока еще возможности посещать детские сады из-за отсутствия мест. Вместе с тем не только статистика, предоставляемая муниципалитетом города, но и результаты мониторинга свидетельствуют о том, что в городе эта проблема решается. Так, для сравнения, в 2010 году на отсутствие мест в детских садах для их детей указывали 74,1% опрошенных родителей.

Исследования свидетельствуют и о том, что родители, имеющие детей дошкольного возраста, уделяя внимание их развитию, не ограничиваются детским садом, а дополнительно устраивают детей в центры дополнительного образования (51,2%). При этом 70,0% таких родителей удовлетворены качеством работы с детьми в этих центрах.

К сожалению, в городе неразвита система частных и семейных детских садов. Из общего числа опрошенных родителей только 6,2% сказали о том, что их дети посещают частный детский сад, 0,4% – семейный детский сад и 1,3% – группы кратковременного пребывания.

Интересны мотивы выбора родителями дошкольного образовательного заведения. Основным мотивом выбора здесь является близость детского сада к дому (65,6%), то есть у родителей появилась возможность выбора лучшего для себя и ребенка варианта, а не довольствоваться лишь тем, что предложат.

Немаловажным мотивом выбора является уровень профессионализма педагогов и воспитателей. Менее значим мотив, связанный с престижем детского сада.

Установлено, что ежегодно родители демонстрируют возрастающее доверие к муниципальным дошкольным образовательным учреждениям. Так, например, в 2010 году им предпочтение отдавали 70,0% респондентов, а в 2011 году – 76,8%. Несомненно, этот приоритет связан с высокой стоимостью услуг частных детских садов и с их малочисленностью. Но это связано и растущим качеством работы муниципальных учреждений. Кроме того, исследования свидетельствуют о снижении уровня предпочтений у родителей относительно выбора частного (в 2010 году – 20,0%, в 2011 году – 12,8%) и семейного (в 2010 году – 5,0%, в 2011 году – 1,6%) детских садов.

Вместе с тем, 40,0% респондентов – родителей дошкольников в 2011 году высказались за расширение сети частных и семейных детских садов (в 2010 году так считали 36,0%).

Как уже отмечалось, социологический мониторинг эффективности функционирования системы образования в городе Уфе позволил выявить тенденцию повышения спроса на дополнительные образовательные услуги для детей дошкольного возраста. Так, более 60% опрошенных родителей приветствуют практику оказания дополнительных платных услуг в дошкольных образовательных учреждениях. Среди таких услуг повышенным спросом с небольшими ежегодными колебаниями пользуются занятия иностранными языками, в спортивных секциях, в кружках хореографии, музыки и художественного творчества.

Прекрасно понимая, что качество работы дошкольного образовательного учреждения, в конечном счете, проявится в мере подготовленности ребенка к школе, родители именно этому уделяют внимание и с позиции той подготовки к школе которую детские сады дают их детям и оценивают в целом качество работы этих учреждений. Исследование, проведенное в 2011 году показало высокий уровень (88,6%) удовлетворенности родителей подготовкой к школе, полученной в детских садах, посещаемых их детьми. Мониторинг показывает ежегодный

рост уровня этой удовлетворенности. За последние пять лет этот уровень вырос почти вдвое.

Из направлений содержания дошкольной подготовки родителями в качестве приоритетных называются: игровые занятия развивающего характера, консультации специалистов и психологическое сопровождение процесса обучения. Причем, на необходимость проведения с детьми консультаций специалистов в 2011 году указало на 13,0% больше респондентов, по сравнению с 2010 годом. Весьма существенными сторонами жизнедеятельности дошкольных образовательных учреждений являются организация питания и медицинского обслуживания детей. И если ежегодно порядка 52,0% – 56,0% опрошенных родителей полностью удовлетворены качеством медицинского обслуживания, а общий уровень удовлетворенности составляет 70,0%, то в адрес организации детского питания нареканий больше. Замечания касаются однообразия ассортимента блюд, высокой цены питания. Если вернуться к медицинскому обслуживанию детей в детских садах, то родители растут за необходимость внедрения в практику работы этих учреждений лечебной физкультуры, массажа, закаливания, иммунизации, здоровьесберегающих технологий обучения и воспитания.

Мониторинг показывает, что родители, оценивая работу дошкольного образовательного учреждения, которое посещают их дети, слабо представляют себе возможности этих учреждений и прежде всего финансовые, но в целом наличие здесь проблем они понимают. Но повышение эффективности работы детских садов родители, детей их посещающих, связывают преимущественно не с внедрением новых технологий обучения и воспитания, не с решением вопросов методики и содержания процесса обучения и воспитания, а традиционно, учитывая, видимо, свой опыт, с обеспеченностью детских садов учебными пособиями и игрушками, обновленной мебелью, с ремонтом помещений и детских площадок. Справедливо здесь то, что, не решив этих, традиционных для детских садов, проблем, невозможно переходить к успешному внедрению новых образовательных и воспитательных технологий, разрабатывать инновационные методики и т.п.

Как показывают результаты мониторинговых исследований, у горожан, чьи дети пользуются услугами детских садов, есть свой взгляд на проблему их дальнейшего развития.

Как уже отмечалось, муниципалитетами предпринимаются активные усилия по увеличению числа дошкольных образовательных учреждений. Это обеспечивается как за счет строительства новых, так и путем возвращения построенных ранее, но в годы начала рыночных реформ, проданных или сданных в аренду и перепрофилированных помещений детских садов. Где-то эта работа идет успешно, где-то менее эффективно.

Если обратиться к мнению респондентов из числа родителей, чьи дети посещают дошкольные образовательные учреждения, то оба эти пути приветствуются. В то же время, начиная с 2010 года в ответах респондентов начало преобладать мнение о строительстве новых помещений для детских садов (так в 2011 году полагали более 50% респондентов).

Обобщая сказанное, необходимо подчеркнуть, что мониторинговые исследования позволяют выявить не только проблемы, которые закономерно присущи образованию как развивающейся системы, но и тенденции, характеризующие это развитие и позитивные результаты работы муниципальных органов управления образованием. Главное, что общественным мнением участников образовательного процесса эти изменения воспринимаются и фиксируются позитивно. Но это только одна сторона возможностей социологического мониторинга, когда его результаты учитываются в практике муниципального управления, способствуя его эффективности. Другой, не менее важной стороной мониторинговых исследований является то, что эти исследования, а точнее их результаты, должны быть направлены на формирование компетентного общественного мнения посредством организации информирования населения о проблемах системы образования различных уровней и мерах, предпринимаемых муниципальной властью для решения этих проблем. Население должно чувствовать внимание муниципальных органов к его проблемам, какой бы сферы жизнедеятельности они не касались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социологический энциклопедический словарь / ред. – координатор Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998.
2. Курлов, А.Б. Теория социальной информации: учебное пособие / А.Б.Курлов, В.К. Петров. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.
3. Дридзе, Т.М. Социальная коммуникация в управлении обратной связью / Т.М. Дридзе // Социс. 1998. № 10; Дорожкин, Ю.Н. Политическая коммуникация государственных органов региональной исполнительной власти: проблемы прямой и обратной связи / Ю.Н.Дорожкин, Л.Г. Семенова. – Уфа: Восточный университет, 2005.

Summary

ON THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL MONITORING OF THE EDUCATION SYSTEM FUNCTIONING AT THE MUNICIPAL LEVEL

The article provides analyses of the content of «sociological monitoring» concept and the possibilities of monitoring study of the education challenges at the municipal level on the example of Ufa city (Russia, Republic of Bashkortostan). The author summarizes some results of problems and trends of the sociological monitoring of the municipal system of education.

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН (РФ)

ФИНСКИЙ ОПЫТ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ*

И.Г. Ясавеев,

*доцент кафедры социологии Казанского федерального
университета, доктор социологических наук*

Несмотря на уменьшение числа заключенных в течение последних лет постсоветские тюркоязычные страны по-прежнему относятся к группе стран с репрессивной уголовной политикой. Казахстан находится на пятом месте в Европе и третьем месте в Азии по доле заключенных в составе населения (295 заключенных на сто тысяч жителей) [1]. Кыргызстан и Туркменистан входят в десятку стран, лидирующих в Азии по этому показателю. Азербайджан находится на восьмом месте в Европе. Во всех тюркоязычных странах доля заключенных в составе населения значительно больше, чем в странах Западной Европы (в последних в среднем около 100 заключенных на сто тысяч жителей). Очень тревожные тенденции наблюдаются в Турции, где в течение последнего десятилетия произошел двукратный рост доли заключенных в составе населения [2] (см. табл. 1). «Тюремной сверхдержавой» остается Россия, занимающая первое место в Европе и Азии по доле заключенных в составе населения [3].

* Статья представляет результаты проекта «Исследование финского опыта сокращения числа заключенных» (грант Фонда Конне 18-3382-33).

Таблица 1

Число заключенных на 100 тысяч населения в тюркоязычных странах, России и Таджикистане с 2006 по 2014 г. Источник: Международный центр тюремных исследований

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Турция</i>	91	121	142	161	164	168	-	179	190
<i>Узбекистан</i>	-	-	122	153	-	-	152	-	-
<i>Азербайджан</i>	229	-	-	240	-	-	-	210	-
<i>Кыргызстан</i>	292	285	156	133	183	-	181	-	-
<i>Туркменистан</i>	224	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Казахстан</i>	340	348	378	382	401	351	-	295	-
<i>Таджикистан</i>	157	-	102	-	121	-	-	-	-
<i>Россия</i>	611	625	629	608	609	568	516	484	470

Оценить все последствия ситуации, при которой столь значительная доля граждан тюркоязычных стран находится в заключении, невозможно. Современная криминологическая наука говорит о том, что никакого исправительного эффекта пенитенциарные учреждения за редким исключением не имеют. Напротив, именно первый опыт лишения свободы становится началом множества «криминальных карьер», люди в условиях заключения дезадаптируются, утрачивают связи со «значимыми другими», трудовые навыки, здоровье, а также стигматизируются, приобретая ярлыки «судимого», «зека», «уголовника», ограничивающие жизненные шансы после освобождения.

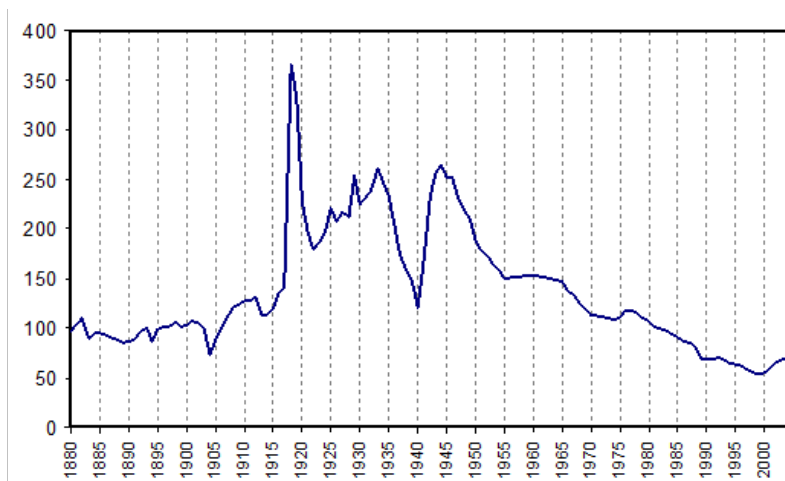
Кроме гуманистического измерения ситуации – страданий сотен тысяч людей (заключенных и членов их семей) – существует экономическое измерение: расходы на содержание, охрану, лечение и перемещение заключенных, а также на персонал систем исполнения наказаний.

На мой взгляд, к ряду стран, включая Россию и Казахстан, полностью применимы слова Патрика Торнудда: «Существуют весомые основания полагать, что в тех странах, где в тюрьмы отправляется непомерно большое число людей и где сроки

лишения свободы аномально велики, людям причиняются ненужные страдания, а ресурсы расходуются неэффективно» [4].

В этой ситуации очень полезным мог бы оказаться опыт Финляндии, радикально изменившей свою уголовную политику и соответственно численность заключенных. Еще в середине двадцатого века Финляндию называли «страной тюрем», поскольку число заключенных на сто тысяч жителей составляло более 200, многократно превышая значения этого показателя в других скандинавских странах. В 1960-1970-е гг. Финляндия лидировала по этому показателю в Западной Европе. Однако к концу XX в. Финляндия оказалась на одном из последних мест в Европе по числу заключенных (диаг. 1). В настоящее время только в таких очень небольших европейских странах, как Андорра, Исландия и Лихтенштейн, заключенных меньше, чем в Финляндии. К 1 января 2013 г. доля заключенных в составе населения в Финляндии составляла 58 человек на сто тысяч жителей [5].

Диаграмма 1

Число заключенных на 100 тысяч населения в Финляндии с 1880 по 2005 г. (среднегодовой показатель). Источник: Lappi-Seppälä, T. Imprisonment and Penal Policy in Finland // Scandinavian Studies in Law. 2009. Vol. 54. P. 348.

Столь значительное – более чем трехкратное – сокращение численности заключенных в Финляндии было результатом целого ряда последовательных реформ (более двадцати пяти реформ с середины 1960-х гг.). По мнению П. Торнудда, основанием этих изменений было осознание, что «высокая по сравнению с другими странами доля заключенных в составе населения Финляндии является позором; можно значительно уменьшить число приговоров к лишению свободы и сократить его сроки без ухудшения положения дел с преступностью» [6]. Иными словами, большое число заключенных стало определяться в качестве серьезной социальной проблемы.

Значительную роль в конструировании проблемы неадекватно высокой численности заключенных сыграло криминологическое сообщество Финляндии. Криминологи были первыми, кто заметил и стал проблематизировать неадекватность уголовной политики, характерной для Финляндии середины прошлого века. Следует отметить, что один из факторов изменений заключался в том, что другие скандинавские страны, отличавшиеся гораздо более мягкой уголовной политикой, выступали в этот период своего рода «референтными обществами». Финляндия стремилась стать членом «скандинавской семьи», и демонстрируемые криминологами различия в числе заключенных между Финляндией, с одной стороны, и Швецией, Норвегией и Данией, с другой, обращали внимание финских законодателей и правительства. Как указывает Тапио Лаппи-Сеппала, возглавляющий Национальный исследовательский институт правовой политики, «во многих случаях либеральные реформы удавалось отстоять с помощью ссылок на позитивный опыт других скандинавских стран и необходимость внутрискандинавской гармонизации» [7].

Начиная с 1960-х гг., финны существенно смягчили свое уголовное законодательство, декриминализовали ряд деяний, изменили структуру уголовных санкций, значительно увеличив долю штрафов и условного лишения свободы, сократили продолжительность тюремных сроков, ввели и распространили такую новую для Финляндии альтернативу тюремному заключению, как общественные работы. Определенную роль

сыграли амнистии, существенное смягчение наказаний за кражу, вождение автомобиля в пьяном виде и другие виды преступлений, а также наказаний несовершеннолетних правонарушителей.

Приговором к штрафу в настоящее время заканчивается 60% случаев рассмотрения правонарушений в финских судах. При этом в основе используемой системы штрафодней находится идея дифференциации суммы штрафа в зависимости от уровня дохода правонарушителя [8].

Число приговоров к условному лишению свободы в Финляндии с 1950 по 1990 г. возросло с 3 до 18 тысяч, тогда как общее число судебных решений о тюремном заключении (включая как условное, так и реальное) осталось почти неизменным. В относительном выражении доля условного заключения увеличилась в этот период с 30 до 70% всех приговоров к лишению свободы [9].

В настоящее время лишь в 12% случаев финские суды выносят решение о реальном лишении свободы. С 1989 года 99% заключенных освобождаются условно-досрочно после половины или двух третей срока (несовершеннолетние заключенные – после трети или половины), при этом минимальный срок тюремного заключения, который необходимо отбыть для того, чтобы быть освобожденным условно-досрочно, составляет 14 дней.

О продолжительности тюремных сроков в Финляндии в настоящее время можно судить по следующим данным: из 3728 человек, освободившихся из финских тюрем в 2012 г., 15% провели в тюрьме до 1 месяца, 20% – от месяца до двух, 9% – от двух месяцев до трех, 14% – от трех месяцев до шести, 17% – от шести месяцев до года, 15% – от года до двух лет, 7% – от двух лет до трех, 2% – свыше четырех лет [10].

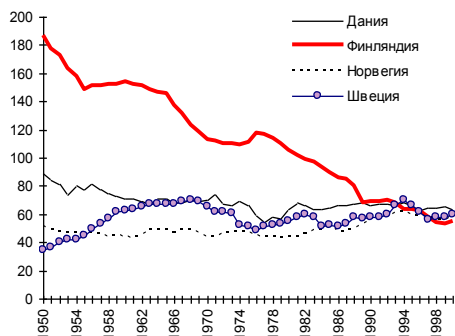
Следует подчеркнуть, что смягчение уголовного законодательства и практик вынесения наказаний в Финляндии во второй половине двадцатого века не оказало никакого влияния на уровень преступности (диаг. 2).

Скандинавские страны очень схожи между собой в экономическом, социальном и культурном отношениях, поэтому представляют собой уникальную возможность для сравнений. Как отмечает Тапио Лаппи-Сеппала, совершенно различные

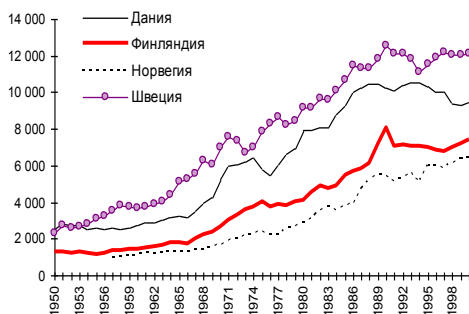
тенденции изменений числа заключенных в этих странах во второй половине XX в. нисколько не нарушили симметрию в динамике уровня преступности, что доказывает отсутствие связи между этими переменными.

Диаграмма 2

Число заключенных 1950-2000
(/100 000 населения)

Число преступлений 1950-2000 (/100 000 населения)

Относительное число заключенных и уровни преступности с 1950 по 2000 г. Источник: Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С.34.

Условия содержания в финских тюрьмах в целом хорошо известны в связи с открытостью системы уголовных санкций Финляндии для исследователей и журналистов. Здесь можно указать лишь, что у исследователей обычно не возникает никаких трудностей с получением разрешения на посещение финских тюрем. Сопровождающие сотрудники во время визитов не ограничивают знакомство с тюрьмой лишь ее отдельными частями. В трех тюрьмах из четырех (одной закрытой и двух открытых), которые я посетил, мне разрешили пользоваться цифровой камерой при условии, что в кадре не будет заключенных [11]. Исключением стала лишь новая тюрьма Турку, известная своим строгим режимом. Обращает на себя внимание отсутствие непреодолимых барьеров между тюрьмами и местными сообществами. Так, сотрудники тюрьмы Кюльмякоски сообщили мне, что в тюремном спортивном зале, который является самым большим в округе, периодически проводят свои спортивные мероприятия местные жители.

Изначально очевидно, что механический перенос финского опыта сокращения числа заключенных на действительность тюркоязычных стран и России лишен смысла. Эти страны, с одной стороны, и Финляндия, с другой, различаются типом политической культуры, уровнем страха людей перед преступностью, уровнями институционального и межличностного доверия, социальной политикой, ситуацией с распределением доходов (социальным неравенством), частотой и характером сообщений СМИ о преступности, тогда как исследования криминологов показывают, что именно эти факторы определяют уголовную политику [12].

Вместе с тем опыт Финляндии высвечивает ряд моментов, которые, на мой взгляд, следует учитывать при обсуждении и планировании реформ уголовного законодательства в тюркоязычных странах и России.

Прежде всего, изменения в Финляндии подтверждают возможность радикального сокращения числа заключенных. Они являются убедительным свидетельством того, что степень суровости уголовной политики и уровень преступности не связаны между собой. Существенная либерализация уголовного законодательства никоим образом не сказалась на уровне

преступности в Финляндии. Применительно к тюркоязычным странам и России это означает, что последовательное смягчение уголовного законодательства не приведет к росту преступности.

Опыт Финляндии указывает на необходимость рассмотрения и реформирования уголовной политики в контексте социальной политики в целом. Криминологи, анализирующие факторы успешности реформ в Финляндии, подчеркивают, что в основе изменений находилось переосмысление целей и средств уголовной политики, которые стали пониматься в соответствии с общей направлением политики социальной. Финские криминологи в своих работах часто цитируют лозунг «Лучшей уголовной политикой является хорошая социальная политика» [13], подчеркивая, что для общества будет лучше, если вкладывать больше денег в школы, социальную работу и поддержку семей, чем в тюрьмы.

Изучение финских реформ высвечивает также значение медиа-культуры, ее влияние на уровень страха людей перед преступностью и отношение к правонарушителям. В Финляндии, которая является страной с одной из самых высоких в мире долей читающей газеты публикой, преобладает качественная, а не таблоидная пресса. Преступность никогда не была ведущей темой в финских СМИ (в отличие, например, от британских и, тем более, американских). Тон достаточно редких сообщений о преступности, как правило, является весьма сдержанным. При этом в сообщениях об отдельных преступлениях обычно приводятся данные о ситуации с преступностью в целом и предпринимаются попытки представить социальный контекст происшедшего. Все это, по мнению криминологов, влияет на установки людей по отношению к преступности и правонарушителям [14].

Наконец, значение финского опыта заключается в том, что сама контрастность уголовной политики в тюркоязычных странах, России и Финляндии, различия в численности заключенных, отношении к ним и к правонарушителям способствуют формулированию очень важных вопросов об основаниях репрессивности. На мой взгляд, крайне важно проблематизировать значительное число заключенных в наших странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные Международного центра тюремных исследований. URL: <http://prisonstudies.org/country/kazakhstan> (дата обращения: 10.03.2014).
2. <http://prisonstudies.org/country/turkey> (дата обращения: 10.03.2014).
3. <http://prisonstudies.org/highest-to-lowest> (дата обращения: 10.03.2014).
4. Törnudd, Patrik. Fifteen Years of Decreasing Prisoner Rates in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993. P.29.
5. Данные Международного центра тюремных исследований. URL: <http://prisonstudies.org/country/finland> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Торнудд, П. Пятнадцать лет сокращения численности заключенных в Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 82. URL: http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/From-a-land-of-incarcerations_Helsinki-2012_0.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
7. Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 38. URL: http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/From-a-land-of-incarcerations_Helsinki-2012_0.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
8. «В соответствии с этой системой число штрафодней определяется исходя из тяжести совершенного деяния, тогда как размер каждого отдельного штрафодня определяется исходя из дохода правонарушителя. Так, если за совершение магазинной кражи будет привлечен к ответственности безработный, то судья может назначить ему наказание в виде 20 штрафодней по 5 евро каждый, то есть в общей сложности 100 евро, а если в магазинной краже уличат человека с ежемесячным доходом в несколько тысяч евро, то число штрафодней будет тем же – 20, но размер каждого штрафодня будет уже 50 евро (всего 1000 евро)». Там же. С.24.
9. Там же. С. 24-25.
10. Statistics of the Criminal Sanctions Agency 2012. P.37. URL: http://www.rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/julkaisut-tilastollinenvuo_sikirja/6KDKQTEkB/Statistical_Yearbook_2012_of_the_Criminal_Sanctions_Agency.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
11. Снимки, сделанные в закрытой тюрьме Кюльмякоски и открытых тюрьмах Кяюра и Сагакунта (отделениях в Гуйттинене и Кёюлиё),

доступны в виде веб-альбомов: <http://goo.gl/p1N6Q> <http://goo.gl/Mokxi>
<http://goo.gl/IJcki> <http://goo.gl/H32Cq>

12. Лаппи-Сеппала, Т. Доверие, благосостояние и политическая экономия: национальные различия в использовании тюремного заключения // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С.142–197. URL: http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/From-a-land-of-incarcerations_Helsinki-2012_0.pdf (дата обращения: 10.03.2014).

13. «Меры против социальной маргинализации и неравенства являются также мерами против преступности... Контроль над преступностью и уголовная политика – это вопросы обеспечения социальной справедливости, а не просто вопросы контроля над опасными индивидами». Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 41.

14. Там же. С. 37-38.

FINNISH EXPERIENCE OF REDUCING THE PRISON POPULATION AND ITS SIGNIFICANCE FOR TURKIC-SPEAKING COUNTRIES

Iskender Yasaveyev,

Senior Lecturer at the Department of Sociology

The article explores Finnish experience of reducing the prison population and its importance for Turkic-speaking countries. About fifty years ago Finland was famous as a ‘land of incarcerations’ due to the fact that its prisoner rate was one of the highest in Europe. The prison population rate in Finland was three-four times higher than in other Nordic countries. But by the end of twentieth century Finland realized a number of penal reforms and reduced the prison population rate having reached the level that is typical for Scandinavian countries. The statistical analysis made by Finnish criminologists demonstrates that this reducing didn’t have any effect on crime rate. Finnish experience can’t be applied directly in Turkic-speaking countries and Russia due to significant social, political and penal differences. However it shows that it is possible to refuse from repressive penal policy without any subsequent growth of crime rate.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, НАЦИОНАЛЬНЫЕ МАСС-МЕДИА И НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Л.В. Сагитова,

*старший научный сотрудник отдела этнологии Института
истории АН РТ, доктор социологических наук*

Исторический экскурс

Развитие татарской национальной прессы в России во многом детерминировано историческим шлейфом отношений государства, культурного большинства и культурного меньшинства на фоне модернизационных процессов, активизировавшихся в России с конца XIX века. Модернизация, имеющая европейское происхождение, не могла не стимулировать демократические ценности в российском обществе. С особым энтузиазмом эти ценности воспринимались этническими меньшинствами, в полной мере испытавшими на себе тяготы социального неравенства.

Татароязычная пресса стала бурно развиваться в период демократического транзита в Россию. В начале XX века во всех местах компактного проживания татар сложилась информационная сеть на родном языке: с 1905 г. по октябрь 1917 г. во всех крупных городах российской империи выходило около ста периодических изданий [1].

Именно в этот период сложился татарский модернизационный дискурс, когда татары пытались выстроить свою этнонациональную идентичность. Драматургия дискурса «Эсул аль Джадид» заключалась в поиске путей модернизации татар-мусульман на основе своей национальной культуры. В качестве одной из важнейших целей было стремление

выровнять социальный статус татар в сравнении с русскими во всех сферах жизни: политической, экономической, культурной и обрести самостоятельность в качестве национального и в то же время мусульманского сообщества. Формирование и массовое тиражирование названного дискурса происходило с помощью многочисленных изданий на национальном языке.

Новая демократическая волна конца 1980-х – начала 1990-х годов активизировала развитие татарской печати, которая к середине 1980-х годов оказалась в состоянии упадка. Уже к 1997 году в республике было зарегистрировано 333 издания: 286 газет и 47 журналов. Из них на татарском языке издавалось 40 газет и 8 журналов, на русском языке – 149 газет и 10 журналов [2]. По данным Агентства «Татмедиа», за 2012 год на татарском языке издается 112 газет и 28 журналов.

Исследование дискурса республиканских татароязычных СМИ конца 1980-х начала 1990-х годов [3] обнаружило тесную связь с дореволюционным модернизационным дискурсом: проблемы выравнивания статуса татар по отношению к русским в социальной, политической и культурных сферах, как оказалось, не потеряли своей актуальности несмотря на то, что казалось бы все «советские» люди жили в одинаковых условиях усредненных государственных гарантий, вне зависимости от их национальной принадлежности. Реанимация дореволюционного дискурса выглядит парадоксальной в условиях разительно изменившихся социальных реалий. Этот парадокс может объяснить не только социологический анализ роли культур доминирующего культурного большинства и культурного меньшинства в жизни советского общества. Но и состояние самой татароязычной прессы как социального института помогает выявить причины актуализации модернизационного дискурса в татарском сообществе.

Модернизация, татарский язык и социальная структура татар.

Начавшийся в советский период бурный процесс модернизации predetermined глобальные изменения у татар, населяющих Россию. Татарскому обществу, бывшему до революции преимущественно сельским, со всей неизбежностью пришлось

совершить колоссальный скачок от традиционного общества – к индустриальному. Исторические данные свидетельствуют о том, что в 1897 году 91,5% татар составляли сельчане. К 1926 году лишь 5,2% татар жило в городах республики. Однако, процесс индустриализации и последовавший за ним рост городов обусловили увеличение слоя татар, занятых в интеллектуальных сферах труда [4]. Более позднее исследование социальной структуры татар этносоциологами в начале 1990-х годов показало, что национальная интеллигенция в Татарстане имеет явно более полиструктурный и более сходный состав с русской интеллигенцией, чем во многих других республиках. Это сходство проявляется в том, что у татар достаточно значительна доля производственной интеллигенции: по данным переписи 1989 г. – 44,7% в составе городской интеллигенции у татар – относительно 49,8% у русских. Была также выявлена тенденция 80-х гг. – увеличение доли административно-управленческой интеллигенции в составе титульных народов республик в сравнении с русскими, а также интеллигенции художественно-творческой, преподавателей ВУЗов, работников печати. К началу 90-х гг. доля занятых в партийно-государственном аппарате у татар была более чем в полтора раза больше, чем у русских в республике, так же как и доля художественно-творческой интеллигенции [5].

Эпоха индустриализации активизировала процесс вертикальной мобильности. Сделав приоритетными новые виды трудовой деятельности, она расставила иные акценты в системе социальных статусов и привнесла много нового в систему стратегий социального продвижения личности. Именно эти системные аспекты индустриализации соединили в себе проблемы взаимовлияния социально – профессиональной структуры и системы государственного образования. Ведь теперь, как никогда раньше, успех социального продвижения личности был связан не с происхождением, а с высоким уровнем образования и престижной профессией. Выигрышным становился квалифицированный труд и интеллектуальные профессии. И здесь конкурентоспособность русской и татарской культур оказывала решающее влияние на возможности социальной мобильности.

Одним из условий успешности форсированной индустриализации была всеобщая универсальная система среднего и высшего образования, обеспечивающая мобильность рабочих кадров. В СССР вполне рационально в основу этой системы был положен язык этнического большинства – русский. Именно этот язык и культурный багаж на основе русской и советской культуры обеспечивал успешную вертикальную мобильность в советском обществе. Получение высокой квалификации стало основой для достижения высоких социальных позиций. Национальные культуры (и татарская в их числе) отошли на далекую периферию модернизационного процесса. Юридически татарский язык и культура имели равный статус с русским языком, но реально существовала ситуация неравенства культур. Образование на национальном языке осталось, в конце – концов, лишь в сельских школах. А ученик, получивший образование на родном языке, испытывал колоссальные трудности при поступлении в средние и высшие учебные учреждения для получения престижной специальности.

Поэтому социальная структура татар имела больший сдвиг в сторону гуманитарных и творческих профессий, в то время как среди русских было больше специалистов в сфере точных наук, в отраслях, связанных с высокими технологиями. Сложившаяся асимметрия общесоветской и национальной культуры татар стала основанием для ощущения чувства ущербности и второсортности среди татар, получивших образование на татарском языке и переехавшим жить в город. Эмоциональное переживание чувства второсортности и стремление восстановить национальную гордость стали ведущими темами в татароязычной публицистике 1990-х годов.

Несколько волн миграций татар-сельчан в города республики обусловили значительную долю горожан первого поколения со сходным опытом культурной дискриминации [6]. Наиболее активная их часть составила костяк национального движения, сложившегося в конце 1980- начале 1990-х гг., и сочувствующих национальному возрождению журналистов и писателей. Значительная часть татарской интеллигенции является «молодой интеллигенцией». По исследованиям этносоциологов, проведен-

ным в 70-е гг. 3/4 татар-интеллигентов были работниками умственного труда в первом поколении [7]. В середине 1990-х гг. научная и творческая татарская интеллигенция была представлена на 60,7% – выходцами из села; на 39,3% – горожанами [8].

Приведенные выше социологические основания помогают увидеть, почему модернизационный дискурс, в котором акцентировалось стремление поднять статус татарской культуры и языка, не потерял значимости для определенной части татар, доля которых в татарском сообществе остается значительной. Поэтому вполне логичными выглядят требования современных татар формировать и укреплять государственные институты, гарантирующие развитие национальной культуры и языка, а также включать их в современные модернизационные процессы. Принятие в 1992 г. Закона о языках; провозглашение татарского языка, наряду с русским, государственным в республике; развитие национального образования, включая все ступени – от детских садов до кафедр в ВУЗах и национального университета с татарским языком обучения; развитие национальной информационной сети – стали воплощением чаяний татарской культурной элиты.

Татароязычные СМИ и постсоветская модернизация.

Однако, принятые меры не сняли многих проблем, связанных с соответствием национальной культуры вызовам современности. Современное общество, которое давно уже не определяется как индустриальное, а все больше приобретает черты информационного, вынуждено отвечать на новые вызовы. Поэтому информационное поле, формируемое национальной прессой, может послужить индикатором положения этнической культуры в контексте постсоветской модернизации татар.

Инерция не включенности татарской культуры и языка в модернизационные процессы, начиная с советского периода, давала о себе знать и в период этнического ренессанса, в 1990-е гг. и продолжается до настоящего времени. Информационное поле, отражающее социально-экономическую, законодательно-правовую и политическую жизнь Татарстана создается в большей мере на русском языке. Весьма показателен факт, демонстрирующий приоритеты русскоязычной и татароязычной

прессы. Так две одноименные республиканские информационные газеты преобразовались, примерно в один и тот же период (1996 г.): «Известия Татарстана» — в газету «Время и деньги»; «Татарстан хабәрлере» в газету «Мэдәни жомга» («Культурная пятница»).

Средства массовой коммуникации выполняют роль оперативного агента в обществе информационных технологий. По оценкам специалистов, исследующих средства массовой информации, татароязычные СМИ неконкурентоспособны в сравнении с русскоязычными [9].

Показательна тематическая ограниченность татароязычных изданий: большая часть публикаций посвящена официальной хронике, состоянию сельского хозяйства, проблемам национальной культуры и языка, национального воспитания и религии. Мало освещаются факты финансово-экономической жизни, проблемы бизнеса, правовой сферы, индустриального и постиндустриального развития общества. Замкнутость информационного дискурса обусловлена рядом факторов.

Первый из них – ориентация на татароязычную аудиторию: преимущественно сельчан и горожан первого поколения. Следующий – является следствием первого: в татароязычной прессе нет заметных качественных различий в подаче информации для жителей города и жителей села. Третий фактор – журналисты из татароязычных изданий – сами выходцы из села, и их менталитет ближе традиционной культуре, нежели городской.

Востребованность информационного источника определяется и таким фактором, как степень свободы в обсуждении актуальных общественных проблем, в выражении своего мнения. Его красноречиво иллюстрирует высказывание журналиста, работающего в татароязычном издании:

«Нет еще такой татароязычной газеты, о которой можно было сказать, что она защищает права граждан. Тираж у татароязычных газет падает, они перегружены «серыми статьями». Я испытываю белую зависть к коллегам из русскоязычных изданий. Несмотря на то, что газету «Вечерняя Казань» ругают руководители всех уровней республики, она непременно лежит у них на столе. А мои коллеги остерегаются братья за правозащитную тему. Мы не

умеем еще и сами защищаться, тем более – защищать людей» [10].

В своих исследованиях специалисты по СМИ приходят к выводу о том, что концепция татароязычных СМИ поддерживает и развивает культурный традиционализм. На эту стратегию влияют как профессиональные традиции, берущие начало с дореволюционных времен и определяющие ее просветительский журнальный характер, так и традиции советской эпохи. Это обстоятельство обусловлено рядом причин.

Первая из них состоит в том, что национальная интеллигенция стремится достроить образовательную пирамиду татарской «высокой культуры», а это связано с обсуждением проблем языка, культуры и национального образования.

Вторая причина обусловлена политической конъюнктурой, то есть стратегией республиканской власти, заинтересованной в поддержании этнического фактора в качестве политического ресурса.

«Верность традиции» обусловлена не только социальным происхождением татароязычных журналистов, но и узостью рынка их труда. Татароязычных изданий мало, они неконкурентоспособны, большинство из них поддерживается государством. Отсутствие у журналиста лояльности по отношению к «традиционной» стратегии редакции может обернуться для него потерей места работы.

Аудитория республиканских СМИ.

В информационном поле современного Татарстана сосуществует несколько дискурсов. Татароязычная пресса транслирует, наряду с национально-модернизационным дискурсом, общетатарстанский дискурс властной элиты, содержащий элементы дискурса советской эпохи. Ее аудиторией являются в большей мере татары-сельчане и горожане первого поколения, национальная интеллигенция. Русскоязычная пресса также содержит общетатарстанский дискурс властной элиты и оппозиционный ему, промосковский дискурс Центра, а также национально-модернизационный дискурс. Ее читают и русские, и татары. На включенность социальных групп в тот или иной из представленных дискурсов, вырабатываемых республиканскими СМИ, сегодня оказывают влияние, по крайней мере, два

фактора: владение русским или татарским языком и интересы представителей этих групп.

В самом выгодном положении оказываются татары, владеющие и татарским, и русским языками. Для них все информационное поле, создаваемое республиканской прессой, является прозрачным. Для русских и русскоязычных татар существенная его часть остается закрытой. Испытывают ли они ущемление? Если принять во внимание их интересы, то, наверное, нет, поскольку существующие сегодня дискурсы татароязычной прессы для них мало актуальны. В то же время для татароязычных татар-сельчан и горожан первого поколения не стали еще «своими» дискурсы современной модернизации. Поэтому корректнее было бы говорить об автономности или наложении фрагментов этих дискурсов, которые актуализируются в сознании читателей в зависимости от систем идентичностей, обусловленных конкретными социально-экономическими и этнокультурными детерминантами.

Вместо заключения.

Ученые, анализирующие условия и причины культурного неравенства, Роберт Майлз и Малькольм Браун пришли к выводу, что люди никогда не получают идеологии готовыми, они их конструируют и реконструируют в соответствии с материальными и культурными обстоятельствами, дабы осмыслить, представить эти обстоятельства и действовать сообразно им. Так что воспроизводство идеологии есть результат компромисса между историческим наследием и индивидуальными и коллективными попытками объяснить мир [11].

Факт реанимации дореволюционного модерниационного националистического дискурса татар в постиндустриальную эпоху может свидетельствовать как о противоречиях модернизации, оттесняющей на периферию не доминантные культуры, так и о состоянии демократизации общества. Для России, презентующей себя как многонациональное государство, полиэтничное информационное поле, которое имело бы не только региональное, но и общенациональное измерение, пока существует только в проектах энтузиастов от национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. – Казань: Издательство «Мастер-лайн», 1997. – С. 44.
2. Ахметзянов И. Г. «Язык народа моего» / Информационно-методический бюллетень Аппарата Президента РТ. – Казань, № 9, 1997.
3. Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане.- Казань: Издательство «Татаполиграф», 1998.
4. В 1926 г. в республике работало 3 инженера – татарина, а по переписи 1959г. только в Казани их было более 1200. Соответственно, педагогов имелось 1680 человек, а стало 4400 человек; работников искусства – было 76 человек, а к 1959 г. их число увеличилось в 7 раз. Но среди отдельных групп интеллигенции существовали диспропорции. Татары в республике, по данным 1967 г., были лучше представлены в таких отраслях народного хозяйства, как искусство и управление, и меньше – в науке и здравоохранении.
5. Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. – М.: «Мысль». – С.254.
6. Удельный вес данной категории населения иллюстрирует динамика миграционных процессов в республике. Так в 1926 г. сельское население составляло 90,5%, в 1959 г. – 58,2%, в 1979 г. – 36,6%, в 1989 г. – 26,5%. По сравнению с переписью 1979 года, перепись 1989 г. показала, что удельный вес татар в населении городов Татарстана вырос с 37,7% до 42,5%. Численность татар в сельской местности республики уменьшилась на 21,5%. См. в кн.: Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г. Все о Татарстане. Экономико-географический справочник. – Казань, 1994. – С.16-17
7. Дробижеева Л. М., Аклаев А. Р... – С. 252.
8. Статистический анализ книги «Кто есть кто?» в Республике Татарстан, Вып.2, 1996 г. (проведен автором)
9. Низамова Л.Р. Масс-медиа в постсоветском Татарстане: бикультурализм или параллельные культуры?; Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в РТ)/Кому принадлежит культура?- Казань, 1999.
10. Цит. по: Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ ... – С.233.
11. Р. Майлз, М. Браун. Расизм. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 211.

Summary

The short summary

In article the sociological bases of an ethnonational modernization discourse of the Tatars who have gained the development under the influence of the European Modernist style are considered. Influence of a social and economic environment of the Soviet industrialization and specifics of a ratio of culture of the ethnic majority (Russians) and ethnic minority (Tatars) still make inertial impact on a current state of ethnic culture of Tatars, the Tatar language and national mass media.

Keywords ethnicity, modernization, language competence, social structure, ethnonational identity, nationalist discourse

Kısa özet Bu makalede, sosyolojik taban Tatar modernizasyon söylem, alınan kendi gelişimine etkisi altında avrupa Modernizm. Etkisi sosyo-ekonomik çevre sovyet sanayileşme ve özgüllük oranları, kültür, etnik çoğunluğu (Rusça) ve etnik azınlık (Tatarlar) şimdiye kadar vermekteyiz ataletsel etkisi mevcut durumu, etnik kültür, tatar, tatar dili ve ulusal medyanın.

Anahtar kelimeler etnik köken, modernizasyon, dil yeterlilik, sosyal yapı, этнонациональная kimlik, milliyetçi söylem

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

TÜRK DİLLİ ÜLKELERDE DİNİ DEĞERLER

Prof. Dr. Hayati Tüfekçiođlu

İstanbul Üniversitesi, Rektor mustesari ve sosyoloji bolum baskani

Prof. Dr. Veysel Bozkurt

İstanbul Üniversitesi, Sosyal deęişim ve sosyal kurumlar bolumu başkanı

Prof. Dr. Birol Yeşilada

Portland State University USA

Giriş

Aguste Comte'dan Karl Marks'a, Friedrich Nietzsche'den Max Weber'e, 19. yüzyılın hemen hemen tüm sosyal teorisyenleri, modern toplumun gelişine paralel bir biçimde, dini değerlerin sosyal hayattaki etkisini yitireceğini ve bunun yerini, **rasyonel/seküler** bir anlayışın alacağını iddia etmişlerdir (Casanova, 1994; Berger ve Zijderveld, 2009). Nitekim sonraki yıllarda dinin *modern/kentli toplumun hayatında gerilediği* sıkça ifade edilmiştir (Cox, 1966). Ancak aralarında Berger'ın da bulunduğu bazı sosyologlar, 1970'li yıllardan itibaren *sekülerleşme tezine karşı itirazlarını* dile getirmeye başlamışlardır (Berger, 2008; Casanova, 2007).

«Bilimsel materyalizm»e iman eden seküler bir «*Homo-Sovyetikus*» yaratmayı hedefleyen Sovyet Sosyalist yönetimi, geleneksel kültürü ve dini değerleri bastırmış ve dini sınırlayan modernleşme kampanyaları düzenlemiştir. 1928 yılından başlayarak Orta Asya'da göçebeler yerleşik hayata geçmeye ve kolhozlara katılmaya zorlanmıştır. Geniş ölçekli tarımsal üretim planları ile bu politikalar hayata geçirilmeye çalışılmıştır. Yine bu amaçla eğitim ve dil reformu-

nu başlatılmıştır (Gullette 2010; Taşdelen, 2011). Sovyet yönetimi, Orta Asya halklarının dini ve ulusal kimliklerini ortadan kaldırarak, Sovyet kimliğini benimsetmek ve yeni bir kültür yaratmak istemiş (Abazov, 2007) ve bu amaçla dini değerler, güç kullanarak kamusal alandan çıkartılmıştır (Khalid, 2007).

Sovyet yönetimi, başlangıçta şeriat mahkemelerini destekleyecek kadar serbest davransa da, 1920'lerin ikinci yarısından itibaren bu kurumları lağvetmiştir. İslami okulları ve camileri kapatmış ve din adamları baskı altına alınmıştır. Diğer birçok bölge olduğu gibi, Kuzeybatı **Kafkasya'da** da *Sovyet yönetimi döneminde dini gelenekler zayıflatılmış* ve din nezaret altında alınmıştır (Babich, 2008; Tokluoğlu, 2012). Zaman zaman politikalarında konjonktürel değişimler olsa bile, Sosyalist yönetimin dine mesafeli duruşu özünde değişmemiştir. Bir Kafkas ülkesi olan Azerbaycan'ın, kendine has bir din anlayışına sahip olduğu söylenebilir. Anayasasında resmi dine yer vermeyen Azerbaycan, bünyesindeki önemli Şii unsuruyla bu çalışmada ele alınan ve hepsi Sunni olan diğer Türk dilli toplumlardan kimi yönleriyle ayrılmaktadır.

Kazaklar, her ne kadar İslam ile 14. yüzyıldan itibaren tanışmaya başlasalar da, İslam'ın bölgede asıl yaygınlaşması Volga Tatarları kanalıyla ve Ruslar'ın teşvikiyle 19. yüzyılda olmuştur. Kazakları'n göçebe yaşam biçimleri bu gecikmenin en önemli sebepleri arasında sayılmaktadır. Din konusunda daha *az sınırlayıcı* ve daha çok toleranslı olan **Kazak kültürü**, İslam öncesi ritüellerin bir kısmını İslam'a eklemeyerek yaşamaya devam etmiştir (Aydıngün ve Tüfekçioğlu, 2012; Kort, 2004). Bazı yazarlara göre (Rashid, 1994) kentli Kazak kadınları, Rus kadınlardan bile daha özgür olmuştur.

Göçebe kökenden gelen ve göçebeliği devam ettiren **Kazak, Kırgız ve Türkmenler** arasında İslamiyet, Sovyet Sosyalist yönetimi öncesinde de, *en gevşek formları ile* benimsenmiştir. Dini ritüellere özellikle doğum, ölüm, evlenme gibi törenlerde başvurulur ve günlük ibadetini yapmak isteyenler de bu görevlerini daha çok bireysel olarak yerine getirirlerdi. Buna karşılık Özbekler, Tacikler, hatta **Tatarlar** arasında İslamiyet hayatın her safhasında etkili olmuştur (Togan, 2012).

Sovyet politikalarının bölgenin *kültürel gelişimi üzerinde derin izler bıraktığı* konusundan yaygın bir kanaat vardır (Abazov, 2007). Bugün Orta Asya *faklı geleneklerin ve kültürlerin bir karışımını tem-*

sil etmekte ve halen de **Rus/Sovyet etkisi bölgenin kültür ve siyaseti üzerindeki varlığını** (Öniş, 2001). Örneğin 1991 yılında Sovyet yönetimi çöktüğünde çoğunluğu kuzey-doğu bölgelerinde yaşayan, Rus kültürü/değerleri ile yetişmiş (**Russophone**) kentli Kazaklar'ın, Rusya ile yakın bağları olmayan bir hayati endişe ile karşıladığı ifade edilmiştir (Dave, 2007).

Öte yandan İslam'a daha yakın olan ve güneyde yaşayan Kazaklar'ın da *dinle ilişkileri daha çok kültürel düzeydedir*. Bunların çok azı İslam'ın kurallarını günlük hayatlarında tatbik etmektedirler. Yine çok küçük bir bölümü, ibadet için dini bilgiye (bazı surelerin ezberine) sahiptirler. Özbekçe ve Türkmençe tercümelerinde olduğu gibi *Kuran'ın Kazakça'ya tercümesi de ancak 1990'lı yılların başında* olmuştur (Cummings, 2005).

Bazı yazarlar (Gullette, 2010; Liczek & Wandel, 2009) *bölgedeki İslami gelişme ile pre-Sovyet normların canlandığını* iddia ediyorlar. Onlara göre, tarihsel bir kurgu olarak Kırgızistan'da «*derin geçmiş*» dirilmektedir. Günümüz Kırgız dilinde «**mankurt**, Kırgız değerlerinden sapmayı simgelemektedir. **Mankurtlaşmak** sadece *atasını tanımamaktan* ve Kırgız olmaktan çıkmak değil, aynı zamanda *insanlıktan çıkmayı ifade etmektedir*. Manas destanına dayandırılan ulusal birlik, çalışkanlık, yurtseverlik, ulusal onur, halklar arasında uyum ve işbirliği, eliaçıklık, doğayla uyum, Kırgız devletinin korunması, bilgiyle refaha ulaşmak ve hoşgörü gibi değerlerle Kırgız kimliğinin ana öğeleri oluşturulmaya çalışılmaktadır. Ancak halen Kırgızistan'da bir hedef ve değerler sisteminin oluşturulamaması şikâyet edilen konular arasında belirtilmektedir (Gürbüz, 2012). Din, bölgede milli kimliği oluşturmanın en önemli öğelerinden birisi haline gelmiştir.

Günümüzde *az sayıda kentli Özbek düzenli ibadet etmekte* ya da camiye gitmektedir. Ancak Özbekler, *hayırseverlik, diğer Müslümanlar'la dayanışma içinde olmak, aileye ve büyüklere saygı gibi İslami değerlerle gurur duymaktadırlar* (Spechler, 2008). Dindar Müslümanlar'ın çoğunluğu sufi geleneği benimsemektedir. Özbekler arasında «*El işte, gönül Tanrı'da*» anlayışı, çalışmanın bir ibadet gibi yorumlanmasına yol açmıştır. Sovyet döneminde 1960'lı yıllardan itibaren, hükümet kontrolünde olan «**resmi**» İslam ile kontrolde olmayan ve negatif çağrışımları olan «**paralel**» İslam ayrımları ya-

пılmaya башланmıştır. Sovyet дөнемінде, тарикатлар, гизли паралел бир өргүтленме ve теһдит оларак гөрүлмүштүр (Louw, 2007).

Otoriteryen гүнүмүз Özbek yönetimi, devlet kontrolündeki resmi İslam'ı destekliyor. Ancak dini liderler ve imamlar, din kaynaklı siyasi muhalefeti engellemek için yakından izlenmektedir. **İzin verilen İslam sınırını aşan (radikal İslam'ı savunan)** binlerce kişinin hapishanelerde olduğu ifade edilmektedir. Ancak bazı yazarlara göre (Balım ve Gürbüz, 2012) *radikal din ve devlet arasındaki gerginlik*, zaman zaman Özbekistan'ın bütünlüğünü tehlikeye atacak boyutlara ulaşabilmektedir. Khalid'e (2007) göre Orta Asya'da din, toplumda iktidarı sürdürmek için istismar edilen araçlardan birisi haline gelmiştir.

Türkiye'de devlet, Cumhuriyetle beraber, *Fransız tipi bir laiklik* anlayışını benimsemiş olsa bile din, toplumda merkezi bir rol oynamaya devam etmiştir. Bazı yazarlara göre (Kanra, 2009) Atatürkçülük, dini kontrol ederek, ulus inşa etmenin bir aracı olarak kullanmaya çalışmıştır. Şerif Mardin ilk baskısını 1967'de yaptığı 'Din ve İdeoloji'de *Türkiye'nin değer boşluğunun gözleri kamaştıracak boyutta olduğunu* söylüyor. Ona göre, «Alt sınıflarda bu değer boşluğu İslami olarak bildikleri itikatlara sıkı sıkıya sarılmak suretiyle halledilmek istenmiştir. Aydınlarca 'batıl itikatların artışı' olarak değerlendirilen bu niteliklerin toplumsal ve siyasal davranış boyutlarına dönüşeceği şüphe kabul etmez» durumdur.

Mardin'in 40 yıldan fazla bir süre önce yaptığı bu öngörülere paralel bir biçimde, 2000'li yıllarda İslamcı ideoloji içinde yetişen bir kadro AK Parti ile iktidara gelmiştir. Ancak Türk modernleşmesi, diğer toplumsal gruplarda olduğu gibi muhafazakâr çevreleri de etkilemiştir. Nitekim AK Parti kurucuları, değiştiklerini, dini siyasetten ayırdıklarını ve demokrasinin kurallarını benimsediklerini deklare etmişlerdir (Demiralp, 2009). Dünya Değerler Araştırması'nın daha önceki anket sonuçları da ortaya koymuştur ki, *Türkiye, özellikle Avrupalılar ile karşılaştırıldığında en dindar ülkedir* (Yeşilada & Noor-dijk, 2010). Yine Türk toplumunun Batı ile karşılaştırıldığında ayırt edici diğer özellikleri arasında, *düşük güven düzeyi ve kadercilik* de yer almaktadır (Esmer, 1999).

Rusya bölge ile ortak geçmişi dolayısıyla analize mukayese grubu olarak dâhil edilmiştir. Rusya'da 1721'de Büyük Petro

tarafından, Moskova Patrikhanesi'nin kaldırılmasından itibaren *kilisenin otoritesi sıkı bir biçimde kontrol edilmiştir*. Faaliyetleri, eğitim ve dini seremonilerle sınırlandırılmıştır. Diğer taraftan *Rusya'da dinin Rus düşüncesini yönlendirdiğine ve rasyonalizmin ona uzak olduğuna dair de yaygın bir inanç vardır* (Schrooyen, 2004). Bunun yanında *Sovyetler Birliği'nde uygulanan din karşıtı politikalara rağmen din toplum katında yaşamaya devam etmiştir*. Serbestliğin gelmesiyle, dini değerlere ilginin ve ibadethanelerin sayısının arttığı sıkıca dile getirilmiştir (Yaman, 2008). Sosyalist deneyimin etkisi Rusya'da Müslüman Orta Asya cumhuriyetlerinden çok derin olmuştur.

Kısaca ifade etmek gerekirse, Türk dilli ülkelerde dini değerleri incelemeyi amaçlayan **bu çalışmanın temel argümanı**, *Türk dili konuşan ülkelerin hepsi Müslüman olmakla birlikte, yaşadıkları coğrafyaların, tarihsel deneyimlerin ve bugünkü demografik yapılarının etkiyle dini konudaki değerleri Türkiye'den önemli ölçüde farklıdır*. Bu iddianın alt başlıkları «Dünya Değerler Araştırması»nın data setini dayanarak test edilecektir.

Data ve Türk Dilli Ülkeler

Türk dili konuşan ülkelerde dini değerleri ortaya koymak için Dünya Değerler Araştırması'nın (DDA) son dalga veri seti (2011) kullanılmıştır. Data seti 36 ülkeyi kapsamakla birlikte, bu tebliğde Türkiye, Kazakistan, Kırgızistan, Özbekistan, Azerbaycan ve kontrol grubu olarak Rusya verisi kullanmıştır. Son dalgada Türk dili konuşan ülkelere Türkiye'den verisi yer almadığı için, bu ülke analizlere alınmamıştır.

Toplamda 9607 kişiyi kapsayan veri setinin yüzde 16,7'sini Türkiye, 10,4'ünü Azerbaycan, 15,6'ünü Özbekistan, 15,6'sını Kırgızistan, 15,6'sını Kazakistan ve 26'sını da Rusya oluşturmaktadır. Verinin yüzde 44,8'i erkek, yüzde 55,2'i kadınlardan oluşmaktadır. Katılanların yüzde 66,8'i dini aidiyetini *Müslüman*, yüzde 22,2'si *Ortodoks*, yüzde 11'i ise *hiçbir- bağlı değil* şeklinde ifade etmiştir. Hiçbir dine mensup olmadığını ifade edenlerin oranı en yüksek yüzde 27 ile Rusya'dadır. İkinci sırayı Kazakistan almaktadır. Bunların dışındaki ülkelerde bu oran oldukça düşüktür.

İncelenen ülkeler arasında **kentleşme oranı** en yüksek olanlar, Rusya (%73.5) ve Türkiye'dir (%71). Kentli nüfusun en düşük oldu-

ġu ūlkeler ise Kırğızıstan (%35) ve Ūzbekıstan'dır (%37). Azerbaycan (%52,2) ve Kazakıstan'da (%53,6) kentli nŪfus ortalamannn biraz ūzerindedir.

Çocuk sayısı ve evlik oranı en yŪksek olanlar, kırsal nŪfusun çoġunlukta olduġu Ūzbek ve Kırğızlar arasındadır. Diġer ūlkelerin hepsinde çocuk sayısı ortalaması 2'nin oldukça altındadır. **Ruslar**, *evlik oranı ve çocuk sayısında en dŪşŪk* (%1,3), fakat *boşanma oranı en yŪksek* olmaktadır. **Aile tarzı** *TŪrk dilli ūlkelerde Rusya'dan belirgin biçimde ayrılmaktadır*. Ūrneġin boşanma ve evli olmaksızın birlikte yaşıyan MŪslŪmanlar'ın oranı Ruslar'la karşılaştırdıġında çok dŪşŪktŪr. Sadece Rus kŪltŪrŪnŪn daha yoġun etkisinde olan ve bŪnyesinde ūnemli bir Rus nŪfusu da barındıran Kazakıstan'da bu oran, Ruslar'a kısmen yaklařmaktadır. Ūzellikle *hiçbir dine mensup deġilim diyenlerde, evlilik oranı azalmakta*, buna karřılık *boşanma oranları artmaktadır*. Hala nŪfusunun yŪzde 5,7'si biçimsel eġitimi olmadıġını sŵyleyen TŪrkiyeli *TŪrkler arasında eġitim en dŪşŪk dŪzeydedir*. Eġitimde *en yŪksek oran ise Rusya ve Kazakıstan'dadır*.

2012 İnsani Geliřme İndeksi'nde Rusya 55, Kazakıstan 69, Azerbaycan 82, TŪrkiye 90, Ūzbekıstan 114 ve Kırğızıstan 125. sıradadır. Yani ūzellikle Rusya ve Kazakıstan dıřındakilerin sıralamadaki yerleri oldukça kŵtŪdŪr. Altı ūlkenin de son *12 yılın ortalama bŪyŪme oranı yŪzde 4'Ūn ūstŪndedir*. **En yŪksek bŪyŪme** oranı *yŪzde 13* ile Azerbaycan'ındır.

Dini deġerlere iliřkin bulgular

Sosyologlar, insanların çocuklarına, onların gelecekte ihtiyaç duyacaklarına inandıkları deġerleri ařıladıklarını iddia ederler (Bozkurt, 2014). Ankete katılanlar içinde **dindar çocuk isterim** diyenlerin oranı *en çok yŪzde 37,3 ile TŪrkiye'dir*. *En dŪşŪk oran ise yŪzde 5,7 ile Ūzbekıstan'dadır*. Onu yŪzde 10.2 ile Kazakıstan izlemektedir ($X^2=683,345$, $df=5$, $P < 0,000$).

MŪslŪmanlar için cenazeler dıřında bugŪnlerde **camiye** (MŪslŪman olmayanlar için, Cenazeler, evlenmeler, vaftizler dıřında bugŪnlerde **sinagoga/kiliseye**) **ne kadar sık gidiyorsunuz ?** soruna *en çok TŪrkler (%30.6) ve ikinci sırada da Kırğızlar (%29.3) haftada bir veya daha fazla* cevabını vermiřlerdir. Bu oran, diġer ūlkelerin tŪmŪnde yŪzde 10'un oldukça altındadır.

Tablo.1’de görüldüğü şekilde hemen hemen **hiç ibadet etmediğini söyleyenler en çok Azeriler (%43.3) arasındadır.** Azeriler, Özbekler, Ruslar ve Kazaklar izlemektedir.

Tablo 1

Ulke* Camiye(Sinagog/Kiliseye) ne kadar sık gidiyorsunuz?
% within Ulke

		Camiye(Sinagog/Kiliseye) ne kadar sık gidiyorsunuz ?							Total
		Haftada bir defadan fazla	Haftada bir	Ayda bir	Özel günlerde, bayramlarda	Yılda bir	Yılda bir defadanda az	Hiç; hemen hemen hiç	
Ulke	TR	12,1	18,5	4,0	30,1	2,6	5,7	27,0	100,0
	AZ	2,9	2,3	4,2	36,4	5,7	5,2	43,3	100,0
	OZ-BEK	1,1	3,7	4,8	32,6	3,1	15,5	39,3	100,0
	KRG	9,4	19,9	9,2	22,4	3,0	8,7	27,4	100,0
	KA-ZAK	2,1	6,8	10,8	26,5	9,1	8,3	36,4	100,0
	RU	1,5	3,3	8,8	27,4	10,5	11,2	37,3	100,0
Total		4,7	9,0	7,3	28,7	6,1	9,4	34,8	100,0

$$(X^2=1444,372, df=30, P< 0, 000)$$

Cenazeler, evlenmeler dışında **ne sıklıkta dua edersiniz?** sorusuna yine *Türkler (%62.2) ve Kırgızlar (%51.6)* günde bir veya birden fazla dua ederim cevabını vermişlerdir. Yine *en çok Özbekler (%54.2), sonra Azeriler (% 41.9), sonra da Ruslar (%39,7) ve Kazaklar (%33,8) hemen hemen hiçbir zaman dua etmem* cevabı vermişlerdir. Bu diğer Müslüman ülkelerle karşılaştırıldığında hayli **seküler** sayılabilecek bir kitledir. Hiç dua etmem diyenlerin diğer Müslüman ülkelerdeki oranı, Malezya’da%, 1,1, Nijerya’da%0,1, Pakistan’da% 0,6’dır.

Tablo 2

Үлкелер *Не сıklıkта dua edersiniz
% within Ulke

		Ne sıklıkта dua edersiniz								Total
		Günde birkaç defa	Günde bir defa	Haftada birkaç defa	Sadece dini törenlerde	Sadece özel dini günlerde	Yılda bir defa	Yılda birden az	Hemen hemen hiç	
Ulke	TR	47,3	14,9	18,5	3,6	8,9	1,2	1,3	4,3	100,0
	AZ	14,3	1,9	2,4	8,5	23,5	3,7	3,9	41,9	100,0
	OZBEK	11,8	6,0	2,8	3,9	7,4	1,4	12,6	54,2	100,0
	KRG	36,2	15,6	10,6	5,3	11,5	2,1	8,9	9,7	100,0
	KAZAK	6,7	9,9	8,1	14,7	16,1	3,3	7,4	33,8	100,0
	RU	8,4	7,0	8,6	11,5	13,0	3,9	7,9	39,7	100,0
Total		20,3	9,5	8,9	8,1	12,8	2,6	7,2	30,5	100,0

$(X^2=3114,287, df=35, P< 0, 000)$

«Camiye (sinagoga/kiliseye) gidip gitmediğimize bakmaksızın siz **kendinizi dindar bir kişi olarak görür müsünüz?**» sorusuna katılımcıların **büyük bir bölümü dindar gördüğünü ifade etmiştir**. Örneğin *Kırgızlar'ın yüzde 92,4'ü, Türkler'in yüzde 83,4'ü, Kazaklar'ın yüzde 62,5'i, Ruslar'ın 61'i, Özbekler'in yüzde 52'si* kendilerini dindar gördüklerini ifade etmişlerdir. **Kendilerinin dindar olmadığını söyleyenler en çok Azeriler (%72) arasındadır**. Öte yandan bu ülkede *kendilerini ateist olarak tanımlayanların oranı da çok düşüktür (%0,03)*. **Materyalist 70 yıllık Sovyet yönetimine rağmen, sadece Ruslar'ın yüzde 8,3'ü ve Kazaklar'ın% 6,3'ü kendilerine ateist olarak ifade etmektedirler**. Kendilerini dindar olarak tanımlama oranı İsveç, Güney Kore ve Japonya gibi ülkelerle karşılaştırıldığında yüksek, buna karşılık Pakistan (%99,8) ve Katar (%94) gibi diğer Müslüman ülkelerle karşılaştırdığımızda oldukça düşük kalmaktadır.

Tablo 3

Ulke * Dindar bir insan mısınız?

			Dindar bir kişi			Total	
			Dindarım	Dindar değilim	Ateist (tanrıya inanmaz)im		
Ulke	TR	Count	1314	246	15	1575	
		% within Ulke	83,4%	15,6%	1,0%	100,0%	
	AZ	Count	278	721	3	1002	
		% within Ulke	27,7%	72,0%	0,3%	100,0%	
	OZBEK	Count	730	671	4	1405	
		% within Ulke	52,0%	47,8%	0,3%	100,0%	
	KRG	Count	1384	84	30	1498	
		% within Ulke	92,4%	5,6%	2,0%	100,0%	
	KAZAK	Count	938	468	94	1500	
		% within Ulke	62,5%	31,2%	6,3%	100,0%	
	RU	Count	1329	667	181	2177	
		% within Ulke	61,0%	30,6%	8,3%	100,0%	
	Total		Count	5973	2857	327	9157
			% within Ulke	65,2%	31,2%	3,6%	100,0%

$$(X^2=1885,598, df=10, P< 0, 000)$$

Öte yandan Azerbaycan (%99,5), Türkiye (%99,1), Özbekistan (%98,7) Kırgızistan (%96,5) gibi ülkelerde insanların hemen *hemen tümüne yakını*, **Tanrı'ya inandıklarını söylemektedirler**. Tanrı tanımazlar en çok yüzde 10 ile Kazakistan'da ve yüzde 17,2 ile Rusya'dadır. Benzer şekilde

Tablo 4

Ulke* Tanrıya inanır mısınız?

			Tanrıya inanç		Total
			Evet	Hayır	
Ülke	TR	Count	1564	14	1578
		% within Ülke	99,1%	0,9%	100,0%
	AZ	Count	997	5	1002
		% within Ülke	99,5%	0,5%	100,0%
	OZBEK	Count	1480	20	1500
		% within Ülke	98,7%	1,3%	100,0%
	KRG	Count	1443	52	1495
		% within Ülke	96,5%	3,5%	100,0%
	KAZAK	Count	1350	150	1500
		% within Ülke	90,0%	10,0%	100,0%
	RU	Count	1830	381	2211
		% within Ülke	82,8%	17,2%	100,0%
Total		Count	8664	622	9286
		% within Ülke	93,3%	6,7%	100,0%

($X^2=659,489$, $df=5$, $P< 0, 000$)

İnsanların büyük bir bölümü Tanrı'ya inandığını belirtmekle beraber, hem Müslümanlığın hem de Hristiyanlığın temel ilkelelerinden olan **cehennem inancı konusunda sonuçlar değişmektedir**. Örneğin yüzde 90,0 i Tanrı'ya inandığını söyleyen Kazaklar'ın sadece yüzde 57,9 ı cehenneme inandığını belirtmektedir. Aynı şekilde hemen hemen tümü (%99,5) Tanrı'ya inandığını söyleyen Müslüman Azeriler'in de sadece yüzde 79,2 ü cehenneme inandığını belirtmektedir. Benzer şekilde Ruslar'ın da sadece yüzde 52,0 si cehenneme inandığını belirtmektedir. Yüzde 2.4'lük bir gerileme olsa da sadece **Türkler'in din anlayışı, kitabi din yorumuna uygun görülmektedir**.

Tablo 5

Ülke-Cehenneme inanır mısınız?

			Cehenneme inanır mısınız?		Total
			Evet	Hayır	
Ülke	TR	Count	1543	53	1596
		% within Ülke	96,7%	3,3%	100,0%
	AZ	Count	794	208	1002
		% within Ülke	79,2%	20,8%	100,0%
	OZBEK	Count	1246	253	1499
		% within Ülke	83,1%	16,9%	100,0%
	KRG	Count	1310	186	1496
		% within Ülke	87,6%	12,4%	100,0%
	KAZAK	Count	868	632	1500
		% within Ülke	57,9%	42,1%	100,0%
	RU	Count	1008	929	1937
		% within Ülke	52,0%	48,0%	100,0%
Total		Count	6769	2261	9030
		% within Ülke	75,0%	25,0%	100,0%

$(X^2=1366,462, df=5, P< 0, 000)$

Bu durum büyük ölçüde dinin Müslümanlığın ve Hristiyanlığın kutsal kitabına dayanarak yorumlanıp yaşanmasından çok, **din anlayışının kültürel bir karakteristik taşıdığı görüşünü desteklemektedir.**

Özellikle dinin anlamı konusunda Türkiye ile Türk dilli ülkeler arsında önemli bir ayrışma ortaya çıkmaktadır. Türkler'in yüzde 64'ü için dinin anlamı, dini kurallara ve törenlere uymaktır. Ancak hem Ruslar hem de Türkçe konuşan diğer ülkelerin insanları için, **dinin esas anlamı, insanlara iyilik yapmaktır.** Örneğin Kazaklar'ın yüzde 82,9'i, Ruslar'ın 81,0'i, Azeriler'in 70,1'i, Özbekler'in 67,4'i, Kırgızlar'ın 63'ü için, dinin esas anlamı dini kurallar ve törenlerden çok, iyilik yapmaktır.

Tablo 6

**Ulke* Dinin esas anlamı, dini kurallara ve törenlere uymaktır
Vs. Dinin esas anlamı, insanlara iyilik yapmaktır**

			Dinin Anlamı: Din konusunda, şu iki görüşten hangisine daha çok katılırsınız?		Total
			Dinin esas anlamı, dini kurallara ve törenlere uymaktır	Dinin esas anlamı, insanlara iyilik yapmaktır	
Ülke	<i>TR</i>	<i>Count</i>	998	562	1560
		<i>% within Ulke</i>	64,0%	36,0%	100,0%
	<i>AZ</i>	<i>Count</i>	300	702	1002
		<i>% within Ulke</i>	29,9%	70,1%	100,0%
	<i>OZBEK</i>	<i>Count</i>	473	978	1451
		<i>% within Ulke</i>	32,6%	67,4%	100,0%
	<i>KRG</i>	<i>Count</i>	546	943	1489
		<i>% within Ulke</i>	36,7%	63,3%	100,0%
	<i>KAZAK</i>	<i>Count</i>	256	1244	1500
		<i>% within Ulke</i>	17,1%	82,9%	100,0%
<i>RU</i>	<i>Count</i>	416	1779	2195	
	<i>% within Ulke</i>	19,0%	81,0%	100,0%	
<i>Total</i>		<i>Count</i>	2989	6208	9197
		<i>% within Ulke</i>	32,5%	67,5%	100,0%

$$(X^2=1065,764, df=5, P< 0, 000)$$

«Din, esas olarak, öteki dünyaya mı yoksa yaşadığımız bu dünyaya mı anlam kazandırır?» sorunda da *Türkiye, diğer ülkelerden çok belirgin olarak ayrılmaktadır. Türkler*'in dörtte üçü (%75,8) *dinin öteki dünyaya anlam kazandırdığını* düşünürken, Kazaklar'ın yüzde 85,1'i, Özbekler'in 73,3'i, Kırgızlar'ın 68,5'i ve Azeriler'in 61,6'i dinin esas olarak *yaşadığımız bu dünyaya anlam kazandırdığı* düşüncesindedir. **Orta Asya'daki Türk dilli ülkelerde dinin bu konudaki yorumları Türkiye'den çok Rusya'ya benzemektedir.**

Tablo 7

Ülke* Din esas olarak, öteki dünyaya anlam kazandırır vs. Din esas olarak, bu yaşadığımız bu dünyaya anlam kazandırır

			Din esas olarak, ölümden sonrasına, yani öteki dünyaya anlam kazandırır vs. Din esas olarak, bu yaşadığımız bu dünyaya anlam kazandırır		Total
			Öteki dünyaya anlam kazandırır	Bu dünyaya anlam kazandırır	
Ülke	TR	Count	1166	372	1538
		% within Ülke	75,8%	24,2%	100,0%
	AZ	Count	385	617	1002
		% within Ülke	38,4%	61,6%	100,0%
	OZBEK	Count	378	1037	1415
		% within Ülke	26,7%	73,3%	100,0%
	KRG	Count	470	1021	1491
		% within Ülke	31,5%	68,5%	100,0%
	KAZAK	Count	224	1276	1500
		% within Ülke	14,9%	85,1%	100,0%
	RU	Count	316	1780	2096
		% within Ülke	15,1%	84,9%	100,0%
Total		Count	2939	6103	9042
		% within Ülke	32,5%	67,5%	100,0%

($X^2=1854,438$, $df=5$, $P< 0,000$)

Yine «Tanrı'nın sizin hayatınızdaki önemi nedir?» sorusuna daha çok Azeriler, Türkler ve Özbekler çok önemli cevabını vermişlerdir. Bu oran Ruslar ve Kazaklar arasında gerilemektedir ($F(5,9285) = 474,993$, $p < .000$).

«Bilim ile din çelişirse, her zaman din doğrudur» sorusuna en çok Türkler (%74.6) ve Kırgızlar (%70.2) katıldığını ifade etmektedir. Buna karşılık Azeriler'in (%67,1), Kazaklar'ın (%73,8) ve Ruslar'ın (%72,4) büyük bir çoğunluğu bilim ile dinin çelişmesi halinde bilimin doğru olduğu görüşündedir.

Tablo 8

Ulke* Bilim ile din çelişirse, her zaman din doğrudur
% within Ulke

		Bilim ile din çelişirse, her zaman din doğrudur				Total
		Kesinlikle katılıyorum	Katılıyorum	Katılmıyorum	Kesinlikle katılmıyorum	
<i>Ulke</i>	<i>TR</i>	37,0%	37,6%	19,1%	6,4%	100,0
	<i>AZ</i>	16,2%	16,7%	41,0%	26,1%	100,0
	<i>OZBEK</i>	12,2%	24,1%	32,3%	31,3%	100,0
	<i>KRG</i>	36,1%	34,1%	21,5%	8,2%	100,0
	<i>KAZAK</i>	7,4%	18,8%	49,0%	24,8%	100,0
	<i>RU</i>	7,4%	20,3%	40,4%	31,9%	100,0
<i>Total</i>		18,9%	25,5%	33,8%	21,7%	100,0

$(X^2=1662,091, df=15, P< 0, 000)$

Aynı zamanda «Bilim ile din çelişirse, her zaman din doğrudur» diyeler ile «**Tek doğru din, benim inandığım dindir**» diyenler arasında güçlü bir korelasyon vardır ($r=,448^{**}$). Nitekim Türkler'in yüzde 79'u, Kırgızlar'ın yüzde 73.3'ü, Özbekler'in yüzde 80.3'ü, Azeriler'in yüzde 68.7'si «Tek doğru din, benim inandığım dindir» görüşüne katıldığını ifade etmektedirler. Ruslar'da bu oran yüzde 37.5'e, Kazaklar'da yüzde 39'a gerilemektedir.

Ancak «**Devlet okullarında, bir tek değil bütün dinler okutulmalıdır**» görüşüne anketi cevaplayanların çoğunluğu olumsuz cevap vermektedirler. Sadece Türkiye'de olumsuz cevap verenler yüzde ellinin altında kalmaktadır. Buna karşılık incelenen bütün ülkelerde «Benim inandığımdan farklı bir dine inananlar da benim kadar iyi ve ahlaklı insanlardır» görüşüne büyük bir çoğunluk olumlu cevap vermektedir.

Sonuç ve değerlendirme

Mevcut data, hepsi Müslüman olsa da Türk dili konuşan ülkelerin, yaşadıkları coğrafyaların, tarihsel deneyimlerinin ve bugünkü de-

mografik yapılarının etkisiyle dini konudaki değerlerinin Türkiye'den önemli ölçüde farklılaştığını ortaya koymaktadır. Orta Asya'daki Türk dilli cumhuriyetler, Anadolu Türklerine göre İslam'ı çok daha sonra benimsemişlerdir. Bazı yazarların ifade ettikleri şekilde bölge insanı, *İslam öncesi gelenekleri, İslami geleneklere eklemlemiştir*.

Yetmiş yıllık Sovyet deneyimi, hem Rusya'da hem de Türk dilli ülkelerde İslami gelenekleri çok büyük ölçüde zayıflatmıştır. Bugün Türk dilli ülkelerin tümü, Türkiye'den çok daha sekülerdir. Bu ülkelerde insanların çoğunluğu Tanrı'ya inandığını belirtmekle beraber, hem Müslümanlığın hem de Hristiyanlığın temel ilkelerinden olan cehennemin varlığına inananların sayısı oldukça gerilemektedir. Örneğin yüzde 90'ı Tanrı'ya inandığını söyleyen Kazaklar'ın sadece yüzde 57,9'ı cehenneme inandığını belirtmektedir. Aynı şekilde hemen hemen tümü (yüzde 99,5) Tanrı'ya inandığını söyleyen Müslüman Azeriler'in de sadece yüzde 79,2'ü, Ruslar'ın da sadece 52'si cehenneme inandığını belirtmektedirler. Data, gerek Müslümanlığın gerekse Hristiyanlığın, kutsal kitabına dayanarak yorumlanıp yaşanmasından çok, din anlayışının kültürel bir karakteristik taşıdığı görüşünü desteklemektedir.

Bugün az sayıdaki kentli insan ibadethanelere gitmekle beraber Özbekistan ve Kırgızistan gibi ülkelerde insanlar, hayırseverlik, dayanışma, aileye ve büyüklere saygı gibi dini değerlerle gurur duyduklarını ifade etmektedirler. Nitekim Kazakistan istisna tutulursa, aile kurumu Türk dilli ülkelerde Rusya'ya göre daha güçlü durmaktadır.

Türkiye ile incelenen diğer Türk dilli ülkeler arasındaki en büyük farklılaşma, dinin anlamı konusunda kendini göstermektedir. Türkiye Türkleri'nin çoğunluğu, dinin anlamını, dini kurallara uymak olarak ifade ederlerken, diğerleri dinin esas anlamını, insanlara iyilik yapmak olarak ifade etmekte.

Bunun yanında Türkler'in çok büyük bir bölümü, dinin öteki dünyaya anlam kazandırdığını düşünürken, diğer Türk dilli ülkelerin büyük çoğunluğu, dinin yaşadığımız bu dünyaya anlam kazandırdığını iddia etmekte. Data, Orta Asya'daki Türk dilli ülkelerde yaşayan insanların dini yorumlama biçiminin, Türkler'den çok, Ruslar'ın yorumuyla örtüştüğünü ortaya koymaktadır. Türkler'in din anlayışları incelenen diğer ülkelere göre, çok daha fazla formel kurallara dayanmaktadır.

Son dönemde Orta Asya ülkelerinde dini uyanışa vurgu yapan ve içinde radikal İslam kaygısı barındıran yorumlara sıkça rastlanmaktadır. Özellikle bölge dışındaki ülkelerin nüfuz arayışlarının sonucu güçlenen köktenci İslamcı hareketlerin, etkilerini nereye kadar artıracığını, sadece bu toplumların mevcut değerlerine bakarak tahmin etmek kolay değildir. Ancak Türk dilli ülkelerde yaşayan insanların çoğunluğunun dini yorumlama biçimleri, diğer Müslüman ülkelerle karşılaştırılmayacak kadar esnek ve hoşgörülüdür. Bölge insanları için din, bir zorunlu uygulamalar ve kurallar bütünü olmaktan ziyade, bu hayata dair eksistansiyal soruları cevaplayan, kültürel bir fenomendir.

KAYNAKLAR

Abazov, R., (2007); *Culture and Customs of the Central Asian Republics: Culture and Customs of Asia Westport, Connecticut, London: Greenwood Press.*

Aydınğün, A., Tüfekçioğlu, H., (2012); Avrasya'nın Merkezinden Dünyaya Açılan Ülke: Kazakistan, *Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri Türk Dilli Halklar – Türkiye ile İlişkiler içinde*, Editörler: Ayşegül Aydınğün – Çiğdem Balım, T.C. Başbakanlık Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu yayını, Ankara.

Babich, IL. (2008); Islam and the legal system in the Northwestern Caucasus in *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus Post-Soviet Disorder* Edited by Moshe Gammer, Routledge.

Balım, Ç., & Gürbüz, YE, (2012) Özbekistan Respublikasi: 'Özbek Modeli' *Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri Türk Dilli Halklar – Türkiye ile İlişkiler içinde*, Editörler: Ayşegül Aydınğün – Çiğdem Balım, T.C. Başbakanlık Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu yayını, Ankara.

Berger, P., (2008), Faith and Development, *Society*, 46 (1), p.69-75

Berger, P., (2010) Max Weber is Alive and Well, And Living in Guatemala: The Protestant Ethic Today, *The Review of Faith & International Affairs*, 8:4, 3-9

Bozkurt, V., (2014); *Değişen Dünyada Sosyoloji*, 10. Baskı, Ekin Yayınları, Bursa.

Casanova, J., (1994), *Public Religions in the Modern World*, The University of Chicago Press.

Casanova, J., (2007), Rethinking Secularization: A global comparative perspective, in *Religion, Globalization and Culture*, Edit. Peter Beyer, Lori Gail Beaman, Brill, Printed in the Netherland.

Cox, H., (1966); *Secular City*: Cox, H., *Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective*, The Macmillan Company, New York

Cummings, S., (2005); *Kazakhstan Power And The Elite*, By I.B.Tauris & Co Ltd

Dave, B.,(2007); *Kazakhstan_ Ethnicity, Language and Power* (Central Asian Studies Series)

Demiralp, S., (2009): *The Rise of Islamic Capital and the Decline of Islamic Radicalism in Turkey*, *Comparative Politics* 41, 315–335.

Esmer, Y., (1999); Devrim, Evrim, Statüko: Türkiye’de Sosyal Siyasal Ekonomik Değerler, TESEV, İstanbul.

Gullette, D. (2010); *The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic_ Kinship, State and ‘Tribalism’* -BRILL_

Gürbüz, YE, (2012); *Demokrasi ve Otoriterlik Sarkacında: Kırgızistan, Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri Türk Dilli Halklar – Türkiye ile İlişkiler içinde*, Editörler: Ayşegül Aydıngün – Çiğdem Balım, T.C. Başbakanlık Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu yayını, Ankara.

Kanra, B., (2009), *Democracy and Dialogue in Turkey: Deliberating in Divided Societies*, Ashgate Publishing Limited

Khalid, A., (2007); *Islam after Communism Religion and Politics in Central Asia*, Berkeley: University of California Press;

Kort, M. (2004), *Central Asian Republics*. New York: Facts on File, Inc.,.

Liczek, I. & Wandel, J., (2009); *Internalization of universal norms A study of Gender Equality in Kyrgyzstan and Turkmenistan in The Politics of Transition in Central Asia and the Caucasus Enduring Legacies And Emerging Challenges* Edited by Amanda E. Wooden and Christoph H. Stefes

Louw, M. (2007); *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia*. Central Asian Studies

Series. London: Routledge. Mardin, Ş., (1999); *Din ve İdeoloji*, İletişim yayınları, İstanbul

Önis, Z., (2001); «Turkey and Post-Soviet States: Potential and Limits of Regional Power Influence», *Middle East Review of International Affairs*, Vol. 5, No.2, Summer.

Rashid, A., (1994); *The Resurgence of Central Asia Islam or Nationalism?*, London: Zed Books, 1994, pp. 39-40.

Schrooyen, P. (2004); *Modernization in Late Imperial Russia: Some Critical Reflections on and Suggestions for the Study of Russian Society in Civil Society, Religion, and the Nation Modernization in Intercultural Context: Russia, Japan, Turkey*, Editors: Gerrit Steunebrink & Evert van der Zweerde, Printed in The Netherlands

Spechler, MC., (2008); *The Political Economy of Reform in Central Asia Uzbekistan*, Louw, EM., *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia*, Routledge.

Taşdelen, M. (2011); *Sovyet Sonrası Türk Cumhuriyetlerinde Siyasi Değişim, Sosyoloji Konferansları*, Sayı: 43.

Togan, İsenbike; (2012) *Bugünü Anlamak İçin Orta Asya Tarihine Bir Bakış, Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri Türk Dilli Halklar – Türkiye ile İlişkiler içinde*, Editörler: Ayşegül Aydınğün – Çiğdem Balım, T.C. Başbakanlık Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu yayını, Ankara.

Tokluoğlu, Ceylan (2012), *Azerbaycan, Bağımsızlıklarının Yirminci Yılında Orta Asya Cumhuriyetleri Türk Dilli Halklar – Türkiye ile İlişkiler cilt II içinde*, Editörler, İsmail Atıngün-Çiğdem Balım, T.C. Başbakanlık Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu yayını, Ankara.

Yaman, A. (2008); *Sovyet Sonrası Dönemde Orta Asya’da Din ve Siyaset Üzerine Genel Bir Değerlendirme, Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli*, Sayı: 8

Yeşilada, B. A., & Noordijk, P. (2010). *Changing values in Turkey: Religiosity And Tolerance In Comparative Perspective. Turkish Studies*, 11, 9-27.

RELIGIOUS VALUES IN THE TURKIC-SPEAKING COUNTRIES

Prof. Dr. Hayati Tüfekçioğlu

İstanbul Üniversitesi

Prof. Dr. Veysel Bozkurt

İstanbul Üniversitesi

Prof. Dr. Birol Yeşilada

Portland State University USA

The aim of this paper is to examine the religious values among the Turkish, Azerbaijani, Kyrgyz, Uzbek, Kazakh people. Russia, as a control group, were included in the analysis. The paper is based on the most recent World Values Survey (2011) data.

Most of the sample in the Turkic-language countries declares that they «believe in God» and «God is important in their life». Few people state that they have strong religious practices. The interpretations of Islam among the Central Asian Countries varies significantly from that in Turkey. The basic meaning of religion for most of the Central Asians is «to do good to other people», but for Turkish people, it commonly means «to follow religious norms and ceremonies».

Like Orthodox Russians, majority of Muslim Central Asians believe that the meaning of religion is «to make sense of life in this World», not «to make sense of life after death». However majority of Turkish people think that is the opposite. In sum, the data show that the Central Asian Turkic-Speaking Muslims in Post-Soviet republics have tolerance, flexibility and secular insight more than the people who live other Muslim countries.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ

Проф. Доктор Хаяти Тюфекчиоглу,

Стамбульский Университет

Проф. Доктор Вейсель Бозкурт,

Стамбульский Университет

Проф. Доктор Бирол Йешилада,

Портландский Государственный Университет США

Цель данной статьи – изучение религиозных ценностей в Турции, Азербайджане, Киргизии, Узбекистане и Казахстане. Россия, в качестве контрольной группы, включена в анализ. Данная статья основана на последнем информационном комплекте (2011–12) «Исследование Мировых Ценностей».

Наряду с тем, большая часть людей в Тюркоязычных странах указывают, что верят в Господа и Он играет важную роль в их жизни; немногие из них утверждают, что соблюдают религиозные правила. Толкование Ислама в странах Средней Азии намного отличается от толкования в Турции. Для них смыслом религии является «Делать добро людям». Но, для многих Турков, живущих в Турции, религия – это «соблюдать правила и обряд».

Как и православные россияне, большинство Мусульман, живущих в Средней Азии, верят, что религия придает смысл не в «потустороннем мире», а в «этом настоящем мире». В то время, как Турецкий народ, живущий в Турции, верят в обратное. Таким образом, мы видим то, что Тюркоязычные Мусульмане, живущие в пост-советских республиках, более снисходительны, гибки и живут светской жизнью, по сравнению с живущими в других мусульманских странах.

SOSYAL SERMAYE ÖLÇÜTLERİ VE TÜRKİYE

Doç. Dr. Eyüp Zengin

İstanbul Üniversitesi Avrasya Enstitüsü

Dr. Mehmet Ayaz

Giriş

Ülkelerin sınıflandırılması sanıldığı kadar kolay bir kavram değildir. Kriterler, şartlar, ülke yapısı, bulunduğu coğrafya daha da eklenebilecek birçok değişken ülke sınıflandırmasına etki etmektedir. IMF ve Dünya Bankasının ülkelerin ekonomik rakamlarını değerlendirerek yapmış oldukları gelişmiş, gelişmekte olan ve az gelişmiş ülke sınıflandırmaları dünya ülkeler tarafından genel kabul görmüş değerlendirmelerdir. Türkiye’de son yıllar da yapmış olduğu yatırım, uyguladığı politikalar ve sahip olduğu değerler açısından değerlendirildiğinde Brezilya, Rusya, Hindistan, Çin, Meksika, Endonezya ile birlikte gelişmekte olan ülkeler olarak değerlendirilmiştir.

Çevremizden algıladığımız her türlü veriyi bilgi olarak değerlendirmek doğru bir yaklaşım değildir. Verinin bilgiye dönüşmesi için işlenmiş, veriye sahip olan kişiler tarafından bir şeylerin eklenmesi gerekmektedir. Toplum olarak yaşanan bir yer de sadece kişi bazında bilgilenmekte yeterli değildir.

21.yüzyılda entegre, chip teknolojilerinin gelişmesiyle başlayan bilgi çağı, küresel pazarda söz sahibi olmak isteyen ülkelere sayısız fırsatlar sunmuştur. Bilgi faktörünün teknolojiyle birleşmesiyle inanılmaz bir sürat kazanan dünya acımasız bir hal almış, ülkeler arasındaki uçurum giderek artmaya başlamıştır. Bilgi teknolojisine sahip olan ülke hızla gelişirken, elinde bu imkânı olmayan ülkeler de yaptıkları teknoloji harcamaları ile yine gelişmiş ülkelerin gelirlerine gelir katmasına sebep olmuşlardır.

Sosyal sermaye kavramı içinde sermaye kelimesini barındırıyor olsa bile nakit olarak bir şey ifade etmemektedir. Ancak burada var olunan, gelecekte kullanılmak üzere biriktirilen unsur güvendir. Kişilerin, hükümetlerin veya devletlerin diğer kişilerle, hükümetlerle ve devletlerle kurdukları iyi iletişim, doğru politikalar sosyal sermayenin dolmasını sağlar. İçinde bulunulan bilgi çağını hiçbir nakit değeri olmadığı halde en az diğer sermaye türleri kadar etkisi olan sosyal sermaye kavramı giderek yalnızlaşan insanoğlunun sınıksız sarılması gerekli bir olgu olarak karşımıza çıkmaktadır. Artık gelişmişliğin göstergeleri olan ekonomik faktörlerin yanı sıra sosyal sermaye faktörünün de çok önemli bir kavram olduğu kabul edilir bir gerçektir.

Sosyal sermaye kavramı

Sermaye kelime anlamı olarak, gelir ve kazanç gibi, fayda akışı sağlayan, maddi varlık birikimini ifade eder. Ancak, bugün, sermaye, maddi olan veya olmayan, her bir sermaye biçiminin fayda akışı sağladığı varlıklar sınıfını ifade eder. Yani, üretime sokulan, değerli, işlendikten sonra katma değer yaratan, değerinin objektif ölçütlerle ortaya koyabildiği maddi varlıklar olarak ele alınmasının yanında, elde edilmesi güç, kullanılan süreçlerde fark yaratan, pazarda rekabet üstünlüğü sağlayan ancak objektif ölçütlerle de değer biçilmesinin zor olduğu, maddi olmayan varlıklar da akla gelmektedir. Sosyal sermayede depolanan, biriktirilen ve ileri de kullanılması düşünülen insanlar arası ilişkiler, güvenle oluşan birlikteliklerdir. (Zengin, Ayaz, 2010; 2). Sosyal sermaye kavramı «toplumu bir bütün olarak bir arada tutmak üzere tuğlalar arasındaki çimento ve parçaları birleştiren yapıştırıcı» şeklinde de açıklanır. (Aydın, 2008, 5)

Sosyal sermaye kavramı birey düzeyinde tanımlanabildiği gibi, kent ve hatta ulus düzeyinde de tanımlamak mümkündür. Kavram genellikle birey düzeyindeki tanımlamalarda, bireyin başarı amacına ulaşmasını sağlayan işbirliği eğilimleri, sosyal destek ağları ile ilişkilendirmiştir. Bunu yanı sıra sosyal sermaye, kent düzeyinde, daha çok «güven içinde yaşayabilme» olanakları ile bağlantılı olarak, sosyal kontrol ve suç oranı gibi göstergeler aracılığıyla tanımlanmaktadır. Ulus düzeyinde ise sosyal sermaye, güven ilişkilerinin kurumsallaşması ve sivil toplum etkinliklerinin gelişmesiyle karakterize edilmektedir.

Türkiye'nin sahip olduğu örf, adet ve dini inançları açısından sosyal sermayenin birçok izine rastlanılmasına rağmen Türkiye'nin 47 ülke arasında yapılan Dünya Değerler Araştırmalarında 45. Sırada yer alması kayda değer bir konudur. (Ayaz, Pehlivanoglu, 2012)

Dünya bankasının ülkeleri sınıflandırmak adına yaptığı çalışmalar sonucu elde ettiği verilere göre, ilk olarak Amerika Birleşik Devletleri, Japonya, Almanya, Büyük Britanya Birleşik Krallık, Fransa, İtalya gibi ülkeleri dünya ekonomisinin lideri konumuna getirerek G6 (Group of Six) kurmuş sonra, 1975 yılında Kanada'nın, daha sonra da Rusya'nın katılmasıyla G8 (Group of Eight) tanımını kullanmıştır. Bu tanımlamanın kavramı G20 kadar genişlemiş Türkiye'de kendine 17. sırada yer bulabilmiştir. IMF, G20 diye adlandırılan ülkeleri de kendi aralarında gruplandırılarak ülkelerin ilk harflerinden oluşan BRIC (Brezilya, Rusya, Hindistan ve Çin) diye adlandırılan gelişmeye aday ülkeleri belirlemiş, BRIC+3 diyerek Meksika, Endonezya ve Türkiye'yi ilave etmiştir. İlerleyen zamanlarda IMF bu ülkeleri E7 (emerging economies, gelişim, gelişmekte olan ekonomi) adı altında değerlendirmeler de bulunmuştur. Bu çalışmada da E7 ülkeleri olan Brezilya, Rusya, Hindistan, Çin, Meksika, Endonezya ve Türkiye arasında değerlendirilmeler yapılacaktır.

Sosyal sermayenin göstergeleri ve ölçülmesi

Sosyal sermayenin ölçümü üzerine gerçekleştirilen çalışmalara bakıldığında, bu çalışmaların sosyal sermayeyi ne şekilde ölçülebileceğine ilişkin ortak bir noktada buluşamadığını, buna karşın tümünde, sosyal sermaye kavramının ölçümünün oldukça güç olmasına vurgu yaptığı görülmektedir.

Sosyal sermayenin ölçülmesinde karşılaşılan güçlüklerin nedenleri ise genel olarak şu şekilde ortaya koyulmaktadır (Altay, 2007; 341):

- Çok boyutlu her şeyi kapsayan nitelikte olmasıdır.
- Sosyal sermayenin bağlamsal yapısı nedeniyle ölçümüne ilişkin sonuçların değerini yitirmesi, hatta geçersizleşmesidir.
- Sosyal sermayenin işlevselliği açısından bilgi veremeyecek olmasıdır.

Bu kriterler gelişmekte olan ülkelerin ortalamalarıyla Türkiye ortalamaları karşılaştırılacaktır.

GÖSTERGELER	TÜRKİYE ORT.	BRIC ORT.
<i>GSYİH İçinden Ar-Ge İçin Ayrılan Pay</i>	0,6935	1,1435
<i>Ar-Ge 2011 Yılında Yapılan Harcamalar</i>	6,9 milyar \$	37,25 milyar \$
<i>Bin Kişi İçindeki Araştırmacı Sayısı</i>	2,34	2,85
<i>Bilimsel Teknik Ve Dergi Makaleleri</i>	8296	17756
<i>Patent Başvuruları</i>	181	32178
<i>Ülkelerin Okur Yazar Ortalamaları</i>	90,81	94,33
<i>Öğrenci Başına Yıllık Eğt. Harcamaları</i>	53,81	77,45
<i>Yüksek Öğretim Okullaşma Oranları</i>	*45,81	32,74
<i>Her Yüz Kişideki İnt. Kullanıcı Sayısı</i>	*38,17	25,75
<i>İleri teknoloji ihracatı (milyon dolar)</i>	2745	60891
<i>E-devlet Kullanım Oranları</i>	0.5281	0,5921
<i>Güven Endeksi</i>	*0,699	0,6823
<i>Cezaevi nüfusu</i>	64,051	278,68
<i>100.000 kişideki suçlu oranı</i>	92	182
<i>Vergi Oranları</i>	43,9	55,94
<i>Boşanma Oranları</i>	*0,5	9.254
<i>İntihar Oranları</i>	*3,7	12,58
<i>Kişi Başına Düşen GSYİH (dolar)</i>	*9849,8	6434,21
<i>Göç Oranları</i>	*-125000	-699585

Kaynak: <http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM>; <http://www.divorcereform.org/gul.html> <http://www2.unpan.org/egovkb/datacenter/CountryView.aspx>, OECD Factbook 2011: Economic, Environmental and Social Statistics ISBN 978-92-64-11150-9 – © OECD 2011, OECD, Education at a Glance, 2009, sayfa 202.

Sosyal sermayenin belirleyici unsurlarının daha iyi anlaşılmasında sosyal sermaye miktarının bir toplumda nasıl ölçüldüğü çok önemli bir konudur. 2003 yılında Bjornskov ve Svendson tarafından yapılan bir literatür çalışmasında sosyal sermayeyi ölçmeye yönelik 10 kadar denenmiş yöntem rastlanmıştır (Bjornskov vd., 2003; 9-17), Bu ölçümlerde birbirine yakın ve birbirinden farklı kriterler kullanılmış olsa da bu yazarlarca mikro ve makro olmak üzere ikili bir ayrıma tabi tutulmuşlardır. Mikro yaklaşım kapsamında; bireylerin gönüllü kuruluşlara üyelikleri ve güven derecesi; Makro yaklaşım kapsamında ise; hükümetin gücü, bireylerin gönüllü kuruluşlara üye-

lik oranları yer almakta ve Freedom House tarafından her yıl düzenlenen «Öзгүрлүк Индекси» sonuçlarının bu konu ile іlgіlenenlerce қоғу zaman kullandırдығы гөрүлмектедір. Norris ise 2002’de yaptıғы чalışmada bu іki yaklaşıмы bir araya getirerek, bireylerin генеллестірілміш гүвен дүзeyerіnі, herhangi bir kuruluşа üye olup olmadıklarını, bu kuruluşlarda aktif rol ойнауып оыnamadıklarını индексе дāhil etміştір (Altay, 2007; 341).

Putnam sosyal sermayenin önemli bir unsuru olarak tanımladıғы sosyal ағлары дернеklere üyelіk oranları ile ölçmektedir. Yardım dernekleri, okul aile birlikleri, izcilik grupları ve kardeşlik dernekleri bu kapsamda yer almaktadır.

Sosyal sermaye ve bilgi toplumunun göstergeleri olarak değerlendirilmeye alınacak olan kriterler; GSYİH іçinden Ar-Ge іçin ayrılan pay, Araştırmacı sayısı, patent ve makale sayısı,okur yazar oranı, internet kullanıcı sayısı, teknoloji ihracat rakamları, e-devlet oranı,gүвен индексі, cezaevi nüfusu, suçlu oranı, boşанma ve intihar oranları, vergi ve göç oranlarıdır.

Geniş ve kapsamlı göstergelerin yokluğunda toplumlarda var olan гүвен durumu en kabul edilir göstergeler konumunda bulunmaktadır. «Гүвен» sosyal sermayenin en önemli unsuru olarak ifade edilmektedir. Metodolojik olarak гүвен tanımlamaları ne olursa olsun, sosyal sermayenin ve гүвенin belirleyicilikleri konusunda uzlaşmaya varılmış gibidir. Makro düzeydeki деғішкенlerden ülkelerin gelir düzeyleri ve gelirlerin adil dağılması sosyal sermayenin ve bireyler arası гүвенin gelişimine pozitif katkıda bulunacaktır. Bu konuda yapılan en önemli girişim Dünya Değerler Araştırması (World Values Survey) gelmektedir. Yapılan bu araştırmada insanlara yöneltilen şu soru toplumların гүвен durumunu ачığа чıkarmaktadır: « Sizce genelde insanların қоғуна гүвеніlebilir mi? Yoksa başkalarıyla herhangi bir ілішki kurarken veya bir іш yaparken hiçbir zaman dikkati elden bırakmamak mı gerekir ?» Bu soruya verilen cevaplar еğer evet, «insanların қоғуна гүвеніlebilir» şeklinde oluşuyorsa bu toplum гүвен ачısından yüksek bir yerde, diğer шık «dikkatli olmak gerekir» seçeneği öне чıkarsa da düşük гүвенli bir toplum olduğu şeklinde anlaşılmalıdır.

Sosyal sermayenin göstergelerine göre Türkiye

Yapılan чalışmanın bulgularının genel olarak değerlendirilmesi maddeler halinde ашаğıda yer almaktadır:

➤ Türkiye ekonomisi yapısı, yatırımları ve sahip olduğu değerler açısından sınıflandırıldığında 111 ülke ile birlikte sanayisi hızla gelişmekte olan ve teknoloji satın alan ülke olarak gelişmekte olan ülkeler sınıfına girmektedir.

➤ Türkiye okuma yazma oranı açısından değerlendirildiğinde son yıllarda yapılan yatırımlara rağmen hızla gelişmekte olan ülkeler içinde iyi bir değere sahip değildir.

➤ Bilgi toplumunda gelişimin temeli olarak gösterilen Ar-Ge yatırımları açısından değerlendirildiğine Türkiye hem OECD ülkelerinden hem de hızla gelişmekte olan BRIC ülkelerinden daha az yatırım yapan ülke konumundadır.

➤ GSYİH'dan eğitime ayrılan pay açısından incelendiğinde Türkiye ile hızla gelişmekte olan ülkeler arasında büyük farklar olduğu değerlendirilmiş, bu farkın yükseköğretim olarak değerlendirildiğinde ise daha da fazla olduğu görülmüştür.

➤ Türkiye nüfusunun %52'lik kısmın genç nüfus olarak değerlendirildiği ve genç nüfusun eğitime verilecek önemin bilgi toplumu olma yolunda anahtar rol alacağı değerlendirilmektedir.

➤ Türkiye'de öğrenciler daha fazla para harcayıp, öğretmen ve derslik olarak az olmaktan kaynaklanan ilgiden daha az faydalanmaktadır. Bunu yanında öğretim elemanlarının sayısı ve bu öğretim elemanlarının aldıkları ücretler açısından değerlendirme yapıldığında yine gelişmekte olan ülkeler içinde iyi bir dereceye sahip olunamadığı görülmektedir.

➤ İleri teknolojinin ürünleri olan telefon, bilgisayar, ipod, internet gibi ürünleri satın alıp kullanma ve değiştirme sıklığı açısından değerlendirildiğinde dünya sıralaması listesinin ilk sıralarında yer alırken bu teknolojileri üretilip dış pazarlara satma açısından değerlendirildiğinde listenin alt sıralarında yer alındığı görülmektedir.

➤ İleri teknolojileri üretilen pazarlar da var olmayı sağlayacak teknoparkların sayısının yeterli olmadığı, teknoloji ithalatının ihracattan daha fazla olduğu değerlendirilmiştir. İleri teknoloji ürünlerinin pahalı ürünler olması sebebiyle satın alınan her ürün ülke ekonomisini daraltırken gelişmiş ülkelerin kaslarının dolmasına bu da zaten açık olan ekonomik farkın giderek açılmasına sebep olmaktadır.

➤ Bilgi toplumunun göstergeleri olarak değerlendirilen patent başvuruları ve makale/dergi yazıları açısından değerlendirildiğinde bilgi toplumu olma yolunda sıkı çalışmak gerektiği ve Türkiye'nin daha yolun başında olduğu değerlendirilmektedir.

➤ Küreselleşen dünya da bilginin hızlı yayılımını sağlayan ile-ri teknoloji ürünleri olan bilgisayarlar vasıtasıyla kullanılan internet kullanım oranları açısından değerlendirme yapıldığında OECD ve BRIC ülkelere göre zaten az olan kullanım oranı, amacına uygun kullanılmamakta, e-posta maksatlı kullanım araştırma maksatlı kul-lanıma göre üç kat daha fazla olduğu değerlendirilmektedir. Ancak internet için ödenen ücretler olarak dünyanın en pahalı internetini kullanan ülkeler arasında olduğumuz da bir gerçektir.

➤ Bilgi toplumunda eğitilmiş insanın önemi bir kat daha art-mıştır. Türkiye'de genç nüfusu eğitmek için yükseköğretime daha fazla önem verilmeli, okullaşma oranı, öğretim elemanı sayısı ve sağ-lanan imkânlar arttırılarak «beyaz yakalı» işçi sayısının artmasının sağlanması gerektiği vurgulanmıştır.

➤ Sosyal sermaye ve GSYİH oranları arasındaki bağlantı ince-lenerek ekonomik refahlığın güven duygusuna etkisi değerlendiril-melidir. Ekonomik olarak rahat olan kişiler de güven duygusu daha fazla olduğu bunun da sosyal sermayenin artmasına sebep olduğu de-ğerlendirilmiştir.

➤ Türk insanının özünde var olan yardımlaşma, dayanışma gibi insani duyguların yaşanan siyasi ve ekonomik krizler, yapılan hatalı yatırımlar, devlet çıkarlarının önüne geçen siyasi ve kişisel çıkarlar sayesinde giderek törpülediği, sonuçta güven duygusunun kaybol-masına yol açtığı değerlendirilmiştir.

➤ Sosyal sermaye oluşumuna destek veren en önemli yapıların başında sivil toplum kuruluşları gelmektedir. Bugüne kadar kavgacı, siyasi kimliklere bürünmüş sivil toplum kuruluşları artık hem işçinin hem işverenin hem de devletin çıkarlarını koruyacak politikalar belir-lemeli ve dünya da mevcut diğer sivil toplum kuruluşlarıyla kendini karşılaştırarak politikalarını güncellemelidir.

➤ Güven duygusunun yaygınlaştığı toplumlarda suç oranının düşük olduğu, bunda güvenlik harcamalarının azalmasına sebep olduğu vurgulanmıştır. Ülkelerin GSYİM'dan yapılan harcama ka-lemelerinde en fazla yer tutan güvenlik harcamalarını yerine vatandaşa

hizmet olarak geri dönmesi refah ve sosyal devlet olmanın nihai hedefi durumundadır.

➤ Bir toplumda suç oranının azalmasının ilk şartı eğitimidir. Eğitilmiş insanın suç işleme oranı diğerlerine göre daha azdır. Dolayısıyla suçun az olduğu toplumlar da güven duygusu artar ve devletine, vatandaşına ve etrafındaki insanlara güvenen toplumlar oluşmaya başlayacaktır.

➤ Eğitilmiş toplum yaratma konusunda en önemli faktör öğretim elemanlarıdır. Ülke olarak az değerlerini bilinen öğretim elemanlarının yaşam koşulları iyileştirilip, sosyal sermayesi yüksek, bilgi toplumu olma yolunda kilit kişiler olduğu bilincinin hem öğretim elemanlarında hem de devletimizde oluşması gerektiği değerlendirilmiştir. Türkiye'nin özellikle yükseköğretimde görev yapan öğretim elemanlarına yapacağı yatırımların Ar-Ge yatırımı olarak değerlendirilmeli, yapılan yatırımın geleceği aydınlatacağı asla unutulmamalıdır.

Değerlendirme

Sonuç olarak Türk insanının bilgi toplumu olma konusunda teknolojiye olan açlığı, sahip olduğumuz genç nüfus, Mustafa Kemal Atatürk'ün de vurguladığı gibi damarlarındaki asil kan bizim bu yoldaki en önemli avantajı olarak görülmektedir. Ancak sanayileşmesini tam olarak tamamlayamamış bir ülke olan Türkiye, bilgi toplumu yolunda ilerlemek istiyorsa eğitime ve Ar-Ge'ye biraz daha önem göstermelidir.

Sosyal sermayesi yüksek ülke olma yolunda sahip olduğumuz değerler ve gelenekleri aynı yıllardır değerlendirilmeyip toprak altında yatan kıymetli yer altı madenleri gibi keşfedilip değerlendirilmeyi beklemektedir. Türk insanı zaten özünde yardımseverdir. Türk insanının gözünde devlet hep güçlüdür. Dolayısıyla oluşturulacak güven ortamı ile sosyal sermaye liginde üst basamaklara hızla gideceğimizden kimsenin kuşkusu yoktur.

Türkiye'nin düşük sosyal sermayeye sahip olmasının sebepleri ve bu sebeplerin diğer gelişmekte olan ülkeler ile karşılaştırılması yapıldığında öne çıkan etkenlerin eğitim, sivil toplum kuruluşları ve güven olduğu değerlendirilmektedir.

Bilgi toplumunun gelişmesiyle refah ve eğitim seviyesi artacak, devletin sosyal devlet anlayışına göre yapması gereken yatırımların yapılmasını sağlayacak, vatandaşın devletine ve etrafındakilere güven

duygusunun oluşmasına sebep olacaktır. Güven de sosyal sermayenin ölçümünde kullanılan kavramdır. Dolayısıyla artan refah ve eğitim seviyesi kişilerin ve ülkelerin sosyal sermaye olarak kasalarının dolmasına ve dünya sıralamasında yerinin yükselmesini sağlayacaktır.

KAYNAKLAR

Altay, A., (2007), «Bir Kamu Malı Olarak Sosyal Sermaye Ve Yoksulluk İlişkisi,» Ege Akademik Bakış / Ege Academic Review (1): 337–362

Ayaz, M Pehlivanoglu, F. (2012), «Ekonomik Kalkınma Açısından Sosyal Sermayenin Ölçülmesi ve Karşılaştırılması: Türkiye ve OECD Ülkeleri Örneği,» The International Conference on Knowledge, Economy and Management (ICKEM) November 8-10, 2012, in ISTANBUL-TURKEY

Aydın, A.H., (2008), «Yerel Siyasette İnsan İlişkilerinde Güven Bunalımı veya Sosyal Sermaye Fakiri Olmak», Yerel Siyaset Dergisi, www.yerel-siyaset.com/pdf/ocak2008/2.pdf, erişim 19.08.2011.

Bjørnskov C., Svendsen G. T. (2003), «Measuring Social Capital – Is There A Single Underlying Explanation?,» *Working Paper 03-5*, Department of Economics Aarhus School of Business

Erkan, H. (2004), «Ekonomi Sosyolojisi,» *Fakülteler Kitabevi*, 5. Baskı, İzmir.

<http://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM>, erişim tarihi 10.09.2012

<http://www.divorcereform.org/gul.html>, erişim tarihi 10.09.2012

<http://www2.unpan.org/egovkb/datacenter/CountryView.aspx>, erişim tarihi 10.09.2012

Güçlü, N. Sotirofski K. (2006), «Bilgi Yönetimi,» *Türk Eğitim Bilimleri Dergisi* Güz 2006, 4(4), 351-371.

Kocacık, F. (2003), «Bilgi Toplumu ve Türkiye,» *Cumhuriyet Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, C. 17, S.1, s. 1-10

Odabaş, H. (2003), «Kurumsal Bilgi Yönetimi,» *Türk Kütüphaneciliği*, 17, 4 (2003) s. 357-368 (<http://www.tk.org.tr/index.php/TK/article/view/302/294> Erişim Tarihi, 20. 02. 2014)

Oecd (2009), «Education at a Glance,» 2009, s. 202

Oecd, (2011), «Factbook 2011: Economic, Environmental and Social Statistics,» ISBN 978-92-64-11150-9 – © OECD 2011,

Zengin, E., Ayaz, M. (2010), «Information Socitey, Social Capital And Turkey,» *Application of Information and Communication Technologies (AICT)*, 2011 5th International Conference on. Baku, Azerbaycan.

CRITERIA OF SOCIAL CAPITAL AND TURKEY

*Doç. Dr. Eyüp ZENGİN**İstanbul Üniversitesi Avrasya Enstitüsü**Dr. Mehmet Ayaz*

Limit does not recognize the change in the 21st century the concept of information society development is considered to be the most important step. Knowledge and the society that holds together the concept of the words on a personal basis, not as a society emphasizes the need to be informed. Increasing the literacy rate among the requirements for becoming knowledgeable society, more efficient use of the Internet, techno parks, and here is the marketing of products manufactured outside.

In this study, firstly, countries, economies of classification were assessed values as of Turkey's entry into the class of the developing countries was emphasized. Generally accepted in the world of information society indicators are investigated, developed and rapidly developing and making evaluations for Turkey within the framework of the various indicators and statements emphasized that Turkey's place among the nations of the world.

The main purpose of this study, using advanced technology products in Turkey, is the place of use in many areas of the information society as a society that we have to explain the different concepts of perception. Not because of the technology that manages the Turkish people hunger for technology to become a society ruled by technology, which is expensive due to the high-tech products that were damaging to the national economy of hunger. Political and economic crises experienced in Turkey, unstable policies are evaluated in terms of social capital in developing countries is less confidence in each other, causing the formation of a social structure created. Increased sense of confidence in the crime rate decreased societies, has led to an increase in the number of security forces and the police. Rapidly developing countries examined, the largest proportion of national income, expenditure on security spending. Security expenditures will be reduced in societies with high social capital that will contribute to the country's economy, security, understanding of the social state based on the location of expenditures will be serving the citizen. Table that is created by those who were in prisons in Turkey, the higher degree of education is almost non-existent level of the number of graduates have also once again illustrates the importance of educated people. In this respect, the crime rate decreased, the first condition to create a society of educated people settled in confidence to train. Governments in this task at first, then decreases to instructors who work in higher education.

КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ТУРЦИИ

*Доц. Доктор Эюп ЗЕНГИН,
Стамбульский университет Институт Евразия
Мехмет Аяз,
доктор наук*

Не подвергается сомнению и не признает изменения тот факт, что в 21-м веке концепция развития информационного общества считается наиболее важным шагом. Знания и общество, которое скрепляет понятие слов на личной основе, а не как общество, подчеркивает необходимость быть информированным. Повышение уровня грамотности стоит первым среди требований, чтобы стать осведомленным обществом, более эффективно использовать Интернет, создавать технопарки, которые являются аналами сбыва продукции, производимой за пределами страны. В этом исследовании, во-первых, экономика всех стран была подвергнута классификации и Турция вошла в класс развивающихся стран. Исследованы общепринятые в мире индикаторы информационного общества, развитых и быстро развивающихся стран сделаны оценки для Турции в рамках различных индикаторов, и подчеркнувшие место Турции среди стран мира. Цель этого исследования, используя продукты передовой технологии в Турции, расширил место их использования во многих областях информационного общества. При этом мы должны объяснить различное понятие восприятия. Не из-за технологии, которая управляет турками, они жаждут технологии, чтобы стать обществом, которым управляет технология, которая является дорогой из-за высокотехнологичных продуктов, которые были разрушительными для народного хозяйства. Политические и экономические кризисы имели место в Турции, нестабильная политика, с точки зрения социального капитала в развивающихся странах, приводит к меньшей уверенности друг в друге, вызывая формирование созданной социальной структуры. Увеличенное чувство уверенности в росте уровня преступности привело к увеличению числа сил безопасности и полиции. Быстро развивающиеся страны тратят самую большую пропорцию национального дохода на расходы безопасности. Расходы безопасности снижаются в обществах с высоким социальным капиталом, и это способствует экономике страны, безопасности, пониманию социального государства, основанного на структуре расходов, служит гражданину. Таблица, которая составлена теми, кто был в тюрьмах в Турции, свидетельствует о необходимости более высокой степени образования, что почти несуществующем уровнем среди заключенных числа выпускников, также еще раз иллюстрирует важность образованных людей. Первое условие - создать общество образованных людей, и в результате уровень преступности уменьшится.

SİVİL TOPLUM KÜRESEL ÇEVRE SORUNLARININ ÇÖZÜMÜ İÇİN BİR ARAÇ ÖNERİYOR! ÖRNEK OLAY: NEVADA-SEMİPALATINSK ANTI-NÜKLEER HAREKETİ

Doç. Dr. Mustafa Çağlayandereli
Mersin Üniversitesi, Sosyoloji bölümü

Giriş

Küresel dünyanın geleceğinde öne çıkan sorun alanı ‘çevre’ ve özel olarak da ‘nükleer’ tehdittir. Mevcut siyasal rejimlerin ‘ekonomik büyümeyi öne alan yönetim anlayışları’ giderek artan çevre sorunlarını çözmekten uzak görünüyor. Bu durumda sivil toplum ve onun etkili enstrümanlarından birisi olan ‘sivil itaatsizlik’ çözüm için devreye girmiş bulunuyor. Örnek olay Olzhas Suleimenov’un 1989’da başlattığı ‘Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket’tir (NSANH). Bu halk hareketini (başta Orta Asya’nın önemli siyasal figürü Nursultan Nazarbayev olmak üzere) siyasal karar alma mekanizmalarının da desteklemesiyle, Kazakistan topraklarındaki nükleer silah denemeleri durdurulmuş, test alanları kapatılmıştır. NSANH Orta Asya’da ‘sivil toplumu’ esas alan ‘demokratik yönetimlerin’ ortaya çıkmasına ve devamında ‘Soğuk Savaş’ döneminin sona ermesine ve ‘Küreselleşme’ sürecinin önünün açılmasına da katkı sağlamıştır. Dış etkenleri sabit saymak kaydıyla, halkın ve siyasal elitlerin birlikte başardığı bu ‘toplumsal değişme’ olayı Kazakistan’ı küresel çevre sorunlarının çözümü için ‘model’ ülke konumuna getirmiştir. Gözden kaçan önemli nokta ise NSANH özünde çevreci karakterli ve özgün bir ‘sivil itaatsizlik’ hareketi olduğu halde bu niteliği üzerinde durulmamış ve çevre ve sivil toplum literatüründe de hak ettiği yeri alamamıştır. Bu durumda, NSANH’i çevre ve sivil toplum teorileri bağlantılarıyla çözümlenmek uygun olacaktır.

Sanayi devriminin başlangıcından bu yana özellikle ‘mamul maddelerin’ üretimi tüketimi ve bölüşümü sürecinde ortaya çıkan çevre sorunları kümülatif artmakta ama istendik ve gerekli çözümler üretilememektedir. Bu durum dünyada süregiden bir ekonomi-politik krizin varlığının argümanıdır. Batı’nın modernitesi ve Doğu’nun hümanizmi ya da din ve ideoloji gibi farklı kültürel değer sistemleri insanlara (‘benzer’ söylem olarak) ‘refah’, ‘amaçları gerçekleştirme’, ‘eşitlik’, ‘güven’ ve tüm bunların mekânı olarak ‘gelişmiş çevreler’ vaat ediyor. Ve fakat hem bu vaatlerin hem de ekonomi-politik, kültürel ve çevresel krizlerin aynı anda, bir arada var olması kaotik bir yapıya hapsoldüğümüzü gösteriyor.

İçinde yer aldığımız tarih kesitinde, bu kaotik yapının çözüm aracı olarak sivil toplum düşüncesi gelişmeye başladı. *Sivil toplum* en genel anlamda, ‘bürokratik eylem sistemleri’ dışında kalan alanlarda bireylerin farklı ve çeşitli toplumsal sorunlar etrafında ‘gönüllü olarak örgütlenmeleri’; ve böylece ortaya çıkan, ‘iletişimsel-eylemsel ağ’ aracıyla ‘karar alma süreçlerine dâhil olmaları’ biçiminde tanımlanabilir (Çağlayandereli, 2006). Bu tanım esas alındığında ‘sivil toplum’ ve ‘katılımcı demokrasi’ kavramları örtüşüyor. Bireyin karar alma süreçlerine katılımı ise çok kez bürokratik yollarla ve sivil toplum kuruluşları (STK) aracıyla gerçekleştiği gibi giderilemeyen anlaşmazlık ve mağduriyet durumunda çeşitli gösteri ve protesto eylemleriyle de ‘demokratik katılım’ sağlanabilmektedir. Bu üçüncü yol *sivil itaatsizlik* olarak adlandırılmaktadır. Sivil itaatsizlik giderek önem kazanmaktadır ancak her tür ‘itirazcı eylemi’ de sivil itaatsizlik kabul etmemek gerekiyor. Yurttaşların ‘haksız’ gördüğü otoritelerle mücadelesi, her tür anarşizmden, fanatizmden, ideolojik saplantıdan, kuruntu ve bencil çıkardan ayrı tutulması gereken hassas bir ilişki biçimidir (Nişancı, 2000; Çağlayandereli, 2006). Küreselleşme sürecinde, farklı coğrafyalarda boy gösteren sivil itaatsizlikler, artan ulaşım ve iletişim (internet) teknolojileri aracıyla, bireyleri ‘yatay ilişki ağlarında’ buluşturuyor. Böylece belirli bir sosyal-kültürel gurubun hatta belirli bir toplumun ‘hakçalık’ (meşruiyet) sorunu konusunda dünya kamuoyu oluşuyor; tüm dünya giderek ‘sivil toplumun mekânı’ haline getiriyorlar.

Sivil toplumun varlık nedeni birey açısından toplumsal yapı ve işlevlerin ‘hakçalık’ sorunlarının çözümlenmesi ve bununla beraber

bireyin toplumsal ‘yaşam kalitesinin’ yani memnuniyetinin sağlanmasıdır. Bununla birlikte, yerküre çevre-sistemlerin dengesinin bozulması ve ‘sürdürülebilirliğinin’ belirsizleşmesi sonucunda sivil toplumun giderek önem kazanan teması ‘çevre’dir. ‘Çevreci Hareket’ tüm dünyada yaygınlaşmaktadır. ‘Çevreci Hareketin Aktivistleri’ ise yeni sosyal sınıflardır.

Küresel çevre krizi karşısında ülke yönetimleri belirli bir zamandır bir araya geliyor ve ‘nükleer silahların yasaklanması’ başta olmak üzere yasal düzenlemeler, örgütlenme ve yaptırımlar üzerinde konuşuyor. Ama hızlı yol alınmıyor: Ekonomik ve siyasal egemenler ayak direliyor! Kazakistan biyolojik, sosyolojik, çevresel... bağlarıyla büyük insanlık dramlarına yol açan nükleer silah denemelerini sivil itaatsizlik eylemleriyle ülke topraklarında durdurabilmiş, yasaklamış sıra dışı bir toplumdur. Bu davranışıyla Kazakistan, insanlık tarihinde onurlu yerini almıştır. Hümanist ve çevreci karakterli bu davranış, ülkenin siyasal karar alma mekanizmalarına (başta Devlet Başkanı Nursultan Nazarbayev’e, Kazakistan Parlamentosu’na (Majlis) ve seçmen olarak Kazakistan halkına) aittir. Ne ki sürecin başlatıcısı Olzhas Suleimenov’un 1989 yılında başlattığı ‘Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket’tir (NSANH).

Bu gerçekliğe rağmen, sosyolojide ‘kentleşme’, ‘çevre’, ‘sivil toplum’ ve ‘küreselleşme’ gibi olgusalıkların teorik alanında ve literatüründe Olzhas Suleimenov ve NSANH neredeyse hiç yer etmemiştir.

Bu cümleden hareketle, bildiride siyaset sosyolojisi ve çevre sosyolojisi alanları için NSANH çalışma konusu olarak önerilmekte ve bu öneriye uygun olarak da NSANH yukarıda ortaya konan ‘problematik’ çerçevesinde betimlenmektedir. Bildiri metninde ortaya konan argümanlara göre, NSANH; ‘Sivil Toplum’ açısından özgün bir ‘sivil itaatsizlik’ hareketi ve ‘Çevreci Hareket’ açısından da insanı ve doğayı bir arada ele alan (anhtropo-eco/centric) ‘yeni bir yaklaşım’ olarak değerlendirilmiştir.

Bu ve başka sosyolojik çalışmalar neticesinde literatürdeki eksiklik giderilebileceği gibi Kazakistan deneyiminin, 2050 küresel çevre sorunlarının çözümü için ‘model’ oluşturabileceği sonucuna varılmıştır.

Durum Tespiti**Olzhas Suleimenov ve Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket**

Şair Olzhas Suleimenov, Vladimir Yakimets ve Maidan Abishe gibi aydınların önderlik ettiği Kazak çevreciler ve Semipalatinsk (Semey) bölge sakinleri, Şubat 1989 ile Ağustos 1991 tarihleri arasında gerçekleştirdikleri Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Kampanyası sonucunda Sovyetler Birliği'nin Kazakistan'daki nükleer test programını sonlandırmayı başardılar (King, 2010). Bu olayın da etkisiyle Kazakistan 16 Aralık 1991 tarihinde bağımsızlığını ilan etti.

Kıta Avrupa'dan daha büyük bir alan kaplayan ve eski Sovyet Sosyalist Cumhuriyetler Birliği'nin (SSCB) ikinci büyük Cumhuriyet'i olan Kazakistan, Sovyet merkezi yönetimine uzak oluşu, nüfus yoğunluğunun nispeten düşük olması ve toprakta zengin uranyum varlığı gibi gerekçelerle Stalin hükümeti döneminde nükleer denemeler için 'en uygun yer' olarak seçildi. Burada 1949 yılında ilk Sovyet atom bombası patlatıldı ve 1953 yılında ilk hidrojen bombası test edildi. Nükleer denemelerin yapıldığı Semipalatinsk 'test alanı', uçsuz bucaksız steplerin tedricen dağlık bir alana yol verdiği, Kazakistan'ın kuzeydoğusunda 18.000 kilometrekarelik büyük bir bölgedir. Semipalatinsk yaklaşık 330.000 nüfusuyla bölgede en büyük yerleşimdir, test alanının yaklaşık 200 kilometre doğusundadır. Geçmişte, yılda birkaç kez mantar şeklinde bulutların görüldüğü test alanında, 1949-1989 yılları arasında (340'ı yeraltında, 116'sı atmosferde) 456 nükleer test yapıldı. Yerel halk için testlerin acı sonuçlarının netleşmesi onlarca yıl alacaktı (Udayakumar. vd. 2009: 27).

Nükleer denemeler 'doğa' ve 'insan' üzerinde iki tür yıkıcı etki yaptı. Yaklaşık 2 milyon hektar tarım arazisi ve yer altı ve yerüstü sular radyoaktif kirlendi. Nehirlerin seyri değişti. 1965'de büyük bir patlamanın etkisiyle suni bir göl dahi oluştu. Göldeki su normal seviyenin yüz kat üstünde radyasyon içermekteydi. Japon aktivist Shun-ji Tsuboi'ya göre, Kazakistan'da 1.2 ile 1.5 milyon insanın nükleer testlerden etkilendiği tahmin edilmektedir (Udayakumar. vd. 2009: 30). Özellikle test alanı çevresinde patolojik doğum, çeşitli hastalık ve sakatlık, iktidarsızlık ve intihar gibi nüfussal anormallikler yüksek oranda seyrediyor (Chance, 2007).

Kazakistan'da bu olumsuz durum karşısında, nükleer karşıtı protesto hareketinin başlaması, Cumhuriyet'in önemli yazarlarından biri tarafından atılan 'sıra dışı' adımın sonucudur. 1969-1989 yılları arasında Sovyetler Birliği Komünist Partisi üyesi olan Olzhas Suleimenov (1936-) 'Halk Temsilcisi' seçildiği yıllarda Semipalatinsk Bölgesi' sakinlerinin sağlık durumlarının bozulmasına tanıklık etti: Çeşitli kanser hastalıkları vakalarında olduğu gibi kusurlu doğumların sayısı artıyor ayrıca daha önce hiç görülmemiş yeni hastalıklar baş gösteriyor, yaygınlaşıyordu. Suleimenov, nükleer testlerin Kazakistan'da ciddi sağlık sorunlarına neden olduğunu Kremlin'e ve Yüksek Sovyet'teki meslektaşlarına bildirdi ve fakat beklediği ilgiyi göremedi. Bu arada, 1989 Şubat ayında, Semipalatinsk test alanında yapılan iki yeraltı nükleer denemenin doğrudan sonucu olarak büyük miktarlarda radyoaktif gazlar içeren bulutlar yerleşim alanlarının üzerinden geçti. Test alanına yakın askeri üstte görevli bir pilot albay şehirdeki okullarda tesisli olan tüm dozimetrelerin çok yüksek düzeylerde radyasyon ölçtüğünü Olzhas Suleimenov'a bildirdi. Pilot, Kazakistanlı çocukların gelecekteki sağlığı konusunda oldukça endişeliydi. O an için nükleer testler ve bunların etkileri konusunda doğrudan protesto veya başka yollarla kamuoyu oluşturmak mümkündü ve fakat Sovyet polisinin 'endişelenen kişileri' tutuklayacağı çok açıktı. Sovyetler Birliği'nde çok gizli olarak yürütülen askeri programla ilgili sorunların tartışılması büyük bir tabu idi. Ancak yine de Olzhas Suleimenov harekete geçmeye karar verdi. O, tek seferde mümkün olduğunca çok insana ulaşmak için becerikli ama riskli bir yol seçti. 1989 başlarında, üyesi olduğu 'Yazarlar Birliği' şair Suleimenov'u bir televizyon programına davet etmişti. Yazarlar ve program yapımcıları, programa katılan Suleimenov'dan şiirlerinden bazılarını okumasını ve Kazakistan'ın kültürel mirası hakkında konuşmasını beklerken ve binlerce Kazak canlı yayını izlediği halde, O, önündeki tarih ve şiir kâğıtlarını kenara itti, kameranın içine bakarak; *Kazakistan'da görmezden gelinen nükleer felaketin devam ettiğini* söyledi ve vatandaşlara *seslerini yükseltme çağrısı* yaptı. Suleimenov konuşmasında «*Ortada herhangi bir (somut) düşman yokken nükleer teste neden devam ediliyor?*» diye sordu. Öteki (kapitalist) ülke halklarının da 'belirsiz fenomen' üzerine gittiğini ve uluslararası protestoların arttığını anlattı. O'nun 'nükleer silahların artık gerekli olmadığına' dair tespiti Soğuk Savaş'ı sona

erdiren uluslararası siyasi gelişmeler arasında anılacaktır. Suleimenov, 1950'lerden beri ABD'nin nükleer test alanı olan Nevada'nın Semipalatinsk'in muadili olduğunu söyledi ve özellikle Nevada aktivistlerini hem 'eylemcilik' yönüyle hem de nükleer teknolojinin sağlık ve çevreye olan etkileri hakkında pratik bilgi kaynağı olarak Kazaklara referans önerdi. Konuşmasının sonunda Suleimenov, kör ve sağır olmuş yönetime karşı vatandaşın kendisi için bir şeyler yapmasının zamanının geldiğini vurguladı. Nükleer testlere karşı halk hareketinin örgütlenmesine yardım edeceğine söz verdi. Kendisini izleyenleri Yazarlar Birliği ofisine davet etti. Ertesi sabah, Suleimenov'un beklediğinin çok üstünde, beş binden fazla kişi geldi. Suleimenov bu ilk-çekirdek aktivist grubu balkondan selamladı, konuşma yaptı. Bu kitlesel toplantının ardından bir grup aydın başkanlığında bir komite oluşturuldu. Bu komite 'nükleer denemelerin durdurulması, Semipalatinsk test alanının kapatılması ve bölgenin temizlemesi' ile başlayan hedeflerini, taleplerini bildiri haline getirdi. 'Vakit Tamam' ya da 'Zamanı Geldi' (High Time) olarak isimlendirilen bu bildiriye gün içinde bir milyondan fazla kişi imzaladı. Böylece, Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket (SANH) doğmuş oldu. 1 Ağustos 1989 tarihinde Yüksek Sovyet, Suleimenov'un ABD ve SSCB'ye yaptığı 'tüm nükleer testleri askıya alma' çağrısını ciddiye aldı ve bunu 'karar' olarak kabul etti. Bu arada organizasyon hızla çiftçiler, doktorlar, ev hanımları ve madenciler gibi çeşitli sınıf ve statüden insanları geniş bir yelpazede bir araya getirmeye devam ediyordu (Udayakumar. vd. 2009: 27-28; Wittner, 2003: 418-420; King, 2010; Abazov, 2011: 19).

Sovyetlerin bazı siyasi ve askeri şahinleri Suleimenov'u 'vatan haini' olmakla suçladı. Fakat O yılmadı; Sovyetlerin bu kendisini hedef alan karmaşık askeri-endüstriyel gücü karşısında ülkesinden ve halkından cesaret aldı. SANH oluştuğu andan itibaren bir dizi etkinlik yürüttü. 'Barış Yürüyüşü' düzenledi, gösteriler yaptı ve bölgesel ve uluslararası konferanslar gerçekleştirdi. 6 Ağustos 1989'da Hiroşima'ya nükleer saldırının 44. yıldönümünde yaklaşık 50.000 kişi Karaulnaya volkanın eteğinde toplandı. Protestocu kalabalık grup test sahasına (şeytana) taşlar fırlattı. 7 Kasım 1989 tarihinde, SSCB Bakanlar Konseyi Başkanı Nikolai Ryzhkov yılın geri kalan kısmında herhangi bir nükleer testin yapılmayacağını duyurdu. 1989 yılı için planlanan on sekiz nükleer testten on biri iptal edildi. Ancak, 19 Ekim 1989 tarihinde

Sovyetler Birliđi büyük bir nükleer deneme daha yaptı. Ama Kazak toplumu bu sefer büyük tepki gösterdi: Karaganda kömür madenlerinde çalışan 130.000 işçi *testlerin devam etmesi halinde süresiz greve gideceđini* açıkladı. Suleimenov Yüksek Sovyet’i bir kez daha uyardı. Bu uyarı işe yaradı. Kasım ayında Yüksek Sovyet ‘Semipalatinsk nükleer testlerini’ görüşmek üzere toplandı ve görüşme sonucunda testleri durdurma kararı aldı. Alınan kararı o zamanki devlet başkanı Mihail Gorbaçov onayladı. 29 Ağustos 1991’de, Kazak lider Nursultan Nazarbayev ‘*Semipalatinsk test bölgesinin kapatıldığı*’ resmi ve kalıcı açıklamasını yaptı. Böylece, hareketin en önemli amacı gerçekleşmiş oldu (Udayakumar. vd. 2009: 28-29; King, 2010; Abazov, 2011: 19). Birleşmiş Milletler ‘29 Ağustos’ tarihini ‘Nükleer Testlere Karşı Mücadele ve Protesto Uluslararası Günü’ ilan etti (Anonim 1, 2012).

Suleimenov’un başlattığı meydan okuma hareketi Kazakistan’da geniş halk desteđi kazandığı gibi diğer Sovyet cumhuriyetlerinde ve hatta diğer ülkelerde de nükleer karşıtı barış hareketleri arasında yer buldu. 1990 yılında, ABD’nin Nevada eyaleti anti-nükleer hareketinden bir grup aktivist destek için Kazakistan’ı ziyaret etti. Bu ziyaret sonrası hareketin adı Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket (NSANH) olarak değiştirildi. Hareketin ambleminde ‘barış çubuđu için Kızılderili ve kopuz çalan Kazaklı arkadaşlığına’ yer verildi. Kazakistan deneyiminin etkisiyle, tüm nükleer testlerin ‘Yeni Dünya’da durdurulmuş olması NSANH’nin uluslararası başarısıdır (Abazov, 2011: 19). 1992 yılında ABD Nevada’da testleri durdurdu. Ardından İngiltere ve ABD beraber yürüttükleri testlerden çekildiler. Ardından Fransa Pasifik’te testleri durdurdu. 1996 yılında Çin testleri durdurma çalışmalarında sona geldi. Sonuçta dünyanın ‘nükleer beşgeninde’ testler son buldu. ‘Artık onlar sessiz. Planlanan bini aşkın patlama bu dönemde yapılmadı. Dođa ve insan bir ölçüde kurtarıldı’ (Anonim 1, 2012).

İlk protesto eylemlerinin başladığı andan günümüze yirmi beş yıl geçti, NSANH hala aktif. Kazakistan’da devlet NSANH’in 25. yıldönümünü ülke düzeyinde kutlama kararı aldı (Anonim 3, 2014). 2000’li yılların başlarında Hareketin odak noktalarından biri radyasyon kurbanı insanların acılarının hafiflemesine ve çevrenin geri kazanımına hizmet edebilecek ulusal projeleri organize etmek oldu. Süreç içerisinde NSANH, Küresel Anti-Nükleer İttifak’a üye oldu ve bu or-

ganizasyonun uluslararası faaliyetlerinin arka planında yer aldı. Sovyetler Birliđi Aralık 1991'de çöktüğünde, Kazakistan Semipalatinsk test alanına ek olarak, 1.410 adet nükleer başlığın da sahibi olmuştu. Bu O'nu dünyanın dördüncü nükleer füze potansiyeli olan ülke konumuna getirdi. Ama Kazakistan Sovyet nükleer potansiyelinin mirasını reddetti ve bunları Rusya'ya transfer etti. Ve Semipalatinsk'teki nükleer test alanı altyapısını yok etmek için başlattığı süreci de Temmuz 2000'de tamamladı. Kazakistan'ın elindeki yaklaşık 600 kilogram zenginleştirilmiş uranyum 'nükleer silah yapımında kullanmamak koşuluyla' 1994 yılında ABD'ye gönderildi (Sapphire Projesi). Kazakistan aynı zamanda bağımsız bir devlet olarak Stratejik Silahların Azaltılması (START-1) Anlaşması'nı, Nükleer Silahların Yayılmasının Önlenmesi Antlaşması'nı ve Kapsamlı Test Yasađı Anlaşması'nı da imzaladı, taraf oldu (Udayakumar. vd. 2009: 31). NSANH, 2000 yılı Mayıs ayında, Astana City'de 3. Küresel Nükleer Karşıtı Birlik Zirvesi düzenledi. 2006 yılında, Orta Asya'yı Nükleer Silahsız Bölge ilan eden Bildirgenin hazırlanmasında önemli rol oynadı. Bu Bildirgeyi Kazakistan, Kırgızistan, Tacikistan, Türkmenistan ve Özbekistan imzaladı (Abazov, 2011: 20).

Ancak yine de, batı Kazakistan'daki kapatılmış Aktau reaktöründe 3 ton plütonyum ve iki nükleer enstitüde de daha az miktarda zenginleştirilmiş uranyum dâhil olmak üzere, bombaya yakın derece nükleer malzeme Kazakistan'da mevcut. Enerji şirketi Kazatomprom rakamlarına göre, Devlet 2001 yılında ülkenin radyoaktif atık sorununu çözmek için 1 milyon dolar ayırdı. Ne var ki bu krizi atlatabilmek için daha 1,2 milyar dolardan fazlasına ihtiyaç var (Udayakumar. vd. 2009: 31).

2003 yılında NSANH, diđer ülkelerin orta seviyeli radyoaktif atıklarını ithal etmeyi içeren hükümet planlarını protesto etti. Hükümet bu düşüncesini, ülkedeki önemli zehirli atık stoklarının imhasını finanse etmek olarak gerekçelendirdi. NSANH ise ülkeye daha fazla toksisite getirmek suretiyle Kazakistan'ın kendi büyük radyoaktif atık problemlerinin çözülemeyeceđi, durumun daha da kötüleşebileceđi tezini savundu. NSANH ayrıca *nükleer atıkların taşınması sırasında özellikle radyoaktif atıkları kullanabilecek nükleer teröristlerin riski bağlamında endişeli olduğunu bildirdi. Bazı aktivistler, zengin petrol kaynakları ve petrol ihracat gelirleri olan bir ülkenin kendi radyo-*

aktif atık sorununu çözmek için parasının olmadığını iddia etmesinin inandırıcı olmadığını söylediler. Görünen o ki NSANH'nin daha yapacağı çok iş var (Udayakumar. vd. 2009: 31).

Sivil Toplum ve Çevre Literatüründe Olzhas Suleimenov ve Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareketin Yeri

Çevre sosyolojisi Batı toplumlarında yeni gelişen bir alandır. Batı dışı toplumlarda ise kavramsal ve teorik katkı neredeyse hiç yoktur. Batıda kuzey Amerika'da ve Kıta Avrupa'sında geliştirilen çevre sosyolojisi teorileri sundukları 'önergelerin geçerliliği' temelinden yoğun tartışılırken, Doğuda doğa bilimleri yaklaşımı alana hâkim olduğu için teorik tartışmaya geçilememektedir. Doğa bilimleri yaklaşımı esas alındığında, çevre sorunları, toplumsal bir sorun olmaktan ziyade teknik bir konu olarak algılanmakta ve daha çok yönetimlerinin/teknisyenlerin çözmesi gereken bir sorun' olarak görülmektedir (Mutlu, 2009).

Doğu çevre sosyolojisi literatüründe Olzhas Suleimenov ve Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket (NSANH) yer bulamamıştır. Konu tarihsel bir olay, Doğu toplumu hümanizmi veya Sovyet sistemi karşılığı gibi eksenlere oturtulmaktadır. Ve doğal olarak bu tarz ele alımlar 'çevre sosyolojisi' çalışması kabul edilemez. Batıda geliştirilen çevre teorileri arasında NSANH yeri sorgulandığında bu sefer görgül örnekler Batı toplumlarına dayandığı için 'bu teoriler gelişmekte olan ülkelerdeki gerçekliği ne kadar yansıtır?' sorusu, sorunu karşımıza çıkmaktadır.

'Çevrecilik Açısından Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket' başlığı altında literatür oluşturmaya dair önerilerimi sunacağım.

Benzer durum siyaset sosyolojisi alanında 'sivil toplum' ve özel olarak 'sivil itaatsizlik' olgularının literatürü için de söz konusudur. Konuya daha çok 'modernleşme' ve Batı merkezli 'küreselleşme' paradigmasıyla yaklaşılmaktadır. 'Sivil toplumun' gelişmiş toplumların eriştiği en son nokta olduğu, Batı dışı toplumların (hele ki eski Doğu Bloğu ülkelerinin) henüz gelişme sürecini tamamlamadıkları ve bu gerekçeyle 'yardıma muhtaç' oldukları 'sayılıtsı' teori ve paradigmalara hakimdir. Ele alınan 'sivil toplum' kavramı ise, 'hükümet dışı kuruluşlar' (STK) denilen alana ve 'dernekçilik', 'lobicilik' faaliyetlerine hapsedilmektedir. Genel olarak 'bireyin' merkeze alındığı teori

ve paradigmalarda ise ‘ekonomik-liberalizm’, ‘siyasal-liberalizmin’ önüne geçmektedir.

NSANH’in siyaset bilimi literatürdeki yeri belirsiz görünüyor. Önerim onu sıradan STK literatüründen kurtarıp ‘sivil itaatsizlik’ literatürüne dahil etmektir. NSANH öyle bir sosyolojik olay ki ‘Türklerin 1453’te İstanbul’u fethederek tarihte yeni bir çağ açması’ gibi ‘Sosyalist Bloğun çözülmesi suretiyle küreselleşme denilen süreci başlatan’, etkileri ‘nükleer denemelerin durmasından’ çok daha geniş olan sivil itaatsizlik hareketidir.

Sivil itaatsizliğin olgusunun henüz teorileştirilemediğini söyleyebiliriz. Kavram olarak tanımı yapılmaya çalışılıyor. Kavrama esas ölçütler üzerinde duruluyor. Sivil itaatsizlik literatürü incelendiğinde; Henry David Thoreau (1817-1862) ile başlayan ve Mohandas Karamçand Gandhi (1869-1948) ile devam eden; ve günümüzde özel olarak (askere gitmemek konusu olarak bilinen) ‘vicdani retçiler’, (entelektüel bir tavır olarak) ‘çevreciler’... sıralamasıyla geniş literatür mevcut (Çağlayandereli, 2006). Bu tarihsel sıralamada NSANH’in yer almadığı dikkat çeker.

Jordan (2002:9), 21. yüzyıl ‘sivil itaatsizlik’ hareketlerini dörtlü sınıflar: (1)Şiddete Dayanmayan Doğrudan Eylem (çevreci hareketler vb) ve Örgütsüz Örgütlülük (Sokakları Geri Alın Hareketi – RTS vb), (2)Keyif-Siyaseti (Raving vb), (3)Kültürün Tersyüz Edilmesi (Billboard’lara Özgürlük Cephesi – BLF vb) ve (4)Kırıcı-Eylemcilik (Eleştirel Sanatlar Topluluğu – CAE vb). Bu sınıflamaya uygun olarak NSANH 1. Grup sivil itaatsizlikler arasında ama (ikinci bir sınıflamayla) küresel değişimlere yol açan büyük çaplı bir hareket olarak ele alınmalıdır.

Çözümleme

Çevre Teorileri Açısından Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket

Çevre sosyolojisinin teorisi gelişmeci seyir izler. Sosyologlar Dunlap ve Catton (1994) ve Murphy’nin (2002) değerlendirmesiyle; Marx, Weber ve Durkheim gibi klasik sosyologlar biyofiziksel dünyanın varlığının önemini kavrayamamışlar ve doğal çevre ve yapay çevre (toplum) arasındaki temel ilişkiyi teorileştirememişlerdir. Klasik sosyologlar için ‘çevre’ dolaylı inceleme konusudur. İnsanoglunun doğal çevreyi kendi ihtiyaçlarına göre yeniden inşa ederek şekillendirebileceği

inancı bir paradigma olarak klasik sosyolojiye hakimdi. 20. Yüzyılda sanayileşme ve kentleşme gibi süreçlerin artan hızı bu görüşleri revaçta tuttu (Konak, 2010).

Küreselleşme sürecinde artan çevre sorunları toplumsal sorunlardan daha önemli hale gelmeye başlayınca paradigma değişimi gerekli olarak görülmeye başladı. Klasik sosyolojiyi yetersiz bulan sosyologlar yeni teoriler geliştirdiler. Çevre sosyolojisi teorilerine hakim olacak olan ‘yeni ekoloji yaklaşımı’, toplumların doğanın dışında ve onun üstünde değil, onun içinde ve onunla eşit olduğunu söyleyerek işe başladılar. Catton ve Dunlap artık daha az insan merkezli bir sosyolojik dünya görüşü öneriyorlardı. Yeni ekoloji yaklaşımında çevre değişimi ile ilgili olarak üç ana toplumsal kuruma dikkat çektiler: ekonomik, politik ve kültürel kurumlar. Bunlardan (Durkheim’cı ele alışla) çevresel sorunlara en çok kültürel kurumların yol açtığını iddia ettiler. Bu yeni çevreci sosyologlara göre, ‘doğal kaynakların azalmasına ve çevre krizlerine yol açan temel neden kapitalist sistem veya bürokratik elit gurubun aldığı kararlar değil, tutucu batılı dünya görüşü ve değerleriydi’. O halde bu yanılısamadan kurtulmak gerekliydi (Konak, 2010).

Bu söz üzerine sonraki teoriler genel olarak ‘kapitalist sistem’ çerçevesinde ve onun içindeki ‘birey’, ‘sermaye grupları’, ‘devlet’ ve nihayetinde ‘toplumsal hareketler’ üzerinde durdular. Bu teorilerin görül örnekleri Batı toplumlarıdır. İkinci olarak dünyanın farklı gelişmişlik düzeylerindeki toplumları ihmal etmemektedirler. Politik ve kültürel toplumsal farklar da genel olarak çözümleme dışı tutulmuştur.

NSANH yukarıda anılan teoriler literatüründe yer etmemiştir. Literatüre katkı olarak önerim aşağıdaki gibidir:

Kuruluş aşamasında Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket (NSANH) beş ana hedef belirledi: (1)Nevada-Semipalatinsk test bölgesinde ve ardından Kazakistan genelinde nükleer testleri sonlandırmak. (2)Nükleer testler sonucu tahrip olan çevreyi geri kazanmak. (3)Nükleer testlerden etkilenen nüfusun sağlığını incelemek ve muzdarip olanlar için tazminat kazanmak. (4)Dünya çapında nükleer deneme karşıtı diğer kampanyalarla dayanışma içinde hareket etmek. (5)Nükleer test tesislerinin ve olanaklarının barışçıl amaçlara hizmet edebilecek dönüşümünü sağlamak (King, 2010 ve Udayakumar. vd. 2009: 29).

NSANH bu hedefleri çerçevesinde ‘ortaklıklar’ ve ‘dayanışma ağları’ kurdu ve ‘sosyal elitlerin katılımını çoğalttı (King, 2010). Böylece hareket, belirli bir zaman kesitine ve yerel olaylara hap-solmadan ‘küresel’ bir olay haline geldi, değer kazandı. Bu aslında toplumsal değişme sürecini doğru okumaktır. Günümüzde dünyanın farklı yerlerinde yaşanan çevre sorunları gerek sebepleri gerekse sonuçları itibariyle uluslararası boyut kazanarak «küresel sorun» haline gelmektedir.

Günümüzde küresel Çevreci Hareket teorik olarak ikili yaklaşım sergiliyor: İnsan merkezilik (anthropocentrism) ve doğa merkezilik (ecocentrism). İnsan merkezli çevrecilik anlayışı insan doğa ilişkilerinde insanı ve insanın çıkarlarını merkeze aldığı halde doğa merkezli çevrecilik yaklaşımında doğa için doğa anlayışı hâkimdir ve insan doğanın bir parçası olarak görülür. Bu ikili anlayış temelinden akademisyenler, aktivistler kahverengi ve yeşil renk simgeleriyle de gruplaşmış durumdadır. Uygulamada yaygın olan çevreci yaklaşım ‘insan merkezli’ olandır. NSANH’i hedefleri ve ortaya koyduğu eylemler itibariyle insanı ve doğayı bir arada ele alan (anthropo-eco/centric) ‘yeni bir yaklaşım’ olarak değerlendirmek gerekiyor.

Sivil Toplum Açısından Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket

Bir röportajda, Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket (NSANH) sözcüsü Almaz Estekov, ‘*Hareketin kökenleri neydi? Çernobil’deki felaket Semipalatinsk Nükleer Silah Test Alanında yürütülen tehlikeli faaliyetleri durdurmak için Kazakistan halkını motive etti mi?*’ sorusunu şöyle cevapladı: ‘Çernobil faciası 1986 baharında meydana geldi. O dönemde Kazakistan’da nükleer karşıtı hareket ortaya çıkmadı, çünkü sert Brejnev rejiminin etkileri devam ediyor, insanlar nükleer testlerin sonuçları hakkında bilgilendirilmiyordu... Semipalatinsk Oblast’da, onkolojik hastalıklardan muzdarip kişilerin toplam sayısı her testten sonra Sovyetler Birliği’nin herhangi bir başka bölgesine göre beş-altı kat daha fazla oluyordu, ama halkın bu bilgiden haberi yoktu (Janco, 1991). Üstelik durumdan endişelenenlerin, bağımsız gözlemcilerin de bilgiye erişimi engelleniyordu (Abazov, 2011: 17). *Gorbaçov’un iktidara gelmesi ve glasnost (açıklık) politikasının başlamasıyla, merkezi Sovyet gazeteleri bu bilgiyi vermeye başladı* (Janco, 1991).

Estekov, nükleer etkiler konusunda ‘iletişimin çarpıtılmasından’ daha öte ‘insanların kobay olarak kullanıldığını’ dahi iddia ediyor: «*Biri elli yaşında bir adam diğeri beş yaşında bir çocuk olan iki tanığın anlatımına göre: Semipalatinsk test alanı yakın çevresinden tüm insanlar tahliye edilmiş ama bir köyde 40 kişi bırakılmıştı. Bu grubun içinde farklı yaşlardan insanlar vardı. Sovyet ordusu nükleer testlerin insanlar üzerindeki etkilerini incelemek istiyordu. Askerler bu gruba ‘orada bir deprem olacağını ve evlerinin dışında kalmaları gerektiğini’ söylediler. Onlar da dışarıda durdular; bomba patlatıldı ve gerçekten bir deprem olduğunu zannettiler. Bomba patladıktan iki saat sonra koruyucu giysileri olan on memur köylülerle röportaj için köye geldi. İlk toplantıda herkese votka ve kişi başı 50 ruble dağıtıldı. Erkekler votka içtiler ve ceplerine de ruble koydular ama ‘insan kobay’ olduklarını anlamadılar. Askeri doktorlar düzenli olarak bu insanların nükleer testten nasıl etkilendiklerini gözlediler. 15 yıl sonra, bu 40 köylüden yalnızca ikisi hayatta kalmayı başarabildi, diğerleri öldü. Bu iki tanıkta da kendi hikâyesini doğrulayan kanıtlar var» (Janco, 1991).*

Estekov’un gözlemini ve nükleer test mağdurlarının anılarını argüman olarak değerlendirdiğimizde, Kazakistan’da NSANH’in ‘sivil itaatsizlik’ eylemleriyle ‘sivil toplum’ yolunun açılabilmesi ve bu hareketin meşruiyetini özgürlükler ve insan hakları temelinden kazandığı anlaşılıyor. NSANH’in Kazakistan ve sonra dünya için öngördüğü ‘sivil toplum’ insan haklarının tarihsel gelişim sürecinde ileri aşamada ortaya çıkabilen bir fenomendir. Yani bu bir ‘toplumsal gelişme’ işi. Birinci kuşak insan hakları yasal eşitlik, kişi güvenliği, bireysel özgürlük, düşünce ve inanç özgürlüğü, siyasal haklar ve mülkiyet hakları gibi temel özgürlükleri kapsıyor. İkinci kuşak insan hakları, 20. yüzyıl anayasalarında «sosyal devlet» kavramında ifadesini bulan sosyal, kültürel ve ekonomik hakları içeriyor. Son 30-40 yılın ürünü olan ve ‘Dayanışma Hakları’ olarak isimlendirilen üçüncü kuşak haklar ise normatif değer alanı ile ilgili olarak; barış, gelişme, insan, saygı ve çevre gibi haklardan oluşuyor. Şimdilerde anayasalar bu yeni haklara uygun olarak yeniden düzenleniyor (Kaboğlu, 1999: 189-202). NSANH’in, daha Kazakistan’ın bağımsızlığını kazanmadığı dönemde, üçüncü kuşak insan haklarını sağlamayı hedefleyen ilke ve eylemleri onu ilerici bir sivil itaatsizlik örneği olarak literatüre kaydetmemizi gerektiriyor.

Yeni bir bağımsız devlet olması nedeniyle Kazakistan'da sivil toplumun henüz oluşmadığı söylenebilir ancak sivil toplum teorisine uygun işleyen demokratikleşme sürecinin var olduğu bir gerçek. Kazakistan 1990'larda başlattığı değişim sürecini devam ettiriyor: 1993 yılında kabul edilen 'Bağımsızlık Anayasası' daha sonra üç kez kısmi değişime uğramışsa da siyasal sistemin 'laik, demokratik, sosyal ve hukuk devleti' olarak belirlenen temel nitelikleri korunuyor. Kazakistan siyasal sisteminde de 'kuvvetler ayrılığı' ilkesi benimsenmiş durumda. 'Yetkileri geniş' başkanlık sistemi uygulanıyor. Devleti halkın seçtiği Başkan temsil ediyor. Yasama organı olan parlamento iki kanattan oluşuyor; Birinci kanattaki Meclis'i partiler ve seçim aracılığıyla halk iradesi oluşturuyor. İkinci kanattaki Senato'yu ise Meclis ve Başkan belirliyor. Kazakistan'da 10'u aşkın siyasal parti yarış halinde ve (2012 Genel Seçimi sonucuna göre) bunlardan 3'ü kitle partisi olabilmiş. Devlet Başkanı Nursultan Nazarbayev'in de üyesi olduğu Nur Otan Partisi (%81 oy oranıyla) iktidarı kazanmıştır. Kazakistan Demokratik Partisi (Ak Jol) (%8 oy oranıyla) ve Kazakistan Halk Komünist Partisi (%7 oy oranıyla) ise Mecliste'ki muhalefet partileridir (Türk, 2012: 13; DEİK, 2012:2).

Kazakistan'da totaliter tekçi rejimden demokratik çoğulculuğa, kapalı toplumdaki sivil topluma doğru dönüşüm var ve istendik gelişmiş yapının oluşturulmasında giderek yaygınlaşan Sivil Toplum Kuruluşlarının (STK) önemli katkıları oluyor (Purtaş, 2006: 2). Kazakistan'da değişim döneminde amaçları; Stalin zulmüne uğrayanların durumlarının iyileştirilmesinden, kadınların sosyal ve toplumsal hayata daha iyi intibak etmelerini sağlamaya, rüşvet ve yolsuzlukla mücadelede, SSCB döneminden miras kalan çevre sorunlarını çözmeye kadar geniş bir yelpazeyi kapsayan birçok STK ortaya çıkmıştır (Türk, 2012: 16-17). 2012 yılı itibarıyla Kazakistan'da 17,000 dolayında STK'nın faaliyet gösterdiği söyleniyor (Nogayeva, 2012: 193). Bunlar içerisinde NSANH ön plandadır. NSANH'in Kazakistan Halk Kongresi (KHK) Partisi ile de organik bağı vardır. Nitekim Olzhas Suleimenov 1994 yılında İtalya'ya Büyükelçi olarak atanıncaya kadar KHK'nin başkanlığını yapmıştır.

Genel olarak Orta Asya'da ve özel olarak Kazakistan'daki STK'lar; çalışma alanları, hedefleri, örgütsel yapıları ve fonlanma biçimleri itibarıyla yoğun tartışılıyor. Çoğunluk görüşüne göre, bu çoğ-

rafyadaki STK'nın önemli bölümü toplumsal iç dinamikle ortaya çıkıp gelişmemiştir; bunlar daha çok ABD, AB, Rusya, Çin ve İran gibi güç odaklarının ekonomi-politik ve kültürel çıkarlarına hizmet etmektedirler (Purtaş, 2006; Nogayeva, 2012). Bu iddianın karşısındaki görüşe göre ise, STK şeklinde gönüllü örgütlenenler 'demokrasiye inanan' bu coğrafyanın insanıdır. Bu insanlar bilgi, teknoloji ve mali kaynak olarak yetersiz oldukları için küresel çapta ilişkilerle bu eksikliklerini gidermektedirler (Roberts, 2012: 315; OSCE/ODIHR, 2000: 8-9). STK konusundaki bu tartışma bu bildirinin kapsamı dışında ayrı bir çalışma konusudur. Dikkat çekmek istediğim önemli nokta, NSANH'i; ortaya çıktığı dönemin koşulları, varlık nedenini oluşturan 'hakçalık' sorunu, hedefleri ve eylemleri itibariyle STK kavramı yerine 'Sivil İtaatsizlik' kavramı aracılığıyla çözümlenmek daha anlamlı olacaktır.

20. yüzyılın son çeyreğinden itibaren toplumların özgürlük ve adalet gereksinimi daha çok 'bireyin ve devletin dâhil olduğu ortak değerler, normlar ve davranışlar platformu' olarak tanımlanan (Aydın, 2003:8) 'kamusal alanda' ve 'müzakere sürecinde' sağlanmaktadır. Kamusal alanda müzakerenin sonuç vermediği durumda ise çeşitli protesto eylemleri ile alternatif bir diyalog formu ortaya çıkarılmaktadır (Sarıbay, 1999:157) ki buna 'sivil itaatsizlik' deniliyor. Olzhas Suleimenov ve NSANH'nin hikâyesi bu kavramsallaşmaya uygun gözüküyor.

Sivil toplum teorisinde 'birey'e dayandırılan ve onun 'doğal hakkı' olduğuna inanılan *sivil itaatsizlik; sistem dışı arayışlara yönelmeden yasaların ya da hükümet politikasının değiştirilmesini hedefleyen, kamuoyu önünde icra edilen (aleni), şiddete dayanmayan, vicdani, ancak yasal olmayan bir eylemdir* (Habermas, 1997: 121; Çağlar, 1993: 651). Sivil itaatsizlik, yurttaşların 'haksız' gördüğü otoritelerle mücadelesidir ama bu yolla bile olsa sonuçta demokratik bir katılma davranışıdır. *Sivil itaatsizliğin amacı*; öncelikle sorun üzerinde kamuoyunda bir tartışmanın başlamasına önayak olup, gerçeğin ortaya çıkarılması ve böylece haklılaştırım açısından belirsizliğin giderilmesidir (Atiker, 1998: 189). Pozitif hukuk açısından sivil itaatsizliğin yasal tanımı yapılamamaktadır. Ne var ki sivil itaatsizlik bilimsel tanımdaki ölçütlere uyduğu ölçüde 'katılımcı demokrasiyi' geliştiriyor (Ost, 2000;). Sosyoloji, hukuk, siyaset bilimi ve felsefe

gibi alanlarda tartışılan sivil itaatsizliğin az çok uzlaşmayla belirlenmiş ölçütleri şöyle sıralanabilir (Habermas, 1997: 121; Çağlayandere, 2006: 3):

- Sivil itaatsizlik hiçbir koşulda şiddet içermemelidir.
- Sivil itaatsizlik sadece kişisel inanç ya da çıkarlara dayandırılmayacak, ahlaki olarak gerekçelendirilen bir protesto eylemidir. Sivil itaatsizlik eylemi «açık biçimde ifade edilebilecek çok ciddi haksızlıklara yönelik olmalıdır.
- Sivil itaatsizlik önceden ilan edilen, aleni bir edimdir. Bu ölçüt gereği, yasadışı örgütlerin, çetelerin gizlice planlanmış eylemleri sivil itaatsizlik değildir.
- Sivil itaatsizlik, hukuk düzenine karşı genel bir itaatsizlik (devrim, darbe, ayaklanma gibi) amacı gütmeyen, anayasal düzenin işlevini tehlikeye düşürecek boyutlara ulaşmadan, kurallardan birinin ya da birkaçının kasti (iradi) bir şekilde ihlalini içerir.
- Sivil itaatsizlik eylemi öncesinde sonuç getirecek yasal yollar denenmiş ama sonuç alınmamış olmalıdır.
- Sivil itaatsiz birey ve gruplar (aktivistler) tutuklanma, yargılanma ve mahkûm edilme gibi ihlalin yasal sonuçlarını bilmeli ve bunları üstlenmeye hazır olmalıdırlar.
- Sivil itaatsizlik ‘haksızlığa’ gönderme yapan sembolik nitelikte bir eylemdir.

Sivil itaatsizlik eylemleri, demokratik toplumda haklılaştırım (meşruiyet) sorunlarının çözümünde önemli bir araçtır ancak kendisinin de meşru olabilmesi için yukarıda sıralanan ölçütlere uygun olması gerekir. Habermas’ın sivil itaatsizliğin meşruiyeti konusunda görüşleri şöyle (1997:120):

Bir protesto eylemi, yasal sınırların ötesine geçtiğinde bile, tümüyle sembolik olan özelliğinin bilincinde olarak, demokratik bir cumhuriyetin anayasal kuralları ile özdeşleşmelidir. Sivil itaatsizlik eylemi; protesto eylemi ile savaş (ve terör) eylemi arasında belirsiz bir yerde durmamalıdır. Sivil itaatsizlik bir barış hareketidir. Barışçı yöntemlere sadakat bir ilke olarak savunulmalıdır... bilinçli olarak yapılan yasal ihlaller biçimindeki protesto eylemleri bile, sadece sembolik bir karakter taşımaktadırlar ve çoğunluğun adalet duygusu ve idrak yeteneğine hitap etmek niyeti ile gerçekleştirilmektedirler. Bu eylemler hükümetlere baskı yaparlar. Hükümeti protesto edilen

(uygulama, karar, yasa vb.) konusunda kararını değiştirmeye zorlayacak tek şey, meşruiyetini (haklılığını) kaybetme riskinin ortaya çıkmasıdır.

Moskova bilim insanı ve NSANH liderlerinden Vladimir Yakimets, NSANH'in tedricen kabul görmesini «Diplomasinin Üç Tipi» olarak kavramsallaştırdığı hareket tarzına bağlıyor. Birincisi «Halk Diplomasisi» olarak isimlendirilecek, çeşitli gösteri ve yürüyüş etkinliklerinden oluşan; halkın çok sayıda ve aktif olarak katıldığı protesto eylemleridir. İkincisi «Parlamenter Diplomasisi» olarak bilinen, yasama organlarına aday olma ve temsilci seçilme yoluyla hareketin yasal ve örgütsel mevzuatını oluşturma etkinlikleridir. Üçüncüsü ise «Uzman Diplomasisi» denilebilecek, nükleer denemelere karşı kampanya yürüten (örneğin Nevada gibi) öteki uzman ve aktivistlerle organik bağlantılar kurmak yoluyla ortak örgütlenmeler ve etkinliklerdir (Udayakumar. vd. 2009: 29).

Yakimets'in ifade ettiği bu hareket tarzı 'sivil toplum' ve özel olarak 'sivil itaatsizlik' teorisinde yer almamaktadır ama eklenmelidir. Genel olarak sivil itaatsizlik yasalara ve yöneticilere karşı yürütülen bir hareket olarak tanımlanmaktadır ama yasayı yanına alan aktivistin yöneticiye karşı mücadelesi ya da yöneticiyi yanına alan aktivistin yasaya karşı mücadelesi hatta her üçünün de birlikte küresel otoritelere karşı mücadelesi gibi farklı konfigürasyonlar düşünülmüştür.

Halkı 'sivil toplum' haline getirecek olan 'Diplomasinin her Üç Tipi'nde kanaat önderlerinin önemli rol oynadığı gözleniyor. Örneğin, Sovyetler Birliği'nin 1953 yılında denemesini yaptığı hidrojen bombasının 'babası' olarak anılan Andrei Sakharov'un NSANH katılımı ile hareket ivme kazanmıştır (Janco, 1991). Ama en başta Olzhas Suleimenov'u anmak gerekiyor. Abazov'un değerlendirmesiyle; Kazakistan için, Olzhas Suleimenov ve NSANH'in önemi ve etkisi nükleer test sitenin kapatılmasının çok ötesine geçer. Bu olay, Kazakistan'da ulusal kimliğin güçlendirilmesi ve ulusal bilincin yükselmesine katkı yapan ilk bağımsız kitle hareketi (ilk sivil itaatsizlik) olmuştur. NSANH, farklı kesimlerden liberal aydınları bünyesinde toplayabildiği gibi, bağımsızlık sonrası etnik ve kültürlerarası ilişkilere katkı yapmakta ve Kazakistan hükümetinin liberal-politikalara barışçı geçiş formülünü desteklemektedir (2011: 20).

Görünüşe göre, Kazakistan’da halkın sivil toplum faaliyetleri devlet ile birlikte yürütülüyor, bunun yanında daha çok ekonomik-liberal politikalar desteklenerek, zaman içinde siyasal-liberalleşmenin de sağlanacağına inanılıyor (Düğen, 2012). Devlet’in ‘sivil toplum’ oluşumunu çeşitli uygulamalarla desteklediği gözleniyor. Bir proje olarak «2006-2011 Sivil Toplum Geliştirme Konsepti’ yürütülmüş; devlet organları ve STK arasındaki ilişkilere dair yaklaşımlar belirlenmiştir. Bunlar şöyle özetlenebilir: (a)Merkezi ve yerel yönetim organlarında özel komiteler kurmak, (b)Özel amaçlı işbirliği sistemleri geliştirmek (örn. su kaynaklarının yönetimi için Tarım Bakanlığı ile STK işbirliği), (c)Toplumsal sorunları çözmek için devlet ve toplum arasında STK’nın aracı rolünü pekiştirmek, (d)Farklı düzeylerdeki devlet yetkilileri üzerinde kamu kontrol mekanizmalarının oluşturulmasına STK’nın katılımı, (e)Devlet organları icraatlarının ‘rapor modeli’ ile halkın bilgilendirmesi, (f) Devlet programlarının gerçekleştirilmesi üzerinde doğrudan kamu kontrolü sağlamak... Bu yaklaşımı esas alan devlet, çeşitli konuları görüşmek üzere STK’yla sık sık «Yuvarlak Masa», toplantıları düzenliyor (Saktaganova and Ospanova, 2013: 1279).

Sonuç

Çalışmadan çıkarılabilecek önemli sonuç, toplumsal yapı olarak ‘sivil toplumun’ ve onun hakçılık sorunlarının çözümü için ortaya konan ‘sivil itaatsizlik’ eylemlerinin giderek insanlığın ‘ortak değeri’ haline geliyor olmasıdır. ‘Küresel dünyada’ toplumsal değişimler, bundan 30-40 yıl öncesinde olduğu gibi rijit ideolojilerle hareket eden ‘sosyal sınıfların’ sendika ve parti aracılığıyla giriştikleri siyasal mücadelelere göre değil, bireylerin ve onların gönüllü birliktelikleri olarak sivil toplum kuruluşlarının (STK) ulaşım ve iletişim (internet) teknolojilerinin katkısıyla, ‘yatay ilişki ağlarında’ ortaya koydukları ‘yeni toplumsal hareketler’ ekseninde gerçekleşiyor. Dolayısıyla geleneksel iktidar anlayışında olanların ya da görece katı ideolojik motiflerle hareket edenlerin hoşuna gitmese de belirli bir toplumda değişmeye yol açabilecek olan ‘hakçılık’ sorunları artık toplum içinde (meslek grupları, ev kadınları, öğrenciler gibi) farklı sosyo-kültürel kesimlerin ve daha geniş olarak da dünya toplumlarının ortak sorunudur.

Bu konuda temel sorun bilimde kavram ve teori olarak söz ettiğimiz olgusalıkların ortak ifade edilememiş olmasıdır.

Bu çalışmada Nevada-Semipalatinsk Anti-Nükleer Hareket'in (NSANH), daha çok 'çevre' ve 'sivil toplum' teorik bağlamı üzerinde duruldu. Özde NSANH Kazakistan 'STK'ları içerisinde değerlendirilebilir ve fakat bu başka çalışma konusudur. Çalışmada NSANH'in sivil itaatsizlik ve çevre hareketi boyutuyla literatürde hak ettiği yeri almadığı tespit edildi. Batı'da geliştirilen çevre ve sivil itaatsizlik kavram ve teorilerinin temel eleştirisi 'dünyanın geri kalanına genelleyememeleridir. Bu ve benzeri incelemeler ile teorik eksikliklerin giderilebileceğine inanıyorum.

NSANH Orta Asya'da 'sivil toplumu' esas alan 'demokratik yönetimlerin' ortaya çıkmasına ve devamında 'Soğuk Savaş' döneminin sona ermesine ve 'Küreselleşme' sürecinin önünün açılmasına katkı sağlamış bir harekettir. Kazakistan toplumu bu toplumsal değişme olayını siyasal ve sivil boyutta birlikte gerçekleştirmiştir. Bu bildiride özel olarak NSANH'in çevreci karakteriyle birlikte 'sivil itaatsizlik' özelliğine vurgu yapılmıştır.

Küresel çevre krizi karşısında ekonomik ve siyasal egemenlerin ayak dittiği ortamda Kazakistan nükleer silah denemelerini sivil itaatsizlik eylemleriyle ülke topraklarında durdurabilmiş, yasaklamış özel bir toplumdur. Olzhas Suleimenov ve NSANH sadece bilimsel makale ve bildirimler ile değil; belgesel, film ve yaygın medyanın öteki araçlarıyla özellikle Batı kamuoyuna anlatılmalıdır. Bildiride, Kazakistan deneyiminin, 2050 küresel çevre sorunlarının çözümü için 'model' oluşturabileceği sonucuna varılmıştır.

Bildiri argümanlarına göre, NSANH; 'Sivil Toplum' açısından özgün bir 'sivil itaatsizlik' hareketi ve 'Çevreci Hareket' açısından da insanı ve doğayı birlikte ele alan (anhtropo-eco/centric) 'yeni bir yaklaşım' olarak değerlendirilmiştir.

KAYNAKÇA

Abazov, R. (2011) *Green Desert the Life and Poetry of Olzhas Suleimenov*, U.S.A: Cognella.

Anonim 1. (2012, September 11) *New format of Nuclear Club*, Erişim: 13 Şubat 2014, <http://vestnikkavkaza.net/articles/politics/31246.html>

Anonim 2. (2014, Mart 03) *Türk Halkları Asamblesi (THA) 5. Kurultay açıklaması*, Erişim: 05 Mart 2014, <http://www.felsefeturk.org/GuncelHaber.aspx?id=24&sayfaid=>

Anonim 3. (2014, Mart 03) Движению «Невада-Семей» — 25 лет, Erişim: 03 Mart 2014, <http://vsemee.kz/novosti-v-semee/2014/03/03/dvizheniyu-nevada-semej-25-let/>

Atiker, E. (1998), *Modernizm ve Kitle Toplumuna*, Ankara: Vadi.

Aydın, M. (2003), «Kamusal Alan ya da Siyasetin Ön Bahçesi», *Sivil Toplum Dergisi*, 1 (4), s.7–18.

Chance, M. (2007, August 31) *Kazakhstan's Nuclear Orphans Are A Distressing Sight*, Semey, Kazakistan (CNN), Erişim: 5 Şubat 2014, <http://edition.cnn.com/2007/WORLD/asiapcf/08/30/btsc.chance.nukes/index.html>

Çağlar, B. (1993), «Sivil İtaatsizlik Olgusunun Değerlendirilmesi», (iç.) *Argumentum Dergisi*, Temmuz-Aralık 1993, Yıl 3–4, Sayı 36–41.

Çağlayandereli, M. (2006). «Sivil İtaatsizliğin Katılımcı Demokrasi Bağlamında Farklı Görünümleri». *Polis ve Sosyal Bilimler Dergisi*, 4-1, s.43–69.

DEİK (2012). Kazakistan Ülke Bülteni 2012. İstanbul: DEİK (TC Dışişleri Bakanlığı, Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu)

Dunlap, R. E. and Catton, W. R. (1994). «Struggling with Human Exemptionalism: the Rise, Decline and Revitalization of Environmental Sociology». *The American Sociologist*, 25, 5-30.

Düğün, T. (2012, Şubat 06). *Kazakistan'da Muhalefet ve Demokrasi*. Erişim: 15 Şubat 2014. <http://www.21yyte.org/tr/arama/kazakistan/2012/02/06/6476/kazakistanda-muhalefet-ve-demokrasi>

Saktaganova, Z.G. and Ospanova, D.K. (2013). «Non-Governmental Organizations in the Republic of Kazakhstan: Principle Stages of Formation and Development». *Middle-East Journal of Scientific Research* 15 (9): 1277-1284, 2013.

Habermas, J. (1997), «Sivil İtaatsizlik: Demokratik Hukuk Devletinin Denek Taşı. Almanya'da Otoriter Legalizm Karşıtlığı», (iç.) *Kamu Vicdanına Çağrı – Sivil İtaatsizlik*, s.116–136. (çev.) Y. Coşar, İstanbul: Ayrıntı.

Janco, G. (1991). «Nevada-Semipalatinsk: The Soviet Union's Anti-Nuclear Movement». Almaz Estekov ile Röportaj, Erişim: 01 Mart 2014, <http://www.eurasiacenter.org/archive/1990-1999/6/Yesterkov.doc>

Jordan, Tim. (2002), Eylemci, (Çev: G. Ç. Güven), İstanbul: Kitap.

Kaboğlu, İ. (1999). «Sivil İtaatsizlik». (iç.) *Sivil İtaatsizlik, Disiplinlerarası Kolokyum 7–9 Kasım 1997 Uludağ/Bursa*, (Edit. H. Ökçesiz), İstanbul: Dünya Yerel Yönetim Ve Demokrasi Akademisi (Wald) Yayını, s.189-203.

King, H. (2010, November 29). *Kazakhs Stop Nuclear Testing (Nevada-Semipalatinsk Antinuclear Campaign), 1989-1991*, Erişim: 3 Ocak 2014, <http://nvdatabase.swarthmore.edu/content/kazakhs-stop-nuclear-testing-nevada-semipalatinsk-antinuclear-campaign-1989-1991>

- Konak, N. (2010). Çevre Sosyolojisi: Kavramsal ve Teorik Gelişmeler. *Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 24 / 2010. s.271-283.
- Murphy, R. (2002). Sociology as If Nature Did not Matter: An Ecological Critique. (Edited by R. Scott Frey). *The Environment and Society Reader*. Boston: Allyn and Bacon.
- Mutlu, A. (2009). Türkiye’de Çevre Sorunları Literatürünün Baskın Niteliği ve Sosyal Bilimler Yaklaşımının Gerekliği. *Ankara Üniversitesi Çevre Bilimleri Dergisi, Cilt 1, Sayı 1*. s.71-82.
- Nişancı, Ş. (2000). *Sivil İtaatsizliğin Teorik Temelleri ve Meşruiyeti Meselesi*, Yayınlanmamış Doktora Tezi, Sakarya: S.Ü. S.B.E.
- Nogayeva, A. (2012). «ABD, Rusya ve Çin’in Nüfuz Mücadelesinde Orta Asya: Araçlar ve Süreçler», *Bilig, Yaz 2012, Sayı 62*, s.183-204.
- OSCE and ODIHR (2000). *NGOs in the Caucasus and Central Asia: Development and Co-operation with the OSCE. Human Dimension Implementation Meeting*. Warsaw, Poland: October 2000. p.1-19
- Ost, F. (2000). «La Désobéissance Civile. Jalons Pour Un Débat», Dans Obéir Et Désobéir: Le Citoyen Face A La Loi, (Edit. P. A. Perrouty), Bruxelles: L’université De Bruxelles, p.15–37.
- Purtaş, F. (2006). «Kazakistan’da Sivil Toplum Kuruluşları, İç ve Dış Politikaya Etkileri». *OAKA (USAK), 1/1*, s.1-18.
- Roberts, S. R. (2012). «Doing the Democracy Dance in Kazakhstan: Democracy Development as Cultural Encounter», *Slavic Review 71/2. Summer 2012*. p.308-330.
- Sarıbay, A. Y. (1999). «Sivil İtaatsizlik». (iç.) *Sivil İtaatsizlik, Disiplinlerarası Kolokyum 7–9 Kasım 1997 Uludağ/Bursa*, (Edit. H. Ökçesiz), İstanbul: Dünya Yerel Yönetim Ve Demokrasi Akademisi (Wald) Yayını, s.154–158.
- Türk, F. (2012). «Kazakistan’da Değişim Sürecinde Ortaya Çıkan Siyasal Partiler ve Hareketler», *Hukuk ve İktisat Araştırmaları Dergisi, Cilt 4, Sayı 2*, s.11-20.
- Udayakumar, S. P. and Kapoor, H. and Ramesh, R. (2009, 01 February). «The Nevada-Semipalatinsk Anti-Nuclear Movement of Kazakhstan» *Nuclear Free India Vol.1, Issue 4*, p.27-32.
- Wittner, L. S. (2003). *The Struggle against the Bomb, vol. 3: Toward Nuclear Abolition: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1971 to the Present*. Stanford: Stanford University Press.

CIVIL SOCIETY SUGGESTS A TOOL TO SOLVE ENVIRONMENTAL PROBLEMS! EXAMPLE EVENT: NEVADA SEMIPALATINSK ANTI-NUCLEAR MOVEMENT

Assistant Professor Mustafa Caglayanereli

Mersin University, Faculty of Arts and Science, Department of Sociology

The prominent issue in the future of the global world is the «environment», particularly the «nuclear» threat. Not producing desired and necessary solutions to these problems is a sign of the existing of the eco-political crisis.

In the global world, the civil society ideology as a solution to that chaotic structure started developing in daily life. The most important theme of the civil society is the environment.

Kazakhstan, stopped testing nuclear weapons in the country. With this move, Kazakhstan gained its honored place in history. This decision was made by the country's political authority, Nursultan Nazarbayev, and the Kazak people who highly support him. The starter of this process is Olzhas Suleimenov's «Nevada Semipalatinsk Anti-Nuclear Movement» in the 90's.

Despite this reality, in the literature of «urbanization», «environment», «civil society» and «globalization» Olzhas Suleimenov's environmentalist movement has never been mentioned.

To correct this, it is considered necessity to define Nevada Semipalatinsk Anti-Nuclear Movement as a notion and place it in the environmentalist and civil society theory.

Kazakhstan experience can be a model for 2050 global environmental problems.

ПРЕДЛАГАЕТ СРЕДСТВО ДЛЯ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА! ПРИМЕР: АНТИЯДЕРНОЕ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕВАДА- СЕМИПАЛАТИНСК

Доктор, доц. Мустафа Чаглыандерели

*Университет Мерсин, Факультет искусств и наук,
кафедра социологии, доктор социологических наук,*

Выходящая на первое место будущего глобального мира зона такой проблемы, как «окружающая среда» и, в частности, «ядерное оружие», являются угрозой. Невыработка желаемых и необходимых

решений этих проблем, является аргументом существования экономическо-политического кризиса.

В качестве средства решения этой хаотической структуры в глобальном мире, идея гражданского общества начала развиваться в повседневной жизни. Самой важной темой гражданского общества является «окружающая среда».

Казахстан прекратил испытания ядерного оружия в стране. С таким поведением, Казахстан является обществом и режимом, имеющим почетное место в истории человека. Вместе с принятием этого решения политической властью страны (Назарбаевым) и Казакским народом, который сильно поддерживал его, возникло антиядерное народное движение «Невада-Семипалатинск». Инициатор процесса - Олжас Сулейменов (Olzhas Suleimenov) в 1990-х годах.

Несмотря на этот факт, в социологической литературе среди таких явлений, как «урбанизация», «окружающая среда», «гражданское общество» и «глобализация», движение эколога Олжаса Сулейменова почти не занимало место.

Для того, чтобы устранить этот недостаток, вводим определение антиядерного народного движения «Невада-Семипалатинск» как понятия и определение его местоположения в теории эколога и теории гражданского права считаем важным.

Опыт Казахстана, может создать «модель» для решения глобальных экологических проблем 2050.

YOUTH AND YOUTH POLITICS IN TURKEY

*Prof. Dr. Hayati Beşirli**

Gazi üniversitesi, Sosyoloji bölümü başkanı

Definitions of Youth

Considering biological, physiological and social features of youth and evaluations of these features by different disciplines, several definitions of youth are observed in the academic literature. This variety indicates that definitions can be evaluated from a wide range of perspectives.

Definitions of the youth can be classified regarding (1) chronological, (2) psychological and (3) sociological points of view (Beşirli 2013:23-25).

Chronological definitions of youth: There is no de facto rule in specifying youth's age range. Definitions diverge according to national and international public and private organizations defining youth as the target audience.

National Agency which runs programs for young people within The European Union identifies 13-30 age group as youth which is rather extensive. Additionally, individuals between the age of 15-30 and 13-25 are also defined as young people in different National Agency organizations (<http://www.ua.gov.tr/docs/magazine/gen%C3%A7lik.pdf?sfvrsn=0>).

UNESCO World Programme and Action Plan for Young People determines individuals between the age of 15-24 as a target youth group to introduce strategies in order to strengthen nations capacity and to increase the full and qualified participation of young people in society. (United Nations, 2010: 10).

* Gazi University, Ankara-Turkey

In the 2003 Youth Centres Regulations in Turkey stated that individuals between the age of 12-24 are required to become a member of youth center. However, if requested, individuals can be registered on the condition of not being under the age of 7 and older than 26. In the National Youth and Sports Document of Republic of Turkey Ministry of Youth and Sports stated that definitions can be made according to the time, socio-economic developments and cultural factors. Thus, there is no common usage of universally accepted age range in the definition of youth. In Turkey's regulations include individuals between 14-29 age ranges while determining youth policies (T.C. Gençlik ve Spor Bakanlığı, 2013: 1).

In this context, differences in the definition of chronological age supported Burcu's conceptualization of «social age» which is determined by socially and culturally. Various social institutions as education, religion or family differs age definitions on the basis of the expected practises (Burcu, 1997: 9-15).

Psychological definitions of youth: In psychological definitions, the period of youth is expressed as a transition from childhood to adulthood. Generally it is identified as adolescent period. This period is separated in itself as early adolescents 11-14 years of age range, middle adolescents 15-17 years of age range, late adolescents 17-21 years of age range. There are different approaches regarding adolescence in which age category includes. Adolescence is a period of a person's life that individual is neither a child nor an adult. During adolescence period many decisions can not be taken back (Morris, 2002:374-376). Adolescent period is expressed as a very rough period; defending enthusiastic, idealistic, unrealistic feelings and thoughts and resisting against injustice are features of this period (Yörükoğlu, 2000:42-43).

Sociological definitions of youth: Sociological definitions of youth are described according to the status attributed to individuals in social structure and expected situations of individuals in compliance with this status (Marshall, 1999:264).

This definition does not consider the biological features of youth. It is based on biologic features that is socially constructed. It refers to socio-cultural and socio-economic structure and culture which is determinant of this structure. In sociological definition, young people's position in the social structure, their functions in social institutions,

their role in the process of social change and their impacts are evaluated.

In this categorical definition of young people who are actually passive in the process of socialization, are seen as a significantly powerful actor of the society while gaining political identity in the process of political socialization (Nemutlu, 2008: 168). The rapid transitivity between activeness to influence on society and passivity to be influenced by society is referred about youth. In sociological definitions young people is not considered as a social class itself. Hence, young people is considered as a category which interior of class or of layer system in the society and it reflects the characteristics of this system (Beşirli, 2013:2013:23).

In sociological studies, youth is mostly taken as a sub-culture. It is stated that young people based on diverse characteristics are differed from the main cultural patterns and likewise different youth sub-cultures may be the object of study. The purpose and meaning of sub-cultures are very important in formation of identity. Youth sub-culture is considered separately from the main stream culture. In other words, it's values, norms, attitudes and behaviors are considered as a sub-culture. These differences are revealed in such areas like the main forms of speech, clothing, entertainment and beliefs. However, it should be noted that young people in different sub-cultures are member of the same community. Young people from different social backgrounds have different life practices therefore it should be taken in consideration while producing youth policy.

Bourdieu (1996:130-132) indicates that relationship between social age and biological age is quite complex. For his point of view age is a biological data that can be manipulated by socially. In this context, he states that differences between young people should be recognized.

Demographic Data of Turkish Youth

Turkey is a country with a young population. Analyzing demographic data from table 1, for the year 2013 is seen 37,827,892 people are under the age of 29 from 76,667,864 Turkey's total population. Under this categorization, individuals between the age of 15-29, 9,682,509 are male and 9,295,569 are female. This young population (15-29 age range) indicates that they constitute 24.7% of the total po-

pulation. When compared to other countries rate Turkey’s youth rate is quite high, based on 2011 data. This situation can be seen in Figure 1. This dynamic makes it important to determine policies for a young population. Therefore, setting policies and putting them into practices for young people is very significant matter for Turkey’s future.

Table 1

Age Group and Gender Population – 2013

Age Group	Total	Men	Woman
‘0-4’	6.206.415	3.187.259	3.019.156
‘5-9’	6.271.234	3.218.411	3.052.823
‘10-14’	6.372.165	3.269.578	3.102.587
‘15-19’	6.477.722	3.327.238	3.150.484
‘20-24’	6.214.024	3.166.104	3.047.920
‘25-29’	6.286.332	3.189.167	3.097.165
‘30-34’	6.543.669	3.305.734	3.237.935
‘35-39’	5.826.149	2.946.289	2.879.860
‘40-44’	5.308.260	2.673.800	2.634.460
‘45-49’	4.721.763	2.389.852	2.331.911
‘50-54’	4.232.792	2.123.029	2.109.763
‘55-59’	3.555.185	1.769.399	1.785.786
‘60-64’	2.760.460	1.346.426	1.414.034
‘65-69’	2.045.398	950.337	1.095.061
‘70-74’	1.507.728	674.943	832.785
‘75-79’	1.077.295	461.225	616.070
‘80-84’	820.606	335.943	484.663
‘85-89’	341.662	112.700	228.962
‘90+’	99.005	25.926	73.079
Total	76.667.864	38.473.360	38.194.504

Resorce: TÜİK. 2013 yılı ADNKS verileri http://rapor.tuik.gov.tr/reports/rwservlet?adnksdb2&ENVID=adnksdb2Env&report=wa_turkiye_yasgr.RDF&p_yil=2013&p_dil=1&desformat=spreadsheet 30.01201

Evaluations of Youth Policies in Turkey

When considering youth policy in Turkey, it is worth mentioning that two policy documents are directly related to youth policy. Apart from these two documents the other approaches of youth can be evaluated by the answers receiving from this question, what kind of a young generation do we want? The answer of this question can be observed from activities of the institutions in line with Turkish Hearths (Türk Ocakları)- Community Centers (HalkEvleri). During this period, the desired type of youth was determined by political conditions of the time. This type of youth is physically strong, mentally awake and armed with national culture.

This youth type in this definition refers to individuals that would be protective of the republic and country. This main expectation gave prominence to Turanist and Pan-Turkist policies and training program was shaped by these principles.

According to Mustafa Kemal Atatürk's statement on October 20, 1927

«Turkish Youth! Your first duty is to preserve and to defend Turkish Independence and the Turkish Republic forever»

Two youth council was held in the process of youth policy production in Turkey with the participation of different youth fractions. Youth Council meeting was held within National Education, Youth and Sports Ministry on 24 – 28 October 1988, in Ankara. The purpose of meeting were to determine the services and activities would be taken by the State, to identify youth problems and the most effective solutions order to protect of Turkish youth, to educate the young people and to improve them physically and mentally in accordance with the provisions in the constitution and laws.

In this context about 100 as a youth delegates, around 500 participants came together in this meeting. Youth representatives consisted of 29 university students, six college student union representatives, 15 high school students, 10 farmers, 10 workers, 10 trades, 5 living abroad, 5 disabled, 5 inmates, 5 unemployed. In the meeting, effects of the developments, the modernization of infrastructure, economic liberalization and foreign expansion over cultural identity was evaluated.

Cultural elements and values facing with the regeneration and changing are expressed the most important issues. In addition to that

issue, unsettling cultural elements were focused in face of the renewal of changing lifestyles. In this context, it was stated that young people would preserve their identities and this identity reflects the best way of rich history and cultural heritage (Güzel, 1988: 32-33).

In the meeting that five day long,

- 1 The youth of 2000's,
- 2 Youth health and protection youth from harmful habits,
- 3 Reintegration of young offenders,
- 4 Bringing services to youth with disabilities ,
- 5 Employees of youth issues,
- 6 Idle youth issues,
- 7 Youth leisure time activities,
- 8 Higher education of youth issues,
- 9 Secondary education of youth issues,

10 problems of the youth living abroad issues have been discussed. On the basis of this agenda have been formed commissions. In this context, decisions dated Ocak 1989 and numbered 2278 were published in the journal of National Education, Youth and Sports Ministry Communication.

Commission	Number of members
1. The youth of 2000's	46
2. Youth health and protection from harmful habits	24
3. Reintegration of young offenders	33
4. Bringing services to youth with disabilities	28
5. Employees of youth issues	41
6. Idle youth issues	28
7. Youth leisure time activities	49
8. Higher education of youth issues	51
9. Secondary education of youth issues	38
10. problems of the youth living abroad	37

At this place high conscious about democracy and actively participation in policy of youth was desired. Thus, the arrangements was required to ensure equality of opportunity in all young groups.

A broad range of decisions were taken such as introduction of Kemalist thought system, the revision of textbooks in accordance with national and spiritual moral principles of Atatürk and to establish the special law enforcement agencies to deal with young offenders (1989:470).

II. Youth Council meeting was held on the 14- 18 May 2012. On the purpose of preparing for this meeting, 17 regional workshops, starting at 17 December 2011 and resulting in 17-18 March 2012, were arranged, eight thousand young people consisting of elementary, high school and college students, working and the disabled young had contributed to meeting.

- 1 Education,
 - 2 Employment and entrepreneurship,
 - 3 Disadvantaged young people and participation in social life,
 - 4 In the field of international youth
 - 5 Healthy life, sports and environment,
 - 6 Internet and media,
 - 7 Democracy awareness and participation,
 - 8 Culture, arts and leisure activities,
 - 9 Ethics and human values,
- 393 participants were included.

Commission	Number of members
1. Education	49
2. Employment and entrepreneurship	25
3. Disadvantaged young people and participation in social life	42
4. In the field of international youth	50
5. Healthy life, sports and environment	38
6. Internet and media	44
7. Democracy awareness and participation	47
8. Culture, arts and leisure activities	47
9. Ethics and human values	51

Conclusion

Youth has a critical role in continuation of the social structure. In this context, producing policies of the community in relation to the youth is becoming important. One of the primary places where these politics will be implemented is composed of educational institutions with their explicit and latent functions. In this process, the perspective of the Turkish youth was shaped by the pattern dependent on Atatürk's principles by sharing secular and democratic values, and the educational institutions have prepared their programmes accordingly.

REFERENCES

- Burcu, Esra, (1997), Çıracık ve Kalfa Gençlik Alt Kültür Grubu Hakkında Sosyolojik Bir Araştırma, Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayımlanmamış Doktora Tezi,
- Beşirli, Hayati,(2013), Gençlik Sosyolojisi, Ankara, Siyasal Yayınları
- Bourdieu, Pierre (1996), Toplum Bilim Sorunları, Türkçesi, Işık Ergüden, İstanbul, Kesit Yayıncılık
- Güzel, Hasan Celal, (1989), 1. Gençlik Şûrası, Raporlar, Görüşmeler, Kararlar, İstanbul, Milli Eğitim Basımevi
- Marshall, Gordon, (1999), Sosyoloji Sözlüğü, (Çev: Osman Akınhay, Derya Kömürcü), Ankara: Bilim ve Sanat Yayınları,
- Morris, Charles (2002), Psikolojiyi Anlamak, Çev Edt. Belgin Ayvaşık, Melike Sayıl, Ankara, Türk Psikologlar Derneği Yayınları
- Nemutlu, Gülesin, (2008), Türkiye Sivil Alanında Gençlik Çalışmalarının Tarihsel Gelişimi, Türkiye’de Gençlik Çalışmaları ve Politikaları. Der. Nuran Yentürk vd. İstanbul, Bilgi Üniversitesi yayınlar, s167-196
- Yörükoğlu, Atalay(2000). Gençlik Çağı, İstanbul. Özgür Yayınları
- Türkiye Cumhuriyeti, Gençlik ve Spor Bakanlığı (2013), Ulusal Gençlik ve Spor Politikası Belgesi, Ankara, Gençlik Spor Bakanlığı
- United Nations (2010). World Programme of Action For Youth, New York, Printed at the United Nations, s.10-25,
- Ulusal Ajans
- <http://www.ua.gov.tr/docs/magazine/gen%C3%A7lik.pdf?sfvrsn=0>
- Türkiye İstatistik Kurumu (2013), İstatistiklerle Gençlik 2012, Ankara. Türkiye İstatistik Kurumu Yayınları Yayın Numarası: 3924

YOUTH AND YOUTH POLICY IN TURKEY

Prof. Dr. Hayati Besirli

Head of Sociology Department of Gazi University, Ankara

In order to continue the existence of society, the youth take an important role in the period of reproduction of social structure. Young people in the process of socialization of society, passing cultural values continue its structure. The youth forming dynamic aspect of society has an important role in this field. Young people is a major factor in the continued existence of society.

Regarding youth, a lot of definitions are made. These definitions are diversified based on the fact that human is a biological and social being. A common trait determining both biological and social characteristics of the people emphasizes that this period reflects the change.

Policy, developed by the society for the young people acquire great importance in this area. One of the places where these policies will be applied, together with open and latent functions are educational institutions. In this process, the point of view regarding the youth in Turkey formed the basis associated with the principles of Ataturk, which were formed on the basis of secular and democratic values and educational institution has developed a program in this scope.

Keywords: youth, policy of youth, socialization, Turkey

МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ТУРЦИИ

Проф. Доктор Хаяти Беширли,

*Заведующий кафедрой социологии университета Гази,
доктор социологических наук, профессор, г.Анкара*

Для продолжения существования общества и в периоде воспроизводства социальной структуры, молодежь играет очень важную роль. Молодежь в процессе социализации общества, передает культурные ценности и продолжает его структуру. Молодежь, образующая динамическую сторону общества, играет важную роль в этой сфере. Молодежь является основным фактором в продолжении существования общества.

Касательно молодежи, делается очень много определений. Данные определения диверсифицируются на основании того, что человек является биологическим и социальным существом. Общая черта определения, как биологические, так и социальные характеристики

людей подчеркивают, что этот период отражает, происходящие изменения.

Методы политики, выработанные обществом в этой сфере для молодежи, приобретают большое значение. Одно из мест, где будут применены эти методы, вместе с открытыми и латентными функциями составляют учебные заведения. В этом процессе точка зрения касательно молодежи в Турции сформирована в молодежной среде, связанной с принципами Ататюрка, которые образовались на основе светских и демократических ценностей и учебное заведение в этой сфере подготовило программу.

Ключевые слова: молодежь, молодежные политики, социализация, Турция

ULUSLAR ARASI İŞGÜCÜ GÖÇÜ KAPSAMINDA BELÇİKA'DA TÜRK NÜFUSUNUN OLUŞUM SÜRECİ VE GÜNÜMÜZDEKİ DURUM.

Cahit Gelekeçi

*Assoc.Prof.Dr. (Ph.D.) Hacettepe University, Faculty of Letters,
Department of Sociology, Ankara, Turkey*

II. Dünya Savaşının sona ermesinden sonra başta Federal Almanya olmak üzere Avrupa'da bulunan birçok ülke ekonomik alanda ihtiyaç duyduğu işgücünü yeterince karşılayamaz durumdaydı. I. ve II. Dünya Savaşları nedeniyle olduğu Avrupa'dan Amerika ve Kanada'ya gerçekleşen zorunlu göçülerin yanı sıra her iki savaşın neden olduğu kayıplar Avrupa'daki birçok ülkenin işgücü ihtiyacının doğmasına yol açmıştır. Savaşlar nedeniyle yaşanan nüfus kaybının yanı sıra ekonomide üretim ve yatırım odaklı politikaların izlenmesi nedeniyle Federal Almanya başta olmak üzere, Fransa, Hollanda, Belçika ve diğer birçok Batı Avrupa ülkesi çevre ülkelerden ve eski sömürgelerinden «misafir işçi» **kapsamında işçi getirtmeye başlamıştır**. Aynı dönemde Türkiye'de kırsal alandan kentlere yoğun bir göç hareketi yaşanmakta, kentleşmeyle birlikte ekonomik alandaki sıkıntılar, işsizlik sorunu gittikçe içinden çıkılmaz bir hal almaktaydı. Türkiye'nin 1950'li ve 1960'lı yıllarda içinde bulunduğu bu durum bazı Türk vatandaşlarının Avrupa'da işçi ihtiyacı duyan ülkelere geçici süreyle çalışmak için gitmelerine yol açmıştır. Türkiye'den sanayileşmiş Batı Avrupa ülkelerine yönelik işçi göçü başlangıçta yasal çerçeveden yoksundu. Ancak 1950'li yıllardan itibaren şahsi girişimler ile Batı Avrupa ülkelerine yönelik başlayan işgücü akımının ilerleyen süreçte belirli hukuki ve idari esaslara bağlanması, hem gönderen

hem de kabul eden ülke çıkarları açısından, bir ihtiyaç olarak ortaya çıkmıştır. Türkiye’de İş ve İşçi Bulma Kurumu ile yetkili irtibat büroları bu ihtiyacı karşılamak üzere görevlendirilmiştir (Yurt Dışı Göç Hareketleri ve Vatandaş Sorunları 1973: 17-18).

Türkiye ilk dışgöç ve işgücü alışveriş anlaşmasını 1961 yılında Federal Almanya ile imzalamıştır. Bu anlaşmayı 1964 yılında Hollanda, Belçika, Danimarka ve Avusturya ile imzalanan anlaşmalar, 1965 yılında Fransa, 1967’de ise İsveç ile yapılan anlaşmalar izlemiştir (Abadan-Unat 2006). Türkiye’nin birçok sanayileşmiş Batı Avrupa ülkesi ile işgücü alışveriş anlaşmaları imzalaması günümüzde birçok Avrupa ülkesinde kalıcı bir Türk nüfusunun oluşum sürecini başlatan esas neden olmuştur.

Çalışmamızın konusunu oluşturan Belçika’daki Türk varlığının oluşum sürecine değinmeden önce Belçika hakkında kısa bir bilgi vermek yararlı olacaktır.

Belçika, Hollanda, Fransa, Lüksemburg ve Almanya’ya sınır komşusu olan yaklaşık 11milyon nüfusa sahip bir ülkedir. Birleşmiş Milletlerin, NATO’nun ve Avrupa Birliğin merkezi konumunda bulunan Belçika devleti kuruluşu itibariyle farklı üç toplum esasına dayanmaktadır. Günümüzdeki anayasasına göre üç toplum, üç bölge ve 10 eyaletten oluşmaktadır. Belçika’nın kuruluşunda esas olan üç toplum Flamanlar, Valonlar ve Almanca konuşan topluluk, bölgeler ise Flaman Bölgesi, Valon Bölgesi ve Brüksel-Başkent Bölgesi’dir. Flamanlar ülkenin kuzeyi ve Brüksel-Başkent Bölgesinde, Valonlar ülkenin güneyi ve Brüksel-Başkent Bölgesinde, Almanca konuşan toplum ise ülkenin doğu bölgesinde bulunan Eupen ve Saint Vith’te yaşamaktadırlar (Gelekçi ve Köse 2009).

Belçika 20.yüzyılın ortalarına kadar genellikle ülke dışına göç veren bir ülke durumundaydı. II. Dünya Savaşının sona ermesiyle birlikte Belçika sanayileşme alanında yakaladığı gelişmeler ile göç alan, ekonomi ve nüfus açısından büyüyen bir ülke konumuna gelmiştir. Belçika’nın özellikle ekonomik alanda hızla büyümesi işgücü ihtiyacının doğmasına yol açmıştır. Belçika’nın işgücü açığının kapatılmasına yönelik geliştirilen politikaların başında ise komşu ve çevre ülkelerden geçici işçi getirtme modeli yer alıyordu. Belçika’nın işgücü ihtiyacını gidermeye yöneldiği ilk ülke İtalya olmuştur. Geçici işçi olarak getirilen İtalyanlar maden ocaklarında, demir ve çelik en-

düstrisinde istihdam edilmişlerdir. Başlangıçta İtalya'dan karşılanan işgücü ihtiyacı daha sonra İspanya, Yunanistan, Fas ve Türkiye'den getirilen işçilerle karşılanmaya çalışılmıştır. Belçika hükümeti ihtiyaç duyduğu iş gücü açığını kapatmak için İtalya ile 1946 yılında, daha sonra 1956 yılında İspanya'yla, 1957'de Yunanistan'la, 1964'de Fas ve Türkiye'yle, 1969 yılında Tunus'la, 1970 yılında ise Cezayir ve Yugoslavya ile ikili anlaşmalar imzalamıştır (Wets 2008: 89).

Belçika'ya geçici süreyle çalışmak için ilk gelen göçmenler sadece Avrupa kökenli ve Katolik iken, sonrakiler ise genellikle Avrupalı olmayan ve Müslümanlardır. 1970'li yıllardan itibaren ise Belçika'nın sömürgesi olan veya etki sahasında bulunan ülkelerden; Kongo, Ruanda, Burundi gibi ülkelere Afrika'dan gelenlere gelmeye başlamışlardır. Afrika ülkelerinden gelenlerin sayısı politik sığınma veya iltica yoluyla devamlı artmıştır (Lesthaeghe 2000: 2-4). Afrika ülkelerinden yasal veya yasal olmayan yollardan gelenlerin sayısındaki hızlı artışa rağmen Belçika'da, Avrupa Birliği üyesi olmayan ülke vatandaşları içerisinde nüfus yoğunluğu bakımından ilk sırada Faslılar ikinci sırada ise Türkler gelmektedir (Wets 2008: 89).

Belçika'da yaşayan yaklaşık 200.000'in üzerindeki Türk nüfusu ülkenin hem Valon hem de Flaman bölgelerine dağılmış, gruplar halinde yaşayan ve geldikleri ülke açısından oldukça homojen bir yapıya sahiptirler. Afyon ve Eskişehir'den göç etmiş olan Türkler çoğunlukla Brüksel ve Gent'te yaşamaktadırlar. İç ve Doğu Anadolu bölgelerinden göç edenler ise genellikle Limbourg ve Antwerpen'de, Türkiye'nin diğer bölgelerinden göç edenler ise Belçika'nın çeşitli illerinde yaşamaktadırlar (Reniers 2000:71). Flaman Bölgesinde yaşayan Türkler daha çok Gent, Limburg ve Antwerp'te, Valon Bölgesinde yaşayanlar Liège, Charleroi, Beringen, Mons ve La Louvière'de, Brüksel-Başkent Bölgesinde yaşayanlar ise başkent Brüksel'de ikamet etmektedirler (Gelekçi ve Köse 2009). Belçika'daki Türklerin önemli bir bölümü, yaklaşık%25'i, Brüksel'de yaşamaktadır (Lesthaeghe 2000: 26).

Günümüzde Belçika'da yaşayan Türk nüfusunun ilk oluşum aşamasını, diğer birçok Avrupa ülkesinde olduğu gibi, işçi göçü ile gidenler oluşturmaktadır. 1961-1974 yılları arasında Türkiye'den İş ve İşçi Bulma Kurumu tarafından Avustralya ve Avrupa'ya gönderilen toplam işçi sayısı 801.648'dir. 801.648 kişinin 655.790'ı erkeklerden,

145.848'i ise kadınlardan oluşmaktaydı. Yurtdışına çalışmak üzere gönderilen işçilerin gittikleri ülkelere göre dağılımına baktığımızda ise ilk sırayı 649.337 kişi ile Almanya'nın aldığı görülmektedir. Geriye kalan 152.311 işçinin ise 5.806'sı Avustralya'ya, 36.960'ı Avusturya'ya, 15.864'ü Belçika'ya, 3.579'u Danimarka'ya, 55.943'ü Fransa'ya, 24.862'si Hollanda'ya, 7.130'u ise İsviçre'ye gönderilmiştir. 2.167 kişi ise İngiltere'ye (İngiltere ile 09-09-1959 tarihinde sadece sosyal güvenlik anlaşması imzalanmıştır) gönderilmiştir. 1961-1974 yılları arasında işçi statüsünde gönderilen toplam kadın işçi sayısının 138.739'u da Almanya'ya gönderilmiştir (Akgündüz 2007:111; Yurt Dışı Göç Hareketleri ve Vatandaş Sorunları 1973:101; Gelekçi ve Köse 2009:57). İşçi statüsünde yurt dışına gönderilen kadınların yaklaşık% 95 gibi büyük bir çoğunluğu Almanya'ya gönderilmiştir. Çalışmamıza konu olan Belçika'ya ise aynı dönemde sadece 33 kadın işçi gönderilmiştir.

Belçika'ya ve diğer Avrupa ülkelerine «misafir işçi» statüsünde gönderilen Türkler, anlaşmalar gereği süreleri dolduğunda Türkiye'ye geri döneceklerdi. Ancak gerek gittikleri ülkelerde çalıştıkları firmalar gerekse işçilerin kendileri çalışma süreleri dolduğunda geri dönmek yerine yeniden iş sözleşmesi yapmak suretiyle sürenin uzatılması yoluna gidince farklı bir süreç yaşanmaya başlandı. Bu süreç misafir işçilikten kalıcı vatandaşlığa giden yolun başlangıcıdır.

1960'lı yılların sonu ve 1970'li yılların başlangıcı Belçika'ya geçici olarak çalışmaya giden Türklerin elde ettikleri bazı yasal haklardan da yararlanarak eşlerini ve çocuklarını yanlarına götürme sürecinin yoğun yaşandığı bir dönemdir. Ancak 1970'li yılların ortalarına doğru yaşanan ekonomik kriz Batıdaki birçok ülke gibi Belçika'nın da 1973 yılında işçi alımlarını durdurmasına neden olmuştur. Belçika ve yurt dışından işçi getirten diğer ülkeler toplu işçi göçlerini durdurmuş, aile birleşmelerine kısıtlamalar getirmişlerdir. İlerleyen süreçte ise Türkiye'ye geri dönmeleri için politikalar geliştirilmiş, hatta teşvikler uygulamışlardır. Geri dönüş için uygulanan teşvikler bir ölçüde başarılı olmuştur. Ancak uygulanan teşviklere rağmen işçi mübadelesi kapsamında yurt dışına çalışmak üzere giden Türklerden bir bölümünün geri dönmesine karşın, bir kısmı gittikleri ülkelerin kendilerine sağlamış olduğu olanaklardan ve elde etmiş oldukları yasal haklarından faydalanarak çalışmak üzere gittikleri ülkelerde kal-

maya karar vermişlerdir. 1970'li yıllardan günümüze gelinen süreçte ise Avrupa'nın birçok ülkesinde kalıcı olarak yaşamaya karar vermiş olan Türklerin nüfusu, aile birleşmeleri ve aile kurma yoluyla önemli oranda artmıştır (Gelekçi ve Köse 2009: 90).

Belçika'ya 1974 yılından sonra giden Türklerin büyük çoğunluğunu «aile birleşimi» veya «aile kurma» kanalıyla gitmiş olanlar oluşturmaktadır. «Aile birleşimi» çocuklara ve eşlere Belçika'da yerleşme ve yaşamaya, «Aile Kurma» ise evlilik için eşlerini Türkiye'den seçmiş olan Türklerin eşlerini Belçika'ya götürmelerine olanak sağlamıştır. 1974 yılından önce iş gücü çerçevesinde göç erkeklerden oluşurken, daha sonraki yıllarda evlilik yoluyla yapılan göçlerin büyük bir bölümü ise kadınlardan oluşmuştur. (Gelekçi ve Köse 2009, s.107). Ancak ilerleyen zaman içinde cinsiyet dağılımları birbirine yakın hale gelmiştir. Örneğin Belçika'nın Flaman Bölgesine gidenler içerisinde kadın-erkek sayısı neredeyse birbirine eşit hale gelmiştir. 2001 yılından 15 Nisan 2005 tarihine kadar olan süreçte evlilik yoluyla Belçika'ya gidenlerin% 46'sını kadınlar oluşturmuştur (Timmerman 2008: 123).

Avrupa'nı çeşitli ülkelere işçi statüsünde gidenlerden bekâr olanların, aile birleşimi ile giden çocuk veya gençlerin veya yurtdışında doğmuş olanların evliliklerinin önemli bir bölümünü Türkiye'den yapmaları Avrupa'da ve Belçika'daki Türk nüfusunun oluşumunun temel nedenlerinden biri olmuştur. Türkiye'den evlilik yoluyla yurt dışına gidişlerde özellikle yurtdışına çalışmak üzere gitmiş olan işçilerin veya ailelerinin yurda geri dönüşlerinde veya ziyaretleri sırasında çevrelerinde bıraktıkları olumlu izlenimler Türkiye'de beklentileri arttırmış ve evlilik yolu ile göçü hızlandırmıştır. Geri dönen işçilerin birçoğu çevrelerinde başarılı olarak değerlendirilmektedir. Bunun başlıca nedenleri, ülkeye yanlarında araba ve birçok yeni tüketim eşyası ile dönmeleri, ev, mal-mülk sahibi olmaları, biriktirdikleri paralarla geldikleri köylere, kasabalara yakın şehirlere yerleşmeleri ve yatırım yapmaları olmuştur. Yurt dışında sahip olunan refah seviyesinin komşular ve akrabalar yanında sergilenmesi potansiyel göçmen nüfus üzerinde çok etkili olmuştur (Şen ve Koray 1993:20). Böylece Avrupa'nın birçok ülkesinde kalıcı olarak yaşamaya başlayan Türk işçilerinin nüfusu azımsanamayacak oranlara ulaşmıştır. Bu gelişmelere bağlı olarak da Avrupa da kalıcı bir Türk nüfusu meydana

gelmiştir. 2007-2008 yıllarında Belçika'da gerçekleştirdiğimiz alan araştırmasının verileri Belçika'da Türk nüfusunun oluşum süreci ve biçimi açısından bize önemli bilgiler sağlamaktadır.

2007-2008 yıllarında Belçika'da gerçekleştirdiğimiz alan araştırması kapsamında anket (15 yaş ve üzeri 490 kişiye anket uygulanmış), odak grup ve mülakat teknikleri kullanılarak veriler toplanmıştır.

Çalışma kapsamında anket uygulanan 490 kişinin%46.9'u (230) kadınlardan,%53.1'i (260) ise erkeklerden oluşmaktadır. Türk işçi göçünün gerçekleştiği ilk dönemde işçilerin büyük çoğunluğu erkeklerden meydana gelmekteydi. Belçika'da Türk kadınının varlığı ise ilk aşamada aile birleştirmeleri yoluyla oluşmaya başlamıştır. Daha sonraki süreçte ise aile kurma kanalıyla gidenler ve doğum temel etken olmuştur.

Kendilerine soru kâğıdı uyguladığımız araştırma gurubunun yaşları ise 15 ile 74 arasında değişmektedir. Araştırmanın örneklemini oluşturan grup içerisinde%16.7 ile ilk sırada 20-24 yaş grubu yer almaktadır. Daha sonra ise sırasıyla%13.9 ile 35-39 yaş grubu,%13.7 ile 25-29 yaş grubu,%13.3 ile 30-34 yaş grubu,%10.8 ile 15-19 yaş grubu,%10.6 ile 40-44 yaş grubu,%7.1 ile 50-54 yaş grubu,%6.7 ile 45-49 yaş grubu,%5.9 ile 55-59 yaş grubu,%0.8 ile 60-64 yaş grubu,%0.4 ile de 65 ve üzeri yaş grupları gelmektedir. Anket uygulanan yaş grupları içerisinde 15 ile 44 yaş aralığındaki kişiler örneklemin%79'una karşılık gelmektedir. Bu yaş aralığındaki kişilerin büyük bir bölümü Belçika'da doğmuş olanlar ve aile kurma kanalıyla Belçika'ya gitmiş olanlardan meydana gelmektedir.

Çalışmamız kapsamında anket uygulanan örneklem grubumuzun%62.4'ü (306 kişi) Türkiye,%37.6'sı (184ise) ise Belçika doğumludur. Türkiye doğumlular işçi olarak gidenler, aile birleşimi kanalıyla gidenler, aile kurma yoluyla gidenler, eğitim görmek amacıyla veya turist olarak gidip oraya yerleşmeye karar verenlerden oluşmaktadır. Türkiye doğumluların oranı Belçika'daki Türk nüfusu içerisinde her geçen yıl daha da azalmaktadır. Çünkü Belçika'da yaşayan Türklerin Türkiye'den evlenerek eşlerini Belçika'ya götürmelerindeki oranlar gittikçe düşmektedir. Bu durumun nedenlerinden biri Belçika'nın 2005 yılından sonra Türkiye'den evlilikler yoluyla ülkeye girişleri azaltmak amacıyla uygulamaya başladığı politikalar dır. Bu durum Belçika'daki Türkler arasında Türkiye doğumluların

sayısının devamlı olarak azalmasına nedenlerinden biridir.

Tablo 1

Araştırma Grubunun Belçika'ya Geliş Şekline Göre Dağılımı

<i>Belçika'ya Geliş Şekli</i>	Sayı	Yüzde
<i>Belçika'da doğdum</i>	178	36.3
<i>Evlilik yoluyla geldim (Aile kurma)</i>	177	36.1
<i>Aile birleşimi yolu ile geldim</i>	78	15.9
<i>İşçi olarak geldim</i>	18	3.7
<i>Turist olarak geldim</i>	20	4.1
<i>Eğitim görmek amacıyla geldim</i>	10	2
<i>İltica yoluyla geldim</i>	7	1.4
<i>Cevapsız</i>	2	0.4
Toplam	490	100.0

Araştırmamız kapsamındaki kişilerin Belçika'ya geliş şekline yönelik sorulan soruya verdikleri cevapların dağılımının yer aldığı tablo 1'de ilk sırayı%36.3 ile Belçika'da doğmuş olanlar almaktadır. Belçika doğumluların sayısının 184 kişi olmasına karşılık Belçika'ya geliş şeklinin yer aldığı tablo 1'deki dağılımda Belçika doğumlularının 178 olarak görülmesinin nedeni araştırma grubundaki bazı kişilerin Belçika'da doğmasına karşılık Türkiye'ye dönüş yapmaları, daha sonra ise evlenerek veya başka bir nedenle tekrar Belçika'ya geri dönüş yapmalarından kaynaklanmaktadır. Bu durumdaki kişi sayısı 6'dır. Belçika doğumluları%36.1 ile evlilik yoluyla gelin veya damat olarak gidenler,%15.9 ile aile birleşimi yoluyla gidenler,%4.1 ile turist olarak gidenler,%3.7 ile işçi olarak gidenler,%2 ile eğitim görmek amacıyla gidenler,%1.4 ile ise iltica yoluyla Belçika'ya gitmiş olanlar takip etmektedir. Türkiye'den Belçika'ya çalışmak üzere gönderilen işçilerin büyük bir bölümü erkeklerden ve aynı zamanda evlilerden oluşmaktaydı. Belçika'da çalışma süreleri uzatılan Türk işçilerin bir bölümü Belçika devletinin aile birleşimine izin vermesiyle eş ve çocuklarını Belçika'ya götürmüş, bekâr olanların bir bölümü de Türkiye'den evlenerek (aile kurarak) eşlerini Belçika'ya götürmüşlerdir. 1970'li yıllarda daha çok aile birleşimi yoluyla Türkiye'den

Belçika'ya göç gerçekleşirken, 1980'li yıllardan sonra «aile kurma» yoluyla gelin veya damatların gidişleri söz konusudur. Belçika'ya turist olarak giden bazı Türkler ise Belçika'nın imkânlarını göz önünde bulundurarak ya evlilik ya da iş bularak oraya yerleşmişlerdir.

Belçika doğumlu olmayan kişilerin Belçika'da bulunma süreleri bize Belçika'ya göçün nasıl ve hangi zamanlarda gerçekleştiği açısından bilgi sağlamaktadır. Yukarıda da ifade edildiği üzere araştırma kapsamında anket uygulanan katılımcıların sadece%36.3'ü Belçika'da doğmuştur. Geriye kalanların Belçika'ya gidiş ve bulunma nedenleri farklılaşmaktadır. Belçika doğumlarının dışında katılımcıların%22.5 ile 1-5 yıl arasında Belçika'da yaşayanların *ilk sırayı* aldığı görülmektedir. Yapmış olduğumuz görüşmeler ve alanda bir yıl boyunca yapılan incelemelere göre bu grupta yer alanların büyük çoğunluğu evlilik yolu ile «**aile kurarak**» **Belçika'ya gidenlerden** oluşurken çok az bir kısmı turist olarak veya eğitim görmek amacıyla gidenlerden oluşmaktadır. İkinci sırada%21.9 ile 30 yıldan daha uzun süredir Belçika'da yaşayanlar yer almaktadır. Bu grupta işçi olarak giden ilk kuşak ve onların aile birleşimi yoluyla Belçika'ya götürdükleri eş ve çocukları büyük çoğunluğu oluşturmaktadır. Daha sonra ise sırasıyla%15.8 ile 6-10 yıl arası,%11.5 ile 16-20 yıl arası,%11.2 ile 26-30 yıl arası,%10.8 ile 11-15 yıl arası,%5.1 ile 21-25 yıl arası Belçika'da yaşayanlar gelmektedir. 25 yıldan daha uzun süredir Belçika'da yaşayanların büyük bölümü işçi olarak veya aile birleşimi yoluyla gidenler ile Belçika'da doğmuş olanlardan oluşurken 1 ile 25 yıl arasındaki gurubun önemli bir kısmı aile kurarak gelin veya damat olarak Belçika'ya gidenlerden veya Belçika'da doğmuş olanlardan meydana gelmektedir.

Sonuç olarak işgücü anlaşması çerçevesinde Belçika'ya çalışmak üzere gidenlerin bir bölümünün geri dönmesine karşın, önemli bir kısmı gittikleri ülkenin kendilerine sağlamış olduğu olanaklardan faydalanarak orada yaşamaya karar vermişlerdir. Dolayısıyla Belçika'daki Türk nüfusunun ilk aşamasını «Misafir İşçi» statüsünde geçici süreyle çalışmak üzere giden ancak Türkiye'ye geri dönmeyen ilk kuşak oluşturmaktadır. İkinci aşamayı ilk kuşak gidenlerin aile birleşimi çerçevesinde eşlerini ve çocuklarını götürmeleri, üçüncü aşamayı ise ilk kuşak gidenlerden bekâr olanların, aile birleşimi yoluyla gidenlerden veya Belçika'da doğup büyümüş olmasına kar-

şın Türkiye’den evlenerek eşlerini «aile kurma» yoluyla götürmeleri oluşturmaktadır. Belçika’daki Türk nüfusunun oluşumunda aile bağları ve akrabalık ilişkilerinin yanında yabancılara yönelik ülkenin siyasal ve kültürel yaklaşımı da önemli rol oynamıştır. Belçika’nın çifte vatandaşlığa izin veren bir siyaset izlemesinden dolayı Belçika’da yaşayan Türklerin yaklaşık%80 hem Türk hem de Belçika vatandaşlığına sahiptir. Belçika vatandaşlığı bulunmayan Türklerinde (2013 yılı verilerine göre yaklaşık 39.000 kişi) önemli bir kısmı Belçika vatandaşlığına başvurmuş olup gerekli işlemleri yürütmektedir. Belçika’da yaşayan Türkler başta hizmet sektörü olmak üzere birçok iş alanında işveren veya çalışan olarak yer almaktadır.

KAYNAKLAR

Abadan-Unat, Nermin (2006). Bitmeyen Göç Konuk İşçilikten Ulus-Ötesi Yurttaşlığa. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları.

Akgündüz, Ahmet (2007). *Labour Migration from Turkey to Western Europe, 1960-1974 A Multidisciplinary Analysis*. Amsterdam: Amsterdam University Pres.

Castles, Stephen ve Mark J. Miller (2008). *Göçler Çağı, Modern Dünyada Uluslararası Göç Hareketler*. İstanbul: Bilgi Üniversitesi Yay.

Gelekcı, Cahit ve Ali Köse (2009). *Misafir İşçilikten Etnik Azınlığa Belçika’daki Türkler*. Ankara: Phoenix Yay.

Gelekcı, Cahit (2010). Belçika’da Yaşayan Türk Gençlerinin Kültürel Aktarım Sürecinde Anadillerini Öğrenme ve Kullanma Durumları, *Türkbiğ*, Sayı 19, s.117-136.

Gelekcı, Cahit (2011). Avrupa’da Yaşayan Türklere Yönelik Çifte Vatanlık Uygulamaları: Belçika Örneği, *bilig*, Sayı 59, ss. 123-146.

Lesthaeghe, Ron (2000). «Transnational Islamic Communities in a Multilingual Secular Society». *Communities and Generations Turkish and Moroccan Populations in Belgium*. Ed. Ron Lesthaeghe. Belgium: VUB press.1-57.

Reniers, Georges (2000). «On The Selectivity and Internal Dynamics Of Labour Migration Processes:An Analysis Of Turkish and Moroccan Migration to Belgium», (Ed.), *Communities and Generations Turkish and Moroccan Populations in Belgium*, . Ed. Ron Lesthaeghe. Belgium: VUB press, pp:57-93.

Şen, Faruk ve Sedef Koray (1993). *Türkiye’den Avrupa Topluluğu’na Göç Hareketleri*. Ankara: Elit Yay.

Timmerman, C. (2008) «Gender Dynamics in the Context of Turkish

Marriage Migration: The Case of Belgium», *Turkish Immigrants in the European Union Determinants of Immigration and Integration*, Eds. Refik Erzan and Kemal Kirişci. London and New York: Routledge, pp:121-139.

Yurtdışı Göç Hareketleri ve Vatandaş Sorunları (1973). Ankara: Dışişleri Bakanlığı Ekonomik ve Sosyal İşler Genel Müdürlüğü.

Wets, Johan (2008). «The Turkish Community in Austria and Belgium: The Challenge of Integration». *Turkish Immigrants in the European Union Determinants of Immigration and Integration*. Eds. Refik Erzan and Kemal Kirişci. London and New York: Routledge. 81-96.

THE FORMATION OF TURKISH POPULATION WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL LABOUR MIGRATION IN BELGIUM AND ITS CURRENT SITUATION

Assoc.Prof.Dr Cahit GELEKÇİ
Hacettepe Üniversitesi

Turkey had signed agreements on labor with several European countries e.g. Germany, Netherlands, France, Austria and Belgium between 1961 and 1967. Those economically developed European countries had needed labor force due to their economic policies and the progress they had made. Within the scope of those agreements a large number of Turkish citizens have gone to European countries in need of workers under the condition of working temporarily; nevertheless, in the course of time that temporary labor migration has turned into permanent residency. The family reunification has let the families of Turkish workers settle down to those countries and most of the single workers got married to Turkish wives/ husbands who lived in Turkey at the time as well. As a result of those preferences, Turkish population in the countries in question has increased. Today, approximately five million Turkish people live in several European countries. Turkish residence in Belgium begins with the 1964 labor agreement between Turkey and Belgium. The article discusses the formation and the current situation of Turkish population in Belgium in the light of the field study which was conducted in Belgium in 2007-2008.

**ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ТУРЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В БЕЛЬГИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ
МИГРАЦИИ И ПОЛОЖЕНИЕ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ**

Доцент доктор Джахит Гелекчи

*Университет Хажеттепе, факультет литературы, кафедра
социологии / Анкара*

Турция подписала трудовые соглашения, с некоторыми странами Европы, включая Германию, Голландию, Францию, Австрию и Бельгию, нуждающимися в рабочей силе, параллельно с политикой, применяемой в экономической сфере, и событиями, имевшими место в 1961-1967 гг. В связи с этими соглашениями, многие граждане Турции были отправлены на работу в страны Европы, с условием временной работы и обратного возвращения. Но, в дальнейшем, временная трудовая миграция стала постоянной. Турки, привозя своих жен и детей в страну, где они временно работали, с целью воссоединения семьи, а так же заключая значительную часть браков за пределами Турции, стали причиной постоянства Турецкого населения в странах, где были подписаны трудовые соглашения. В настоящее время, во многих странах Европы живут примерно пять миллионов Турков. Период образования Турецкого населения, живущего в Бельгии, начался после подписанного в 1964 году трудового соглашения между Турцией и Бельгией. В данном проекте, на основании данных социологического исследования в Бельгии в 2007–2008 г., вкратце рассмотрены период образования Турецкого населения в Бельгии с 1964 года и его нынешнее состояние.

WHY TURKIC SPEAKING COUNTRIES NEED A SECULAR STATE?

Assoc. Prof. Dr. Aysegül Aydıngün

Middle East Technical University Department of Sociology

Starting with the 1970s, the global revival of religion is a fact taking place not only in Muslim-majority and Muslim-minority societies but all around the world. However, repercussions of this fact differ from society to society. Religious revival has also taken place in the former Soviet space including the Turkic speaking countries following the dissolution of the Soviet Union.

This paper aims to discuss the significance of religion as an identity marker especially in the post-Soviet Turkic speaking Central Asian countries. In this context, the complexity of the relationship between religious identity and ethnic/national identity is analysed considering the growing tension between culture and religion which stems from the deterritorialization of religion and from the growth of radical religious movements.

The paper also focuses briefly on the current theoretical debate in the literature on secularism, which puts forward the disharmony between the principles (freedom of conscience, equality of respect) and the operative modes (neutrality of the state towards religions, separation of church/religious and state) of secularism. In addition, the paper elaborates on the danger of majoritarianism which is an important threat to the development of democracy in multi-religious societies, especially in Muslim-majority societies including the Turkic speaking Central Asian countries. The debate over the universality of public space is also discussed from a sociological perspective.

Furthermore, this paper argues that a secular state is essential for democratic regimes in Turkic speaking countries, which means that the consolidation (preservation) of the separation of Islam and the state is vital. It is also argued that a state which does not enforce any religion is not only essential for democracy, but also for honest conviction and for the possibility of unbelief as an option among others as very well elaborated by the leading scholars of secularism such as Charles Taylor (2007, 2008) and Abdullahi An-Naim, (2008).

We all know very well that secularism emerged in the West and that the Reformation movement (16th century- we may go back to the 12th c.) and the Enlightenment (18th c.) were open conflicts between religious and secular authorities. Of course, this was supported by some societal changes such as modernization and democratization, and religion was pushed outside the realm of politics. As result of these changes, the nation-state emerged and the source for political legitimacy was transferred from God to people. One has to remember that the main aim of the challenge of the religious authority was to give an end to religious wars along with the development of the scientific mentality that challenged the power of religion in the West.

The development of secularism in the West was a long and difficult process which is, in fact, not completed. When it comes to the non-western countries, the development of secularism took place much later, and the process of modernization has always been subject to intense political debates. Similar to the development of secularism, the development of democratization also started much later and recently, as a result of the growing role of religion in politics, a danger of majoritarianism has emerged, that refers to the imposition of a belief system to everybody. Growing fundamentalism in predominantly Muslim societies is causing an increase in intolerance towards other religions, other sects and even towards the non-fundamentalist members of their religion. Almost all of these societies were colonized societies with the exception of Turkey, where secularism was perceived as an imposition of the colonizing powers then, which still continues. The fundamentalist movements which do not necessarily want to establish a theocratic state certainly aim to shape their societies according to their own belief systems and impose this belief system to the entire society. Some of these movements came to

power via dethroning the old regimes which were criticized by being authoritarian and, ironically, became also highly authoritarian. This is about the danger of majoritarianism which challenges the universal acquisitions of humanity, meaning democracy and human rights.

Regarding the difference between Western and Eastern societies, it is very important to underline the difference of institutional strength. The existence of strong and established institutions of Western countries constitutes a guarantee for their democracy as opposed to many Eastern societies where institutions are weak. Although there are fundamentalist groups in the West either, and although everybody is not happy with the confinement of religion to the private realm, they all feel obliged to obey the rules of the strong secular legal system, which is essential for a democracy.

The development of secularism (a secular-atheist regime) in the Soviet space, including the Turkic speaking Central Asian Republics has some peculiarities compared to other Muslim majority and minority societies. Secularism in these countries was imposed by the communist party on all levels of the society, followed with a very rapid modernization project aiming at creating the 'Soviet man'. Religion, religious practice and belief were very radically suppressed in the public sphere, and a secularized society was promoted. Compared to other non-western societies, this was an important difference.

However, we also know very well that although the Soviet regime had an important secularizing impact, the project of realizing an atheist society has failed. The secularizing policies of the Soviet regime shaped the forms of religious expression and communities, and individual believers have adapted themselves to the conditions of the Soviet society to pursue their beliefs. In some periods, especially during and after the Second World War, the suppressing attitude of the regimes towards religion slowed down. Later, following the dissolution of the Soviet Union, all communities including the Turkic speaking Muslim communities, experienced a revival of Islam, as this was also the case for other religions of the post-Soviet space.

In post-Soviet Uzbekistan radical movements were rapidly suppressed by the state and many Islamists fled to Tajikistan and to Afghanistan, where they formed the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU), which became within time an ally of the Taliban.

We all know that in Kyrgyzstan and Kazakhstan there is less interest in ideologies that challenge secularism. But there are exported interpretations of Islam in both countries, and there is a debate over the role of religion in society and in politics. There are also debates over the limits to state interference in religion. We also know that in southern regions of Kyrgyzstan and Kazakhstan, there are fundamentalist groups willing to become influential in the region such as Hizb ut-Tahrir. When it comes to Turkmenistan, which has a very peculiar situation, the cult of personality of the presidents is dominating the political and social scene including the religious field.

The Turkic speaking Central Asian states aim to control political Islam, and for that purpose, they have established official institutions dealing with and controlling the religious affairs and organizations. It is of course not possible to deny the differences that exist among the Turkic speaking Central Asian states because while these policies are very restrictive and repressive in Uzbekistan and Turkmenistan, there are liberal legislations in Kazakhstan and Kyrgyzstan. One common point in these countries is that Islam has become an important marker of national identity.

It is important to note that in some cases, religion can function as an ethnic or national identity marker. Going further, it is even possible to argue that religion can be a key identity marker without being properly practiced, which is especially true in the post-Soviet space. When a connection is established between religious marker and national marker, the religious dimension may disappear and the religious marker may transform itself into a cultural and, more importantly, into a national marker. In such cases, religious marker becomes almost totally an ethnic marker and can be used for the consolidation of a political identity (Roy, 2010).

In Turkic speaking Central Asian states, two different processes went hand in hand related to the revival of Islam experienced after the collapse of the Soviet Union. On the one hand, Islam was used as a tool in the struggle against the Russian and the Soviet heritage (meaning Russian culture and oppressive Soviet regime) aiming at realizing a cultural revival project and building a nation. In other words, Islamic revival played a significant role in the process of building an independent nation-state, and Islam was used as one of

the basic elements of culture which will contribute to the integration of the new Kazakh, Kyrgyz and Uzbek identities. This is the Islam sponsored by the state that we can name as 'official Islam'. This was named as 'traditional Islam' during the Soviet period. Now, the 'official Islam' is in the service of the secular state and it is a protest to the Soviet regime, to the Soviet heritage and the Russian dominance. What we observe in Turkic speaking countries is that they are reconstructing their own Islamic identity in contrast to a sizeable Orthodox Russian population. This religious revival was more of a nationalist revival than a religious revival. In that sense, it is essential to underline the parallel revival of religion and nationalism which is, in fact, a worldwide phenomenon (Spohn, 2003).

On the other hand however, following the independence of Turkic speaking Central Asian Republics, different external forces began to compete in the 'religious field' as termed by Pierre Bourdieu (1971), who argued that the period of the 'dissolution of the religious' that took place during the Soviet period, emptied the 'religious field'. Following the collapse, this emptiness caused a demand for a 'religious field' entailing a competition among different external forces attempting to capture that field and responding to the demands of the people. This caused the competition of different religious and political forces aiming at becoming influential not only in the 'religious field' but also in the political arena. This also caused a competition in the 'religious field' between official Islam of the Turkic speaking Central Asian states and the Islam exported by different external forces including Iran, Saudi Arabia, Turkey and Pakistan, which are attempting to introduce their own interpretation of Islam, aiming at challenging the existing social and political order (Aydingun, 2007).

At this point, it is of vital importance to mention that exported interpretations of Islam claim a universality and, consequently, require a differentiation between culture and religion as opposed to official Islam which desires to strengthen the link between religion and culture. These exported movements can be named as neo-fundamentalist movements, which try to construct a pure religion via excluding the existing culture. Deculturation and deterritorialization which are the main characteristics of these neo-fundamentalist movements like Salafism exclude existing cultures aiming at including

people from different cultures. This is of course a threat first to the nation-state and also a threat to people's freedom and democracy. These neo-fundamentalist movements experience the most important revival and they are, of course, very well suited for globalization as they accept deculturation, which permit them to make claims of universality. In other words, excluding culture offers a possibility of including more people; it is an invitation to people from different cultures. Deculturation is about the loss of the social expression of religion which transforms the gap between the believer and the ones believing in other religions, those believing in other interpretations of the same religion and the non-believer. Religion is becoming more autonomous, and this constitutes a danger to the integrity of the society since common cultural values holding people together are disappearing (Roy, 2010).

Regarding the separation between state and religion which is the main characteristic of a secular state, it is necessary to refer to Casanova (1994, 2012) who makes the distinction between 'secularism as ideology' and 'secularism as statecraft principle'. What he means by secularism as statecraft principle is the separation between religious and political authority for the sake of the neutrality of the state and the free exercise of religion (freedom of conscience). It is the relationship between these two that determines the type of secularism and the level of democracy in a country.

Although respect for moral equality of individuals and the protection of freedom of conscience are the two principles and the main objectives of secularism, the realization of these two is quite complicated. Their realization requires two operative modes that are separation of the state and religion, and the neutrality of the state.

The problem is that people do understand equality of respect and freedom of conscience differently and may ask for preferential treatments, which may contradict with social justice and the neutrality of the state that can endanger social and political unity especially in multi-religious societies like the Turkic speaking countries of Central Asia. Different interpretations are also made related to the operative modes of secularism in the sense that states policies either give room to the practice of religions or restrict the practice of religion. To avoid all these problems, it is clear that states should be absolutely impartial

towards different religions, equally distant to all citizens and remain neutral to preserve and consolidate their political legitimacy (Maclure and Taylor, 2012).

However, when the state has a particular view about religion (ex. Soviet Union, Iran) we enter the realm of ideology, and secularism becomes an ideology (Casanova, 1994, 2012). In other words, secularism ceases to be a statecraft principle (in other words as an administrative principle, which is about the separation of state and religion) and becomes an ideology. In that case, the state develops a theory of religion. It either backs one religion or one specific interpretation of a religion, like in Iran or ban religion as it was the case in the Soviet Union. Both practices are repressive.

It is also important to note that although the principle of separation is a must for democracy, it is not enough. The free exercise of religion is also required. But if political secularism transforms itself into a religious ideology, this is also a threat to democracy, and it is at this point that the danger of majoritarianism appears because the state backs one religion, and this is one interpretation of that religion.

To conclude, as Taylor argues, although secularism has Christian roots, this does not mean that it cannot be implemented elsewhere. Secularism must be implemented in all societies of the world. What he means is that secularism is inescapable in modern democratic states despite variations related to their secularization (Taylor, 2008).

Thus, it should be mentioned that Turkic speaking Central Asian states definitely need a secular state because the neutrality of the state is essential for a democratic regime though insufficient. The level of democracy in a state will be determined through the balance that the state is going to establish between freedom of conscience and neutrality of the state. Establishing such a balance is not easy; however, the legitimacy of the regime is totally dependent on the nature of that balance.

When we look at the implementation of secular regimes in the West, we observe that some give priority to the neutrality of the state like in France, whereas some others like the United States and the United Kingdom give priority to freedom of conscience. But in line with their political history and social dynamics, they establish a balance between freedom of conscience and neutrality of the state. As

it is clear, Western examples show that each state has to develop its own secularism, which is also valid for the Turkic speaking Central Asian countries.

It is clear that the neutrality of the state towards religion is an essential element for the development of an inclusive national identity, which is a requirement for the integration of minorities (Taylor, 2008; Asad, 2003). It is also essential for social peace in multiethnic and multi-religious societies like the Turkic speaking Central Asian states.

Regarding the strength of the institutions in the post-Soviet space, it is not possible to deny the Soviet heritage and argue that the existence of a relatively strong institutional apparatus constitute an advantage for the building of a secular state. Considering the contextuality of secularism and the impossibility of a model of secularism that can be applied in all societies of the world, it is clear that each society will develop its own model of secularism depending on its political and social history as previously mentioned.

The religious field still remains to a large extent under the control of the political power in Turkic speaking Central Asian republics, including Kazakhstan. The existence of a directorate of religious affairs, which is also true in the case of Turkey, is criticized by many scholars and interpreted as a challenge to secular state. This is not necessarily acceptable as many democratic countries have even a state church like in the case of England, Denmark and Sweden. However, what is essential at this point is the structure and functioning of that institution which regulates religious affairs. If such institutions develop equal policies towards all the existing religions, which is not the case in Turkey, they can contribute to the free and equal exercise of religion.

Although many scholars such as Casanova argue that the free exercise of religion is more important than the principle of separation, it is possible to argue that the neutrality of the state and the universality of the public space is equally important in Muslim majority societies including the Turkic speaking Central Asian countries.

While discussing the revival of Islam in Turkic speaking Central Asian countries, it is very important to understand that Islam in these countries is primarily an element of identity which reflects a positioning against the Russian. This is especially true for Kyrgyzstan and Kazakhstan, and to a certain extent, for Uzbekistan.

It is also important to note that the issue of radical Islam, which became a hot topic following September 11, 2001, is exaggerated by some Central Asian governments due to global dynamics and used as a tool for the elimination of the opposition, which is mostly more nationalist than radical Islamists. This is a fact which weakens the legitimacy of the state control over radical Islamist movements. Of course this does not mean that radical Islamist movements are not becoming powerful in Turkic speaking Central Asian countries. Although it is possible to argue that the dominance of the Sufi tradition (Louw, 2007) is sociologically not suitable for the dissemination of radical Islam in Turkic speaking Central Asian countries, we need to take into consideration that 'religion recruits in the fringes' and that all the excluded and discriminated segments of the society constitute potential recruits for the radical Islamist movements, and that, poverty and discontent with the regimes feed the Islamist sentiment and increase the possibility of dissemination of radical Islam in the region. This will weaken the link between culture and religion that challenges the nation-state.

BIBLIOGRAPHY

- An-Na'im, Abdullahi Ahmed. 2008. *Islam and the Secular State-Negotiating the Future of Shari'a*, Boston: Harvard University Press.
- Asad, Talal. 2003. «Introduction: Thinking about Secularism» in *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*, Stanford: Stanford University Press, pp.1-17.
- Aydingün, Ayşegül. 2007. «Islam as a Symbolic Element of National Identity Used by the Nationalist Ideology in the Nation and State Building Process in Post-Soviet Kazakhstan», *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, No:17, pp. 69-83.
- Bourdieu, Pierre. 1971. «Genèse et Structure du Champs Religieux», *Revue Française de Sociologie*, Vol.XIII, No:2, pp. 295-334.
- Casanova, Jose. 1994. *Public Religions in the Modern World*, Chicago: University of Chicago Press
- Casanova, Jose. 2012. «The Secular, Secularizations, Secularisms», in *Rethinking Secularism*, Craig Calhoun, Mark Juergensmeyer and Jonathan Van Antwerpen (ed), Oxford: Oxford University Press, pp. 54-74
- Maclure, Jocelyn and Charles Taylor. 2012. *Secularism and Freedom of Conscience*, Boston: Harvard University Press.

Louw, Maria Elizabeth. 2007. *Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia*, NY: Routledge

Roy, Olivier. 2010. *Holy Ignorance*, New York: Columbia University Press.

Spohn, Willfried. 2003. «Multiple Modernity, Nationalism and Religion: A Global Perspective», *Current Sociology*, Vol: 51, No:3/4, pp. 265-286.

Taylor, Charles. 2007. *A Secular Age*, the Belknap Press of Harvard University Press

Taylor, Charles. 2008 (1998). «Modes of Secularism» in Rajeev Barghava (ed), *Secularism and its Critics*, Oxford: Oxford University Press, pp. 31-53.

WHY TURKIC SPEAKING COUNTRIES NEED A SECULAR STATE?

Assoc. Prof. Dr. Aysegül Aydıngün

Middle East Technical University Department of Sociology

The global resurgence of religion starting with the 1970s is a fact which is taking place not only in Muslim-majority and Muslim-minority societies but all around the world. However, repercussions of this fact differ from society to society. Religious revival has also taken place in the post-Soviet space including the Turkic speaking countries. This paper aims to discuss the significance of religion as an identity marker especially in the post-Soviet Turkic speaking Central Asian countries. In this context, the complexity of the relationship between religious identity and ethnic/national identity will be analysed considering the growing tension between culture and religion which stems from the deterritorialization of religion and from the growth of radical religious movements.

The paper also focuses on the current theoretical debate in the literature on secularism which puts forward the disharmony between the principles (freedom of conscience, equality of respect) and the operative modes (neutrality of the state towards religions, separation of church/religious and state) of secularism. In addition, the paper elaborates on the danger of majoritarianism which is an important threat to the development of democracy in multi-religious societies, especially in Muslim-majority societies. The debate over the universality of public space will also be discussed from a sociological perspective.

Furthermore, this paper argues that a secular state is essential for democratic regimes in Turkic speaking countries, which means that the separation of Islam and the state is vital. It is also argued that a state which does not enforce any religion is not only essential for democracy, but also for honest conviction and for the possibility of unbelief as an option among others.

ПОЧЕМУ ТЮРКОГОВОРЯЩИМ СТРАНАМ НЕОБХОДИМО СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО?

Доц., д-р. Айшегюль Айдынюн,

*Ближневосточный технический университет, кафедра
социологии*

Глобальное возрождение религии, начиная с 1970-х годов, можно наблюдать не только в обществах, где мусульмане составляют большинство или же меньшинство, но во всем мире. Тем не менее, последствия этого факта изменяются от общества к обществу. Религиозное возрождение имеет место также на постсоветском пространстве, в том числе в тюркоязычных странах. В статье рассматривается значение религии как маркера идентичности, особенно в постсоветских тюркоязычных странах Центральной Азии. В данном случае, сложность взаимоотношений между религиозной и этнической/национальной идентичностями анализируются с учетом растущего напряжения между культурой и религией, вытекающего из детерриториализации религии и роста радикальных религиозных движений.

В статье также освещаются современные теоретические подходы в литературе по секуляризму, которая выдвигает на первый план дисгармонию между принципами (свобода совести, равенство уважения) и методами его реализации (нейтралитет государства по отношению к религии, разделение церкви/религии и государства). Кроме того, в статье уделяется внимание проблеме диктатуры большинства, которая представляет собой серьезную угрозу для развития демократии в мультирелигиозных обществах, особенно в тех, где мусульмане составляют большинство. Вопросы универсальности публичной сферы будут также проанализированы с социологической точки зрения.

В результате анализа, автор приходит к выводу, что секуляризм имеет большое значение для становления демократических режимов

в тюркоязычных странах, из чего вытекает необходимость отделения ислама от государства. Также утверждается, что государство, которое не настаивает на какой-либо религии, не только играет важную роль в утверждении демократии, но и способствует возрождению истинной веры, а также предоставляет возможность выбора быть неверующим.

DEZAVANTAJLI BİR ÇOCUK GRUBU: İSTANBUL SOKAKLARINDA ÇALIŞAN ÇOCUKLAR

Doç. Dr. Esra IŞIK

Istanbul üniversitesi, Sosyoloji bölümü

ÖZET

Çocuk işçiliğinin enformel bir biçimi olarak sokaklarda çalışmak günümüz toplumlarının önemli sosyal sorunlarından biridir. Özellikle İstanbul gibi büyük kentlerde, sokaklarda çalışan çocukların yoğun olarak görülmesi, son dönemlerde bu çocuklara yönelik ilgiyi de arttırmıştır. Bu çalışma da tarihsel süreçte çocuk işçiliğinden yola çıkarak günümüz sokak işçilerinin yani İstanbul sokaklarında çalışan çocukların durumuna dair genel bir değerlendirme yapma amacı taşımaktadır.

Anahtar Kelimeler: Çocuk İşçiliği, Sokakta Çalışan Çocuklar, İstanbul

A DISADVANTAGED CHILD GROUP: WORKING CHILDREN ON İSTANBUL STREETS

ABSTRACT

As a form of informel work of child labor, working on the streets is one of the important social issues of today's societies. Children working on the streets can be observed especially in urban areas such as İstanbul. Interest towards these children also has increased in recent decades. This study began from child labor in the historical context and aims to make an overall assessment of the situation of working children on İstanbul streets.

Keys: Child Labor, Children Working on Streets, İstanbul

Giriş

Dezavantajlı çocuklar dediğimizde ifade zor koşullarda yaşayan çocukların durumunu işaret eder. 1959 yılında Birleşmiş Milletler tarafından kabul edilen Çocuk Hakları Bildirgesi'nde her çocuğun

belirli haklara sahip olduđu ve bu haklara sahip olmayan çocukların durumlarının iyileştirilmesi için gerekli düzenlemelerin yapılması gerektiđi belirtilmiştir. Söz konusu haklara sahip olmayan çocuklar aynı zamanda dezavantajlı çocuklar olarak sınıflandırılır. BM Çocuk Hakları Bildirgesine göre her çocuk sağlık hizmetlerinden geređi gibi yararlanma hakkına, yeterli besin, barınma ve eğitim hakkına sahiptir. Refah hakları olarak görebileceğimiz bu haklara ek olarak koruyucu haklarda çocukların istismara, sömürüye, ihmale ve ayrımcı pratiklere karşı korunmasını öngörür. (Kuyurtar 2006;48) Aynı zamanda Uluslararası Çalışma Örgütü (ILO), UNICEF ve Avrupa Birliđi (AB) gibi kuruluşlarda dezavantajlı çocuklara dair çalışmalar yapmaktadır. Bu çalışmalar günümüzde küresel bir boyutta sürdürölmektedir. Bu çalışmaya konu olan ve çocuk işçiliğinin enformal bir biçimi olarak sokakta çalışan çocuklar da dezavantajlı bir grup olarak günümüz toplumlarının önemli sorunlarından biridir.

Sokakta çalışan çocuklar sorununun gündeme gelişi yakın dönemde olmuştur. 80’li yılların başında hükümet dışı örgütler tarafından hazırlanan Uluslararası Sokak Çocukları ve Gençleri için Hükümet Dışı Örgütler-arası Programda (inter-NGO Programme for Street Children and Street Youth) sokak çocukları ‘sorumlu yetişkinlerden herhangi bir koruma, denetleme ve yönlendirme alamayan çocuk’ olarak tanımlamıştır. (Ennew 1998;14) 1980’lerin sonlarına doğru ise UNICEF Güney Amerika deneyimlerinden edinilen fikirlerle sokakta çalışan çocukları, sokak çocuklarından ayırarak bir sınıflama yapmıştır. Bu çocuklar ailesinden giderek daha az destek alan, ailenin geçim sorumluluđunu sokaklarda, pazarlarda çalışarak paylaşmak zorunda kalan çocuklardır. Bu çocukların yaşadıkları evler kültürel faaliyet, oyun ve günlük yaşam mekânı olmaktan çıkmış, sokaklar ise günlük faaliyetlerde buldukları mekânlara dönüşmüştür. Sokakta çalışan çocukların aileleri ile ilişkileri bir yandan bozuluyor olsa da, hala kesin olarak evlerine bađlı olan bu çocuklar, yaşamı ailelerinin bakış açısından görmeye devam etmekte ve akşam olduđunda evlerine dönmektedirler. (Ennew 1998;15)

Günümüz toplumlarında çocukların sokaklarda çalışma davranışları özellikle kentlerin önemli sosyal sorunlarından biri olmaya devam etmektedir. Yapılan tanımlamalar ve sınıflamalar, projeler, çözüm önerileri çocukları sokaklarda çalışmaktan

alıkoymaya yetmemektedir. Çalışma alanı olarak seçtiğimiz İstanbul'da sokakta çalışan pek çok çocuğa ev sahipliği yapmaktadır. Daha önce de belirttiğimiz gibi sokakta çalışan çocuklar sorunu çocuk işçiliğinin enformel bir biçimidir. İstanbul sokaklarının dezavantajlı bu çocuklarından bahsetmeden önce tarihsel süreçte kısaca çocuk işçiliği meselesine değineceğiz.

Çocuk İşçiliğine Kısa Tarihsel Bir Bakış

Çocukların işgücü olarak kullanılmasının tarihi çok eskilere dayanmaktadır. Sanayileşme ile artan çocuk işgücü kullanımı günümüzde daha çok geri kalmış olarak sınıflandırılan toplumlar üzerinden değerlendirilen sosyal bir sorundur. Ancak sanayileşme öncesinde de çocukların çalıştığı/çalıştırıldığı bilinmektedir. Örneğin avcı ve toplayıcı toplumlarda diğer üyelerle birlikte çocuklar da beslenmek için doğadan ot, kökler, taneliler ve meyveler gibi besinleri toplamışlardır. (Şenel 1982;45) Sümerlerde de alt sınıf ve tabakadan gelen çocuklar tarlalarda ya da çeşitli işlerde çalışıyor ancak bunun karşılığı olarak (kadın işçiler gibi) yarım ücret alıyorlardı. (Başaranbilek 2006;42) Ortaçağ'a baktığımızda ise çocukların küçük yaşlardan itibaren anne ve babalarına yardım ettiklerini, hizmetçi veya çırak olarak çalıştıkları ve böylece yavaş yavaş yetişkinlerin dünyasına dahil olduklarını görüyoruz. (Heywood 2003;25) Bir anlamda çocukların geçici uşaklar sınıfı olarak görüldüğü bu dönemlerde, çocukluk dönemi de çocukları yetişkinliğe hazırlayan bir çıraklık evresi olarak algılanmıştır. (Tan 2006;9) Çocukluk dönemine yüklenen anlam aynı zamanda toplumların çocuklara karşı yaklaşımını şekillendiren önemli bir unsurdur. Çocukların küçük yetişkinler olarak görülmesi, çocuk işçiliğini de etkilemiştir. Yoksul çocukların, özellikle de kız çocuklarının altı-sekiz yaşından itibaren hizmetçi olarak çalışması, daha büyük olan çocuklarında ailelerinin yanında çalışmaları 15. yüzyılda sık karşılaşılan bir durumdur. (La Roncière 2006;237-238) Örneğin Floransa'da 1427 yılında kayda geçen hizmetçiler (erkeklerin %40'ı, kızların ise % 39'u) sekiz ile onyediy yaş arasındadır. (La Roncière 2006;243)

17. yüzyıldan itibaren çocukluk ayrı ve özgün bir dönem olarak betimlenmeye başlanmıştır. Bu dönüşüm elbette matbaanın keşfi, okullaşmanın artması, burjuvazinin güç kazanarak yeni bir

yaşam biçimi anlayışını ortaya koyması gibi maddi koşullarla da yakından ilişkilidir. Büyük ölçüde bir orta sınıf icadı ve kültürel inşası olarak ortaya çıkan bu modern çocukluk (Öztan 2011;20) her ne kadar çocuklara dair olumlu bir adım olarak görülsede akabinde yaşanan sanayileşme, çocukların işgücü olarak kullanımının en kötü biçimlerinin ortaya çıkmasına zemin hazırlamıştır.

18. yüzyılın başlarında sanayileşme ile çok küçük yaştaki çocuklar bazı iş kollarında istihdam edilmeye başlanmıştır. 19. yüzyılda ise çocuklar İngiltere’de kömür, tekstil gibi sektörlerin önemli iş gücü haline gelmişlerdir. 19. yüzyılın ortalarında İngiltere’nin kömür endüstrisinde çalışanların % 13’ü onbeş yaş altı çocuklardan oluşuyordu. Belçika’da ise bu oran çok daha yüksekti. Erkek çocukları kömür madenlerinde istihdam edilirken kız çocukları da tekstil sektöründe çalıştırılıyordu.(Schrumpf 2004;159) Modern çocukluk anlayışı çocukları küçük yetişkinler algısından çıkarıp, kendine özgü (masum) bir alan olarak tanımlarken, sanayileşmenin gerilim ve acılarına karşıda bir panzehir işlevi de görüyordu. Çocukların eğitimi konusu, aile yaşamına dair fikirler hızla yankı bulurken, diğer taraftan çocuk işçiliği varlığını sürdürmüştür. (Heywood 2003;36)

Amerika Birleşik Devletleri’nde de iç savaş (1861–1865) sonrası yaşanan hızlı sanayileşme ile çocuk işgücü artmış ve çocuklar için yeni iş kolları ortaya çıkmıştır. 1870 nüfus sayımının ortaya koyduğu rakamlara göre, her sekiz çocuktan biri işgücü olarak kullanılıyordu. 1900’ler de çocuk işçilerin %60’ı tarım sektöründe, %40’ı ise sanayide çalışıyordu.(Schrumpf 2004;159) Çocukların çalışması/çalıştırılması tarihin her döneminde rastlanılan bir durumken, çocuk işgücünün ivme kazandığı 1800’ler aynı zamanda sanayileşmenin getirdiği ağır iş kollarında çocukların istihdam edilmesiyle batılı ülkelerde hızla yaygınlaşmıştır.

Çocukların fabrikalarda, tekstil atölyelerinde, tarımsal sektörlerde işgücü olarak kullanılmasının dışında çocuk işçiliğinin enformal biçimi olarak çocukların sokaklarda çalışması da özellikle 19. yüzyılda yaygın olarak görülen bir durumdur. 1849 yılında sosyal reformcular ve gazeteciler bir taraftan şehrin yoksul mahallelerine gelip yerleşen alkolik göçmenlerin kötü davranışlarından kaçan çocukların sansasyonel hikayelerini anlatırken, diğer taraftan bazı çocuklar da ailelerine ek gelir sağlamak için çöplerden

odun, hurda, ahşap topluyor, ayak işlerine koşturuyordu. (Gish 2004;789) Bu çocukları tanımlamak içinse “Sokak Arapları” tabiri kullanılıyordu. Bu tanımın Arap halklarının göçebe yaşam tarzlarına atıfta bulunularak üretilmişti. Sosyal reformcular için, sokaktaki bu çocukların varlıkları, daha çok alt-aile sınıf hayatının bozukluğunu sembolize ediyordu. (Gish 2004;790) Özetle çocukların işgücü olarak kullanımı tarihin hemen her döneminde rastladığımız bir olguyken, dezavantajlı çocuk grubu olarak sokakta çalışan çocukların gündeme gelişi 19. yüzyılda olmuştur.

Sokakta Çalışan Çocuklar

Sokakta çalışan çocukların yaptıkları işler enformel bir çalışma biçimidir. Enformel sektör, kurumsallaşmamış üretim ve çalışma ilişkilerini ifade eder. Enformel sektörün genel özelliği ise daha az sermaye ve yoğun emek ile üretimin yapılması, nitelikli işgücüne fazla gereksinim olmamasıdır. Bu nedenle enformel sektöre giriş kolaydır. (Karabulut 2000;508) Sokaktaki çocuklar tarafından yapılan işlerde herhangi bir kural ve o kuralı gözeten ve ihlali durumunda müdahale eden meşru bir güç söz konusu değildir. (Karataş 2000;540) Bu nedenle sokakta çalışan çocuklar her türlü sömürüye, istismara açık hale gelmektedirler. Çocuk sömürüsü/istismarı dediğimizde sorun genellikle fiziksel, duygusal ve cinsel boyutları ile incelenmektedir. Çocukların sokaklarda çalışmaya zorlanmasını ise fiziksel istismar içinde değerlendirmek mümkündür. (Karataş 2000;546) İstismar türleri içinde tanımlanması ve belirlenmesi en kolay olan fiziksel istismar, çocuğun bilinçli ve kasıtlı bir davranış sonucunda fiziksel açıdan zarar görmesi veya fiziksel olarak cezalandırılmasını ifade etmektedir. (Vatandaş 2007;134)

Sokakta çalışan çocuklar aynı zamanda çeşitli kazalara karşı savunmasız olabilmektedirler. Zabıta ve polislerle de sık sık karşı karşıya kalan bu çocuklar, çeşitli kişilerden fena muamele görmekte, sokak çetelerine girmekte zararlı maddelere alışabilmektedirler. Sokakta çalışan çocuklar arasında okulu terk etme davranışına da sıklıkla rastlanmaktadır. Aileleri ile sorunları arttığında evi terk eden zamanlarının büyük bölümünü sokaklarda geçiren bu çocukların sokak çocuğu olmaya aday oldukları yapılan çalışmalarda ortaya konmuştur. (Karabulut 2000;511) Sokakta çalışan çocukların yalnız,

savunmasız ve ekonomik ақдан yetersiz дүzeyde olmaları nedeni ile organize марjinal yetішkin gruplarının ilgi odağı haline gelmeleri muhtemeldir. Çocukların yaşça küçük olmaları, ailelerinden uzak olmaları ve kendilerini savunacak yeterliliğe sahip olmamaları nedeni ile bazı kişi ve gruplar tarafından kolayca kandırılmaları mümkün olmaktadır. Özellikle sokakta çalışan kız çocukları dilencilik ve fuhuş sektöründeki insanlar tarafından kullanılmaktadırlar. (Polat 2007;67)

Sokakta çalışmak görüldüğü gibi formel sektörlerde (fabrikalarda, atölyelerde) çalışmak kadar riskli ve tehlikelidir. Özellikle metropollerde nüfus yoğunluğu, toplumsal hareketlilik, insan ihtiyaçlarının fazlalığı, farklı kültürden insanların biraradalığı sokakta çalışan çocukların iş çeşitliliğini arttırmakta, sorun kentsel yapıya gitgide daha fazla eklenmektedir. Aynı zamanda bu durum sorunun normalleştirilmesi ve belirli bir zaman sonra görünmez hale gelmesi riskini de taşır.

İstanbul Sokaklarında Çalışan Çocuklar

Dezavantajlı bir grup olarak sokakta çalışan çocukların Türkiye’de en yoğun olduğu şehir İstanbul’dur. Genel olarak sokak çocukları üzerine yapılan ve bu alandaki ilk araştırmalardan biri kabul edilen ve Çocuk Esirgeme Kurumu tarafından gerçekleştirilen “1940’lı Yıllarda İstanbul’da Sokak Çocukları” adlı çalışmada 1137 çocuğun sokaklarda çalıştığı ve bu çocukları küfecilik, işporta malı satıcılığı, karamelacılık, dilencilik, gibi farklı işler yaptıkları belirlenmiştir. (Karatay 2000;545) Yine Niyazi Berkes’de 1944 yılının Ağustos ayında (11–12 Ağustos) Tan gazetesinde yazdığı yazıda İstanbul sokaklarındaki çocuklara dikkat çeker. Berkes son iki üç yıl içerisinde özellikle İstanbul’da sokakları dolduran dilenci, gazeteci, karamelacı, ufak çocukların sayılarında belirgin bir artış olduğunu söyler. Berkes “Gece yaralarına kadar şehrin en ücra köşelerine giderek ellerindeki malları satmaya çalışan bu çocuklarla ilgilenecek makam ve mevkiler yok mudur?” diye sorar. Berkes’e göre şehirlerde başıboş dolaşan hatta istismara uğrayan bu çocuklarla Çocuk Esirgeme Kurumu ve İstanbul Cumhuriyet Halk Partisi ilgilenmekte ve bazı komisyonlar kurulmaktadır. Ancak bu çalışmalar sadece tavsiye boyutunda olup uygulama safhasına geçilememiştir. (Berkes 1985;288)

Görüldüğü gibi İstanbul sokaklarında çalışan çocukların dikkat çektiği yıllar 1940'lardır. Bugün ise sokakta çalışan çocuklar neredeyse İstanbul'un her semtinde yoğun olarak görülen bir olgudur. Günlük yaşamda neredeyse her sokakta mendil, çiçek, su satmaya çalışan, tartıcılık yapan, otobanlarda araba camı silen, dilencilik yapan veya ellerine aldıkları işporta mallarını satmaya çalışan çocuklarla karşılaşmak olağan bir durum haline gelse de, bu çocukların kesin sayılarına dair bir bulgu elde etmek mümkün görünmemektedir.

Sokakta çalışan çocukların belirli noktalarda yoğunlaşmaları (otobanlar, pazarlar, alveriş merkezlerinin çevreleri, Beyoğlu gibi insanların yoğun olduğu bölgeler, otogarlar vb.) bile bu çocukların çalışma alanı olarak aynı noktaları kullandıkları anlamına gelmemektedir. Sokaklar bu çocuklara geniş bir hareket ve çalışma alanı sunmakta, bu durumda sayıları hakkında kesin verilere ulaşmayı güçleştirmektedir. Ancak özellikle son yıllarda bu çocuklara dair yapılan çalışmalar genel bir görüntü elde etmemize yardımcı olacak niteliktedir. Örneğin Beyoğlu Çocuk ve Gençlik Merkezi tarafından Beyoğlu sokaklarında çalışan çocuklara dair yapılan bir çalışmada(1999), 216 çocuğa ulaşılmıştır. Bu çocukların %38'inin kız, %62'si ise erkektir. (Sayita ve Şirin 2000;516-517)

Sokakta çalışan çocuklara dair yapılan uygulamaların çoğu çocukları sokaklarda çalışmaktan alıkoymak noktasın da yoğunlaşmaktadır. Görevli sosyal hizmet kuruluşları, emniyet ve jandarma ekipleri sokakta çalışan çocukları muhafaza altına alarak, Güvenlik Kararlarında tanımlanan işlemleri yerine getirmekte, varsa çocuğun velisi/vasisi ile irtibata geçerek yapılan görüşmeler neticesinde çocuk tutanakla ailesine teslim edilmektedir. Eğer çocuğun tekrar sokaklarda çalıştığı tespit edilirse aynı işlemler tekrarlanarak, çocuk ailesine teslim edilmekte ve haklarında işlem yapılmak üzere savcılığa suç duyurusunda bulunmaktadır.

Sokakta çalışan çocuklara yönelik alınan idari tedbirler her ne kadar caydırıcı görünse de çocukların sokaklara çalışmasına/çalıştırılmasına engel olmaya yetmemektedir. İstanbul Emniyet Çocuk Şube Müdürlüğü'nden aldığımız veriler 2010–2013 yılları arasında sokaklarda çalışan çocuklara dair şöyle bir tablo ortaya koymaktadır:

- 2010 yılında İstanbul sokaklarında çalışan 1153 çocuğa işlem yapılmıştır. Hakkında işlem yapılan bu çocukların 233'ü kız, 920'si ise erkektir.

- 2011 yılında sokakta çalışan 853 çocuğa işlem yapılmıştır. Bu çocukların 184'ü kız, 669'u ise erkektir.

- 2012 yılında işlem yapılan çocuk sayısı ise 771'dir. Bu çocukların 724'ü erkek, 208'i ise kızdır.

- 10 Aralık 2013 itibari ise hakkında işlem yapılan çocuk sayısının 784 olup bu çocuklardan 605'i erkek, 179'u ise kız çocuğudur.

İstanbul Emniyet Çocuk Şube Müdürlüğünden elde ettiğimiz bu veriler İstanbul sokaklarında çalışan çocukları sayısına dair genel bir kanı oluşturmamıza yardımcı olmaktadır. Elbette polisle hiç bağlantısı olmamış ve bu verilerin dışında kalan veya sokaklarda çalışmayı sınırlı saatler içinde yapan çocuklarda mevcuttur. Sayıları ne olursa olsun sokaklarda çalışmak çocuklar için dışarıdan gelebilecek tüm tehlikelere doğrudan açık olmak anlamına gelir. Bu dezavantajlı çocuklar aynı zamanda çok daha riskli bir grup olarak görülen sokak çocuklarına en yakın gruptur. Ve çocukların sokakları çalışma alanı olarak kullanması zamanla ailelerinden uzaklaşıp, tamamen sokaklarda yaşamaya başlama olasılıklarını da arttırır.

SONUÇ

Sokakta çalışan çocuklar günümüz toplumlarının önemli sorunlarından birisi olarak karşımızda durmaktadır. Kırsal kesimde genellikle aile içerisinde kullanılan çocuk emeği, ailenin bir arada ve kendi işinde çalışmasının çokta mümkün olmadığı kentlerde enformel bir çalışma biçimi olarak sokaklara kaymaktadır. Ailenin kontrolünün devre dışı kaldığı kentler, nüfus yoğunlukları, insan çeşitlilikleri ve hızlı/duyarsız yaşam biçimleri ile sokaklarda çalışan çocuklar için bir taraftan farklı iş alanları sunarken diğer taraftan da bu çocukların karşılaşılabilecekleri olumsuzlukları arttırmaktadırlar. İşsizlik, yoksulluk, göç, aile kurumundaki deformasyon gibi sosyal sorunlarında tetiklediği bu dezavantajlı çocuklar sokak çocukları kadar tehlikeli bulunmasalar da yapılan çalışmalar bu çocukların sokakta çalışmaya devam etmeleri durumunda çok daha ciddi sorunlarla karşılaşılabileceklerini ortaya koymaktadır.

Bu bağlamda 1. İstanbul Çocuk Kurultayı Raporunda sokakta çalışan çocuklara dair tespitlerde son derece dikkat çekicidir. Raporda özellikle Taksim, Kadıköy ve Bakırköy’de sokakta mendil, sakız ve çiçek satan kız çocukların çok olduğu gözlemlendiği belirtilmektedir. Yine raporda yaşları 7’nin altında olan çocukların bile çalıştığı, gece saat 22.00–23.00’e kadar sokakta kaldıkları, bu çocukların aile denetimi ve korunmasından uzak oldukları için yasadışı işlerde, örneğin; fuhuş ve kuryelik işlerinde kullanıldıklarının görüldüğü ifade edilmiştir. Sokakta çalışan çocuk giderek sokak çocuğu olmaya aday olmaktadır. Her iki grupta da hırsızlık yankesicilik ve bıçaklama gibi suçlar görülmektedir. (Sayıta ve Şirin 2000;277)

Sonuç olarak bazı çocuklar tarihin her döneminde dezavantajlı gruplar olarak yaşamlarını sürdürmüşlerdir. Kimsesiz çocukları, çocuk işçileri, ailesinin terk ettiği çocukları, çocuk köleleri, sokaklar da yaşayan çocukları bu dezavantajlı çocuk grupları içinde sayabiliriz. Örneğin bugün tıpkı İstanbul’da olduğu gibi Moskova’da da sokakta çalışan çocuklar önemli bir sorundur. Ancak dezavantajlı çocuk gruplarının tarihsel geçmişi çok daha eskilere dayanmaktadır. Yetim ve kimsesiz çocuklar I. Dünya Savaşı, 1917 Rus Devrimi, 1920’lerin başındaki Rus iç savaşı ve II. Dünya Savaşı süresince önemli bir sosyal sorun olarak görülmüş ve çeşitli kurumlar vasıtası ile bu çocuklara yönelik hizmetler verilmiştir. Uygulamalar Sovyet sonrası dönemde de devam etmiştir. (Balachova, Bonner vd. 2009;28) Bugün ise Rusya’da sokakta çalışan çocukların sayısı hakkında kesin rakamlar olmamakla birlikte, Moskova’da 30–50 bin arasında sokakta çalışan çocuk bulunduğu tahmin edilmektedir. Bu çocukların %50-%60’ı 13 yaş altındadır. Yine bu çocukların %10-%30 arası suç faaliyetlerine bulaşmıştır ve %20 ile %30’u fuhuş sektöründe çalışmaktadır. Çocukların büyük çoğunluğu erkek olmakla birlikte, fuhuş sektöründe yer alan çocukların çoğunluğu kızdır.

(Barkhatov, Boukharov, vd. 2002;21)

Rusya’da uzmanlar sokakta çalışan çocukların otuz farklı işte çalıştıklarını belirlemişler ancak çocukların bahsettiği yaklaşık kırk farklı iş türünün olduğu tespit edilmiştir. Suç işleme durumu içermeyen (non-criminal) bu işler altı kategoriye ayrılmıştır; (Barkhatov, Boukharov, vd. 2002;16)

- Parakende: Mal ambalajlama, çiçek-gazete satışı, sokak satıcılarına yardım etme, teslimat, yükleme-boşaltma, ticari alanların temizlenmesi, sokak reklamcılığı vb.

- Araba Servisi: Rüzgâr kalkamı temizliği, araba yıkama, dolun istasyonları ve araç tamir atölyelerindeki işler, duvar boyama, araba koruyuculuğu (bodyguardlık) vb.

- Küçük Atölyelerde Çıraklık ve Serbest Çalışanlar için Asistanlık: Ayakkabı tamiri, mobilya yapımı, porselen yapımı, küçük matbaalar, bilgisayar kulüpleri, vb.

- Kurye Hizmetleri: Reklam kataloğu, broşür dağıtımı, teslimatı vb.

- Hurda Toplamak: Atık kâğıt, şişe, kavanoz, karton kutular, hurda metal vb.

- Gündelik Sokak Hizmetleri: Araçlarla süpermarket arasında alışveriş poşeti, alışveriş arabası taşımak, odun teslimatçılığı, cam temizliği, bebek bakıcılığı vb.

Rusya örneğinde de gördüğümüz gibi çocukların sokaklarda çalışması toplumların ortak sorunlarından birisidir. Bu çocukların sokaklarda yaptıkları işler ise aşağı yukarı benzer biçimdedir. İster Moskova’da olsun, isterse bu çalışmaya konu olan İstanbul sokaklarında olsun, sokakta çalışan çocuklar çocuk işçiliğinin enformel bir uzantısı/biçimi olarak günümüz dezavantajlı çocuk gruplarının kentlerde karşılaştığımız önemli bir yansımasıdır.

KAYNAKÇA

Abdullah KARATAY, “ Sokakta Çalışan Çocuklar: Çocuk İşçiliği Ve Sokak Çocukluğu Arasında Bir Çocuk Kategorisi”, 1. İstanbul Çocuk Kurultayı Bildiriler Kitabı, İstanbul Çocuk Vakfı Yay., Yay. Haz. M. Ruhi Şirin, Sevgi Usta Sayita, (538–550), İstanbul, 2000

Alâeddin ŞENEL, İlkel Topluluktan Uygur Topluma Geçiş Aşamasında Ekonomik Toplumsal Düşünsel Yapıların Etkileşimi, A.Ü. Siyasal Bilgiler Fakültesi Yay., Ankara 1982

Celalaettin VATANDAŞ, “İhmal ve İstismarın Çocukları (Sokağın Çocukları ve Aileleri), 5. Sokakta Çalışan ve Yaşayan Çocuklar Sempozyumu, (131–151), Gaziantep, 2007

Charlesde LA RONCIÉRE, “Rönesans’ın Eşiğinde Toscana İleri Gelenlerinin Özel Hayatı”, Özel Hayatın Tarihi II Feodal Avrupa’dan

Rönesans'a, Haz. Philippe Ariés, Georges Duby, Çev. Roza Hakmen, YKY Yay., (171-327), İstanbul 2006

Clay GISH, "Street Arabs and Urchins", Encyclopedia of Children and Childhood: In History and Society, Ed. Paula S. Fass, Gale&Thomsan Pub., (789-790), New York, Vol. 3, 2004,

Colin HEYWOOD, Baba Bana Top At! Batı'da Çocukluğun Tarihi, Çev. Esin Hoşsucu, Kitap Yay., İstanbul, 2003

D. Barkhatov, A. Boukharov, Y. Vlasova, T. Vlasova, S. Ivanov, Y. Kotov, S. Snopova. Y. Shmeleva, In-Depth Analysis of Working Street Children in Moscow 2001, ILO/IPEC International Labour Office Moscow, 2002.

Ellen SCHRUMPF, "Child Labor in the West", Encyclopedia Of Children and Childhood: In History And Society, Edited by Paula S. Fass, Vol. 1, The Gale Group Pub., (159-162), USA, 2004

Emin BAŞARANBİLEK, "Arkeolojik Eserlerde Çocuk", Toplumsal Tarihte Çocuk, Yay. Haz. Bekir ONUR, Tarih Vakfı Yurt Yay., (36-48), İstanbul, 2006.

Ersin ÖNENÇ, Gülnur ERTÜRK, Abdullah KARATAY v.d., 1. İstanbul Çocuk Kurultayı İstanbul Çocuk Raporu, İstanbul Çocuk Vakfı Yay., İstanbul, 2000.

Erol KUYURTAR, "Çocuk Hakları ve Paternalizm", Sivil Toplum, Yıl 4, Sayı 16, (45-58), İstanbul, 2006.

Güven Gürkan ÖZTAN, Türkiye'de Çocukluğun Politik İnşası, Bilgi Üniversitesi Yay. İstanbul, 2011.

Judith ENNEW, Sokak Çocukları ve Çalışan Çocuklar, Planlama İçin Bir Rehber, Çev. Çiçek Öztekin, UNICEF Yay., Ankara, 1998

Mine TAN, "Çocukluk: Dün ve Bugün", Toplumsal Tarihte Çocuk, Yay. Haz. Bekir ONUR, Tarih Vakfı Yurt Yay., (1-22), İstanbul, 2006.

Niyazi BERKES, "Sokaklardaki Çocuklar", Felsefe ve Toplum Bilim Yazıları, Adam Yayınları, İstanbul, 1985.

Oğuz POLAT (Derleyen.), İstanbul Sokak Çocukları Rehabilitasyon Modeli Sempozyumu, İBB Sağlık ve Sosyal Hizmetler Başkanlığı İstanbul Darülaceze Müdürlüğü Yay., İstanbul, 2007

Özcan KARABULUT, "Ekonomik İstismar: Çocukların Çalıştırılması, Çalışan Çocukların Sorunları ve Çözüm Yolları", 1. İstanbul Çocuk Kurultayı Bildiriler Kitabı, İstanbul Çocuk Vakfı Yay., Yay. Haz. M. Ruhi Şirin, Sevgi Usta Sayıta, (503-523), İstanbul, 2000

Sevgi Usta SAYITA, M. Ruhi ŞİRİN (Yay. Haz.), 1. İstanbul Çocuk Kurultayı İstanbul Çocuk Raporu, İstanbul Çocuk Vakfı Yay., 2000.

Tatiana N. Balachova, Barbara L. Bonner, Sheldon Levy, "Street Children in Russia: Steps To Prevention", International Journal of Social Welf, 2009: 18, (27-44).

A DISADVANTAGED CHILD GROUP: WORKING CHILDRENS IN ISTANBUL STREETS

Esra IŞIK

*Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
Associate Professor of Sociology Department of Istanbul University*

Working in the streets is one of the the important social issues of today's societies as a form of informel work of child labor. Children working on the streets are seen as intense especially in big cities like İstanbul and in recent decades it has also increased the interest in these children. This study is intended to make an overall assessment situation of children working on the streets of İstanbul and starting from child labor in the historical process.

НЕВЫГОДНАЯ ДЕТСКАЯ ГРУППА: ДЕТИ, РАБОТАЮЩИЕ НА УЛИЦАХ СТАМБУЛА

Эсра Ышык,

*доцент кафедры социологии Стамбульского университета,
доктор социологии, доцент*

Работа на улицах, как форма неформального детского труда, является одной из важнейших социальных проблем нашего общества на сегодняшний день. Особенно в больших городах, таких, как Стамбул, столкновение с детьми, работающими на улицах, в последние годы увеличило интерес к ним. Данный проект, исходя из детского труда в историческом процессе, носит цель, чтобы сделать общую оценку касательно положения уличных работников, то есть детей, работающих на улицах Стамбула.

УЗБЕКИСТАН

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН (ВОПРОСЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ)

А.Г. Каххаров,

доктор социологических наук, профессор (Узбекистан)

В первые годы XXI века никто не станет отрицать, что прошедшие десятилетия не прошли даром для человечества. Оно стало намного умней и осторожней, получив ряд важных уроков. Прежде всего, пополнился опыт в решении наиболее кардинальных с точки зрения истории и самого человека задач – проблем выживания людей на планете Земля. Мы пережили период окончания «холодной войны», противостояние разных социально-политических систем прекратилось. Одной из примет нашего времени выступает смена образа глобальной опасности – массовое осознание угрозы ядерной катастрофы уступило место не менее массовому осознанию серьезности экологического кризиса.

О глобальном экологическом кризисе, под которым понимается в первую очередь неблагоприятное качественное изменение природной среды, подрывающее саму возможность дальнейшего существования сложившихся форм жизни на Земле, в том числе существование человеческой жизни говорилось сравнительно давно. Первыми тревогу подняли ученые. В конце 60-х годов алармистские предупреждения о надвигающейся

экологической катастрофе обрели институциональную форму. Нельзя не отдать должное деятельности Римского клуба-международной общественной организации, объединяющей ученых, политиков, предпринимателей. В центре концепций Римского клуба находятся вопросы тенденций антропогенных и техногенных воздействий на экологическую ситуацию, ее прогнозирование с учетом истощения естественных ресурсов, загрязнения природной среды, роста народонаселения, нехватки продовольствия и т.д. Алармизм ученых нашел отклик в массовом сознании, появились экологические движения ,группы эоактивистов. Сегодня экологические проблемы занимают одно из первых мест в общественном сознании, велика обеспокоенность мировой общественности состоянием окружающей среды, решением природоохранных задач.

Насколько оправданы тревога и озабоченность людей состоянием окружающей среды. Ответ однозначен – недооценка экологического фактора в жизни современного общества способна увеличить масштабы экологической опасности, ускорить сползание человечества к критической черте. Настало время объединенных коллективных действий, ведь природа не знает установленных человеком границ, именно она ждет от человечества разумного всеединства.

Некоторые современные прогнозы, разрабатываемые на основе огромной информации и компьютерных программ определяют мировой крах 2030 годом, если конечно мы будем продолжать политику разрушения и расточительства по отношению к природе. Наша планета перенаселена, если не в демографическом смысле, то в социальном* 2 миллиарда людей страдают от дефицита продовольствия, голода. По мнению некоторых ученых, необходимо ограничить население Земли. Нас уже 6,5 миллиардов, хотя теоретический предел возможностей Земли исчисляется по крайней мере 10 миллиардами человек.

Очевидно, настало время не «бухгалтерской» дотошной проверки предостережений ученых. Нужна революция сознания, коренное изменение этических установок, систем ценностей и норм, что только способно создать почву для нового видения целого комплекса проблем взаимодействия природы и

общества, преобразовать наше отношение к окружающей среде как к «кладовой» откуда безгранично можно извлекать все необходимые ресурсы для жизни. Нужны инициативные шаги к перестройке политики с учетом экологической опасности.

Всемирный конгресс по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро – самый внушительный форум глав государств –осуществил прорыв в этом направлении. Его можно квалифицировать как важную веху в преодолении узко национальных интересов перед лицом современных экологических проблем. Именно это обязывает государства повиноваться экологическим императивам, заставляет объединить усилия государств в рамках отдельных регионов. Во всяком случае, экологический фактор усиливает общую тенденцию перехода от конфликтности между людьми, народами, государствами к сотрудничеству, партнерству, сближению в целях совместного развития.

По данным зарубежных исследователей, размежевание общественных сил, социальная поляризация по вопросам экологии, защиты природы сегодня в большей степени подогреваются отжившей идеологией, характерной индустриальной ступени цивилизации. Традиционное понимание конфликтов на экологической почве сегодня не соответствует тем реальностям, которые складываются повсеместно благодаря глобальным сдвигам в общественном развитии и ментальности, выработке экосоциальной стратегии развития нового типа.

Современные предприниматели все более склонны согласовывать экономический рост с защитой окружающей среды. В Германии, например, более 500 бизнесменов образовали ассоциацию «Будущее» для создания экологически ориентированного производства, около одной трети менеджеров Швейцарии активно участвуют в решении экологических проблем, многие под влиянием своих детей. В США накоплен положительный опыт применения экономических средств усиления экологической безопасности, среди которых фигурируют различные виды экологических налогов, продажа лицензий. Принцип прост- необходимо платить по особой цене за производство – увеличивающее экологический риск.

Предполагается, что система экономических инструментов будет работать не только в границах отдельных неблагополучных зон, но и в мировом масштабе. Несомненно, что экономические механизмы защиты природы способны повлиять на ценностные стереотипы человека, привыкшего руководствоваться в своей деятельности эгоистическими соображениями выгоды и безнаказанности.

Уже в наше время в экологически опасных районах живут около 1,1 миллиарда человек Страны «третьего мира» рассчитывают на помощь богатых стран в размере 0,7 процента ВВП последних. Пойдет ли она на решение экологических проблем. Не будет ли она объектом наживы коррумпированных кругов, которые так развиты на бедном Юге. Согласно исследованиям международного института Дж.Гэллага «жители бедных стран с готовностью признают перенаселения на осложнение положения в своих странах и принимают на себя ответственность за часть мировых проблем* с другой стороны, жители богатых стран признают непропорционально большое влияние своих мощных индустрий на мировую экологию»

Ученые предлагали вниманию общественности те или иные проекты развития, основанные на анализе экологической ситуации. Благодаря им поиск экологической альтернативы развития попадает в поле зрения государственной политики – призванной решать вопросы снабжения населения энергией и питьевой водой, уничтожения бытовых отходов и наконец охрану окружающей среды. Наряду с повышением роли государственных структур в решении данного круга вопросов актуализируется и правовая защита природы, понимаемой в широком смысле слова – ставятся вопросы о правах будущих поколений, о праве на жизнь всех существ, населяющих биосферу. Если воздухом нельзя дышать, воду нельзя пить, продукты нельзя употреблять, то теряется всякий смысл человеческой жизни. Нормы экологической устойчивости задают совершенно новый горизонт правотворчеству.

Безусловно, экологическая тематика, тесно связанная с ценностями выживания задает определенную логику, нормативность развитию экологической культуры на нашей

планете. В этом качестве она может и должна стать особым предметом социологического исследования. Составление объективной картины развивающегося экологического сознания и поведения людей не менее важно, чем детальные экологические данные, прогнозирование тех или иных вариантов изменения окружающей среды.

Можно ли сегодня без изучения общественного мнения по вопросам окружающей среды, знанию об экологическом поведении больших масс и малых групп людей обеспечить надежную социальную технологию тех или иных экологически значимых экономических, организационных нововведений. Можно ли надеяться без соответствующей работы социологов на формирование и реализацию эффективных экосоциальных моделей и стратегий развития в рамках мирового сообщества, региона, отдельной страны. Наверное, это- риторические вопросы. Но отвечать на них нужно. В наши дни этим занимается экологическая социология.

Никому сегодня не приходит в голову отрицать важность исследования тех вопросов, которые порождаются ежеминутно в процессах взаимодействия общества и природы. Бесспорно также и то, что науке в осмыслении данных вопросов принадлежит отнюдь не последняя роль. На современном этапе междисциплинарный характер соответствующих исследований предполагает союз естественных и социальных наук, в котором последние должны лидировать. Именно экологическая социология, как социальная наука способна давать целостное знание экономических, правовых, политических, организационных аспектов экологии. Нисколько не умаляя значимости естественных наук, нужно признать, что ученые-естественники не свободны от разногласий в восприятии экологической тематики. Они и сегодня не пришли к единому мнению, а некоторые даже отрицают реальность экологического кризиса. Наличие подобных взглядов среди естественников не удивительно. Именно естествознание позволило сформировать и развить практику антропоактивизма, для которой природа всего лишь источник богатств и экспериментальная лаборатория. Настало время безудержному активизму, порожденному

индустриальной цивилизацией и естественнонаучным взглядам на мир поставить определенные границы, защищающие окружающую среду от окончательного разрушения.

Начиная с XX века наука предприняла серьезные усилия, чтобы разобраться с помощью рациональных, аналитических методов в тех объективных социоприродных связях, которые интуитивно фиксировались чувством зависимости человека от окружающей среды. Социология как особая теоретико-прикладная наука, исследующая социальные процессы, оказалась здесь полезной, может быть, даже незаменимой.

Мир изменился, вряд ли сегодня какой-либо народ можно заставить выполнять абсурдные схемы построения земного рая, тем более против его желания. Одинаково нелепыми выглядят как вынесение рекомендаций для отдельных государств проводить политику обязательных ограничений рождаемости или роста производства, так и подмена утопическими рассуждениями реальных, практических мер по защите окружающей среды. На дворе давно уже век точного научного расчета, обмена информацией и применения таких социальных технологий по внедрению организационных и технических нововведений, которые непременно учитывают волю и традиционные взгляды населения. Поэтому нужны не одна истинная модель экосоциального развития для той или иной страны, а несколько, которые должны стать предметом обсуждения общественности, ответственного гражданского выбора.

Глобальный подход к экологии не должен заведомо исключать прикладные исследования и разработки в рамках регионов, отдельных стран и местностей, их состыковка-особая методологическая задача. Вместе с тем социологическая работа в этом направлении имеет дело с междисциплинарными исследованиями. В поле зрения социолога оказываются такие темы, как – сохранение биологического разнообразия, опасность перерасхода ресурсов, опасность военного использования ядерной энергии, проблемы голода и отсталости, атмосферные проблемы, проблемы кислотных дождей и климатических изменений (т.н.парниковый эффект), проблемы здоровья, связанные с условиями труда и с условиями жизни, возможности

повышения уровня жизни и удовлетворении потребности в «природе», вопросы культурного многообразия, проблемы искусственной среды, естественный риск. К чисто социальным темам экологических исследований относятся следующие рубрики – экологическая политика, этика, право и законодательство, образование, экология и труд, информация, социальные институты, эффекты экологических загрязнений, экологические знания, поведение, движения. Как видим диапазон внимания экологической социологии, достаточно широк.

С 1990 г. Международный совет общественных наук работает над программой « Человеческие измерения мировых экологических перемен». Это достаточно солидная, постоянно действующая научная организация, которая призвана определять приоритетные вопросы экосоциальных стратегий развития. Известный американский ученый Дж.Шелл еще в 1993 году предлагал обсудить следующие вопросы:

а) динамика народонаселения (каждый день на планете прибавляется 200 000 человек, какие программы необходимы для оптимального изменения поведения людей);

б) экологические беженцы (какие решения можно разработать для предотвращения напряженности в зонах экологического бедствия);

в) производство (ядро экологической проблемы заключается в ответе на вопрос – кто решает, что производить, сколько, где, как и для кого);

г) военная конверсия (военная промышленность все еще является самым большим потребителем природных ресурсов, знаний и физических усилий);

д) экологически ориентированное развитие;

е) глобализация (какова динамика развития мирового сообщества.

С предложениями Шелла можно соглашаться, спорить, но тем не менее они в целом показательны для современной ступени развития экологической социологии, хотя и отражают, скажем так, глобализированный подход к экологии, проблемы, имеющие всеобщую значимость для всех народов. В то же время не менее важны исследования, которые касаются

экологических аспектов развития отдельных стран и регионов. Национальное государство является ключевым институтом, планирующим и реализующим экологическую политику. Почти все государства обладают экологическим законодательством и специализированными органами контроля, они имеют право распоряжаться своей территорией и возможности регулировать исходя из определенной экологической стратегии развития социально-экономической и культурной сфер. Государство также выступает юридическим субъектом международных экологических проектов, программ, соглашений. Отсюда результаты работы социологов представляют непосредственную практическую ценность прежде всего для своего государства.

Обостренное восприятие экологической проблематики характерно для социологов тюркоязычных стран, возможно здесь сказывается национальная психология, менталитет тюркских народов, чья история была связана с обживанием, устройением пространств Великой Степи, превращением девственной природы в цивилизованный край. Наши великие предки, создавшие могущественные государства на территории Евразии исходили из того, что социальное обретает смысл лишь тогда, когда оно сводится к пространственному, а человек рассматривается лишь как один из видов глобальной «экосистемы». Люди степей, тюрки-кочевники хорошо понимали, что все ограничения направляемые на деятельность человека природными закономерностями и экологическими ресурсами, ни в коей мере не отменяются его разумным целеполаганием и изобретательностью.

Для характеристики экологической ситуации в Центральной Азии необходимо выделить ряд особенностей геосоциального порядка, которые проясняют изначальную неустойчивость, хрупкость общественного развития на данной территории. Исторически жизнь развивалась здесь на оазисной основе, в окружении пустынь, а с юга – гор. Такая географическая специфика сохранилась и до наших дней, обусловив высокую концентрацию населения на относительно небольших участках земли. Для тюркоязычных стран Центральной Азии остро ощущается ограниченность и истощение водных ресурсов в результате хозяйственной и бытовой деятельности.

Вода – традиционная ценность народа, без нее обжитые земли превращаются здесь в пустыню. Неблагоприятно и расположение крупных городских агломераций с большой плотностью населения и экологически вредных производств в узких межгорных впадинах. Ко всему прочему добавляются природно-климатические факторы, способствующие накоплению загрязняющих веществ в окружающей среде (структура почв, количество осадков, температурные колебания и пр.). Тюркоязычные страны получили в наследство от бывшего Союза и экологические проблемы, которые были порождены бездумной административно-производственной деятельностью. Наиболее острыми для их населения выступают проблемы дефицита и загрязнения водных ресурсов при значительных непроизводительных потерях, истощение сельскохозяйственных земель, опустынивание, повсеместное засоление и эрозия орошаемых земель, высокий уровень концентрации в почве пестицидов, в том числе запрещенных к применению.

На планете существуют регионы, в которых степень экологического риска для жизни и труда населения особенно высока. Средняя Азия оказалась в числе таких регионов задолго до распада СССР. И в тоже время, республики добившиеся государственного суверенитета только в 1991 году с ужасающей ясностью почувствовали на себе, к какой черте подвела их командно-административная система «развитого социализма». Социально-политическая ситуация в регионе Центральной Азии вызывала большие опасения с точки зрения ближайших перспектив жизнедеятельности населения, выбора дальнейшего пути развития независимых государств.

Специфика региона была обусловлена прежде всего монокультурным характером сельскохозяйственного производства, устаревшим, физически и морально, технологическим оборудованием предприятий добывающей промышленности, отсутствием надежной экономической базы для преодоления положения сырьевого придатка, роли «хлопкового» поля. Такая политика в отношении региона породила цепную реакцию социально-экологических катастроф в ряду которой, пожалуй ни один народ в мире не столкнулся

с экологическими «событиями» в таком количестве и масштабе, как тюркоязычные народы Центральной Азии. Казахстанские ядерные полигоны, Аральская катастрофа – вот далеко не полный перечень зон экологических катастроф, которые так или иначе сказываются не только на здоровье и сознании людей, но и на всем образе жизни.

Наиболее катастрофическое положение складывается в Приаралье. О тупиках спасения Арала писалось уже много. Вместе с тем для опыта разработки социально-экологической стратегии развития данная проблема оказывается уникальной. Через призму аральской трагедии отчетливо видно, как исторически складывались условия экологической катастрофы, какие социальные силы способствовали ее приближению и каким образом можно искать оптимальный выход из безысходной ситуации. Пример Арала свидетельствует о том, что в границах отдельного государства не может быть унифицированного подхода к решению экологических проблем, необходимы по крайней мере несколько альтернативных моделей, позволяющих учитывать особенности отдельных местностей, краев, административных автономий. Можно ли разработать иерархические программы экосоциального развития для тюркоязычных стран в целом, Задача трудная. Во всяком случае, экологическая социология пытается это делать, в этом социологи видят свой гражданский долг.

Провозгласив независимость тюркоязычные государства Центральной Азии – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан столкнулись с таким обилием накопленных, трудноразрешимых проблем, что в пору опустить руки и смириться со стихийным ходом дальнейших непредсказуемых событий. Тем не менее народы этих стран вновь готовы трудиться, прилагать все усилия, чтобы отстоять долгожданную национальную свободу, историческую возможность самому определять свою судьбу, будущее своих детей.

В этой связи наиболее актуальными темами для социологов тюркоязычных стран являются возникновение социальных конфликтов на почве обострения экологических проблем внутри государства, соотношение экономических, социальных и культурных факторов, влияющих на экологическое поведение

людей в обществе, вступающем на демократический путь развития. Особый интерес для социологов тюркоязычных стран представляют исследования в области экологической безопасности, в сфере экологических движений, изменении их политической и идейной направленности, опыт включения эоактивистов в конструктивную местную экологическую политику.

Есть и более частные вопросы, обсуждение которых поможет социологам более эффективно участвовать в решении государственных задач. Отношение к окружающей среде различных слоев общества, характер про- или контрэкологического поведения весьма разнообразен, в этой связи очень важно интерпретировать динамику общественного мнения относительно экологических проблем в условиях резких социальных изменений, структурных преобразований экономики тюркоязычных стран., корректировать программы изменений с учетом степени объективного экологического риска и с восприятием его простыми жителями, с возможными реакциями населения на изменение экологической ситуации в пределах района, области. Наряду с этим представляется важным изучить, каким образом влияет повышение материальных и постматериальных потребностей на рост напряженности в экологически неблагоприятных зонах.

И все же наиболее ответственной задачей социологов тюркоязычных стран выступает участие в разработке экосоциальных стратегий развития в рамках государства, отдельного его района. Здесь требуется не только умение использовать методику опросов, интервью, интерпретации эмпирических материалов, но знать, как обращаться с информацией, относящейся к самым различным сферам жизнедеятельности общества, как объединить свои усилия с политиками, с представителями других наук, проявляющих интерес к экологии.

Словом, здесь открываются широкое поле для сотрудничества между социологами тюркоязычных стран в области экологической социологии, которое представляется полезным и актуальным. Опыт социологов вносящих свой

вклад в нормализацию ситуации внутри молодых независимых тюркоязычных государств уже сегодня весьма высоко оценивается международной научной общественностью. Не исключено, что именно социологи, работающие на территории тюркоязычных стран покажут в скором будущем такие результаты которые окажут существенное влияние на разработку и развитие экологических стратегий развития на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гэллуп Дж., Гэллуп М. Здоровье планеты –Социологические исследования, 1992. – № 12, с. 31.
2. Шелл Д. Среда и общество» или «инвайроментальная социология // Социологические исследования. 1992. № 11, с. 9, 10.
3. Человек и окружающая среда. – М., 1992. – С. 87.
4. Зуев В. Аральский тупик. – М., 1991. – С. 75.
5. Каххаров А.Г. Общественное мнение Узбекистана о проблемах охраны окружающей среды и социальной сферы. – М., 1992. – С. 55.
6. Каххаров А.Г. Социология. Окружающая среда и общество. – М., 1993. – С. 20–21.
7. Каххаров А.Г. Социология регионов. – М., 1996. – С. 30.

КАЗАХСТАН

ХАЛЫҚ ТАРИХЫНДАҒЫ РУХАНИ ДӘСТҮРДІҢ ҚОҒАМДЫҚ – ӘЛЕУМЕТТІК МӘНІ

Б.Ж. Абдрашева,

әлеуметтану ғылымдарының кандидаты

Ж.Х. Кендирбекова,

педагогика ғылымдарының кандидаты,

М.Т. Баймуканова,

педагогика ғылымдарының кандидаты

Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

Қазақ тарихын, салт-дәстүрін зерттеудің игерілмеген ғылыми жолдары әр түрлі. Көшпелілер қоғамының материалдық, қоғамдық және рухани өмірінің тұтастығы фольклорды зерттеу барысында айқын көрінеді. Фольклор деректеріне көп көңіл бөлген зерттеуші, шығыстанушы В. Бартольд «Қорқыт ата» кітабымен танысып, эпостың жекелеген мәселелеріне тарихи және әдеби талдау жасайды. Революцияға дейінгі орыс фольклористикасында қалыптасқан дәстүр кейіннен Кеңес мемлекеті фольклористикасының негізінде дамыды. Халықтардың этногенезі мен мәдени-этникалық байланыстарын, олардың өткен тарихын, отбасылық және қоғамдық өмірін зерттеуде фольклорды тарихи дерек ретінде пайдаланудың әдістемесін В.Я. Пропп, В.К. Соколова т.б. сияқты белгілі зерттеушілер жазған. Мұндай зерттеуші ғалымдар қазақ халқының тұрмыс-тіршілігін, мәдениетін, салт-дәстүрін, қайталанбас мол мұрасын зерттеуде көп үлестерін қосқан. Ежелгі қазақ жерін

қоныс еткен түркі тілдес тайпалар арасында діни наным-сенімдер сақталған, өзгеріп жаңа мән-мағынаға ие болған. Осы тайпалардан сұрыпталып шыққан қазақ халқының бүгінгі рухани болмысының сол бір алыста, артта қалған замандармен сабақтастығын дәлелдейтін салт-дәстүрлер, наным-сенімдер жетерлік.

Салт-сана арқылы санамызға сіңіп кеткен кейбір наным-сенімдер арқылы арақатынастар өзегіне ара байланыстар барысында, бір-біріне ықпал ете бастаған. Оның ішінде обал, сауап, бата сияқты кейбір этикалық, психологиялық дағдылар арқылы «жабайы» қоғамдық кезеңдердің өзінде адамдар адамгершілік қасиеттерін сақтай отырып цивилизация кезеңіне іліккен.

Халқымыздың идеялық, рухани бірлігін нығайту үшін тарихи тағылымдарын еске түсіріп қана қоймай, оның тарихи иесін қалпына келтіру үшін, халықтың рухани құндылықтарына негізделген ұлттық дәстүрімізді қайта қарап, тереңдей зерттеу жүргізіп, көне мәдени мұрасын белсенді игеру мен ұғыну егеменді елдің біртұтас мәдени саясатын жасау және өзгелерге таныту кезек күттірмейтін мәселе.

Қазір баспасөз беттерінде қазақ халқы мәдениетінің тарихы Орхан-Енисей жазуынан бұрын, II-III ғасырларда басталды деген пікір айтылып жүр. Алайда, ол туралы ғылыми зерттеу еңбектері әзір жарық көрмегендіктен, біз қолда барға сүйене отырып, көшпелі қазақтардың әлеуметтік қарым-қатынастары, өзара көмек пен қамқорлық жайындағы, яғни VI-VIII ғасырдан бергі қазіргі түркі тілдес халықтардың ата дәстүріндегі салт-дәстүр рәсіміндегі әлеуметтік тәжірибесін жинақтап, зерттеу жұмыстарын жүргіздік. Ежелгі қазақ жерін қоныс еткен түркі тілдес тайпалар арасында діни наным-сенімдер сақталған, өзгеріп жаңа мән-мағынаға ие болған, сөйтіп осы тайпалардан сұрыпталып шыққан қазақ халқының бүгінгі рухани болмысының сол бір алыста, артта қалған замандармен сабақтастығын дәлелдейтін салт-дәстүрлер, наным-сенімдер аз емес. Бүгінгі діндер қалыптасып, олар әлеуметтік идеологиялық санаға айналғанға дейін адамдар әр түрлі сенім-нанымдарға тәуелді болған. Олардың шығуына, дамып өріс алуына алғашқы адамдардың табиғаттың таңғажайып сырларын, ондағы қым-қиғаш құбылыстардың қандай күштер арқылы болып жатқанын

түсініп, оны пайымдап, ақылмен қорыта алмауы себеп болды. Күннің күркіреуі, аспанда найзағайдың жарқылдауы, өзен, көлдердің жағасынан шығып тасуы, дамылсыз сокқан дауылдар, зілзала болып жердің сілкінуі, от шашқан таулар, алапат апаттар осының бәрі қоршаған ортадан, табиғаттан тыс күдіретті күштердің бар екеніне адамдардың наным-сенімдерін туғызды. Осы сенімдер негізінде әртүрлі дін, діни ұғым, түсінік уағыздар пайда болды. Олардың өмірге келуі, таралуы, адамдардың ақыл-санасын баурауы бірден іске асқан жоқ, ұзақ сонар жолдан өтті. Олар наным-сенім жүйесі ретінде қалыптасып, адамдар санасына орныққанша күнге, айға, отқа, суға табыну, оларға тәңір ретінде қарап, құлшылық ету, жаппар ием деп жалбарынуы орын алды. Әйтсе де олар тәңір туралы теріс түсініктердің мәнін білмеген. Сондықтан да табиғаттың тылсым күштерін жанды деп түсіну, оларға адам қасиетін телу дәстүрлері келіп шыққан.

Әйгілі ғалым Ш.Уәлиханов шығармаларында аталмыш мәселелер тұңғыш рет жан-жақты қарастырылды. Бұл ретте оның ғылыми еңбектерінің алғашқы кезеңіне жататын «тәңір» атты мақаласын айрықша атап өтуге болады. Ұлы ғалым қазақтың әдет-ғұрпын, сенім-нанымына ғылыми баға бере келіп, себеп-салдарына, түп-төркініне де тоқталды [1, 112 б.]. Әруақтар немесе дүние салған бабалардың рухына мінәжат етуге байланысты наным-сенімдердің әлеуметтік сыр-сипатын мейлінше дәл көрсетіп, жансақ ұғымдардың төркінін білгірлікпен ашады. Сөйтіп ғұлама ғалым сенім- нанымның түп-төркінін анықтай отырып, діни идеяларды адамдардың әлеуметтік қарым-қатынасымен сабақтастыра қарастырады. Сондай-ақ ол ислам дініне дейінгі наным-сенім мен салт-сананы халықтың ауыр тіршілігімен байланыстырады. Кеңес дәуірінің ғалымдары қазақ халқының көне сенім-наным мен салт- санасын арнайы зерттеген емес. Өйткені көптеген ғалымдар қазақтарды ислам діні кең тараған өлке деп есептеген, байырғы, діни сенімдердің сарқыншақтарына мән бермеген.

Көне сенім-нанымдардың идеялық мәні мен тегі аса күрделі. Дәстүр адамның дүниетанымымен астарлас, өйткені дәстүр мен таным үнемі бірлікте болады. Ғасырлар қойнауынан жеткен ежелгі ескерткіштер қатарына жататын салт пен дәстүр әлеуметтік

социологияның негізгі саласы. Әрине бұл ескерткіштерден дін мен білімді, талғам мен танымды, әлем заңдылықтарын игеру жолындағы жеңіс пен жеңілісті, қиял мен шындықты, жарық жалғанның болмысы мен бопсасын, күйі мен құдіреттілігін таба аламыз. Ал тегінде халықтың салт-санасы мен әдет-ғұрпын балаңдық пен терең зерделі, диалектикалық әмбебап бастау мен метафизикалық өлекселікті, агностикалық сыңар езулікті қатар көруге болады.

Адамдар диалектиканы ғылыми таным ретінде білмей жатып-ақ қара дүрсін диалектикалық әдіспен ойлайтын болған. Халықтың зердесі философиялық ақыл-ойға дейінгі білім мен біліктіліктің бірлігі-халықтың рухани болмысының өзегі. Сондықтан халықтың кәдуілгі дүниетанымында діни (әдет-ғұрып пен наным-сенім), діни емес (фольклор, музыка, сәулет өнері) және дінге қарсы (заттар мен құбылыстарға қатысты өмірлік тәжірибе жиынтығы орнықтырған білім) түсінік-ұғымдар көрініс беріп отырады. Дүниеге дәстүрлі қазақы қатынас ұжымды, өте күрделі, ол тарихтың әр кезеңінде туған әр текті идеялармен ұғымдар жиынтығынан түзіліп, әр дәуірдің таным сатыларының тоғысуы нәтижесінде пайда болған сарқыншақтардан синтез құрайды да, халықтың рухани мәдени ескерткіштерінің қай саласынан болса да (ән, музыка, би, өнер, салт-сана т.б.) көрініс таба береді. Халқытың дүниеге дәстүрлі көзқарасында діни қағида жоққа тән екен, ал оның есесіне ұзақ заманында көшпелі өмір салтымен қойындасқан, онымен үйлесім тапқан салт-сананың, ырым-жораның, әдеп-ғұрыптың, талғам-түйсіктің, наным-танымның айқын сипаты, белгілілері сараланған. Дәстүрлі зерденің тек тамыры табиғаттылықтан бастау алып, заттар мен өмір құбылыстарының тіршілік талабымен үйлесе отырып сұрыпталуынан туындап жатады. Халық ілімнің өмірдегі көрнісі де мейлінше қарапайым, әлем-жәлем. Қазақтың дүние туралы дәстүрлі пайымдары белгілі дәрежеде адамның дүниеге көзқарасын айғақтайды. Дәстүрлі сенім, әдетте, дәстүр, ғұрып, ырым-жора, салт-сана, тыйым, табыну, тасаттық беру, садақа жасау, құрбандық шалу тұрғысында көрніс тауып, әлеуметтік, моральдық-этикалық ниет мақсатымен астасып жатады.

Көшпенді тұрмыс пен дала табиғаты адамға қойылатын талап, тілектің аса қатал болуын керек етті. Мұнда қайратты да мығым аса төзімді құбылмалы табиғат жағдайына икемді, жандүниесі кемел адамдар қажет еді. Көшпелі қауымда әр адамның қадір-қасиеті оның жасына, әлеуметтік ортасындағы орнына қарай белгіленді. Осындай қоғамдық қатынастарды көріп өскен жағдайда мүдделестік, көзқарас бірлігі, кісілік қарым-қатынас нормалары айқындалып, жеке бастың бұра тартуына мүмкіндік қалдырмады, психологиялық ахуалы «бірауызды» болып қауымдасқан жандар үнемі өздерінің рулық одағына етене сіңіскен салттар мен дәстүрлерді ұстанады. Осыған орай бата беру, ант ішіп ақталу, жора қылу, дау-шараға төрелік айту сияқты өзіндік дәстүрлер кең өріс алады. Мұндағы келтіріліп отырылған дәстүрлер арқылы ар-ождандыққа тәрбиелеу, сыйластықты қалыптастыру, қайырымдылық жасаудың бүгінгі күннің әлеуметік қызмет көрсету стилінің көріністері бола алады. Қазіргі қазақ руларының ата-тегінен қалған рухани мұра үлгілеріне Орхон-Енисей бойынан табылған тасқа қашап жазылған ескерткіштер жатады. Мұндай көне мұралардың ішіндегі бізге кеңірек мәлім болғандары түркі көсемі Білге қаған, Күлтегін батыр мен ақылгөй Тоныкөк құрметіне қойылған құлпытастар. Оларда Ұлы түрік қағанаты халықтарының тұрмысы мен салты, мәдениеті мен жаугершілік жортуылдары баяндалады.

Қарақожаұлы Қорқыт – өз халқының бақыты үшін, күллі адамзатқа өшпес ғұмыр іздеп, көптің мүддесін көздеген Қорқыт Ата – ақын, жырау, композитор, әнші, күйші, қобызшы, өз дәуірінің ойшылы, философы болған адам.

Қорқыт жеріндегі философиялық аңыздардың бірі – оның ажалдан қашуы. Қорқыт өз ел-жұртының аянышты ауыр халін көріп, одан құтқарудың жолын іздейді, мәңгі бақи өлмейтін бақытты өмірді аңсайды, төңіректің төрт бұрышын кезеді. Қорқыт ажалды дүниедегі ең жамандықтың басы деп біледі. Ажалдың ақыры алмай қоймайтынын білген ол өлімнен қашып құтылмақ болады. Қорқыттың дала кезіп кетуіне оның метафизикалық көзқарасы түрткі болады. Қорқыт түс көреді, түсінде аян береді, ажал алмай қоймайтынын айтады. «Қорқыт Ата кітабы» – жай дүние емес, даналықтың адамдардың

ортадағы әлеуметтік қатынасы, табиғат пен адамның өзіндік әрекеттесу қатынасының көрінісі [2, 45 б.]. Қыпшақ тайпасынан шыққан атақты жырау, күйші және философ Қорқыт ата туралы Ватихан архивінде мынадай дерек сақталған: «Расул пайғамбар (Мұхамед пайғамбар) заманына жақын кезде (ҮІІІ ғасырда) баят (Сырдария) бойында Қорқыт атты бір ер болыпты. Оғыз ішінде барлық уәләйтты өзіне қаратып, неше түрлі ғажайып сөздер сөйлеуші еді. Қорқыт оғыз қауымның мүшкіл халі туралы сөйлер еді. Әрине, басына іс түскендердің бәрі оның алдына келіп кеңес сұрап, ол нені бұйырса, соны қабыл етер еді» [3, 344 б.]. Онда ертедегі оғыз қыпшақтардың күнделікті тұрмыс-тіршілігі, қайғы-қуанышы, қайырымдылық пен қаталдықтың, ерлік пен ездіктің, жақсылық пен жауыздықтың көріністері арқылы этникалық әдет-ғұрыптардың болмысын көрсетеді, мәдени-этникалық дәстүрдің көрінісі ретінде бағалаймыз. Қорқыт атадан қалған сөз мынадай: «Менмен тәккәппар адамды тәңірі сүймейді», «қар қанша жауғанымен жазға бармас», «атадан қалған малы болмаса, баланың күні қараң». Қай-қай сөзін алып қарасаң да, неше ғасыр өтсе де, сөз құдіреті мен ой даналығы ұрпаққа ұлағат боларлықтай құнды да, нәрлі мұра. Біз мысалға тек үш қана дана сөзін айтып отырмыз. Адам өмірін үш үлкен кезеңге бөліп қарастырсақ, адам жасында тәккәппар, өрлі кейде өркөкірек те болады, ондағысы не істесем де бәрі де қолымнан келеді, «тепсе темір үземін» деген оймен дандайсып, өзін жер құдайындай сезінетіні де рас, сөйтіп жастыққа мастанып жүргенде уақыттың өтіп кеткенін байқамай да қаласың. Қорқыт айтқандай қыстай қаһарланған менмен кеуде өрекігенін, жылы жаққа жазға жете алмайсың, ары қарасаң енді өзің үшін емес ұрпақ үшін жанталасып, мал жинап, қор жинамасаң ұрпақ соңы күң менен құл болар, атаға одан өткен қорлық бар ма, ұрпақ үшін, оның болашағы мен амандығы үшін қор жинаған біздің халық, әке мен бала бірлігі мен татулығы елдігіміздің көрінісі-мәңгілік өмір, мәңгілік тіршілік. Өз халқының бақыты үшін, күллі адамзатқа өшпес ғұмыр іздеп, көптің мүддесін көздеген Қорқыт Атаның ой-пікірі адамзаттың жер бетінен құрып кетпеуінен сақтандырған, ата мен ұрпақ арасындағы әлеуметтік мәңгілік өмір мен әлеуметтік қатынас мәселесін (ядролық қару, экологиялық апат салдарын)

алдын ала сезіп болжамдаған ойын әлемдік әлеуметтік мәселе ретінде ескеруіміз керек.

Ел арасында айтылып жүретін обал ол табиғатпен қойындаса өскен қазақ қауымы үшін обал дегеніміз өзінді қоршаған ортаның табиғи болмысында (жанды-жансызын алаламай) зиян келтіруге, жамандық жасауға, яғни жандыны жәбірлеуге, жансызды бүлдіруге тыйым салатын ұғымдар жиынтығы. Мысалы, жәндікті өлтірме, обал болады; көкті жұлма, обал болады; ақты төкпе, обал болады т.с.с. Бұдан да басқа ұлттық нанымдар мен ырымдар да бар. Әкесі бар бала қолын төбесіне қойып, төр алдында шалқасынан жатпайды. Бұлай істесе-әкесіне наразы болып, өлім тілеп, зауал әкелгелі жатыр деген жаман ырымға жорылады. Қазақта сыйлы қонағына бас ұстатады, бірақ әкесі бар адамға бас ұстатпайды. Қандай қонақ қадірлі болғанымен, жасы да елуді еңсерсе де әке алдындағы моральдық борыш, кісілік пен кішіпейілділік ұрпақтар арасындағы әлеуметтік қарым-қатынастың өзіндік рөлі, сыпайылық пен инабатылыққа әкеліп тірелтеді. Қазақи тарихтағы, қазақи болмыстағы ата дәстүрдегі, әке мен бала арасындағы адамдық үндестік, ешқайда жазылмаған халықтық әдеп, яғни этикалық принцип.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Уәлиханов Ш. Таңдамалы шығармалары. – Алматы, 1986.- 27 б.
2. Касымжанов А.Х. Пространство и время великих традиций. – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 475 с.
3. Айталы А. Жастардың этно-мәдени таңдауы: сабақтастық пен қайшылық //Ақиқат. – 1999. – №6. – 23-27 бб
4. Сейдімбек А. Қазақ әлемі. Этномәдени пайымдау. – Алматы: Санат, 1997. – 461 б.
5. Ыдырысов Ә. Бағдарымыз – өркениет өрісі. – Алматы: Атамұра, 2000. – 128 б.
6. Сатершинов Б.М. Қазақстан мәдениетінің тарихы мен теориясының кейбір мәселелері. – Алматы: Атамұра, 2001. – 159 б.
7. Табылдиев Ә. Халық тағылымы. – Алматы: Қазақ университеті, 1992. -198 б.
8. Сәрсенбаев Т. Ұлттық сана-сезім мен ұлттық қадыр-қасиет. – Алматы: Білім қоғамы, 1990. – 50 б.

Резюме

В статье рассматривается общественная и социальная сущность духовной традиции народов. История существует не для того, чтобы только повторять, а для того, чтобы закрепить в подсознании каждого человека идеи и духовные ценности, необходимо пересмотреть национальные традиции основанные на духовных ценностях народа, и создать единую культурную политику независимого государства.

Summary

The article deals with public and social essence of the spiritual traditions of the peoples. History is not there just to repeat, but in order to secure in the subconscious of each people ideas and spiritual values, it is necessary to revise the national traditions based on spiritual values of the people and to create a unified cultural policy independent state.

СУВЕРЕННЫЙ КАЗАХСТАН – ЛИДЕР ДВИЖЕНИЯ ЗА БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР

М.А. Абишев,

*Казахский национальный аграрный университет,
доктор социологических наук, профессор*

Первым шагом, заложившим основу будущей политики Казахстана в области нераспространения и ядерной безопасности, стало закрытие Семипалатинского испытательного ядерного полигона в 1991 г.

Подписание Указа о закрытии Семипалатинского ядерного полигона Президентом Назарбаевым Н.А. для всех казахстанцев был историческим актом осознание своей исключительной суверенности, силы и мудрости, уверенности в настоящем и будущем. Именно этим объясняется проявленная воля народа, объединившегося в международное антиядерное движение «Невада – Семипалатинск».

Инициатором закрытия семипалатинского полигона и запрещения испытаний ядерного оружия во всем мире выступило в 1989 году Международное антиядерное движение «Невада-Семипалатинск». В 1992-м остановил работу полигон в Неваде, где испытывали свои «изделия» США и Англия. Вслед за ним замолчал французский полигон на атолле Мороруа в Тихом океане. И, наконец, в 1996 году – китайский в пустыне Лоб-Нор. Международный мораторий, начавшийся с закрытия Семипалатинского, продолжается до сих пор.

Напомним, что Казахстану досталось поистине «богатое» наследие военной индустрии СССР в виде испытательных полигонов и научно-технических комплексов по разработке различного рода оружия. Республика обладает самой большой

численностью ядерных полигонов на душу населения. Добавим к этому, что развитая промышленность по добыче и переработке урановых руд остро ставила вопросы хранения и захоронения радиоактивных отходов. Неудивительно поэтому, что нераспространение ядерного оружия и оборонная конверсия вошли тогда в стратегические приоритеты политики молодого государства.

Для Казахстана идеалы нераспространения оружия массового уничтожения имеют особое значение. Последствия испытаний на его территории ядерного оружия отразились как на жизни и здоровье населения, так и на экологическом балансе огромной территории. Широкая общественная поддержка, оказанная антиядерному движению «Невада-Семипалатинск», а также увенчавшаяся успехом борьба за закрытие ядерного полигона в Семипалатинске оказали серьезное влияние на формирование политики Казахстана в сфере нераспространения ядерного оружия.

Необходимо отметить, что первоначально, после обретения независимости в Казахстане все же рассматривали ядерное оружие, размещенное на его территории, в качестве средства сдерживания внешних угроз, с одной стороны, и как инструмент для укрепления международного статуса и регионального престижа – с другой стороны. Однако уже в начале 1992 года ведущие политики пришли к выводу, что сохранение ядерного оружия на территории Казахстана ведет к дипломатической изоляции республики и помешает ей стать полноправным членом международного сообщества. Наиболее критически важный период переоценки казахстанской ядерной политики пришелся на февраль-апрель 1992 года.

И все же решающим фактором, повлиявшим на переоценку ядерной политики, стали соображения геополитической и региональной безопасности, актуальные и сегодня. Глубокое внутриконтинентальное положение Казахстана, отсутствие прямого выхода к мировому океану, соседство с севера и с юга с двумя великими державами, обладающими огромными ядерными потенциалами, – все это начисто нивелирует геополитическое значение обладания Казахстаном ядерным

оружием. Если добавить к этому четко обозначившиеся к началу 90-х годов стратегические интересы западных стран, прежде всего США, связанные с огромными запасами нефтепродуктов на Каспии, то легко понять, что в условиях повышенного интереса к Казахстану многополярного мира, присутствие ядерного оружия на его территории могло негативно сказаться на крупнейших инвестиционных соглашениях, играющих сегодня немаловажную роль в экономике республики. При сложившемся на исходе столетия балансе интересов крупных мировых держав, соображения национальной безопасности страны, настоятельно диктующие необходимость вхождения Казахстана в мировую систему глобальной безопасности, не допускают ни экономическую, ни политическую изоляцию, которая могла последовать, если бы республика продолжала политику удержания ядерного оружия. По сути, сегодня, когда мировое сообщество с полным напряжением интеллектуальных сил стремится к выработке новой модели коллективной безопасности, ядром которой должны стать мировые державы и страны, стабильные во всех отношениях – и экономически, и политически, и по соображениям региональной безопасности, – Казахстану нет смысла вести свою игру, отстаивать свою линию во внешней политике, основанную на обладании потенциальной ядерной угрозой. Оказавшись за пределами мировой системы глобальной безопасности, Казахстан сразу же лишится экономической безопасности, поскольку экономика страны во многом ориентирована на внешний рынок, а также поставит под угрозу безопасности будущих поколений.

Можно смело сказать, что ясно определив свою позицию по проблеме нераспространения ядерного оружия, Казахстан внес большой вклад в дело ядерного разоружения. 23 мая 1992 года республика в качестве одной из равноправных сторон Договора между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических и наступательных вооружений (СНВ) подписала Лиссабонский протокол, в котором обязалась в кратчайшие сроки присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия как государство, им не обладающее.

Конечно, Казахстан был озабочен надежным обеспечением собственной безопасности в связи с отказом от ядерного статуса, и зарубежные партнеры с пониманием отнеслись к этому. Нелишне напомнить, что в «Хартии о демократическом партнерстве между Казахстаном и США», подписанной во время визита Президента Казахстана и Вашингтон в феврале 1994 года, были закреплены существенные элементы, фиксирующие определенные гарантии безопасности Казахстана. А в декабре 1994 года на Будапештском саммите ОБСЕ главы трех ядерных держав – США, Великобритании и России подписали «Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия». Этот документ отражает стратегические аспекты обеспечения внешней безопасности страны [1].

В августе 1993 года по инициативе МАД «Невада-Семипалатинск» в Алматы состоялся Международный антиядерный конгресс, на котором прозвучало предложение создать международный фонд под эгидой ООН для оказания помощи населению тех территорий, который пострадали и продолжают страдать от ядерных испытаний. Перед участниками конгресса выступил Президент Нурсултан Назарбаев. Он подчеркнул, что неслучайно Указ о закрытии Семипалатинского полигона был одним из первых актов молодого государства, твердо заявившего о самостоятельности в решении внутренних проблем. Более того, подобный шаг был предпринят впервые в мировой практике и, несомненно, сыграл определенную роль в том, что многие государства изменили свой взгляд на ядерное оружие, стали более взвешенно и ответственно относиться к этой проблеме.

5 августа 1999 года Казахстан стал полноправным членом Конференции по разоружению в Женеве, что явилось признанием значительного вклада республики в укрепление региональной и глобальной безопасности.

Как известно, после распада СССР ядерное оружие оказалось в руках России, Беларуси, Украины и Казахстана. В то время как Россия стала правопреемником СССР, а в отношении Беларуси и Украины не было, по сути дела, больших сомнений

относительно того, как они поступят с их ядерным оружием, ведь это были европейские страны с преимущественно славянским и православным населением, в случае с Казахстаном ситуация была иной [2].

Находясь в Азии и имея значительно мусульманское население, наша страна настояла перед гораздо большим искушением и имело дело с весьма красноречивыми искусителями. В первые дни независимости Казахстана не было отбоя от разного рода эмиссаров, которое обещая большую финансовую помощь, убеждали Президента оставить ядерное оружие, говоря, что «вы будете первой и единственной мусульманской страной с ядерным оружием и что вас будет уважать и с вами будет считаться весь мир». Надо сказать, что значительная часть казахстанской элиты того времени также была за сохранение ядерного арсенала, который по ее мнению в одночасье ввел бы униженный и никому неизвестный Казахстан в клуб ядерных держав. Поэтому справедливо было бы подчеркнуть, что отказ от ядерного оружия был мужественным и мудрым решением именно Президента Нурсултана Назарбаева [3].

В 2006 году Казахстан стал одним из учредителей Глобальной инициативы по борьбе с ядерным терроризмом, объявленным Россией и США. В республике рассчитывают на укрепление ядерной безопасности предотвращению распространения ядерного оружия и эффективную борьбу с ядерным терроризмом.

А вот еще один пример политики Казахстана: в 2006 году наша страна наряду с другими государствами Центральной Азии (ЦА) подписала в Семее Договор о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия. Этот факт также получил высокую оценку международного сообщества. Государства ЦА заявили о своей твердой приверженности принципам разоружения и нераспространения, открытому сотрудничеству по разрешению одной из наиболее актуальных проблем современности. В марте 2009 года договор вступил в силу. МАГАТЭ назвало его реальным вкладом в реализацию Договора о нераспространении ядерного оружия [ДНЯО], в глобальный процесс разоружения и ядерного нераспространения.

Казахстан поддерживает учреждение Международного банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ и вносит предложения расположить данный банк на своей территории и взять за его хранение [4].

Гипотетическая угроза применения ядерного оружия даже в тактических целях может вызвать цепную реакцию по всему миру и катализировать новый глобальный конфликт.

На Глобальном саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне в 2010 году, Президент США Барак Обама отметил, что через два десятилетия после окончания «холодной войны» мы стали свидетелями жестокой иронии: риск ядерного противостояния между государствами понизился, а риск ядерного нападения, наоборот, вырос [5].

К великому сожалению, мир вступил в новую эру гонки ядерных вооружений. Многие государства сегодня занимаются реализацией ряда программ по модернизации существующих и созданию новых видов ядерных вооружений и средств их доставки. Крупнейшими конкурентами в гонке вооружений в ближайшие десятилетия будут США и Россия. В частности США потратит 700 млрд. долларов. В свою очередь Россия до 2020 г. потратит на развитие ядерных вооружений не менее 70 млрд. долларов. В числе стран, участвующих в гонке ядерных вооружений отмечены: Китай, Индия, Франция, Израиль, Пакистан и Северная Корея.

В настоящее время ситуация вокруг ядерной программы Ирана резко обострилась. В этой ситуации было принято решение провести переговоры в Казахстане. В феврале 2013 года в Алматы состоялся очередной раунд переговоров по иранской ядерной программе с участием представителей 5-ти государств-членов Совета Безопасности ООН, Германии и Ирана. В этой ситуации было принято решение провести переговоры в Алматы. Выбору Алматы в качестве места проведения очередного раунда переговоров по иранской ядерной программе способствовал тот факт, что Казахстан соблюдает нейтралитет по данному вопросу. Кроме того, наша республика является признанным лидером глобального движения нераспространения атомного оружия и выступает с рядом инициатив по построению мира, свободного от ядерной угрозы [6].

В октябре 2011 года в Астане прошел форум «За безъядерный мир». Мероприятие приурочено к таким знаменательным датам как 20-летие Независимости Казахстана и 20-летию со дня закрытия Семипалатинского полигона. По итогам конференции была принята Астанинская декларация за безъядерный мир. В декларации отмечено, что настало подходящее время для того, чтобы все государства, обладающие ядерным оружием, предприняли шаги, направленные на полную ликвидацию ядерного оружия в кратчайшие сроки [7].

Решение отказаться от ядерного потенциала приносит Казахстану плюсы и сегодня, почти двадцать лет спустя. Побывавший на территории бывшего Семипалатинского полигона Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил, что «в 1991 году Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев проявил исключительные лидерские качества в принятии единственно верного решения – закрыть полигон. Не менее судьбоносный шаг на пути к безъядерному миру – отказ вашей страны от ядерного оружия. Это своего рода Декларация Независимости Казахстана, являющаяся не только символом разоружения, но и символом надежды на будущее».

Казахстан инициировал международный Проект «АТОМ» – AbolishTestingOurMission («Отмена Испытаний – наша Миссия»). В рамках Проекта любой человек в мире, выступающий против ядерного оружия, может подписаться под онлайн-петицией на интернет-сайте проекта – www.theatomproject.org с призывом к правительствам мира навсегда отказаться от ядерных испытаний и добиться скорейшего вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний [8].

Как считает Президент Казахстана безъядерный мир – это не утопия. Это реальность, присутствующая на значительной части планеты. Зоны, свободные от ядерного оружия, созданы в Южной и Центральной Америке, Австралии и Океании, Африке, Юго-восточной и Центральной Азии – сегодня это практически полмира. Требуется эффективный механизм международно-правовых гарантий их участникам со стороны всех ядерных государств.

Ключевым событием осенней 2013 г. сессии межпарламентских ассамблей СНГ ЕврАзЭС и Парламентской ассамблеи ОДКБ в Санкт-Петербурге стала инициированная Мажилисом Парламента РК международная конференция «Ядерная безопасность в современном мире. Роль парламентариев в процессе ядерного разоружения и нераспространения». С трибуны авторитетной диалоговой площадки сообщества законодателей был представлен уникальный международный Проект АТОМ, инициированный Нурсултаном Назарбаевым.

Пример Казахстана особенно актуален сегодня, когда настало время решительных действий для того, чтобы повернуть вспять гонку смертоносных вооружений. И на этом пути очень важен вклад парламентов всех стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов В. За мир без ядерной угрозы. Казахстанская правда. 12.10.2011.
2. Назарбаев Н.А. «Эпицентр Мира» – Астана: «Елорда», 2001-95-97.
3. Саудабаев К. Казахский путь к безъядерному миру – единственно верный. Казахстанская правда. 29.08.2008.
4. Осипов В. Вклад конкретен и ошутим. Казахстанская правда. 23.08.2012.
5. Куретов В. Нурсултан Назарбаев: решительный шаг к созданию безъядерного мира. Казахстанская правда. 15.04.2010.
6. Каминский А. Ураганный полустанок. Экспресс-К°. 27.02.2013
7. Королев А. От отказа до запрета. Литер. 30.08.2012
8. Казанцева О. Мировоззренческий импульс АТОМа. Казахстанская правда. 30.11.2013.

Түйін

Бұл мақалада тәуелсіз мемлекеттің президенті Н.Ә. Назарбаевтың антиядролық қозғалысқа қосқан үлесі айтылады. Бұл келешек сау ұрпақтың қамы, адамзат тіршілігінің маңызы.

Қазақстан Республикасындағы халықаралық антиядролық «Невада-Семей» қозғалысының құрылуы, оның атқарған қызметі, антиядролық әлем құру жолындағы жргізген істері баяндалады. Сонымен қатар, жер шарының ядросыз әлем құру жолындағы Қазақстанның үлгі болары сөзсіз.

Summary

This article discusses how the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev showed exceptional leadership in making the right decision – to close the polygon. No less momentous step towards a nuclear free world – the refusal of your country of nuclear weapons.

International antinuclear « Nevada-Semipalatinsk » is a recognized leader in the global movement of non-proliferation of nuclear weapons and supports a number of initiatives to build a world free from nuclear weapons. This is a kind way of Kazakhstan, which is not only a symbol of disarmament, but also a symbol of hope for the future.

ТІЛДІК ҚҰНДЫЛЫҚ – ҚОҒАМДЫҚ-ӘЛЕУМЕТТІК ҚҰБЫЛЫС РЕТІНДЕ

А.С. Айдарбекова,

*ал-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің
әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының оқытушысы*

Ә.Қ. Қағазшай,

*ал-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің
әлеуметтану және әлеуметтік жұмыс кафедрасының
I курс студенті*

«Қоршаған ортаны тану барысында адам өмірден өзіне керек бөліктерді, яғни не нәрсенің керек, керек еместігін, не нәрсенің маңызды, маңызды емес екендігін, белгілі-бір нәрсесіз өмірін елестете алу, алмайтынын немесе мүлде керек емес екендігін шешеді. Осының нәтижесінде ол өзінің өмірге деген өзіндік құнды көзқарасын қалыптастыра отырып, айналадағы заттар мен құбылыстардың мағыналылығы мен маңызын айқындайды, әрі өміріндегі мағыналық және маңыздылық заңдылықтарына сай бағалайды. Әрбір зат, құбылыс немесе идея өзінше бағаланады, осыған сәйкес оның белгілі-бір құндылықтары айқындалады. Бұл қоғамға деген көзқарастың қалыптасуына, маңыздылығына, мағынасына негізделеді».

Тілдік құндылық – мәдениет құндылығы. Әрбір халық құндылықты өздігінше түсінеді. Қазіргі заман тілі құндылықты жаңа қырынан сараптауға мүмкіндік береді. Кеңестік кезең кезінде қазақтардың және орыстардың тілдік санасында маңызды орын алған жайттар бүгінгі күні кейінгі орынға түсіп, маңыздылығы, өзектілігі мен мағыналылығына сай басқа құбылыстар басымдылық танытып, қазіргі таңда жаңаша сипат алуда. Құндылықтың адам өмірінде алатын орны оның мәдениетінің көрінісі. Адам өміріне әсер ететін құндылық,

басымдылық, мағына мәдениетпен ұштасады. Кез-келген ұлт өкіліне жататын тұлға өзінің мәдениетіне тән ерекшеліктерді толық танып біле алмайды. Әрбір ұлт өкілі өз мәдениетінің ерекшеліктерін тану үшін басқа ұлттың мәдениетімен қақтығысқанда, қарым-қатынасқа түскенде ғана өзінің халықтық менталитетіне сай айшықтары айқындалады. Осы сәтте мәдени түсініспеушілік, мазасыздық, әлсіздік немесе дағдарыс туындайды. Түсініспеушілікті жою үшін тілдің мүмкіндіктеріне толық тоқталып, шынайылық пен сөйлеу мәдениетін, басқа тілдермен байланысын, мәдени маңызын, қазақ, орыс, ағылшын халықтарының тілдік ассоциациясына назар аудартады. Кез-келген халықтың этномәдени құндылықтары жеке тұлғаның өмірінде қандай рөл атқарса, қоғамдағы рөлі де орасан зор екендігі даусыз. Қоғамдағы әрбір тұлға арасында ақпараттар алмасады, сұрыпталады, қоршаған ортамен байланыс туындайды, эмоция, сезім, қарым-қатынастың түрлі жолдары қалыптасады.

«Адам санасында бір уақытта әрқилы мазмұндағы түрлі әрекеттер мен құндылықтар көрініс табады. Олар санада бір-бірімен байланыста жүйелі түрде белгілі біртәртіппен орналасады. Әрбір құндылықтың мәдени ортадағы алатын орны ерекше, онда адамның табиғатпен, қоғаммен, ортамен байланысы бейнеленеді. Қоршаған ортаның құндылықтарын бағалай отырып, әр ұлт өкілі өзінің көне мәдениетіне, шежірелеріне, жәдігерлеріне, әдет-ғұрпына ерекше мән бере отырып, соның негізінде өз ұлтының негізгі құндылықтар жүйесін қалыптастыра отырып, оны өмірінің нұсқаулығы ретінде қолдануы қажет. Осыған орай әр мәдениеттің өзіндік құндылық жүйесі қалыптасады. Осы жүйеде мәдениеттің тылсым қырлары ашылып, ерекшеліктері айқындалады».

Тілдің тіл саясатының биік ұғымы, барлық мәні оның қолдануында. Тіл мәдениетінің деңгейі, оның зерттелуі әрі қоғамдық қызметі арқылы көрінеді.

Тіл – қоғам өмірінің объективті құбылысы, ол бүкіл халық үшін бірдей және адамдар білген құбылыстардың алуан түрін түгел қамтиды.

«Тіл – қоғамдық құбылыс» деген тезисті ұсынбағанмен, тілдің қоғам өмірімен байланыстылығы, қоғамдағы орны, рөлі

деген мәселелермен XIX В. Гумбольдт еңбектері кейініректе туған лингвистикалық мектептердің тілдің әлеуметтік сипатына ерекше мән берулеріне түрткі болды. Бұл мәселеге Н.Я. Марр да ерекше мән берді. Жалпы тілді халықтың жан дүниесімен, ой-санасымен, тарихы мен мәдениетімен тығыз байланыста қарау В. Фон Гумбольдт, И. Гердер, Г. Пауль, В. Вундт, Г. Штейнталь, Э. Сепир, Б. Уорф, А. Потебня т.б. ғалымдардың есімдерімен байланыстырылады.

Қазақ зиялылары: А. Байтұрсынов, М.Жұмабаев, М.Балақаев, К.Аханов, Т. Қордабаев, Ы. Маманов, Н. Уәлиев, Р. Сыздықова, А. Жапбаров, Ә. Болғанбаев, С. Исаев, А. Ысқақов, Р.Әміров, Қ.Жұбанов т.б. ғалымдардың еңбектерінде «тіл» ұғымының сан қырлы жағына тоқталады. Тіл табиғатының қыр-сырына терең жан-жақты үңілу – ғалым А. Байтұрсынұлынан бастау алып, Қ. Жұбанов зерттеулерімен өз жалғасын тапқан. Ал, «Мәдениет» деген түсінікке тоқталатын болсақ, мәдениет – деген ұғымға беті-қолын жуғаннан бастап, адамзат ақыл-ойының қазіргі жеткен ең соңғы биігіне дейінгі барлық ұғым енеді, – деп М.И. Калинин атап көрсетеді.

Тіл мәдениеті оқушылардың тілін ұстарту міндетін жүзеге асырудың амал-тәсілдерін көрсетеді. Тіл мәдениеті негін нормалар оқушылардың таза, нақты, лайықты әдеби тілмен сөйлеуге, диалект сөздер мен дөрекі сөздерді қолданбауға, сөйлеген сөздері жатық, әсерлі, түсінікті болуын қадағалайды. Сонымен қатар, олардың мәнерлеп оқуын, сондай-ақ өз ойларын логикалық тұрғыдан байланыстыра, жүйелі жазу дағдыларын қалыптастыруға тиіс. Осы мәселені зерттеу тақырыбы ретінде ала отырып, алдымен тіл мәдениеті дегеніміз не деген сұраққа жауап іздедік. М. Балақаевтың жоғарыдағы мәдениет туралы айтқан анықтамасын ары қарай тіл мәдениетімен жалғастырсақ ол өз ойын былайша көрсетеді: «Тіл мәдениеті дегеніміз – тілдік тәсілдердің ширау, жетілу дәрежесі. Сонымен қатар, ол тіл жұмсаудағы ізеттілік, сауаттылық қана емес, тілдік тәсілдерді, фонетикалық, орфографиялық, орфоэпиялық, морфологиялық, синтаксистік, стильдік құбылыстарды ұқыпты, дұрыс қолдану дағдысы».

Тіл – рухани барлық құндылықтың негізі болғандықтан, әлемдік мәдениет пен өркениеттің дамуынан тысқары қала

алмайды. Белгілі бір ұлттың дамуы өзінің ұлттық тілін қазіргі жаһандану заманында сақтай отырып, оны одан әрі өркендетуге, қоғамдық қызметін сан сала бойынша кеңейтуге, сонымен қатар осы мақсаттағы іс-шараларының дұрыс ұйымдастырылып жүргізілуіне, демек мемлекеттік тілдік саясат пен бағдарламаларға тікелей байланысты. Тіл – ұлт болмысының көрінісі, ұлттық ой-сананың өлшемі. Сондықтан да ұлттық тіл мен ділдің бір-бірімен байланысы – өте күрделі. Бұл байланыстың қыр-сырын танып-білу, дұрыс түсіну, зерттеп-зерделеу қажырлы еңбек пен терең ізденісті қажет етеді. Тіл, ең алдымен, қоғамдық-әлеуметтік құбылыс. Әлеуметтік тіл білімі – тіліміздің қазіргі кездегі қоғамдық-әлеуметтік бағыттағы атқаратын қызметін зерттеп-зерделейтін қазақ тіл білімінің кейінгі кезде қолға алына бастаған саласы. Көптеген ұлт өкілдері тұрып, мекен етіп жатқан Қазақстан жағдайындағы қазақ-орыс тілінің, сондай-ақ қазақ тілінің еліміздегі басқа да тілдермен байланысы, олардың бір-біріне әсері мен ықпалы деген сияқты мәселелер – әлеуметтік лингвистиканың негізгі зерттеу нысаны болып саналады. Әлеуметтік тіл білімі, жоғарыда атап өткеніміздей, салааралық пән болғандықтан, негізінен, тілдің қоғамдық-әлеуметтік қызметін тіл және қоғам, белгілі жағдайға (қоғамдық, қызметтік т.б.) сәйкес сөйлеушілердің тілі ретінде қарастырады. Тіл әлеуметтануы – әлеуметтік ғылым, ол қоғамдағы өзекті мәселелерді шешуге бағытталған әлеуметтанудың саласы болып табылады. Мұндай өзекті мәселені зерттеуге біріншіден мемлекеттен қаржылық қолдау керек болса, екіншіден елімізде кәсіби дайындалған мамандар қажет. Осындай жағдайда ғана қазақстандық тіл әлеуметтануі әлемдік әлеуметтану деңгейіне сәйкестенеді. Қазіргі кезде мемлекеттік тілдің дамуына бірнеше жағдайлар жасалған:

1) қазақ тілінің мемлекеттік тіл ретінде дамуының құқықтық базасы құрылған («Қазақстан Республикасының тілдер туралы Заңы», «Қазақстан Республикасының Конституциясы»);

2) мемлекеттік тілдің дамуының басымдылықтары айқындалған (2001-2010жж. «Тілдің дамуы мен қызметі туралы мемлекеттік бағдарламасы»);

3) лингвистикалық негізі құрылған және көптеген теоретикалық сұрақтары қарастырылған.

«Тіл туралы заң» барлық азаматтарға тіл таңдауда еркіндік береді және кез-келген этностың дамуына теңдей құқық жасайды. ҚР-да тілдің теңдігі барлық халықтың горманальді этномәдениетінің дамуына жағдай жасалынған. Заңды-құқықтық және нормативті-құқықтық заңдастыру ҚР-ның Парламенті және үкіметімен қабылданған тілдер саясатымен қадағаланып реттеледі және ҚР-ның парламентінде іс-қағаздарында жүзеге асады. Бұл – ҚР-ның «тіл туралы заң» және «2001-2010жж. «Тілдің дамуы мен қызметі туралы мемлекеттік бағдарламасы».

Заңның маңызды жақтары:

- азаматтық қоғам екенін бекіту, этносаралық және конфессия аралық келісім;
- азаматтық қоғам құру, адамның құқығын қорғау және демократияны дамыту;
- жас ұрпақты жалпы адамдық ретінде рухани тәрбиелеу;
- дарынды балалар мен талантты жастарға жан-жақты қолдай көрсету;
- халықаралық гуманитарлық серіктестікті арттыру, мәдени білім беру орталықтарын арттыру;
- ұлттық мәдениеттің жетістіктері туралы презентация;
- Қазақстан халқының ұлттық мәдениеті, тілі, құндылықтары мен дәстүрлерінің пайда болуы [1].

Қазақ тілінің мәртебесін қанша көтермелесекте, оны үйреніп-білуге мемлекет тарапынан барлық жағдай жасалсада, қазақ тілін білмейтін көптеген отандастарымыз баршылық. Осының барлығы ақпараттық кеңістіктегі орыс тілінің басымдығына байланысты. Сол себептенде Қазақстанда «Жас қазақ үні», «Айқын», «Жас алаш» сияқты ұлтшыл газеттер мен ұлттық телеарналардың санын көбейту керек. Басты кезекте бүкіл ұлтқа ортақ басылымдарды көбейтуді жолға қоюымыз қажет. Шындық деп шырылдаған тәуелсіз басылымдардың саны да көбейетін болса, қазақ тілінің дамуына қосылған үлкен бір үлес болары сөзсіз. Қазақ тілінде сапалы басылым шығару, түрлі телебағдарламаларды эфирге шығару қазір кезек күттірмейтін мәселе болуға тиіс. Өйткені мұның артында тілдің даму саясаты тұр емес пе? Қазақстанның әлемдік қауымдастыққа белсене енуі, алыс-шетелмен байланыстардың күшеюі де тілдік ахуалға ықпал

етуде. Тұрғындар арасында ағылшын тіліне бетбұрыс күшті. Алдағы уақытта да мектепке, ЖОО-да ағылшын тілін оқып үйрету үдейе түспек. Мұның өзі қазақ тілін одан әрі әлсіретеді деген қауіп бар. Демек, дағдарыстағы мемлекеттік тіл даму үшін ол орыс тілімен де, ағылшын тілімен де жарысқа түспек. Бұл екі тіл де – нарықтық қатынастармен модернизациялау жолына түскен қоғамға ыңғайланған тілдер. Олар әлеуметтік, экономикалық, қаржылық инфрақұрылымдарға үйлесімді [2].

«Тіл мәдениеті дегеніміз – сөйлеудегі, жазудағы сыпайылық, ізеттілік қана емес, сонымен қатар айқын ойлылық, сөзді дәл айыру шеберлігі, сөйлеу өнеріне шыныққандық», – деп анықтама береді Н.Уәлиев өзінің «Сөз мәдениеті» атты еңбегінде.

Ал тілші-ғалым Р. Сыздықова: «Тіл мәдениеті дегеніміз – сөздерді дұрыс орнымен қолдану (лексикалық), дұрыс құрастыру (синтаксистік), дұрыс қиюластыру (морфологиялық), дұрыс дыбыстау (орфоэпиялық), сауатты жазу (орфографиялық), тілді әсерлі етіп жұмсау(лингвостилистикалық) нормаларын ұстану, орнықтыру, жетілдіру», – дейді .

«Тіл мәдениеті» негізінен «Сөз мәдениеті», «Сөзді орынды қолдану» деген ұғымды білдіреді. Өйткені, тіл мәдениетінің негізгі зерттейтін объектісі – сөз, сөздің дұрыс айтылуы, дұрыс жазылуы, дұрыс қолданылуы, сол арқылы ойдың айқын, әсерлі жетуі, екі ұштылықтың, күңгірттіктің болмауы. Соған орай тіл мәдениеті ғылымын үлкен екі салаға: ауызша сөйлеу мәдениеті, сөз қолдану мәдениеті деп бөлуге болады. Сондықтан сөйлеу мәдениетіне байланысты өтілетін практикалық сабақтарда ауызша сөйлеу тілінің ерекшеліктеріне көп көңіл бөлініп, қателерді тіл фактілері негізінде талдап, сырын ашып көрсетудің пайдасы зор.

Тіл байлығы – сөз байлығы. Ал сөз байлығы әр адамның лексикасындағы қолданылатын сөздердің санымен байланысты болғанымен, негізгі байлық – ой байлығы, сол сөздерді қиюластырып, әсем де әсерлі ой мұнарасын қалай білуде. Себебі сөзді көп біліп, бірақ оны орынды, ойлы, образды жұмсай алмасаң, одан не пайда? Ал сөзге көп мағына сыйғызып, әр сөздің парын, мән-мазмұнын, стильдік бояуын дөп басып беру ойлау қабілетімен, оның шығармашылық сипатымен ұштасып

жатады. Ал ой байлығына жету үшін тіл дамуының кешегісі мен бүгінгісі, лексикалық қабаттын баю, толығу жолдарын, тілде пайда болған жаңа құбылыстардың өміршеңдігін, бір сөзбен айтқанда, тілдің ішкі, сыртқы мүмкіншілігін жақсы меңгеріп, оған қамқорлықпен, жанашыр көзбен қадағалап отыру керек.

Қандай адам болмасын, ой-өрісінің, білімінің, мәдениеті мен рухани дүниесінің қаншалықты екені оның жазған жазуынан, сөйлеген сөзінен де байқалды. «Кісіге қарап сөз алма, сөзіне қарап кісіні ал», – деп ұлы Абай тегін айтпаған. Ана тілінің мол байлығын игерген, күдіретіне түсінген, күшіне тағзым етіп, бас иген адам өзіне де, өзгеге де талап қоя алады, сөзді қалай болса солай қолдануға жол бермейді. Сөз мәдениеті мен өз мәдениетін қатар ұстап, екеуін бірге әлпештеп, қамқор болса, ана тіліне деген сүйіспеншілігі арта түсері даусыз. Біздің қазақ жастарын ұлттық тәрбиеге баулу, олардың бойына ұлттық мінез-құлықты сіңірту сияқты мәселелер қазіргі қазақ қоғамының алдына қойылған мақсат болып отыр. Ұлттық тәрбие деп жеке тұлғаның ұлттық сана сезімі мен мінез-құлқының ана тілін, ата тарихын, төл мәдениетін және ұлттық салт-дәстүрлерді меңгеруі негізінде қалыптасуын айтамыз [3].

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Биекенов К.У., Садырова М.С., Садуакас С. Языковая социализация и формирование социального поведения личности. – Алматы: Қазақ университеті. 2007. – 392 с.

2. Сайын Борбасов «Қазақстандық ұлт» идеясының ар жағында қазақ ұлтын жойып жіберу мақсаты жасырынып тұр» //Жас қазақ үні. Ақпарат – 25 ақпан 2010 -1.

3. Бөлеев Қ. «Болашақ мұғалімдерді оқушыларға ұлттық тәрбие беруге кәсіби дайындау». – Алматы, 2004

Резюме

Авторы стремились раскрыть роль национального языка и его место в современном обществе. В статье язык указывается не только как средство общения, а также то, что он является общественно-социальным явлением.

Summary

The authors sought to uncover the role of the national language and its place in modern society. The article indicates language not only as a means of communication, and that it is a public-social phenomenon.

РОЛЬ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА КАК ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Г. Ж. Асылханова,

*профессор кафедры истории, географии и социальных
дисциплин Инновационного Евразийского университета,
доктор социологических наук, доцент*

В условиях трансформации современных обществ, перехода в Казахстане к демократии в рамках нового государственного образования, не имевшего аналогов в прошлом особенно актуальным становится роль национального политического лидера.

Одной из характерных черт казахстанского пути демократических реформ состоит в том, что инициатором большинства из них выступает Президент страны Н.А. Назарбаев.

С именем Н.А. Назарбаева неразрывно связано воплощение в жизнь многовековой народной идеи – возрождение национальной государственности, выразившееся в провозглашении в декабре 1991 года нового независимого государства – Республики Казахстан.

Успешному проведению экономических, политических и демократических преобразований во многом способствовала избранная народом модель государственного устройства в виде президентской республики.

Под руководством Н.А. Назарбаева как нового политического лидера развивался процесс конституционного строительства, который был закреплен в августе 1995 года общенародным референдумом, принявшим Основной Закон страны.

Неотъемлемой заслугой первого Президента является создание и развитие в Казахстане демократических институтов. Именно при нем стали конституционной нормой такие либеральные ценности гражданского общества, как право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, право создавать партии и общественные объединения, право на свободу вероисповедания.

Международное историческое значение имеет документ «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства».

В отличие от политики многих государств в нем дан стратегический курс развития Казахстана в условиях глобальных изменений.

В своем Послании народу Казахстана Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев 17 января 2014 года «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» отмечает, что «Стратегическое планирование в XXI веке является правилом номер один. Ибо никакой ветер не будет попутным, если страна не знает маршрута и гавани прибытия. Стратегия-2050, как путеводный маяк, позволяет нам решать вопросы ежедневной жизни людей, не теряя из виду нашей главной цели. Это означает, что мы ежегодно, а не через 30-50 лет, будем улучшать жизнь людей» [1, с. 2].

Программный документ «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» отражает широкий комплексный подход к развитию страны, в котором определено, что «главная цель республики состоит в создании к 2050 году общества благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда.

Для обеспечения условий ускоренного экономического роста необходимо сильное государство, т.е. такое государство, которое занимается не политикой выживания, а политикой планирования, долгосрочного развития и экономического роста.

Чтобы дать достойный ответ на эти вызовы, необходимо расширить горизонт планирования, совершив при этом очередной мировоззренческий прорыв, а также выстроить

новый политический курс нации до 2050 года, внутри которого продолжится реализация задач Стратегии-2030» [2, с. 1].

Личный авторитет политика и экономиста Н.А. Назарбаева во многом способствовал повышению инвестиционных рейтингов Казахстана на международной арене, плодотворному экономическому сотрудничеству со многими странами и международными финансовыми институтами мирового сообщества.

За короткий срок Глава государства сформировал взвешенную концепцию международного сотрудничества. Получили широкий резонанс и мировое признание многие глубоко продуманные инициативы Н.А. Назарбаева – закрытие Семипалатинского ядерного полигона, отказ от статуса ядерной державы, последовательная деятельность по обеспечению глобальной и региональной безопасности.

Н.А. Назарбаев стал инициатором создания таких международных образований как Содружество независимых государств, Таможенный союз, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский союз.

Н.А. Назарбаев уделяет огромное внимание налаживанию системного диалога культур, религий, цивилизаций. В 2003 году в Астане успешно проведен первый Съезд лидеров мировых религий под универсальной образной формулой: территория диалога – это территория мира и толерантности, начало движения к согласию, взаимопониманию и сотрудничеству.

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в последнем Послании народу Казахстана 17 января 2014 года «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» сформулировал следующую национальную идею – наш Мәңгілік Ел, наш достойный и великий Казахстан.

Он отметил, что «Мәңгілік Ел» – это национальная идея нашего общекзахстанского дома, мечта наших предков. За 22 года суверенного развития созданы главные ценности, которые объединяют всех казахстанцев и составляют фундамент будущего нашей страны [1, с. 12].

Общенациональные ценности, сложившиеся в период суверенного развития страны следующие: «Во-первых, это

Независимость Казахстана и Астана. Во-вторых, национальное единство, мир и согласие в нашем обществе. В-третьих, это светское общество и высокая духовность. В-четвертых, экономический рост на основе индустриализации и инноваций. В-пятых, это Общество Всеобщего Труда. В-шестых, общность истории, культуры и языка. В-седьмых, это национальная безопасность и глобальное участие нашей страны в решении общемировых и региональных проблем. Благодаря этим ценностям мы всегда побеждали, укрепляли нашу страну, множили наши великие успехи. В этих государствообразующих, общенациональных ценностях заключается идейная основа Нового Казахстанского Патриотизма [1, с. 12].

Большой вклад Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев вносит в развитие научной мысли, осуществление реформы системы образования. По его инициативе открыты Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования, Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахский государственный юридический университет, Назарбаев Университет, ряд лицеев и колледжей и Назарбаев Интеллектуальные школы.

Реализуется президентская программа «Болашак», по которой перспективная молодежь обучается в ведущих учебных заведениях мира.

Н.А. Назарбаев награжден высшим знаком отличия Казахстана – орденом «Алтын кыран» особого образца, а также рядом высших наград многих стран мира, международных и общественных организаций. Он является также Верховным главнокомандующим Вооруженными силами страны, председателем Ассамблеи народов Казахстана, Всемирной ассоциации казахов.

По признанию мировых экспертов, проводимые в Казахстане под руководством Н.А. Назарбаева преобразования являются одними из самых успешных в истории новых независимых государств, возникших на исходе XX – начале XXI веков.

Благодаря политике, проводимой Президентом, Казахстан приобрел статус стабильной и успешно развивающейся страны,

в которой царит межнациональное согласие, в которой постоянно повышается уровень жизни населения.

Именно эволюционный путь развития, постепенный процесс политической модернизации позволили Казахстану добиться реальных успехов во внешней политике, экономике, социальной сфере. Причем совершенствование демократического инструментария в республике началось сразу же после обретения суверенитета и продолжается постоянно.

Введение системы сдержек и противовесов, создание двухпалатного Парламента, конституционное закрепление свободы слова, выбора религии, многопартийность, развитие системы неправительственных организаций, создание Ассамблеи народов Казахстана – это лишь часть вех процесса демократизации.

Казахстанский опыт построения общества, в котором царит межнациональное и межконфессиональное согласие, перенимают уже многие страны. Реализация политики, в основе которой лежит ключевой принцип «от роста экономических показателей – к повышению уровня жизни граждан», принесла немало весомых результатов.

Это повышение размеров зарплат, пенсий и студенческих стипендий, коренное улучшение дел в сферах образования и здравоохранения, решение жилищных проблем.

Поэтому на состоявшихся внеочередных президентских выборах 3 апреля 2011 года за Нурсултана Назарбаева проголосовало 7850958 человек, что составляет 95,55 процента избирателей. Центральная избирательная комиссия приняла постановление о том, что по итогам выборов 3 апреля 2011 года Президентом республики Казахстан был избран Нурсултан Абишевич Назарбаев.

Обретение государственной независимости и трансформация одномерной партийной иерархии в Казахстане способствовали усилению роли политической элиты и лидерства.

Основой процесса политической дифференциации казахстанского общества выступило становление и развитие института президентства, ставшего ядром государственной системы.

Большую важность приобрели как исполнительские прерогативы президентства, так и символические функции главы государства, как гаранта единства народа и государственной власти.

Новая форма политического управления и основа политической стратификации – Президент, появилась в Казахской ССР в 1990 году. Трансформация политической стратификации приобрела форму президентской республики.

Специфика трансформации общества и государства определила свою динамику, способ и форму разделения властей, на первое место выдвинулась исполнительная власть. Казахстан стал развиваться по пути усиления президентской формы правления.

Президентская власть в Казахстане олицетворяет, по мнению казахстанских ученых, не только силу государственной власти и управления, но и ту базу, на которой происходит развитие механизмов саморегуляции ветвей власти, их органичное вплетение в глубинные пласты социальной культуры, специфичной для казахстанского общества.

В конечном итоге в казахстанских условиях президентская форма правления является одной из коренных предпосылок устойчивости всей политической системы страны.

Сильная президентская власть – закономерная необходимость, детерминированная сменой устаревших политических институтов, масштабами полиэтничного унитарного государства, переломом ценностных ориентаций идеологического характера.

Результаты социологического опроса, в котором выявлялось отношение социальных групп к эффективности функционирования различных ветвей власти, показали, что самая высокая оценка во всех исследуемых регионах Казахстана была дана работе президента республики Нурсултана Абишевича Назарбаева, 97,0% опрошенных позитивно оценивают его работу.

В рамках программы социологического исследования автором были опрошены методом анкетирования 1200 респондентов в Астане, Актюбинской, Карагандинской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях,

отобранных методом многоступенчатой комбинированной выборки.

Президента страны Нурсултана Абишевича Назарбаева поддерживают все социальные слои по уровню доходов: высокое, выше среднего, среднее, ниже среднего, низкое, очень низкое, особенно средние (22,4%), ниже среднего (32,8%); городское и сельское население.

Также население Казахстана возлагает свои надежды и ожидания на президента страны Н.А. Назарбаева как лидера нации по дальнейшей либерализации политической системы, как главного реформатора, с его деятельностью как политика связывают свои надежды на лучшее будущее 90,5% опрошенных, остальные политики по рейтингу находятся ниже с большим отрывом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана 17 января 2014 года «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее». – Астана, 17 января 2014 года

2. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». – Астана, 14 декабря 2012 года

Түйін

Мақалада Қазақстан Республикасының бірінші Президенті Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаевтың ұлы саяси көшбасшы ретіндегі рөлі қарастырылады.

Summary

The role of the First President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbaev as the outstanding political leader is considered in article.

ТҮРКІЛІК РУХАНИ ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯЛАУДЫҢ ҒАЛАМДЫҚ ДЕҢГЕЙДЕГІ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Б.М. Аташ,

*Абай атындағы ҚазҰПУ магистратура және PhD
докторантура институты, саясаттану және әлеуметтік-
философиялық пәндер кафедрасының оқытушысы, философия
ғылымдарының докторы*

Бүгінгі адамзаттық прогресс аясындағы болмай қоймайтын беталыс –жаһандану ұлттар мен ұлыстар үшін ерікті-еріксіз түрде талап етілетін ашық қоғам мен сұхбаттастық ұстанымын жариялап, әрбір субъектілер үшін өзінің жағымды және жағымсыз қырларын паш етіп келеді. Жаһандануды қабылдаудың психологиялық климаты аясындағы теориялық-бұқаралық санадағы пікірлердің бірі – этникалық болмыс тұтастығының дербестігі және оның өміршеңдігі, ұлттар мен ұлыстардың табиғи бірегейлігінің сақталу-сақталмауы дегенге келіп саяды [1,10-12бб.]. Осындай түйткілді мәселеге сәйкес, стратегиялық-футурологиялық жоспарлар аясында, еліміздің кейбір ғалымдары түркі халықтарының мәдени-рухани, экономикалық-әлеуметтік бірлігін негіздейтін жалпытүркілік идея жобасын ұсынып келеді[2, 2-9бб.; 3]. Бұл тұста, біз саяси бірлік немесе халықаралық деңгейдегі қатынастардың жобаларын емес, түркі халықтарының мәдени-рухани құндылықтарының табиғи-генетикалық, тарихи эволюциялық арнадағы бірнегізділігін басшылыққа ала отырып, тұтас рухани құндылықтарын сараптау, жүйеге келтіру, сұрыптау мен ілгерішіл жақтарын қайта жаңғыртудың негізгі бағдарларының ғаламдық кеңістік деңгейлеріндегі перспективаларын саралап өтпекпіз.

Біріншіден, бұл репрезентация – түркі халықтарының, оның ішінде халқымыздың да тарихи рухани құндылықтарына сәйкес келмейтін жағандану жағдайындағы әр түрлі жат психологиялық ықпал өрісі аясындағы идеологиялардан сақтану үшін қажетті бағдар болып табылады. Шындығында, қазіргі адамзаттық идеологиялық кеңістік арнасында, әрбір қауымдастық пен ықпалды күштер өзінің насихаттық-психологиялық түсініктерін жалпыға, нақтырақ айтқанда, барша адамзатқа тануға ұмтылу үстінде. Мәселен, еуропаландыру, қытайландыру, америкаландыру тәрізді ықпалдармен қатар әр түрлі діндердің насихатшылдық әрекеттері және оның жағымсыз арналары өрістей түсуде. Осы орайда, бұндай идеологиялардың керітартпа жақтарынан қоғану үшін, біз, қазақ халқы және басқа да түркі халықтары бұрынғы тарихи дәстүршілдік қағидасын және оны қазіргі заманға сай қайта жаңғырту идеясын қолдауды ұсына аламыз. Себебі, әр түрлі болмыс-бітімімізге сәйкес келе бермейтін идеологиялардың ықпалынан алдымен, руханилықты бетке ұстау арқылы сақтана алатындығымыз тарихи тәжірибеде бірнеше рет дәлелденген нұсқа.

Екіншіден, түркілік рухани құндылықтарды қайта жаңғыртудың тарихи қажеттілігі мен хронологиялық жағынан да мезгілі келіп жетті, бұл тарих таразысы мен сұранысының объективті шарты десек те болады. Кеңес үкіметі ыдырағаннан кейін түркі халықтарының егемендік алуы, Түркия мемлекетінің түркілік идея аясындағы мәдени ұмтылысы, ұмыт болып бара жатырған руханияттық деңгей т.б. оны қайта жаңғыртудың уақыты келгендігінің объективтілігін ерікті-еріксіз түрде паш етіп отыр. Шынайы тарихты тану, тарихи өзіндік сананың қалыптасып, дамуы бүгінгі күні осы рухани құндылықтарды қайта жаңғыртуды қалайды.

Үшіншіден, бұл мәселенің тағы бір өзекті қыры – жалпыадамзаттық рухани дағдарыстардың пайда болуы мен қылаң беруі. Ол утопия ма, әлде өмірдің шындығы ма, немесе әлеуметтік миф пе – бұл да күрделі мәселе. Бірақ көптеген зерттеушілеріміз әлемдегі рухани-моральдік дағдарыстардың беталысына қарап, құлдырау деңгейінде екендігі жөнінде дабыл қағу үстінде. Мысалы, кейбір ғалымдарымыз «тұтынатын

адам» дағдарысының руханияттықа жат қылығын, оның тым тұрпайы ерекшеліктерін ашып көрсетеді[4,334б.]. Егер біз жалпыадамзаттық рухани дағдарысты анық сезіп келе жатырған болсақ, сондай беталыс бар екен деп пайымдасақ, сөз жоқ түркілік рухани құндылықтарды қайта жаңғырту осы сәттегі сұранып тұрған өмірдің заңдылығына айналады. Түркілік тұтас руханияттық асқақтық әлемдік рухани дағдарыстардың ықпалында болмауды және оған тиісті емес екендігін де паш ете алады, мүмкін ол әлемдік рухани дағдарысты тежеуде өзіндік бір орнын айғақтап бере алатындай үлес қосуы да ықтимал. Тіпті болмаса, жалпы адамзатты моральдік дағдарыстардан құтқарып қала алатын үлгі жасап, оны ұсынуға да қабілетті екендігін естен шығармағанымыз жөн. Себебі, түркі халықтарындағы адамгершілік пен этика дүниежүзілік руханият кеңістігінде бұрын да айтарлықтай орын алған және осы сала бойынша тарихта ықпалды-қозғаушы күш болды деп те айта аламыз.

Төртіншіден, ол тек моральдік құлдырау ғана емес, адамзатты алаңдатып отырған экологиялық, экономикалық сияқты жалпы дағдарыстарды да шешуге мүмкіндік ашатын өзіндік үлгілерін ұсынуға құқықты және оның іске асуы ықтималдығы да төмен емес екендігін ескеруіміз керек. Мысалы, өркениетті елдердегі экономикалық-экологиялық дағдарыстар, артта қалушы мемлекеттердегі шабангдау қозғалыс, түптеп келгенде, орта деңгейдегі дамып келе жатқан түркі халықтарына болашақта осындай бір міндеттер жүктеген сияқты болып тұрады. Себебі, жақын болашақтағы экономикалық өрлеу перспективалары да түркі халықтарының еншісіне молырақ тиеді деп айта аламыз. Бұл өз кезегінде, дайын рухани-моральдік өнімдерді де әлемге таратуға мүмкіндік береді деген сөз.

Бесіншіден, бүгінгі таңда адамзаттық өрлеу мен ілгерілеу түркілік өмір салты мен руханияттық деңгейіне біршама қызығушылық тудыруда, ол дүниежүзілік мәдени аренада айтарлықтай беделге де ие болып келеді. Мәселен, қымыз бен шұбат сынды сусындар, ою-өрнектер, ұлттық аспаптарымыз т.б. қайсібір озық қоғамның талғамдарына сай келіп құрметтеледі. Тіпті болмаса, қазақтардың «жеті атаға дейін қыз алыспау» дәстүріне бүгінгі таңда әлем таң-тамаша қалуда десек те артық

айтқандық емес. Осы орайда, руханияттық деңгейімізді қайта сараптау, оның ғылыми-теориялық негіздерін реттеу, алдымен, бұл құндылықтарға иелік етуімізді, содан соң, түркі-қазақтық экзотиканы әлемге қайтадан таныстыруымызды заманауи тұрғыдан талап етуде деп айта аламыз.

Алтыншыдан, бүгінгі таңдағы іске асып келе жатырған жалпытүркілік экономикалық-саяси ынтымақтастық ұстанымының іргетасын құру, теориялық негіздерінің алғышарттарын жасау, тұтастық идеясының түпнегіздерін көрсету үшін, алдымен, руханияттық бірліктің терең тарихи-мәдени негіздерін қайтадан өрістету туралы концептуальді идеялар қажет. Бұл – рухани құндылықтарды қайта сараптау арқылы өзіндік бір жаңа белестерді тани алады.

Жетіншіден, түркі халықтарын тұтастай және оларды жекелей алғанда да, өзінің тұғырлы мәртебесін әлемдік саяси-мәдени аренада анықтайтын мезгілдің келіп жеткендігі де осы рухани құндылықтарды сараптап, қайта жаңғыртып, ешкімге ұқсамайтын төлтума ерекшеліктерімізді әйгілеудің бірден-бір себебі болып табылады деп айтуымызға болады. Бұндай заманауи талап түркі халықтарының әлемдегі орнының салмақты түрде айғақталуы, дүниежүзілік халықаралық кеңістікте өзіндік мәртебесінің нығаюы сияқты мәселелер шеңберінде руханияттық деңгейімізді паш ететін мезгілдің келіп жеткендігін әйгілеп тұрғандай. Осы орайда, «Необходимо научно-философское осмысление тенденций развития культуры этих государств, сохранения самобытности и специфики менталитета тюркских народов, как самоценного явления в общечеловеческой культуре», - деген пікір де [5,176.] біздің тұжырымдарымызды дәйектей түседі. Тарихтағы түркілік бірлік рухын еске алсақ, өткенге көз жүгіртсек, жер бетінде бірнеше түркі тектес халықтардың империялар құруы, шындап келгенде, зерттеушілеріміз атап көрсетіп жүргендей, олардың тарихтың қозғаушы күші ретінде танымал болуы, әлем халықтары өркениетіне айтарлықтай ықпал еткендігі т.б. [6,105-204бб.] шынайы тарихи әділ бағасын алуы тиіс. Тарихта түркі халықтары бірнеше рет империялар құрып, бірнеше рет ыдырап кеткендігіне көз жүгіртсек, келесі кезекте, ыдырау емес, бірлік қажет екендігі туралы алгоритм алынады.

Сегізіншіден, құндылықтарымызды қайта жаңғыртудың өзекті мәселелерінің бірі – олардың руханияттық кеңістік алаңынан жоғалып бара жатырғандығы мен жоғалып кеткен кейбір тұстарын қалпына келтірумен шартталады. Мүмкін, тек түркі халықтарына ғана емес, жалпыадамзатқа игі ықпал ете алатын руханияттық деңгей заманауи сұраныстардан туындап отырғандай деп болжамдауымызға болады. Бұл шындығында да солай. Мәселен, Ш. Ибраевтың: «Ал адамзаттың дамуына өлшеусіз зор үлес қосқан түркілік мәдениеттің орны мен бағасын, мазмұны мен даралық сипатын, құрамдас бөлігін зерттеу – түркілерге ғана емес, жер бетіндегі адам баласы үшін қажетті іс», -деген пікірі де [7,106.] жалпыадамзаттық рухани дағдарыстарды тежей алатын маңызды күштердің бірі осы түркілік руханиятта жатыр деген ойды меңзеп тұрған сыңайлы.

Тоғызыншыдан, бүгінгі таңда кез-келген мәселе саяси және капиталдық арнаға соқпай кете алмайды. Осыған байланысты түркілік қауымдастықтың саяси қауіпсіздігі мәселесіне қайта оралуымызға тура келеді. Бүгінгі араб-мұсылмандық әлем мен батыс арасындағы қайшылықтың туындауы түркі әлемінің тұтастығының болуы-болмауы талғауы үшін ой саларлық тәжірибе ғана емес, тағдырдың ескертуі мен іргелі түп мәселені туындататын футурологиялық жобаларды қажетсініп тұрған заманауи өмір шындығының қатал сынағына дайындалуды ниеттейтін сыңайлы. Бұл қарсы тұратын физикалық-саяси күресті ғана емес, алдымен, рухани тұғыр мен рух қуатының өміршеңдігі қағидасына сүйене алатын іргелі тұғырнама болып табылады. Сондықтан, түркілік рухани бірлік идеясы, түптеп келгенде, адамзаттың рухани тұтастығы мен ынтымақтастығының шағын жобасын жасап беріп, келешекте осы тұтастық аясына бүкіл әлемді біріктіретін орталық болып қалыптасуына мүмкіндік бар екендігін естен шығармағандығымыз жөн.

Қорыта айтқанда, түркілік рухани құндылықтарды репрезентациялаудың мындай ілгерішіл-оңды перспективалары туындайды: жаһандану жағдайында ұлттық құндылықтар мен түркілік құндылықтарды сақтап қалудың іргелі тетігін жасап беруі ықтимал; шынайы тарихымызды қайта қалпына келтіру мен дүниетанымымызды әйгілеудің негізін ұсына алады; тарихи

туыстық қалпымыз рухани құндылықтарды қайта жаңыртудың субстраттық іргетасын құрай алады; әлемдік саяси-мәдени, рухани-экономикалық аренада түркі халықтарының өзіндік беделін әйгілеудің қозғаушы күші болып табылады; әлемге түркілік рухани құндылықтарды паш етудің және оңды, тиімді, ұтымды тұстарын таратудың негізін құрауы тиіс; адамзаттың рухани құлдырау «жоспарында» өзіндік «мессия» ролін атқаруы тиіс екендігі жауапкершілігі жүктеледі т.б.

«Біз ұмытқан» тарихты реконструкцияласақ, адамзат эволюциясында түптүркі-түркі мәдениетінің адамзат өркениетіне айтарлықтай үн қосқандығы хақындағы ойлармен келісу әбден болады. Бірақ адамзаттың тарихи тағдырынан ешкім де «ақы сұрамайды», сондықтан, түркілік рухани құндылықтарды жаңғырту мен оның жалпыадамзаттық игіліктерін бүкіл әлемге тарату, мүмкін циклды қайта оралу үлгісі бойынша, тағы да түркі ұлысына әлем алдында үлкен жауапкершіліктер артып отырған тәрізді деп болжамдай аламыз.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности // Адам әлемі, № 4 (50) 2011. - С. 9-13.
2. Тайжанов А. Ғаламдасу: Түркілік таным мен тағылым//Жалын, №8, 2007, 2-9 бб.
3. Құсайынұлы А., Башарұлы Р. Жаһанданудағы ұлттық идея// Президент және халық. №5 (075), 2 ақпан, жұма, 2007 ж.
4. Абдраимова А.С., Мырзалы С. Рухани адамгершілік дағдарыс: себептері мен одан шығу жолдары//Шулембаевские чтение. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора философский наук, профессора К.Ш. Шулембаева. 2-4 марта 2012.-Алматы: КазНПУ им. Абая.-407 с-334-337бб.
5. Абаев Н.В., Аюпов Н.Г. Тенгрианская цивилизация в духовно-культурном геополитическом пространстве Централтной Азии.-Часть2. Алматы, 2010.-200с.
6. Әкім Ж. Қазақ идеясы. Түркі өркениеті негізінде.-Алматы: Өлке, 2006.-232 б.
7. Ибраев Ш. Халықаралық түркі академиясының құрылғанына 1 жыл//Түркі әлемі, №12(116), 2011ж.

Резюме

В данной статье рассматриваются проблемы возрождения духовных ценностей тюркского народа. Автор представляет научные теоретико-методологические основы развития духовных ценностей, а также моделирует практические аспекты его реализации и прогнозирует перспективы.

Summary

In the article the author considers the methodological problems of the revival of spiritual validity of Turkic people and organizes its functions, types, Genesis, journey, means of subsistence, preemstvennost'i drivers and the purpose of the Renaissance.

ТҮРКИЯДА ОРТА АЗИЯ МЕМЛЕКЕТТЕРІН ЗЕРТТЕУ ҮШІН ҚҰРЫЛҒАН ҰЙЫМДАР ЖАЙЛЫ

А.А. Ерболаева,

*Қазақ Гуманитарлық Заң университетінің әлеуметтік-
психологиялық пәндер кафедрасының оқытушысы,
әлеуметтану магистрі*

Ж.Е. Турманова,

*Қазақ Гуманитарлық Заң университетінің әлеуметтік-
психологиялық пәндер кафедрасының аға оқытушысы,
әлеуметтік жұмыс ғылым магистрі*

Түркия мен Қазақстан арасындағы рухани үндестік, әртүрлі бағыттағы байланыстар үзілген емес. Екі ел арасындағы саяси, сауда-экономикалық және мәдени-гуманитарлық байланыс жыл өткен сайын нығайып келеді. Оның үстіне түбіміз түркі деген ұран уақыт өте өміршең болып, екі ел арасындағы ынтымақтастықтың күшеюі басқа түркі елдеріне де үлгі болуда.

1991 жылы Тәуелсіздігімізді алғаш танып, еліміздің аяқтан тік тұрып кетуіне қол ұшын созған елдің бірі Түркия. Тәуелсіздігімізді алғаннан кейін 1992 жылдың наурызында Түркия Республикасы мен Қазақстан Республикасы арасында дипломатиялық қарым-қатынас орнату туралы хаттамаға қол қойылды. Осы екі ел арасында стратегиялық жоспарланған экономикалық байланыс күшейе түсуде. Әлеуметтік саяси позициясы мен ұстанған бағыттары, максаттары мен міндеттері сәйкес екі ел тарихи-мәдени жағынан да жақын туыстас. Оның үстіне Түркия мен Қазақстан Азия мен Еуропамен шектесетін, қос құрлықтың арасында жатқан ерекше көпір деуге болады.

1990 жылдардың басында Кеңес үкіметі ыдырағаннан кейін Орта Азия әлемдік аренада стратегиялық маңызды регионға

айналған болатын. Түркия елінің региондағы мемлекеттермен тарихтан келе жатқан дін, діл, мәдениет жақындығы бұл мемлекеттерде сөзін жүргізуге мүмкіндік туған кезі еді.

Түркия мемлекеті осы жағдайды жақсы пайдаланып, 1991 жылы тәуелсіздігін жариялаған Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекістан, Түрікменстан және Азербайжан мемлекеттерімен байланысын мәдениет саласында бастаған болатын. Қысқа мерзім ішінде мемлекеттің мәдениет саясатына жаңа бағыт беріліп, байланыстар экономикалық, саяси бағыттарға ауысады. Экономика, мәдениет, білім беру саласындағы екі жақты қой қойылған құжаттардың нәтижесі табиғи түрде, Түркия елінде жаңа ұйымдардың, әртүрлі дәрежедегі қорлардың, зерттеу орталықтары мен университеттердің және ортақ жобалардың ашылуына себеп болады.

Жалпы алғанда, Түркияда Орта Азия мемлекеттерін зерттеу үшін құрылған ұйымдарды былай бөліп көрсетуге болады:

- 1) Мемлекеттік ұйымдар немесе мемлекеттен қаржыландырылған ұйымдар (ТИКА, ТУРКСОЙ, ЕКО, ТУРК-ПА);
- 2) Университеттерде құрылған зерттеу орталықтары;
- 3) Тәуелсіз стратегиялық зерттеу орталықтары (АСАМ, ТАСАМ, ТУРКСАМ, УСАК және КОКСАВ);
- 4) Үкіметтік емес ұйымдар (қорлар мен қоғамдық ұйымдар).

Мысал ретінде ұйымдардың әрбір түріне қысқаша тоқталып өтелік.

Орта Азия мемлекеттерінің тәуелсіздігін алғанан кейін региондағы мемлекеттермен ресми байланыстарды жүргізу үшін құрылған ең маңызды ұйымдардың алдыңғы қатарына Түрік ынтымақтастық және координация басқармасы кіреді (тур. ТіКА – Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı).

ТИКА түркі тілдерінде сөйлегін елдердің барлығының дамуына жәрдемдесу мақсатында региондағы елдердің экономика, сауда, техника, мәдениет, білім беру салаларында ортақ жобалар мен бағдарламалар жүргізуі үшін 1993 жылы құрылады.

Қазіргі таңда ТИКА Еуропа, Азия, Африканың 37 елінде қызмет көрсетіп келеді. Ай сайын жасалған жұмыстарын Еуразия Бюллетень атты мерзімдік басылымын шығаруда. Түркия мемлекеті үшін ТИКА әр мемлекеттің есебін дайындап

береді. Бұл есептер мемлекеттердің территориясынан бастап, бүкіл салаларын қамтитын маңызды құжат болып табылады.

ТУРКСОЙ – (*мұп. Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi*) – Түркі мәдениетін және өнерін дамыту халықаралық ұйымы. Мақсаты түркі тілінде сөйлейтін халықтар мен елдердің арасында достық қатынастар құрып, ортақ түркі мәдениетін, тілін, тарихын, өнерін, әдет-дәстүрлерін зерттеп, жалпыға жария ету, дамыту, сақтау, болашақ ұрпақтарға мұра ету, баянды қылу, түркі дүниесінде ортақ бір тіл мен әліпби қолданылуы үшін тиісті орта және жағдай қалыптастыру. ТурксоЙға 1993 жылы 12 шілдеде Алматыда келсімге құрылтайшы елдердің өкілдері қол қойған. Түркия Республикасы ұйымның арқаушы елі болып тағайындалды. ТУРКСОЙ ұйымының ресми қызмет тілі – түрік тілі. Бас кеңсесі Анқара (Түркия) қаласында орналасқан.

Тағы бір мемлекеттік ұйымдардың бірі – түркі тілдес мемлекеттердің Парламенттік Ассамблеясы(ТУРК-ПА). Бұл идея ортақ мақсаттарды жүзеге асырудың қозғаушы тетігі ретінде «ақсақалдар алкасын» құру жөніндегі ұсынысынан туындаған болатын. 2008 жылы, 21 қараша күні Ыстамбұлда Түркі тілдес мемлекеттер Парламенттік Ассамблеясын құру жөніндегі және «Ыстамбұл Келісімі»не Қазақстан, Қырғызстан, Азербайжан және Түркия қол қояды.

Түркі тілдес мемлекеттер басшыларының Нахчыван кездесуінде қабылданған шешім бойынша Түрік академиясы ашылады. Түркі академиясы – бұл алғашқы және бірегей ғылыми-зерттеу орталығы деп танылады. Ғылыми-зерттеу орталығы түркі әлемінің рухани бірлігін нығайтудың маңызды буыны болуы тиіс. Ол жалпыадамзаттық өлшемдер арқылы түркі дүниесінің, сондай-ақ бүкіл әлемдік өркениеттің бай ғылыми және тарихи мұраларын терең ой елегінен өткізуге жәрдемдесетін болады. Академия ежелгі мәдениеттің жазба ескерткіштерін қалпына келтірудің өзіндік шығармашылық зертханасы болмақ деп күтілуде.

Бұрынғы Кеңестік түркітілдес республикалар тәуелсіздіктерін алғаннан кейін алғашқы ресми сапарға Түркия бас министрі Сүлеймен Демірел аттанады. Сапарға нақты ұсыныстармен дайындалған бас министір түрік тілдес республикалардан жыл сайын 10 мың студентті түрік жоғары оқу орындарына қабылдау

шешімін шығарды. Қазіргі уақытта түркі елдердің 23 жылдық ынтымақтастығында ең табысты жобалардан біріне айналған осы студент бағдарламасы аясында бүгінге дейін жыл сайын мыңға жуық Қазақстандық студент Түркияда білім алады.

Ф. Солақтың «Түркістан және Кавказ библиографиясы» еңбегінен 90 жылдары Орта Азия мемлекеттеріне қатысты 180 докторлық диссертация, 600-ден астам магистрлік диссертация жазылғандығын көруге болады.

Алайда 2000-2007 жылдар арасы академиялық ортада регионға қатысты ғылыми зерттеулердің төмен көрсеткіштері тіркелген. Бұның себебін, Ф. Солак былай түсіндіреді: «2000 жылдары Түркия мен регион мемлекеттері арасындағы байланыстар салқиндай түсіп, рационалды негіз қалыптасады. Әлемдегі басқа да жаңалықтардың алдыңғы қатарға шығуына байланысты, байланыстар тыныш халге келді» [1].

Сонымен, ұйымдар топтамасының екінші кезегі университеттерде құрылған зерттеу орталықтарына тоқталар болсақ, Түркия мемлекетінің 132 университетінің ішінде 76-дан аса регионға тиісті зерттеу институттары жұмыс жасауда. Ол зерттеу институттары регионға қатысты қандай саясат жүргізу керектігін негіздейтін зерттеулер жүргізуде.

Мысалы, Орта Шығыс техника университетінде Қаратеңіз және Орта Азия мемлекеттерін зерттеу орталығы, Гази университетінде Қаратеңіз мемлекеттері және Түрік мемлекеттерін экономикалық және әлеуметтік зерттеу орталығы, Бейкент университетінде Стратегиялық зерттеу орталығы, Окан университетінде Еуразия қолданбалы және зерттеу орталығы, Малтепе университетінде Еуразия орталығы, Стамбул университетінде Еуразия институты және т.б. бар.

Стратегиялық зерттеу орталықтары мемлекеттің саясатын бағыттап, ұсыныстар беріп отыратын бірден-бір ұйым. Сонымен қатар, зерттеу орталықтарының брифинг, семинар, конференциялар ұйымдастыру арқылы үкімет, үкіметтік емес ұйымдар, ғалымдардың арасында пікір-талас туғызып тақырыпты жандандыра түсуіне септігін тигізеді. «Дамыған мемлекеттерде мындаған стратегиялық орталықтар әртүрлі салаларда әлемнің қандай да бір мемлекетімен қысқа, орта және ұзын мерзімді

стратегиялық болжаулар жасау үшін ақпарат жинақтап, талдау жасайды. Мысалы, тек АҚШ-та 3 мыңнан астам, ал Еуропа елдерінде 10 мыңға жуық стратегиялық орталықтар мемлекеттің бақылауында жұмыстарын жүргізуде [2].

Түркияда да Орта Азия мемлекеттеріне қатысты жұмыс жасайтын стратегиялық зерттеу орталықтары бар. Олардың ішінде Еуразия Стратегиялық зерттеу орталығы (АСАМ), Түрік-Азия стратегиялық зерттеу орталығы (ТАСАМ), Халықаралық стратегиялық зерттеу ұйымы (УСАК), Түрік Стратегиялық зерттеу орталықтарын атап өтуге болады.

Түркия елінде Орта Азия мемлекеттерін идеологиялық тұрғыдан «Түрік әлемі» деп атап жатады. Осы «Түрік әлемі»не қатысты 1991 жылдан соң көптеген жеке қорлар, қоғамдық ұйымдар құрылған болатын.

Атап айтсақ, Түрік әлемі зерттеу қоры, Түрік мемлекеті мен этностардың достық, баруырластық және іскерлік қоры, Түрік әлемі жергілікті басқару мекемелерінің ұйымы, Еуразия диалогы платформасы алдыңғы қатарда тұрғандар десе болады. Сонымен қатар, Орта Азия мемлекеттерінің әлеуметтік-экономикалық жағынан көмек көрсетуге, региондан келіп Түркияда оқып жүрген студенттерге шәкіртақы төлеп жүрген Орта Азиядан көшіп келіп, Түркияда қоныс тепкен азаматтардың қоғамдық ұйымдары да бар.

Түркияда Орта Азия мемлекеттерін зерттеу үшін құрылған ұйымдарды саралай келе, олардың түп негізінде 4 түрлі бағыттағы ойдың немесе идеологияның жемісі екендігін көре аламыз.

Бірінші бағыт, «Пантюркизм, Тұран және Түрікшілдік» бағыты. Бұл бағыттың негізін түркі тілдес елдерден келген Қазан татары Жүсіп Акшора мен «тілде, істе және пікірде бірлік» идеясын қалыптастырушы Қырым татары Исмайыл Гаспыралы салған болатын. Гаспыралының идеясынан Түркияда тұраншы ұлтшылдар бағыты дамыған. Бұл бағыттың негізгі ойы Орта Азияға романтикалық сағынышпен қауышып, алып Түрік мемлекетін құру арманы болатын. Алайда бұл бағыттың регион жайлы ғылыми зерттеулер жүргізгендігі екі талай.

Екінші бағыт «Ислам және тарикатшылар» бағыты. Бұл бағыттың негізінде Қожа Ахмет Яссауидің шәкірттері Түркия

еліне келіп, халқын түркілендірген сенімі жатыр. Сондықтан олар Орта Азия мемлекеттеріне қарыздар ретінде сезінеді. Бұл бағыттың өкілдері үшін Орта Азия мемлекеттерінің қайтадан исламды қабылдауы өздері үшін де Ислам әлемінің болашағы үшін үлкен маңызға ие.

Үшінші бағыт, «Ататүріктің салған ресми республикалық» бағыты. Бұл бағыттың негізгі ойы Ататүрік көзі тірі кезінде «Түрік бірлігіне сенемін, оны көріп тұрмын. Кеңес Одағының түркі тілдес мемлекеттері бір күні тәуелсіздіктерін қолға алады, біз сол күнге дайын болуымыз керек», – деген сөзі мұрындық болған. Бұл бағыттың идеясы Кеңес Үкіметі ыдырағаннан кейін Орта Азия мемлекеттерімен шынайылыққа жанасатын саясат жүргізу болатын.

Төртінші бағыт, «Еуразиялық» бағыт. Еуразия бағыты ресейлік Александр Дугиннің қалыптастырған жаһандық идеясы. Алайда Түркияда еуразия идеясы екіге бөлінген, біріншісі А. Дугиннің идеясы болса, екіншісі Түркия бастаған еуразия түсінігі. Саясаттанушы-элеуметтанушы Александр Дугиннің идеясы Ресей империя басшысы, ал оның маңызды құрамдас бөлігі – түркі халықтары болғанымен, оның жартысы посткеңестік кеңістікте өмір сүрген мемлекеттер. Ортақ тіл де бар – орыс тілі. Алайда еуразиялық блок арқылы ықпал жүргізуді ойластырған Ресей үшін икемге келмей тұрған бір ел Түркия мемлекеті. Ал, Түркияның өз еуразиялық идеясы бар. Ондағы басшы –Түркия. Қалай дегенде де түркі әлеміне ықпал жүргізуге талас жүріп жатқаны анық.

Қорыта келе, Түркия елі Орта Азия мемлекеттерін өте жақынан және әр бағытта зерттегендігін көруге болады. 20 жылдан астам уақытта жасалған ынтымақтастықтың нәтижесінде ТҮРКСОЙ, Түрк Па, Түрік Академиясы, Ақсақалдар Кеңесі, Түркі тілдес елдер ынтымақтастық кеңесі, түркі дүниесі қала әкімшіліктері одағы сынды бір қатар ұйымдары құрылып, жұмыс жүргізе бастады. Бізді бізден жақсы білетін ел мен ұйымдардың бар болғандығы таңқалдыратын жайт емес. Аталған ұйымдардың барлығы белгілі бір мақсатты көздей отырып құрылған және белгілі бір саланың байланыстарының дамуына үлес қосқаны анық.

Алайда біржақты зерттеулердің айталықтай нәтиже бермейтіндігі тайға таңба басқандай. Түркияда Орта Азия

мемлекеттеріне қатысты 100-ден астам ресми ұйымдар, зерттеу орталықтары, үкіметтік емес ұйымдар, қоғамдық ұйымдар бар болғанымен, Орта Азия мемлекеттерінде (Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Азербайжан, Түркменстан елдерінде) Түркия мемлекетін зерттеу үшін құрылған ұйымдардың жоқтың қасы. Бұның себебі ретінде мамандардың аздығы, Түркия мемлекетіне қатысты қызығушылықтың жоқтығы немесе Түркия ғылым, білімде Батыстан қалай арта қалып жатса, Орта Азия елдері де солай болғаны ма деген ой туындайды. Дегенмен, Орта Азия мемлекеттерінде Түркия елін жақынан зерттеп жүрген ғалымдарымыз бар. Сондықтан осы ғалымдар арасындағы ынтымақтастық арттырылуы тиіс. Ал, бұндай жағдай тек тілдің ортақтығы нәтижесінде қол жеткізуге болатындығы белгілі.

Түркия және Орта Азияның түркі тілдес мемлекеттерінде ортақ тіл мәселесі сонау 1992 жылдың мамыр айында түрік тілдес мемлекеттердің мәдениет министрлерінің тұңғыш бас қосуында көтерілген болатын. 1992 жылдың 19-20 маусым күндері Ыстамбұлда өткізілген жиналысқа Азербайжан, Қазақстан, Қырғызстан, Түркменстан, Түркия, Өзбекстан және Солтүстік Кипир Түрік Республикаларының мәдениет министрлері қатысқан болатын. Онда ортақ тіл мен алфавит мәселесі көтеріліп экономикалық және саяси байланыстарға қоса мәдени ынтымақтастықтың маңыздылығы сөз болады. Бұл туралы Түркия еліндегі Миллиет газетінің тілшісі Намық Қочақ өз мақаласында, түркілердің мәдениет министірлерінің Ыстамбұлда бас қосқандарын, бірақ бірінің тілін бірі түсінуде қиыншылық туғанын назар аударады. Сондықтан кездесуде Орта Азияның түркі тілдес мемлекеттерінде қолданыста жүрген 300-500-дей ортақ сөздерді анықтап «Эсперанто» сияқты бір тіл пайда ету сөз болған.[3] 250 миллиондық түркі тілдес халықтардың тілдерінде өздеріне тән айырмашылық және байлықтарын бүкіл түркі халықтарының ортақ байлығына айналдыру, олар арасындағы түсіністікті күшейту барысында бір келкі әліппенің орын алуының маңызды болмақ.

Осы түрік және түркі тілдеріне қатысты қаншалықты ұйым жұмыс жүргізіп отырғанымен, түркі тілдес елдер арасында алфавит бірлігі әлі жүзеге аспады. Бүгінгі таңда түркі тілдес елдер арасындағы жоғарғы саяси, мәдени және шаруашылық

ұйымдар арасында ынтымақтастық пайда болып, ұйымдар жұмыс жүргізгенімен түркі тілдес халықтарының ғалым, жазушы, ақындар, іскер азаматтар және азаматтық ұйымдар арасындағы ынтымақтастық, араласу мен түсіністік одан көш кейінде қалып отырғаны назардан тыс қалмауда.

Қалай дегенмен де, түркі тілдес елдер арасындағы қол жетілген ынтымақтастық аталған ұйымдардың нәтижесі мен жемісі деп айта аламыз.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Fahri Solak «Türkistan ve Kafkasya Bibliografyası», Türk Dünyası Belediyeler Birliği Yayınları, Okutan Yayıncılık, İstanbul, 2007. s. 12.
2. İdris Bal, Düşünce Kuruluşlarının Gerekliği ve Türkiye, Türkiye’de Stratejik Düşünce Kültürü ve Stratejik Araştırma Merkezleri: Başlangıcından Bugüne Türk Düşünce Kuruluşları, (Ed) Hasan Kanbolat, Hasan Ali Karasar, İstanbul, Nobel Yayın Dağıtım, Şubat 2009 , s. 127.
3. Қара, Әбдіуақап, «Түркі дүниесінің 20 жылдық ынтымақтауы үрдісі және онда Қазақстанның рөлі», Түркі өркениеті және тәуелсіз Қазақстан, Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған «Түркі өркениеті және тәуелсіз Қазақстан» атты халықаралық конференция материалдары, Астана, 19-21 Мамыр, 2011, 18-38 беттер.
4. Ainur Yerbolayeva, Türkiye’de Orta Asya ile İlgili Faaliyet Gösteren Resmi Kurumlar// tez calismasi, Istanbul 2009.

Резюме

В статье рассматривается организации в Республике Турция ориентированные в Среднюю Азию и их деятельности. Они делятся на государственные организации, исследовательские центры при университетах, стратегические исследовательские центры и общественные организации.

Summary

This article investigates organizations in Turkey with focus on the Central Asian region as well as their activities. It also categorizes the various institutions into government-related financial organizations, academic centers in universities, strategic research centers, foundations and associations.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д.К. Есенова,

*старший преподаватель кафедры социологии факультета
социальных наук Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева*

В настоящее время в мире насчитывается около 35 тюркских языков [1.766]. Численность тюркоязычных народов составляет по оценке немецких ученых Бригит Мозер и Михаэля Вильгельма от 150 до 200 млн. чел. [2, 173]. Самыми крупными тюркскими народами являются турки (более 70 млн.), азербайджанцы (30 млн.), узбеки (28,3 млн.), казахи (13,8 млн.), уйгуры (9 млн.), туркмены (8 млн.), татары (7 млн.), кыргызы (4,5 млн.), башкиры (2 млн.), крымские татары (около 2 млн.), кашкайцы (проживают в Иране 1,7 млн.), чувашаи (около 1,7 млн.).

По религиозным взглядам большинство тюркских народов мусульмане-сунниты; азербайджанцы и кашкайцы – мусульмане-шииты; часть турок – алевиты; чувашаи, гагаузы, якуты и часть татар – православные христиане; тувинцы – буддисты-ламаисты; караимы и крымчаки – иудеи.

Только 6 народов имеют независимые государства (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Турция и Узбекистан), 13 проживают в автономиях (9 в России, по 1 в Украине, Молдове, Китае и Узбекистане). У остальных нет своего государственно-территориального образования.

Есть 3 организации тюркоязычных стран: Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), в которую

входят 14 государств и автономий, Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (Тюрк ПА) и Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), в которые входят Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция.

Кроме того, Шанхайская организация сотрудничества, объединяющая шесть государств-членов, пять государств-наблюдателей и три государства-партнера по диалогу, может стать площадкой для обсуждения проблем тюркских народов, населяющих эти страны. Такой же диалог возможен и в рамках Организации исламского сотрудничества, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Политическое устройство независимых тюркских стран

Все шесть независимых тюркских государств являются унитарными светскими республиками. Турция и Кыргызстан являются парламентскими, Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан – президентскими, а Казахстан – президентско-парламентской республиками.

Президенты Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана являются главами государств, в Азербайджане и Туркменистане – главами государств и исполнительной власти, в Турции – главой исполнительной власти. Президент избирается населением (за исключением Турции, где он выбирается парламентом) сроком на 5 лет (в Кыргызстане – 6 лет).

В Казахстане и Узбекистане действуют двухпалатные парламенты, в остальных – однопалатные. Верхние палаты парламента формируются на основе косвенных выборов (членами местных представительных органов) и назначения. Нижние палаты и однопалатные парламенты избираются на всеобщих выборах сроком на 5 лет (4 года в Турции) на основе пропорциональной (Казахстан, Кыргызстан, Турция) или мажоритарной (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан) избирательных систем.

Турецкая республика северного Кипра является самопровозглашенной независимой республикой, которую признала только Турция. Главой государства является Президент, который избирается на 5 лет. Парламент избирается на основе пропорциональной избирательной системы на 5 лет.

Статус тюркских народов проживающих в автономиях
Российская Федерация

Из 13 тюркских народов, имеющих автономные образования, 9 находятся в России. В составе Российской Федерации 83 субъекта, в том числе 21 республика, 4 автономных округов и 1 автономная область. Все тюркские народы проживают в республиках, которые, хотя и имеют свои конституции, государственные символы и языки, законодательные, исполнительные и судебные органы, не являются суверенными. Конституция России не признает за ними права на самоопределение.

Из 9 республик 4 имеют внешние границы с иностранными государствами (Алтай, Тыва, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия).

Глава республики (президент – в Башкортостане, Татарстане и Якутии) является и главой правительства, который избирается населением на 5 лет (в Республике Алтай – на 4 года), не может быть моложе 30 лет (кроме Якутии). На этот пост нельзя избирать одно и то же лицо более двух раз подряд (такого требования нет в Республиках Алтай, Башкортостан и Тыва).

Законодательные органы (Эль Курултай в Республике Алтай, Парламент в Кабардино-Балкарии, Государственный совет в Татарстане и Чувашии, Ил Тумэн в Якутии, Курултай в Башкортостане, Народное собрание в Карачаево-Черкессии, Верховный Совет в Хакасии) избираются населением сроком на 5 лет (в Республике Алтай – 4 года).

Республика Каракалпакстан (Узбекистан) имеет свою государственную символику: герб, флаг, гимн, конституцию и правительство. Главой Республики является Председатель ЖокаргыКенеса, а главой правительства – Председатель Совета Министров, который назначается ЖокаргыКенесом. Каракалпакстан обладает правом выхода из состава Республики Узбекистан на основании всеобщего референдума. ЖокаргыКенес избирается населением сроком на 5 лет.

Автономное территориальное образование Гагаузия (Молдова) также имеет свою государственную символику, уложение (основной закон). Высший представительный орган (народное собрание) и высшее должностное лицо (бакшан)

избираются населением на 4 года. В состав Гагаузии вошли территории, где гагаузы составляют более половины местного населения или где большинство населения изъявило желание войти в состав Гагаузии на местном референдуме.

Китайская Народная Республика

В КНР официально признаны 56 национальных меньшинств, из них 8 тюркских народов (уйгуры, казахи, киргизы, узбеки, татары, салары, желтые уйгуры, югуры), которые преимущественно проживают в Синьцзян-уйгурском автономном районе, где они составляют более половины местного населения. Салары также проживают в Синьхуа-саларском автономном уезде в провинции Цинхай. Югуры (15 тысяч человек) живут в Сунань-Югурском автономном уезде провинции Ганьсу.

Органами самоуправления в автономных районах являются собрания народных представителей (СНП) и народные правительства. СНП принимают местные законоположения. Местные народные правительства являются государственными административными органами на местах, они ответственны перед СНП аналогичной ступени, их постоянными комитетами и государственными административными органами, стоящими на ступень выше, и им подотчетны. Все местные народные правительства, находясь под единым руководством Госсовета (правительства КНР), управляют административными делами на своей территории.

КНР не признает за национальными меньшинствами права на самоопределение, но оказывает содействие в развитии национальных культур. Представители тюркских народов представлены в органах власти, в вооруженных силах. Имеются газеты и телепередачи на их языках.

Статус тюркоязычных народов, не имеющих государственности

В России имеются 10 малочисленных тюркских народов (долганы, кумандинцы, нагайбаки, теленгиты, телеуты, тофалары, тубалары, челканцы, чулымцы, шорцы), находящихся на грани исчезновения. Сибирские татары (около 200 тыс. человек) идентифицируют себя как часть татарского этноса, в то время как около 10 тысяч сибирских татар считают себя

отдельным этносом. Кумыки (около 0,5 млн. чел.), проживающие в Дагестане, Северной Осетии и Чечне, и ногайцы (более 100 тысяч человек), живущие в Дагестане, Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии, хотя и не имеют автономий, но имеют своих представителей в местных органах власти.

Тюркские народы Ирана (азербайджанцы, туркмены, кашкайцы, турки, халаджи) составляют 18 % населения страны. Азербайджанцы хорошо представлены на всех уровнях власти – в политической, военной, интеллектуальной и религиозной элите, имеют свои газеты и радиопередачи. Сейчас они поднимают вопрос об открытии национальных школ.

Иракские туркмены (туркоманы) являются третьей по численности народностью Ирака (после арабов и курдов) и играют важную роль в политической жизни страны, имеют свои политические и общественные организации (Иракский туркманский фронт, Туркманская народная партия, туркменский исламский союз, общество племен туркман Ирака), представлены в высших эшелонах власти. Они активно выступают за создание туркоманской автономии со столице в г. Киркуке.

Турки-месхетинцы (около 0,5 млн. чел) в 1940-е годы были депортированы из Месхетии (Грузия) в Центральную Азию. Большинство из них проживают в Казахстане (0,2 млн. чел.), России (80 – 110 тыс.), Турции (100 тыс.), Азербайджане (38 тыс), Кыргызстане (30 тыс.). Несколько тысяч проживают в США, Грузии, Узбекистане, Украине.

Среди других стран, в структуре населения которых имеется значительная доля тюркских народов можно выделить Афганистан (узбеки и туркмены, соответственно 9 и 3 % населения страны), Таджикистан (узбеки и кыргызы – 15,3 и 1,1 %), Австрию (турки – 1,6 %), Болгарию (турки – 8%), ФРГ (турки – 2,4 %) и Македонию (турки – 3,9%).

По оценкам в мире имеется не менее 35 тюркских народов, чья численность составляет порядка 150-200 млн. человек. Крупнейшими из них являются турки, азербайджанцы, узбеки, казахи, уйгуры, туркмены и татары. 10 малочисленных тюркских народов, проживающих на территории России, находятся на грани исчезновения. Тюркские народы исповедуют различные

религии: ислам, христианство, буддизм и иудейство.

Шесть тюркских народов имеют свою государственность. В России, Китае, Молдове и Узбекистане отдельные тюркские народы имеют автономии. Кумыки и ногайцы в России хотя и не имеют автономий, но имеют представителей в местных органах власти. Тюркские народы Ирана и Ирака не имеют автономий, но имеют возможность оказывать влияние на политическую жизнь этих стран.

Вопросы развития тюркоязычных народов можно обсуждать не только в рамках трех организаций тюркоязычных стран (ТЮРКСОЙ, ССТГ и Тюрк ПА), но и в рамках региональных организаций, таких как ШОС, ОИС, ОБСЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистических контактов ранних тюрков. – М., 2007.
2. Brigitte Moser, Michael Wilhelm Weithmann, *LandeskundeTürkei: Geschichte, Gesellschaft und Kultur*, Buske Publishing, 2008.
3. Конституции Турецкой Республики, Азербайджанской Республики, Республики Узбекистан, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Туркменистана, Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Республики Молдова, Украины.

Түйін

Мақалада түркітілдес халықтардың мемлекеттік-территориялық орналасуының саяси құрылымына, сондай-ақ автономиясы жоқ түркі халықтарының мәртебесіне салыстырмалы талдау жасалады.

Summary

The article is providing a comparative analysis of the political system of state-territorial entities of the Turkic-speaking nations as well as the status of Turkic people without statehood.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

А.Б. Есимова,

*доцент кафедры социальных наук Южно-Казахстанского
государственного педагогического института,
кандидат исторических наук*

З.Х. Валитова,

*доцент кафедры политологии и социологии Карагандинского
государственного университета им. Е.А. Букетова,
кандидат социологических наук*

Современное образование в мире переживает период перманентной трансформации, которая обусловлена адаптацией института образования к современным условиям, подвергающимся новым вызовам и рискам. На этом фоне все отчетливее проявляется роль высшего образования в успешном развитии страны.

Высшая школа Казахстана претерпевает период активного перехода к новым условиям и требованиям к профессиональной подготовке преподавателей и, следовательно, к студентам, их навыкам и умениям как будущих специалистов. Базовые изменения в системе высшей школы связаны с переходом на кредитную систему обучения, в ходе которой студент становится активным участником учебного процесса. Главной задачей учебных заведений является подготовка специалистов, соответствующих требованиям работодателей, имеющих высокую профессиональную квалификацию. Одним из важных факторов эффективного внедрения инноваций является

повышение школьной подготовки будущих студентов. Мотивация получения высшего образования должна быть основана не на факте получения диплома, а на получении знаний.

Основным качественным изменением современной высшей школы в Казахстане является активное внедрение инновационных технологий, как в преподавании, так и в целом в университетской жизни. Переход казахстанской образовательной системы от советской к европейской связан с внедрением новых принципов в образовании. Согласно современным требованиям вуз должен представлять собой учебное заведение инновационного типа. Учитывая, что под инновациями подразумевается все то, что можно отнести к нововведениям, новшествам, можно отметить, что в течении последних лет образовательная система находится в состоянии инновационных преобразований. Основная суть инноваций в системе образования связана с формированием непрерывного цикла: образование – наука – производство.

Одним из важных составляющих, которые будут продвигать внедрение инноваций в высшую школу, является рост мобильности студентов и преподавателей. Интеграционные процессы, происходящие в мировом сообществе во всех сферах человеческой деятельности, затронули также систему высшего образования. Вхождение вузов Казахстана в единое мировое образовательное пространство ставит целью достижение повышения конкурентоспособности образования и развития человеческого капитала. Как отмечает казахстанский исследователь Дайкер А.Ф. «В современном мире знания человека постепенно превращаются в основные ресурсы общества, а развития интеллектуальной личности становится основным источником общественного богатства. Эта идея также является одной из ведущих в создании единого образовательного пространства в котором интеграционные процессы осуществляется как по вертикали/интеграция внутри одной системы: дошкольное, школа, вуз, после вузовское образование и по горизонтали, предполагая открытость образовательных систем различных стран, которая проявляется в принципах отбора содержания образования, используемых методах и технологиях, образовательных и культурологических подходах» [1, с.38].

Открытость образовательных систем различных стран также предполагает мобильность и знание иностранных языков. В мире науки владение мировыми иностранными языками позволяет постоянно быть в курсе новейших разработок, теоретических выкладок, а также дает возможность участия в научных дискуссиях и в совместных проектах. Следует отметить, что одной из проблем высшего образования Казахстана является то, что преподаватели и студенты пока недостаточно свободно владеют английским языком, что тормозит активное взаимодействие с иностранными коллегами, а также широкое вхождение в мировое образовательное пространство.

Внедрение инноваций в высшей школе означает и введение новейших технологий управления в административной сфере. Это вызвано с тем, что для распространения новых принципов в образовании требуются качественные изменения методов руководства. Современные задачи, поставленные перед заведениями высшего образования, изменившаяся образовательная среда, высокая конкуренция на образовательном рынке диктуют новые требования к менеджменту в сфере образования, к руководству и организации образовательного процесса. Новая структура управления призвана стимулировать внедрение инновационных технологий в преподавании и активизировать научную работу преподавателей и студентов.

Как видно, модернизация сферы образования приобретает глобальный характер, и все отчетливее проявляется несоответствие классического образования современным вызовам. Как отмечает британский социолог З.Бауман «В мире, характеризующемся эпизодичностью и фрагментарностью социального и индивидуального времени, университеты, будучи обременены историческим опытом и чувством линейного времени, ощущают себя неуютно. Все, что сделали университеты в последние девятьсот лет, имело смысл либо при ориентации на вечность, либо в рамках доктрины прогресса; модернизи же избавила от первой, тогда как постмодернити обесценила вторую.... Нынешний кризис в сфере образования – это прежде всего кризис унаследованных институтов и философий» [2].

Образование как институт/система современного общества подвергается критической рефлексии в связи с неадекватностью вызовам современности (технологическим, социальным, экологическим), упрекам в самовоспроизводстве и дисфункциональности в условиях возникновения постоянных социальных рисков.

Сегодня изменились требования к содержанию и менеджменту образовательного процесса, увеличилась конкуренция на образовательном пространстве. Образование в Казахстане так же, как и в остальных постсоветских странах, институционально трансформируется, подвергаясь воздействию новых механизмов саморегулирования рынка труда, рынка образовательных услуг и профессиональной занятости. В создавшихся условиях повысились требования и ответственность высшей школы как института, в рамках которого происходит подготовка кадров для современной экономики.

Процесс реформирования образовательной системы носит динамичный и комплексный характер. Стремление перейти к обществу новой формации, «экономике знаний» побуждает государство реконструировать образовательные модели в соответствии с новыми требованиями времени. Целью высшей школы Казахстана является вхождение в европейскую зону высшего образования [3, с.45]. Одним из первых шагов в этом направлении явилось внедрение трехуровневой системы образования: бакалавриат – магистратура – докторантура.

Реформирование высшего образования Казахстана вносит существенные изменения в образовательную систему, перед которой поставлены задачи, решение которых должно повысить качественный уровень образования. Определены приоритетные направления, сформирована нормативно-правовая база, выстроена многоуровневая система получения знаний.

В настоящее время в Казахстане функционируют более ста вузов. Такое количество высших учебных заведений, безусловно, создает среду для конкуренции на образовательном рынке. Казахстанским вузам необходимо стать более конкурентоспособными, так как в современных условиях выпускники школ при выборе высшего учебного заведения

рассматривают возможность как учебы в стране, так и за ее пределами.

В рамках реформ образовательной системы в Казахстане взят курс на модернизацию в ее содержательном и институциональном аспекте. Одной из важной составляющей образовательной политики Республики Казахстан являются программные документы, которые вносят существенные коррективы в систему образования. Она охватывает внутренние аспекты ее функционирования – менеджмент, кадровый состав, содержание учебных программ, активизация исследовательской составляющей, академическая свобода. Затрагивает и внешние аспекты – взаимодействие с вышестоящими учреждениями, потребителями образовательных услуг, рынком труда, работодателями, академическая мобильность и др. Кардинально изменяется структурный «каркас» – оптимизация вузов, их автономизация, внедрение Попечительских Советов, исследовательских вузов, международная аккредитация и др.

За последние двадцать лет характерной тенденцией в системе высшего образования Казахстана «явился отказ от государственной монополии на образование, отмены централизованного руководства сферой образования и строгой регламентации деятельности высших учебных заведений. В результате на равных условиях начал развиваться негосударственный сектор высшего образования, свидетельствующий о создании рынка образовательных услуг, который, как и любой рынок, развивается по закону конкуренции. Государственные высшие учебные заведения получили право осуществлять прием и обучение на платной основе, тем самым были диверсифицированы источники финансирования высшего образования» [3, с.75].

Главным вопросом модернизации образования является качественный уровень подготовки специалистов. «В условиях глобализации массовый характер высшего образования и проблема качества вступили в противоречие. Появляется студенческий контингент с разными стартовыми образовательными уровнями и запросами. Поэтому высшее образование должно диверсифицироваться» [4, с. 27].

В Государственной программе развития образования на 2011–2020 гг. провозглашается «новое национальное видение: к 2020 году Казахстан – образованная страна, умная экономика и высококвалифицированная рабочая сила» [5]. В Послании Президента РК Н.А.Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050» подчеркивается, что «знания и профессиональные навыки – ключевые ориентиры современной системы образования, подготовки и переподготовки кадров» [6]. Поставлена задача подготовки высококвалифицированных кадров, ориентированных на актуальный рынок труда.

Реформирование системы образования как социального института, призванного обеспечить социальную модернизацию общества предполагает комплексный подход. Государством выделены *три приоритетных* направления модернизации системы образования Казахстана: оптимизация образовательных учреждений; модернизация учебно-воспитательного процесса; повышение эффективности и доступности образовательных услуг [7]. Целями модернизации системы образования в Казахстане наряду с повышением качества образования является удовлетворение потребностей рынка труда и решение задач индустриально-инновационного развития страны. Планируемое внедрение системы независимого подтверждения квалификации выпускников вузов и колледжей предполагается будет объединять рынок труда и образования за счет создания современных квалификационных требований к работникам. В этой связи, в программных документах особо подчеркивается задача повышения трудоустройства выпускников вузов согласно их полученным специальностям.

В работе «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда», а также в выступлении перед студентами Назарбаев Университета «Казахстан на пути к обществу знаний» Президент страны сделал акцент на подготовке высококвалифицированных кадров для современной экономики и подчеркнул, что успешность обновления системы образования – это ключевой фактор успеха всего модернизационного процесса [8].

Изменения в системе высшего образования происходят в пространстве европейских измерений и приводят к расширению интернационализации высшей школы, к развитию университетской науки, участию в различного уровня рейтингах, международных исследовательских проектах и др. В этом смысле модернизация казахстанской системы высшего образования происходит в контексте реформ системы высшей школы, осуществляемых во многих европейских странах. Основные тренды, такие как «децентрализация и демократизация управления; расширение автономии высших учебных заведений с одновременным усилением их подотчетности перед обществом; движение в сторону рыночных моделей организации, управления и финансирования образования» [9, с.13] встречаются на образовательном пространстве современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дайкер А.Ф. Интеграция как стратегия развития образования в условиях глобализации// Материалы международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в образовании: проблемы и перспективы», – Костанай, 2012, 536 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. Часть II. С сайта Центра гуманитарных технологий. <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4993/5005>. Просмотрено: 10.10.2013 г.
3. Национальный доклад о состоянии и развитии образования Республики Казахстан. Краткая версия. Астана. – 2011, 75 с.
4. Пак Ю. Заманчивый западный образец. Как приживается Болонская система в Казахстане//Современное образование. – №4(84). – 2011. – С. 26–29
5. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 07.12.2010 г. №1118
6. Послание Президента Республики Казахстан – лидера нации Н.А.Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства. С официального сайта Президента РК www.akorda.kz. Просмотрено: 15.01.2014 г.
7. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда// Казахстанская правда, №32-33. – 29 января 2013 г.

8. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. – 2012. – 10 июля; Назарбаев Н.А. Выступление перед студентами Назарбаев Университета // Казахстанская правда. – 2012. – 6 сентября

9. Ткач Г.Ф., Филиппов В.М., Чистохвалов В.Н. Тенденции развития и реформы образования в мире. М.- 2008. 303 с.

Түйін

Бұл мақалада Қазақстанның білім саясатының негізгі стратегиялық бағыттары және жоғары білім жүйесіндегі модернизациялау реформалары қарастырылады.

Summary

The article considers the main strategic directions of educational policy of Kazakhstan, and also reforms of modernization of the higher education.

КАЗАХСТАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ТЮРКСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Д.Д. Ешпанова,

*кандидат философских наук, доцент, главный научный
сотрудник отдела политологии Института философии и
политологии КН МОН РК*

Г.К. Курмангалиева,

*доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник
Центра фарабиеведения и компаративистских исследований
Института философии и политологии КН МОН РК*

Вот уже более двадцати лет в Казахстане идут процессы социально-экономической и политико-культурной модернизации. Обретение независимости и построение нового демократического государства в условиях глобализации оказали существенное влияние на изменение идентичностей казахстанцев. Если для казахов идентичность с новым Казахстаном поначалу прошла безболезненно, более того, в первые годы независимости наблюдалась эйфория, то в настоящее время ее идентичность, как и других этносов, проходит сложно и порой драматично. Поэтому так важно определить общенациональные ценности (в том числе и культурные) и интересы, находящиеся в центре реформ, которые объединяли бы различные социальные группы и влияли бы на процесс формирования новых идентичностей Казахстана.

Республика вступила в ту фазу исторического развития, когда наиболее важным становится не только определиться, как должно экономически развиваться общество, но и продумать,

как оно будет развиваться духовно-нравственно. В Стратегии «Казахстан – 2050» подчеркивается, что «мы вступаем в такой период нашей государственности, когда вопросы духовного будут иметь не меньшее значение, чем вопросы экономического, материального порядка» [1, с.88]. Речь идет о том, что волнует многих ученых, политиков, общественных деятелей, - как в условиях глобализации обезопасить духовно-нравственное и культурное развитие, определив казахстанский путь развития и сохранив уникальность Казахстана, оставаясь при этом полноценным партнером и участником общемирового процесса? Поиск культурной идентичности является адекватной реакцией на процессы обретенного суверенитета и необходимым условием становления и развития как национальной идентичности, так и, в целом, осуществления государственного строительства.

Начатые в условиях независимости Казахстана восстановление исторической памяти казахского народа и утверждение исторической сопричастности мировой истории не только формируют и воспитывают патриотизм и гордость за свою историю, но и вырабатывают в общественном сознании идею длительности и непрерывности историко-культурного процесса, проходившего на территории Казахстана. Она подводит к глубокому осознанию значимости некогда бывшей государственности тюрков и позволяет говорить об историческом прошлом казахского народа не только в контексте российской или советской истории, но и в контексте тюркской культуры.

Восстановление этого направления исторического прошлого в современной политике Казахстана – не только объективная закономерность в восстановлении забытых страниц истории, но и в написании новых. Оно, вряд ли, в современных условиях грозит созданием нового Туркестана, но оно – залог укрепления интеграционных процессов Казахстана с государствами Центральной Азии. «Тюркоязычность казахского, узбекского, туркменского, кыргызского, каракалпакского народов, - отмечал Н.А. Назарбаев, - свидетельствует о взаимосвязанности этногенетического и культурного процесса во всем казахстанско-среднеазиатском регионе в далеком прошлом» [2, с.108]. Поэтому важной задачей в современных условиях является укрепление

и развитие всех связей Казахстана с центрально-азиатскими государствами, с которыми его тесно объединяют не только общие этногенетические и культурные процессы в прошлом, но перспективы будущего демократического развития.

Перспективы, прежде всего, экономического развития Казахстана связаны с его интеграцией с центрально-азиатскими странами. Их сравнение с Китаем, Россией и др., как по трудовым ресурсам, так и экономическому потенциалу, показывает, что они уступают в этом своим соседям и для них необходима интеграция. Однако, возможно, в силу еще не забытого советского прошлого, когда очень многое для наших государств зависело от Москвы, а культурная самобытность принимала лишь внешнюю, атрибутивную форму, интеграционные процессы в регионе желают лучшего.

Думается, что именно сейчас, когда республики Центральной Азии стали суверенными, нам особенно важно, опираясь на культурное наследие прошлого, интегрироваться в международное сообщество, укреплять международное сотрудничество между исторически и духовно близкими народами. Как показывает опыт развития стран тихоокеанского региона, их экономический взлет в немалой степени был обусловлен культурными проектами, объединившими народы на фундаменте конфуцианской этики. И это способствовало укреплению консолидирующей тенденции в отношениях между ними.

Так же, как культурное наследие может выступить объединяющим фактором в межгосударственных отношениях, оно может сыграть позитивную роль в социально-политической трансформации постсоветских государств Центральной Азии, ибо невозможно строить будущее без основ, заложенных в прошлом. Оно незримо присутствует в мыслях, чувствах, поведении народов, сохраняется в материальных, так и духовных памятниках. Как отметил глава нашего государства: «У нас общие экономические интересы, культурно-исторические корни, язык, религия, экологические проблемы, внешняя угроза. О таких предпосылках архитекторы строительства Европейского союза могли только мечтать. Нам надо перейти к тесной экономической интеграции, двигаться к общему рынку и общей валюте. Только

так мы будем достойны наших великих предков, всегда видевших нас вместе»[3].

В своем Послании народу Казахстана от 18 февраля 2005 г. Н.А. Назарбаев выдвинул стратегическую инициативу – создание Союза центрально-азиатских государств. «Наша дальнейшая интеграция, - подчеркнул он, - это путь к стабильности, прогрессу региона, экономической и военно-политической независимости. Только в этом случае регион будут уважать в мире» [3]. В сложном глобализирующемся мире интеграция центрально-азиатских государств – требование времени. Несмотря на самостоятельный выбор социального, политического и духовного развития, между каждой страной центрально-азиатского региона сохраняется много общего, в том числе и общие духовные ценности, выраженные выдающимися мыслителями, жившими и творившими в этом регионе мира. Аль-Хорезми, аль-Фараби, Юсуф Баласагуни, Ходжа Ахмет Ясави, Махмуд Кашгари, аль-Бируни, Бахманйар ал-Азербайджани и многие другие выдающиеся деятели в равной степени являются творцами новой духовности наступившего века и тысячелетия, как в Казахстане, так и в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Туркменистане.

В чем же мы видим консолидирующее значение творчества этих мыслителей для современности? Прежде всего, в том, что они выразили гуманистические устремления своей эпохи, отразив их общечеловеческое содержание. Во-вторых, в своих научных изысканиях они показали мощь и силу человеческого разума, его неиссякаемую способность к познанию, вызывающую законную гордость человечества и спустя века. В-третьих, их творчество стало достоянием культуры всего человечества, а не только народов Центральной Азии.

Это творчество может стать той духовно-нравственной опорой, в которой нуждается современность, чтобы двигаться вперед и осуществлять воспитательную работу, ибо воспитывать молодежь, вступающую в жизнь в период рыночных отношений и ценностей демократии, на духовных достижениях советского прошлого малопродуктивно. Они противоположны рыночным отношениям и ценностям, культивируемым ими. Примеры, даже мужественных и героических периодов социализма, не имеют и не будут иметь в

ближайшем будущем того воспитательного эффекта, который они имели в предшествующие годы для старшего поколения.

Поэтому обращение к далекой в этом смысле истории – тюркской истории, к представителям тюркских народов, сыгравших значительную роль в мировой культуре и прочно вошедших в нее как ее лучшие представители, может стать продуктивным консолидирующим фактором интеграции между странами Центральной Азии. В этом смысле уместно провести аналогию с историческими изменениями в культуре, произошедшими в период Ренессанса, когда его идеологи, выступившие с позиций поднимающегося капитализма, негативно отнеслись к ближайшим им историческим временам. Определив их как «средние», и, отделив от своего времени и античности, они осудили их. Определив это время как эпоху мрака и подавления личности, идеологи Ренессанса обратили свои взоры к жизнеутверждающей культуре античного мира с его идеалом человека и культурного развития. Культурный подъем нашел свои питательные истоки в отдаленной истории, ближайшая же по времени вызвала отторжение. Политический эффект был получен на основе обращения к более далекой по времени, но более близкой по духу культуре.

Это во многом подтверждается и литературой, посвященной развитию философской и общественно-политической мысли данного региона. Достаточно просмотреть ее, чтобы убедиться в том, что в ней имеет место изложение взглядов всех мыслителей, о которых говорилось выше, как представителей интеллектуального и духовного творчества и Узбекистана, и Таджикистана, и Казахстана, и Кыргызстана. Дело в данном случае не столько в том, чтобы доказать, представителем какого этноса является тот или иной мыслитель, что в определенных отношениях важно, сколько в том, что духовные истоки прошлого делают нас близкими и понятными друг другу. Они – начало общности, залог интеграционных процессов, в которых нуждается современность.

Рассматривая духовное наследие прошлого с точки зрения исторической перспективы и роли в интеграционных процессах, можно утверждать, что оно способствует осуществлению

плодотворного диалога между народами Центральной Азии. Пронизанное общечеловеческими ценностями, оно может способствовать обновленной региональной интеграции. В качестве примера приведем результаты социологического опроса проведенного Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК еще в 2008г. (НИП «Общенациональная идея глазами казахстанцев» (социологический опрос). 2008-2009гг.). (См.: табл. 1).

Таблица 1

Согласны ли Вы с тем, что для Казахстана как тюркского государства самым главным является укрепление отношений с тюркскими государствами (Турцией, Азербайджаном, Киргизией, Узбекистаном, Туркменией), а не с другими государствами региона и мира?

	казах	русский	другой	общий итог
<i>Полностью согласен</i>	21,17%	9,27%	23,88%	19,15%
<i>Частично согласен</i>	35,97%	33,77%	25,37%	34,67%
<i>Частично не согласен</i>	10,84%	15,23%	13,43%	11,89%
<i>Полностью не согласен</i>	18,59%	31,79%	16,42%	20,90%
<i>Затрудняюсь ответить</i>	13,43%	9,93%	20,90%	13,39%

Обобщенно можно сказать, что общее количество в той или иной мере согласных составляет – 53,82% и несогласных – 32,79%.

В этническом срезе доля казахов полностью согласных с вопросом приоритета отношений с тюркскими государствами составила 21,17% и частично согласных – 35,97 %, вероятно, эта категория казахов не совсем уверена в приоритетности вышеназванного факта.

Доля русских респондентов полностью согласных в приоритетности отношений с тюркскими государствами намного меньше, всего 9,27 %. В то же время, среди них довольно высокий процент частично согласных – 33,77 %. Таким образом, русские респонденты более осторожны в оценке приоритета отношении с тюркскими государствами.

Полностью согласных с приоритетностью отношений с тюркскими государствами больше всего среди представителей других этнических групп – 23,88 %, и частично согласных среди них 25,37%.

Итак, более половины населения Казахстана осознает важность отношений с тюркскими республиками. Это говорит о том, что население Казахстана считает важным укрепление отношений с тюркскими государствами, возможно, это связано с геополитическими и этнокультурными факторами.

Как показывают данные социологического опроса 2012 г. (НИП ИФПР КН МОН РК «Социально-политическая активность казахстанской молодежи». 2012-2014 гг.), в оценке приоритетов межгосударственного сотрудничества ведущим является утверждение о том, что в настоящее время больше всего интересам нашего государства соответствуют союз и экономическое партнерство с Россией (33%). Почти одна треть казахстанцев (31,3%) высказалась в пользу того, что «Казахстан должен в первую очередь ориентироваться на свои собственные интересы, национальные традиции и ценности». За активизацию контактов с Западом высказались 7,1%, за укрепление связей с тюркоязычными государствами - 5,7% опрошенных казахстанцев, и 2,4% считают необходимым учитывать опыт модернизации стран Юго-Восточной Азии.

В этом, на наш взгляд, проявился парадокс Казахстана. С одной стороны, есть осознание значимости своей истории и культуры, возрождается историческая память народа, показывающая родственность и близость тюркоязычных народов. С другой стороны, сближение и укрепление связей с ними оказывается не на первых местах, что свидетельствует о том, что эти народы не осознаются в качестве близкородственных, тех, с кем в первую очередь хотелось бы связать свою жизнь. Все это говорит о низкой региональной идентичности.

На фестивале «Каспий – море дружбы», проведенном в г. Актау еще в 2006 году, была поднята проблема региональной идентичности прикаспийских государств, и, по мнению Р.К. Кадыржанова, трудность по налаживанию диалога в Каспийском регионе состоит в отсутствии региональной идентичности.

Его поддержал другой ученый Н.Е. Масанов, отметивший, что для полноценного диалога необходимо единое цивилизационное основание. Четыре из пяти прикаспийских государств - Россия, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан - имеют общее советское прошлое; в свою очередь, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран связаны общей религией. Эти факторы являются основой для сотрудничества, на которых и надо строить региональную идентичность. Идея региональной идентичности остается актуальной и настоящее время.

Таким образом, вывод достаточно ясен: для того, чтобы у народов Центральной Азии появилась региональная самоидентификация, нужно проводить определенную культурную политику. В целях ее реализации необходимо увеличивать и расширять комплекс идеологических, образовательных и воспитательных средств воздействия, посредством которых бы говорилось об общем культурном, цивилизационном, религиозном, этническом наследии, пропагандировалась бы симпатия к родственным тюркским народам, не идущая в то же время на конфронтацию с другими регионами.

Культурное наследие народов Центральной Азии создает предпосылки духовной консолидации народов в новых геополитических условиях. Она же может стать определенным гарантом эффективной интеграции в мировую культурно-политическую и экономическую общность стран в будущем. Движение центрально-азиатской интеграции в направлении создания союза центрально-азиатских стран сопряжено с предстоящей большой работой, и культурное наследие прошлого может и должно стать твердой опорой в этом процессе.

Казахстан находится на пересечении евразийского пространства и центрально-азиатского и поэтому вовлечен в два культурно-исторических и цивилизационных потока, которые нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. «Однако, - пишет Н.А. Назарбаев, - ни включенность в тюркский историко-культурный контекст, ни евразийский компонент мироощущения не составляют главного содержания культурной идентификации. Главное содержание культурной идентификации, и чем дальше, тем больше, будет связано с судьбами нашей общей

Родины – Казахстана с его уникальной историей и культурным ландшафтом, не сводимым в чистом виде ни к восточным, ни к западным культурным моделям. Понимание этого на первый взгляд тривиального обстоятельства очень важно для видения культурной и этнокультурной перспективы в ежедневно приближающемся новом тысячелетии» [2, с.145]. Таким образом, укрепление, прежде всего, независимости Казахстана, развитие его как демократического, обладающего самобытной национальной культурой, консолидированного и сильного государства откроет ему новые позитивные перспективы в общемировом развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (Астана, 14 декабря 2012 г.). – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2013. – 228 с.
2. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамура, 1999. – 286 с.
3. Назарбаев Н. Казахстан на пути ускоренной социальной и политической модернизации. Послание Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана. Казахстанская правда. 19 февраля 2005 г. №39. – С.3.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Р.К. Кадыржанов,

*главный научный сотрудник Института философии и
политологии КН МОН РК, доктор философских наук, профессор,*

А. Фазылжанова,

заместитель директора Института языкознания имени

А. Байтурсынова, кандидат филологических наук

Модернизация казахского языка представляет собой трансформацию казахского языка от языка эпохи традиционного кочевого общества к языку современного индустриального общества, отвечающего требованиям информационной эпохи. В Стратегии «Казахстан-2050» Президент РК Н.А. Назарбаев заявил: «Мы должны провести модернизацию казахского языка. Надо сделать язык современным» [1]. Модернизация казахского языка рассматривается Лидером нации как необходимая мера развития государственного языка до уровня консолидатора казахстанского народа как многоэтнического, многокультурного и многоязыкового сообщества равноправных граждан Казахстана.

Модернизация казахского языка представляет собой комплексную политику государства по развитию казахского языка как современного национального языка эпохи информационного общества. В этом качестве модернизация казахского языка включает в себя, как определено в Стратегии «Казахстан-2050», перевод казахской письменности на новый национальный алфавит на основе латинской графики, развитие терминологической системы казахского языка и, в частности, достижение консенсуса в вопросах разработки и утверждения

новой терминологии, развитие казахского литературного языка. В качестве одной из мер, способствующих развитию современного казахского литературного языка, Нурсултан Назарбаев предлагает «составить список как минимум сотни современных книг, написанных на современном языке, и перевести их по-современному на казахский язык. Возможно, надо объявить конкурс среди молодежи: пусть они подскажут нам, что им особенно интересно и полезно» [1].

Язык является средством вербальной коммуникации в человеческом обществе. Уровень развития языка как средства коммуникации определяется уровнем развития общества, уровнем разнообразия и сложности отношений, в которые вступают индивиды и группы. Для традиционного общества характерна простая социальная структура, язык в нем выполняет коммуникативные функции в семейном быту, традиционных производственных отношениях, в религиозных практиках и фольклоре. Современное индустриальное общество характеризуется значительным усложнением и разнообразием отношений, в которые приходится вступать человеку. Резкое усложнение экономических отношений, связанное с профессионализацией и специализацией видов деятельности, их технологическим оснащением приводит к появлению различных видов профессионального языка, специальных жаргонов и т.д. В современном обществе происходит качественное изменение информационной коммуникации, сферы образования, научно-технической сферы, политической и идеологической сфер, административного управления и многих другого. Все это предъявляет новые, гораздо более высокие требования к языку как средству общения в модернизированном обществе по сравнению с традиционным обществом.

По мнению некоторых специалистов, казахский язык в современном Казахстане остается на уровне вербального средства общения традиционного кочевого общества, не соответствуя требованиям модернизированного индустриального общества. Они считают, что казахский язык не обрел до сих пор необходимого уровня стандартизации всех своих основных элементов, включая лексический запас и терминологическую

емкость, чтобы служить средством коммуникации в научной, технологической, информационной и иных сферах общества эпохи глобализации [2].

Другие специалисты, напротив, считают, что современный казахский язык вполне способен служить средством коммуникации урбанизированного общества эпохи информационных технологий. По их мнению, казахский язык преодолел уровень кочевого общества еще в советский период, когда он стал использоваться в сфере образования, искусства, профессиональной литературы, драмы и других. Однако, по мнению ряда экспертов, развитие казахского языка в советский период носило искусственный характер и оно происходило под давлением коммунистической идеологии и русификации, под сильнейшим влиянием русского языка. Поэтому казахский язык нуждается в модернизации на собственной основе как государственный язык национального сообщества [3].

Стратегия «Казахстан-2050» представляет собой комплексную программу широкомасштабных реформ в экономической, политической, социальной, культурной и духовной сферах. В результате выполнения планов Стратегии Казахстан войдет в число развитых государств современного мира с передовой экономической и социально-политической системой. Модернизация казахского языка станет важным элементом реализации Стратегии «Казахстан-2050».

Модернизация казахского языка требуется, однако, не только для того чтобы сделать его соответствующим требованиям модернизированного общества. Модернизация казахского языка означает не только это, но и его совершенствование с целью сделать казахский язык привлекательным для других этносов, которые изучают его и будут в дальнейшем изучать как язык общего, повсеместного общения в Казахстане. Иначе говоря, модернизация казахского языка представляет собой важнейший инструмент национального строительства Казахстана.

Казахский язык наряду с казахским народом Елбасы определил как объединяющее ядро нации в Казахстане. Однако для того чтобы выполнять эту ответственную политическую и культурную функцию мы, казахи, должны совершенствоваться,

«мы должны быть достойными людьми, и тогда нас будут уважать, будут уважать нашу историю, культуру, традиции, язык», отметил автор Стратегии «Казахстан-2050» [1].

Только в своем модернизированном виде казахский язык может стать объединяющим ядром нации гражданского типа. В 2025 г., как отметил Нурсултан Назарбаев, «казахский язык станет главенствовать во всех сферах жизни, станет языком повсеместного общения. И это, безусловно, будет важнейшим достижением нашего государства. Наш суверенитет, наша независимость наконец-то обретут то, что скрепляет нацию, цементирует ее – это родной язык. Это главный бриллиант в короне суверенности нашего государства» [1].

В Стратегии «Казахстан-2050» Президент РК Н.А. Назарбаев обратил внимание на важность достижения терминологического консенсуса в казахском языке. «Мы должны провести модернизацию казахского языка. Надо сделать язык современным, искать консенсус в вопросах терминологии, раз и навсегда решить вопрос о переводе на казахский язык устоявшихся международных и иностранных слов» [1].

Терминологический консенсус можно определить как национальное согласие по вопросам перевода и правил формирования новых терминов в языке нации. Терминология языка, способы и правила перевода иностранных слов и превращение их в термины национального языка имеет важное значение для его развития. Благодаря терминам как выраженным в родном языке понятиям, человек способен понимать и изучать новые для него явления, объекты и процессы. Стандартизированный терминологический запас языка является свидетельством его богатства, мобильности и выживаемости в мировом лингвистическом пространстве в условиях унифицирующего воздействия глобализации на национальные языки и культуры.

Проблему терминологического консенсуса следует рассматривать в аспекте закономерного процесса формирования и развития национального языка, который получил название стандартизации языка. Практически все современные национальные языки прошли через процесс языковой

стандартизации, прежде чем они достигли уровня национального языка. Стандартизация языка предполагает выбор одного из близких диалектов, на которых говорят объединяющиеся в нацию этносы, в качестве основного и единственного диалекта, который затем получает статус и уровень развития национального языка. Дальнейшие шаги по стандартизации национального языка направлены на развитие всех лингвистических элементов и аспектов языка, включая, как один из главных, его терминологию.

В казахском языке нет диалектов и в этом аспекте его стандартизация была значительно облегчена. Неоценимый первоначальный вклад в стандартизацию фонетики, грамматики, письменности, лексики и других элементов казахского языка внес Ахмет Байтурсынов [2]. Кроме Байтурсынова большой вклад в становление и развитие терминологии казахского языка внесли К.Жубанов, Ж.Аймауытов, М.Жумабаев, И. Жансугуров, А. Ермаков, М. Ауэзов, Г. Мусрепов, К. Сатбаев, Ж. Кудерин, Т. Мусакулов, Б. Биримжанов, О. Жаутиков, А. Кобесов, К. Жарыкбаев и многие другие видные деятели казахской науки и литературы.

В советский период, когда в Казахстане появились профессиональная филология и лингвистика, были достигнуты значительные успехи в стандартизации казахского языка, включая и его терминологию. Несмотря на это для развития и стандартизации казахского языка имелись значительные ограничения, связанные с его малой востребованностью в большинстве социальных сфер советского Казахстана. Одной из главных причин такого положения была русификация казахского народа, в первую очередь, городских казахов, а ведь именно крупные города, центры экономического, культурного, образовательного, информационного развития Казахстана, были в то же время и центрами развития языков.

Проблемы терминологии остро встали сразу же с обретением Казахстаном независимости и соответствующим обретением казахским языком статуса государственного. Резко возрос уровень использования казахского языка в тех сферах, где он прежде по существу не использовался. Например, в дипломатии и других связанных с внешними отношениями сферах. Но

и в сферах внутренних отношений в обществе также резко возросла потребность в казахском языке и в терминологии на нем. Это касалось сферы высшего образования, науки, техники, информационных технологий и других.

Сразу же выявилась недостаточность терминологии в этих социальных сферах на казахском языке. Это стало одной из причин ограниченного применения казахского языка в социальной жизни, несмотря на его статус государственного языка. Практически во всех сферах казахстанского общества продолжается использование русского языка с его развитой и стандартизированной терминологией. В этой ситуации развитие казахской терминологии стало делом государственной важности. Ответом на эту потребность стало создание Терминкома, государственного органа, в задачу которого входит разработка новых терминов казахского языка и утверждение их для повсеместного использования.

Несмотря на это деятельность по переводу и созданию новых терминов носит стихийный характер. Слишком большой объем терминов в различных областях человеческой деятельности требует своего перевода и внедрения в казахский язык. Эта деятельность еще очень далека от сколько-нибудь удовлетворительного состояния. Особенно это касается международных и иностранных терминов. Здесь отсутствуют единые правила и единая стандартная практика, поэтому отсутствует удовлетворяющий всех перевод терминов.

В Стратегии «Казахстан-2050» Лидер нации подверг критике положение дел в этой важной социальной сфере. «Надо раз и навсегда решить вопрос о переводе на казахский язык устоявшихся международных и иностранных слов. Этот вопрос не должен решать круг обособленных деятелей. Правительству надо разобраться в этом. Есть одинаково принятые во всем мире термины, они обогащают любой язык. Мы же сами начинаем усложнять жизнь, вносим путаницу и сумятицу в умы, копошимся в архаике. И таких примеров немало» [1].

Из этого можно заключить, что Нурсултан Назарбаев призывает к терминологической стандартизации казахского языка, поскольку «решить раз и навсегда вопрос о переводе на казахский язык

устоявшихся международных и иностранных слов» [1] означает не что иное как создание единых и понятных всем правил такого перевода. Вслед за терминологической стандартизацией должны быть стандартизированы и другие элементы казахского языка, что будет означать его выход на новый уровень. Стандартизация терминологической сферы казахского языка будет означать достижение терминологического консенсуса.

В Послании Президента Республики Казахстан народу страны «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014 г. сказано: «Қазақ тілі бүгінде ғылым мен білімнің, интернеттің тіліне айналды. Қазақ тілінде білім алатындардың саны жыл өткен сайын көбейіп келеді.Енді ешкім өзгерте алмайтын бір ақиқат бар! Ана тіліміз Мәңгілік Елімізбен бірге Мәңгілік тіл болды. Оны даудың тақырыбы емес, ұлттың ұйытқысы ете білгеніміз жөн» [5].

Для разработки эффективных путей и механизмов модернизации языка необходимо иметь четкое и глубокое представление о языке, основанное на новых знаниях о нем. На сегодня во всех развитых обществах старые представления о языке как только средстве коммуникации расширились давно, даже в образовательных программах лингвистических специальностей в ВУЗ-ах выросло число предметов, рассматривающих язык как культурный и когнитивный феномен. Таким образом, необходимо знать новые, важные концептуальные компоненты дефиниции языка, наиболее объективно отвечающие требованиям современности и выявленные в результате исследований в мировой лингвистической науке. В условиях современного Казахстана ценностное содержание модернизации государственного языка важно усилить новыми научными знаниями о языке как о более высокой «живой» системе. Сжато и точно все эти знания можно передать следующими цитатами из исследований известных лингвистов XX века, повернувших ход лингвистической мысли:

«Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу,

без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, — это всего лишь иллюзия. В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками [6, 261].

«...Основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза. ...Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [7, 209 и сл.].

«Язык сделал наш биологический вид тем, чем мы являемся, и пока мы не поймем его по-настоящему... мы не можем надеяться понять самих себя. А пока мы не сможем понять самих себя, мы будем продолжать беспомощно наблюдать за тем, как созданный нами мир все дальше и дальше ускользает из-под нашего контроля» [8].

В свете представленных глубоких знаний о сущности языка необходимо понять, что модернизация казахского языка не должна ограничиться только мерами по стандартизации и реформированию его внешних ресурсов как алфавит и терминологическая система. Положительный результат будет только в том случае если будут раскрыты и задействованы его внутренние ресурсы, а также выявлены огромные системы народных знаний, скрытые в языковых, особенно в лексико-фразеологических единицах.

Также нельзя игнорировать или не брать во внимание и тот факт, что если понимать под модернизацией видоизменение, обновление в соответствии с новыми требованиями времени, то модернизация в языке происходит и происходило всегда. В лингвистических исследованиях казахстанских ученых постсоветского периода приведено немало доказательств актуализации многих процессов в казахском языке, которые в советскую эпоху были менее сильными, более сглаженными [см. об этом:9]. Социально-политические, экономические изменения в стране активно влияют на речевую практику носителя языка, раскрывая новые языковые возможности, актуализируя одни, деактуализируя при этом другие языковые ресурсы. Под воздействием внешних факторов «приходят в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам, в том числе и опять-таки по социально-политическим причинам» [10]. Так, например, обнаружились семантические и семантико-стилистические преобразования во многих лексических пластах казахского языка, в грамматических и др. формах; возросло количество новых лексических единиц, особенно терминологического характера, активно реконструируется национальное ономастическое пространство, активизировались словообразовательные процессы, ранее не проявлявшие себя, подверглись изменениям орфографические и орфоэпические нормы и т.п.

В лингвистической науке доказано, что языковые изменения осуществляются при воздействии внешних и внутренних факторов, однако следует отметить, что основа для этих изменений заложена в самом языке, его внутренних закономерностях. Несмотря на то, что язык и общество (носитель языка) развиваются по своим отдельным (автономным) законам жизнеобеспечения, все же неразрывно связаны. В силу этого различают процессы саморазвития языка и процессы стимулированные извне.

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике «возвратившая человеку статус меры всех вещей и вернувшая его в центр мироздания» [11] в центре и процессов саморазвития

языка, и процессов, стимулированных извне видит человека, т.е. носителя языка. Поэтому, не говоря о процессах трансформации в языке, стимулированных извне, которые само собой невозможны без действия общества как носителя языка, даже и внутренние процессы саморазвития языка не что иное как результат работы мозга, имыми словами языковой и речевой деятельности говорящего, т.е. общества, носителя языка.

В силу вышесказанного не трудно понять, что модернизация достигнет положительного результата и задуманного эффекта только в том случае, если будет активизирована речевая деятельность носителя. Для этого необходимо воздействовать на сознание носителя языка, т.е. поднять уровень его лингвистических и нелингвистических (культурных) знаний на казахском языке, повысить коммуникативную компетентность, основанную на казахском языке.

Это необходимо для того, чтобы носитель языка (отдельная личность, общество в целом) как субъект модернизации языка, во-первых, достаточно хорошо знал, если не обо всех, то хотя бы об основных языковых ресурсах, которыми он мог бы оперировать для создания новых, более приемлемых для него же самого элементов и единиц языка, способных обслужить все его потребности в современном мире. Во-вторых, воспользовался всеми видами и системами знаний о природе, человеке, обществе, скрытых в языковых репрезентантах (словах, прецедентных текстах, фразеологизмах, паремеологизмах, афоризмах, эталонах, стереотипах, метафорах и др. языковых средствах) для включения наследия прошлого в свой арсенал и на основе этого создания новых знаний. В-третьих, освоил картину мира, созданную на базе языка для сохранения и укрепления национальной идентичности, понимания уникальности и феноменальности национальной культуры и ее дальнейшего развития.

Язык модернизируется как под внешним воздействием (реформы, программы и т.д., как результат деятельности элиты, включающей в свой состав политиков, специалисты различных отраслей знания, лингвистов), так и под внутренним воздействием: интенсификация языковых инноваций как результат деятельности всех носителей языка. Поэтому модернизация

государственного языка может быть схематически представлена следующим образом:

Для результативности и эффективности государственной языковой политики и государственной политики в целом, направленных на модернизацию государственного языка, необходимо реализовать комплекс мер по двум направлениям указанным выше. Нами предлагается далеко не полный список системных мер по данному вопросу, который несомненно может и нужен подвергнуться дополнениям.

По активизации внешних возможностей языка:

- кардинальное реформирование казахского письма посредством перевода на новый национальный алфавит на основе латинской графики и все последующие меры как создание новых правил казахской орфографии, правил освоения орфоэпии, лексикографических, учебно-методических трудов и т.д.;
- комплексные меры по интенсивному развитию и модернизации терминологической системы: проведение научных исследований, организация совместной деятельности отраслевых специалистов и лингвистов по созданию и утверждению отраслевых терминов и т.д.;
- разработка и реализация долгосрочной программы по модернизации национальной ономастической системы;
- комплексные меры по созданию Национального корпуса казахского языка*;

* Национальный корпус казахского языка (НККЯ) - это открытая, постоянно пополняющаяся, расширяющаяся и углубляющаяся инновационная

- комплексные меры по повышению культуры языка и речи населения.

По активизации внутренних возможностей языка:

- комплексные меры по повышению количества граждан, владеющих государственным языком: создание инновационных методик обучения, направленных массам – обучение государственному языку в онлайн-режиме и т.д.;

- поддержка НИР по казахской лингвистике и другим отраслям гуманитарной науки, направленных на изучение вопросов и решение проблем модернизации казахского языка;

- комплексные меры по выявлению, сбору, систематизации и внедрению в содержание образования народных систем знаний, сформировавших и формирующих научное, эстетическое, политическое, историческое, государственное, правовое, культурное сознание общества, сокрытых в языковых единицах казахского языка: стимулировать деятельность по внедрению результатов программы «Культурное наследие» в содержание образования РК и др.;

информационно-справочная система, сбалансированная и представительная по объему (300 миллионов словоупотреблений), оснащенная всеми возможными видами полной, глубоко аннотированной и удобной разметки, поддерживающая функционирование государственного языка и обслуживающая потребности в лингвистических знаниях широкого круга пользователей, требующая непрерывной научной и технической поддержки; уникальный справочник, превышающий возможности всех вместе взятых словарей и грамматик, созданных трудом многих поколений лингвистов-лексикографов: корпус по запросу в течение секунд предоставляет исчерпывающий массив информации о языке, сопровождая их статистическими данными, расширяет эмпирическую базу и придает особую объяснительную силу лингвистическим исследованиям, позволяя ставить принципиально новые задачи и получать более точную картину языкового существования и доказательства функционирования в казахском языке конкретных явлений. Главным и важным из многих других назначений НККЯ является то, что корпус казахского языка как эффективный и современный способ описания и поддержки государственного языка во всем объеме его выразительных средств и возможностей способен всемерно способствовать развитию национальной культуры и укреплению национально-государственной идентичности, формированию общей культуры и, как следствие, консолидации казахстанского общества, а также расширит эмпирическую базу казахского языкознания, снабдит его статистическими данными и предоставит исчерпывающий массив информации о казахском языке (определение профессора Э.Д.Сулейменовы).

- комплексные меры по подготовке высококвалифицированных специалистов – лингвистов, IT-специалистов, культурологов и др. кадров, необходимых для успешной реализации всех мер по модернизации казахского языка;

- пересмотреть в свете когнитивного модуля* в лингвистике концепции обучения казахскому языку во всех звеньях образовательной системы РК.

* В противовес структурному модулю, по которому язык рассматривался вне человека, вне общества, а «внутри себя и для себя», т.е. как «средство общения» (технократическая точка зрения), по когнитивному модулю язык рассматривается как система знаний языкового сообщества, отражающая его дух, сознание, духовность, т.е. культура и язык как две стороны одного явления – языка в контексте культуры, Обучение казахскому языку в РК на лингвокогнитивной основе предполагает погружение в интракультурное языковое пространство, а при обучении русскому и английскому – интеркультурное межъязыковое пространство. Интракультурное языковое пространство – система знаний, формирующаяся в общественном сознании языкового коллектива на основе внутреннего потенциала собственного языка/культуры, а интеркультурным межъязыковым пространством – является система знаний, формирующаяся в сознании языкового коллектива на основе взаимодействия с другим культурно-языковым социумом.

В семантике слов и словосочетании содержатся поверхностные и глубинные знания, но для раскрытия их недостаточно обучения только номинативному аспекту, т.е. поверхностному значению, а также важно обучить еще и глубинным знаниям, содержащим в себе миропонимание этноса, его материальную и интеллектуальную культуру, духовно-нравственные и религиозные, моральные и эстетические предпочтения – все эти значения сливаются в единое культурно-языковое целое и составляют концептосферу этноса. Целостность языковой семантики и культурной семантики в сознании этноязыкового коллектива образует интракультурное языковое пространство. Обучение государственному языку вне этого пространства, или же только языковой семантике единиц языка, игнорируя культурную семантику, приведет к неполноценному восприятию языка, к механическим навыкам и поверхностным знаниям, зачастую не дающим результатов, что во многих случаях заканчивается пустой тратой государственных средств и времени на обучение.

Поэтому в целях повышения эффективности преподавания, а также усиления идентифицирующей функции языка, расширения не только языковых, но и всех остальных видов предметных знаний, необходимо разработать концепцию преподавания не только курсов казахского языка и литературы, но и всех предметов на казахском языке на лингвоконцептологической основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана – Алматы: ЮРИСТ, 2013. – 48 с.
2. Жүкешев Қ. М. Мемлекеттік тіл: қазіргі күйі және даму философиясы. – Алматы, 2008.
3. Қайдаров Ә., Айтбайұлы Ө. Тіл майданы. – Алматы: Арыс, 2000.
4. Байтұрсынов А. Тіл тағылымы (қазақ тілі мен оқу-ағартуға қатысты еңбектері). – Алматы, «Ана тілі», 1992, 448 бет.
5. Послание Президента Республики Казахстан народу страны «Казахстанский путь-2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014 г. // Казахстанская правда, 18 января 2014.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс Универс, 1993.
7. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Языки как образ мира. М: Издательство АСТ; С.-Пб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 202–219.
8. Bickerton, D. Language & Species. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1990. в статье: А. В. Кравченко «Гипотеза Сепира-Уорфа в контексте биологии познания»//Вопросы когнитивной лингвистики 1, 2007. – С.5–14.
9. Уәли Н. Қазақ сөз мәдениетінің теориялық негіздері. филол.ғыл. докт.дисс. – Алматы, 2008.
10. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. Москва: Логос, 2001. - 304 с. <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-004.htm#i40>;
11. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64–72.

СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО: СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ И ПРОБЛЕМЫ

Т.Ж. Калдыбаева,

*профессор института магистратуры и PhD-докторантуры
КазНПУ им. Абая, доктор социологических наук*

По существу речь идет о мирном существовании государства, как главного института политической системы общества и институтов религии, функционирующими в недрах данного общества. На основе озабоченности государства, не безразличного отношения к жизнедеятельности религиозных организаций лежит то, что верующими, носителями той или иной теологической мысли и миропонимания являются граждане, жители этого же государства. Главным связующим звеном между государством и религиями выступает закон, разработанный и принятый с учетом, с одной стороны возможной меры свободы веры и вероисповедания, с другой, меры социального контроля со стороны главного социального института общества, который несет ответственность за судьбу государственности и граждан общества, включая верующих.

Отделение религии от образования и государства не ставит действия религиозных организаций вне государства, по той причине, что носителями религиозных верований являются составляющая народа общества часть населения – взрослые и молодые люди. И они в качестве гражданина общества несут ответственность перед государством и одновременно пользуются социальной, политической, экономической культурно-психологической защитой со стороны государства. Поэтому не может быть и речи об абсолютной свободе

верующих от государства, речь идет лишь о свободе выбора веры и вероисповедания. С одним условием, что данная вера, вероисповедание и поведение, действия на основе веры не противоречат коренному интересу и стратегии государства. Это та азбука, которая должна быть усвоена каждой религиозной организацией и верующими, чья жизнедеятельность протекает в пространстве, например казахстанского общества.

Религиозная вера индивида основывается на его вере о существовании сверхъестественной священной всемогущей силы и выражается в поведении и поступках по отношению к настоящей всемогущей силе, которая существует в мыслительном воображении верующего, выражается в формах, способах и степени верования. Религия и теологическое сознание возникнув на начальном этапе жизнедеятельности людей, в результате их беспомощности перед «капризами» и «секретами» природы, в течение веков глубоко проникли в образы и стили жизни различных сообществ жителей планеты, литературы и искусства, архитектуры. Вне религиозной психологии и образа жизни своего времени не оказались даже некоторые представители науки.

Какие мысли и желания, в основном, приводят граждан к мечети, церкви и иным институтам традиционных и нетрадиционных религиозных организаций? На наш взгляд, элементы теологического мышления, вера в существование сверхъестественной священной силы, желание вступить с ней в мысленное общение, поделиться с ним сокровенным в душе, со своими внутренними переживаниями, взамен получить душевный покой; покаяние перед сверхъестественной священной силой за совершенные, на свой взгляд, недостойные поступки, желание самоочищения; желание с помощью священной силы обрести душевно и жизненно востребованное; желание общения, побывать в среде сообществ сомыслителей. По существу, все это – социально-психологические явления. Другое дело, когда лидеры некоторых нетрадиционных религий, и их последователи преследуют иные социально-политические интересы, религия и религиозные ритуалы являются лишь инструментами организации, мотивации верующих

для реализации преследуемыми ими антиобщественных, антигосударственных, античеловеческих задач. В данном случае деятельность подобных лжерелигиозных организаций вступает в противоречие с интересом государства, социума общества в целом, безопасностью не только государства, но и верующих данных религиозных течений, сект, культов и деноминаций. В результате автоматически оказываются в объекте внимания государственных структур и социума общества. Однако вызывает сожаление не разборчивость и доверчивость немалой части социума, включая молодое поколение, ограниченность их социального и социально-психологического иммунитета и недостаточность мыслительной трезвости, ясности мышления. Когда речь идет о светскости государства, на самом деле рассматриваются различные аспекты социальных отношений и взаимоотношений в обществе, общественно значимые аспекты социального и асоциального поведения и поступков. В объекте внимания находятся взрослые, молодые граждане страны и социальное настроение, ценности, психология субъектов данного государственного строя. Отсюда, не может быть и речи о невмешательстве государственных ответственных структур в дела религиозных объединений, когда с их стороны допускаются одурманивания верующих, насаждение агрессии, противогосударственных настроений, нетерпимости в отношении других религий и угроза субъектам защищающих общество структур, применяются методы верования разрушающих личности и др.

Чем обоснован возросший интерес граждан Казахстана, казахстанской молодежи к религиозной вере, в то время, как например, в «старой» Европе активизируется процесс секуляризации? Значит, есть причины для этого. На наш взгляд, основными причинными основами являются: ощущения своего бессилия перед реальным натиском реальности жизни – культурная и экономическая бедность, страх перед социально-экономической неопределенностью, желание найти опоры жизни для себя, хотя бы мысленно; локальные войны и беспорядки, проявление дикости и агрессии в окружающем микро и макром мире, поиск душевного успокоения; надежда на помощь

всевышнего в критической ситуации в жизни, подать «руки» некому кроме всевышней силы: которые умоляют, просят его о жалости, милости и доброте всевышнего; влияние верующих родителей на детей и молодежь, а также верующих сверстников; традиции и психологические установки окружающихлюдей, для которых быть верующим модно; харизматические влияния субъектов вероучения – священнослужителей, верующего учителя, уважаемых коллег или религиозных символов, «святых» личностей; чрезмерная идеализация религиозной веры и ритуалов, роли и места религии в общественном сознании и в образе жизни; слабая просвещенность об истории, реальности и социальных смыслах религии и различных религиозных организаций и др.

В настоящее время мы являемся свидетелями взаимосвязанных двух факторов: все большей активной политизации религии и религиозизации политики в современном мире и в регионах мирового сообщества. Именно на этой почве возникли и разрастаются экстремистские и террористические стремления. Мир не получил в связи распадом социалистической системы ожидаемой спокойной жизни без политического противостояния и без гонки вооружения. Взамен наступила историческая эра противостояния на основе религиозного различия и различия внутри религиозных направлений. Старт получен с событий 11 сентября 2011 года. Субъектами нагнетания мировых региональных противостояний оказались не мелкие сообщества, а лидеры некоторых мировых держав и эгоистических религиозных экстремистских организаций. Как говорится, в одночасье по их воле и убеждению часть планеты оказалась в положении обостренного идейного противостояния. Политизация религии достигла своего небывалого апогея. На этой волне почти повсеместно стали возникать воинствующие группировки и организации на основе искаженных теологических учений и их различных течений. Начались активные военные действия и завоевания под знаком борьбы с религиозными террористами и экстремистами. В некоторых странах борьба за политическую власть обретает окраску борьбы с религиозными террористами и антитеррористами. Угрожающая опасность

заставила искать пути и механизмы ее сдерживания. Причем с участием мировых традиционных религий. Астанинская инициатива и астанинские съезды мировых религий выступили объединяющей, консолидирующей площадкой и трибуной на этом пути. Декларация съезда 2006 года является документом, который выражает всеобщее стремление верующих сообществ к миру и согласию, объединению усилий и возможностей в деле преодоления экстремистской психологии и действий на почве религиозных противоречий. В целом, сложившаяся ситуация в мире, в отдельных регионах и государствово актуализирует идеи, политики и реальности светскости государств. Возрастает значение научного рассуждения над самими понятиями «Светскость» и «Светское государство». Какие основы и меры в состоянии обеспечить мирное сосуществование институтов религии и государств в условиях современных реальностей? Ответ имеет особое значение и для казахстанского общества.

Понятие «Светскость» применялось в прошлые столетия. Например, в социо-историческом времени просветителя-политика Ибрая Алтынсарина, который стоял у истоков открытия светских русско-казахских школ в казахской степи (первая половина XIX столетия). До этого в казахской степи функционировали лишь религиозное образование, к развитию которых царской властью были мобилизованы татарские муллы и священнослужители. Русско-казахские школы назывались «светскими» и их открытие было продиктовано необходимостью подготовки знающих русский язык местных служителей власти. Царское правительство проводила весьма активную работу по распространению религиозной веры (мусульманскую и христианскую) среди казахов, видя в ней эффективное средство реализации колониальной политики. Казахские мыслители (Ш. Уалиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев, С. Торайгыров, Ахмет Байтурсынов, Алихан Бокейханов) видели в миссионерской деятельности на территории казахской степи политику одурманивания народа, противодействие образованию, науке, культуре, без чего о цивилизованном развитии Степи, о формировании социального и политического сознания родного народа не могло быть речи.

В светских русско-казахских школах обучались не только будущие местные чиновники Российской державы, но и на их базе выросла плеяда Великих политиков-просветителей, сделавшими главным смыслом своей жизни формирование и развитие социального сознания казахов, достижения политической свободы и образование казахской государственности. Их социально-политические мысли и взгляды актуальны и в настоящее время, в условиях состоявшегося независимого казахстанского государства.

Социальный смысл светскости государства стал предметом обсуждения и переосмысления власти и интеллектуальной среды многих стран. Передовую позицию в переоценке ценностей занимает Франция. В этой стране в 2013 году государством принята новая Хартия светскости государства.

«Светское государство» не ставит общество вне религии, не ставит институты религии вне государства. Социальный смысл светскости, по нашему мнению, заключается в высокой социальной ответственности верующих граждан страны и высокой социальной ответственности институтов религии, которые функционируют в недрах данного государства. Свободы веры и вероисповедания дело сугубо личностное, внутреннее социально-психологическое состояние индивида, лежащего на основе осознанного выбора и поведенческой ориентации. Однако данный индивид существует и действует в рамках государства, государственности, принципов и нормативных основ которого нельзя нарушать. Плюс к этому, верующий индивид является гражданином данного общества, пользуется правами и обязанностями в пределах Конституции государства, а также индивид, его жизнь, гражданские интересы защищены законом, то есть государством. Нет никакой основы и причин с его стороны для подрывных и экстремистских действий против государства, который защищает его же человеческие и гражданские интересы. То есть, светскость государства – это высокая социальная культура граждан общества. Если не только государство, но и религиозные организации будут стремиться к высокой социальной, духовно-образовательной культуре, то светскость государства станет естественным состоянием,

реальностью общества. К сожалению, реальность настоящего времени еще далеки от идеала светскости. Радикальные политические силы использует социально-экономические трудности и другие жизненные проблемы в качестве мотива обострения ситуации, делают религию орудием борьбы в достижении своих корыстных целей, играют сокровенными чувствами верующих, направляя их на неоправданные асоциальные поведение и поступки. Основное большинство священнослужителей мыслят не масштабно, то есть в масштабе государственного интереса, культурно-просветительские работы носят однобокий, узкий, неэффективный характер, порой не согласуются с моральными нормами. Нельзя считать высокоэффективными деятельность государственных структур в силу их слабого знания социально-психологических тонкостей во взаимоотношении государства и религии. Особым объектом внимания является общеобразовательная школа, когда молодежь школьного возраста «разрывается» между верующими родителями и светским образованием с одной стороны, между верующими учителями и требованиями светского по Конституции государства. Особой преградой на пути светскости государства выступают вмешательства извне различного характера, для которых деструктивные религиозные образования и носители их идеи являются «находкой» для подрыва общества изнутри, подрыва социальной стабильности и социального согласия в стране.

Вопрос светскости упирается в состояние общественного сознания в целом, социальных ценностей и ориентации граждан, трезвости их социального мышления. Подводя итоги нашего размышления над социальным смыслом светскости государства, отмечаем, что светскость государства – это: социально-психологическая защищенность верующих граждан общества от религиозных отклонений, антиобщественных, антиконституционных поведений и поступков; социально-психологическая и физическая защита граждан общества от угроз и насилия, основанными на религиозной вере; соблюдение со стороны религии, религиозных организаций и верующих морально-нравственных норм общества с одной

стороны, нравственных принципов основных норм базовых документов традиционных религий, с другой; активная и обоснованная борьба со стороны государства проявлениями девиантного религиозного вероучения, верования, так как они направлены на подрыв личности граждан государства и носят антиобщественный характер; так как верующие являются гражданами и жителями государства, государственные органы обязаны защищать их социально-психологическое здоровье и здоровой жизнедеятельности, одновременно и социальную стабильность в обществе; религии не должны навязывать государству, государственной политике нормы и проявления теологического мышления; государство невмешивается во внутренние дела религии, религиозных организаций, если с их стороны не допущены нарушения государственных социально-политических ценностей, общепринятых норм морали, культуры общества и законов государства; право социального контроля и регулирования, защита безопасности государства и его граждан остается за Государством.

Түйін

Мақалада әлеуметтанушы ғалымның мемлекеттің зайырлығы, оның әлеуметтік мәні мен алғышарттары туралы ойын баяндайды.

Summary

In the article highlights the reflection of the scientist sociologist of social nature of secular state and its premises.

**РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(опыт социологических исследований
в Павлодарской области)**

О.Е. Комаров,

*профессор кафедры экономики, права и философии
Павлодарского государственного педагогического института,
кандидат социологических наук, доцент*

Как отметил Президент страны, Лидер нации Н.А. Назарбаев «Мы должны приложить все усилия для дальнейшего развития казахского языка, который является главным фактором объединения всех казахстанцев» [1].

По справедливому утверждению члена-корреспондента НАН РК З.К. Шаукеновой «владение государственным языком, наряду с овладением и другими культурными инструментами нации (традиции и обычаи), является одним из заметных факторов определенного социального комфорта, успешной адаптации тех или иных этнических групп к общественным процессам» [2].

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена тем, что оптимальное решение языковых проблем является основным фактором стабилизации межнациональных отношений, укрепления сплоченности людей и сохранения общественного согласия.

Языковая ситуация может являться предметом социологического анализа, поскольку с методологической точки зрения язык можно рассматривать как социальный процесс, так как правильно отмечалось доктором социологических наук, профессором З.К. Шаукеновой «языковые процессы выражают изменения, происходящие в современном обществе» [3].

В соответствии с чем, социологической группой Региональной Академии Менеджмента под научным руководством автора, в июле-августе 2013 года были проведены ежегодные социологические исследования по проблемам развития языков и формирования банка данных о языковой ситуации среди населения Павлодарской области [4].

Основным методом исследования являлся социологический опрос в форме стандартизированного анкетирования. **Целевой группой исследования являлись** респонденты трудоспособного возраста (от 18 до 60 лет), репрезентованные по полу, национальной принадлежности, возрасту. Общий массив выборочной совокупности составляет 3000 жителей Павлодарской области.

Основным показателем, характеризующим языковую ситуацию, является высокий уровень владения населением казахским языком, государственный статус которого определен Конституцией страны.

Рассматривая степень владения населением казахским языком в зависимости от национальности, следует отметить, что 91,5% – казахов; 33,1% – русских и 44,1% – других национальностей относительно свободно владеют языком государства на бытовом уровне, то есть понимают речь и могут объясняться, а также свободно говорить, читать и писать (см. Рисунок 1).

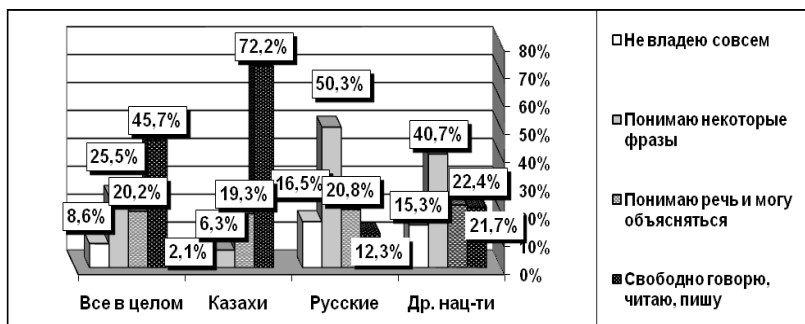

Рис. 1. Как владеют государственным языком граждане разных национальностей (в % от числа опрошенных)

Большинство граждан трудоспособного возраста относительно свободно владеют государственным языком (понимают речь и могут объясняться, а также свободно говорить, читать и писать)(в возрастных группах от 18 до 29 лет – 63,5%; от 30 до 49 лет – 67,5%; от 50 до 60 лет – 67%). Одновременно две противоположные тенденции обнаружены в возрастной группе от 50 до 60 лет, где 11% – совершенно не владеет языком государства и при этом 47,8% – свободно говорит, читает и пишет на казахском языке.

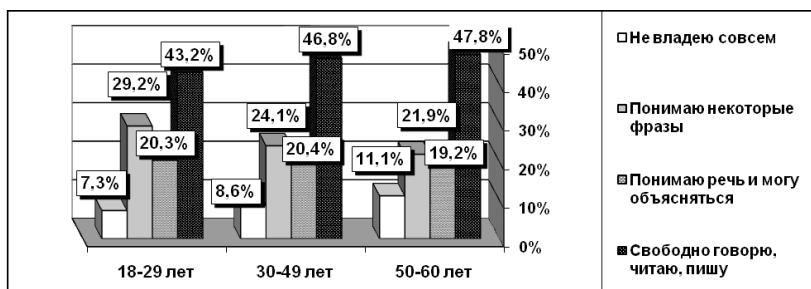

Рис. 2. Как владеют государственным языком граждане разных возрастных групп(в % от числа опрошенных)

Как показано в таблице 1, в разрезе различных профессий и социальных групп появляется все больше людей, относительно свободно владеющих языком государства, в частности в среде: студентов, госслужащих, работников сельского хозяйства, педагогов и иных работников сферы образования и науки. В меньшей степени владеют казахским языком некоторые предприниматели, офисные работники, продавцы, медицинские работники, инженеры (ИТР), рабочие и работники сферы услуг.

Таблица 1

**Уровень владения государственным языком
представителями различных профессий и социальных групп
(в % от числа опрошенных)**

	не владею совсем	понимаю некоторые фразы	понимаю речь и могу объясниться	свободно говорю, читаю, пишу
<i>Студенты</i>	3,2	33,1	21,5	42,2
<i>Госслужащие</i>	3,6	17,5	21,9	57,0
<i>Сельскохозяйственные работники</i>	5,8	14,0	24,0	56,2
<i>Педагоги, ученые</i>	6,5	19,4	18,0	56,1
<i>Безработные</i>	7,0	12,8	15,1	65,1
<i>Руководители</i>	8,7	28,2	19,4	43,7
<i>Работники сферы услуг</i>	10,1	31,5	20,2	38,1
<i>Рабочие</i>	11,1	26,5	19,6	42,8
<i>Инженеры (ИТР)</i>	11,4	41,1	15,3	32,2
<i>Медицинские работники</i>	11,6	19,3	20,8	48,3
<i>Продавцы</i>	12,1	30,9	23,0	33,9
<i>Офисные работники</i>	12,2	34,5	21,3	32,0
<i>Предприниматели</i>	15,9	26,1	22,9	35,0
Все в целом	8,6	25,5	20,2	45,7

Доля населения, относительно свободно владеющего государственным языком (граждан понимающих речь и могущих объясняться, а также свободно говорить, читать и писать), составляет 65,9% (сумма четвертой и пятой колонок в таблице 1). Для сравнения в 2012 году этот показатель составлял – 65,3%. [5]

Не владеет ни в какой степени казахским языком лишь 8,6% (в 2012 г. – 9,6%) граждан трудоспособного возраста, что свидетельствует о результативной работе государственных

органов за последний год по реализации политики в отношении функционирования и развития языков.

Наряду с этим, практически во всех социальных группах увеличилось по сравнению с прошлыми годами число граждан, свободно владеющих казахским языком. Данное явление, на наш взгляд, объясняется более высокой трудовой мобильностью части высококвалифицированных специалистов, поскольку гражданин, компетентный в своей сфере деятельности и свободно владеющий государственным языком, более конкурентоспособен на рынке труда и имеет широкие перспективы перемещения на более престижную работу, в частности трудоустройство в государственные структуры [6].

В связи с чем, респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли Вам для выполнения профессиональных обязанностей знание казахского языка?», на который были получены следующие ответы:

- знание казахского языка необходимо для выполнения профессиональных обязанностей – 39,1%, из них казахи – 52,5%; русские – 22,4%; респонденты других национальностей – 25,8%);

- важнее знание двух языков (казахского и русского) – 42%; из них: казахи – 36,4%; русские – 50,0%; респонденты других национальностей – 44,4%.

- проблем из-за незнания казахского языка на работе не возникает – 17,6% (в 2010 г. – 28,6%, в 2011 г. – 17,3%, в 2012 г. – 17,4%), из них казахи – 10,1%; русские – 25,8%; респонденты других национальностей – 28,8% (соответственно – в 2010 г. – 24,7%; 32,4% и 16,7% в 2011 г. – 16,1%; 18,4% и 22,8%, в 2012 г. – 16,7%; 20,1% и 12,7%).

Жители сельских районов чаще и в большей степени используют во всех основных видах общения казахский язык, в отличие от жителей городов, большинство которых в коммуникациях ориентировано на русский язык, особенно в общении с коллегами по работе [6].

Максимальная степень востребованности государственного языка (в настоящее время интегрированный показатель востребованности языка составляет – 73,5%), ощущается в сферах: государственной власти и управления, образования и науки, по месту работы или учебы, средствах массовой

информации – то есть там, где в большей мере возможна государственная поддержка, а наименьшая – на транспорте, а также в торговом, и бытовом и банковском обслуживании (см. Таблицу 2).

Таблица 2

**Динамика степени востребованности
государственного языка в сферах общественной жизни
(в % от числа опрошенных)**

Сферы общественной жизни	2009	2010	2011	2012	2013
<i>государственная власть и управление</i>	55,4	73,2	75,6	92,2	95,8
<i>сфера образования и науки</i>	54,5	72,8	71,9	91,2	90,1
<i>по месту работы (учебы)</i>	46,7	51,3	64,6	82,8	80,1
<i>средства массовой информации</i>	55,5	72,0	59,0	77,9	73,8
<i>торговое и бытовое обслуживание</i>	31,9	28,3	45,9	58,5	56,9
<i>Транспорт</i>	32,4	31,6	43,6	55,5	54,3
<i>банковское обслуживание</i>	31,9	28,3	45,9	58,6	63,3
<i>Среднее значение</i>	46,0	54,9	60,1	73,8	73,5

Социологические данные [4,5], демонстрируют устойчивый спрос со стороны населения на продукцию национального медиа-рынка, что можно объяснить расширением сферы применения государственного языка и овладением им широкими слоями населения, как казахами, так и лицами некоренной национальности.

В настоящее время изучением казахского языка занимается 24,4% респондентов (среди казахов – 27,2%; русских – 20,7%; других национальностей – 22,7%). Также 8,4% хоть в настоящий момент и не изучают казахский язык, но скоро собираются начать его изучение (среди казахов – 5,1%; русских – 12,6% и других национальностей – 11,5%). Эти данные свидетельствует о повышенном интересе к языку государства со стороны

представителей разных народов Казахстана.

Основные мотивы изучения государственного языка: казахский язык является родным языком – 44,6%, гражданский долг – 39,6%; практическая необходимость – 31,9% и знание языка необходимо для карьеры – 19,4%.

Наиболее эффективными формами изучения государственного языка являются следующие: общение с носителями языка – 49,3%; бесплатные занятия по казахскому языку по месту работы – 24,5%; интернет – 8,8%; учебно-методические пособия – 7,4% и платные языковые курсы – 7,2%.

Основными проблемами и трудностями при изучении казахского языка являются: отсутствие времени – 38,7%; отсутствие языковой среды – 19,2%; отсутствие квалифицированных преподавателей – 18,5% и невозможность параллельно с работой (учёбой) заниматься изучением языка – 18%.

Наибольшую актуальность и перспективность в будущем представляет собой казахоязычное образование. Однако большинство опрошенных русских и представителей иных некоренных народов отдают предпочтение образованию на русском языке. В отношении высшего образования у представителей всех этносов снижены оценки в отношении предпочтения казахского и русского языков и возрастает значение английского языка.

Сохранение межэтнического согласия осуществляется благодаря гибкой и мудрой политике равного соотношения в применении казахского и русского языков в Республике Казахстан [7].

По результатам проведенного исследования были разработаны следующие практические рекомендации:

1) Обучение казахскому языку молодого поколения проводить на всех образовательных уровнях, начиная с детского сада, продолжая в школе и заканчивая колледжами и вузами.

2) Во всех образовательных организациях необходимо постоянно улучшать качество преподавания учебных дисциплин на казахском языке, в частности:

– ежегодно проводить контрольное тестирование по казахскому языку среди обучающихся на русском языке;

– заведующим кафедрами вузов и заведующим отделениями колледжей допускать к проведению аудиторных занятий в казахских группах только преподавателей в совершенстве владеющих языком государства и методикой преподавания на казахском языке;

– периодически проводить различные мероприятия на государственном языке, организовывать интеллектуальные игры, соревнования, различные конкурсы среди преподавателей и студентов на знание казахского языка, культуры, традиций и истории казахского народа.

3) В пропаганде государственного языка больший акцент перенести на телевизионные программы и радиопередачи на казахском языке.

4) Продолжать выпуск недорогих разговорников, словарей, учебных и учебно-методических пособий по казахскому языку, доступных всем слоям населения.

5) Во всех организациях независимо от формы собственности организовать для работников бесплатные курсы казахского языка.

6) Руководители организаций должны разработать систему мер стимулирования к овладению государственным языком лиц неказахской национальности.

7) Во всех крупных организациях проводить культурные мероприятия на государственном языке, знакомить работников с культурой, обычаями, традициями и музыкой казахского народа, организовывать акции, посвящённые государственному языку, типа «День или неделя казахского языка». Среди работников проводить систематическую агитацию по укреплению имиджа государственного языка (плакаты, буклеты, брошюры с простыми бытовыми словами).

8) Для решения проблем изучения казахского языка по месту работы необходима полномочная комиссия по государственному языку, которая должна систематически проводить проверки соблюдения государственной политики в вопросах развития языка.

9) Дальнейшее языковое строительство должно корректироваться с учетом результатов социологических исследований, позволяющих получить объективные данные об интересах, предпочтениях и пожеланиях граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.tildes.kz/index.php?show=29&lang=1&artID=244>
2. Шаукенова З.К. Идеологическое конструирование в Республике Казахстан. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. – С. 69.
3. Шаукенова З.К. Языковая ситуация в Казахстане. // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.cessi.ru/ Языковая ситуация в Казахстане.htm – Дата доступа: 25.09.2013.
4. Мидельский С.Л., Комаров О.Е., Несипбаева А.Ж., Кузгумбаева Ж.С. Социологические исследования по проблемам развития языков и формирования банка данных о языковой ситуации в Павлодарской области.– Павлодар: «Региональная Академия Менеджмента», 2013. – 80с.
5. Мамбетова З.А., Комаров О.Е., Кузгумбаева Ж.С. Социологические исследования по проблемам развития языков и формирования банка данных о языковой ситуации в Павлодарской области. Павлодар: «Ана Тілі», 2012. – 78с.
6. Комаров О.Е. Уровень владения казахским, русским и английским языками жителями Павлодарской области: социологический анализ. // «Менеджмент качества: поиск и решения»: Материалы международной научно-практической конференции. – Павлодар: Региональная Академия Менеджмента, 2013. – С. 411-419.
7. Rishat Zh. Saurbayev, Oleg E. Komarov, Ravil A. Vafeev On the Ethno-Political, Socio-Demographic and Language Situation of the Tyumen Region (Russian Federation) and Pavlodar Region of Kazakhstan: State of the Problem and Solution. // USA: Life Science Journal 2013; 10 (10s) – <http://www.lifesciencesite.com> – С. 41-51.

Түйін

Жұмыста Павлодар облысының тұрғындары арасында тілдердің даму мәселелері бойынша автордың ғылыми жетекшілігімен өткізілген әлеуметтік зерттеулерінің кейбір нәтижелері ұсынылған.

Summary

In persisting work are presented some results of the sociological studies on problem of the development of the languages, called on under scientific management of the author in ambience in Pavlodar region.

ЖАЛПЫҒА ОРТАҚ ЕҢБЕК ҚОҒАМЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ НЕГІЗДЕРІ

Ш.Қ. Қарабаев,

*Т. Рысқұлов атындағы ҚазЭУ,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты*

Мәдениет қоршаған ортаға бейімделу амалын білдіреді. Ол адамдардың өзі жасаған өмір сүру және өзін-өзі жүзеге асыру ортасы, әлеуметтік өзара әрекет мінез-құлқын реттеудің көзі екенін көрсетеді. Мәдениетті игеру барысында адам өзін танып жетілдіреді, өйткені ол адамдардың шығармашылық қызметінде жасалынатын материалды және рухани құндылықтардың жиынтығын меңгереді. Мәдениет адамдардың өз ортасында өмір сүруге көмектесетін, басқа қауымдастықтармен әрекеттестікте өз қоғамының тұтастығы мен бірлігін сақтайтын адам әрекеттестігінің маңызды тетігі болып танылады. Сондықтан мәдениетті әлеуметтік мәдениет деп атайды. Қоғамда қалыптасқан мәдени құндылықтар жүйесі әлеуметтік өмірдің мазмұнын, адамдардың мінез-құлқын анықтайды. Қоғамның мәдениеті оның даму негіздеріне әсер етеді, экономиканың, саясаттың, құқықтың әлеуметтік-мәдени негізі болып табылады.

Бүгінгі қалыптасып жатқан азаматтық қоғам дамыған экономикалық, саяси, құқықтық және мәдени қатынастарға негізделеді. Азаматтық қоғамның дамуы, ең бірінші, адамның еркіндігі мен бостандығын қамтамасыз ететін нарық экономиканы және жеке меншіктің болуын қажет етеді. Азаматтық қоғамды толыққанды дамытушы тұлға тек қана еркін, ізгілендірілген әлеуметтік-еңбектік қатынастар жағдайында қалыптасады. Қазақстанда нарық экономикасының қалыптасу

қиындықтары еңбектің рухани-құлықтық құндылықтарының жойылуының негізін қалады. Гуманистік мәдени дәстүрге сай еңбек экономикалық мақсаттармен қатар адамның жан-жақты дамуын, рухани-ізгілікті жетілуін анықтайды. Азаматтық қоғамның мақсаты азаматтық ізгіліктерді қалыптастыру арқылы мемлекет пен жекеліктердің арасындағы айырмашылықтарды азайту және шиеленісті төмендету болып табылады.

Капиталистік нарық қатынастары қалыптасуының бастапқы кезден осы күнге дейін оның артықшылықтары мен теріс жақтары туралы ғылыми тұжырымдамалар жасалынып келеді. Жеке меншіктің зияндығы, нарық экономикасының адам мен табиғат үшін қауіптілігі Т. Мор, А. Фергюссон, К. Маркс т. б. дәлелдеп берді. К.Полянның нарық тетігінің стихиялы әрекет етуі адам мен табиғи мәнді жәйттердің құлдырауы мен қирауының себебі болатынын көрсетеді. Осының бәрі қайтадан жаһандық экономикалық кезінде дәлелденді.

Марксизм көрсеткендей, нарық қатынастарына негізделетін меншіктік қоғам әлеуметтік-мәдени ақиқат шындық ретінде патриархалдық, бауырмалдық қатынастарды қиратып, адамдар арасында жалаң мүдде, тас бауырлық ақшалай қатынастан басқа байланысқа орын қалдырмаған. Капиталистік өндірісте еңбек адамының барлық дене күшін қанаушылықпен сығып алып, барынша пайда табуды көздейді. Ықтиярсыздықпен жасалынатын ауыр еңбек әлдебір сыртқы күш ретінде жұмысшыны өзін құрбан-дыққа әкелуге, өзін-өзі азаптауға душар етеді, тасбауырлығын, ізгілікті сезім-нен айырылуын күшейтеді.

XX ғасырда нарық өркениеті технологиялық жетістіктері мен дамушы елдердің арзан шикізатын пайдаланып, молшылық қоғамын жасай алды. Дегенмен, ақшаны материалды игіліктерді пір тұтатын қоғам рухани-құлықтық құндылықтарды елемеге жол беріп қойды. Капиталистік өндірістің түпкі мақсаты капитал жасау болып табылады. Сондықтан үстем таптың барлық әрекеттері халықтың тұтынушылық санасын қалыптастыру арқылы қоғамдық тұрақтылықты орнықтыруға бағытталады. Әйтсе де материалдық игіліктерді шексіз тұтынудың зияны барған сайын күшейіп барады. Қарқынды даму табиғатты жойып, адамның жүйкесіне ауыр жүк салып тоздырады, басқа ауруларды

асқындырады. Бұны соңғы ширек ғасырдан аса уақыт молшылық қоғамының теріс жағы болатын келеңсіз құбылыстардың күшеюі дәлелдейді.

Еңбек бөлінісі капиталистік қоғамда жекеліктердің мүдделерін қарама-қарсы қойып, олардың арасында төзімсіздікке, қайшылықтар мен жанжалда-суға, үстемдік пен қанаушылыққа негізделген қарым-қатынастарды қалыптастырады. Әр жұмысшы дайын болатын еңбек өніміне өзінің болмашы ғана үлесін қосады. Тар мамандану адамның тіршілік әрекетін ізгілендірусіздендіреді, яғни ізгілікті қарым-қатынас негіздерінен айырады. Еңбек бөлінісі жалпы экономиканы дамытқанымен, адамдарды біржақты қалыптастыратын алып өндіріс құрылғысының бір бұрандасының әрекеттерін ғана орындатады. Еңбек бөлінісі адамның әлеуетін жетілдіруге шектеу қоюмен бірге, еңбекшілерді өзі тұратын қауымдасудан жасанды түрде бөліп тастайды. Бұл органикалық ынтымақтастықты нығайтумен қатар (Дюркгейм), қауымдастықтың қарым-қатынастарын әлсіретіп, «жалған» ұжымдасуы орын алады. Маркстің пайымы бойынша, еңбекті адамдардың жан-жақты дамуына мүмкіндік беретін түрде ұйымдастыру керек. Ал жатсынған адам өзінің ізгілікті әлеуетін жүзеге асыра алмайтын күй кешетін болады.

Қазақстандағы өндірістегі жатсынуды еңсеру, ізгілікті қатынастарды қалыптастыру әлеуметтік-еңбектік қатынастардың объективті және субъективті негіздерін өзгертуді қажет етеді. Еңбек адамның қабілеттерін дамытатын түрде және демократиялық теңдік пен әділеттілік жағдайларын қамтамасыз етуі қажет. Еңбек адамды жан-жақты қанағаттандыруы, қуаныш сыйлауы тиіс. Қазақстан Республикасының Президенті Н. Назарбаевеліміздің қарқынды дамуын соңғы жылдары әлеуметтік-еңбектік қатынастарды жетілдірілуімен байланыстыруға көңіл бөлді. «Әлеуметтік жаңғырту: Жалпыға Ортақ Еңбек қоғамына қарай 20 қадам» атты мақала мен «Қазақстан -2050» стратегиясы – қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты» жолдауда көрсетілгендей, Кәсіподақтар және еңбектің реттелуі туралы заң қабылдау арқылы «еңбеккерлер мүддесін ескерген кәсіпкерлік қолдауын қамтитын еңбек қатынастарының түбірімен жаңа үлгісін жасау» [1] талабы қойылды. Осы мақсатты жүзеге

асырудың және дамыған 30 елдің қатарына кірудің «Қазақстан жолы-2050: бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» бағдарламасы Елбасының кезекті Жолдауында ұсынылды. Бұл аса күрделі мақсатты орындау халықты «Мәңгілік ел» жалпы қазақстандық патриоттық идея арқылы жұмылдыруды көздейді. Ал бұл осыған лайықты әлеуметтік-мәдени ортаны қалыптастыруды қажет етеді.

Сөйтіп, қоғам дамуының әлеуметтік-мәдени негізін қалыптастыру ең алдымен экономикалық, саяси, құқықтық ірге тасын нығайтуы тиіс. Осыған сәйкес әлеуметтік-еңбектік қатынастар өндірістік-технологиялық және ұйымдық өзгерістермен байланыстырылып, бейімделіп іске асырылуы тиіс. Жұмысшы өмірінің сапа тұжырымдамасы адам өміріндегі еңбектің рөлін ұғынуға негізделеді. Еңбек адамды жан-жақты қанағаттандыруы, жұмыстың қажытпауы, жалықтырмауы және топастындырмауы кәсіпті дұрыс таңдаумен және еңбекті ізгілікті талаптарға сай ұйымдастырумен де байланысты. Сондықтан мектептерде кәсіби бағдарлаудың және еңбектің ұйымдастырылуы еңбекті ізгілендіру талаптарына сай келмеуі оқу орындары мен қызмет орындарындағы қарым-қатынастардың қайшылығын тереңдетеді.

Орта мектептерде кәсіби бағдарлаудың, біріншіден, оқушының еңбекті құрметтеуін қалыптастыру және екіншіден, қай кәсіпке бейімділігі басым екенін анықтау маңызды. Бұл жұмысқа психологтар мен әлеуметтанушылар қатыстырылуы тиіс. Болашақта әр мамандыққа қабылдаудан бұрын кәсіби бейімділігін анықтап алудың қатал талабы қойылуы тиіс болады. Әр оқушының өз қабілеттері мен бейімділігіне сай оқу таңдауын отбасы мен мектеп қабырғасында қалыптастыруға мән берілуі керек. Бүгінгі кәсіби бағдарлау жағдайы қоғамның әлеуетін, қаржысын ысырапқа ұшыратумен тең. Әзірше мектеп бітірушілер көпшіліктің біржақты пікіріне сүйеніп, беделі мен айлығы жоғары деген мамандықтарды немесе ақысы төмен кездейсоқ оқуды таңдап, кейін оны жан-тәнімен оқуға көңілі де, ерік-жігері де жетпей уақыт та, қаржы да ысырап болып жатыр. Жалпы жоғары оқу бітірушілердің жартысына жуығы өз мамандығы бойынша жұмыс істемейді.

Қоғамдық қатынастардың негізі дұрыс жолға қойылмай өскелең ұрпақ бұрынғыдай масылдық, тамыр-таныстық пиғылдың ықпалында қала бермек. Білім мен еңбектің шынайы бәсекелесуін орнықтыру биліктің, басқарушылардың қиянаттық жасауына жол берілмейтін тәртіпке қол жеткізуді қажет етеді. Яғни адал еңбекті бағалайтын заңдарды орындату басты шарт. Әлеуметтік-еңбектік қатынастарды реттейтін заңдарды, жұмыс берушіні білім мен еңбегін әділетті бағалайтын талаптарды орындату амалдарын жасамай жастарды адал еңбекке жұмылдыру, масылдықтан арылту ұрандардың нәтижесі тиімсіз болмақ. Әлеуметтік жаңғырту талаптарын толыққанды іске асыру әділетсіз, тамыр-таныстықпен қызметтің өрлеуі, тұрмыс жағдайын жақсарту, салықтан құтылу сияқты келеңсіздіктерге жол берілмеуді қажет етеді. Бұл мәдени-құлықтық қатынастардың жетілуімен байланысты.

Қоғамның әлеуметтік-мәдени жағымды, әділетті жағдайы қалыптасқанда еңбекті қадірлеу, бағалау жүзеге асырылғанда әркім өзінің сүйген ісімен айналысу талаптары да орындалатын болады. Өз ісін сүйген адамның, өз еңбегіне, бейнегіне қарай зейнетін көрегініне сенімі артқан сайын адам өз ісіне беріліп, одан рухани ләззат тауып өмір сүреді. «Берекені көктен тілеме, еткен еңбектен тіле» деген қағиданы орнықтыру мәдени құндылық ретінде өскелең ұрпаққа үлгі болады. Ал бүгінгі әсер ететін түпкі себеп батыстың теріс қалыптасқан нарық экономикасы. Шексіз табысты мақсат қою – бұл батыста қалыптасқан әлеуметтік дерт, қоғамдық дамудың ауытқуы. Өуелде батыс нарық экономикасы протестанттық өнеге-ғибрат бойынша қалыптасқан. Бұл діни көзқарас бойынша адам өз мамандығының бейімділігіне бой ұруы, еңбекті қадірлеу, қасиет тұтуы тиіс. Протестанттық өнеге-ғибрат үнемшілдік, парасаттылық пен қатал тәртіп негізінде ақша жинап, жиналған капиталды өндірісті дамытуға жұмсауға тәрбиелеген. Ал молшылық қоғамы осы талаптарға кереғар тұтынушылық психологияны қалыптастырып, батыс экономикасын соңғы кезеңде дағдарысқа әкелді. Үстем таптың пайымдауынша, әлеуметтік молшылық тұрақтылықтың кепілі болып табылады. Батыста жаңадан басталған толқулар бұны жоққа шығарады. Бұл нарық экономикасының табиғатынан туындаған.

К. Поланьи тұжырымдамасы бойынша, нарық жүйесінің келеңсіздіктерінен қорғау үшін ол түптің түбінде өзін-өзі реттеуін тоқтатуы керек. Бұны орындау мақсатында нарықтың іргелі мәнді жәйттерін – еңбекті, жерді және ақшаны нарық қатынастарынан шығару қажет. Себебі адамдар жер мен еңбекті табиғи құндылық ретінде қабылдап, олардың тауарға айналуына қарсы тұрады. Басқа жағынан, бұл объектілер мемлекеттің реттеушілік араласуы арқылы ғана нарықтың еркін айналымына енуге қабілетті болады. Мемлекеттің қолдауынсыз ақша, жер мен еңбек қатынастары іске асырылуы мүмкін емес.

Дж. Гэлбрейт пайымдағандай, мемлекет барған сайын монополиялардың торына тартылып барады: «Қоғам мен корпорациялардың мүдделері қайшы келеді. Қоғам өзінің мүдделерін нығайтуда тек қана мемлекетке сенім арта алады. Мемлекет болса елеулі шамада корпорациялардың билігінің астында»[2]. Дегенмен монополиялар мен мемлекеттің халықты материалды игілігін қамтамасыз ету саясаты ХХ ғасырдың екінші жартысында батыс адамының даралық қасиеттерінен айырылуға, әлеуметтік-сыншылдық қабілетін жойып, ойлаудың бірөлшемділік күйін, тұтынушылық психологиясын қалыптастыруы дүниетанымдық көзқарасын материалдық молшылық түсінігімен ауыстырды. Мемлекет монополиялардың шексіз үстемдігінің орнына қоғамдық игіліктердің үстемдігін орнатпай, адамның рухани азғындауы тереңдей береді.

Материалды игіліктерді тұтыну ықпалында тәрбиеленген, тәжірибесі жоқ жастар табыстан бұрын өмірдің мәні еңбектің құндылық ретінде дамытушы мазмұнын, шығармашылық әлеуетін игеру арқылы жүзеге асырылуы маңызды екенін жеткілікті түйсінбейді. Отбасы мен мектеп бермеген білім салдарынан сүймеген, қолдан келмейтін іске ұрынудың соңы реніш, кейіске айналатынын уақыт еншісінде екенін жастардың көпшілігі сезбейді. Ал халықтық дәстүрге, дінге, тәрбиеге сүйену қате қадамнан сақтандырар еді. Өйткені «сүйген істің түбі – кеніш, сүймеген істің түбі – реніш».

Қазақстанда өтпелі кезеңнің тәжірибесі нарық экономикасының енгізілуінен туындаған теріс құбылыстарды қорытуға мүмкіндік берді. Әсіресе еңбектің қоғамда алатын

орны еленбей келгені 2012 жылы бұл мәселеге жаңа көзқарасты қалыптастыруды қажет етті. Елбасы өзінің «Қазақстанның әлеуметтік жаңғыртылуы» мақаласы және «Қазақстан-2050» стратегиясы» баяндамасында әлеуметтік жаңғырту саясатының негізін шынайы өндірістік еңбекті қалыптастыру мәселесімен байланыстырады. Бұл елімізде әлеуметтік жаңғыртуына жасайтын аса маңызды бетбұрысты білдіреді. Бұл бәсекеге қабілетті қазақстандықтарды қалыптастыру үрдісін тереңдетуге бағытталады.

Елбасы қойған мәселенің өзегін адам еңбегін бағалау және оның жемісін тиімді пайдалана алуын қамтамасыз етуі жөнінде ойы құрады. Сондықтан әлеуметтік жаңғырту саясатын шынайы өндірістік еңбекті ұйымдастыру негізінде жүргізу ұсынылды. Өйткені тарихи тәжірибе көрсеткендей, дамыған елдерде де, Қазақстан, Ресей т. б. посткеңестік елдерде де еңбек саласындағы келеңсіздіктер экономикалық дағдарыстың, жұмыссыздықтың, қылмыстың, әлеуметтік масылдықтың туындауының себебі болды. Дамыған елдерде тұтынушылық, молшылық қоғамын құру мақсаты адамның қалыптасуына теріс ықпалы басым болды. Елбасының мақаласында айтылғандай: «Тұтынудың бұл идеологиясы бүлдіруші болғанына бүгін бүкіл әлем ерекше көз жеткізіп отыр. Ол әлемнің дамыған елдерінде жаппай әлеуметтік масылдық туындатты және жаһандық дағдарыстың басты себептерінің бірі болып табылады» [3] делінген.

Осыдан шығатын талаптар жаңа әлеуметтік мәдениетті және әлеуметтік басқарудың жаңа тұлпатын жасауды қажет етеді. Еркіндігі шектеулі кеңсе қызметкері ұзақ уақыт қызметінің қарапайым, дербес шешімдер іздеуге ынталандырмайтын талаптарды ғана орындауға бейімделген адам күрделі мәселелердің шешімін шығармашылық тұрғыдан амалын іздеуге психологиялық кедергі пайда болады. Көнерген білімі, жетілдірілмей қалған біліктілігі, бұйрықты орындауға машықтанған қызметкер, Р. Мертонның пайымдауынша, түптің түбінде дербес шешім қабылдау қабілетінен айырылады.

Кез келген қызметкер өзі атқаратын еңбектің мағынасыздығын, мәнсіздігін сезінетін көңіл күй кешуі мүмкін. Өйткені адам өз еңбегінің нәтижесін, пайдалылығын анық

білмесе немесе зияндылығын білсе жатсыну көңіл күй пайда болады. Жатсынуды еңбекке қатынас нысанын мағынасыздық, дәрменсіздік, үмітсіздік пен жатырқаушылық әлеуметтік көңіл күй сипаттайды. Өз қызметін адал атқаратын қызметкер ұжымды басқарушының немесе өндіріс орынның иесінің қиянаттығына қарсы тұруға дәрменсіз екенін сезіну барған сайын еңбектен жатсындырады. Қоғамдағы әділетсіздік қатынастар, сыбайлас жемқорлық, көзбояушылық қызметкердің жұмысын сапалы, шығармашылық тұрғыдан ізденіс жасауға қолбайлау б. т. Бұл жоғары білім беретін оқытушыларға да қатысты. Жоғары білім алуға дайындығы жеткіліксіз студенттер басым болып, оқытушы олардың үлгерімін тиісінше төмен бағалауы оның еңбегін де төмен бағалауы салдарынан көзбояушылыққа мәжбүрлеу кең таралған құбылыс. Сол сияқты жақсы көрсеткішті қамтамасыз етуге мәжбүрленген дәрігер, полицей, салық инспекторы адал еңбектен жатсынады, еңбектің қадірін түсіреді.

Әлеуметтік жаңғырту үдемелі инновациялық-индустриялық даму бағдарламасы негізінде іске асырылуы бұл әлеуметтің сапалы деңгейінің заман талабына сай болуын қажет етеді. Жалпыға Ортақ Еңбек Қоғамын құру әр адамның өз орнында кәсіби міндетін ақаусыз, жоғары азаматтық жауапкершілікпен атқаруды талап етеді. Әр азаматтың қоғамдық құндылық ретінде кәсіби жоғары деңгейде еңбекке саналы араласуы болашақта «инновациялық экономиканың басты қозғаушы күші – креативті таптың туындауы мен дамуын қамтамасыз» етуді көздейді. Бұл кәсіптік-техникалық және инженерлік білімнің өзектілігін арттырады. Техникалық және кәсіптік біліммен қамтылу жағынан Қазақстан жастары 17%-дан асса, Оңтүстік Корея мен Жаңа Зеландияда – 45%, Бельгия мен Эстонияда – 34%, Ресейде – 33%, Жапонияда – 30%. Сондықтан әлі кемінде бұл салаға қаржыны жұмсауды еке есеге ұлғайту керек.

Бүгінгі оқу үдерісі шектеулі тәжірибемен ұштастығын ескеріп, өндіріс орындары осы міндетті орындау және жас мамандарды еңбек өтілін талап етпей қабылдауын заңдастыру өзекті мәселеге айналды. Тәжірибелік жұмысты оқумен ұштастырмай, оның қырсырын теориялық негіздермен байланыстырмай мамандарды даярлаудың сапасы төмен болатыны жауыр болған әңгіме.

Сонымен қатар, еңбек өнімділігін арттырудың басқа қорлары ретінде еңбекті ұйымдастыру тиімділігі, еңбек тәртібін, қауіпсіздігін қамтамасыз ету, еңбек шығындарын үнемдеу, электр қуатын үнемдеу және тиімді пайдалану бүгінгі қойылатын маңызды талаптар. Қазақстандық жұмыскер жылына 24,5 мың долларға өнім шығарса, дамыған елдерде бұл көрсеткіш 90 мың доллар. Еңбек өнімділігі өндеуші кәсіпорындарда 2010 жылы 45 мың доллар құрады, сондықтан басқа салаларда бұл көрсеткіш 9 мың доллардан аспайды. Біздерде жұмыс уақыты 9-10 сағат болғанымен, дамыған елдердің 5-7 сағатта өндіретіннен 5-6 есе төмен. Озық технологияларды оңтайлы пайдалану бұл елдерде аптасына 26-30 сағат еңбек етуге мүмкіндік береді. Бір жыл көлемінде орташа 1330 сағат. ХЕҰ-ның дәлелдеуінше 36-40 сағаттан артық аптасына еңбек ету денсаулыққа, көңіл-күйге теріс әсер етеді. Қысқа мерзімде өнімді еңбек етуді дағдыландыру қажет. Ал бос уақыттың артуы жеке дамуға арналуы тиіс. Еңбек өнімділігі деп еңбек қорларын тиімді пайдалануды айтады.

Осы аталғанның бәрі жаңа еңбек мәдениетін және әлеуметтік басқарудың жаңа тұрпатын жасауды қажет етеді. Шынайы ізгілікті әлеуметтік қатынастар негізінде құрылған қоғамда ғана адам әлеуметтік қолайлы жағдайды сезетін болады. Ол үшін саяси-құқықтық және әлеуметтік-экономикалық жағдайлардың лайықты қалыптастырылуы керек. Жаңа әлеуметтік-экономикалық тұрғыдан ұйымдастырылған қоғамның мақсаты адамның мүдделерін ең басты құндылық ретінде бағалап, еңбек жағдайларын, оның мазмұнын барынша ізгілендіруі және мекемелер мен ұйымдағы қарым-қатынастарды теңқұқылы негізде қалыптастыруды іске асыру болып табылады. Жұмыс уақытын тиімді пайдалану оның қатал өлшемін және оған сәйкес кесімді еңбекақысын төлеуді анықтауы қажет. Бұл үдемелі инновациялық-индустриялық даму бағдарламасын барынша тиімді жүзеге асыруда әр адамның саналы еңбекке қатысуын қамтамасыз етуіне негіз болады. Мұның бәрі ізгілікті, бәсекеге қабілетті еңбек қоғамын қалыптастыруға жасалатын маңызды қадамдары болып табылады.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. «Қазақстан-2050» стратегиясы – қалыптасқан мемлекеттің жаңа саяси бағыты». Қазақстан Республикасы Президенті – Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың Қазақстан халқына жолдауы. Алматы, 2012. 32 б.
2. Гэлбрейт Дж. Жизнь в наше время. М., 1986.
3. Назарбаев Н.А. Қазақстанның әлеуметтік жаңғыртылуы: Жалпыға Ортақ Еңбек Қоғамына қарай 20 қадам //Егемен Қазақстан, 10 шілде 2012 ж.

Резюме

В статье рассмотрены проблемы создания социокультурных основ развития Общества Всеобщего Труда в разрезе задач, поставленных в Послании Президента Н. Назарбаева – в «Стратегии «Казakhstan-2050»: новый политический курс состоявшегося государства».

Summary

The article considers the problem of creating a socio-cultural foundations of the development of the Company in the context of universal labor set in the Message of President Nursultan Nazarbayev in the «Strategy» Kazakhstan-2050 «: a new policy established state».

«МӘҢГІЛІК ЕЛ» – ТҮРКІ ӨРКЕНИЕТІНІҢ ТӨЛ ТУЫНДЫСЫ

Н.Р. Мұсаева,

*М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан Мемлекеттік университетінің «Философия» кафедрасының профессоры,
философия ғылымдарының докторы*

Р.А. Мұсаев,

*М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан Мемлекеттік университетінің «Мәдениеттану, әлеуметтік жұмыс және музей ісі» кафедрасының оқытушысы, «Мәдениеттану»
магистрі*

Қазақ елі пір тұтып, сабырлылық пен сұлулықтың символы санайтын жылқы жылы да табалдырықтан аттады. Әрбір жылдың өз несібесі болатыны сияқты 2014-те тарихымызда өзіндік үнімен, асуымен есте қалатын ерекше сәт болғалы тұр. 2014 жылы Елбасы «Қазақстан жолы – 2050; бір мақсат, бір мүдде, бір болашақ» тақырыпты жолдауын ұсынды. Оның дәстүрлі жолдаулардан бастапқы айырмашылығы – сананы селт еткізер елеулі идеясының болуы. Бұл жылы қазақтың ойы ұшқыр, көзі көреген, көкірегі ояу ғалымы Мұхтар Өтелбаев мыңжылдықтың жеті есебінің біреуін шешкендігін жариялады. Яғни сұйықтық пен газдың қозғалатын, тайфун, цунами тәрізді табиғи құбылыстардың пайда болуын, қозғалыс қайдан басталып, қайдан аяқталатынын анықтауға мүмкіндік беретін «Новье-Стокс» теңдеулерінің шешімін ұсынды. Сочи қаласында өтіп жатқан XXII ақ олимпиада да біздің жерлесіміз Денис Тен мәнерлеп сырғанау сияқты қызық та қиын спорт түрінен үшінші орынға көтеріліп, қола медаль алды. Сөйтіп, Қазақстан тек шикізат өндіретін аймақ қана емес, өнері де, ғылымы да дамып

келе жатқан несібесі мол, болашағы мықты ел екенін тағы да бүкіл әлемге танымал етті.

«Дәл қазіргі кезде тұтастай бір халық ретінде болмаса да, қоғамымыздың кейбір сегменттері, топтары басқаларға жақсы үлгі болатындай, жөн сілтейтіндей жағдайға жетіп қалды» (1,7) деген Ғалым Жүсіпбектің пікірімен келісуге болады.

М. Өтелбаев: «Тың байламдар бар: Атом ғасыры – компьютер ғасырына ауысты. Енді компьютер ғасыры – менің болжамымша роботтар ғасырына сөзсіз жалғасады. Сондықтан жаңа ғасырдан қазақ өз үлесін алуы тиіс.» Осы идеямды Эйнштейн теориясын зерделеу барысында жетілдіру үстіндемін. Мен «Эйнштейннің салыстырмалы теориясы модуль ретінде қате емес, бірақ нағыз физиканы түсіндіре алмайды» деймін. Бұған дауласушылар табылады. Сондықтан математикалық тұрғыдан дегенді қосып қойдым. Физиктер «е бәсе» деседі. Ішкі түйін қағазға түсіп жатыр. Бір білетінім, дүниені толық түсіндіріп беретін бірде-бір теория жоқ десем қателеспеймін. Орта ғасырда Исаак Ньютон өз теориясын ашты. Ол Галилей Ньютон теориясы деп аталды. Алғашында дүниенің бүкіл болмысы сонда көрініс тапқандай болған. Артынан олай емес екені белгілі болды. Ол да әлемнің бір моделі екен. Мәселен, адам моделі – адамның суреті емес қой. Эйнштейннің салыстырмалық теориясын ашқаннан кейін физиктер дүние дәл осылай мәңгілік деп ойлады. Сөйтсек, ол да дүниенің бір моделі екен» (2,7 б). Ғалымның журналист Сүлеймен Мәметке берген интервьюінен алынған осы бір ой тұжырымдары ғылымның даму заңдылықтарын қолмен қойғандай қылып өте қысқа, әрі нұсқа түрде түсіндіріп береді. Ғалымның ұлылығы бір оқулықтың өне бойына тамызық болатын бірнеше кешенді идеяларды бір ғана кішкене мәтінде кез келген адамның санасына құйылатындай, жетістікке жететіндей етіп айта алуында болып тұр. Иә, әлемде мәңгілік идея жоқ, бәрі өтпелі, өткінші. Бұл, бұлтартпайтын шындық. Сонда, «Мәңгілік ел дегеніміз не, мәңгілік ел болуы мүмкін бе» деген заңды сауал туындайды.

Енді Елбасы ұсынған осы идея төңірегінде ойланып көрейік.

Бұл жердегі ең бірінші қисын адамнан тыс өмір сүретін дүниенің сипаты мен адамның дүниені тану мүмкіндігіне қатысты болса керек. Адам дүниені ақылының күшімен ғана тани алады. Бұрынғы адамдармен қазіргі адамдарды салыстырсақ пәлендей

айырмашылық жоқ. Тек ғылым мен техника дамып, компьютер, интернет, теледидар пайда болуы жағынан өзгеріс бар. Арине біз ақылды, рухани потенциалы күшті адамның атрибутивті белгісі ретінде алып отырмыз. Бұл заман өзгерді, адам да өзгерді деген пікірге қайшы келмейді.

Осындай методологиялық өлшем тұрғысынан келсек, Республика Президенті Н. Назарбаев ұлттық идея ретінде ұсынған «Мәңгілік ел» концептісі өзіне лайық бірнеше, тарихи, мәдени, рухани алғышарттар мен айқындалады.

«Мәңгілік ел» – ең алдымен, түрік мәдениетінің төл туындысы. Ал оның бірнеше мың жылдықтарға созылған табиғи, тарихи, мәдени негізі бар. Ол өз бастауын сонау Орхон-Енисей тастарында қашалған Күлтегін жазуларынан алады, сонан соң түркі мәдениетінің жәдігерлерінде заңды жалғасын табады.

XI ғасырда өмір сүрген түріктің ұлы ғұламаларының бірі Махмуд Қашқари хатқа түсірген: «Біз Түрік» деген есімді Ұлы Тәңірінің өзі қойған дедік. Мәселен Қашқарилық Халеф ұлы имам шейх Қусайын деген адамнан ұғып алып маған айтып беруінше деген атпен белгілі жаржарлық шейх Әбубәкір ақыр-заман турасында жазған деп танылған әйгілі бір кітабында ұлы пайғамбарымыздан нақыл келтіріп, мына бір хадисті баяндайды: Ұлы Тәңірі «Менің бір тайпа қосыным бар, оларды Түрік деп атадым; оларды күншығысқа орналастырдым. Бір ұлысқа ашуланып, назалансам, түріктерді соларға қарай саламын» депті.

Бұл жай олардың (түріктердің) басқа жұртқа қарағанда үстем екендігін көрсетеді. Сондықтан да Тәңірінің өзі оларға ат берген, жер жүзінің ең биік ыңғайлы, ең әуесі таза, жері шырайлы өлкелеріне орналастырған да, оларды өз қонысым деп атаған. Оның үстіне, түріктер көркемдік, сүйкімділік, жарқын жүзділік, әдептілік, жүректілік, үлкендерді, қарияларды құрметтеу, сөзінде тұру, мәрттік, кішіліктік, тағы да сондай сансыз көп мақтаулы қасиеттерге ие.

Бұл сипаттар мынадай жерде жазылған:

«Қашан көрсін оны түрік,
Айтар оған ел мұны:
Соған тиер ұлылық
Содан кейін үзілер»

Бір адамды мақтап: Оны түрік алабында көрсе, түрік деп білсе, қашан көрсе де, халық оған былай дейді: Ұлылық, жақсылық осы адамға тән, соған ғана жарасады, сонымен тоқтайды (3, 407-409 б.).

Біз осы ұзақ үзіндіден түрік елінің Тәңірінің жақсы пиғылынан туындап, ол бастан-ақ жермен, табиғатпен етене қауышып, онымен ерекше үйлесімділікте өмір сүргенін көріп отырмыз. Осы тұста мәңгілік өмір іздеген Қорқыт бабамыз, адам бақытының мағынасын тылсым дүниенің ішкі ырғағын түсіндіруімен байланыстырған ұстазымыз әл-Фараби, «Бес нәрседен қашық бол, бес нәрсеге асық бол» дейтін Абай ақынымыз есімізге оралады.

Кеңістік барынша тарылып сығымдалып, жаһандандудың алапат аймағына бет алған еліміз осындай сын сағатта тағы да келешегіне үңіліп, бүгінгісін бағамдап, ертеңі туралы ойланса, заман ағымынан қалыспай, асықпай-аптықпай, ақырындап ілгері баса берсе, өзіне бұйырған несібеден қағылмайды, қайта қатаяды, күшейеді, рухын толтырады.

«Мәңгілік ел» концептісін осындай контексте қарастырған орынды деп білеміз. Өйткені бұл идея өзінен-өзі туындай салған жоқ. Ол бүкіл түрік өркениетінің тарихи-рухани, мәдени жолының әр бір қадамымен ірі кешенді талғамдарының бүгінгі заман тынысымен бетпе-бет ұшырасуынан туындап отыр.

IX-X ғасырдағы «Мұсылмандық ренессансты (А. Мец) бүкіл түркі дүниесінің ойшылдары мен ғалымдары біртұтас болып, тиянақты ізденуі нәтижесінде жасаған. Соның нәтижесінде түркі әлемінде бұрын-соңды болмаған ірі жаңалықтар дүниеге келіп, олардың інжу-маржандары Батыс Европа ғылымына тірек, бастау болған. Мұның айқын дәлелі – М. Хорезми, Әл Бируни, Ұлықбектің ғылымдағы ірі табыстары.

XX ғасырдың аяғында XXI ғасырдың басында тағы да осындай бір өрлеу, қайтадан жаңғыру уақыты пісіп жетілді. Түркі өркениетінің, жалпы бүкіл әлемнің мәдениеті мен өркениеті жер шарында халықтық жаманы жоқ екендігін дәлелдеп отыр. Этнология ғылымы бойынша әр бір халық мыңдаған, миллиондаған адамдардың жиынтығы. Олардың басым көпшілігі жоғары интелектуалды адамдардан құралған.

Адам баласының даму жолында әр түрлі дәрежеде объективті және субъективті қарама-қарсылықтар болып отырады. Соның нәтижесінде халықтардың даму дәрежесі де бірдей болмайды.

Мустафа Кемал Ататүрік осыдан 77 жыл бұрын Түркия түріктеріне қалдырған өсиетінде былай деген еді: «Бүгін Совет Одағы досымыз, көршіміз, одақтасымыз, бұл достық бізге қажет. Алайда, ертең не боларын, бүгін ешкім кесіп айта алмайды. Дүние жаңа тепе-теңдікке ұласуы мүмкін. Міне, сол кезде Түркия не істеу керектігін білуі тиіс. Бұл досымыздың қол астында тілі, діні, тегі бір бауырларымыз бар. Оларға қол ұшын созуға дайын болуымыз керек, әзір болу ол күнді күту емес. Дайындалған жөн, халықтар бұған қалай әзірленеді. Тіл – бір көпір, сенім – бір көпір, тарих – бір көпір. Тамыр етегімізге оралып, сан қилы оқиғалармен сөгілген тарихымызды түгендеуге тиіспіз. Бауырларымыздың жақындауын тоспай, біз оларға жақындауымыз тиіс» (4, 62 б).

Кеңес одағы ыдырап, қазақ елі өз тәуелсіздігін жариялаған уақытта оған ең бірінші қолдау көрсеткен Түркия болатын.

Қазіргі уақытта Түркия мен Қазақстан арасындағы достық қарым-қатынас одан ары нығайып, екі елдің мәдени, рухани сұхбаты тереңдей түсуде.

«Мәңгілік ел» – тарихи дәстүрлер мен инновациялық ойлаудың өзара ұшырасуынан туындаған кешенді идея. Бұл – өзінің даму жолында «мың өліп мың тірілген», тар жол тайғақ кешулерді басынан өткірген, қандай қиындық, нәубет басына түссе де ешбір мойымай, тек алға ұмтылған, «түстік ғұмырың болса, кештік малыңызды жина» дейтін оптимистік философияны дүниеге келтірген қазақ рухының ұлы жобасы.

«Мәңгілік елді» – ұлттық идея ретінде жариялай отырып Н. Назарбаев оны жеті бағытпен анықтады: Қазақстан мен Астананың тәуелсіздігі, ұлттық бірлік, қоғамдағы бітім мен келісім, зайырлық қоғам және руханилық; индустрияландыру мен инновациялар негізіндегі экономикалық өсім; жалпыға ортақ Еңбек қоғамы; тарихтың, мәдениет пен тілдің ортақтығы, ұлттық қауіпсіздік және жалпы әлемдік, өңірлік мәселелерді шешуге еліміздің атсалысуы. Елбасы атап көрсеткен бағыттарды негізінен үш маңызды ұстаным төңірегіне топтастыруға болады. Ең бастысы және бірегейі – ұлт мүддесін жеке бас мүддесінен жоғары қою. Бұл қазақ халқының тарихынан, әдебиетінен, мәдениетінен заңды туындаған ұлағат өнеге. Халқымыздың басына бұлт үйіріліп, нәубетке ұшыраған қиын-қыстау жағдайдың бәрінде ұлт қамы үшін өзін аямаған есіл ерлер әр

уақытта болған. Ұлы қолбасшыларымыз, хандарымыз, ақын-жырауларымызды атамаған күннің өзінде солардың бастаған, ізін суытпаған, олардың өнегесіне адалдық танытқан қайраткерлер көптеп саналады. Соның бірі Нұртас Ондасынов Қазақстанның үш ауданын Өзбекстанға беруден сақтап қалған «Нұртас Ондасыновтың артында ұлтына ұрандай болып қалған ұлы үш түйінді сөзі бар». Ол «Ешкімнің жаны мен қаны мойнымда жоқ – арым таза. Ешқашан ешкімнен пара алған жоқпын – қолым таза; ешкімнің жүзі мен руын сураған емеспін, жүзім таза, үш ақ тұжырым! Өмір сүрудің ережесі, ал басқарудың алғы шарты, теоремасы» (5, 48-50 б.).

Қазіргі мемлекеттік қызметкерлеріміз осындай азаматтық адами деңгейге көтеріліп, халық мүддесіне таза адал еңбек етсе, мұнан жақсы еліміз ұтатыны сөзсіз.

Екінші – білімге құштарлық. «Білегі күшті бірді жығады, білімі күшті мыңды жығады» дейтін халық даналығы осы замандағы басты императив болуы керек. Дүрбелеңге толы, алмағайып заманның қиын да күрделі сауалдарына төтеп беріп, ішкі тұтастық пен өзіндік менді сақтап қалудың бірден бірі жолы – білім және оған негізделетін біліктілік.

Үшінші маңызды фактор – еңбек сүйгіштік. Кез келген салада көрнекті нәтижеге жету үшін қажымай, талмай, жүйелі түрде еңбек ету керек. Осы үш негізгі факторға міндетті түрде индустрия, сәулет, ғылым салалары да қолдау көрсете алады. Жоғары рухқа, біліктілікке, іскерлікке негізделген еңбек тілі, тарихы, мақсаты ортақ, қауіпсіз тұрмысы, барлығы жағынан үйлестірілген, ұйымдастырылған әлеуметтік ортада ғана өз жемісін бере алады.

«Мәңгілік ел», ең алдымен, іштен шыққан жауды жеңуге бағытталған. Іштен шыққан жау қатарына ашкөздік, дүниеқоңыздық, қызғаншақтық, жеңіл жолмен олжа табуға ұмтылыс сияқты толып жатқан ұсақ адами кемшіліктер жатады.

Жаһандану қанат жайған – қазіргі уақытта екі алпауыт мемлекеттің ортасында тұрмыз. Екеуі де біздің болмысымызды жойып жіберуге, тілімізден, дінімізден айырып жіберуге барлық күшін салады. XX ғасырдың бас кезінде Міржақып Дулатов айтқан «Оян, қазақ» ұраны әлі де өз маңызын жоғалтқан жоқ. Біздің халқымызға бұдан былай қалғып қамсыз жүргенді тоқтатар уақыт келді. Халық өз ойына, өз санасына ғана

сенуі қажет. Қазақ әр уақытта өзіне-өзі сенген, өзінің табиғи, тарихи биіктігінен, тәкаппарлығынан төмендемеген. Жаманға жалынбаған, жақсыға табынбаған.

Осындай жоғары адами биіктік пен тектілікті сақтап қалудың тетігі, жолы ұлттық менталитеттің інжу-маржандарын бойына сіңірген салт-дәстүр мен ана тіліміз, осы екеуінен тараған құндылықтарымыз.

Тәуелсіздіктің төл түлектері – жастар батыс мәдениетінің құндылықтарына көбірек көңіл аударып, ұлттық құндылықтардан тым алшақта тәрбиеленуде. Осы жағдайды есепке алып, білім берудің барлық деңгейлерінде оның оқу-ағарту әрекеттерін ұлттық тәрбие мәселесімен ұштастыру – қазақ елінің «Мәңгілік елге» айналуының алғышарты.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Тану мен қорку – Қазақ әдебиеті, 2014. №6 (3378) – 7 б.
2. Өтелбаев М. Ғылымға керегі – дарын, дарынға керегі – ғылым. – Егемен Қазақстан, 2014, 6 ақпан. 7 б.
3. Қашқари М. Түрік сөздігі (Диуани лұғат-ат түрік) Т. 1. Алматы, Хант, 1997 – 530 б.
4. Қазақстан түгел түріктің алтын бесігі – Тіл. 2011, №11 – 12-62 б.
5. Оразалықызы Г. Қызметкер емес, қайраткер болған Оңдасынов – Тіл, 2012, №9 – 48-50 б.

Резюме

В статье излагаются тюркские истоки национальной идеи «Мәңгілік ел», раскрывается социальная, духовно-нравственная значимость основных императивов.

Summary

The article presents the Turkic origins of the national idea «Mәngilik eaten» reveals the social, spiritual and moral significance of the basic imperatives.

ЗАМАНАУИ ТҮРІК ӘЛЕУМЕТТАНУЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Ж.А. Нақыпбаева,

*Л.Н. Гумилёв атындағы ЕҰУ аға оқытушысы,
әлеуметтану магистрі*

Қазақстандағы үштілдік саясаттың талаптарын ескере отырып, елдегі алдыңғы қатарлы жоғары оқу орындары әлемдік білім беру стандарттарына сәйкес шетелдік тәжірибені енгізіп, шетелдік мамандарды серіктестікке тартуда. Қазақстандық жоғары оқу орындары осы мақсатта батыстық және америкалық ғылыми тәжірибені дамытып отыр. Дегенмен, тілдік, ділдік жақындық Түркиямен тығыз академиялық байланыс орнатуға итермелеп отыр. Соңғы жылдары Түркия мен Қазақстан Республикасының әлеуметтанушылары арасында академиялық серіктестіктің қарқынды өсіп отырғанын байқай аламыз. Әлеуметтанушылар арасындағы серіктестік білім берудің үш деңгейлі жүйесі (бакалавриат, магистратура, докторантура) бойынша қарқынды дамуда, оның көрінісі ретінде жоғары оқу орнында оқитын магистранттар мен докторанттардың академиялық мобилдік бойынша Түркиядағы ірі жоғары оқу орындарының «Әлеуметтану» кафедраларында тәжірибе алмасып, ғылыми зерттеу жобалары бойынша Түркия университеттерінің мамандарының көмегімен ғылыми тағылымдамадан өтуін атап кетуге болады.

Қазақстанның ғылыми кеңістігінде әлеуметтану жас ғылым, олай болса, қазақ әлеуметтанушылары академиялық серіктестерінің ғылыми «алаңдарындағы» өзекті мәселелерден хабардар болуы тиіс. Түркиядағы академиялық әлеуметтанудың даму және қалыптасу ерекшеліктері, заманауи түрік

әлеуметтануындағы өзекті мәселелерін зерделеуді мақсат ете отырып, Стамбул (Стамбул қаласы) және Ұлыдағ университетінің (Бурса қаласы) әлеуметтану кафедрасы профессорларымен сұқбат әдісі арқылы жүргізілген әлеуметтанулық зерттеудің және www.tez2.yok.gov.tr (Жоғары білім беру Кеңесінің диссертациялық Орталығы) сайтындағы әлеуметтанулық ғылыми жобалар мен ғылыми монографиялар, бакалаврлық жұмыстар, магистрлік және докторлық диссертациялар туралы мәліметтерге контент-талдау нәтижесінде жинақталған ақпараттардың негізінде осы мақала дайындалды.

Әлеуметтану – қоғам туралы, қоғамдағы құбылыстар мен процестерді зерттейтін ғылым. Олай болса, академиялық деңгейдегі әлеуметтанудың қандай мәселелерге жиі назар аударатындығын зерделей отырып, сол қоғамның өзекті әлеуметтік қырларының мәнін түсінуге болады.

Әлеуметтанудың академиялық ғылым ретінде институттануын түркиялық әлеуметтанушы ғалымдар мемлекеттің құрылу тарихымен тікелей байланыстырады. «Мемлекет құлдырай бастаған кезде, әлеуметтану қалыпты жағдайды сақтап қалу үшін жұмыс істеді. Бұл жағдайда әлеуметтану еуропалық әлеуметтану тарихынан ерекше болды. Өзіне тән бір ерекшеліктері бар. Одан кейінгі жылдары Осман империясы Бірінші дүниежүзілік соғыстан соң құлады. Тәуелсіздік соғысынан кейін, мемлекет құрылды. 1923 жыл болатын. Империя кетті, бір ұлттық мемлекет құрылды. Бұл жағдайда әлеуметтанудың да ерекшеліктері пайда бола бастады. Осы жылдары әлеуметтану ұлттық бірлікті, бірегейлікті сақтау мәселелеріне көп көңіл бөле бастады. Көп ұлтты императорлықтан бір ұлтты мемлекетке айналды. Сол үшін де Түркия әлеуметтанушылары жаңа пайда болған ұлттың әлеуметтануын қалыптастырды», – дейді Стамбул университетінің профессоры Уфук Озжан.

Алайда, Байкан Сезердің пікіріне сүйенсек, «Түркия әлеуметтануы – батыстық ойдың жемісі». Бұл пікірді әлеуметтанушы өзінің «Основные проблемы турецкой социологии» атты еңбегінде атап өтеді: «Батыстағы әлеуметтанудың пайда болу жағдайы және оның біздің елімізге енуі Түркиядағы әлеуметтанулық зерттеулерге үлкен ықпалын

тигізді. Әлеуметтану батыстық ойдың жемісі ретінде Түркияда пайда бола отырып, осы елдің дамуы үшін Батыстың үстемдігі мен еуропаланудың қажеттілігін түсіндірді. Қазірдің өзінде (2004 ж.) Түркиядағы әлеуметтану өзінің осы мақсатынан бас тарта алмай отыр [1, 9б.].

Түркия мемлекетінің қалыптасуындағы осындай дағдарыс кезеңінде түрік әлеуметтанушылары жаңа заманауи қоғам құру мақсатында мерзімді баспасөзге қоғамдағы өзекті мәселелер туралы мақалалар жариялай бастады. Бұл мәселелер әсіресе дін, саясат, адамгершілікпен байланыста қарастырылды.

Түрік әлеуметтануының негізін қалаушылардың бірі Зия Гокалптың еңбектерінде аталмыш мәселелер қозғалған болатын. Жалпы Түркиядағы әлеуметтанудың даму тарихы Зия Гокалптың 1914 жылы Стамбул университетінде алғаш рет әлеуметтану бөлімін ашудан бастау алғаны белгілі [2].

Әлеуметтанушы Зия Гокалп елдегі ынтымақтастықты сақтау мәселесіне көп көңіл бөлген. Түркиядағы XX ғасырдың басында басталған дағдарыстың негізгі мәселелері әлеуметтік теңсіздік емес, ұлттық бірегейлік, тұтастық мәселесі болғандықтан, Зия Гокалп француз мектебінің, оның ішінде Э.Дюркгеймнің еңбектеріндегі тұжырымдарға сүйенді. [3]. Зия Гокалптың пікірінше, мемлекет болу үшін ең алдымен «ортақ сана» қажет, адам өз мәдениетінен сусындап, бойына оның негізгі құндылықтарын сіңіргенде, яғни төл мәдениетінің нағыз өкілі болған жағдайда ғана «нағыз индивидуалдық қасиетін көрсете алады». Зия Гокалп «қоғам гомогенді сипатта болу керек, яғни мәдениет, дін және ұлттық сана-сезім біртекті болғаны дұрыс» деген көзқарасты жақтады. Э.Дюркгеймнің еңбектерін түрік тіліне аударып отырып, Зия Гокалп француз ғалымының механикалық ынтымақтастық идеясына аса назар аударды, яғни ғалымның пайымдауынша, ұжымдық өмір – жеке адамның өмірінен жоғары тұратын өнім.

1940–50 жылдардан бастап Түркия әлеуметтануында америкалық мектептің ықпалының бар екенін байқауға болады. Яғни, Түркия әлеуметтанушылары зерттеудің әдістері мен әдіснамасына, техникасына назар аударды. «1950 жылдары америкалық әлеуметтанулық ойлары елде тарала бастады. Осы

жылдардан бастап бүгінгі күнге дейін америкалық әлеуметтану, яғни әлеуметтік кеңістікті зерттеулер, мысалы ауылды зерттеу, сияқты мәселелер қарастырылды», – дейді Стамбул университетінің профессоры Коркут Туна.

Осы кезеңде Түркияда көппартиялық жүйе қалыптасты, қоғамның әлеуметтік-экономикалық, рухани мәселелері күрделене түсті. 1960 жылдары Түркия әлеуметтануы қала, индустриялану мәселелеріне қарай бағытталады, себебі елді индустрияландыру саясаты урбанизация процесінің жеделдеуіне алып келді. Бұл кезең экономикалық реформалардың батыл жүзеге асу кезеңі және саяси күштер арасалмағының өзгерістеріне толы кезең болатын. Түрік әлеуметтануы да елдегі өзгерістерді, оның ішінде реформа нәтижесінде трансформацияға ұшыраған ауыл, қала және осымен тікелей байланысты урбанизация, сондай-ақ миграция мәселелерін жиі талқылайтын ғылыми «алаңдарды» қалыптастырды.

1980 жылдары Түркия қоғамында интеллектуалды мен рухани даму нәтижесінде әлеуметтануда қалыптасқан жаңа бағыттардың өзіндік ерекшеліктері де бар. Түрік әлеуметтануына марксизмнің ықпалы бәсеңдеді. Жаңа пікірталас, жаңа тақырыптар ортаға шықты. Әлеуметтану экономикалық тақырыптардан алшақтады, ғылыми аренаға мәдени мәселелер шықты. Ал, 1990 жылдары Түркияға постмодерн әдебиеттер, жаһандану мәселелері үлкен бір жылдамдықпен енді. (Уфук Озжан, Стамбул университеті, профессор)

Түркиядағы әлеуметтанудың жаңа бағыты Хилми Зия Үлкеннің атымен байланысты. Ол Стамбул университетіндегі әлеуметтану кафедрасын қайта құрды және түрік әлеуметтануының әлемдік ғылыми ортадағы беделін көтеру мақсатында түрік әлеуметтанушылар ассоциациясын халықаралық конгреске мүшелікке өткізді, 1952 жылы Стамбулда Әлеуметтанушылардың халықаралық конгресін ұйымдастырды [3,1]. Түрік әлеуметтанушыларының айтуынша, осы шаралар әлеуметтанудың мәртебесін көтерді. Осы кезеңнен бастап түрік қоғамында әлеуметтанушылар жаңа көзқараста зерттеулер жүргізе бастайды, ол зерттеулер қоғамдағы әлеуметтік өзгерістерге бағытталған болатын.

XX ғасырдың 50-60 жылдарынан бастап ғылыми әдебиеттерге шолу жасайтын болсақ, әлеуметтік өзгерістер мәселесіне назар аударып, зерттеулер жүргізе бастаған әлеуметтанушылар: Мүбеджел Кырай (Mübeccel Kıray), Шериф Мардын (Şerif Mardin) және де Ибрахим Яса (İbrahim Yasa).

1950–60 жылдары Түрік әлеуметтанушылары үшін маңызды тақырыптардың бірі ауыл және қала өмірсалтының сипаты мен өзгерістері болды. Әлеуметтанушылар Түркиядағы дәстүрлі қоғамнан заманауи, модернизацияланған қоғамға өтудің динамикасы мен нәтижесін, болашағын зерделеген ғылыми ізденістерді жариялап, қызу пікірталас алаңын қалыптастырды.

Әлеуметтану үшін тағы бір маңызды тақырыптардың бірі – түрік қоғамындағы әлеуметтік шиеленістер. Әлеуметтік шиеленістер Ниязи Беркес (Niyazi Berkes) және Бехиже Боран (Behice Boran) сияқты әлеуметтанушылардың еңбектерінде талданды.

1945 жылы Бехиже Боран «Қоғамның әлеуметтік құрылымын зерттеу: Манисаның екі ауылының айырмашылықтары» («Research on Social Structure: Comparisons of Two Villages») тақырыбында өзінің эмпириялық зерттеуін жүргізді. Зерттеу нәтижелерін, күнделікті мәселелерді шешу туралы көзқарастары мен ойларын «Отан және әлем» («Yurt ve Dünya») және «Қадамдар» («Adımlar») секілді басылымдарда жарияланған мақалаларына арқау етті.

Әлеуметтік өзгерістер, мәдениет және дін саласындағы зерттеулердің, еңбектердің көбейе бастауы және қоғам үшін қолданбалы зерттеулердің қажеттілігіне байланысты әлеуметтанудың ғылым ретіндегі маңызы арта түсті. Осы жағдай Түркияның алдыңғы қатарлы жоғары оқу орындарында әлеуметтану кафедраларының ашылуына және олардың қызмет аясының кеңеюіне мүмкіндік туғызды. Атап айтар болсақ, Эге университетінде (Ege University), Орталық Шығыс Техникалық университеті (Middle East Technical University), Богазичи университеті (Boğaziçi University) және Хаджеттепе университетінде (Hacettepe University) әлеуметтану кафедралары ашылды.

1990 жылы Түркия Әлеуметтанушыларының Ассоциациясы құрылды. Ассоциация әр үш жылда Ұлттық Конгресс

ұйымдастырып отыру қызметімен айналысты. Ұлттық Конгресс қарастырған мәселелердің түрік қоғамы үшін аса маңызды екені сөзсіз. Мысалы, 1993 жылғы ұйымдастырылған Конгресс «Түркия және әлемдегі заманауи даму» («Contemporary Developments in Turkey and the World») тақырыбында өтті, ал келесі конгрестер «Миграция және қоғам» (1996) («Migration and Society») және «Түркия және әлемдегі шиеленіс, интеграция және дифференциация» (2000) («Conflict, Integration and Differentiation in Turkey and the World») мәселелерін талқылады [3].

Қазіргі таңда Түркия университеттерінде әлеуметтану бірнеше бағыттар бойынша жұмыс атқарып отыр. Бұл бағыттар туралы ақпаратты кез-келген ірі жоғары оқу орындарының сайт парақшаларына талдау жасай отырып анықтауға болады. Мысалы, олардың ішіндегі ең жиі кездесетін бағыттар мыналар: жалпы әлеуметтану және әдіснамалық мәселелер, (Genel Sosyoloji ve Metodoloji Anabilim Dalı), тәжірибелік әлеуметтану (Uygulamalı Sosyoloji Anabilim Dalı), құрылымдық әлеуметтану (Kurumlar Sosyolojisi Anabilim Dalı), социометриялық әлеуметтану (Sosyometri Anabilim Dalı) [4].

Жоғары оқу орындарындағы осы бағыттар бойынша профессорлық-оқытушылық құрам студенттермен біріге отырып зерттеулер жүргізеді және әр бағыттың жетекшілері бар. Осы жұмыстар жоғары оқу орындарының жанынан арнайы ашылған бөлімдерде жүзеге асады. Аталмыш бөлімдер арқылы студенттер әлеуметтанулық теория мен тәжірибені қатар алып жүруге машықтанады. Әр университет жанындағы осы бөлімдердің қызметін біздің респонденттеріміз де жоғары бағалады. Олардың айтуынша, зертханалар университет оқытушыларымен қатар студенттерге де жеке ғылыми зерттеу жұмыстарын жүргізуге мол мүмкіндік тудырады.

Заманауи Түркиядағы жас әлеуметтанушылардың ғылыми қызығушылықтарын анықтау мақсатында әлеуметтанушы даярлайтын түрік университеттерінде соңғы 3 жылда қорғалған бакалаврлық жұмыстар мен магистрлік, докторлық диссертацияларға контент-талдау жасалынды. Талдау барысында қазіргі жас әлеуметтанушылар үшін қоғамдағы әлеуметтік өзгерістер, гендер мәселесі, қала және дін мәселелері жиі зерттеу

объектісі болатындығы анықталды. Атап айтар болсақ, Түркия қоғамының жаһандануы, оның жергілікті мәдениетке ықпалы, еуропалану, постмодернизм мәселелері, дін және биліктің арақатынасы, секуляризация, әйелдердің саяси белсенділігі, олардың еркіндігі, урбанизация процесі, халықтың көшіп-қонуы (ішкі көші қон) мәселелері түркиялық жас әлеуметтанушылардың назарында екені зерттеу жұмыстарының нәтижесінен байқалады. Сонымен қатар, жас әлеуметтанушылардың зерттеулерінде Түркия аймақтарындағы процестерге салыстырмалы зерттеудің жиі жасалатынын көруге болады [5].

Түркиядағы академиялық әлеуметтанудың ерекшеліктерін зерттеу барысында, сонымен қатар, ондағы мәселелерге де көңіл аударылды. Атап айтар болсақ, ол – ғылымның қазіргі жағдайы, оның бүгінгі мәселелері, жас ғалымдар арасындағы беделі.

Бурса қаласының Ұлыдағ университеті, әлеуметтану кафедрасының профессоры Арслан Хиссаметдин сұхбат барысында қазіргі академиялық әлеуметтануда мынадай мәселелер бар деп көрсетеді: Түркия әлеуметтануындағы ғылыми мектептің қалыптасу мәселелері; «Түркияда барлығы бір әлеуметтану туралы айтады, бірақ нақты бағыт жоқ. Мысалы, мен әлеуметтануда бір бағыттың болғанын қалар едім. Сол үшін де жұмыс істеп келемін. Мысалы, ол бағыт Ұлыдағ университетін әлеуметтанудың бір мектебі ретінде, Стамбул университетін бір мектеп ретінде көрсететін болса. Ал бізде қазір ондай бағыттар жоқ. Егер мен отбасы әлеуметтануы туралы бір зерттеу жүргізетін болсам, мен оның бастауы қайда екенін таппаймын» – дейді профессор өз сұхбатында. Ғылым қазіргі таңда сән үлгісі секілді. «Қазіргі ғылым ол – сән сияқты (мода). Зерттеушілер де жаңа тақырыптарды байқап жүреді. Мысалы, бүкіл әлем жаһандану туралы айтса, онда барлығы жабылып жаһандануды зерттей бастайды. Егер ол тақырыптың қарқыны басылса, бұл мәселенің де маңыздылығы басылады. Міне, сондықтан да мен оны сән (мода) деп айтамын». Шынайылық пен ғылым арасындағы пікірталас. «Біздегі әлеуметтанушылар шынайылықтан тыс идеалдылыққа көп мән береді. Мысалы, қоғамда шынайы, аймақтық мәселелер болады. Ал, әлеуметтанушылар теорияға сүйене отырып оны астыртын ғана зерттейді, шынайылықты

кейде есепке алмайтын сияқты. Мен осы туралы айтып отырмын. Шынайылықты көруге ұмтылса, шынайы мәселелер шешілер еді. Мысалы, біз мәселелерді шешудің жолын реалистік және идеалистік деп көрсетсек болады. Бұл жерде мен өзімнің жақында шыққан Ақтүріктер туралы кітабымда айттым. Сізге сол кітабымды сыйға тартайын. Кітаптың аты: *Jonturikler Jonkurtler Muhafazakarlar*. Бұл кітапта мен «jacobizm» және «beyaz türkler» деген сөзді қолданамын. Түсініксіз болса, айта өтейін, «jacobizm» «жаңа бір халықты жаратушылар» деген ұғымға көбірек келеді. Оларды Түркия мемлекетінің құрылуы кезіндегі элиталар десек те болады. Мемлекет басындағылар шынайы халықтан басқа бір халық ойлап табуға тырысты. Мен оларды басқаша «Ақ түріктер» деп те атаймын. Халық төменнен емес, жоғарыдан даму алды. Яғни, жаңағы айтқан «жакобистер» жоғарыдан революция орнатуға тырысты. Дін және ұлт ұғымы төменнен келмеді. Шынайылық пен идеалистік көзқарас осында. Қазіргі таңның ғалымдары да осындай ойды айтады, мысалы, «біз батыстың ғылымын, білімін алуымыз керек, бірақ олардың мәдениетін алмауымыз керек» дейді, ол мүмкін бе? Міне, осындай пікірталастар да бар» (Арслан Хиссаметдин, профессор).

Түрік әлеуметтануы ғылым ретінде тәуелсіздік жылдарында қалыптасты. Сондықтан түрік әлеуметтануында саяси сипат басым болды. Респонденттердің барлығы дерлік түрік әлеуметтануының екі ерекшелігін, яғни оның батыстан бастау ала отырып, Түркия қоғамына тікелей әсер етуін; түрік қоғамындағы әлеуметтанудың алғашқы кезеңде саяси сипатта болуын бірауыздан атап өтті.

Түрік әлеуметтанушыларының пікірінше, әлеуметтану батыстық классикалық ойдың нәтижесінде дамыды, алайда қазіргі таңда әлеуметтанушылар жаһандық процестерге жылдам ілессе де, түрік мәдениетінің болмысын, ұлттық ерекшеліктерді ескере отырып, ұлттық қауымдастықты жаңа белестерге көтеру жолында жаңа теориялық тұжырымдар жасауға тырысуда.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Байкан Сезер. Основные проблемы турецкой социологии [текст] / – Алматы, 2004 – 119б.

2. İsmail Coşkun. «Sosyoloji Bölümünün Tarihine Dair», 75. Yılında Türkiye’de Sosyoloji (Yayına Hazırlayan. İsmail Coşkun), Bağlam Yayınları, İstanbul, 1991, s. 13 – 23
3. Zuhâl Yonca Hançer. Problems and status of sociology in turkey. Ankara, 2004. – 199
4. www.istanbul.edu.tr Стамбул университетінің ресми сайт парақшасы
5. www.tez2.yok.gov.tr Yükseköğretim Kurulu Başkanlığı Tez Merkez

Резюме

В статье рассматриваются особенности становления и развития академической социологии в Турции, а также актуальные вопросы современной турецкой социологии.

Summary

The peculiarities of formation and development of academic sociology in Turkey, as well as topical issues of the modern Turkish sociology.

ҚАЗАҚСТАН МЕН ТҮРКИЯ АРАСЫНДАҒЫ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ МҮШЕЛ ЖАСЫ

А.А. Оспанова,

*Қ.А. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
«Дүниежүзі тарихы» кафедрасының PhD докторы*

Е.И. Есалиева,

*Қ.А. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
«Дүниежүзі тарихы» кафедрасының магистранты*

1991 жылдан бері Қазақстан мен Түркия арасындағы қатынастар екі ел халқының тарихи және мәдени мұраларының ұқсастығы, өзара сыйластық пен сенімділік ахуалы негізінде тұрақты саяси, сауда-экономикалық және мәдени-гуманитарлық салалардағы жан-жақты тығыз ынтымақтастықты одан әрі тереңдетумен ерекшеленеді.

ҚР Президенті Н.Ә. Назарбаевтың 2003 жылғы мамырда Түркияға жасаған ресми сапары барысында Астана мен Анкара арасындағы қатынастардың стратегиялық әріптестік деңгейге жеткенін мәлімдесе, 2004 жылғы маусымдағы Стамбұлдағы НАТО Саммиті және 2005 жылғы 25 мамырда Бакуде «Баку-Тбилиси-Жейхан» мұнай құбырының әзербайжандық учаскесінің іске қосылу рәсімі шеңберінде ҚР Президенті мен ТР Президенті А.Н. Сезердің кездесулерінде бұл үрдістің жалғасып келе жатқаны тағы да қуатталды. Түркияның қазіргі саяси басшылығы сыртқы саясатты дамыту үрдісінде сабақтастық сипатын жалғастыратынын және Қазақстан Анкара үшін Орталық Азиядағы ең сенімді саяси және экономикалық әріптес болып табылатынын ашық түрде мәлімдеп келеді.

Қазақстан мен Түркия арасындағы қарым-қатынастар алғашқы күннен бастап достық пен бірлікке бастаған тұрақты

байланыстарымыздың берік негізін қалады. Түркиямен екіжақты және көпжақты қатынастарымыз тарихи тамырластығымыздан, ортақ мәдени және рухани құндылықтарымыздан нәр алады [4].

2005 жылғы 26–27 мамырда ТР Премьер-министрі Р.Т. Ердоғанның Қазақстанға ресми сапары маңызды болды. Сапар нәтижесінде бірқатар үкіметаралық және мекемеаралық келісімшарттарға қол қойылды. ТР Премьер-министрі ҚР Парламент Сенатының төрағасы Н. Әбіқаевтың қабылдауында болып, ҚР Премьер-министрі Д. Ахметовпен кең құрамды келіссөз өтті және екі ел үкімет басшыларының қатысуымен Түркияның Астанадағы Елшілігінің ірге тасын қалау рәсімі болды. Сапардың 2-ші күні Алматы қаласында Р.Т. Ердоған ҚР Президенті Н.Ә. Назарбаевтың қабылдауында болып, «Жібек жолы» көрме пойызының салтанатты қарсы алу рәсіміне қатысты. Жалпы алғанда, екі ел басшылары екі жақты, әсіресе экономикалық саладағы ынтымақтастықты одан әрі жандандыруға күш жұмсау керектігіне назар аударуда. Бұл бағыттағы мүмкіндіктерді әлі де толығымен пайдалануға қадамдар жасау керектігіне келісіп отыр [5].

Саяси, сондай-ақ аймақтық және халықаралық деңгейдегі ынтымақтастық мәселелерінде тараптар Азиядағы өзара ісқимыл және сенім шаралар Кеңесі (АӨІСШК), Экономикалық ынтымақтастық Ұйымы (ЭБҰ), Ислам Конференциясы Ұйымы (ИКҰ) және басқа да халықаралық ұйымдар шеңберінде тығыз ынтымақтастық үрдісін жалғастыру туралы келісе отырып, Ауғанстан мәселесін, Ирак және басқа да халықаралық проблемаларды шешуде халықаралық және аймақтық ұйымдардың, ең алдымен БҰҰ шеңберінде ынтымақтастықты дамытуға дайын екенін білдіруде.

Сонымен қатар, екі елдің Еуропа, Еуроатлантикалық және басқа да ұйымдарда ортақ іс-қимылдары үлкен маңызға ие. Қазақстан 2004 жылғы маусым айында Стамбұлда өткізілген ИКҰ сыртқы істер министрлер жиынында ИКҰ Бас хатшысы болып Түркия өкілінің сайлануына, өз кезегінде түрік тарапы ЭБҰ-ның төрағалығына Қазақстан өкілінің сайлануына қолдау көрсетті. Түрік тарапы Қазақстанның Еуропада қауіпсіздік және ынтымақтастық ұйымының 2009 жылғы төрағалық және БҰҰ-ның Экономикалық және Әлеуметтік Кеңесі үміткерлігіне, ал

қазақ тарапы Түркияның БҰҰ Қауіпсіздік кеңесінің 2009–2010 жж. тұрақты емес мүшелігі үшін өзара қолдау білдіруде.

Қазақстан Азиядағы Өзара іс-қимыл және сенім шаралары кеңесінің кезекті төрағалығы қызметтерін 2010 жылғы маусым айында Түркияға тапсырғанын да айтуға болады [1].

Бұдан басқа Түркия БҰҰ Қауіпсіздік кеңесінде 2017–2018 жылдары уақытша мүшелікке Қазақстанның кандидатурасын қолдайтындығын мәлімдеді. Қазақстан да БҰҰ Қауіпсіздік кеңесіне 2015–2016 жылдары уақытша мүшелікке Түркияның кандидатурасын қолдайтындығын білдірді [4].

Түркияның саяси және қоғамдық орталары Қазақстан басшылығының елдегі ішкі саяси және экономикалық іс-шаралары мен сыртқы бастамаларын мұқият және қызығушылықпен қадағалауда. Осы ретте, ҚР Президентінің Орталық Азия Одағын құру туралы ұсынысы жан-жақты талқыланып, үлкен резонанс тудырды. Түрік тарапының пікірінше, идеяның іске асуы тек қана ОА мемлекеттеріне ғана емес, сондай-ақ бүкіл түркі тілдес елдеріне айтарлықтай әсері болары сөзсіз.

Түркияның жоғары басшылығы және жалпы түрік саяси қоғамы Қазақстанда 2005 жылғы 4 желтоқсанда өткен президенттік сайлауларға оңды көзқарас білдірді. Түркияның Қазақстанға деген жіті көзқарасын президенттік сайлауға 39 кісіден тұратын бақылаушыларды жіберуінен көруге болады (АҚШ-тан кейінгі ең ауқымды 2-ші делегация). ТР Президенті А.Н. Сезер, Премьер-министр Р.Т.Ердоған және ТР 9-шы президенті С. Демирель сайлаудың жеңімпазы Президент Н.Ә. Назарбаевты алғашқылардың бірі болып құттықтады. Сонымен қатар, көптеген іскер ұйымдар мен саяси қоғамдық топтардың басшылары атынан құттықтаулар келіп түсті. Анкараның бағамы бойынша, ҚР Президенті Н.Ә. Назарбаев жетекшілігіндегі Қазақстан тәуелсіздік жылдарынан бері жүргізіліп келе жатқан саяси, экономикалық және демократиялық реформалар тұрғысынан маңызды белестерден өтті. Қазақстан жалпы Еуразия аймағында, оның ішінде Орталық Азияда саяси тұрақтылықтың үлгісі. Қазақстан экономикалық және саяси тұрақтылықтың кепілі бола отырып, демократиялық бағытта табанды әрі жоспарлы реформалар жасауда.

Екі жақты қатынастарда парламентаралық, парламенттердегі депутаттық достық топтары арасындағы байланыстарды одан әрі жандандыруға көңіл бөлінуде. 2005 жылғы 31 қаңтар – 3 ақпан аралығында ҚР Парламенті Мәжілісі төрағасының басқаруындағы ҚР Мәжілісі делегациясының Анкараға ресми сапармен келіп, кездесулер барысында тараптар екі жақты ынтымақтастықтың жалпы ахуалы бойынша пікір бөлісумен қатар, бауырлас екі елдің парламентаралық байлынастарын одан әрі дамыту көкжиектері талқыланды. Халықаралық құрылымдар шеңберінде ортақ іс-қимыл шараларының маңыздылығына тоқталды.

Қазақстан мен Түркия арасындағы екі жақты қатынастарының маңызды бағыттарының бірі әскери және әскери-техникалық саладағы ынтымақтастық болып табылады. 2005 жылғы 13–15 маусымда ТР Бас штабының бастығы Х. Өзкөктің Қазақстанға ресми сапары өтсе, 2006 жылғы 28–29 маусым аралығыда ҚР Қорғаныс министрі М.Алтынбаевтың Түркияға ресми сапары болды. Олардың барысында тараптар әскери саладағы ынтымақтастықты одан әрі тереңдетумен қатар, қорғаныс өнеркәсібі саласында бірлесе отырып іс-қимыл жасау жөнінде уағдаласты.

Бұның тағы бір дәлелі Түркиядағы ұйымдасқан өнеркәсіп аймақтары Қазақстан өнеркәсібі үшін үстіміздегі жылдың 20 қазан күні Түркия Бас министр орынбасары Бекир Боздагдың Қазақстанға сапары барысында Қазақ-түрік өнеркәсіп аймақтарының құрылуына байланысты хаттамаға қол қойылғанын атап көрсетті [1].

ТР ҚК БШ мәліметтеріне сәйкес, бүгінгі күнге дейін Түркия әскери жоғары оқу орындарында ҚР ҚК үшін 96 офицер дайындалып, ҚР ҚК 2 офицері ТР ҚК құрылық әскери Академиясында білімдерін жетілдірді. Қазіргі кезде қазақстандық 38 курсант ТР әскери оқу орындарында білім алуын жалғастыруда.

Қазақстан Республикасының экономикалық саясатында Түркиямен экономикалық қатынастарды дамыту айрықша орын алып отыр. ТР Сыртқы сауда агенттігі (ССА) мамандарының мәлімдеуінше, Орталық Азия мемлекеттерінде, әсіресе Қазақстанда, алдымыздағы жылдары экономиканың өсуіне байланысты жалпы тұтыну деңгейі едәуір артады.

Түрік өндірушілерінің экспортқа шығаратын тауарлар номенклатурасының кеңеюі және өнеркәсіп өндірісінің өсуі Түркияны шет елдерден шикізат материалдары импортын көбейтуге мәжбүр етті. Бұл үрдіс Қазақстан мен Түркия арасындағы сауда тепе-теңдігінің өзгеруіне себеп болды. Атап айтқанда, егер 2001 жылы екі жақты сауда айналымында Түркияның басымдылығы болса, 2002 жылдан бастап бұл көрсеткіш Қазақстанның пайдасына шешіле бастады. Түрік агенттігінің мәліметтеріне сәйкес, Түркия мен Қазақстан арасындағы екі жақты сауда айналымы төмендегідей болып отыр.

Көрсетілген статистикалық ақпаратқа орай, екі жақты сауда айналымында Қазақстанның пайдасы болғанымен, қазақстандық экспортта негізінен шикізат тауарларының басымдылығы көрінеді (бидай, мұнай, газ, көмір, темір және темір бұйымдары, т. б.). Ал түрік экспортындағы тауарлардың көпшілігі екінші және үшінші өңдеуден өткен заттар (металл және пластик бұйымдары, электр машиналары мен олардың қосалқы бұйымдары, жеңіл өнеркәсіп және химия тауарлары, текстиль, жиһаз және үй шаруасы заттары, т. б.).

Дегенмен, ҚР Статистика агенттігінің мәліметтеріне сәйкес, 2004 жылы – 489,5 млн. долл. (экспорт – 147,1 млн., импорт – 342,4 млн.), 2005 жылы – 556,9 млн. долл. (экспорт – 157 млн., импорт – 399,9 млн.), 2006 жылғы қаңтар-тамыз айлары аралығында екі жақты сауда айналымы 478,8 млн. АҚШ долл. (экспорт – 136,6 млн., импорт – 342,2 млн.) құраған. 2011 жылдың алғашқы 6 айында сауда көлемінің 2,8 миллиард доллар болғанын білдірген елші осы көрсеткіштің екі елдің толық күшін әлі де көрсетпей отырғанын баса айтты. Екі ел арасындағы сауда көлемінің 10 миллиард долларға жетуі үшін жұмыстанатындарын білдірді [1].

Екі жақты сауда-экономикалық қатынастарды одан әрі кеңейту мен тереңдетудің маңызды механизмі ретінде Қазақстан-Түркия үкіметаралық экономикалық комиссиясын (ҮЭК) айтуға болады. ҮЭК 3-ші отырысы 2004 жылғы 2-5 мамыр аралығында Анкарада болып өтті. ҮЭК-нің кезекті 4-ші отырысы Астанада 2006 жылғы 24–26 тамызда өтті.

2005 жылы Анкарада Қазақстанның Дүниежүзілік сауда ұйымына (ДСҰ) кіруіне байланысты жүргізілген екі жақты

бірнеше келіссөздердің нәтижесінде, Түркия тарапы алғашқы болып Қазақстанға бұл үрдісте толық қолдау көрсетті және 2005 жылдың 15 тамызында Анкарада екі жақты Хаттамаға қол қойды.

Екі жақты сауда айналымының динамикасында маңызды факторлардың бірі – тауарларды тасымалдау мәселесі. Бүгінгі таңда екі ел арасында тауарлардың басым көпшілігінің тасымалдануы автомобиль көлігімен іске асырылуда. 2005 жылы екі ел арасында көліксферасында бірқатар маңызды уағдаластықтарға қол жеткізілді. Атап айтқанда, түрік жүк тасымалдаушыларына бонустық жүйені енгізе отырып, ұзақ жылдар бойын қордаланып келген екі жақты автокөлік жүк тасымалы мәселесі ойдағыдай шешілді (2005 жылғы 6 маусымда Анкара қаласында өткен Автокөлік тасымалы жөніндегі бірлескен шағын комиссияның отырысы шеңберінде). Осы орайда, түрік тарапының Қазақстан басшылығының халықаралық әуе рейстерін елорда Астанаға көшіру бойынша бірінші болып қолдау көрсеткенін атап өткен жөн. 2005 жылғы қазан айынан бастап «Түрік әуе жолдары» компаниясы «Стамбұл-Астана-Стамбұл» бағытында аптасына екі рет тұрақты рейстерін бастады. Сонымен қатар екі ел арасында қосымша тікелей әуе қатынастарын ашу мәселесі де ойдағыдай шешілуде. Атап айтқанда, қазақстандық «Скат» әуе компаниясының Шымкент-Стамбұл бағытында жаңа рейсі ашылды [4].

2005 жылғы сәуір-мамыр айларында түрік тарапының бастамасымен Стамбұл-Алматы бағыты бойынша «Жібек жолы» көрме пойызы жобасының жүзеге асуы маңызды болды. Алматыдағы пойызды қарсы алу салтанатты рәсіміне ҚР Президенті Н.Назарбаев пен ТР Премьер-министрі Р.Т.Ердоған қатысты. Тараптар екі ел арасында тікелей теміржол байланысын құруға аса мән-мағына беріп отыр.

ТР ССА мәліметтеріне сәйкес, 1993 жылдан бүгінге дейін Қазақстанға 130-ға жуық түрік капиталы бар компаниялар тарапынан тартылған тікелей инвестицияларының жалпы мөлшері шамамен 2 млрд. АҚШ долларын құраса, ал, Түркия Құрылысшылар қауымдастығының бағалауынша, түрік құрылыс компанияларының Қазақстанда іске асырған келісім-шарттарының жалпы құны бүгінгі күні шамамен 3,5 млрд. АҚШ доллары болып отыр [4].

Екі жақты қатынастарда – мәдени-гуманитарлық саладағы ынтымақтастық мәселелері маңызды бағыттардың бірі. Өткен

мерзімде Түркияда өткізілген түрлі мәдени іс-шараларға Қазақстанның мемлекеттік құрылым және қоғамдық ұйымдары өкілдері мен белгілі өнерпаздары және өнер топтары, сондай-ақ Түркияның саяси, қоғамдық, іскер топтары және бұқаралық ақпарат құралдары өкілдерінің қатысқанын, осы сияқты Қазақстанда өткізілген шараларға түркиялық өкілдерінің де барғанын айтуға болады.

Қазіргі кезде түрік тарапының қатысуымен белгілі қазақ авторларының таңдаулы шығармаларын түрік тіліне аудару жобасы өз жалғасын табуда. Бүгінге дейін түрік тіліне 35-тен астам қазақ авторларының шығармалары, оның ішінде Президент Н.А.Назарбаевтың еңбектері, Абай, Жамбыл, М. Жұмабаев, М. Әуезов, О. Сүлейменов, Ә. Кекілбайұлы, М. Шахановтың және т.б. авторлардың шығармалары аударылды. Қазіргі кезде И. Есенберлиннің «Көшпенділер» романының аударылу жұмыстары аяқталу үстінде. Осы ретте, Елбасының «Еуразия жүрегінде» атты кітабының түрік тіліндегі баспасы шықты. Екі тараптың Түркі мәдениеті және өнері жөніндегі ортақ басқарма (ТҮРКСОЙ) ұйымы шеңберіндегі ынтымақтастығы жалғасуда.

Білім саласында Түркістан қаласындағы Қ.А. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің (ХҚТУ) дамуына байланысты жоба ойдағыдай іске асырылуда. Бүгінгі таңда Қазақстан және 28 шет мемлекет пен автономиялық республикадан 11 факультетте 107 мамандық бойынша 25000-ға жуық студент пен аспирант білім алуда. Олардың ішінде 836 студент пен аспирант шетелдік азаматтардың 269-ы Түркиядан. 2005-2006 оқу жылында шамамен 250 түрік студенті келді. Университеттің мыңнан астам оқытушы-профессорлық құрамында 63 оқытушы Түркия мамандары [3].

Осы уақытқа дейін 1500 астам ҚР азаматы Түркияның жоғары оқу орындарын аяқтап елге оралса, қазір елдің 27 университетінде 560 қазақстандық студент білімдерін жалғастыруда. Стамбұл қаласында Абай атындағы орта мектеп табысты қызмет атқаруда [4].

Қазір Қазақстанда 28 Қазақ-түрік лицейі мен үш Қазақ-түрік Университеті білім беріп жатыр. Ал Түркияда 700 қазақ студенті білім алуда [1].

Екі жақты қатынастардың әлеуеті мол бағыттарының бірі – екі елдің қалалары мен аймақтары арасында бауырластық қатынастарды одан әрі жандандыру болып табылады. Қазіргі таңда 7 қала және облыс арасында бауырластық қатынастар орнату жөніндегі хаттамаға қол қойылды (Астана-Анкара, Алматы-Стамбұл, Жамбыл облысы-Қараман провинциясы, Алматы облысы-Анталья провинциясы, Батыс Қазақстан облысы-Ескішехир провинциясы, Оңтүстік Қазақстан облысы-Измир провинциясы, Түркістан-Сивас). Үстіміздегі жылы Ақмола облысы мен Елазығ провинциясы арасында, Түркістан мен Кайсери қалалары арасында бауырластық қатынастар орнату көзделуде. Түркиядағы қазақ диаспорасы екі ел арасындағы байланыстардың одан әрі нығаюына өзіндік үлес қосып отыр. Бүгінгі таңда Түркиядағы қандастарымыздың мақсаттарының бірі – Қазақстан мәдениет орталығын ашу. Түркия Қазақстанның Орталық Азиядағы жетекші рөлін танып, елімізді аймақтағы маңызды әріптесі санайды. Түркия Президенті А.Гүл Президент Н.Назарбаевты Түркі дүниесінің лидері ретінде таниды. Міне, осының барлығы да екі ел арасындағы қатынастардың жоғары деңгейін көрсетеді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. www.trtkazakh.com
2. Фейзуллах Будак «Қазақстан: өткені, бүгіні мен ертеңі» Анкара, 2000.
3. Қ.А. Ясауи атындағы ХҚТУ: Бес жыл бес белес Алматы, 1996ж.
4. <http://www.inform.kz/kaz/article/2426728>
5. Назарбаев Н. «Ғасырлар тоғысында» Алматы 1996.

Резюме

В этой статье авторы рассматривают торгово-экономические, социально-культурные отношения двух государств. Также проведен анализ на основе статистических данных.

Summary

In this article an authors examines the trade and economic, sociocultural relations of two states. An analysis is similarly conducted on the basis of statistical data.

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСТТРАНЗИТНЫЙ ПЕРИОД

А.К. Садвокасова,

*руководитель Центра по изучению межэтнических и
межконфессиональных отношений Академии государственного
управления при Президенте Республики Казахстан, доктор
социологических наук*

Этничность – это категория, которая проявляется в социальной жизни индивидов, социальных групп и целых государств как основа метасоциального взаимодействия. В советской и постсоветской науке не было принято говорить о роли и значении социального конструирования, однако опыт политического управления был основан именно на этих методах. Разрешение задач сегодняшней науки, которая достаточно разнообразна с точки зрения концепций, методов и подходов к социальным феноменам и явлениям, не в полной мере соответствует ожиданиям общества и менеджмента, поскольку транзитный период характеризовался быстрой модернизацией и необходимостью адаптации к новым условиям. В траектории стабильного развития происходит переоценка смыслов и меняются факторы влияния на процессы и поведение.

Методология социологических исследований в межэтнической сфере на данном этапе имеет как теоретическое, так и практическое значение с нескольких позиций.

Во-первых, изучение феномена этничности имеет важное значение для понимания культурно-цивилизационного кода нации, определения его ментальности, моделирования развития общества и государства.

Во-вторых, теоретическое осмысление и наработка средних теорий позволяет замерять на перспективу изменения и траекторию общественных отношений.

В-третьих, практическая значимость изучения данного аспекта заключается в необходимости выявления наиболее значимых факторов влияния на поведенческие стратегии отдельных индивидов или целых групп.

Ставя задачи перед социологами, общество хочет понимать о том, что думают другие о реальной ситуации в обществе, насколько приемлемы предлагаемые нормы поведения и отношения. Власть стремится понять общественные процессы для принятия адекватных решений, получения обратной связи, восприятие предлагаемых идеологием.

Сфера межэтнических отношений является индикатором определенных шагов государства в различных направлениях. Соответственно круг измеряемых показателей в исследованиях по межэтнической проблематике значительно расширяется. Выделим наиболее важные блоки исследовательских задач в таких исследованиях:

- идентичность населения: гражданская, этническая, языковая, религиозная, национально-государственная;
- деятельность государственных и гражданских институтов, которые выполняют функции по обеспечению межэтнической стабильности;
- межэтнические отношения: толерантность, дистанцированность, аккультурация;
- социальные изменения: адаптация, интеграция, консолидация, изоляция, обособление;
- социальные группы: этносы, мигранты, репатрианты, диаспоры;
- социально-территориальные группы: приграничное население, компактно проживающие этнические группы.

Соотнесение задачи, исходных понятий и эмпирических категорий позволяет более четко понимать структуру исследования. При этом следует учитывать цель и задачи конкретно каждого исследования. Учитывая опыт проведения ряда социологических исследований в данной сфере предлагаем

рассмотреть матрицу задач и эмпирических показателей для исследования по теме: «Проведение комплексных социологических исследований по вопросам межэтнической толерантности и общественного согласия», которая была апробирована в исследованиях 2013 года.

Таблица 1

Категоризация задач и эмпирических показателей

Задачи	Исходные данные	Эмпирические индикаторы измерения, категории анализа
Степень информированности населения о деятельности, целях и задачах АНК	Цели и задачи АНК, структура работы, этнокультурные объединения	Степень информированности населения об институте АНК
Информированность населения о нормативных правовых документах, касающихся работы АНК	Конституция РК, законы об АНК, Концепция АНК до 2020 г., Доктрина национального единства	Степень информированности населения об основополагающих документах АНК
Оценка деятельности АНК	Основные направления работы АНК	Степень информированности населения об основных направлениях работы АНК
Интеграция (включенность) АНК в систему государственного управления и общественно-политических процессов в РК	Структура государственного управления и АНК, региональные АНК, политические институты и АНК	Эффективность механизма работы АНК на местах, активность граждан, осведомленность государственных служащих о деятельности АНК, взаимодействие других государственных органов и Секретариатов АНК, работа с политическими партиями

Информированность о работе этнокультурных объединений	Деятельность этнокультурных объединений, социальные и образовательные проекты АНК	Степень информированности о работе ЭКО, узнаваемость республиканских и региональных ЭКО
Вовлеченность населения в этнокультурные объединения	Охват ЭКО населения областей, республики	Степень информированности о мероприятиях, работе Домов Дружбы, театров, школ, просветительских центров
Изучение механизма взаимодействия системы АНК	Организационная структура, характер соподчинения и эффективность принятия решений, механизм реализации задач	Эффективность механизма работы Секретариатов АНК с другими госорганами, ЭКО, ОО, политическими партиями, депутатами АНК, членами АНК, НЭС
Узнаваемость и доверие руководителям АНК	Руководство АНК, члены Совета, мотивы доверия и узнаваемости	Узнаваемость и степень доверия руководству АНК
Узнаваемость и доверие лидерам ЭКО	Руководители ЭКО, члены ЭКО, мотивы доверия и узнаваемости	Узнаваемость и степень доверия лидерам ЭКО
Экспертная оценка деятельности АНК, оценка перспектив развития АНК	Оценка направлений работы, политические, социальные, международные перспективы	Общая оценка работы, перспективы
Исследование характера отношений этнических групп	Межэтнические отношения, этнические стереотипы и дистанции	Восприятие представителей других этнических групп, готовность к сотрудничеству

<p>Изучение социально-экономических, культурных, поведенческих и других актуальных характеристик этнических групп</p>	<p>Социально-экономические, социальные, культурные типы поведения этнических групп</p>	<p>Предпочитаемые сферы занятости, уровень образования, доминирующие культурные ориентации</p>
<p>Определение характера поведения и нацеленности индивидов и групп на определенные действия в случае повышения уровня межэтнической и межконфессиональной напряженности и возникновения конфликтных ситуаций</p>	<p>Ожидания конфликтов, причины возникновения, стратегии поведения</p>	<p>Акторы и возможные причины конфликтов, готовность к конфликтам, оценка конфликтов, возможные варианты поведения</p>
<p>Определение иерархии идентичностей</p>	<p>Идентификационная матрица казахстанцев</p>	<p>Религиозная, этническая, гражданская, языковая идентичность</p>
<p>Изучение направления и глубины межэтнических контактов;</p>	<p>Исторические связи, межэтнические браки, феномены землячества, общность интересов, Родины, будущего</p>	<p>Знания об истории полиэтничного Казахстана, знание о других этносах, живущих рядом, межэтнические браки, взаимопроникновение культур и традиций</p>
<p>Исследование целевых этнических групп по актуальным вопросам; изучение внутриэтнических процессов в этнических группах</p>	<p>Анклавность этнических групп, перспективы их развития, взаимодействие с другими этническими группами, сохранение традиций, культуры, внутриэтнических связей, связей с исторической Родиной</p>	<p>Структура этноса, традиционные институты регулирования отношений, воспитание молодежи, отношение к новым программам Правительства, доступ к образованию, здравоохранению, связи с исторической Родиной, миграция</p>

Изучение состояния процесса адаптации и интеграции оралман (репатриантов) в казахстанское общество	Страны прибытия репатриантов, мотивация, восприятие правовых, социальных, экономических норм казахстанского общества, оценка собственных перспектив	Социальное самочувствие, соотнесение собственной судьбы и Родины, ожидания от приезда в Казахстан и степень их реализации, отношение к казахстанцам
Изучение состояния процесса адаптации и интеграции трудовых мигрантов в казахстанское общество	Страны-доноры трудовых мигрантов, проблемы мигрантов, сферы занятости, отношение местного населения	Удовлетворенность условиями пребывания, сравнение своей страны и Казахстана, отношение к казахстанцам
Выявление общих ценностных ориентаций этнических групп Казахстана	Иерархия ценностей граждан Казахстана	Структура ценностей казахстанцев: социальные, политические, экономические, культурные

Рассматривая данные категории в единовременном срезе, следует понимать общие социально-экономические, политические, культурные процессы. Посттранзитный период характеризуется устоявшимися отношениями, сформировавшимися социальными институтами и характером индивидуальных особенностей личностей. Вместе с тем, современные процессы влияния информационной среды, корреляции между принятыми в науке переменными как доход и отношение к жизни не позволяют быть уверенными в устоявшихся категориях. Например, по результатам исследований в 2013 году было установлено, что наиболее важным индикатором этничности общественное мнение считает язык и религию*. За-

* «Проведение мониторинга межэтнических отношений с выработкой предложений и рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере межэтнических отношений». Министерство культуры и информации РК, Институт социально-политических исследований. Репрезентативная общенациональная выборка 3000 респ.

тем следуют гражданство, национальность матери, место рождения и личный выбор.

Подавляющее большинство респондентов обычно не придает значения этнической составляющей окружающих. Но важно подчеркнуть, что в негативной или кризисной ситуации именно этот фактор выходит на первый план.

Для выявления наиболее значимых факторов влияния на изменение межэтнической ситуации можно рассмотреть следующий блок задач и индикаторов, который был апробирован в ходе исследования на тему «Проведение мониторинга межэтнических отношений с выработкой предложений и рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере межэтнических отношений».

Таблица 2

Категоризация задач и эмпирических показателей

Задачи	Исходные данные	Эмпирические индикаторы измерения, категории анализа
Ключевые факторы влияния на межэтническую ситуацию	Этнические группы, межэтнические отношения, толерантность, интолерантность, этнические особенности, межэтнические браки, традиции, культура, язык	Определение характеристики этничности, влияние этничности на выбор круга общения, межэтнические браки, влияние этнической принадлежности на восприятие картины мира, отношение к традициям и обычаям этносов, проживающих в Казахстане, языковая ситуация, общие гражданские, культурные ценности
Выявление негативных тенденций в межэтнической ситуации	Социальные проблемы, социальная напряженность, социально-экономическая ситуация	Рейтинг основных социальных проблем, шкала социальной напряженности, пути снятия напряженности, основные акторы, ожидания

<p>Потенциальные конфликтогенные зоны</p>	<p>Конфликты, интересы, причины конфликта, вероятность возникновения конфликта</p>	<p>Степень вероятности возникновения конфликта, конфликтное поведение, установки на сотрудничество, мотивация стратегии поведения в конфликтный период</p>
<p>Характер государственной политики в сфере межэтнических отношений: сильные и слабые стороны</p>	<p>Базовые принципы государственной этнополитики, механизмы реализации, влияние и эффективность госэтнополитики на жизнь граждан, гражданская идентичность</p>	<p>Информированность и поддержка основных направлений госэтнополитики, оценка государственных органов, доверие к госэтнополитике, основные достижения в этой сфере</p>
<p>Влияние конфессиональной ситуации на межэтнические отношения</p>	<p>Конфессиональные отношения в Казахстане, характер государственной политики в данной сфере</p>	<p>Этноконфессиональная идентичность, отношение к государственной политике, восприятие радикализма и терроризма</p>
<p>Этнический фактор в миграционных процессах: влияние внутренней миграции на межэтническую ситуацию, трудовые мигранты и их влияние на межэтническую ситуацию</p>	<p>Миграция, причины миграции, характер миграции, направление миграции</p>	<p>Степень готовности к миграции, мотивация миграции, намерения и стратегии</p>
<p>Основные тренды развития межэтнических отношений в мировой политике</p>	<p>Ситуация в мире, типологизация основных политик в поликультурных обществах</p>	<p>Информированность населения Казахстана о событиях в других странах, связанных с межэтническими конфликтами, оценка политики других стран</p>

Уровень конфликтогенного и протестного потенциала по этническому вопросу в соседних странах	Аргументация в СМИ на этничность и властные отношения	Динамика конфликтогенности, факторы стабилизации или эскалации
Влияние политической ситуации в различных странах на этнический вопрос в Казахстане	Влияние диаспоральной политики соседних государств, влияние конфликтов в соседних странах на население Казахстана	Информированность о диаспоральной политике других стран, оценка конфликтов в других странах и возможные действия со стороны казахстанцев по их предотвращению
Оценка внешнего влияния на этнические процессы в Казахстане	Информационное пространство, уровень влияния и ресурсы по регулированию	Источники информации, наиболее резонансные информационные поводы, возможное поведение при изменении ситуации в Казахстане

Подбор методов получения валидной социологической информации и предполагает использование нескольких исследовательских методик: массовый опрос, экспертный опрос, фокус-группы, глубинные интервью. Методология исследований предполагает адресное определение объекта исследования, т.к. определенные индикаторы могут не выявиться при массовом опросе населения.

Түйін

Мақалада Қазақстандағы этносаралық қатынастардың әлеуметтік зерттеу әдіснамасы зерделенеді. Посттранзиттік кезеңде әлеуметтік топтардың сәйкестену басымдылықтары өзгереді. Бұл өз алдына өлшеу индикаторларының кең шеңберін қолдануын талап етеді.

Summary

The article presents the development methodology of sociological research inter-ethnic situation in Kazakhstan. It is noted that in the period observed posttransition changing priorities identify social groups that require the use of a wide range of indicators for measuring.

КӨНЕ ТҮРКІ ӘДЕБИ МҰРАЛАРЫ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАДЫ

Б.Ж. Смагамбет,

*Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, саяси ғылымдарының
кандидаты, доцент*

Соңғы жылдары зерттеушілер әлемдік экономикалық, саяси және әлеуметтік-мәдени процестерде ұжымдық қауымдастықтар ықпалының басымырақ болуын өңірлену (регионизация) құбылысымен байланыстырады. Бұл әлемдік әлеуметтануда индивидуализм әдіснамасынан холизмге көшу тенденциясын тудырды. Осы әдіснама Эмиль Дюркгеймнің ғылыми шығармашылығымен байланысты екенін білеміз. Заманауи даму әлеуметтік қауымдастықтардың жаһандануға қарсы адамдардың өзіндік ерекше табиғатқа ұмтылуы, ұжымдық ұқсастық пен әрекетке талпынуы деп түсіндіруге болады. Әлеуметтану тарихында әдіснамалық холизмді Э. Дюркгейммен қатар О. Конт, Г. Спенсер, Ф. Теннис, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон қолданған. Неміс әлеуметтанулық мектебінің өкілі В. Рошер кез келген әлеуметтік қауымдастықтың әрекетінің негізінде «ақылға сыйымды эгоизм» ғана жатқан жоқ, сонымен бірге әділеттілікке деген ұмтылыс, ынтымақтастық рухы, сол қауымдастықта қалыптасқан ережелер жатыр» деген ой айтқан. Бұл процесті Э. Дюркгейм «әлеуметтік деректер» [1] деп атаса, Ф.Теннис «өмір деректері» [2] деп атады.

Әлеуметтік қауымның субъектілігінің белгісі ұжымдық санада жатыр. Ал ұжымдық сана жүзеге асырылатын іс-әрекеттің ортақ қажеттіліктерінің, мотивтерінің, мүдделерінің пайда болуына жағдай туғызатын ерекше қасиет болып табылады. Ұжымдық санаға объективті және субъективті

табиғат тән. Объективтілік – өмір сүрудің, шаруашылықтың ұқсас жағдайларының болуы, әлеуметтік кеңістік фреймдерін қалыптастыратын қауымдастықтың саналуан әлеуметтік және басқа тәжірибелері. Ал субъективтілік – тұлға аралық және топаралық интеракцияларға ұмтылу, ынтымақтастық сезімі және әрекеттерді жүзеге асыруға келісудің қажеттілігін түйсіну.

Аумақтық мүдде, аумақтық ұқсастық, туған өлкенің бейнесі, жергілікті ділдік ерекшелік ұжымдық сананың маңызды элементтері болып табылады. Ұжымдық сана ұжымдық әрекеттен көрініс табады. Осы ұжымдық сананың құрылымына ұжымдық жады кіреді. Ұжымдық сана әлеуметтік топты біріктіріп тұрған оқиғаларды ғана емес, сонымен қатар оларды басқа әлеуметтік топтар және қауымдастықтардан бөліп тұратын тарихи дамудың факторларын есте сақтайды. Ол қауымдық өзіндік сананың құрылымдық элементі болып табылады, соның ішінде этникалық қауымның тамыры «көне тарихтың еншісі» екені туралы сенім адамдарды біріктіреді. Сондай-ақ қауымда авто- және гетереостереотиптер қалыптасып, сол қауымды ерекшелейтін белгілерге айналады. Консолидация процесінде әлеуметтік қауымдастықтың басынан өткен оқиғалар мен оған қатысты тұлғаларға белгілі бір мән беріледі. Оқиға болған кезең мен сол оқиға кейіпкерлері символдарға айналады және осы символдар өзгеше сипат пен мазмұнға ие бола отырып, әлеуметтік жадыны қалыптастырады. Әлеуметтік жады – қоғам мүшелері мойындайтын мифтер, дәстүрлер, сенімдер және өткен шақ туралы түсініктердің, адамдардың «ортақ тәжірибесі» туралы топтық жадының кешені [3]. Әлеуметтік жады өткен оқиғалар мен бұрынғы тәжірибелерді (нақты және қиялдағы) пайымдаумен байланысты, себебі ол әлеуметтік топты құрастыру үшін аса маңызды.

Әлеуметтік жадыны зерттеу заманауи әлеуметтанудың өзекті мәселелерінің бірі болып табылады, себебі әлеуметтік жады кез келген әлеуметтік қауымдастық, соның ішінде ұлттық қауымдастық, болмысының мәнін түсінуге және жаандану процесіндегі әлеуметтік, этномәдени құбылыстарды түсіндіруге мүмкіндік береді.

Мәдени өзгерістердің сабақтастығында мәдени ақпараттарды ұрпақтан ұрпаққа жеткізуде символикаға ғылым аса зор мән берді. «Символдық сөздік пен грамматика белгілі бір дәрежеде

жазба ескерткіштерінің орнын толтырады», – деген пікірлер айтқанымызға дәлел [4]. Әсіресе, осы тұжырым фольклор мен нақты өмірдің өзара ықпалын зерттеуде маңызды. Аталмыш мәселені зерттеуде «семиотикалық» әдісті жан-жақты, терең қолдану мүмкіндігі бар. Семиотиканы қолдану барысында зерттеліп отырған әлеуметтік қауым заманауи жоралғыларда қолданып отырған мәдениет символдарының сипатына, олардың өзекті болып отыруының себептеріне, семантикалық мазмұнын жоғалтпаған доминантты символдардың тұрақтылығына, мәдени символдарды трансляциялау тетіктеріне, салтты сақтау тәжірибесіндегі мәдениет символдарының рөліне, белгілі бір жағдайға байланысты және хронологиялық тұрғыда символдық мазмұнның өзгеруіне, көне және заманауи символдардың арақатынасына, мәдениеттің қазіргі замандағы болмысының ерекшеліктеріне назар аудару керек. Нақты әлеуметтік шындықты семиотикалық жүйе ретінде қарастыра отырып, оның үш қырын көрсету керек. Біріншісі – коммуникациялық, яғни ақпаратты жеткізу. Екіншісі – жеке интеллектуалдық шығармашылық, яғни ақпаратты іріктеу. Соңғысы – ұжымдық жады немесе топ жадысы. Бұл құрылым барлық күрделі жүйелерге тән.

Ғалымдардың тарихи, этнографиялық, әдеби, лингвистикалық, этнологиялық, археологиялық зерттеулері Орталық Азияны мекендеген және мекендеуші халықтардың ұжымдық санасындағы ортақ түркілік мәдени түсініктердің бар екенін көрсетіп отыр. Ғасырлар бойы үлкен аумақты бірлесе игеру нәтижесінде қыпшақтар, оғыздар, қоңыраттар, наймандар, қарлұқтар, үйсіндер, қаңлылар сияқты ірі түркі тайпалық одақтары орталық азиялық түркі тілдес этностардың ғана емес, әзірбайжандар, башқұрттар, ноғайлар, балқарлар, қарашайлар, құмықтар сияқты еуразиялық этностардың ұлт құраушы бөлігіне айналды.

Осы түркітілдес халықтарға жартылай көшпелі және отырықшы мәдениеттің синтезінде пайда болған әлеуметтік болмысты сипаттайтын бай да бірегей ауыз әдебиеті тиесілі. Орталық Азия халықтарының әлеуметтік (ұжымдық) жадын зерделеуде түркітілдес фольклорға негізделген ортақ мәдени құндылықтарға әлеуметтанулық талдау қажеттілігі туып отыр. Ол түркітілдес халықтардың Орталық Азияда жаңа транзиттік ұлттық мемлекеттерді құруымен тығыз байланысты.

Саяси, әлеуметтік, мәдени-әлеуметтік жаңғыру процесінде әлеуметтік жадыда сақталған мәдени кодтарды саяси және басқа мақсатта қолдану кең етек алып отыр. **Зерттеуші** Д.Н. Замятин кез келген жаңа дәстүрге идеологиялық тірек керек болады және ол «мұра идеясы» деген ойды айтады [5]. Тәуелсіз түркітілдес мемлекеттер де саяси имиджін қалыптастыруда көне түркі мәдени мұрасына назар аударуда. Мысалы, тәуелсіз Қазақстанның мемлекеттік рәміздері түркі рухани мәдениетіне тән символдарды жаңғыртты.

Әлеуметтанушылар мен әлеуметтік психологтар халықтың әлеуметтік-ділдік бейнесіне кеңістіктік-цивилизациялық мәдени орта ықпал етеді деп есептейді. Ал әлеуметтік-ділдік бейнені ділді ерекшелейтін негізгі әлеуметтік белгілер, символдардың жиынтығы құрайды. Қазақ зерттеушісі Ә. Қодар «Мировоззрение кочевников в свете Степного знания» деген еңбегінде әлеуметтік болмыстың негізі ауыз әдебиеті үлгілерінде көрініс тапқан деген ойды айтады. [5]. Мұны белгілі фольклоршы ғалым В.Я. Пропп та мақұлдайды [6,115].

Көне түркі фольклорының әйгілі ескерткішінің бірі «Оғызнама» түркі дүниесінің көне заманнан бергі тарихынан, оның рухани болмысынан көп ақпарат беретін дерек көзі болып табылады. Дастан көне түркі әлеміндегі күнделікті тіршілік, адамдардың сенімі мен арман-тілектеріне, болмыс туралы пайымдауларынан мәлімет береді, оның мазмұны қарапайым. «Оғызнамада» оғыздың дүниеге келуі, оның ерлігі, ұлдары мен түркілерді біріктіріп, қаған дәрежесіне көтерілгені сөз болады. «Оғызнама» түркі әлемін бірлік пен ынтымаққа шақырады.

Көне түркілер күн мен аспан денелеріне табынды. Түркі фольклоры да аспан мен көк тәңіріне табыну көріністеріне бай. «Оғызнаманың» қазақ тіліндегі нұсқасында: «Қараңғылық түсіп, Көктен бір жарық түсті. ...Осы жарықтың арасында Жалғыз қыз отыр» делінеді. Ал атақты қырғыз эпосы «Манаста» «Манастың қырқ чоросу,Көсөө куйрук көк бөру,Көкжал эрдин жөөкөру, Көкөр болсаң көк жалаң,Көк жолборстой чамыңып, – деген жолдар бар [7, с.27-28]. Оғыз қағанның қол астындағы батырларын да Көкжал бөрі бастаған. Бөрі – түркілер үшін тотем аң. Заманауи түркілердің арасында ислам дінінің сунниттік ағымы уағыздалып жүргеніне қарамастан тәңірге табыну дәстүрі қалған

жоқ. Мысалы, әрбір қазақтың үйінде қамшы және домбырамен қатар қасқыр терісін ілу дәстүрі бар. Жақын-жекжаттарға қасқыр ішік сыйлау дәстүрі де қалмаған. «Ілулі ішік үй иесі мәртебесінің, беделінің символы болып табылады және отбасын қауіптен қорғайды» деген сенім сақталған [8]. «Көкке» байланысты тарихшы А. Бернштам өзінің «Социально-экономические строи Орхоно-Енисейских тюрок» деген жұмысында «көк түрік» ұғымы әлеуметтік жағдайды көрсетуде қолданылғаны туралы «...был связан с понятием господствующей прослойки тюркского общества, почему и вступал, как правило с высоким эпитетом «голубой», «небесный»,- деп жазады [9,85]. Қазақтар арасында «көкке шығу», «көкке қол жеткізу», «көкті тіреп тұру» деген ұғымдар жоғары статусқа қол жеткізу немесе әлеуметтік иерархияда мәртебелі орынға ие болу дегенді білдіреді.

Оғыз қаған ұлдарының есімі Ай, Күн, Жұлдыз, Көк, Тау, Теңіз болуы – түркілердің аспан мен жерге, суға табынғандығының белгісі. Осы дәстүр заманауи қазақ қоғамында балаға есім беруде сақталып отыр. Мысалы, қазақ арасында кең тараған есімдер: Айгүл, Айнұр, Айсұлу, Күнсұлу, Айдана, Жұлдыз, Айтуар, Айсұлтан, Айжарық, Айшуақ, Күнтуған. Соңғы жылдары қазақтар балаларына түркі тектес есімдерді жиі бере бастағанын байқауға болады.

Орталық Азиядағы халықтардың заманауи отбасылық қатынастары оғыз-қыпшақ дәуіріндегі нормалармен астасып жатыр. Дастанда Оғыз өзі иелігін ұлдары арасында бөліп тастайды. Орталық Азияда патернализмге негізделген патриархатты отбасы әлі де өз позициясын жоғалтқан жоқ. Мысалы, қазақтардағы туыстық қатынастарды анықтау жүйесі: «аталас–жеті ата, ру немесе сүйек–арыс–жүз». Сонымен қатар қазақтарда жеті аталық туыстық жүйе сақталғаны мәлім [10]. Түркімен ғалымы Чары Язлыев түркімендер «газаны бир, «табагы бир», «ырсты бир» деген принциппен бөлінеді деп жазады. Басқа түркі халықтарындағыдай ағайындылардың көршілес қатар үй салу дәстүрі түркімендерде бар («хатар») [11,202-217].

«Оғызнама» жыры түркі тайпаларының ортақ тарихынан көптеген мәліметтер береді. Мысалы, дастанда түркі халықтарының этногенезінде ерекше орны бар тайпалық одақтар (қыпшақ, қаңлы, қарлұқ) туралы мәліметтер бар.

Әлеуметтік жадының құрылымында жер-су атауларының берілу тарихы мен оның мағынасы ерекше орынға ие десек, дастандағы Қорқыттың дүниеге келуімен байланысты Қараспан мен Қаратау таулары Оңтүстік Қазақстан облысындағы Түркстан қаласына жақын жердегі Қарашық өзенін бойлай орналасқан. «Қорқыттың көрі» деген ұғым қазақта «істің сәтсіз нәтижесі» деген мағынада қолданылады. Қазақ арасында «Қорқыт ажалдан қашқанмен құтыла алмапты» деген аңыз, «оның ақырғы демі Сырдария жағасында бітіпті» деп тамамдалады [12].

Орталық Азиядағы оғыз-қыпшақ тайпалар одағының мәдени өзараықпалдастығы туралы тарихшылар мен лингвистер, шығыстанушылар мен әдебиеттанушылардың еңбектері баршылық [13]. Бүгінгі күні осы ықпалдастық нәтижелерін әлеуметтанулық тұрғыда талдау қажеттілігі туындап отыр.

Көне түркі әдеби нұсқаларын басып шығару мен оның идеяларын насихаттау мен тарату жас тәуелсіз мемлекеттердің имиджін қалыптастыруда зор рөл атқарып отыр. Соның ішінде Қазақстанда үлкен жоба – қазақ ауыз әдебиеті үлгілерінің 100 томдық жинағы мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында қарқынды жүзеге асуда. Көне түркі әдеби ескерткіштері мен қазақ фольклоры жоғары және орта мектептің оқу бағдарламасында қамтылған. Батырлық және лироэпостық жырларды жас оқырмандарға лайықтап шығару да қолға алынып отыр.

Ұжымдық сананың ұлттық құрамдас бөлігін қалпына келтіру қазақстандық қоғам үшін аса маңызды, себебі Орталық Азия елдерінің ішінде қазақ мәдениетіне орыс тілі мен мәдениетінің ықпалы басымырақ болды. Ол бірнеше факторлармен түсіндіріледі. Мындаған азаматтардың ана тілін білмеуі олардың өз мәдениетінен сусындауына мүмкіндік бермеді. Отарлық саясат әлеуметтік ортадан әлеуметтік жадының кодтарын өшіруге бағытталды. Оның үстіне жаңа транзиттік елдерде ақпараттық кеңістіктің ашықтығы, батыстану мен жаһандану ұлттық жадыдағы өзіндік ерекшеліктерге ықпал етіп отыр. Әлеуметтік жадыны сақтау үшін жазба және ауыз әдебиетінің үлгілерімен таныстыру, ақпараттық кеңістікте тиімді пайдалану қажет. Қазақстандағы орта білім беретін мектептерде ауыз әдебиеті үлгілерімен таныстыру жайын зерделеу мақсатында жүргізілген контент-талдау көрсеткендей, осы мақсаттағы жұмыс ортақ шешімдерді қажет етеді.

Фольклор – шынайы болмыстың бейнесі. Орталық Азия халықтарының әлеуметтік жадын құрайтын элементтердік мәндік төркіні ортақ, олай болса, мәдени ұқсастықтар аймақтағы саяси, экономикалық, рухани өзара ынтымақтастықты нығайтуға және түркітілдес фольклорды ғылыми зерттеудің, жаңғыртудың және таратудың басты бағыттарын бірлесе айқындауға мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Дюркгейм Э. Қоғамдық еңбек бөлінісі туралы //Әлемдік әлеуметтану антологиясы. Алматы, «Жазушы», 2005, том 2
2. Теннис Ф. Ортақтық және қоғам //Әлемдік әлеуметтану антологиясы. Алматы, «Жазушы», 2006, том 3
3. Толығырақ: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.- М., Языки славянской культуры, 2004; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени – М., Кругъ, 2003
4. Толығырақ қараңыз: Тэрнер В. Символ и ритуал.- М., Наука, 1983, с.43; Барт Р. Таңдамалы. Семиотика, поэтика // Тіл мен мәдениет. Әлемдік мәдениеттану ой-санасы. Алматы, «Жазушы», 2005, том 6; Деррида Ж. Жазу және айырмашылық // Постмодерн философиясы. Әлемдік философиялық мұра. Алматы, «Жазушы», 2007, том 17; Деррида Ж. Есім туралы эссе // Постмодерн философиясы. Әлемдік философиялық мұра. Алматы, «Жазушы», 2007, том; Мид Дж. Г. Ишарадан рәмізге // Әлемдік әлеуметтану антологиясы. Алматы, «Жазушы», 2006, том 4; Кули Ч. Бастапқы топтар // Әлемдік әлеуметтану антологиясы. Алматы, «Жазушы», 2006, том 4; Фуко М. Сөздер мен заттар және оның сыңары // Постмодерн философиясы.
5. Замятин Д.Н. «Наследие в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия» / Социс, 2010, 2, с. 75-82.
6. Кодар А. «Мировоззрение кочевников в свете Степного знания» // Культурные контексты Казахстана: история и современность. – Алматы, НИСА, 1998
7. Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1976, с.115
8. Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». - Фрунзе, 1990,
9. Толығырақ қараңыз: Толеубаев А.И. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. – Алматы, 1991

10. Бернштам А. Социально-экономические строи Орхоно-Енисейских тюрок.- М.,1946,с.85

11. «Ата-әке-бала -немере шөбере-шөпшек-немене-туажат-жекжат-жүрежат-жұрағат-ұрпақ».

12. Язлыев Ч.Туркменская сельская община.Под редакцией Г.Е.Маркова. Ашгабат,1992,

13. Белгілі ғалым Әлкей Марғұланның айтуынша, сол жерде мұсылмандыққа дейінгі стилде орнатылған ескерткіш тозығы жетіп 1925 жылы құлап қалған. 1980 жылдың 11 қарашасында Қорқыт ата басына қазақ архитекторлары, физик, музыкант, тарихшы ғалымдары теңдессіз ескерткіш кешенін орнатты.

14. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.Л.,1964; Гумилев Л.Древние тюрки. – М.,1967; Стеблева И.В. Поэзия тюрков VII-VIII вв. – М.,1965; Она же. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация враннеклассический период. – М.,1976; Короглы Х.Г.Огузский героический эпос. – М.,1976; Он же. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – М., 1983; Малов С.Енисейские. памятники древнетюркской письменности. – М.Л., 1951; Туркменская литература. – М., 1972; Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. – М., 1980; Қоңыратбаев Ә. Қазақ эпосы және түркология» – Алматы, 1987); Келімбетов Н. Ежелгі дәуір әдебиеті (Қазақ әдебиеті бастаулары). – Алматы: Атамұра, 2005; Он же. Древний период истории казахской литературы. – Алматы, Санат, 1998; Еңсегенов Көне түркі шығармалары. – Алматы, Республикалық баспа кабинеті, – 1995–196 б.

Резюме

Автор указывает на актуальность изучения роли древнетюркского фольклора в социальной памяти народов Центральной Азии. На примере «Огузнаме» рассматривается общность социальной памяти современных тюркских этносов.

Summary

The author points out the relevance of studying the role of the ancient Turkic folklore in the social memory of the peoples of Central Asia. Paper examines common of social memory for modern Turkic ethnic groups on the example of «Oguznama».

**ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН
В СТРАТЕГИИ ТОЛЕРАНТНОГО СО-ТВОРЧЕСТВА
ИСЛАМСКОГО И ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВ:
ОПЫТ КАЗАХСТАНА**

Б.М. Сатершинов,

*заведующий отделом религиоведения Института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК,
доктор философских наук, доцент*

Н.Л. Сейтахметова,

*член-корреспондент НАН РК, главный научный сотрудник
Института философии, политологии и религиоведения КН
МОН РК, доктор философских наук, профессор*

Тюркоязычные страны в мировом культурно-религиозном ландшафте всегда имели важное стратегическое значение и исключительно важный статус при решении ключевых вопросов мировой политики. С эпохой независимости Казахстан становится одним из суверенных тюркоязычных государств, влияющих на развитие тюркской культурной парадигмы, межкультурного и межконфессионального диалога, межпарламентского диалога тюркоязычных стран.

Инициированное президентом Республики Казахстан создание парламентской ассамблеи тюркоязычных стран, огромный вклад в организацию ТЮРКСОЙ, а также в развитие тюркской диаспорологии имело большое значение для развития диалогических отношений между тюркоязычными странами. Инициативы Казахстана сегодня в этом направлении представлены четкой диалогической стратегией тюркоязычных стран, имеющей цели и задачи для решения проблемы

сохранения тюркских языков, тюркских традиций в условиях мультикультурного мирового пространства, интеграции. Главные проблемы, которые необходимо решать: в рамках объединения не формального, а диалого-интегрального тюркоязычных государств

1. Сохранение тюркского языка.
2. Сохранение тюрского истока.
3. Сохранение культурного тюркского кода.
4. Сохранение духовного и культурного наследия тюркского

мира.

5. Создание оптимальных социокультурных условий для органичного перехода от консолидации к толерантному сотворчеству тюркоязычных стран.

6. Реконструкция диалогической роли тюркоязычных стран в инсталляции толерантных отношений Востока и Запада, исламского и христианского миров.

Именно реконструкция, поскольку такой опыт всегда существовал в средние века, например в Мусульманской Испании, Мусульманской Индии. Например, династия Великих Моголов реализовывала политику межконфессионального согласия, династия Караханидов проводила политику толерантности, а в основу идеологии их правления были возведены принципы просвещения и рационального прагматизма. Это при правлении Караханидов были написаны знаменитые труды «Благодатное знание» Баласагуни и «Диван-лугат-ат-тюрк» Кашгари, в которых содержались ценностные духовно-объединительные принципы тюркоязычных народов, раскрывались значение и онтологический смысл тюркского языка, необходимость сохранения своего тюркского культурного истока и своих культурных традиций.

Великие учителя человечества – Аль-Фараби и Абай – являются не только философами – мыслителями, миссионерами диалога между культурами и народами. Это аль-Фараби открыл Западной Европе античное философское и научное наследие, его философия стала герменевтическим диалогом Запада и Востока. Абай открыл диалогическую перспективу и философию взаимодополнительности российской, христианской и исламской культур.

Будучи яркими представителями тюркской культуры, аль-Фараби и Абай, призывали к сохранению собственной тюркской идентичности, своей самости, своего Я, но в диалоге культур с другими народами и религиями. Эта роль тюркских и казахских мыслителей должна быть оценена и продуктивно использована в условиях мультикультурного современного общества, поскольку существует необходимость в расширении и продвижении дальнейших механизмов диалога Казахстана не только с тюркоязычными странами, но и со странами исламского Востока. И Казахстан сегодня выполняет эту диалогическую миссию.

Казахстанские диалогические стратегии известны мировому сообществу, это «диалог и партнерство цивилизаций», «диалог мировых и традиционных религий», «современная модель евразийства», «модель межконфессионального согласия», все эти стратегии могут быть успешно применены в тюркоязычном культурном пространстве, поскольку в них содержится диалогическая установка на формирование толерантного мышления и толерантного сознания, все они могут претендовать на миротворческую миссию, объединяющую исламский Восток с Западом.

Конечно, не бывает идеальных моделей, которые бы могли удовлетворить все предпочтения. Сегодня в Казахстане диалогическая модель работает и на уровне межгосударственном тоже. Однако в современных условиях необходимо совершенствование диалогических механизмов для коммуникативной интеграции тюркоязычных стран со странами Западной Европы и Мусульманского Востока.

Казахстан позиционируется светским государством, но глубоко хранящим свое культурное духовное бытие, традицию, укорененную в языке, и одновременно он открыт коммуникации с миром других культур. Смысл диалогической политики Казахстана заключается в формировании философии толерантности и толерантного типа человека – «Homo tolerantis», который сохраняет собственное достоинство и ценит в человеке другом его достоинство, его культурно-религиозный суверенитет.

Многие тюркоязычные страны- уникальны еще и тем, что они несут в себе исламской контент. В современных условиях это очень значимо, поскольку тюркский мир всегда представлял собой мир комфортабельного сосуществования различных религиозных течений, разных мировоззрений: светского и религиозного. В этом его значении весьма продуктивным представляется религиозно-культурный «иммунитет», который позволяет не только сохранять комфортное поликультурное пространство, но и создавать благоприятные условия для его развития.

В тюркоязычных современных странах существующие модели светскости представляются достаточно комфортными и для религиозных людей, поскольку существует толерантная политика со стороны государства и ответная со стороны религиозных объединений. Секулярный контент тюркоязычных стран согласно кораническому положению о том, что «в религии нет принуждения» органично вошел в онтологию свободы вероисповедания и представляется одним из главных принципов взаимодействия государства и религии.

Знаменитый социолог Жан Боберо на вопрос о том, «является ли светскость универсальной ценностью? очень хорошо ответил: да, при условии ее открытости для дискуссии, способности к самокритике, способности избегать самосакрализации». (см. Боберо Ж. «Религия и светское государство. Принцип laïcité в мире и Евразии»).

Прекрасный ответ. Собственно, в таком понимании «светскость» и существует во многих тюркоязычных странах, в том числе и в нашей.

Конечно, исламский мир в современную эпоху постмодерна является не очень консолидированным, исламская интеграция осуществляется больше фрагментарно, нежели целостно, поскольку исламский мир не моноэтничен. В этих условиях и необходимы диалоговые стратегии, способные к полнокровной интеграции. Более того, очень частые исламофобные истерии сводят к нулю диалогические усилия Востока и Запада, которые конструируются на государственном уровне. Кроме того, имеются попытки деконструкции толерантной религиозной атмосферы обществ, продвигаются чуждые тюркскому миру религиозные

доктрины. Все эти моменты необходимо учитывать при конструировании взаимовыгодных интересов между странами.

Например, мусульмане Казахстана создали территорию не «дар аль-харб», а территорию согласия, в которой отсутствует претензия на исключительность и абсолютизацию исламской традиции, на борьбу с секуляризацией. Модели светскости во многих тюркоязычных странах используют принцип «единства в многообразии», в Казахстане этот принцип приоритетный, он действенен во всех сферах жизни казахстанского общества. Нелишне отметить, что этот принцип заложен в текстах Корана и является основой функционирования коммуникативных обществ.

Уже в своей известной работе «Критическое десятилетие», вышедшей в 2003 году, не потерявшей актуальности, а напротив еще более актуализировавшей многие положения по региональной безопасности и сотрудничеству, Н.А. Назарбаев поднимает вопрос о необходимости для тюркоязычного мира пути синтеза западной технологической модели и тюркской восточной культуры. И как сегодня показала практика, современное информационное общество очень органично совмещается с традиционными социальными институтами Востока. Президент страны еще тогда отмечал насущную необходимость в критическом переосмыслении методологических теоретических и практических принципов, которые использовались в социально-гуманитарных и политических науках. Много изменилось с тех пор. Но, к сожалению, еще не достаточно фундаментальных и практических исследований, которые смогли бы выработать универсальные матрицы социальных наук, способствующих региональному объединению в области социальных наук. Эпоха постмодерна сегодня требует динамичного развития этих наук, поскольку необходимо не только объяснять современные социально-политические процессы, но и прогнозировать их, предвидеть все закономерности. Все это необходимо для культурной и социальной безопасности тюркского мира. В этой связи возникает потребность в научной интеграции, в разработке научно-исследовательских программ и проектов, способствующих решению важных проблем социального, экономического, культурного характера.

Очень важный момент, на который следовало бы обратить внимание – это – культурно-философские проекты, которые осуществлялись в казахстанской гуманитарной сфере. Прежде всего, государственная программа «Культурное наследие», в рамках которой было переведено тюркское духовное наследие. Вообще, эта программа была диалогическим гуманитарным проектом, направленным на объективную реконструкцию тюркских культурных артефактов и на воссоздание единой тюркской традиции, соединившей поколения и времена с современностью.

В казахстанской философии произошло еще одно важное событие – с эпохи независимости начались философские изыскания в области тюркской философии, «программа-проект» по феноменологизации тюркской философии самобытным, уникальным самоопределением тюркского мира. И эта была инициатива Института философии и политологии, которая, нужно заметить, не всегда получала поддержку.

Конечно, аналогичные программы как программы духовного освобождения были выдвинуты так называемыми постколониальными исследованиями (именно из них разовьется философия освобождения как дискурс сопротивления). Но для казахстанской науки это был событийный проект.

Необходимость равноправного участия в современном философском дискурсе – задача вполне понятная, но ведь вхождение в этот дискурс должно быть обоснованным и философски оправданным. В советский период тюркская философия рассматривалась лишь в контексте арабской философии и по сути дела, произошла деконструкция тюркской философии. Именно поэтому попытка распределить мир в эпоху тотального постмодерна тюркским концептами, представляется сложным философским процессом, однако наши ученые в лице академика А.Н. Нысанбаева, профессоров Н.Г. Аюпова, С. Акатая, С.Е. Нурмуратова, К.У. Альжанова, Г.Г. Барлыбаевой и других осуществили попытку определения тюркской философии, раскрытия ее уникальной духовно-нравственной парадигмы, ее самобытности, в которой трансцендировано тюркское самосознание.

Такие проекты по реконструкции духовного наследия тюркского мира – это тоже гуманитарный вклад Казахстана в развитие диалога тюркоязычного мира со странами Европы и Востока в широком понимании, поскольку посредством них совершается коммуницирование тюркской философии с мировым философским дискурсом, в котором голос тюркской философии – голос равноправного субъекта мировой философии. Хотелось бы сказать о том, что необходимо создавать общие научные проекты в рамках тюркоязычных стран в области философии, социологии, религиоведения и политологии.

Диалогическая роль Казахстана очень значительна, она выявляется в опыте диалогического взаимодействия со странами тюркоязычными, со странами Востока и Запада. Опыт Казахстана может быть продуктивно использован в конструировании мультикультурной политики, соблюдающей баланс традиции и модернизации.

Конечно, существует и много проблем, связанных вообще с интеграцией в тюркоязычном мире. Необходима интеграция в образовательный процесс, экономический, все эти проблемы решаемы, поскольку связаны они с важнейшей задачей – сохранением уникального духовного культурного наследия тюркского мира и с продвижением ценностной тюркской парадигмы, универсализм которой зиждется на духовности, открытости, толерантности, чувстве свободы долга и достоинства человека.

ПСИХОЛОГИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.К. Утешов,

кандидат исторических наук, доцент

А.М. Чинаилова,

*старший преподаватель кафедры социологии и социальной
работы КазНУ им. аль-Фараби, кандидат исторических наук,
доцент*

Понятие «психология» – (душа и учение). Наука о закономерностях, механизмах психологической жизни человека и животных. «Психология» есть идеальное отражение бытия в виде убеждений, чувств, привычек, волевых качеств, психологических установок, внутренних мотивов действий. Это сложный процесс взаимодействия человека как окружающей средой (в том числе и обществом), где он предстаёт как мыслящее существо, наделённое «чувственно-идеальным» механизмом, обеспечивающим направленность реакции, поведения, действий, деятельность человека.

Этническая психология – это своего рода «последний рубеж» сохранения этничности, ибо в ходе исторического развития могут быть утерян язык, культурные традиции, ею пока сохраняются этническая психология, не тускнеет и образ этнического «мы» [1].

«Идеи и мысли людей – писали К. Маркс и Ф. Энгельс были разумеется, идеями и мыслями о себе и о своих отношениях, были их сознанием о себе и о людях вообще. Ибо это было сознание не отдельного лица, но отдельного лица в его связи со всем обществом, в котором люди жили» [2].

Проявление в жизни этносов и в их отношениях с другими общностями элементов этнических психологии огромно. Вот почему проблемы психологии в жизни и общении народов всегда вызвали интерес. В современных условиях, когда растёт национальное самосознание этносов под влиянием технологических и идеологических процессов возрастает этничность народов, в желании и сохранении своих культурных ценностей, традиций, образа жизни, языка.

В этой статье авторы попытались показать как психология нации и национальных отношений проявляются в жизни этносов в современных условиях.

Как нет человека вне общества, так и нет его вне этнической общности. Живя в определённой национальной среде, индивид усваивает характерные для данной среды нормы, символы, культурно-исторические традиции, обычаи, нравы, язык.

Этнические черты не формируются в каждом этносе автономно, независимо от опыта предшествующих поколений. Они усваиваются им как нечто готовое то есть перенимаются в процессе общения. Индивид как представитель этноса не рождается с теми иными сложившимися чертами этнического характера. Он приобретает их в результате прижизненного усвоения так называемой социализации.

Этнопсихология имеет сложную структуру из таких компонентов как национальное чувство, национальный характер, национальное самосознание, а также негативные явления как национальные предрассудки, национальный эгоизм, этнические пережитки, тесно связанные с национальным чувством. Есть следующие виды общения: коммуникативное, интерактивное, перцептивное.

Коммуникативное общение – это обмен информацией между людьми, продуктами духовного производства, состояниями сознания, чувствами, процесс межнационального общения очень сложен. Он зависит от активности субъектов от их установок, от климата доверия, образа жизни этносов. Установившийся климат доверия предполагает один уровень общения, недоверия – другой.

Интерактивная сторона общения есть взаимодействие людей на основе совместной деятельности. Возникает проблемы

индустриализациранее отсталых районов, совместной деятельности различных народов, что мешало в трудовых навыках, привычках, национальном опыте в организации труда, в характера общения.

Перцептивное общение, связанное с восприятием и пониманием общения с людьми разных национальностей друг друга [3].

Национальное чувство – отношение к различным жизненным ситуациям с позиции по-своему понятных или интересов нации. Есть осознание принадлежности к определённом этносу, обусловленное объективной действительностью своеобразное душевное состояние, в котором отражается отношение людей к различным сторонам жизни своего народа со всеми потребностями их самобытного развития, а также к этносам, имеющим более или менее тесное и длительное соприкосновение с ними.

Национальное чувство степень этничности. Определение этнической общности, данное М. Вебером сохраняет своё значение. Согласно ему этническая общность это группа члены которой обладают субъективной в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, того и другого в месте, или же по причине общей памяти о колонизации или миграции.

Важную роль в понимании этничности играет соотношение социальных и культурных границ. Этнические общности определяются, прежде всего, тем по каким характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми (или эта значимость навязана извне) и которые лежат в основе самосознания. Таким образом, этничность – это форма организации культурных различий [4].

Российские авторы М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова в статье «Степень этничности как основа национальной политики», провели социологическое исследование среди диаспор в России относительно устойчивости этнических черт.

В РФ проживает около 700 тысяч казахов. В Поволжье – 35%, в Сибири-18%, на Урале – 12%. Из всех опрошенных казахов на Алтае – 58% предпочитают жить среди людей свои

национальностей и очень важно разговаривать на своём языке – они этноцентристы.

11% считают, что для них очень важно жить среди людей своей национальностей, но при этом неважно или вовсе неважно разговаривать на языке своей нации. Значимость этничности для них, скорее всего, проявляется в пространственном средовом аспекте (предпочитают моноэтническую среду).

27% казахов считают, что для них неважно жить среди своей национальностей, так и разговаривать на языке своей национальностей [5].

Несмотря на то, что казахи проживают на отрыве от своего народа более половины опрошенных проявляет чувство осознания своей идентичности. Наглядным внешним выражением этнического сознания выступает этноним. Он может стать даже лозунгом, знаменем, принимая на себя идеологическую функцию. Как показывает практика межнациональных общений, самосознание со временем заменено трансформируется от длительного пребывания в инонациональной среде. Межэтническая интеграция оказывает определённое влияние, но её нельзя абсолютизировать. Остаётся не тронутой их «корневая» система, связанная с происхождением, родством, отношениями и возможное устойчивостью этно-национальной идентификации [6].

В психологии нации в структуре важным является национальный характер – совокупность специфических черт, ставших в большей или меньшей мере свойственными в той или иной социально-этнической общности в конкретных историко-экономических, культурных, природных и иных условиях её развития.

Откуда же берётся само этническое в психологии народа, где искать объяснение того, что одни и те же черты характера людей (трудолюбие, гостеприимство, практичность, чувство родства) разных, даже однотипных этнических общностей проявляются по-разному, почему некоторые психологические свойства, выступающие как черты сходства людей внутри этноса, отличают их от людей других этносов? Для примера: в национальном характере японской нации выделяются общие этнические черты: трудолюбие, сильно развито эстетическое

чувство, любовь к природе, приверженность традициям, черты группового поведения, преданность авторитету, чувство долга, вежливость. Заезжих иностранцев Япония поражает страна, где не берут чаевых. Шофёр такси, разносчик из лавки вручает сдачу до последней монетки и поблагодарит. Народ в целом отличает какая-то моральная чистоплотность в отношении к деньгам. Люди не разучились ставить духовные ценности превыше материальных благ.

Японцы любят все конкретное, образное. То, что не имеет образности, не возбуждает у них интереса. В отличие от европейцев, которые прежде чем вникнуть в суть вещей, сначала абстрагируются от них, и смотрят на них как бы со стороны, японцы проникают в «глубь» предмета [7]. Такой метод вхождения заимствован ими у китайцев, где мышление отличается удивительной конкретностью.

Видимо, определённое значение имеет влияние на национальные чувства многие факторы: и социально-экономические, и географические, и условия жизни.

Если взять психологию казахской нации – очень развиты такие черты характера, как гостеприимство, толерантность. Кочевой образ жизни, обособленный образ жизни, опасность трудовых условий, готовность оказать помощь другим не могли не отразиться на образе условий казахского этноса. Если живут рядом два этноса, у них совсем разные ценностные ориентации. Для земледельцев хороши только те угодья, почва которых благоприятна для выращивания нужных им сельскохозяйственных культур, к естественному растительному покрову они более равнодушны. Для нации, занимающейся скотоводством, наоборот, особую ценность представляют угодья с богатым разнотравьем, а качество почвы её мало интересует.

У некоторых народов Юго-Восточной Азии (Шри-Ланки, Индонезия, Камбоджа, Вьетнам) за исключением городской интеллигенции, редко носят обувь. Даже руководители страны принимают официальные делегаций босиком.

Речь идёт о специфических чертах национального характера, они имеют исключительно социально, культурно-историческое происхождение, выступает как специфическая форма отражения

или образ своеобразных особенностей в течение длительного времени и окружающей среды.

По своей природе и способом реализации этнические черты аналогичны с общечеловеческими явлениями в психологии индивида и общностей. Разница лишь в том, что общечеловеческие свойственны человеку как человеку, а этнические- представителю определённого этноса. Их сходство в том, что те, и другие проявляются в сфере обыденной жизни, повседневных бытовых взаимоотношениях людей, обыденной межличностного общения. Многие привычки, вкусы, ценностные ориентации, манеры понимания друг друга в каждом этносе определяются особенностями его трудовой, хозяйственной деятельности, формируются под их воздействием. А как влияет на характер этноса окружающая среда? И. Кант признает влияние географического фактора на национальный характер, утверждает, что климат и почва также как и образ правления не являются основой характера народа. Такой основой, по Канту являются прирождённые черты предков т.е. что передаётся по наследству от поколения к поколению.

Это подтверждается тем, что при изменении места проживания, форм правления характер народа чаще всего не меняется, происходит приспособление к новым условиям; в языке, роде занятий, одежде, сохраняются следы происхождения, а следовательно и национальный характер. Кант делает попытку дать социальный психологический портрет различных европейских народов, отмечая не только положительные черты, но и отрицательные. Определённый вклад в развитии знания о национальном характере внёс Г. Гегель. Он считает творцом истории мировой дух, и в связи рассматривает проявление в характере народа мирового духа, что в сознании некоторых народов полно воплощается мировой дух, и это определяет особую судьбу этих народов. С одной стороны Г. Гегель расценивает характер народа как явление социальное, имеющее свою детерминацию – природную, географическую, а с другой – считает, что национальный характер выступает как абстрактный дух, оторванный от объективной основы жизни народа, и имеющий всеобщий характер, у Г. Гегеля в рассуждениях существенные противоречия.

Во второй половине XIX в. наступает новый этап становления этнической психологии, связанный с именами: Т. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, Т. Либона. Они определяют задачи народной психологии: познав психологическую сущность народного духа, открыть законы по которым совершается внутренняя духовная деятельность народа. В. Вунд «народная душа такая же реальность, как и индивидуальные, души, то почему бы не рассматривать с точки зрения актуального понятия о душе общее, образования представлений, чувствования и стремления как содержание души народа».

Одни черты национальной психологий в ходе исторического развития исчезают, другие, напротив, закрепляются. Современная цивилизация, уровень научно-технического развития, интеграционные, информационные процессы и явления серьёзно влияют на этнопсихологию, вызывая «протест», «утерю» прежних духовных установок, ценностей и ориентации (народности Севера, Сибири России, в результате появления новых отраслей лишились традиционных форм хозяйствования, привычной пищи, жилище, образа жизни.

Национальная психология имеет и негативные стороны. При сравнении «мы», «они», «у нас» и «у них» объективно способствует появлению негативных явлений в отношениях людей разных национальностей. Сталкиваясь с чем-то необычным и непривычным, люди порой судят о нём из-за инстинктивной склонности мерить все на свой аршин мораль выражена в четверостишии:

Лошадь сказала, увидев верблюда:
Какая нелепая лошадь – ублюдок.
Верблюд подумал: «Лошадь разве ты»
Ты же просто верблюд недоразвитый [8].

Чтобы познать психологию этноса, нужно отказаться от привычек мерить все на свой аршин. Говоря о «национальной ограниченности», «национальном чванстве», «национальном эгоизме», не зная какое содержание вкладывается в каждое из них, и не умея ими пользоваться легко прибегаем к терминам «национализм» и «шовинизм».

Если представитель крупного этноса в силу своей невоспитанности, а не по злему умыслу смотрит на людей другой национальностей свысока, неуважительно, поучает их уму – разуму односторонне выпячивает духовные ценности, достоинства и заслуги своего этноса, мы имеем дело с явным проявлением национального чванства.

Нередко бывает, что отдельные представители этноса, не имея неприязни ни к одному народу, вполне лояльными и терпимыми в отношении языка, культуры, признавая равенства по любому делу предпочитают отдавать только интересам собственной нации, такого рода поступки справедливо называется национальным эгоизмом.

Национальный «нигилизм» (лат. «ничто») отрицание общепринятых ценностей, идеалов, осознанное отрицательные отношение к качествам «своей» нации, отрицание ценностей в её атрибутах.

Таким образом, психология этносов формируется в результате длительного взаимодействия с окружающей социально-экономической, природной и культурно-идеологической средой. Этническая психология пронизывает все сферы человеческой деятельности, следовательно, знание и особенностей этнической психологии дают возможность рационального управления взаимоотношений между этносами.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. Учебное пособие: Санкт-Петербург, 1999, с. 99
2. Маркс К. Энгельс Ф. соц. Т. 3 с 171
3. Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология Санкт-Петербург, 1994, с.8
4. Шаукенова З. К. Социальное взаимодействие этносов в современном Казахском обществе. Астана, 2002, с.10
5. Абрамова М. А. Гончарова Г. С. Степень этничности как основа национальной политики // СОЦИС № 10, 2012, с.43
6. Аргунюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде// СОЦИС №7, 2013, с.4-42
7. Овчинников В. В. Сакура и дуб. М. изд. Восток-Запад 2008 с.214-215
8. Овчинников В. В. Сакура и дуб М. изд. Восток-Запад 2008, с. 223

Түйін

Авторлар қазіргі заманғы этностық өмірде ұлт психологиясы мен ұлттық қатынастардың көрінісін сипаттауға тырысты. Мақалада ұлт психологиясы мен ұлттық қатынастарға социологиялық талдау жасалған.

Summary

The authors attempted to show how the psychology of the nation and national relations are manifested in the life of ethnic groups in the modern world. The article made a sociological analysis of the psychology of nations and ethnic relations.

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Г.Е. Шлымова,

*директор Научно-исследовательского и
аналитического центра по вопросам религии
Агентства Республики Казахстан по делам религий*

В первые годы независимого развития Казахстана основной целью государственной политики было элементарное выживание молодого государства – что означало, в первую очередь, необходимость радикального переустройства экономики, перевода ее на рыночные рельсы в условиях жесточайшего кризиса, последовавшего за распадом СССР. Именно этим во многом было продиктовано акцентирование либеральных ценностей, а также ориентация на открытость всему миру.

Однако сейчас, когда наша экономика встала на ноги, государственность в целом состоялась, наступает время укрепления духовного фундамента нашего общества, необходимого для закрепления и дальнейшего развития достигнутых позитивных результатов. По мнению многих специалистов, при всем кажущемся доминировании экономических соображений, в сущности своей современная политика имеет все-таки ценностные основания. Именно это делает объективно неизбежным определенный переход к здоровому консерватизму в политике не только Казахстана, но и ряда других стран СНГ.

Опора на традиционные ценности уже была провозглашена одним из основных приоритетов в «Доктрине национального

единства Казахстана», утвержденной Президентом Н.А. Назарбаевым в 2010 г. Данный принцип получил логическое продолжение в Послании Президента Н.А. Назарбаева от 17 января 2014 года **«Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее»**, в котором Глава государства дал поручение Администрации Президента, Правительству, Ассамблее народа Казахстана совместно с Общенациональным движением «Казахстан – 2050» – организовать разработку и принятие Патриотического акта «Мәңгілік Ел».

Как сформулировано в Послании Президента: «Қазақтың Мәңгілік Ғұмыры ұрпақтың Мәңгілік Болашағын баянды етуге арналады. Ендігі ұрпақ – Мәңгілік Қазақтың Перзенті. Ендеше, Қазақ Елінің Ұлттық Идеясы – Мәңгілік Ел!». И далеко не случайно в списке ценностей, объединяющих все казахстанское общество, Глава государства на первое место ставит Независимость страны.

Именно из этой цели вытекают остальные задачи – будь то в экономике, в политике или в социальной сфере. Только на крепком духовном фундаменте может строиться сильное государство и здоровое общество.

В этой связи особую актуальность приобретает проблематика духовной безопасности. Духовная безопасность – это смысловое ядро национальной безопасности казахстанского общества, которая функционально взаимодействует со всеми подсистемами национальной безопасности, пронизывая их, так как духовные факторы не только формируют национальную идентичность, но и интегрируют социальные процессы. В этот блок структурно входят такие составные части, как «религиозная безопасность», «безопасность культурной сферы», «общественная безопасность» и «информационная безопасность».

Именно поэтому обеспечение духовной безопасности должно стать комплексной целенаправленной деятельностью всех государственных органов и общества в целом.

События последних лет, террористические акты в разных странах и попытки распространения идей религиозного экстремизма наглядно свидетельствуют о том, что казахстанская модель межэтнического и межконфессионального согласия

должна быть надежной опорой процесса ускоренной модернизации Казахстана и вхождением в число наиболее конкурентоспособных стран мира.

В Стратегии «Казахстан – 2050. Новый политический курс состоявшегося государства» впервые подробно была затронута религиозная сфера и отмечены острые проблемы деструктивных и псевдорелигиозных течений.

Глава государства поставил перед нами глобальные и масштабные задачи по обеспечению единства казахстанского общества, развитию межконфессионального согласия и укреплению общественной безопасности в Казахстане.

При этом Н.А. Назарбаев особо подчеркнул, что «в вопросах религии необходимы вдумчивый подход и крайняя осторожность. ... Мы должны свято придерживаться принципа свободы совести, традиций толерантности и веротерпимости».

Для казахстанского общества духовный мир и согласие являются факторами консолидации всего народа в единую гражданскую общность, мобилизуют его потенциал. Стабильность межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений является важнейшим условием обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан, сохранения территориальной целостности государства и духовного единства общества.

Можно выделить наиболее важную проблему обеспечения духовной безопасности казахстанского общества и основную угрозу основам духовной жизни – культивирование чуждых нашему менталитету духовных ценностей, разрушение устоев традиционной культуры и, в конечном итоге, утрата складывавшегося веками уникального культурно-исторического облика народа.

Президент Н.А. Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» подчеркнул: «Сегодня остро стоит вопрос **нетрадиционных** для нашего народа **религиозных и псевдорелигиозных** течений. Часть молодых людей слепо воспринимает этот чужой взгляд на жизнь, так как у части нашего общества слабый иммунитет к чуждому псевдорелигиозному воздействию». Там же сказано: «Мы должны

формировать новые надежные механизмы преодоления социальной, этнической и религиозной напряженности и конфликтов. Необходимо жестко пресекать деятельность нетрадиционных сект и сомнительных псевдорелигиозных течений».

С одной стороны, для минимизации такого рода влияний необходим целый комплекс конкретных мер в сфере законодательства, информационной политики, образования. Так, 11 октября 2011 года Президент Н.А. Назарбаев подписал Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», реализация ключевых положений которого позволила навести порядок в правовом регулировании сферы религии. Процесс перерегистрации позволил усовершенствовать классификацию конфессиональной структуры, в рамках реализации Закона были приняты нормативные акты, упорядочившие миссионерскую деятельность, распространение литературы, проведение религиоведческой экспертизы.

С другой стороны, следует четко осознавать, что в стратегической перспективе обеспечение духовной безопасности требует поддержания высокого уровня национального самосознания, сохранения базовых компонентов традиции устройства общественной жизни.

Необходимо выстраивать такую систему отношений, которая позволила бы обеспечить благоприятные условия для позитивного созидания духовности, опираясь в том числе на историческое наследие и нравственные ценности, носителями которых являются традиционные конфессии. Без опоры на них никакие ограничительные меры не дадут должного результата.

Помимо этого стратегического направления работы, непосредственно для устранения условий и последствий уже имеющего место распространения деструктивных идей и обеспечения активной гражданской позиции общества необходимо принять ряд конкретных профилактических мер законодательного, нормативно-правового, идеологического характера, направленные на повышение качества профилактики деструктивной деятельности новых религиозных движений.

Так, экспертное сообщество должно акцентировать внимание на изучении мер, форм и способов, используемых

так называемыми «новыми религиозными движениями» (НРД) по влиянию на реализацию духовного, нравственного и миротворческого потенциала граждан, особенно молодое поколение, активизировать работу по научно-методологическому обеспечению деятельности государственных органов в рамках действующей системы профилактики экстремизма и терроризма.

Кроме того, путем проведения исторических и социологических исследований необходимо полнее раскрыть возможности традиционной религии в самоидентификации и модернизации казахстанского общества; популяризовать результаты таких исследований, в т.ч. путем включения соответствующих материалов в курс «Религиоведение».

Учитывая особую важность работы с молодежью, весьма желательно усилить мониторинг религиозной ситуации в каждом высшем учебном заведении (учитывая ситуацию не только вокруг ислама, но и новых религиозных движений) и предоставлять информацию в Агентство Республики Казахстан по делам религий.

Не менее важно разработать памятки для родителей учащихся средних учебных заведений с разъяснениями теологов, религиоведов юристов, психологов, социальных педагогов, сотрудников правоохранительных органов.

В вузах ввести обязательное обучение по курсу «Религиоведение» (варианты: «Основы религиоведения», «История религии»).

Государственным органам важно осознать необходимость сотрудничества с религиозными объединениями конструктивной направленности. При этом надо рассматривать их как часть гражданского общества и партнеров в достижении мира, согласия и межкультурного диалога.

Наконец, необходимо увеличить охват населения информационно-пропагандистской работой для повышения религиоведческой грамотности граждан Казахстана. В частности, для эффективной профилактики религиозного экстремизма ученым-религиоведам Казахстана необходимо чаще выходить в пространство Интернета с разъяснительными выступлениями по темам, связанным с религией и интересующим молодежь.

Возвращаясь к теме НРД, следует подчеркнуть, что их широкое распространение (в том числе и деструктивных и псевдорелигиозных течений) стало в настоящее время одним из факторов, представляющих угрозу духовной безопасности казахстанского общества. Как правило, экспансия новых форм религиозности осуществляется извне, при поддержке зарубежных центров, стремящихся сформировать подконтрольные группы влияния, насаждающие идеологию, нарушающую исторически сложившийся баланс в межконфессиональных отношениях, с целью раскола общества и дальнейшего создания потенциальных очагов дестабилизации и инструментов влияния.

НРД получили широкое распространение в 1960–70-е гг. На сегодняшний день только в США насчитывается до 5000 «новых религий». В странах СНГ деятельность миссионеров зарубежных нетрадиционных религий, располагающих огромными финансовыми возможностями и организационной поддержкой определенных структур, активизируется на рубеже 1980-1990-х гг.

«Нетрадиционность» таких религиозных движений проявляется в специфике их учения, идей, нравственных установок – при всем кажущемся многообразии, общим является отсутствие связи с культурной и духовной жизнью какого-либо конкретного общества. Еще одним важным их признаком является противопоставление себя традиционным религиям, утверждение, что традиционные конфессии не могут удовлетворить духовные потребности человека. Как справедливо отмечают эксперты, широкое распространение НРД получают в условиях духовного и социального кризиса, когда разрушается старая система ценностей, а новая еще не сложилась.

Пример постсоветских стран служит ярким подтверждением этого тезиса. Например, интерес большинства граждан Казахстана к религии значительно возрос в начале 1990-х гг., при этом в наследство от атеистической эпохи стало то, что многие наши граждане по сей день имеют крайне поверхностное представление о своем вероисповедании, и в целом о религиях.

На основе вероучения, догматики и некоторых других признаков специалисты, как правило, делят НРД на следующие типы:

- *неохристианские*, заявляющие о своей принадлежности к христианству, однако при его трактовке используются нехарактерные для традиционного христианства схемы (например, привлекаются элементы восточных религий, упор делается на скором приближении конца света);

- *неоориенталистские*, в основу которых положены восточные религии, чаще всего индуизм, буддизм и даосизм (в переработанном и адаптированном для западного восприятия виде; акцент в их деятельности делается на раскрытие внутренних способностей человека с помощью различных психологических техник, включая медитации);

- *окультизм и целительские культы*;

- *откровенно сатанистские группы*.

К этому следует добавить, что НРД иногда возникают и на исламской почве, хотя и реже. Ярким примером может служить движение так называемых «коранитов» или, как они еще себя называют, «рациональных монотеистов», проникшее к нам из США.

С точки зрения социальной стратегии у всех НРД есть еще одна общая черта, крайне важная для нас – четкая ориентация на две группы населения: интеллектуальную элиту общества и молодежь. Иначе говоря, мозг общества и его будущее.

Одно только это обстоятельство должно заставить крепко задуматься, не говоря уже о факте активной поддержки НРД зарубежными центрами. Особенно важно понимать, что те люди, которые непосредственно осуществляют эту политику, собственно «кукловоды» – сами отнюдь не религиозные фанатики, а наоборот, холодные прагматики, преследующие вполне конкретные интересы. Очевидно, что не наши.

Следует добавить, что некоторые нетрадиционные религии называют деструктивными культурами. Такое определение религиоведы дают не всем новым религиозным течениям, а лишь тем, которые представляют прямую опасность для общества – в частности, наносят ущерб физическому и психическому здоровью, материальному благополучию своих последователей институту семьи.

В данной связи хотелось бы особо отметить, что согласно определению, содержащемуся в действующем Законе РК «О

противодействию экстремизму» такая деятельность определяется даже не как «деструктивная», а как экстремистская – со всеми вытекающими отсюда последствиями. В реальной жизни проблемой нередко оказывается то, что крайне сложно оказывается доказать, что именно данное религиозное объединение – а не просто «отдельные люди», «случайно» оказавшиеся его членами, – несет ответственность за причиненный ущерб.

Еще одна проблема состоит в том, что некоторые культы не называют себя религиями, а выступают под видом культурных, образовательных или медицинских организаций. Многие из них, благодаря эксплуатации своих adeptов, превратились в крупные финансово-промышленные корпорации, стремящиеся, в «идеале», добиться власти над всем миром. В более малом масштабе, на уровне конкретных стран, им нередко бывает стремление к проникновению во властные структуры.

Одним словом, мы имеем дело с грозной опасностью, масштабы которой не следует преуменьшать. Те, кто взрывает – это явные враги общества, но «волки в овечьей шкуре» в долгосрочной перспективе могут оказаться не менее, а то и более опасны.

Подытоживая, следует сказать, что реализация государственно-конфессиональной политики во многом зависит от своевременного и точного реагирования уполномоченных органов и государства и конфессиональных институтов на возникающие вызовы и угрозы. При этом (повторимся) необходимо осознать, что создание системы духовной безопасности является не второстепенной задачей, а важнейшим условием сохранения национальной безопасности страны.

В средне- и долгосрочной перспективе, помимо того, что уже было сказано о развитии национального самосознания и о поддержке традиционных конфессий, государство должно заботиться также об устранении социально-экономических предпосылок, способствующих вовлечению граждан в деятельность деструктивных организаций. Большая часть работы в этом направлении ложится на органы власти, призванные реализовать государственные программы в области экономики, социального и медицинского обеспечения, что

должно повлечь за собой рост материального благосостояния общества.

Необходимо, проще выражаясь, вкладывать в человека. Именно человек – это и есть «альфа и омега» государственной политики.

Түйін

Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік-конфессионалдық қатынастардағы рухани қауіпсіздік мәселелері қарастырылады.

Summary

In this article is considered spiritual safety of citizens in system of the state and confessional relations in the republic of Kazakhstan.

AL-FARABI UNIVERSITY EXPERIENCE IN SHAPING CORPORATE CULTURE

*Sh. Jamanbalayeva,
al-Farabi Kazakh National University*

At present, world universities experience the situation which differs significantly from that of a classical academic university existing at the end of the 19th century – the beginning of the 20th century. In fact, the leading universities of the world are turning into corporations producing and selling a special product – education, knowledge, intellectual property objects – that requires special market competencies from universities. Successful universities are becoming players on the markets of consulting and expert, educational products and services, development works and innovations. They develop and implement «aggressive» strategies allowing, on the one hand, to invade the occupied markets, on the other hand, to offer innovation products nobody else can make.

The above mentioned tendencies of science and higher education establishments development require from the academic universities to introduce new approaches in their development management. For post-soviet higher education establishments including those of Kazakhstan it is, first of all, an attempt to enter the world ratings system. Kazakhstan universities are just beginning to discover the international ratings and estimate their own status in terms of the research universities criteria. They are facing a goal to transform into research universities of the world class. To achieve this goal the universities have to carry out serious innovation reforms but often when introducing innovations universities face a problem of resisting changes. To overcome such conflicts successfully the key strategic instrument is the formation of relevant corporate culture of a university. The forma-

tion of corporate culture adequate to new objectives of a university allows directing all units and individuals towards achieving common goals, mobilising staff initiative and providing conditions for their effective interaction.

It should be noted that the notion of «corporate culture» in Kazakhstan is not used much in relation to the higher education establishments, and in particular, to the universities. To some extent, it is due to a tradition of treating them as non-profit making organizations.

Some specific characteristics of corporate culture development in Kazakhstan universities can be mentioned here.

At present, we witness the process of transformation of the universities from monetary organizations into organizations combining both non-monetary and monetary approaches in their activity like the leading universities of Europe and the USA have done since the moment of their establishment.

Moreover, since the time of their foundation the Kazakhstan universities have constantly been under the influence of the state, strong centralised authority, and that prevented them from realizing the autonomy and academic freedom principles. Till recent times, many of them have been bureaucratic organizations, «unsuitable» for the initiative groups and project teams.

It should be taken into consideration that since the Soviet period there has been a rather high artificial barrier raised between science and higher education. Science was mainly developing in the specialised scientific and research institutes and centres, while less attention was paid to it in higher education establishments. This situation completely differs from that in European countries and the USA, where science mostly is practiced at universities and actively is used in educational process.

Now the majority of Kazakhstan scientists and teachers realise that due to that division our higher education has been way behind in terms of quality of specialists training. The leading higher education establishments are determined to overcome that artificial barrier. And the Al-Farabi Kazakh National University is among them. It is the major educational and scientific centre in Kazakhstan.

The Al-Farabi University has undertaken a responsible mission: in the nearest years to reach a new level of development and become

a research university comparable with the leading universities of the world in terms of the level of its educational programs and scientific researches.

This ambitious and large-scale objective requires from the University considerable organizational and conceptual changes, and, first of all, transformation of its corporate culture. Analysis of foreign experience shows that the universities on the top of world ratings pay great attention to formation of special corporate culture. Having thoroughly studied that practice the Al-Farabi University defined the basic characteristics which would guide it through the process of a new university culture formation.

They are reflected in the main corporate documents of the Al-Farabi University. They include «The Program of Transforming of Classical University into the National Research University», «The Development Strategy of the Al-Farabi KazNU till 2020», «The Strategic Implementation Plan of the Measures for the Al-Farabi Kazakh National University Development for the period of 2011-2015 (2020)».

It is crucial that all those documents have been accepted collegially and that fact has contributed to strengthening of the staff sense of involvement, importance and responsibility. It is also very important that they contain the measurable indicators which then are realized in the concrete projects.

Moreover, like the leading world universities, the Al-Farabi University has accepted the documents laying down the main corporate principles, values and criteria of work. They are the Code of Corporate Culture of the University Faculty Member and the Staff, the Code of Honour of a Student.

In order to prevent and resolve possible ethical conflicts the University Ethics Committee and similar ones at all Departments have been established. The Regulations for a Faculty Member has been accepted. They define the main professional requirements and are the basis for annual attestation of the University faculty members.

There are several basic mechanisms of management of the corporate culture transformation applied at the Al-Farabi University. They have proved to be effective in practice.

First of all, I would like to point out at the following situation: most people realize that reforms are indispensable. But with whom

and how do they have to be implemented? There is an ideal model of a university, but the right way to reach it is unknown. And this is a unique scientific and practical management problem when success depends on how it is solved.

The analysis of the situation makes it clear that it is impossible to put a big university at the absolutely new level of quality «entirely» and «at once».

One of the ways of its solution is to lay stress on apical points – certain «embryos» of the future, to facilitate comprehensively their development and spread of positive experience. Certain ideas, projects, innovative structures and chairs, individual prominent scientists and scholars are considered to be active apical points. Establishment at the University of the subdivisions which allow to provide a technological corridor from idea generation to implementation and commercialization of the results of scientific-research and development works is one of the examples.

Among them is the Park of Social and Humanitarian Technologies. The point is that the most developed scientific schools at the University are those of natural and technical sciences. While in the sphere of social and humanitarian sciences the results are quite low – the scholars have few publications in the journals with the high impact-factor, there are, practically, no commercial output of scientific and practical results. While the mission of the Park of Social and Humanitarian Technologies is development of innovation activity aimed at creation of competitive social and humanitarian technologies and services as well as providing them to the consumer on a commercial basis.

Another apical point is an introduction of the Japanese system «Kaizen». Within this system any employee can make a proposal concerning improvement of any aspect of the University activity. Thus the most important principle of the university development is being introduced: permanent improvement in all spheres – educational, scientific, organizational processes, technologies, working conditions. Currently, about 20% of all proposals are realized under this system. And the authors of the realized proposals are rewarded material remuneration.

The next mechanism which is being introduced in the Al-Farabi University is a social partnership. Its main principle is a flexible al-

location of roles, responsibilities and participation share of the staff and students in the University management.

For example, such partners of the University Administration as the Sanhedrim, Ethics Committees, Curators-Advisers Councils, Methodical Resource Bureau, Student Senate, Trade Unions and others actively work at the University. Widening the participation of the public-professional councils in the University management resulted in enhancing the quality of the decisions taken, activating participation in search of new, more effective management approaches, methods and algorithms.

Involvement into the public management of the University of such external public institutions as the Graduates Association, the Employers Council, the International Club «University Friends» also has extended the innovation processes boundaries and made it possible to attract new material and intellectual resources.

However, there is a lot of work ahead in order to form a social and public system of the University management. It concerns the work of the University Supervisory Board which has been recently established on the competitive basis. We hope that its activity will assure public participation at different management levels as well as collegiality, independence, transparency and responsibility in the University activity.

The crucial aspect of the corporate culture transformation is change of management style towards its decentralization. The first step was a decision to extend the chairs. The plan of granting operative independence to some University divisions has been developed and introduced. It resulted in relieving of the University Central Administration of routine, making it possible to devote more time and energy to the University Strategy. The decentralization policy has made management team at the level of the departments and chairs more responsible for their future.

It should be noted that at the initial stage of the decentralization process the problem of management task sharing between the central administration and subdivisions is inevitable, and in this connection, for some period of time tasks doubling cannot be avoided.

Besides, the departments as traditional subdivisions of the university in many instances are not ready to solve the problems in the sphere

of marketing, strategic planning, and financial management. Competition among the University departments and chairs does not always encourage their cooperation and as a result working out and realization of joint educational services and products become difficult.

However, the above mentioned difficulties can be overcome given the high level of professionalism and competence of the university top management. Especially, the role of leadership qualities of the University Rector in these processes should be noted.

One of the most important transformations of the University management is introduction of the result-oriented management system. A kind of the University «know-how» is the development and use of the Indicative Development Plan at the level of the Chairs, Departments and the University as a whole. The main requirement of this plan is measurability. Its target indicators are aimed at reaching specific quality and quantity indexes inherent to the world research universities. Thus, the implementation of the Indicative Plan by the members of the University Corporation step by step approaches the University to the set goal – to become a research university of the world class.

An intrinsic motivation for achieving positive results is strengthened by introduction of the rating system of teachers' work evaluation. This system operates in such a way that it makes it possible to take into account all personal achievements of the faculty members and employees and to reward them strictly in compliance with those achievements.

The above mentioned practical measures implemented at the University have directly facilitated achieving certain results. The most important one was a breakthrough of the University 100 positions up in the QS Stars Rated for Excellence – 2011 within one year.

To conclude my report I would like to note that culture must be treated as seriously as any other aspect of the university activity. By managing changes of corporate culture characteristics we can claim that we manage the University future.

A complex approach to its forming and change as well as a wide system of measures for planning and organization of this process allow making all members of the university corporation feel engaged in achieving a common goal. And it is a guarantee of strength and

quality of the organization structure, effectiveness and success of the University activity.

Түйін

Жоғары білімнің әлемдік рейтингтер жүйесіне тиімді енуінің басты стратегиялық құралы нақты университеттің сәйкес корпоративті мәдениетінің қалыптасуы болып табылады. Университеттің жаңа мақсаттарына сай корпоративті мәдениеттің қалыптасуы барлық бөлімдер мен жеке тұлғалардың ортақ мақсаттарды шешуге бағдар алуы, өзара тиімді әрекеттесуі болып табылады.

Резюме

Ключевым стратегическим инструментом успешной интеграции высшего образования в систему мировых рейтингов является формирование соответствующей корпоративной культуры конкретного университета. Формирование корпоративной культуры, адекватной новым целям университета, позволяет ориентировать все подразделения и отдельных лиц на решение общих задач, мобилизовать инициативу сотрудников и обеспечить их эффективное взаимодействие.

«MANGILIK YEL» AS THE NATIONAL IDEA OF THE ESTABLISHED STATE

Zh. Junussova,

*Doctor of Political Science, Professor
Academy of Public Administration*

Central problem of the modern history is a proportion of two fundamental civilizations: traditional and liberal. And what party to choose is important for each country. Emergence of the new independent states, formation of the established state is impossible without integrating role of the national idea.

Question of the national and state communities, united historical images and the general memory became unexpectedly significant at the end of the XX century. It was connected, on the one hand, with the idea of the United Europe, and with disintegration of the socialist block on the other.

It was vital for Kazakhstan as well since the first days of independence. The idea of national unity appears in national consciousness during critical eras of historical development. New tasks are not formulated yet in a transitional period, there is no clarity in understanding of national interests. However the need to protect the identity space from the real challenges and threats is obvious.

The national idea is especially necessary in the globalized world, as it is capable to consolidate ethnoses and the country. What is its characteristic for this or that country? The international experience of the national ideology formation, especially in the states with identical roots with the Turkic people of the former Soviet Union, was extremely important.

It is known that religious, collective, ethnic and relative communications continue to remain influential force in the political system of Turkey, despite influence of the western civil democracy. How to protect national identity without remaining out of the world community?

The Turkish nationalism and Turkism gradually became the second religion of Turkey after the beginning of the Kemalist secularization. Adoption of this religion did not become an obstacle to Europeanization. The Turkish nationalism as dominating ideology was issued originally as Kemalist nationalism, ideological determinant of Turks' survival as the people and the state.

Turkish historians pay attention to these very aspects of the nationalism of the Ataturk period— as spiritual and ideological instruments of struggle for independence, struggle against Europe for Europeanization. Scholars write about Ataturk's prudence offered secular state to the Turkish society as a basis for development.

The 20th and 30th years of the XX century became years of the Turkish nationalism blossoming. It promoted fast consolidation of the Turkish nation, and growth of the national consciousness. Turkey created its own system of national education, culture, language, and ideology having declared itself as the secular state, being guided by the European level of spiritual development. The national economy, national production and the national capital were encouraged. It is possible to tell without exaggeration that the national consciousness lifted up «the sick man of Europe».

Process of the national idea formulation in the Republic of Kazakhstan began with independence. In the first years our country followed Anglo-Saxon model of development, aimed at fast changes. Market reforms in the republic were carried out to a short time, the relevant legislation was created. According to the World Bank, in 20 years of independence Kazakhstan became the country with level of the income higher than an average. Gross domestic product per capita grew from 700 dollars to 12 thousand dollars. Any of «South East tigers» didn't reach such results in 20 years. Today the republic is the CIS leader on transformation of economy and society.

Basis of the Kazakhstan state ideology is the 1995 Constitution. The state proclaims itself as a democratic, secular, law-governed and social one with supreme values of the individual, his rights and free-

dom. Public consent and political stability; economic development for the benefit of people; Kazakhstan patriotism; democratic methods of power are the fundamental principles of the Republic of Kazakhstan.

These are the general ideals of classic liberal ideology. The absolute value of individual and initial («from the birth») equality of all people; autonomy of individual will; certain inalienable human rights (right to life, freedom, property); rule of law and others make its core.

Strategic documents of the next years consider possible options of Kazakhstan model of future development and the state ideology's values. Thus the «Kazakhstan – 2030» Strategy (1997) emphasized that «previous years we were actively guided by Anglo-Saxon model, aspired fast changes. But today we face a strategic choice – what way to go further. There is no consensus in society about it.

We are the Eurasian country with own history and own future. Therefore our model won't be similar to any other. It will absorb achievements of different civilizations». [1]

The purpose changes a decade later, with new economic, political, geostrategic trends. Kazakhstan's strategy of joining the 50 world's the most competitive countries was set as a national idea. «Today a time of new achievements and ambitious tasks comes for our country. Growth of the Kazakhstan economy allows speaking about a leading, advancing development. In the next decade Kazakhstan has to join 50 the most competitive states of the world. Today we argue on national idea much. In our opinion, the main national idea consists in competitiveness of the nation». [2] And competitiveness is not only economy, but the questions concerning human resources, educations, health care, ecology, politics and stability within the country.

The Doctrine of National Unity of Kazakhstan (2010) became the important document in new political conditions. The principles of the national unity, declared by the Doctrine, can also become a basis of national idea of our state. They are: «One country – one destiny»; «A different origin – equal opportunities»; «Development of national spirit». [3]

The Doctrine of National Unity of Kazakhstan (2010 г.) also emphasizes that «modernization and the competitiveness relying on traditions is a basis of lifting our national spirit in the XXI century.

Intellectual break awaking Nation potential is necessary for us. Only the intellectual nation can count on success in the XXI century».

In 2009 President N. Nazarbayev considered that the Kazakhstan national idea consists in the following. «First component is a national unity. Second – the strong competitive economy. Intellectual creating force of society has to become the third component of national idea. Fourth – to construct the state respected around the world». [4]

Kazakhstan national idea has to consider and lean on polyethnicity, without forgetting that ethnicity continues to play an important role. The philosopher Vladimir Solovyev claimed: «The idea of the nation is not that she thinks of herself in time, but that God thinks of it in eternity». This thesis of the philosopher is directed, first of all, against ideology of national exclusiveness. [5]

An origin (as it various at all ethnoses), language, etc, can't act as consolidating factors at this stage. The general centuries-old history, as all ethnoses of Kazakhstan were formed in one Eurasian space, has to act as such factor. Understanding of common historical fate, both in the past and in the future, will help to avoid negative manifestations in the interethnic relations.

And time proved that it is the most reasonable way to combine the interests of all citizens, irrespective of their ethnic origin. Formation of «the Kazakhstan people» becomes an essence of national idea.

President N. Nazarbayev in his Address to the nation «Kazakhstan Way – 2050: **Common Aim, Common Interests, Common Future**» (January 17, 2014) stated and proved an absolutely new concept in national history – «The Mangilik Yel» idea (literally – «The Eternal Land»).[6]

In fact it is the national idea and state ideology which is based not only on centuries-old dream of our people, but also on concrete results of Kazakhstan development for years of independence.

We, the people of Kazakhstan, are a united nation! And our shared destiny – our *Mangilik Yel* or the Eternal Land – is our great country of Kazakhstan! *Mangilik Yel* is the national idea of our shared Kazakh home.

Over the past 22 years of our sovereignty and development we have formed our core values, they are the foundation of our country's future and unite all the people of Kazakhstan. They are not taken from

mystical stories or theories. These values are the embodiment of Kazakhstan's Way, which has withstood the test of time.

First of all, it is the independence of Kazakhstan and our Astana.

Second, our national unity, peace and harmony are foremost in our society.

Third, it is a secular society with high spirituality.

Fourth, economic growth based on industrialization and innovation.

Fifth, it is the Universal Labor Society.

Sixth, we have a common history, culture and language.

Seventh, it is our country's national security and its engagement in addressing global and regional issues.

With these values, we have triumphed, strengthened our country, multiplied our achievements. There is an ideological foundation of the New Kazakhstan Patriotism in these state forming and nationwide values. [6]

The sense of «The Mangilik Yel» term isn't limited to a literal translation as «the Eternal Land», «the Eternal Country». It incorporates the best values of the Kazakh people.

Any national idea represents capacious, but extremely squeezed formula at the same time. And the basic ideological concept defining life of the state, societies, and citizens on long prospect is developed on its base.

The ideas, capable to unite the nation, are well-known in the history. For example, «The Celestial Empire is the world center», «*For Faith, Tsar and Fatherland*», «The American dream», «Equal opportunities society», «Liberty, Equality, Fraternity», etc.

The following signs of national idea are considered as the standard.

- It has to be a part of a pyramid – symbol / program / ideology / culture / society. That is to have a vision – a symbol and to rely on ideology;

- To belong to ancestors through history, and legends;
- To be favorable both to the person, society, and the power;
- Not to contain not feasibility and lie;
- To be short;
- To be clear even to child.

All this is embodied in «The Mangilik Yel» idea.

The national idea of Kazakhstan has become a collective effort of the state, academic community and civil society, reflecting reality, instead of speculative designs. It considers mentality of modern Kazakhstan citizens, integrates ethnic and religious, liberal and democratic components. It embodies qualities, character and identity of the country, emphasizes the best traits of Kazakhstani. At the same time, it is based on real values and respects national heritage.

It is important that this idea mobilizes both the nation, and her certain representative, creates «a world picture», and gives a feeling of psychological «comfort» and security. Its viability is defined by compliance of the state interests to development of the world community.

ЛИТЕРАТУРА

1. Address of the President of the Republic of Kazakhstan N.Nazarbayev to the nation «Strategy Kazakhstan-2030»: Prosperity, Security And Ever Growing Welfare Of All The Kazakhstanis (1997). Almaty.

2. Speech by President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at the XII session of the Assemble of the People of Kazakhstan (2006).// Kazakhstanskaya Pravda. – October 27.

3. Doctrine of the National Unity of Kazakhstan. (2010). Astana.

4. Online answers of the President of the Republic of Kazakhstan N.Nazarbayev on the questions of Kazakhstan citizens ((2009)// KazInform. November.

5. Solovyev, V. (1999) Russian Idea (1888). In Solovyev Vladimir. Dispute on justice. (p.27). Moscow – Kharkov.

6. Address of the President of the Republic of Kazakhstan N.Nazarbayev to the nation. January 17, 2014. Kazakhstan's Way – 2050: Common Aim, Common Interests, Common Future // http://www.akorda.kz/ru/page/page_215750_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-17-yanvarya-2014-g#page

Түйін

Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы жиырма жылдан астам уақыт ішіндегі ұлттық идеяның қалыптасуының жолдары сараланады. «Мәңгілік Ел» біздің мемлекетіміздің ұлттық идеологиясы және мемлекетқұрушы елдің жалпыұлттық құндылығы ретінде қарастырылады.

Резюме

В статье анализируется процесс формирования национальной идеи Республики Казахстан в течение двух десятилетий независимости. «Мәңгілік Ел» как государствообразующая, общенациональная ценность стала национальной идеей и государственной идеологией нашего государства.

GRADUATES OF SECONDARY SCHOOLS IN KAZAKHSTAN ON DECIDING THE FUTURE COURSE OF LIFE

*M. Maulsharif,
al-Farabi Kazakh National University*

Abstract

This article discusses the aspirations, aptitudes and values of secondary school graduates, and the way they see their success in the implementation of their nearest plans right after school. Special attention is paid to the intellectual, educational, socio-cultural, universal values and orienting points.

The data includes information derived from interviewing 821 students graduating from school in the various regions of Kazakhstan in 2013. The selection was made by region, place of residence (city, village), in cities – by type of school (lyceum or gymnasium, ordinary secondary school).

Object of research were the secondary school graduates as prospective student of higher educational institutions.

The research aimed to identify educational aspirations of secondary school graduates, level of their general education preparation, scope of interests, hobbies, capabilities, character traits.

Keywords: youth, value, education, aspirations, aptitudes

The younger generation of Kazakhstan starts its life in the emerging information society where education, knowledge, and possession of information become the main resources providing the national competitiveness. A high level of intellectual potential of citizens and the existence of opportunities to realize it are the pre-conditions for normal functioning of the social system. At the same time, young people from different groups are actually highly differentially involved in increasing the level of their intellectual development, accumulation and updating of the necessary knowledge and skills.

Studying the social role of youth in the social life, we find many differences in their life aspirations and values. These factors often depend on the social and economic conditions of the country, region, accumulated human capital of the young person or the cultural capital of his family.

The researches of educational aspirations of youth are based on the general conceptual basis according to which the public behavior of a young man is the result of complex interaction of various factors that define the specifics of his personality and the external influence on him [14]. It is assumed that these factors broadly precondition (or determine the absence of) the strategies of accumulation of human capital in the form of raising the level of formal education, use of additional forms of education, accumulation of new skills and knowledge, self-education, mastering computer literacy, availability of Internet access, and etc.

The education and professional starts of young people are mostly determined by such significant factors as the family cultural capital characterized first of all by the parents' education and such human factors as value orientations, preferences, and motivations. Still personal efforts made by a young person to achieve the desired results are often crucial to a great extent. His social status and life prospects depend on how intensely and focused the young man is in accumulating the knowledge, skills, and qualifications – all that together constitutes the human capital. A high level of human capital of young people and the opportunities for its implementation are simultaneous pre-conditions for the normal functioning of the social system.

Educational and value orientations of high school graduates.

The analysis was based on the results of a survey conducted by the authors in the five regions of Kazakhstan. The authors examined the effect of such variables as gender, place of residence, socio-economic status and the position of the parents, and the general interests of youth, on the educational aspirations, aptitudes and values.

Parental education and the level of formal education received by the respondent played an essential role. The lower the starting level was, the more difficult it was for a person to mobilize his personal capacities to purposefully and consciously join the continuous process of formation, increasing and improving his human capital.

The main finding of the research was that most secondary school graduates had a desire to enter higher education institutions (Table 2). 71.3% respondents planned to continue their education, while 21% would like to combine work with study, and the majority wanted to study in the universities. Opting for higher education was evident among girls. Educational aspirations were higher in the cities than in the rural areas. One reason could be more problematic access to higher education in rural areas, and the self-reproducing nature of that situation. Besides, parents in small settlements usually had lower level of education, than in the cities.

The primary analysis showed that most of the young people realized the importance of education for their future work and considered entering the university as a way to future achievements.

The professions that the graduates were going to get included firstly the engineering and technical professions, and secondly with a slight lag – economic professions. At the same time, the cumulative share of economic and legal professions and specialties in the field of international relations yet determined the current trend in the occupational preferences of young people.

Confidence in their ability to successfully enter a college or university was a key element for young people who have chosen the path of continuing education. The respondents estimated their chances to enter a higher educational institution right after school by a five-grade scale. «5» meant very high chances, «4» – just high, «3» – average, «2» – low, «1» – I have almost no chances, but I rely on good luck. Eight of ten people highly assessed their chances to enter a university. The average number for this variable reached 3.82. Among excellent students, that indicator was equal to 4.19, while for average students it equaled to 2.71. Girls performed better at school and had higher grades than boys.

70.4% were sure they would be able to get the planned profession, and 20.5% were not completely sure about that.

The authors defined that the most important determinants of educational aspirations of school students are the various aspects of their school performance. The most crucial was the academic performance by the school curriculum, although the additional hours with tutors, reading of fiction or other literature, learning the foreign languages,

computer skills, participation in olympiads and research projects have additional effects.

40.7 % of school graduates took part in olympiads and research projects. Another 24.4% would like to, but did not participate, 13.5% had no desire, and the rest did not answer the question.

Good performance at school was perhaps the strongest indicator of capabilities of the young people, being a powerful determinant of educational aspirations. The graduates worked hard to improve their results. Besides learning foreign languages, taking part in various contests and subject olympiads, they studied with tutors on one (13.3 %), two (6.5%), and three or more subjects (14.3%). 27.1 % of them studied with tutors from eight months up to one year, and another 46.6 % studied from four to eight months. They attended preparatory courses on one subject (6.1%), two (3.4%), and three or more subjects (14 % of students). Most of them studied with tutors from three to six months.

The students most often mentioned physics, geography, biology, and history as their favorite subjects in school, while maths was cited as a favorite subject 1.3 times more than the above mentioned subjects.

Those findings proved that the higher the educational aspirations are, the more often the computers are used for educational purposes. Boys more often than girls used the computers on a range of different tasks, they felt more comfortable using the computers and saw themselves more competent in the various forms of IT. These results showed that as a possible way to increase the scale of attraction of young people to education. In general, half of the respondents rated their usage level as «advanced», and 19.6 % as «professional.» Among rural students, almost two and a half times less advanced users than among urban students, and only 3.7 % identified themselves as «professionals».

One of the most strong factors that determine educational aspirations of the graduates (as well as in their later achievements) was the level of education of their parents. Those whose parents had no higher education more prone to study in college. To the contrary, those students whose parents had specialized secondary or higher education wanted to have even more than one diploma in comparison

to those whose parents had graduated only from school (Table 4). Parental socio-economic status affected the plans of graduates but had less influence than the parental support. There were some differences among the regions, rural students had lower educational aspirations and more rarely planned to go to a university in comparison to the urban students. Educational strategies of children from single-parent families were virtually indistinguishable from the strategies of those who had both parents.

Basis for success in life of young people included family, work, career, and material welfare. To reach those goals, young people had to work hard, learn and rise their educational level. A quarter of the respondents believed that «all means were good for success.» A number of those who linked a success in life with good education was several times less than the number of those who linked a success with a happy marriage and welfare of children, material welfare, longevity, and wellness. Most of young people recognized the importance of education for their future work and considered the university as a way for future developments. Such beliefs in the relevance of education were one of the strongest predictors of educational aspirations.

The main findings of the conducted empiric study show that the young students of Kazakhstan set high goals. Nearly all want to successfully finish school and show a pronounced tendency to continue their education at a university. There is a growing tendency of getting higher technical and economic education.

Parents play a key role in the educational strategy of young people, rather their socio-economic status, different parenting resources, such as cultural capital, educational resources and financial capabilities.

Other factors such as participation in extracurricular activities, academic self-confidence, also determine the educational strategy of graduates.

Access to information technologies is also an important factor. Those who often use information technologies in studying have higher aspirations. This link is more pronounced in boys.

Partial payment for the vocational education system does not have a pronounced effect on the intentions of graduates. The part of students who aim for higher education makes more efforts to learn.

Those who have more negative school experience have less wish to continue their education in a university or college.

Acknowledgements

The article has been prepared based on the results obtained under the project of granted scientific researches of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in 2013-2015 No. RK 1536 Grant Financing «Intellectual Capital of the youth as strategical resource of innovative development of society».

REFERENCES

Konstantinovskiy D., Voznesenskaya E., Cherednichenko G., & Hohlushkina F. (2011). Education and Life Trajectories of Youth: 1998. – 2008 Years. (pp. 14-33). p. Moscow.

Gorshkov M.K., Sheregi E. (2010). Russian youth: a sociological portrait. M. CSP.

Curtis Trent, James F. Johnson, (1977). The influence of students' values and educational attitudes on their evaluation of faculty. *Journal of Higher education*, 7, 117-125.

KAZAKİSTAN'DA GİRİŞİMCİLİK: KISA TARİHİ

Zh. Nurbekova,

Prof. Dr., El-Farabi Kazak Milli Universitesi

Kazakistan'da girişimciliğin gelişim sürecini oluşum yasalarıyla ilişkili olarak dört döneme ayırmak mümkündür.

Ulusal girişimciliğin ilk dönemi eskiçağa kadar uzanır. Eskiçağda Orta Asya büyük bir ekonomik merkez durumundaydı. İpek yolu gibi tek bir ticaret sisteminin oluşturulması şehirlerin büyümesine, esnaflığın gelişmesine yol açmıştır. Bu ise doğal ekonomi yerine meta-para ilişkilerinin ortaya çıkmasına neden olmuştur. Dolaysız ve dolaylı vergileri, devletin tekelciliğini, mükellefiyetini içeren bileşik bir sistem ortaya konulmuştur. İlk Türk Hakanlığı ile Bizans İmparatorluğu arasında ticari-diplomatik ittifak akdedilmiştir. İpek yoluna ismini veren ipek üretimi Çin'in yanısıra, en eski ve önemli merkezlerden biri olan Orta Asya'da da vardı. Çin ve Bizans İmparatorluğu arasındaki ticaretin ana yolu Orta Asya üzerinden (Kazakistan, Kırgızistan, Özbekistan, Doğu Türkistan (Batı Çin) geçmiştir[1].

Eski ticaret yolunun gelişimi Kazakistan halkının etnik-kültürel ve sosyo-psikolojik yapısında belli başlı izler bırakmıştır. 6. yüzyılda Çinli gezgin Suyan Dzan' coşkun anılarını anlatan notlarında çeşitli ülkelerden gelen tüccarlara dolu büyük şehir olan Taraz'dan bahsetmiştir). Avrupa tüccarları o zaman İpek yolundaki ticaretin bolluğundaki gibi ticareti hayal ediyorlardı. Eski yazı ve arkeolojik malzemeler bu şehrin pazar, zanaatçı ve dikiş atöyleler, süs eşyaları ve ağaç işlemlerini yapma v.s. işlerle meşhur olduğunu kanıtlamaktadır.

Taraz'da altın, gümüş ve bakırdan para yapılmıştır. Şehir yüzyıllar boyunca demir dışındaki metal sanayisinin önemli merkezlerinden biri olmuştur. Yapılan kazılar sonucunda şehirde inşaat ustalığını

gösteren mimari yapı kalıntıları bulunmuştur. Kazılarda bulunan ve ustaların hünerli elleriyle demirden, altından ve gümüşten yapılmış sayısız eşya gene bunu kanıtlamaktadır. Şehirde kervan saraylar, zanaat atölyeleri, ticarethaneler vardır. Taraz, 6 yüzyılda tüccar şehri olarak tanınmıştır. Altın Orda belgeleri, bu şehirde nüfus sayımının yapıldığını ve gümrük vergileri de dahil olmak üzere 100'den fazla vergi alındığını kanıtlamaktadır.

1347 yılında Janibek Han Gülistan şehrinde Venedik tüccarlarıyla buluşup, onların yeni ticari ilişkiler oluşturulması hakkındaki teklifini kabul etmiş ve bir ticaret anlaşması imzalamıştır. Böylelikle, ticaret ve finans sistemi gelişmiştir. «Kumanikus» kanunu – Büyük İpek Yolunda Türk ve Avrupa halklarının yakınlaşmasına yardımcı olan ilk belgedir. Bunun yanı sıra, bu belge ilk Türkçe-Latince ticari-ekonomik sözlük olarak kabul edilir. Böylece Büyük İpek Yolu; girişimcilik, meta-para ilişkileri, gümrük ve finans sistemi, idari düzen, kültür, kervan saray inşaatları, yabancıların katılımıyla gerçekleşen yeni şehirlerin oluşması gibi özellikleriyle Dünya Ticaret Örgütü'nün ilk ve özgün örneği olarak ortaya çıkmaktadır [2].

Girişimciliğin gelişimindeki ikinci dönem Kazakistan'da girişimcilik faaliyetlerinin gelişmesi ve toplumsal düzenin yetkin bir şekline geçmesi, özel mülkiyetin gelişimi, kapitalist sürecin hızlanması, toplumda piyasa ilişkilerinin dönüşümleri, toplumun sosyal yapısının tabakalaşmasıyla bağlantılıdır. Kazakistan coğrafyasında bulunan devletlerin tümü (Batı Türk, Türgeş, Karluk, Oğuz, Karahanlılar ve Kıpçaklar) karma ekonomiye sahipti. Hayvan yetiştiricisi arazi sahibi ile bitişik hayat geçiriyordu, bozkır ve şehir birbirini tamamlıyordu.

Kazak Hanlığı kurulduğunda, o coğrafyada gelişmiş ekonomik ilişkilere dayalı karma ekonomi sistemi mevcuttu.

19-20 yüzyılda Kazakistan'da kapitalist ilişkilerin geliştiği ve geleneksel ekonominin çürüdüğü kaydedilmiştir. Bu dönemde ticaret, özellikle deve koşumu, yün, göçebe çadırı, tahıl ve kumaşa dayanıyordu. Astarhan ve Orenburg şehirlerinden gelen Rusların resimleriyle süslenen eşyalar gibi mallarla ticarimübadeleler ve fuarlar kazak toplum hayatında önemli rol oynamaya başlamıştır.

19. yüzyılın ikinci yarısında ve 20. yüzyıl başında Kazakistan ekonomisi Rusya ekonomisinin bir parçası olmuştur. Kazak ülkesine kapitalist ilişkiler yoğun bir biçimde insanların eski, alışılmış hayat

tarzlarını kırıarak girmiştir. Bundan dolayı, Kazak toplumunda girişimcilikle uğraşan insanların psikolojisi ve davranışlarına ilgi artmıştır.

O dönemdeki ekonomik hayatın esintileri Abay'ın eserlerine de yansımıştır. Abay piyasa ilişkilerinin gelişiminde kendi halkının yüz yıllık geriliğini bırakıp evrensel medeniyete katılmasını sağlayacak tarihi avantajı görmüştür. Şaire göre, sadece piyasa ilişkileri emeğin paylaşılmasına, işbölümüne, ekonominin en ilerici biçimlerle gelişmesine, çiftçilik ve el sanatlarının geliştirilmesine yardımcı olmakta ve girişimciliğe özgürlük sağlamaktadır. [3, c. 68]. Fakat Abay açgözlü birikimine karşı olmuştur.

Girişimciliğin gelişimi hakkında düşünceler I. Altınсарin'ın görüşlerinde de önemli yer almaktadır. Yazar, sohbet şeklinde yazılan ibret verici hikayelerinde, tasarruf ve girişkenliğin propagandasını yapmıştır[4].

Ş. Valihanov da kendi eserlerinde, halkını yüz yıllık geriliği çabuk atlayıp sağlam maddi refaha kavuşmaya, toplumu ekonomi alanında reform yapmaya ve girişimcilik faaliyetlerini, kültürü ve demokratik düzeni geliştirerek ilerilemeye çağırılmaktadır. «Yargı reformu üzerine» adlı notlarında yazar, «Her bir insan ve bütün insanlık kendi gelişiminde tek bir amaçta ulaşmak istiyor – maddi refaha kavuşmak, bu aynı zamanda gelişmeyi kastetmektedir» demektedir[5].

Kazak halkı arasında girişimcilik fikirlerinin propagandasını yapılmasında 20. yüzyılda yayınlanan «Ауқап» dergisinin katkısı büyüktür. Dergide halk için olup biten değişikliklerin özünü açıklaması verilmiştir. Dergi yeni şartlarda kişinin sahip olması gereken girişkenlik, aktiflik ve inisiyatif gibi niteliklerin gelişmesini savunmuştur. Bu derginin makale yazarları büyük Kazak girişimcilerinin faaliyetlerini övmüşlerdir. Zira onların faaliyetlerinde Kazak milletinin yaşama gücünü görmüşlerdir.

Girişimcilik fikrini yaygınlaştırmada diğer bir merkez, 1913-1918 yıllar arası A. Baytursinov, A. Bukeihanov ve M. Dulatov'un çıkarttığı «Kazak» gazetesi olmuştur. Onlar yazılarında piyasa ilişkilerini savunmuştur. Gazete meta-para ilişkilerinin gelişmesi ve yoğun hayvancılığa geçiş ile ilgili soruları aydınlatmıştır.

Girişimciliğin gelişimindeki üçüncü dönemin özelliği, 1917 yılında Ekim devriminden sonra ve Sovyet devletinin oluşum sürecinde anti-piyasa politikasının gerçekleşmesidir. Toplumda girişimcileri

Sovyet devletinin düşmanı olarak tanıma fikri yayılmıştır. Kazakistan toplumunda özel arazi mülkiyetini kaldırma politikası bu dönemin en temel politikasıydı.

Yeni Ekonomi Politikası döneminde girişimciliğin canlanması yer almıştır. Bu dönemde zanaatın gelişimi kaydedilmiştir. Bunu 1921 yılında Tüm Rusya Merkezi Yürütme Komissariyat'ın «Besin ve hammaddelerin doğal vergilerle değişmesi hakkında» kararnamesi ve gene 1921 yılında Halk Komissariyatı Kurulu'nun «Değiş-tokuş hakkında» kararnamesi kanıtlamaktadır [6].

1937 yılı anayasasında piyasa üretimini kabul etme noktası ilgi çekmektedir. Anayasada başkasının çalıştırılması dışında tek başına zanaatçı yada köylünün özel işletmesi olmasına izin verilmiştir. Fakat özel mülkiyet olarak ek ev işlerine sahip olabilirlerdi.

O dönem özel girişimcilik faaliyetini kabul etmenin yanı sıra çeşitli tedbirler de getirilmiştir. Spekülatörler ve yasaklanan işletmeler ile ilgilenen kişileri, yani «yasa dışı» girişimcileri caydırma politikası izlendiğinin altını çizmek gerekir. Ne var ki, ülkede girişimciliğin gizli türleri ile yöntemleri de bulunmuştur.

1978 yılı anayasasında vatandaşların kendilerinin ve aile üyelerinin emeğine dayanan zanaat işletmesine, çiftçiliğe, kamuya sağlanan hizmetlere ve diğer faaliyetlerde bireysel işletme ile uğraşmaya izin verilmiştir. Anayasa ile vatandaşların kişisel mülkiyetinin temeli, çalışarak elde ettiği gelir olarak pekiştirilmiştir.

Vatandaşların kişisel mülkiyeti çalışmadan kazanç sağlayarak toplumun çıkarlarını zedeleyebilirdi[7]. Anayasa kabul edildikten sonraki dönemin özelliği, yasal olarak özel mülkiyete taviz gösterilmesi, hatta desteklenmesidir.

Girişimciliğin oluşumu analiz edildiğinde, başlangıç noktası olarak 80'li yıllarda Sovyet toplumunda sosyal enstitü sisteminin ortaya çıkışı alındığı görülmektedir. Sosyal enstitüler sistemi girişimciliğin oluşum ve gelişim hareketlerini belirleyecektir.

Devlet mülkiyetinin genel görünüşü anonimdir. Zira devlet, mülkiyeti kendi idaresi ile (bakanlıklar, devlet kurulu ile) uygulamaktadır. Zaman geçtikçe devlet mülkiyeti devlet kaynaklarının aslan payını kullanan idarelerin özel mülkiyetine dönüştürülmüştür [8, c. 53 – 54].

Üretimin özelleştirilmesi ve vatandaşların özel mülkiyete sahip olabilmesi ile nitelendirilen karma ekonomiye geçiş; piyasa

ilişkilerinin gelişimine, sivil toplum örgütlerinin oluşumuna, toplumda çok partililiğin çıkmasına, toplumun sosyal sınıflara bölünmesinden vazgeçilmesine, çok farklı siyasi, ekonomik, kültürel ve milli çıkarların göz önüne alınmasına neden olmuştur. Bu iddia tüm insanlara özgü değerlerdir.

O yıllarda küçük özel işletmelerden kurulan kooperatiflerin gözle görülür başarısı kaydedilmiştir. Sadece 2 sene içerisinde (1988-1989) kooperatiflerde çalışanların sayısı 137 kat (70 binden 1990 yılında 4,5 milyona kadar) artmıştır. Üretim hacmi 41 milyar rubleyi, yani GSMH %5'ni bulmuştur [8, c. 60–61].

1986-1990 yılları arası genel girişimcilik faaliyetinin yasallaştırılma dönemidir. İdari-yönetici sisteminin yıkılması uzun yıllar boyunca düzene giren geleneksel ekonomik ilişkilerin bozulmasına neden olmuştur. İktidarın geleneksel enstitüleri, pazar için üretilen kaynakların akımını yönetme kabiliyetini kaybetmiştir. Pazar altyapısı oluşmadan piyasa mekanizmasını çalıştırmak zorlaştırılmıştır. Kaynakları dağıtma süreci kendiliğinden oluyordu. Bundan dolayı Kazakistan'da girişimciliğin gelişimindeki dördüncü dönemi girişimciliğin yasallaştırılması ile nitelendirebiliriz. 1988 yılında «Kişisel çalışma faaliyeti hakkında» ve «İşbirliği hakkında» yasalar kabul edilmiştir. Bu dönemde özel sektör ile devletin birleştiği tutanaklar kabul edilmiştir.

1987-1991 yıllar arası kabul edilen bir dizi yasa ile girişimcilik için gerçek değişimler getirilmiştir. Yasaların özü, özel mülkiyetin devlet mülkiyeti düzeyinde haklara sahip olmasıydı. Bu dönem girişimciliğin en elverişli dönemi olarak sayılabilir. Örneğin, «İşbirliği hakkında» yasa, kişisel, ailece yada ortaklaşa kooperatif faaliyetleri ile uğraşmaya fırsat sunmuştur. Kooperatifler genelde devlet tesislerinde kurulup devlet mülkiyetlerini kullanmışlardır.

1992-1993 yıllar arası dönem girişimciliğin gelişiminin en hızlı olduğu ve insanların girişimcilikle en çok uğraştığı dönem olarak nitelendirilebilir. Girişimciliğin gelişimi, on yıllar boyunca birikmiş idari-yönetimsel kısıtlamaların kaldırılması, önemli kolaylıklar sağlayan vergi politikası ve devlet bütçesinden girişimcilere destek verilmesi sayesinde önem kazanmıştır. Bu dönemde ticaret ve hizmet alanında girişimcilikle çok uğraşan olmuştur. Aynı zamanda üretim sektöründe girişimcilikle uğraşanların sayısı azalmıştır.

Kabul edilen hukuki mevzuat girişimcilik faaliyetini düzenleyerek gelişimini sağlıyordu. «Özel girişimciliği koruma ve destekleme» kanunu girişimcilik faaliyetinin hukuksal sınırları ile koruma ilkelelerini ilan ediyordu.

Kazakistan Cumhuriyeti'nin Medeni Kanununda vatandaşların ekonomik faaliyetlerinde özgürlük sağlayan özel mülkiyete de yer verilmiştir. Özel mülkiyet son olarak «Mülkiyet hakkında» kanunda gösterilmiştir.

1993-1997 yılları arasında fiyatları liberalleştirme politikası ve vergi yükünün artması görülmüştür. Bu, enflasyon oranı ve banka kredi faizlerinin artmasına, birikmiş paraların değerinin düşüp genel üretimin gerilemesine neden olmuştur. Böylece işsiz kalan halk kendi işlerini yürütmek için gelir kaynağı bulmaya mecbur kaldı. O dönem girişimcilik karaborsadan temin edilen kaynak ile küçük ticari işletmeler kurulmasıydı.

Genel olarak halkın yoksullaşmasına rağmen, memurların rüşvet alan kısmı, kriminal sistemindeki üyeler, dolandırıcılar hızla zenginleşmeye başlamıştır. Dolayısıyla, toplumun maneviyatını bozulmuştur. Çabuk değişen şartlarda girişimcilik faaliyetleri insanlar için çekici olmuyordu. Bu yıllar «şok tedavisinin» sonuçları olarak nitelendirilebilir. Buna rağmen ekonomik altyapıyı, üretim ve banka sistemini özelleştirme amacıyla gerçekleşen gizli özelleştirme çok daha erken başlamıştır. 1988-1993 yıllar arası bakanlık yerine konsorsiyumlar, devlet bankaları yerine ticari bankalar, borsalar ve büyük alış veriş merkezleri oluşturulmuştur [9].

Özelleştirme yasası antitekelci mevzuatla birlikte gelişmiştir. «Rekabetin gelişmesi ve tekelci faaliyetin sınırlanması hakkında» KazSSC yasasına göre Kazakistan Cumhuriyeti'nin antitekelci politikasına dair Resmi kurul kurulmuştur.

Sonuç olarak, girişimcilik ekonominin devletten ayrı çalışmasına, devlet ekonomisinin kolektif, kişisel ve özel ekonomi olarak dönüşmesine yardımcı olmuştur. Girişimcilik tüm sosyal ilişkileri, mülkiyetle ilgili ilişkileri yeniden yapılandırmıştır. Girişimciler, sahip olduğu üretim araçlarını kendiliğince yönetebilme fırsatına sahip olan mülk sahipleridir. Girişimci kendi iş yerinde hem iş veren, hem organizatör rolünü üstlenebilir. Girişimcinin geliri, çalışma neticesi ile kalitesine, kolektifin ortaklaşa yapılan çalışma sonuçlarına ve işçinin mülk büyüklüğüne bağlıdır.

КАУНАҚСА

1. Absemetov M. Torgovli i tamojennoe delo na Velikom Şelkovom puti // Worlddiscovery. – 2004. -№ 1 (4). – С. 110.
2. Cunusbaev С. Sossyal’no-ekonomicheskie polojenie Kazakistana v konse 19 – nachale 20 vv. // Poisk. – 2005. – № 1 (2). – С. 199.
3. Beisembiev K. Mirovozzrenie Abaya Kunanbaeva. – Alma-Ata: İzdatel’stvo Akademii Nauk KazSSR, 1956. – 170 с., – С. 72.
4. Altinsarin I. Tandamalı Şıgarmalar. – Almatı: Gılım, 1994. – 287 б., – 147 бб.
5. Valihanov Ç. O musul’manstve v stepi // Суббота. – 2004. – 17 января. – С. 30.
6. Prezidium Vserossiiskogo Sentral’nogo İspolnitel’nogo Komiteta. Osnovnoizakon o trudovızmzemlepol’zovanii v Kirrespublike. Postanovlenieot 26 avgusta 1922 g // **Sobranie ukazov Kazahsakoı Avtonomnoi Sovetskoi Sossialisticheskoi Respubliki.** – 1921. – № 59. – С. 403.
7. Muhamedjanov B., İsenov M. Malıy biznes trebuet uvajeniya// Kazahstan: Ekonomika i jizn’. 1996. – № 2. – С. 10.
8. Radaev V., Şkaratan O. Vlast’ i sobstvennost’ // Socis. – 1991. – № 1. – С. 50–61
9. Kırıřtanovskaya O.V. Finansovaya oligarhiya v Rossii // İzvestiya. 1996. – 10 yanvarya.

Түйін

Автор кәсіпкерліктің даму және қалыптасу үрдісінің динамикасы мен мінездемесіне әлеуметтік институттар жүйесінің трансформация әсеріне талдау жасайды. Қазақстанда кәсіпкерліктің институтционализациялау үрдісін төрт этапқа бөліп, оның даму заңдылығымен тығыз байланыстырып қарастыруға болады.

Резюме

Автор анализирует влияние трансформации системы социальных институтов на характер и динамику процесса становления и развития предпринимательства. Процесс институционализации предпринимательства в Казахстане можно условно разделить на четыре этапа, которые тесно связаны с закономерностями его становления.

**Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Философия, саясаттану және дінтану
институты туралы мәлімет**

Институт 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 21 ғылым докторы, 12 ғылым кандидаты, 2 PhD докторы, 9 PhD докторанты ғылыми-зерттеу жұмыстарымен айналысады. Институт 2012–2014 жылдарға арналған «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша гранттық қаржыландыру шеңберінде 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындайды, «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеу жұмыстарын, 2013-2015 жылдарға арналған Тақырыптық жоспар аясында зерттеулер жүргізеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт ҚР БҒМ Білім және ғылым саласындағы бақылау комитеті ұсынған екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан

бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады. Институт Ресейдің, Беларусьтің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ң, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның, Тәжікстанның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу орталықтарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, ХБА және т.б. жетекші қазақстандық жоғары оқу орындарының магистранттары мен PhD докторанттары тағылымдама мен зерттеу тәжірибесін өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,

Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)

Тел.: +7 (727) 272-59-10

Факс: +7 (727) 272-59-10

E-mail: iph@iph.kz

<http://www.iph.kz>

**Информация об Институте философии,
политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан**

Институт был образован в феврале 1999 г. на базе созданного в 1958 г. Института философии и права, преобразованного в 1991 г. в Институт философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 21 доктор и 12 кандидатов наук, 2 доктора PhD и 9 докторантов PhD. В Институте на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны» выполняется 24 НИПа в рамках грантового финансирования, ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Гылыми қазына», проводятся исследования в рамках Тематического плана на 2013–2015 годы.

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по вопросам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов), «Мировое философское наследие» (20 томов), а также «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.), рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК. Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, круглые столы, семинары, дискуссионные площадки, в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно сотрудничает с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России, Белоруссии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран.

На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и исследовательскую практику магистранты и докторанты PhD ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, МАБ и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010
Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)
Тел.: +7 (727) 272-59-10
Факс: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
<http://www.iph.kz>

Information about the Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

The Institute was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was renamed to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute as a public research institution are conducting of philosophical world outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and socialpolitical development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, 1 academician, 2 correspondent member of National Academy of Science of RK, 21 doctors of Science, 12 candidates in science, 2 Phd Doctor on Political Science and 9 PhD student are conducting research works. 24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012–2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific research program «Gilymy kazyna» are being carried out in the Thematic Plan for 2013-2015.

Institute employees publish the monographies and articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the Institute is determined by the demand for scientific articles in rating journals of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» State Program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» – al-Farabi, twenty volumes «World philosophical heritage», twenty volumes «The Philosophical Heritage of the Kazakh nation», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» recommended by the Committee for Control of Education and Science of

RK that been published since 1999 and 2003. The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, «round tables», where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also many scientists from foreign countries are participants. Institute has cooperation with scientific-research centers of Russia, China, Germany, the USA, Turkey, France, the Great Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR&WL, IAB and others are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

Kurmangazy Street, 29 (3rd floor)
Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan
Phone: +7 (727) 272-59-10
Fax: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz

Қазақстан әлеуметтанушылары қауымдастығы

Қазақстан әлеуметтанушыларының қауымдастығы – социогуманитарлық бағыттағы ғалымдарды біріктіру мақсатында құрылған тәуелсіз кәсіби бірлестік. **2012 жылғы 17-18 мамырда Қазақстан әлеуметтанушыларының алғашқы конгресінде құрылды.** 2003 жылғы наурыздан бастап ҚӘҚ Әлеуметтанушылардың халықаралық қауымдастығының (ISA) тұрақты мүшесі.

Директор – Шәукенова Зарема Кәукенқызы, ә.ғ.д., профессор

ҚӘҚ жоғары органы Қазақстан әлеуметтанушыларының конгресі болып табылады.

Қауымдастықтың стратегиялық мақсаты елдегі әлеуметтанулық қоғамдастықтың интеллектуалдық және ғылыми-ұйымдастырушылық әлеуетін ашу болып табылады.

Қауымдастық ғылыми зерттеулерге белсене қатысады, әлеуметтік және саяси өлшемдердің әдіснамасы мен әдістемесін, заманауи қазақстандық қоғамдағы үрдістерді жетілдіру жөніндегі жұмыстарды жүзеге асырады.

Жүзеге асырылған жобалар:

1. «Қазіргі Қазақстан қоғамындағы әлеуметтік құрылым» атты Халықаралық ғылыми-практикалық конференция (Астана, 2003).

2. «Қазақстандағы модернизациялық реформалардың тәжірибесі» атты Халықаралық ғылыми-практикалық конференция (Алматы, 2003).

3. «Сайлау науқанының менеджменті» Халықаралық жаздық университет (Алматы, 2004).

4. «Жаһандану және социомәдени бейімделу мәселелері» Қазақстан әлеуметтанушыларының екінші конгресі (Астана, 2005)

5. «Әлеуметтанулық зерттеулер және инновациялық даму» Қазақстан әлеуметтанушыларының үшінші конгресі (Алматы, 2008)

6. «Азаматтық қоғам және 21 ғасырдағы әлеуметтік прогресс» Түркі тілдес елдер әлеуметтанушыларының екінші конгресі (Алматы, 2008)

7. «Қазақстан және Түркия ғалымдарының ғылыми-мәдени ынтымақтастығы» атты Халықаралық ғылыми конференция (Стамбул, 2009).

8. «Қазақстан қоғамының әлеуметтік жаңғыруы: жетістіктер, проблемалар және перспективалар» атты Қазақстан әлеуметтанушыларының төртінші конгресі (Алматы, 2011)

9. Қазақстан әлеуметтанушылары қауымдастығының жас әлеуметтанушыларының бірінші форумы (Алматы, 2011)

10. «Қазіргі заманғы әлеуметтанулық дискурстегі қазақстандық білімнің жаңғыруы» атты I Әженов оқулары Халықаралық ғылыми конференция (Алматы, 2012)

11. «Башқұртстан мен Қазақстанның әлеуметтік кеңістігінің мәселелері мен даму перспективалары» атты дөңгелек-үстел, Башқұртстан әлеуметтанушыларының қауымдастығымен және РФ Башқұртстан Республикасының Қазақстан Республикасындағы өкілеттілігімен бірлесе ұйымдастырылды (Астана, 2013)

12. Әлеуметтану бойынша мемлекеттік тілдегі алғашқы оқулық әзірленіп, баспадан шықты (2005).

13. Қауымдастық жас әлеуметтанушы ғалымдар үшін арнайы шәкіртақыларды құрды. Ең алғашқы табысталу 2003 жылы күзде Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінде өтті

14. Қазақстандық «САЯСАТ-Policy» журналының әлеуметтанулық тақырыпқа арналған төрт арнайы нөмірі шықты (№ 4-2003, № 7-2007, № 4, 5 - 2008 год).

15. 2009 жылдан бастап Қауымдастық «Әлеуметтану sociology» еларалық ғылыми-талдамалық журналдың негізін құрды.

16. Түркістан, Қарағанды, Ақтөбе, Талдықорған, Өскемен қалаларында өңірлік әлеуметтанулық мектептер өткізілді.

17. Жыл сайынғы ауқымды және толық әлеуметтанулық зерттеулер жүргізеді:

- «Қазақстан Республикасындағы адам құқықтары» (БҰҰДБ және ҚР Президенті жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссиямен бірлесіп) (2008);

«Студент жастардың өзекті мәселелерін және олардың шешу жолдарын зерделеу» (2009);

- ҚР Президентінің жыл сайынғы Қазақстан халқына Жолдауын жүзеге асыру мәселелері бойынша қоғамдық пікірді зерттеу (тоқсан сайынғы мониторинг) (2011);

- Алматы қаласы халқының этносаралық келісім мәселелерін зерделеу (2011);

- Алматы қ. бойынша әлеуметтанулық зерттеу «Тәуелсіздіктің 20-жылдығы қарсаңындағы Қазақстан дамуының негізгі нәтижелері: алматылықтардың пікірі» (2011);

- Алматы қаласындағы қоғамдық-саяси ахуалдың мониторингі: саяси партиялар мен қоғамдық бірлестіктер көшбасшыларының рейтингі – тоқсан сайынғы зерттеу (2011, 2012);

- Қазақстан Республикасы бас прокуратурасы органдарының қызметін бағалау (2012).

18. «Евромонитор» және «Тюркбарометр» жобаларына қатысу.

ҚӘҚ іс-шараларын ұйымдастыру мен өткізуге мемлекеттік органдар – ҚР Президенті Әкімшілігі, ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігі, ҚР Білім және ғылым министрлігі; оқу орындары – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Ясауи атындағы Қазақ-түрік университеті, өңірлік университеттер; халықаралық ұйымдар – «Сорос-Қазақстан» қоры, Қазақстандағы ЕЫҚҰ өкілдігі, Қазақстандағы БҰҰДБ өкілдігі, зерттеу құрылымдары көмектеседі.

Қазақстан әлеуметтанушылары қауымдастығы Түркияның, Әзербайжанның, Ресейдің аталмыш құрылымдарымен ынтымақтастық орнатқан. Қауымдастықтың өкілдері халықаралық конгрестерге, конференцияларға, дөңгелек үстелдерге қатысады.

Ассоциация социологов Казахстана

Ассоциация социологов Казахстана – независимое профессиональное объединение, созданное с целью консолидации ученых социогуманитарной направленности. **Учреждена на первом Конгрессе социологов Казахстана 17–18 мая 2002 года.** С марта 2003 года АСК – постоянный член Международной ассоциации социологов (ISA).

Директор – Шаукенова Зарема Каукеновна, д.с.н., профессор.

Высшим органом АСК является Конгресс социологов Казахстана.

В качестве своей стратегической цели Ассоциация ставит раскрытие интеллектуального и научно-организационного потенциала социологического сообщества страны.

Ассоциация активно участвует в научных исследованиях, проводя работу по совершенствованию методологии и методики социальных и политических измерений, процессов в современном казахстанском обществе.

Реализованные проекты:

1. Международная научно-практическая конференция «Социальная структура современного казахстанского общества» (Астана, 2003).

2. Международная научно-практическая конференция «Опыт модернизационных реформ в Казахстане» (Алматы, 2003).

3. Международный летний университет «Менеджмент избирательной кампании» (Алматы, 2004).

4. Второй конгресс социологов Казахстана «Глобализация и вопросы социокультурной адаптации» (Астана, 2005).

5. Третий конгресс социологов Казахстана «Социологические исследования и инновационное развитие» (Алматы, 2008).

6. Второй конгресс социологов тюркоязычных стран «Гражданское общество и социальный прогресс в 21 веке» (Алматы, 2008).

7. Международная научная конференция «Научно-культурное сотрудничество ученых Казахстана и Турции» (Стамбул, 2009).

8. Четвертый конгресс социологов Казахстана «Социальная модернизация казахстанского общества: достижения, проблемы и перспективы» (Алматы, 2011).

9. Первый Форум молодых социологов Ассоциации социологов Казахстана (Алматы, 2011).

10. Международная научная конференция I Аженовские чтения «Модернизация казахстанского образования в современном социологическом дискурсе» (Алматы, 2012).

11. Круглый стол «Проблемы и перспективы развития социального пространства Башкортостана и Казахстана», организован совместно с Ассоциацией социологов Башкортостана и представительством Республики Башкортостан РФ в Республике Казахстан (Астана, 2013).

12. Подготовлен и издан первый учебник по социологии на государственном языке (2005).

13. Ассоциация учредила специальные стипендии для молодых ученых социологов. Первое вручение состоялось осенью 2003 года в Казахском национальном университете им. аль-Фараби.

14. Издано четыре специальных номера казахстанского журнала «САЯСАТ-Полісу», посвященных социологической тематике (№4-2003, №7-2007, № 4,5 - 2008 год).

15. С 2009 года Ассоциацией учрежден межстрановой научно-аналитический журнал «Әлеуметтану sociology».

16. Проведены региональные социологические школы в гг.Туркестан, Караганда, Актюбинск, Талдыкорган, Усть-Каменогорск.

17. Ежегодное проведение полномасштабных социологических исследований, например:

– «Права человека в Республике Казахстан» (совместно с ПРООН и Комиссией по правам человека при Президенте РК) (2008);

– «Изучение актуальных проблем студенческой молодежи и пути их решения» (2009);

– Изучение общественного мнения по вопросам реализации ежегодного Послания Президента РК народу Казахстана (ежеквартальный мониторинг) (2011);

– Изучение проблем межэтнического согласия населения города Алматы (2011);

– Социологическое исследование по г. Алматы «Основные итоги развития Казахстана в преддверии 20-летия независимости: мнение алматинцев» (2011);

– Мониторинг общественно-политической ситуации в городе Алматы: рейтинг лидеров политических партий и общественных объединений – ежеквартальное исследование (2011, 2012);

– Оценка деятельности органов генеральной прокуратуры Республики Казахстан (2012).

18. Участие в проектах «Евромонитор» и «Тюркбарометр».

Содействие в организации и проведении мероприятий АСК оказывают государственные органы – Администрация

Президента РК, Министерство культуры и информации РК, Министерство образования и науки РК; учебные заведения – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахско-турецкий университет им. Яссауи, региональные университеты; международные организации – фонд «Сорос-Казахстан», представительство ОБСЕ в Казахстане, Представительство ПРООН в Казахстане, исследовательские структуры.

Ассоциация социологов Казахстана наладила сотрудничество с аналогичными структурами Турции, Азербайджана, России. Представители Ассоциации принимают участие в международных конгрессах, конференциях, круглых столах.

Association of Sociologists of Kazakhstan

Association of Sociologists of Kazakhstan – is an independent professional association created to consolidate scientists with socio-humanitarian focus. **It was established on the First Congress of Kazakhstan Sociologists on May 17-18, 2002.** Since March, 2003, AKS is a permanent member of the International Sociologists Association.

Director – Shaukenova Zarema Kaukenova, PhD in Sociology.

The supreme organization of the AKS is the Congress of Kazakhstan Sociologists.

As its strategic goal Association puts the growth of intellectual, scientific and institutional capacity of the country's sociological community.

Association is actively involved in scientific research, working for the improvement of methodology and techniques to measure the social and political processes in a contemporary Kazakh society.

Completed projects:

1. International scientific-practical conference «Social structure of modern Kazakh society» (Astana, 2003).

2. International scientific-practical conference «Modernization reforms experience in Kazakhstan» (Almaty, 2003).

3. International Summer University «Political campaign management» (Almaty, 2004).

4. Second Congress of Kazakhstan Sociologists «Globalization and socio-cultural adaptation issues» (Astana, 2005)

5. Third Congress of Kazakhstan Sociologists «Sociological research and innovative development» (Almaty, 2008)

6. Second Congress of the Turkic-speaking countries' sociologists «Civil society and social progress in the 21st century» (Almaty, 2008)

7. International Scientific Conference «Scientific and cultural cooperation of scientists from Kazakhstan and Turkey» (Istanbul, 2009)

8. Fourth Congress of Kazakhstan Sociologists «Social modernization of Kazakhstan's society: achievements, problems and perspectives» (Almaty, 2011)

9. The First Forum of Young Sociologists from the Association of Sociologists of Kazakhstan (Almaty, 2011)

10. International Scientific Conference «First readings in Azhenov» - «Modernization of Kazakhstan education in contemporary sociological discourse» (Almaty, 2012)

11. Round table «Problems and perspectives of the social space development in Bashkortostan and Kazakhstan», organized jointly with the Association of Bashkortostan Sociologists and the Mission of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation in the Republic of Kazakhstan (Astana, 2013)

12. The first sociology textbook in Kazakh state language was developed and published (2005).

13. Association established special scholarships for young sociologists. The first presentation was held in the fall of 2003 at the Al-Farabi Kazakh National University.

14. Four special issues of Kazakhstan magazine «SAYASAT-Policy», dedicated to sociological topics were published (№ 4-2003, № 7-2007, № 4,5 - 2008).

15. Since 2009, the Association established a multi-country research and analytical magazine «Әлеуметтану социология».

16. The regional sociological schools were conducted in cities like Turkestan, Karaganda, Aktobe, Taldykorgan, Oskemen

17. Annual full-scale sociological research, for example:

- «Human Rights in the Republic of Kazakhstan» (in collaboration with UNDP and the Commission on Human Rights under the President of RK) (2008);

- «Research of current students' problems and its solutions» (2009);

- Public opinion research on the implementation of the Annual President's address (quarterly monitoring) (2011);

- Research on issues of multiethnic relations among the population of Almaty(2011);

- Sociological research on Almaty «Central results of Kazakhstan development on the eve of the 20th anniversary of independence: the opinion of Almaty citizens»(2011);

- Monitoring the socio-political situation in Almaty: Rating among the leaders of political parties and public associations - a quarterly survey (2011, 2012)

- Activity Assessment of the General Prosecutor of the Republic of Kazakhstan (2012).

18. Participation in projects «Euromonitor» and «Turkobarometer»

Assistance in organizing and conducting AKS events come from public authorities - Administration of the President of Kazakhstan, the Ministry of Culture and Information, Ministry of Education and Science; educational

institutions - Al-Farabi Kazakh National University, Lev Gumilev Eurasian National University, Yassauï Kazakh-Turkish University, regional universities; international organizations such as «Soros-Kazakhstan» foundation, the OSCE Office in Kazakhstan, UNDP Kazakhstan, research structures.

Association of Kazakhstan Sociologists established cooperation with their counterparts from Turkey, Azerbaijan, Russia. Association representatives often participate in international congresses, conferences and round tables.

Научное издание

**Түркітiлдес елдер әлеуметтанушыларының
V Конгресс материалдарының жинағы
TҮРКІТІЛДЕС ЕЛДЕР ДАМУЫНЫҢ
ҰЛТТЫҚ СТРАТЕГИЯЛАРЫ**

**V Türk Dünyası Sosyologlar Birliği Kongress materyalleri
TÜRK DÜNYASI ULUSLARARASI
STRATEJİNİN GELİŞTİRİLMESİ**

**Сборник материалов V Конгресса социологов
тюркоязычных стран
НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН**

**NATIONAL STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT
OF TURKISH-SPEAKING COUNTRIES
Collection of materials of the V Congress of Sociologists
of Turkic-speaking countries**

**Баяндама авторларының стилистикасы мен орфографиясы сақталған
Стилистика и орфография авторов докладов сохранены**

Компьютерный дизайн и верстка *Г. Нусипова*

Подписано в печать 09.04.2014.
Формат 60x90 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 36,65. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «ИП Волкова Н.А.»
г. Алматы, пр. Раймбека, 212/1.